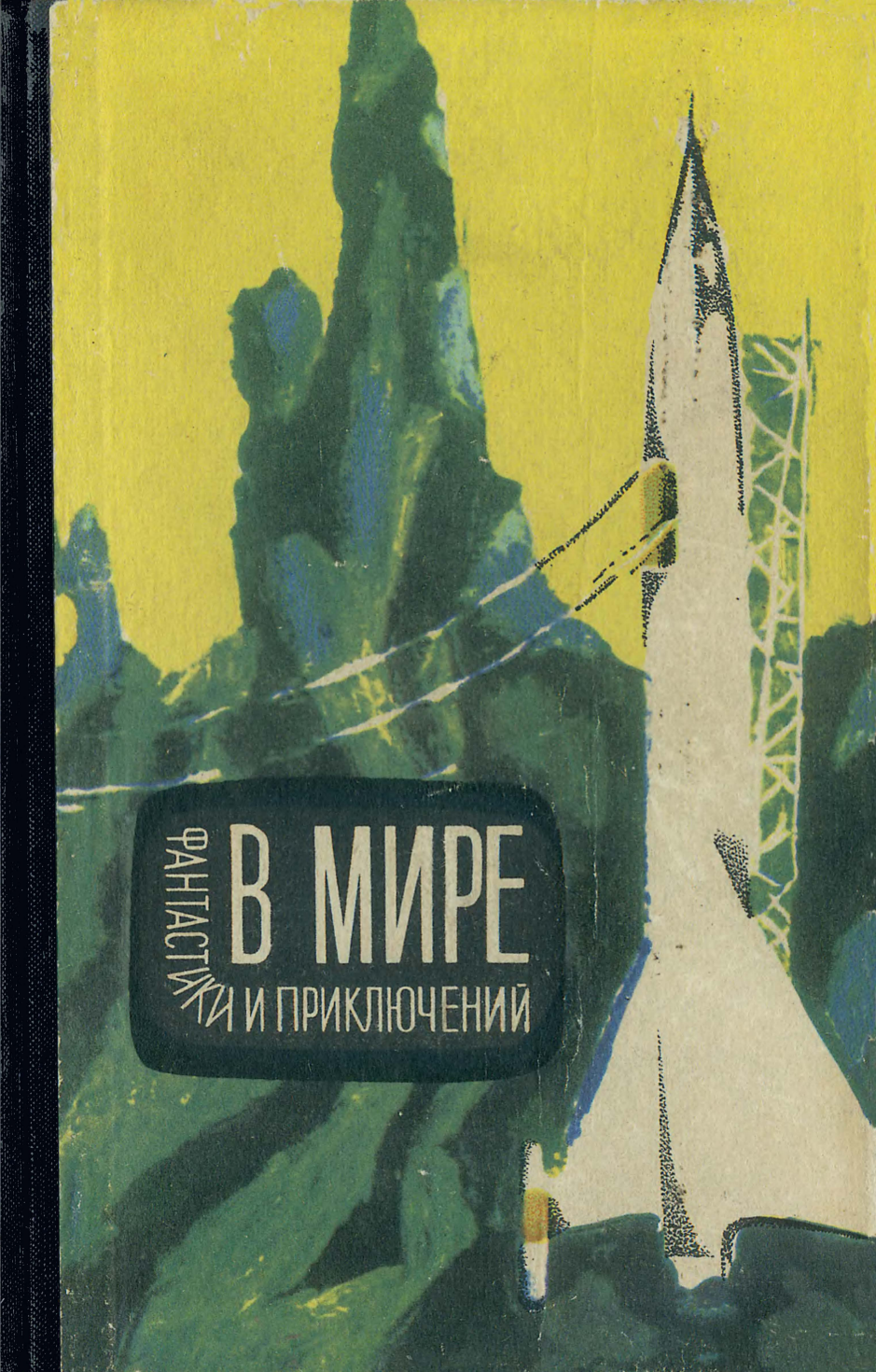

В МИРЕ ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

В МИРЕ ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

1964
Лениздат

8
В МИРЕ
ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ
8

Художник
Эдди Мосев

ПРЕДИСЛОВИЕ

Писательница Ада Ч., разочаровавшись в космической фантастике (тема заезженная, да и никого теперь этим не удивишь!), решила заняться сочинением романов о загадочных явлениях в нашей повседневной жизни, которые не поддаются научному объяснению.

Но с чего начать? Ну, конечно, с изучения нового материала. И тут на помощь Аде Ч. приходят самые авторитетные астрологи, хироманты, оккультисты, теософы, спириты, дипломированные звездочеты, френологи, натуропаты, кристаллоскописты — всевозможные мастера гадания, предсказатели судьбы, апостолы веры в общение с потусторонними силами. Игра стоит свеч! Небольшая затрата времени, некоторое напряжение мысли, и Ада Ч. обретает животворный источник вдохновения. Какая бездна великолепных тем и сюжетов! Чего стоит, например, «феномен пси», основанный на телепатической информации, или так называемая «психометрия», которая, как утверждают знатоки, выражается в способности узнавать по предметам мельчайшие подробности биографии обладателя предмета, или еще такой феномен, как беспричинное буйство вещей — «палтергейст», интересующий в особенности спиритов! А не написать ли роман о «гремлинах» — маленьких злобных духах, имеющих обыкновение жить и размножаться в двигателях самолетов, автомобилей и мотоциклов? Но если бы Ада Ч. захотела взять на вооружение «уфологию» — учение о таинственных летающих предметах, — то смогла бы получить консультацию у самого Джорджа Адамского, которому посчастливилось вступить в непосредственное общение с посланцами Венеры — маленькими желеобразными человекоподобными существами свинцового цвета, прилетевшими на Землю в круглом сосуде...

Не подумайте, что все эти таинственные «учения» — плод

воображения автора-фантаста. Речь идет о весьма доходном деле — об одной из отраслей современного американского бизнеса. «Тайновидение» занимает далеко не последнее место в духовной жизни Соединенных Штатов. Именно об этом подробно и с глубоким знанием фактического материала рассказывает Роман Ким в своем блестящем памфлете «Кто украл Пуннакана?».

Оккультисты всех мастей и рангов выполняют особые задания своих хозяев в войне против материализма и коммунизма. Служит этому и художественная литература. Идя навстречу «социальному заказу», американские издатели выбрасывают на книжный рынок огромное количество романов под рубрикой «фантазия». В этих книгах «раскрываются» тайны потустороннего мира, вводятся в действие могущественные сатанинские силы, призрачные властители звездных систем и галактик и прочий мистический вздор. Авторами таких произведений, напоминающих давно уже забытые романы русской оккультистки г-жи Крыжановской, нередко являются магистры астрологии, доктора оккультных наук и преуспевающие спириты.

Реакционная сущность такого рода беллетристики настолько обнажена, что не требует комментариев. Сложнее обстоит дело с произведениями, которые выдаются за научно-фантастические. За исключением немногих прогрессивных писателей вроде Рея Бредбери американские фантасты создают картины будущего мира, отталкиваясь от реакционных социальных и философских учений. Природа против разума, беспомощность человека перед беспощадными силами мироздания, неумолимыми и неотвратимыми, как фатум, — так можно определить одну из самых распространенных тем, которой посвящены сотни романов, повестей и рассказов. Приведем только несколько характерных примеров.

В 1961 году в Лондоне и одновременно в Нью-Йорке вышел роман Брэйана Элдиса «Долгие сумерки Земли». Писатель использует отвергнутую наукой астрономическую гипотезу о разогревании Солнца. Яростно пылающее светило постепенно уничтожает все живое на Земле. Низкорослые, зеленокожие существа с дикарскими обрядами — всё, что осталось от человечества, — прячутся в дуплах деревьев. Нет ни городов, ни селений. Память о прошлом утеряна. Единственное орудие труда — палка и камень.

Не сулит ничего хорошего людям и роман молодого английского писателя Баларда «Потонувший мир» (Лондон, 1963). Эксплуатируя ту же астрономическую гипотезу, автор возвращает Землю к триасовой эпохе. Растопленные солнцем ледяные шапки полюсов поднимают уровень мирового океана. Значительная часть суши находится под водой, а уцелевшая — заросла миазматиче-

скими джунглями. Цивилизация постепенно угасает, хотя люди еще пытаются, правда без большого успеха, бороться за существование. Сюжет романа связан с историей одной археологической экспедиции, пытающейся на месте потонувшего Лондона найти какие-нибудь материальные ценности.

Если в этих романах человечество погибает по не зависящим от него причинам, то в целой серии других, порожденных военным психозом и термоядерной истерией, цивилизация уничтожается в результате опустошительных тотальных войн.

Пол Андерсон в рассказе «Прогресс» (Нью-Йорк, 1961) как раз и изображает жизнь на Земле спустя несколько столетий после последней мировой войны, которая каким-то чудом не коснулась коренных жителей Новой Зеландии — маорийцев. Став лидирующей нацией, они искусственно способствуют разъединению народов, раздроблению государств и препятствуют развитию тяжелой промышленности даже там, где это возможно. Когда в Индии под руководством браминов, опять занявших ведущее положение, заново открывается атомная энергия, группа маорийцев тайно разрушает «первый» атомный реактор. «Слава богу! Мы имели уже однажды высокую технику и знаем, к чему она приводит!» С точки зрения маорийцев, а может быть и самого автора, человечеству для благополучия и счастья вполне достаточно парусных судов, ветряных мельниц и приливных электростанций, чудом сохранившихся от прошлого...

А вот Самюэль Делени, автор романа «Драгоценности Эптора» (Нью-Йорк, 1962), заглянув на полторы тысячи лет вперед, нашел на нашей бедной Земле переродившихся, вследствие многочисленных мутаций, людей и чудовищных животных, возникших тоже в результате радиоактивных излучений. Само собой разумеется, что от цивилизации почти ничего не осталось. Вместо науки — идолопоклонство и магия. Разрозненные микроскопические государства ведут между собой бесконечные бессмысленные войны.

В 1962—1963 годах на страницах журнала «Аналог» был напечатан роман «Викинги пространства» популярного американского фантаста Бима Пайпера. Чего только тут нет! Колонизация звездных систем, пиратские набеги на планеты, приключения в космосе героя-супермена, носящего звучное имя — барон Траск оф Траскон, борьба с демагогом, установившим фашистскую диктатуру на планете Мардук, преследование по галактическим трассам похитителя невесты героя и так далее и тому подобное. Но за всем этим калейдоскопом ошеломительных событий неизменным остается одно — война всех против всех. Этот роман, написанный опытной рукой и рассчитанный на самого широкого потребителя, в данном

случае интересует нас лишь постольку, поскольку автор выражает в нем свои политические воззрения. Буржуазная демократия, по мнению Пайпера, окончательно выродилась и дискредитировала себя. Она порождает фашистскую диктатуру. Какой же выход? И тут фантазия Пайпера обращается к далекому прошлому. Во всей вселенной торжествует военно-феодальный строй раннего средневековья, с иерархической лестницей от выборного короля межпланетных викингов до рядового дружинника-пирата.

Фантастика в этих произведениях устремлена не вперед, а назад, не к будущему, а к прошлому. Исторический фатализм становится как бы защитной реакцией идеологов старого мира и сводится в конечном счете к проповеди бесцельности борьбы народов за социальный прогресс, за свое лучшее будущее.

Из памфлета Романа Кима «Кто украл Пуннакана?» можно вынести представление о направленности не только современной американской фантастики, но и шпионско-детективной литературы, которая откровенно подчинена задачам идеологической диверсии против Советского Союза и социалистических стран.

Вот что говорит один из персонажей этой повести, прогрессивный журналист Хилари:

«Шпионский детектив — очень действенное оружие в психологической войне, сфера его влияния и сила воздействия поистине огромны. Мне непонятно одно: почему советские детективные писатели не отвечают Флемингу и его коллегам? Почему уступают без боя книжные рынки зарубежных стран? Ведь советским авторам не надо придумывать похождений вымышленных шпионов. Они могут рассказывать о реальных «подвигах» американских и английских разведчиков — о «полосатом заговоре» в Сирии, о махинациях Кохрена, Камминга и Аллисона в Индонезии, Доновена в Таиланде, Бэйрда на Цейлоне, Кеннона в Японии, Тимберлейка в Конго, Пьюрифоя в Гватемале и так далее. Советским авторам не надо высасывать факты из пальца, как это приходится делать авторам англо-американских шпионских боевиков».[1]

Этот справедливый упрек можно отнести и к советской научной фантастике. Ведь в нашей литературе такое острое и действенное оружие в борьбе с враждебной идеологией, как фантастический памфлет, — явление крайне редкое. Среди писателей постоянно и успешно работающих в этом жанре, широкую популярность снискали пока только двое — Л. Лагин и Роман Ким. Познакомившись

[1] Флеминг — автор антисоветских шпионско-детективных романов. Остальные, упомянутые Р. Кимом, — дипломаты-разведчики, организаторы шпионских заговоров и государственных переворотов.

с памфлетом «Кто украл Пуннакана?», читатели убедятся, что Роман Ким является не только мастером увлекательной фабулы, но и отличным знатоком закулисных сторон повседневной деятельности организаторов и пропагандистов психологической войны.

Современной американской действительности посвящен также представленный в нашем сборнике фантастический памфлет А. Шалимова «Всё началось с Евы. » До сих пор А. Шалимов был известен читателям как автор приключенческо-фантастических повестей и рассказов. Сейчас он впервые и, как нам кажется, успешно выступает в новом для него жанре. Взяв за основу допущение о возможности создания и массового производства совершенного кибернетического робота «Ева», ничем не отличающегося от женщины во плоти и крови, писатель выводит отсюда все мыслимые последствия. Этот сюжет позволяет ему довести до гротеска и логического абсурда изображение наиболее типичных сторон американского образа жизни. В борьбу за и против кибернетических «Ев» втягиваются конкурирующие фирмы, политические партии, профсоюзы, печать, радио, телевидение. Духовные пастыри, сенаторы и адвокаты произносят громовые речи, создаются новые философские учения, возникает целая сеть пропагандистских организаций для обработки умов и душ, используются все формы рекламы, коррупция, заговоры, интриги и т. д. и т. п. И хотя действие происходит, по-видимому, в далеком будущем, все уродливые стороны современного капиталистического мира схвачены А. Шалимовым довольно точно и отражены в сатирическом зеркале «фантазии кибернетической эпохи».

Памфлетная острота свойственна многим рассказам писателя-фантаста Ильи Варшавского. Но публикуемый в сборнике рассказ «Тревожных симптомов нет» скорее можно отнести к циклу парадоксальных научно-фантастических произведений, трактующих проблемы взаимоотношения человека и машины. В данном случае речь идет не о совершенном кибернетическом устройстве, превосходящем по интеллекту своего создателя, а о человеке — крупном математике согласившемся подвергнуть свою память инверсированию для того, чтобы удалить из нее все, что кибернетическая машина найдет ненужным и лишним. «Мозг математика должен обладать огромной профессиональной памятью. Нужно обеспечить необходимую емкость, по крайней мере на пятьдесят лет. Кто знает, что там впереди? Долой зесь балласт! Щелк, шелк...» И хотя операция удалась на славу — профессор Кларенс, утративший воспоминания, вызывающие «бесполезные эмоции», перестает быть человеком. Лишенный человеческой сущности, он превращается в мыслящего робота, в бездушную вычислительную машину.

Трагический финал рассказа «Тревожных симптомов нет» подчеркивает основную мысль, которую можно выразить словами болгарского ученого, академика Тодора Павлова: «Подчинение человеческого организма без остатков во всех своих частях законам математики, физики и химии, как любой машины, означает непонимание специфической сути биологических, социальных и духовных явлений, их закономерностей».[1]

Рассказ Ильи Варшавского в какой-то степени перекликается по теме с новой фантастической повестью Геннадия Гора «Электронный Мельмот». Но если в первом случае речь идет об изъятии из памяти «лишних» воспоминаний, то во втором — в сознание человека, потерявшего память в результате несчастного случая, вкладывается чужое бытие. Герой повести Ларионов обретает второе «я», как бы воплотившись в космического скитальца Ларвефа.

Геннадий Гор снова возвращается к волнующим его философским и научным проблемам, связанным с преодолением Времени — Пространства. Но на этот раз речь идет не о перенесении в будущее с помощью анабиоза («Странник и время»), не о посмертной консервации памяти («Кумби») и не о запоминающем устройстве, которое восполняет несовершенство биологической памяти космического путешественника, прибывшего на Землю с воображаемой планеты Анеидау («Докучливый собеседник»). Сохраняя свой физический облик и не покидая Земли, Ларионов ощущает себя жителем иной планеты, хранящим в клетках своего мозга факты двухсотлетней давности, свидетелем которых якобы он был.

Эта повесть неожиданна и по замыслу, и по сюжету. Несмотря на то что главное место занимает в ней не динамическое действие, а размышления и внутренние монологи героя, читается она с первой же страницы с захватывающим интересом, и только в самом конце выясняется тайна Ларионова — Ларвефа.

Но почему все-таки «Электронный Мельмот»? Заглавие заставляет вспомнить английского писателя Чарлза Роберта Мэтюрена, опубликовавшего в 1820 году роман «Мельмот-скиталец». Герой этого романа продал душу дьяволу и взамен получил бессмертие, от которого он вправе отказаться, если найдет человека, согласного принять от него дар вечной жизни. Но никто не соглашается поменяться с ним судьбой. Тема Мельмота-скитальца в разных вариантах получила воплощение в мировой литературе — от старинной легенды об Агасфере — вечно странствующем и наделенном сверхъ-

---

[1] Возможное и невозможное в кибернетике. Сборник статей. М., изд-во «Наука», 1964, стр. 76.

естественным могуществом человеке до новеллы Оноре Бальзака «Прощенный Мельмот», задуманной как продолжение «Мельмота-скитальца» Мэтюрена.

Геннадий Гор, интерпретируя эту тему на новый лад, обходится без вмешательства дьявола, передав его функции электронной машине, причем долголетие Мельмота — Ларионова и его существование в образе другого человека оказываются мнимыми.

Кибернетическая тема представлена в сборнике еще одним маленьким изящным рассказом-шуткой — «Киска», написанным молодым инженером Ольгой Ларионовой, пробующей свои силы в научной фантастике.

Произведения в жанре научной фантастики чаще всего обращены к будущему. Но писатель-фантаст может совершать путешествия во времени в любом направлении. Валентина Журавлева в рассказе «Леонардо», используя малоизвестные биографические данные о гениальном итальянском художнике и ученом эпохи Возрождения Леонардо да Винчи, позволяет себе домыслить историю изобретенного им водолазного скафандра, который будто бы давал возможность находиться под водой «столько, сколько можно оставаться без пищи». Великий гуманист предпочел отказаться от своего изобретения, чтобы оно «не попало тем, кто в своих интересах вел кровопролитные войны».

* * *

Планета Марс давно уже стала объектом пристального внимания не только ученых, но и писателей-фантастов. После того как итальянский астроном Скиапарелли обнаружил в 1877 году на Марсе «каналы», являющиеся якобы искусственными сооружениями, и стали возникать гипотезы о высокоразвитой марсианской цивилизации, романисты ответили на это десятками книг, посвященных Марсу и его обитателям. У истоков современного фантастического «марсоведения» находятся немецкий писатель Курт Лассвиц с его романом «На двух планетах», Герберт Уэллс («Война миров»), А. Богданов («Красная звезда» и «Инженер Мэнни»). В советской научной фантастике, начиная с «Аэлиты» Алексея Толстого, с Марсом связаны сюжеты многих произведений (Г. Мартынов «220 дней на звездолете»; А. Казанцев «Гость из космоса»; К. Волков «Марс пробуждается»; А. Стругацкий, Б. Стругацкий «Стажеры» и «Ночь на Марсе»; В. Журавлева «Голубая планета»; М. Емцев и Е. Парнов «Последняя дверь» и др.).

Действие романа молодого писателя Виктора Невинского «Под одним солнцем» происходит и на Марсе и на Земле. Но, в отличие

от многих других авторов, В. Невинский не задается целью изобразить специфические природные условия на этой планете или выдумать совершенно не похожих на людей марсиан. По сути дела он переносит на далекую планету земные отношения, и таким образом планета Марс, или Церекс, как он именуется в романе, становится только условным понятием. Марсиане ничем не отличаются от людей и, хотя действие отнесено на много миллионов лет назад, герои романа кажутся нашими современниками.

Советские писатели строят свои представления о развитии общества и наук о природе, опираясь на прочный теоретический фундамент. И, как бы ни отклонялось воображение от реальной действительности, наши фантасты всегда стараются соизмерять свои научные и социальные гипотезы с объективными законами общественного развития. Так поступает и В. Невинский.

Марсианская цивилизация в его воображении давно уже пережила период своего расцвета и клонится к упадку. Вызвано это тем, что олигархическая верхушка, захватившая власть над всей планетой, спровоцировала истребительную войну, последствия которой были поистине катастрофичны.

«...Человечество для меня, — заявляет биолог Дасар, — в некотором смысле те три десятка миллиграмм наследственного вещества, которые заключают всю предшествующую эволюцию и последующие поколения Подумайте, тридцать миллиграмм — и это все люди, всё их будущее, все их надежды! В минувшей войне были уничтожены почти все памятники древнейшей человеческой культуры — это преступно; погибли миллионы людей — это ужасно; но тогда же был нанесен значительный ущерб ничтожным миллиграммам человеческой субстанции, и это — чудовищно! Прошло двадцать десятилетий, планета отстроилась, родились новые люди, но человечество несет в себе проклятие прошлой войны! Мы больны, Мэрс, все как один и самое страшное то, что этот факт тщательно скрывают. Вы не знаете многого из того, что, в силу своей профессии, знаю я. Нужно принимать самые решительные меры уже сейчас, чтобы спасти человечество, но при нынешних взаимоотношениях между людьми сделать это невозможно».

О каких же особых отношениях говорит Дасар? Правда, автор не вдается в подробное описание социального устройства на Церексе, но из наблюдений главного героя и разговоров персонажей можно заключить, что это диктатура ничтожного меньшинства с характерными признаками деградирующего капиталистического строя. Правящие круги, зная истинное положение вещей, думают только о своем благе, нимало не заботясь о завтрашнем дне. Наука и техника, достигшие высокого уровня, находятся в глубоком за-

стое, так как нет больше стимулов для их дальнейшего развития. Биологическая усталость вызывает равнодушие и пассивность. Подспудная революционная борьба хотя и продолжается, но не приобрела еще массового характера. По-видимому, минувшие тотальные войны сыграли свою роковую роль и в этом отношении.

В такой обстановке экспедиция на Арбинаду (Земля) не становится общегосударственным делом. Она организуется по инициативе нескольких фанатиков науки во главе с крупным ученым Кором. История этой экспедиции и занимает центральную часть романа.

Земля переживает мезозойскую эру. Столкнувшись с буйным и разнообразным растительным и животным миром чужой планеты, чья атмосфера насыщена животворным кислородом, биолог Дасар приходит к закономерному выводу, что именно Арбинаде предстоит со временем стать колыбелью нового человечества, которое примет у старших собратьев по разуму эстафету цивилизации.

Роман выдержан в форме записок одного из участников экспедиции — пилота Антора. Несмотря на безыскусственность и некоторую наивность его рассуждений, «Под одним солнцем» в отличие от многих научно-фантастических книг прежде всего создает настроение. Автор изображает непривычный для нас, неведомый мир, в который мы входим и невольно начинаем верить всему, что там происходит. Оставляют сильное впечатление живые, человеческие, четко индивидуализированные характеры. Лучше всего удались — холодный, жестокий и к другим и к себе начальник экспедиции Кор; страстно верящий в человека и человечество Дасар; сам автор записок Антор и его друг, мужественный, благородный астролетчик Конд.

При всей литературной неопытности В. Невинского, которая сказывается прежде всего в недостаточном разнообразии изобразительных средств, его первый роман дает право надеяться, что советская научная фантастика приобрела еще одного одаренного и серьезного писателя.

* * *

«Путь на Амальтею» Аркадия и Бориса Стругацких и «Пленники астероида» Георгия Гуревича проще всего было бы охарактеризовать как обычные «космические» повести. В самом деле, фотонный грузовик «Тахмасиб» с продовольствием для планетологической станции на Амальтее терпит аварию в непосредственной близости от Юпитера. Начинается падение в водородные бездны гигантской планеты. Шансы на спасение ничтожны. Тем не менее экипаж «Тахмасиба» в невероятно трудных условиях частично вос-

станавливает фотонный двигатель и в конце концов вырывается из плена притяжения Юпитера. Задание выполнено — груз на Амальтею доставлен.

Но этот сжатый пересказ вовсе не раскрывает содержания повести. Все дело в людях и их характерах. Среди членов экипажа — Быков и Крутчков, Юрковский и Дауге, герои межпланетных экспедиций, знакомые читателям по книгам тех же авторов: «Страна багровых туч» и «Стажеры». Это о них думает молодой бортинженер Жилин, совершающий на «Тахмасибе» свой первый полет: «Какие имена!.. Страшная и прекрасная, с детства знакомая полулегенда о людях, которые бросили к ногам человечества грозную планету. О людях, которые на допотопном «Хиусе» — фотонной черепахе с одним единственным слоем мезовещества на отражателе — прорвались сквозь бешеную атмосферу Венеры О людях, которые нашли в черных первобытных песках Урановую Голконду — след удара чудовищного метеорита из антивещества».

И Жилин не ошибся в своих спутниках, так же как и они не ошиблись в своем молодом товарище.

Беспредельное мужество, самоотверженность, нравственная сила, высокое чувство долга и прочная, как гранит, дружба, свойственные людям новой коммунистической формации, воспеваются в этой повести.

И Георгий Гуревич, автор «Пленников астероида», использует катастрофу в космосе, в данном случае гибель звездолета «Джордано Бруно» при посадке на астероид, не для нагромождения традиционных приключений, а лишь затем, чтобы поставить своих героев в исключительные обстоятельства и раскрыть их характеры. Три случайно уцелевших человека оказываются в положении «космических робинзонов». В необычных условиях советский врач Надежда Нечаева и западный ученый Эрнест Ренис — люди разного воспитания и образа мыслей — по-разному воспринимают трудности и опасности, ставшие на их пути.

Если Ренис старается любой ценой продлить свое физическое существование, не считаясь с интересами товарищей по несчастью, и пытается при этом подвести «философскую базу» под свой эгоцентризм, то Нечаева сохраняет человеческое достоинство, жизненную энергию и даже находит в себе силы проводить научные наблюдения. Четырнадцатилетний племянник Рениса Роберт, сравнивая поведение этих двух людей, становится другом и союзником Нечаевой, все более отдаляясь от Рениса. И когда через четыре года «пленники астероида» были спасены, юноша сделал выбор — стал приемным сыном Нечаевой.

В середине 30-х годов Юлиус Фучек в одной из статей так

сформулировал свое представление о героизме: «Герой — это человек, который в решительный момент делает то, что нужно делать в интересах человеческого общества».

История советского общества знает много примеров, когда подвиг переставал быть уделом исключительных натур, а становился массовым явлением. В развитом коммунистическом обществе готовность к подвигу во имя общечеловеческих интересов превращается в норму поведения. Это и стремятся показать в своих книгах о будущем советские писатели-фантасты.

Совсем в ином ключе написана новая космическая повесть Станислава Лема «Непобедимый», которая свидетельствует о зрелости его большого таланта.

Творчество Ст. Лема отличает широта кругозора и смелость фантастических замыслов, основанных на современном научном материале, почерпнутом из первоисточников. В сферу интересов писателя входят вопросы философии и социологии, проблемы, связанные с новейшими достижениями математической физики, кибернетики, астрономии, биологии, медицины, теории информации, электроники, химии полимеров и т. д. По любому затронутому вопросу Лем высказывает самостоятельные суждения, делая далеко идущие фантастические выводы. Но вся его эрудиция лежала бы мертвым грузом, если бы он не был талантливым писателем.

Художественная палитра Лема столь же многообразна, как и его знания. Какой бы темы он ни касался и какой бы жанр ни использовал, захватывающе интересная фабула, острые психологические конфликты, драматические повороты действия держат в плену любого читателя, независимо от того, сможет ли он оценить всю глубину замысла, уловить спорность исходных посылок и парадоксальность конечных выводов. Лем дает работу мысли, заставляя думать и спорить. Но тренировка ума никогда не является для него самоцелью. На первом плане остается идейная задача, ради которой написана та или иная вещь.

В последние годы польский писатель публикует фантастические произведения, которые он сам называет «предупреждениями». Лем уверен, что дорога к звездам и их обитателям будет не только долгой и трудной, но и наполненной всякими явлениями, которые можно охарактеризовать одним словом — Неизвестное.

«Эта встреча с Неизвестным, — заявляет Лем, — должна породить целый ряд проблем познавательной природы, природы философской, психологической и моральной. Решение этих проблем силой, например бомбардировкой неизвестной планеты, естественно, ничего не дает. Это просто уничтожение явления, а не концентрация усилий для того, чтобы его понять. Люди, попавшие

в это Неизвестное, должны будут постараться понять его. Может быть, это удастся не сразу, может быть, потребуется много труда, жертв, недоразумений, даже поражений».

Подчиняясь стремлению представить различные формы Неизвестного, подстерегающего исследователей космоса, Лем последовательно воплощает эту идею в своих последних книгах. В романе «Эдем» он сталкивает землян с разумными существами далекой планеты — дубельтами. Если биологическая природа их доступна пониманию, то психология, поведение и общественные отношения совершенно чужды людям и не поддаются объяснению. В повести «Солярис» высшее проявление органической материи — Океан представляет собой гигантский сгусток высокоорганизованной мыслящей плазмы. Установить с ним контакт — более чем затруднительно.

Наконец, повесть «Непобедимый». На пустынной планете Регис III люди сталкиваются с чудовищным подобием жизни, возникшей миллионы лет назад от заброшенных на эту планету саморазвивающихся кибернетических устройств. Исключительный, а может быть, и единственный во всей Галактике случай самостоятельной эволюции никем не управляемых и никому не нужных механических систем!

Делая такое фантастическое допущение, Лем исходит из предпосылки, что борьба с конкурирующими видами и поиски энергетических ресурсов породили в конце концов наиболее жизнестойкую разновидность механических систем — бессчетные скопища железных «мушек», с которыми и столкнулись члены экипажа «Непобедимого». Писатель подробно и очень логично объясняет, каким образом мог произойти такой казус, когда целой планетой завладела бессмысленная механическая структура, предварительно уничтожив на ней все живое.

При поверхностном чтении может сложиться неправильный взгляд, что писатель внушает страх перед космосом и неверие в силы разума. Ведь поединок экипажа «Непобедимого» с тучами железных мушек по существу закончился поражением людей, вынужденных покинуть планету!

Но прежде всего следует помнить, что Регис III рассматривается Лемом как исключительный случай. Людей изгоняет отсюда не страх, а отсутствие целесообразности борьбы с этими железными мушками, которые настолько приспособились к «существованию» на планете, что преобразовали ее природу. Следовательно, как подчеркивает автор, искоренение мертвой бессмысленной «фауны» привело бы к уничтожению самой планеты. А в данном случае в этом не было необходимости.

Повесть «Непобедимый» — одно из сильнейших произведений Лема. Невероятную фантазию о возможности механической формы «жизни» писатель облекает в пластические зримые образы. Обращает на себя внимание и великолепное изображение технических средств, которыми Лем вооружил экипаж «Непобедимого».

Столкновение людей с неведомой страшной опасностью придает сюжету внутреннюю напряженность и глубокий драматизм. Читателя покоряет сила логики и ясность мысли доктора Лауды, одного из героев повести, сумевшего создать стройную и очень убедительную гипотезу о происхождении железных туч на планете Регис III.

* * *

Научная фантастика наших дней использует любые литературные жанры — от социальной утопии и политического памфлета до реалистического романа и психологической новеллы, от философской драмы и киносценария до сатирического обозрения и сказочной повести. Следовательно, особенности научной фантастики характеризуются не внешними жанровыми признаками, а внутренним содержанием, идейным наполнением, целесообразностью того или иного произведения.

Облекать в художественные образы представления о будущем или «реконструировать» доисторическое прошлое, раскрывать гипотетические возможности науки и техники, показывать в осуществлении социальные, этические, эстетические идеалы, воспитывать лучшие качества нового человека, живущего в новом мире, предупреждать о грозящих человечеству опасностях — таково далеко не исчерпывающее определение задач передовой материалистической научной фантастики.

Произведения, напечатанные в сборнике, могут иллюстрировать эту мысль.

Е. БРАНДИС
В. ДМИТРЕВСКИЙ

В. НЕВИНСКИЙ

ПОД ОДНИМ СОЛНЦЕМ

Очередная советская лунная экспедиция, проводя плановые исследования в районе кратера Тимохарес, натолкнулась на удивительную находку, значение которой трудно переоценить.

Передвигаясь по безжизненной и пустынной поверхности Луны, космонавты неожиданно увидели подточенный временем и микрометеоритами обелиск, сложенный из неизвестного материала. Как памятник, установленный в ознаменование победы над бескрайним пространством, возвышалось это сооружение на каменистой равнине нашего спутника, возвещая людям о тех, кто побывал на нем задолго до нашего прихода.

Некоторое время назначение обелиска оставалось загадочным, а строители его неизвестными. Но затем, возле основания обелиска, глубоко в толще породы, там, где температура держится на неизменном уровне и куда почти не проникает жесткая составляющая солнечного излучения, был обнаружен голубоватый полутораметровый цилиндр, изготовленный из необычайно прочного монокристаллического вещества. Цилиндр оказался капсулой времени, сейфом, который хранил в себе Послание Человечеству Земли, оставленное нам далекими предшественниками по разуму, населявшими некогда Марс и посетившими нашу планету в давно минувшую геологическую эпоху.

Среди разнообразных материалов и документов, найденных внутри сейфа, большой интерес представляет так называемая «Рукопись» — записки астролетчика, рядового представителя исчезнувшей навсегда цивилизации, в которых он повествует о некоторых эпизодах своей жизни.

Перевод Рукописи осуществлялся большой группой специалистов — математиков, лингвистов при консультации ученых других отраслей знаний, с привлечением новейшей вычислительной техники. Из всех материалов, оставленных нам марсианами, расшифровка Рукописи оказалась наиболее сложным делом. Это была трудная и увлекательная работа, о которой можно было бы написать целую книгу.

В отличие от выпущенного ранее комментированного научного перевода, настоящее издание рассчитано на широкий круг читателей. Здесь произведены некоторые сокращения, отдельные отрывки переданы лишь приблизительно (последнее относится главным образом к разговорной речи, изобилующей трудноперевоДимыми идиоматическими оборотами), многие слова, понятия и выражения даны в соответствующих по смыслу земных эквивалентах. Незнакомые меры веса, длины, времени и другие, после пересчетов, представлены в общепринятых на Земле величинах.

Однако, несмотря на исключительные трудности перевода, сделано все, чтобы сохранить смысл и безыскусственную манеру изложения оригинала.

Марсианские наименования небесных светил оставлены без изменений. Так они звучали в устах тех, кто

на много миллионов лет опередил нашу историю и первым пронес знамя победившего разума с планеты на планету. Они возникли на родине древнейшего человечества, которому светила красивая голубая звезда Арбинада — наша родная Земля.

РУКОПИСЬ

Если человек, у которого от двадцати написанных кряду строчек устает рука, вдруг берется за перо, значит на это его толкают серьезные причины. Я не люблю писать, но когда пишешь, то невольно отвлекаешься от горестных дум. А на душе у меня сейчас так скверно, как никогда. Нервы стянуло в один болезненный клубок, я чувствую себя истерзанным сомнениями и страхом. Мы все поступили гнусно. Один приказывал, другие молчали, третьи выполняли приказ. Все, даже биолог, тот, кого я уважаю больше других.

Странный человек Дасар. Какая-то невидимая нить связывает нас с ним. Почему? Люди мы совершенно разные как по общественному положению, так и по образованию. Я ровным счетом ничего не понимаю в гистологической структуре тканей или танце хромосом, о которых он может говорить часами, а он никогда не интересовался астронавигацией. Я инженер, звездолетчик, и это мой заработок. А что для него наука? Труд? Приятное времяпрепровождение? Нелегко в этом разобраться. Он — человек обеспеченный и может не думать о потребностях своего тела. Впрочем, не об этом речь.

Зирн не вернется на Церекс. Сегодня у него на щеке выступило зловещее пятно, такое же, как было у биофизика. Первым его заметил Млан, и через десять минут об этом узнал весь экипаж. Кор сам вышел в салон и, остановившись против Зирна на расстоянии шага, внимательно осмотрел его лицо.

— Разденься! — приказал он.

Зирн медлил.

— Я жду.

Зирн неуклюже стащил с себя комбинезон и рубашку. На плечах и животе отчетливо виднелись пятна. Мы невольно шарахнулись от него. Даже Кор отшатнулся.

— Повернись.

На спине пятен не было, под чистой кожей играли мускулы. Голос Кора прозвучал, как всегда, ровно и холодно:

— Надень скафандр и уходи с корабля. Немедленно. Дасар!

— Э?

— Дайте ему что-нибудь избавляющее от лишних мучений.

Не прибавив ни слова, Кор повернулся и вышел. Мы застыли в каком-то оцепенении, устремив свои взгляды на Зирна. Тот, казалось, не понимал происходящего и растерянно смотрел на нас. Внезапно лицо его исказилось, он сделал несколько шагов, протянул к нам руки, в которых еще держал свою одежду, и повалился на пол, уткнув голову в складки комбинезона.

— Я не хочу... я не хочу... я не виноват, — голос его прерывался, то нарастал, то спадал до шепота.

Мы осторожно стали выбираться из салона. Зирн словно почувствовал это. Он поднял голову и привстал на руках.

— Куда же вы... а я?

Никто не ответил.

— Будь проклят этот Кор! Будьте прокляты вы все! Все!!! Все!!!

Он вскочил на ноги и с искаженным от ужаса лицом бросился к нам. Млан ударом кулака свалил его на пол и выскочил в коридор. Остальные последовали за ним. Кто-то аварийным замком закрыл дверь, в которую яростно стучал Зирн.

Я вошел в свою кабину и упал на койку. Не знаю, сколько времени пролежал неподвижно. В голове стучало, и мысли путались, возникали беспорядочные видения, наползавшие одно на другое расплывчатыми, бесформенными образами.

Внезапно пронизывающий страх овладел мною. Я вскочил с койки и торопливо сбросил одежду. Мне казалось, что такие же пятна выступили и у меня. Я их чувствовал почти физически, лихорадочно искал и не мог найти. Я извивался перед гладко отполированной дверцей шкафа, безуспешно пытаясь осмотреть свою спину, до боли в позвонках гнул шею из стороны в сторону.

Звонок внутренней связи прозвучал резко и неожиданно. С экрана на меня насмешливо смотрело лицо Кора.

— Возьмите себя в руки, пилот. Вы не ребенок.

Я несколько овладел собой и потянулся за одеждой — нелепо было стоять перед взором начальника совершенно голым.

— Слушаю вас.

— Я только что проходил через салон. Зирн еще там. Сам он, наверное, не уйдет. Захватите двух механиков, натяните скафандры и выведите его. Выбросьте также все его вещи. Об исполнении доложите. Всё.

— Слушаю вас, — ответил я, натягивая одежду.

— Да, вот еще что, — Кор помедлил, — на всякий случай примите синзан, он может сопротивляться.

Когда мы трое появились в салоне, Зирн сидел на полу, обхватив руками колени и устремив неподвижный взгляд в одну точку. Увидев нас, он понял все. В глазах его мелькнул мрачный огонек и тут же погас, по лицу поползла слабая растерянная улыбка, и злополучное пятно на щеке зашевелилось. Это уже не был Зирн. Перед нами сидел сломленный человек, лишенный даже воли к сопротивлению. Я протянул ему коробку с ядом, взятую у биолога. Он машинально вынул оттуда ампулу и равнодушно положил ее в рот. Оболочка должна была раствориться в желудке.

— Подействует через час.

Он кивнул.

— Это безболезненно.

Он кивнул снова и, опершись на руку Млана, тяжело встал. Мы провели его в тамбур и там тщательно одели в скафандр, снарядив зачем-то полным комплектом дыхательной смеси, энергии и воды. Зирн стоял как манекен, позволяя делать с собой все что угодно, и, только когда открылся наружный люк и внизу показалась серая поверхность Хриса, он уперся руками в стены, не желая покидать корабль.

— Не дури!

Млан легко оторвал его пальцы, вцепившиеся в переборку. Мы спустились на поверхность и пошли в сторону от корабля. В черном небе висели солнце и Арбинада, неровные скалы и нагромождения лавы окружали нас. Мы шли молча. Сатар тащил с собой тюк вещей

Зирна, словно они могли ему пригодиться. Прошло полчаса. Дальше идти было бессмысленно, и я остановился.

— Прощай, Зирн, — моя рука легла ему на плечо, — не осуждай и пойми нас...

— Прощай, — голос его звучал глухо.

— Что передать домой? — спросил Млан.

— Все равно... Мне все равно... Зря вы со мной так... Я...

Последовала тягостная пауза. Мы, угрюмо опустив головы, переминались с ноги на ногу.

— Прощай, — Сатар сдавленным голосом прервал затянувшееся молчание, — тебе все равно... даже лучше... биофизик мучился... А ты... мы, может быть, еще...

Я остановил его.

Зирн посмотрел нам в глаза, и на лице его промелькнуло подобие улыбки.

— Прощайте, прощайте все. Вспоминайте... если вернетесь сами.

Он резко повернулся и торопливо зашагал к линии горизонта. Мы молча смотрели ему вслед. Его фигура то скрывалась среди скал, то снова появлялась, освещаемая ярким солнцем. Он шел не оглядываясь, не произнося ни звука, только в наушниках слышалось его порывистое дыхание. Потом послышался хрип и все стихло — Зирна не стало. Сатар сбросил с плеча тюк. Я взглянул на часы, ампула растворилась раньше срока, он мог бы жить еще десять минут.

— Да будет дух его хранить нас!

Мы медленно потащились на корабль, машинально переставляя ноги и думая каждый о своем и каждый об одном и том же. А за нашими спинами среди скал, обжигаемое лучами солнца, лежало мертвое тело Зирна.

Для него все кончилось. Он никогда больше ничего не увидит, ничего не услышит, ничего не почувствует. Неподвижный как камень и как камень безжизненный, он навсегда остался в этом чужом мире. Что-то надломилось в тончайшей организации человека, и тело его превратилось в бессмысленную структуру, в которой теперь возможен только один процесс — разрушение.

Гнусно. Противно. Отвратительно.

И страшно.

Быть может, каждого из нас ждет та же участь. После смерти биофизика на корабле была проведена

самая тщательная дезинфекция, но это, как видно, не помогло. Неведомо где, в каких-то тайниках и засадах прячется безжалостный враг. Возможно, мы носим его в себе и он уже выбрал очередную жертву. Кто же следующий должен уйти с корабля?

Нет, хватит! Я начал писать, чтобы отвлечься от тревожных дум, и не достиг цели. Нужно что-то другое. Но что? Как еще я могу успокоить себя? Разве выйти на поверхность Хриса под черной купол неба и свет звезд? Но там лежат Зирн и биофизик. Туда я всегда успею.

В салоне корабля пусто. Все попрятались в свои кабины и сидят запершись, боясь встреч друг с другом. В коридоре стоит крепкий запах халдаана, это Дасар выпустил целый баллон. От него кружится голова — и только. Мне кажется, что халдаан вообще сейчас бесполезен.

Лучше писать. О чем угодно. Можно выворачивать наизнанку душу, описывать свою жизнь, вспоминая прошлое, — других тем я сразу не могу придумать. Но тогда получатся мемуары, которые пишут в старости, удовлетворяя свою потребность поучать молодое поколение. Я не хочу никого поучать. Старость моя еще не наступила, и пожалуй, мне не дожить до нее, судя по нашему отчаянному положению. Но не буду о нем сейчас думать, а лучше вернусь к началу этой экспедиции, — те дни были отраднее...

●

Для меня все началось со встречи с Кондом. Благодаря ему, да еще слепой случайности, я оказался в числе участников этой экспедиции. События тогда развивались бурно и стоят того, чтобы писать о них по порядку.

Я приехал в Харту поздно, и когда вошел в здание Государственного Объединения — до конца рабочего времени оставался час с небольшим. Там царила знакомая мне деловая суета. Будто заведенные автоматы, сновали служащие, плавно скользили подъемники, взбираясь с этажа на этаж, хлопали двери, звенели звонки. Я шел по узким коридорам не торопясь, почти не веря в перемену своей судьбы.

В отделе комплектования экипажей сидел нахмурен-

ный чиновник, сосредоточенно набирая номера на дисках учетно-информационного аппарата. Он неохотно поднял на меня глаза:

— Вы на конкурс?

— Да.

— Имя?

— Антор.

Чиновник взял чистый бланк и начал писать. Я стоял и сверху смотрел на его голову. Она склонилась так низко, что был виден затылок и мочки ушей, которые забавно двигались.

— Возраст? — голос его звучал визгливо, словно кто-то поворачивал несмазанный железный шарнир.

— Тридцать четыре.

— Документы?

Я выложил на стол все, что у меня было. Все свои дипломы, все карты сделанных рейсов. Получилась внушительная пачка. Но ведь и другие принесли сюда не меньше.

— Распишитесь.

— Всё?

— Пока всё, поднимитесь наверх и зарегистрируйтесь в медицинской комиссии.

Я направился к двери и, открыв ее, столкнулся с высоким человеком, загородившим своим телом проход.

— Конд! Ты ли это?

— Антор! Здорово, дружище, давно тебя не видел. Рад, честное слово, рад! — Он обошел меня со всех сторон. — Почти не изменился. Молодец. Значит, тоже на конкурс? Мой конкурент, так сказать.

— Взаимно, ты ведь тоже мне сейчас не помощник.

— Э-эх! — Конд вздохнул. — Проклятая наша жизнь, скажу тебе, Ан. Даже встреча с товарищем и та не может быть до конца радостной. Куда направляешься?

— В медицинскую комиссию.

— Подожди меня, пойдем дальше вместе.

Я уселся на стул и в ожидании принялся разглядывать потолок. Краска на нем кое-где облупилась, а из угла тянулась сеть тонких трещинок. Я думал о словах Конда. Увы, он был прав. Эта неожиданно объявленная экспедиция казалась единственной отдушиной для сидевших без работы астролетчиков. Но таких много,

а требуются только двое. Волей-неволей приходилось конкурировать друг с другом, со своими товарищами, с которыми вместе учились, вместе делили опасности своей тяжелой профессии. Последний раз вместе с Кондом мы летали пять лет назад (словно вечность прошла с тех пор!). Тогда у нас все было общее: и жизнь и дело, а теперь вот стали на пути друг друга.

— Ты не уснул? Пойдем к медикам, может быть, меня еще забракуют, тогда сегодняшний ужин за твой счет.

— Брось шутить! — сказал я, вставая.

— Какие шутки! Требования, предъявляемые на этот раз, очень жесткие. Полет на планету с почти утроенной тяжестью не игрушка, а кроме того... Постой, мы правильно с тобой идем?

— Правильно, сейчас налево.

— А кроме того, должны же они кого-то забраковать. Ведь подали на конкурс уже двенадцать, а нужны только двое.

— Могло быть и хуже, — заметил я. — Но тебе опасаться нечего, такого, как ты, не каждый день встретишь.

Он раздраженно махнул рукой:

— Это внешне. Не отрицаю. Девчонки до сих пор на меня глаза пялят. А на самом деле... на самом деле я не тот, что был раньше, поверь мне, дружище. Ты знаешь, где я работал последнее время?

— Откуда же? С тех пор как мы расстались, я о тебе ничего не слышал.

— У Парона, чтоб его вынесло сквозь дюзы. Это тебе о чем-нибудь говорит?

Имя Парона я, конечно, знал. Оно стяжало себе печальную славу в кругу тех, кто имел отношение к работе в космосе. Всем известно, что существуют два объединения, занимающиеся освоением межпланетного пространства. Одно из них государственное, в руках которого сосредоточены внешние станции на спутниках планет, крупнейшие обсерватории, вычислительные центры и некоторые промышленные предприятия, связанные с постройкой космических кораблей. Другое — частное. Это, как говорится, труба пониже и дым пожиже. Оно занимается перевозкой различных грузов по космическим трассам, а иногда и самостоятельно

предпринимает кое-какие исследования. Главой второго, этого чисто коммерческого объединения и был Парон — фигура, прямо скажем, одиозная. О нас, космонавтах, и в Государственном Объединении не слишком заботятся, а у Парона тем более. Техника у него старенькая, и корабли, для увеличения грузоподъемности, летают с облегченной биологической защитой. Все это я отлично знал по рассказам тех межпланетчиков, вместе с которыми обивал пороги в прошлом году, когда был уволен из Государственного Объединения после сокращения числа рейсовых кораблей.

— И ты ушел в надежде устроиться сюда? — спросил я Конда.

Он неопределенно хмыкнул:

— Как же, ушел! Ты что, совсем меня дураком считаешь? В наше время работу не бросают, тебе это должно быть знакомо. Нет, Ан, меня просто вышибли.

Я удивленно посмотрел на него:

— Вышибли! За что же, если не секрет? Летаешь ты не хуже других.

— Не хуже, — спокойно согласился Конд и вдруг сверкнул глазами, — лучше многих летаю! Ты-то знаешь. А причины разные. Последний раз сел неудачно. Вот тебе официальная причина, если хочешь. Но в этой аварии я не виноват. Техника Парона тебе известна. В последний момент замкнуло испаритель, и двигатель остановился. К счастью, у самой поверхности, уже при нулевой скорости, в противном случае одним конкурентом у тебя сейчас было бы меньше. В общем, шея осталась цела, но меня выставили. А истинная причина, дружище, совсем иная. Ты управляющего секцией перевозок у Парона знаешь?

— Слышал, как же!

— Настоящее животное! Я ему однажды под горячую руку преподнес букет комплиментов. Он, конечно, не упустил случая отыграться. Хорошо еще, дело обошлось без штрафа. Да, но мы, кажется, пришли. Сюда, что ли?

— Сюда, — я толкнул дверь приемной медицинской комиссии.

Мы зарегистрировались у дежурного и покинули здание Государственного Объединения. Стояла чудесная погода. Весеннее солнце ярко светило с лилового небо-

склона, а ласковый ветер, легко скользя между ветвей, что-то нашептывал в кронах деревьев. Впрочем, все это я вспоминаю теперь, тогда же я не замечал ни тонкого запаха цветущих приниций, ни желтого пуха, плывущего в воздухе. Мы шли, изредка перекидываясь словами, неторопливой походкой людей, которым некуда спешить.

У меня бурчало в животе — я с утра ничего не ел и раздумывал над тем, где раздобыть деньги. Каждый, кто сталкивался с подобной проблемой, знает, что решение ее далеко не из легких. Последнее, что нам с отцом удалось наскрести, было истрачено на проезд в Харту, так как участие в конкурсе требовало личного присутствия.

По пути, как назло, попадались разного рода утробоспасительные заведения, из открытых дверей которых неслись дразнящие запахи. У одного из таких источников ароматов Конд остановился и шумно повел носом.

— Зайдем? — предложил он.

Я сделал слабую попытку отказаться, неуверенно ссылаясь на выдуманный мною недавний обед, но Конд был не из тех, кого можно легко обмануть.

— Так ли? — спросил он, внимательно посмотрев мне в лицо. — Печатью сытости ты не отмечен, дружище. Может, у тебя просто денег нет? Говори, не стесняйся, со всяким случается. Я, конечно, не выездное отделение банка, но все же...

Он выразительно похлопал по многочисленным карманам и потащил меня вверх по ступенькам прямо в открытые двери ресторана.

Утолив голод, мы вытянули под столом ноги и размечтались. Мечты у нас с Кондом оказались сходные.

— Эх, Ан, — блаженно произнес он, рисуя в воздухе пальцами замысловатую фигуру, — хорошо бы полететь туда вместе, как тогда, помнишь?

Я совсем размяк и утвердительно кивнул отяжелевшей головой. Она у меня затуманилась то ли от непривычной тяжести в желудке, то ли от бокала дурманящего оло.

— Мы получили бы столько, что минимум два года могли бы не интересоваться самочувствием Парона.

— А в случае гибели хорошая страховая премия, тысяч двадцать, кажется, — вставил я.

Полузакрытые глаза Конда широко раскрылись и удивленно посмотрели на меня.

— Ерунду городишь, дружище. Какая тебе премия после смерти? Зачем она? Меня интересует только то, что происходит при жизни. Ясно?

— Ясно, но у меня больной отец.

— А-а, — Конд деликатно шевельнулся на стуле, — я забыл, тогда конечно...

Мы помолчали несколько минут. Неожиданно Конд резко встал, сделал два круга около столика, за которым мы сидели, и снова сел, с грохотом пододвинув стул. Его осенила какая-то идея.

— Скажи-ка, Ан, когда прекращается прием документов?

— Не знаю точно, кажется, через три дня.

— А кто подал, знаешь?

Я перечислил имена астролетчиков.

— Хорошие всё ребята, — сказал он, — тем лучше, мы договоримся с ними.

— О чем? — недоумевал я.

Он еще ближе пододвинулся ко мне.

— Не решить ли нам это дело жребием?

— Жребием?

— Ну да! Разобьемся на пары, кто с кем хочет лететь и вручим нашу судьбу случаю. По крайней мере здесь хоть что-то будет зависеть от нас самих, а не от чиновников управления.

Я задумался.

— Но документы уже поданы!

— Их оставит только тот, кому повезет.

— Гм... ну, а если кто-нибудь не возьмет документов, хотя жребий ему и не выпадет?

— Тогда... — Конд задумался. — Да ты что, сомневаешься в товарищах, что ли?

— В тех, кто уже подал, не сомневаюсь, но осталось еще три дня и мало ли кто приедет. Ромс, например. Ты за него можешь поручиться?

Лицо Конда потемнело. Заметив это, я вспомнил, что у него с Ромсом произошла какая-то ссора. Об этом все говорили, но подробностей никто не знал.

— В таком случае подождем еще три дня. А ты видел кого-нибудь из наших?

— Нет, я только сегодня прилетел.

— Я тоже. Нужно будет увидеться и поговорить. Сам-то ты как относишься к этой затее?

По правде говоря, она меня не воодушевила. И там и там жребий. У меня не было громкого имени талантливого звездолетчика, которое предоставило бы мне какие-нибудь преимущества на конкурсе. Я был серединячком, как и все, подавшие документы, поэтому выбор конкурсной комиссии должен быть в известной мере случаен. Конд предлагал взять этот случай в свои руки и при удаче обеспечить себе желаемого партнера. Что ж, в этом был некоторый смысл, и я не стал ему возражать.

— Значит решено? — сказал он, выливая себе в рот остатки оло. — Ты где устроился?

— Пока нигде.

— Пойдем со мной, у меня есть пристанище, на двоих места хватит.

●

Я хорошо помню тот вечер, ставший поворотным в моей судьбе. Такие часы не забываются. Все, подавшие на конкурс, собрались во второсортном баре на углу Кракоро-риди и Южной магистрали. Помещение это неважное, зал почти треугольный, здесь улицы пересекаются под острым углом. Было сыро и промозгло, только солнце, врывающееся в многочисленные окна, обогревало редких посетителей. Мы и выбрали это место только потому, что здесь мало кто бывает. Шумное сборище астролетчиков привлекло бы к себе ненужное внимание, а мы этого вовсе не хотели.

Собирались почему-то медленно. Те, кто пришел раньше, бесцельно слонялись между столиками, вызывая недовольство насупившегося хозяина, озадаченного наплывом странных посетителей.

Я сидел в углу за столиком и от нечего делать листал какой-то журнал. Было уже около восьми, а мы договорились собраться в семь. Пришли почти все, недоставало только самого Конда и Ромса, который подал все-таки документы в последний день. Отсутствие обоих

казалось подозрительным. В голове у меня уже начали копошиться недобрые мысли, когда Конд с такой силой толкнул дверь, что на столах задребезжала посуда.

Его приход сразу внес оживление в наше общество. Все зашумели. Легко перекрывая голоса других, Конд громко поздоровался и, пропустив мимо ушей упреки по поводу опоздания, направился в мою сторону.

— Ну как? — спросил он. — Все на месте?

— Ромса еще нет.

— Хе! — Конд уселся на стул и обвел присутствующих тяжелым взглядом. — Что же будем делать? Ждать? Решайте сами.

Около нас собрались остальные.

— Будем ждать? — повторил вопрос Конд.

Мы неуверенно и смущенно переглядывались.

— Чего же ждать, — наконец спокойно сказал Ирм, — он, может быть, вообще не придет.

— Это же Ромс, — многозначительно добавил Сен.

— Включим его в жеребьевку, и все, — предложил кто-то.

Нам явно не терпелось испытать судьбу. Каждого подогревала надежда выиграть в этой лотерее. Шансов было довольно много, а выигрыш так много значил для каждого из нас! В ту минуту мы не думали об опасностях предстоящей экспедиции, среди нас не было трусов. Мы не мечтали о славе первооткрывателей Арбинады. Не слава привлекала нас, а желание получить работу.

Ромс опоздал на полтора часа. Я увидел его неожиданно. Он стоял рядом с хозяином и пил что-то розовое, держа бокал трясущимися руками. Жидкость переливалась через край и тонкой струйкой текла на одежду. Вид у него был странный, так выглядят люди, хватившие изрядную порцию оло. Из кармана торчал основательно помятый ежедневный вестник. Ромс вынул его и направился к нам.

— Пришел все же, — пробормотал Ирм, когда тот протиснулся в середину.

Ромс не ответил. Он обвел нас блуждающим взглядом и молча бросил вестник на стол.

— Читайте, — сказал он сдавленным голосом, — двое наших... погибли.

— Что?!

— Не говори чепухи!

Несколько рук протянулось к листам. Ирм, опередив остальных, схватил вестник и прочитал вслух:

— «Катастрофа в космопорте Лакариана.

Вчера при посадке на площадку космопорта взорвался межпланетный корабль Ю-335, принадлежавший компании Парона. Звездолет возвращался из очередного рейса к внецерексианским станциям, расположенным на спутниках Норты. На борту корабля кроме известных пилотов Карса и Тэлма находилось трое сменных инженеров внешних станций, возвращавшихся на Церекс по окончании трехгодичного контракта.

Корабль взорвался уже в непосредственной близости от поверхности планеты. Оба пилота и пассажиры погибли. Причина взрыва, как сообщает управление компании, неизвестна. В настоящее время проводится самое тщательное расследование с целью выявлений обстоятельств гибели корабля. Отметим, что за истекший год это уже третья серьезная авария с космическими кораблями компании Парона. Недавняя катастрофа с Ю-286, управляемым пилотом Кондом, обошлась без человеческих жертв, но причины ее так и не были сообщены упомянутой компанией. Наш корреспондент, находившийся в момент происшествия на территории космопорта, описывает катастрофу следующим образом:

«...Из бесконечных глубин нашей планетной системы возвращался замечательный космический лайнер. Уже были получены сигналы о готовности идти на посадку и в космопорте начались последние приготовления...»

Дальше я не стал слушать. Болтовня очевидца, смакующего подробности аварии, меня мало интересовала. Важен был факт, страшный факт — мы никогда больше не увидим Тэлма.

— Да будет дух погибших хранить нас! — торжественно прозвучала старинная фраза погребального ритуала.

Мы низко склонили головы и молчали несколько минут.

Сдавленный звук, похожий на рыдания, нарушил гнетущую тишину. Я поднял глаза и увидел лицо Ромса, искаженное гримасой неподдельного горя. Оно было бледным и напряженно застывшим. Шевелились

только губы, с которых слетали невнятные слова. «Карс... о-о-о... Тэлм... о-о-о...» — больше ничего нельзя было разобрать, остальное произносилось беззвучно.

Я отвернулся. Неприятно видеть большого и сильного человека в таком расслабленном состоянии. Двойственное чувство жалости и гадливости шевельнулось в моей душе. Вдруг глаза его загорелись и губы вздернулись в кривой усмешке. Он поднялся.

— Ну, вы, живые... кто хочет за ними, тяните жребий!

— Дурак! — Залд протянул к нему свою цепкую, как клещи, руку.

— Оставь его! — остановил Конд. — Он не в себе, видишь. Лучше отметим их память.

— Отметим после, сначала выполним то, зачем мы сюда пришли, — сказал Нолт. — Я думаю, никто не будет возражать.

Конд пристально посмотрел на нас:

— Все согласны?

— Все.

— Сколько человек подало на конкурс?

— Девятнадцать.

— Это точно?

— Точно.

— И все здесь?

— Все на месте.

Конд призадумался.

— Хорошо, система получается десятиричная. Кирт, садись, пиши.

Со стола убрали лишнее. Залд достал чистый лист и положил его перед Киртом. Тот аккуратно стал заносить в список попарно наши имена. Лист скоро заполнился. Нам с Кондом достался номер семь. Ромс замыкал список и был в одиночестве, желающих лететь с ним не нашлось.

— Меня вычеркните, — мрачно сказал он, — я не полечу, со мной никто не хочет...

Конд резко повернулся:

— Это ты брось, знаем твои фокусы. Будешь участвовать в жеребьевке как и все. Если повезет, напарника выберешь сам, любой согласится, даже я... все же лучше, чем сидеть без работы.

Ромс получил номер девять.

Из сосуда, стоящего на столе, убрали декоративные украшения, и в него по очереди каждый опустил несколько мелких монет. Кто сколько хотел. Как сейчас помню, я бросил шесть лирингов. Наконец звякнул последний медяк.

— Все положили?

— Можно мне еще? — Глаза Ирма возбужденно расширились.

— Разрешим? — спросил Кирт.

— Пусть кладет.

Он бросил десять лирингов и успокоился. Эта цифра в нашей системе розыгрыша ничего не меняла.

— Теперь считай.

Мы сгрудились вокруг стола, наблюдая, как Кирт вытряхивал из сосуда одну монету за другой, проставляя их достоинства рядом со списком наших имен. Колонка цифр быстро росла.

— Проверьте. — Он поднял голову.

— Все верно, ты считай.

Напряжение достигло предела. Я чувствовал, как кто-то горячо и порывисто дышал мне в затылок. Лоб Залда покрылся поперечными складками, Нолт стоял бледный, приковав к перу Кирта неподвижный взгляд, а Конд яростно теребил застежку на своей рубашке. Нервы натянулись, как струна. Казалось, еще минута, другая — и буря чувств, вырвавшись наружу, сметет все на своем пути.

— Восемьдесят шесть.

— Сандарада!!! Летим!!! — радостный вопль Нолта не смог заглушить стоны разочарований. В груди у меня похолодело, и руки опустились, перед глазами запрыгали неясные тени.

— Подождите! Проверьте, проверяйте все! — Голос Конда звучал надсадно и хрипло.

Он первый бросился к записям Кирта, за ним, почти сразу, еще трое.

— Восемьдесят семь!

— Проклятье! — простонал Нолт.

Я тупо посмотрел на Конда, еще ничего не соображая. Тот в радостном возбуждении так огрел меня по спине, что на мгновение перехватило дух, ноги у меня подогнулись и бешено застучало в голове. Сказалась разрядка после пережитого напряжения. Смысл проис-

шедшего мало-помалу начал доходить до меня. Большая радость воспринимается так же трудно, как и большое горе, — ее не охватить сразу. Я сидел у стола, безуспешно пытаясь согнать с лица радостную улыбку, и смотрел на плывущие перед глазами фигуры моих товарищей, а в глубине сознания чужой, незнакомый голос все явственнее, все громче твердил: «Выиграл, ты выиграл! Летим!»

— Эй, хозяин! — прогремел Конд. — Подать сюда лучшего оло и чего-нибудь подкрепиться!

— А деньги?! — Я удивленно посмотрел на него.

— Деньги? Деньги будут! Неужели у нас всех не найдется на что отметить память погибших товарищей? Записывай, кто сколько даст, получим — рассчитаемся.

Хозяин бара засуетился. На сдвинутых столах скоро появилось приятно одурманивающее оло и скверная закуска в виде тонко нарезанных ломтиков калмаски, сдобренных острой приправой.

Дальнейшее я помню плохо. Я сразу выпил большой бокал, от которого голова пошла кругом, и теперь трудно разобраться, что было на самом деле и что мне тогда мерещилось. Помню только, что поздравления и пожелания, которыми нас награждали, перемешивались с воспоминаниями о Тэлме и Карсе, особенно о Тэлме. Мы пели старинную песню пилотов. Она родилась еще в эпоху химических ракет и была любимой песней Тэлма.

Пой, пилот!
Окончен рейс!
В облака ушли светила,
Не нашла в пути могила,
Вновь ты на планете милой!
Пой, пилот!
Окончен рейс!

Я думал о нем — об этом весельчаке, баловне удачи, жизнерадостном Тэлме, которому так и не удалось окончить рейс. Передо мной маячил Ромс, он азартно жестикулировал, когда мы дружно в девятнадцать глоток подхватывали слова припева. Глаза его горели, а на лице лежала печать какой-то отрешенности. Таким он остался в моей памяти навсегда.

●

Через два дня я отправился в Государственное Объединение, чтобы выяснить обстановку. Дело это нам с Кондом казалось щекотливым и тонким, и после некоторых споров оно было поручено мне, как более искушенному в дипломатических вопросах. Но никакие ухищрения не понадобились. Когда я вошел в кабинет комплектования экипажей, чиновник, несколько дней тому назад равнодушно принявший у меня документы, поднялся навстречу как к старому знакомому.

— И вы тоже? — спросил он без всякого предисловия.

— Что тоже?

— Тоже за документами?

— Какими документами? — спросил я с притворным удивлением. — Разве моя кандидатура не подходит?

— Нет, дело не в этом. Я подумал... Вы, правда, ничего не знаете?

— Абсолютно! А что произошло?

Он посмотрел на меня с сомнением.

— Странные дела творятся на нашей планете, оч-чень странные. Никак не могу понять, почему почти все вдруг забрали свои документы и отказались от участия в конкурсе. Может быть, у Парона объявлен новый набор?

— Нет, я ничего не знаю.

Меня смутило случайно оброненное им слово «почти». Относилось ли оно только к нам с Кондом или речь шла еще о ком-то другом?

— Непонятно, — продолжал чиновник, сидя на столе, — очень непонятно... Так вы не за документами?

— Нет, я же сказал.

— Я подумал, что вы, как и все... Просто эпидемия какая-то. Так что вас интересует?

Он задал этот вопрос так, словно конкурсы на то и учреждаются, чтобы подавать документы и сразу же требовать их обратно.

— Меня интересует, не откладывается ли заседание конкурсной комиссии и будет ли объявлен новый набор? Вы, наверное, слышали?

Уши чиновника зашевелились.

— Нет, решение будет объявлено послезáвтра, как

и было намечено. Можете не беспокоиться. Конкурировать-то будут трое, вы, Конд и еще Ромс. Удивительно... трое на всю планету... Постойте! Вы что-то знаете. Ну скажите мне, на вашу судьбу это никак не повлияет, мне просто любопытно...

Упоминание о Ромсе ослабило мое внимание, и маска неведения, которую я удерживал на лице, спала. Да, теперь я знал, знал все. В груди закипела такая ярость, что я даже не сумел сдержать ее. Отделавшись кое-как от чиновника, я вышел на улицу. Должно быть, я ругался вслух, потому что встречные прохожие удивленно таращили на меня глаза. Я сам не знал, куда иду, шел просто для того, чтобы немного успокоиться.

Добравшись до какого-то сквера, я сел на первую попавшуюся скамью и принялся обдумывать создавшееся положение. Меня вовсе не радовала перспектива лететь вместе с Ромсом, и уж совсем не хотелось, чтобы Ромс летел вместо меня. Сильнее всего угнетала мысль, что мы сами дали ему шансы попасть в экспедицию. Сами! Нужно было что-то предпринимать, но что? Мысли путались. Я изобрел по меньшей мере десяток способов, которые, как казалось, позволяли отделаться от Ромса, но, хорошенько подумав, забраковал их все. Его положение было неуязвимо. С таким же успехом Ромс мог строить планы в отношении нас с Кондом, выбирая себе более угодного партнера.

Перед моей скамейкой в большой луже, оставшейся после недавнего дождя, играли мальчишки. Их было трое, один постарше, а двое других совсем еще малыши. Глядя на их веселые забавы, я несколько успокоился и на время забыл обо всем. Разве можно думать о тяготах жизни, наблюдая, как играют дети? Они отчаянно плескались, издавали радостные вопли и бегали вприпрыжку, налетая друг на друга. Но было в этой игре уже что-то от взрослых, — старший загонял своих более слабых товарищей в самую глубину грязной лужи. Я поднялся со скамьи и схватил его за шиворот. Дав ему затрещину и восстановив таким образом в мире некоторую долю справедливости, я зашагал домой, где меня с нетерпеньем ждал Конд.

— Ну как? — спросил он.

Я рассказал. Конд выслушал молча. Ни один мускул на его лице не дрогнул.

— Всё?

— Всё.

— Так, — произнес он мрачно и начал одеваться.

— Ты куда?

— Есть дело. — Он был уже в дверях.

— Ты что задумал? Давай обсудим.

Я вскочил с места, пытаясь остановить его.

— Пусть это тебя не заботит. — Он отстранил меня и уже с порога добавил: — Не разыскивай, понятно? Приду сам.

Хлопнула дверь. Я некоторое время сидел, безучастно устремив взгляд в одну точку, но, вспомнив выражение лица, с которым ушел Конд, поспешно поднялся. Его нужно вернуть!

Я выскочил на улицу. Куда идти? Конд, очевидно, направился к Ромсу, но где искать Ромса в этом огромном городе? Адреса я не знал, а действовать нужно быстро, иначе Конд успеет наделать глупостей. В ближайшей справочной мне удалось установить номер гостиницы, где остановился Ромс. Я поймал наемную машину и помчался в гостиницу, негодуя на ограничитель скорости, действующий в городе. У входа в здание машина затормозила. Я выскочил из нее и торопливо взбежал по ступенькам.

— Пилот Ромс у себя?

— Кто? — служащий был, видимо, туговат на ухо.

— Ромс! — крикнул я громче.

— Ромс... Ромс... — задумчиво проговорил тот, мучительно вспоминая.— Кажется, на месте. Впрочем, нет, ушел недавно. Тут его уже спрашивали. Они вместе ушли.

— Кто его спрашивал?

— Что?

— Кто его спрашивал?!. Звуконепроницаемый пень,— добавил я уже тише.

— А-а, спрашивал такой высокий мазор. Сказал, что знакомый. Летали они где-то вместе.

Ясно, это был Конд.

— А куда ушли?

— Кто?

— Кто-кто! Они, конечно!

— Не знаю, ничего не сказали. Ушли и всё.

Больше я ничего не мог узнать. Последняя нить обо-

рвалась. Что же теперь делать? Где их искать? Я медленно брел по улице, чувствуя, что задыхаюсь от жгучей злобы и омерзения. В таком состоянии домой идти не хотелось. Там было пусто, холодно и одиноко. Нащупав в кармане несколько монет, я свернул в призывно раскрытые двери бара.

Несмотря на сравнительно ранний час, зал был почти полон. Я с трудом протиснулся через толпу. Свободное место отыскалось в самом углу, возле окна, задрапированного тяжелым пыльным занавесом. Усевшись, я погрузился в изучение реестра напитков, чтобы на звеневшие в кармане два ти одурманить себя как можно эффектнее. Мои исследования неожиданно были прерваны.

— Простите, ммм... если не ошибаюсь, мазор Антор, пилот?

Я поднял голову. Напротив сидел пожилой человек в поношенном платье, устремив на меня мягкий взгляд своих широко расставленных глаз.

— Да, в чем дело?

Мужчина замялся, будто испугавшись своей смелости, но, преодолев смущение, заговорил снова:

— Собственно говоря, ни в чем... Простите, я вас отвлекаю...

— Ничего.

— Мне просто хочется побеседовать с астролетчиком. Видите ли, мой сын, ммм...— тут собеседник опять замялся,— скоро кончает инженерную школу, а потом собирается сдавать на диплом астролетчика, и мне хотелось бы...

— Знать, сколько мы зарабатываем? — Я усмехнулся.

— Мм, не это ... не только это.

— Что же еще? Простите.— Я повернулся к автомату и, опустив монеты, набрал две порции оло, в тяжелые, как гири, бокалы.

— Так что же еще?

— Вообще, хотелось бы знать вообще...— Мужчина замолчал.

— Непонятно.

— Меня интересует ваша жизнь. Ммм... ее трудности, радости. Я читаю вестники, но, мне кажется, они не отражают ее действительным образом. Или я не

прав? Простите, но с астролетчиком мне еще не приходилось встречаться.

Я выпил порцию оло и откинулся на спинку стула, дожидаясь действия напитка. Через минуту в голове поплыл приятный расслабляющий туман.

— А как вы сами представляете себе нашу жизнь? — спросил я. Собеседник начал меня занимать.

Он наклонился ко мне и посмотрел прямо в глаза.

— Я, право, затрудняюсь. Ммм... но мой сын и я... мы считаем, что она должна быть яркой... ммм... наполненной и...

— Чепуха.

— Что? — он испуганно отшатнулся.

— Чепуха, нет этого.

Мы замолчали.

— Наполненной... Яркой... — задумчиво повторил я, обращаясь больше к самому себе, чем к собеседнику,— трудностей много, а радостей... Ваш сын молод, конечно?

— Молод.

— И глуп. Передайте ему это. Если хотите, от моего имени.

— Я...

— Можете добавить, что в его годы пилот Антор не был умнее.

— Простите, ммм... Я не совсем понимаю.

— Не понимаете? Странно. Все очень просто!

Оло сорвало защелку с языка, и меня неожиданно понесло. Я говорил скорее автоматически, чем сознательно, сам удивленно слушая свой голос, словно все это произносил кто-то посторонний.

— Как ваше имя, мазор?

— Мэлт.

— Что здесь понимать, Мэлт? Нечего, совсем нечего! Наша жизнь красивой кажется со стороны! Только со стороны! Слышите?

— Ммм...

— Подумайте сами, и все станет ясно. Есть только две категории профессий. Профессии обыкновенных, трезво мыслящих людей, их большинство, и профессии мечтателей. Первые скромны, они не обманывают человека, а вторые... Вы хотите оло? Пейте.

— Нет, ммм... спасибо.

— А вторые, вроде нашей... их мало, но они, как назойливая реклама, зовут, требуют, влекут к себе всеми силами. А чем настойчивее предложение, тем обычно хуже товар, это закон, вы знаете. Так и в нашей жизни, космос оказался слишком удачной рекламой. Все мы в детстве о чем-то мечтаем. В большинстве своем мечты эти чисты, как горные снега, но, спускаясь в долины жизни, они тают, становятся серыми и, превратившись наконец в мутный, грязный поток, несут нас дальше по равнине, чтобы оставить где-то в стоячем болоте. Вот так, Мэлт! Но некоторые, не в меру набитые романтическими бреднями, мечтая о возвышенном и красивом, так и не замечают, что у них есть тело и желудок, о которых следует позаботиться в первую очередь. Я, к сожалению, поздно понял это и вот шагаю теперь по стезе астролетчиков, которую не могу оставить, потому что не годен ни на что другое и потому, что... все-таки люблю свое дело!

Я проглотил вторую порцию оло, наслаждаясь ощущением разливающегося внутри огня. Старик молчал, напряженно всматриваясь в мое лицо.

— Астролетчики! Вы понимаете, что это такое? Понимаете? Нет, не можете вы этого понять! Мечты служить обществу — бред! Чепуха! Каждый из нас торгует, кто чем может, получая взамен известное количество пищи, одежды, удовольствий. Один продает руки, другой — знания, третий — совесть, а мы, спустив однажды свои мечты оптом и подешевке, расплачиваемся последним, что у нас остается,— своими жизнями. И лишь слепой случай решает, когда эту жизнь взять,— сразу или, глумясь, оставить ее нам искалеченной. Устраивает вас такая участь сына?

Старик что-то хотел ответить и уже было открыл рот, но я жестом остановил его.

— А что мы за это получаем? Думаете, много? Жалкие гроши! Но не будем считать на деньги. Что же еще? Может быть, удовлетворение от своей работы, сознание величия совершенного дела? Так вы думаете?

— Ммм... я...

— Иллюзия! Велик только космос, а наши дела в нем обычны и так же мелочны, как мелочна сама наша церексианская жизнь. И может ли она стать возвышеннее от того, что заброшена за пределы планеты?

Нет, мы несем в космос то, чем живем здесь. Вы думаете, семья? Но кому нужен мужчина, скитающийся за облаками, который может никогда не вернуться? Вот мы и прожигаем жизнь, когда есть деньги. А если их нет? Что мы делаем, когда их нет? Снова мечтаем... всего лишь о сытом желудке...

Я в упор посмотрел на собеседника и, заметив испуг на его лице, прекратил свои излияния.

— Вы сами вызвали меня на этот разговор. Простите, — я усмехнулся, — но такова правда... вы хотели ее знать.

— Нн-наверное... спасибо.

Я коснулся его руки:

— Откуда вы меня знаете?

— Сын... мм... у него портреты всех астролетчиков и потом ежедневный вестник.

Я кивнул:

— О да. О нас пишут. Недавно двое погибли... Тоже писали. Вспомните наш разговор, когда прочтете такое же обо мне.

Старик отодвинул стул и поднялся. Я задержал его:

— Вот что, передайте привет вашему сыну и забудьте то, что я вам здесь наговорил. Наверное, я сгустил краски. Мечты и космос великолепны, мы просто не доросли еще до них, что-то здесь, на Церексе, у нас неблагополучно.

— Прощайте.

— Прощайте.

Он взял свои вещи и уже отошел от столика. Я окликнул его:

— Мэлт!

Он повернулся.

— Вы видели когда-нибудь бездну? Черную бездну и звезды? Одни звезды?

— Нет.

— Пусть ваш сын увидит. Это стоит жизни... Прощайте.

Старик ушел. Я остался за столиком один. Действие оло постепенно прекращалось, и из пелены тумана все отчетливее проступала обстановка дешевенького бара. Безвкусно размалеванные стены, низко нависший потолок, застывшие, словно маски, лица одурманенных людей и тягучие звуки однообразной музыки. Я почувство-

вал себя бесконечно одиноким. Даже этот старик меня покинул, а вместе с ним ушел и его сын, которого я никогда не видел, не знал и не узнаю. Я тяжело поднялся и вышел на улицу.

Дул ветер и трепал края одежды. Казалось, вот-вот хлынет дождь — по небу быстро бежали темные лохматые облака. Я медленно шел к гостинице, где остановился Ромс.

Из переулка вышла девушка, посмотрела на меня веселыми глазами, чему-то улыбнулась и пошла впереди, в двух или трех шагах от меня. Она была хорошо сложена, и движения ее дышали спокойной радостью. Я с грустью смотрел на ее стройную, ладную фигурку и думал о том, что по какой-то прихоти случая наши пути на короткое время сошлись на этой улице и так же разойдутся. Она уйдет, и я снова останусь один. Потом подумал: «Смешно, она рядом, но не со мной, я и сейчас один. Может, догнать ее и сказать: я Антор, мне грустно, будьте со мной! Может быть, от этого многое зависит, может быть, тогда я не буду один, может быть, мы всегда будем вместе, даже тогда, когда я буду один»?

Она свернула за угол, и облака словно еще ниже спустились над городом.

Я зашел в гостиницу и отыскал служащего. Он узнал меня:

— Вы к Ромсу, мазор?

— Да, он пришел?

Тот покачал головой:

— Нет, увы, нет. Наверное, случилось несчастье, мазор. Недавно звонили из полиции и сообщили, что мазор Ромс, возможно, никогда уже не придет.

— Не придет? Почему? Он умер?

— Не знаю.

— Что случилось?

— Мне ничего не сказали, только сообщили, чтобы комнату за ним не держали, так как полиция платить не будет.

Я повернулся и вышел. Все ясно. Конд остался верен себе. Где он теперь? Я связался с полицейским управлением, но толком ничего не узнал. Там сменился дежурный. Он сказал, что я смогу обо всем узнать только на другой день.

Я медленно побрел домой. Спешить было некуда, да и не зачем. От двух ти, с которыми я пришел в бар, осталось только сорок лирингов. Это на завтрашний обед.

●

Поздно вечером, почти ночью, пришел Конд. У меня была подсознательная уверенность, что он что-то сделал с Ромсом, может быть, даже убил его. Я лежал лицом к стене и не повернулся, когда он включил свет. От дневных переживаний тело было тяжелым, налитым усталостью и апатией. Конд медленно шагал по комнате, задевая мебель и двигая стулья. Каждый раз, когда шаги его приближались ко мне, я весь внутренне напрягался.

— Ан! — наконец позвал он.

Я промолчал и лишь еще крепче зажмурил глаза.

— Ан, ты спишь?

Я не ответил, и он, сделав по комнате еще несколько кругов, сел рядом.

— Слушай, Ан, меня не обманешь, ты же не спишь...

Рука его коснулась моего плеча. Это прикосновение словно обожгло меня. Я порывисто вскочил на ноги:

— Что тебе надо?

Он спокойно, но вместе с тем удивленно посмотрел на меня:

— Что с тобой, дружище?

— Ничего! Не трогай! — Я отбросил его руку, протянувшуюся ко мне.

— Совсем спятил! Может, сходить за врачом?

— А может быть, лучше вызвать полицию?

Конд поднялся во весь свой богатырский рост.

— Вот что, — сказал он жестко, — прекрати истерику и объясни, в чем дело, или убирайся отсюда на все четыре стороны.

— Ты прав, мне следовало уйти раньше.

Я быстро собрал свои пожитки и направился к двери.

— Стой! — Конд крепко схватил меня за плечо. — Теряя друга, я должен знать — почему. Два слова — и можешь уходить.

Он прижал меня своими могучими руками к стене.

— Так в чем дело?

— Что ты сделал с Ромсом? — сказал я, пытаясь освободиться.

— Он умер...

— Я догадывался... Пусти... Что ты с ним сделал?!

— Ничего, он умер, я тебе говорю. Постой... ты думаешь, что я его... так?

Я кивнул. Он разжал пальцы и опустился на стул. С лица его сошло напряженное выражение, и складки разгладились. С минуту мы молча рассматривали друг друга, словно виделись в первый раз.

— Оставайся, куда ты пойдешь, — спокойно сказал Конд.

Я сел, потирая плечо.

— Больно?

— Не очень.

— Извини, я не хотел... Кто тебе сказал, что Ромс... что Ромса нет?

— Я был у него в гостинице, и мне сказали...

— Тебе сказали, — перебил Конд, — что там тебе могли сказать? Они сами ничего не знают.

— Мне сказали, — жестко продолжал я, — что ты ушел вместе с ним. Я вспомнил твое лицо и, зная особенности твоего характера, сделал выводы. Они оказались правильными. Отвечай!

Конд нахмурился.

— При чем тут лицо, — угрюмо сказал он, — твое лицо тоже не сияло, когда ты пришел из Государственного Объединения, и если судить по лицам, то неизвестно, сколько человек ты укокошил. Так, дружище. А в общем ты прав, я убил его четыре часа назад... Вот смотри.

Он бросил на стол пачку снимков, проштампованных судейскими печатями. Я взял один из них. С листа на меня смотрело перекошенное злобой лицо Ромса, он был снят в момент стремительного выпада, в руке блестел изогнутый клинок дуэльного ножа. Другой кадр фиксировал схватку. Две фигуры на арене и бесчисленные рожи любителей кровавых увеселений, с раскрытыми в зверином реве ртами, подбадривали смертельных врагов. Отвратительное зрелище. Я отложил снимки — эти оправдательные для Конда документы перед лицом закона.

— Как ты добился поединка? Ты не ранен?

— Нет. Так что, видишь, все было честно. Ромс оказался не из трусливых и не из слабых. Еще бы немного, и не мне, а ему пришлось бы оплачивать похороны. — Конд протер воспаленные глаза. — Свет там слишком яркий... Гадостное это дело, я должен был добить его, уже раненого, вот что самое мерзкое. Смотри!

— Не хочу смотреть. — Я отстранил его руку. — Неужели ты не мог от этого отказаться?

— Не мог, не имел права. Один из нас должен был умереть. Так решили судьи. В противном случае меня бы самого... М-да. Таков закон, говорят, он принят для тех, кто настаивает на поединке. Ужасный закон!

— Ты все это знал раньше?

— Знал.

— И решился?

— Решился. В конце концов, я рисковал не меньше его. Поединок присудили сразу, у меня было слишком много причин, чтобы мне не отказали. И запомни, Антор, на Церексе есть люди, которых следует убивать. Ромс был не последним. Ну как, ты уходишь или останешься? Колеблешься? Зря. Жизнь — это борьба, и не следует уступать свое место негодяям.

Воцарилось тягостное молчание. За окном шумел дождь. Только тут я заметил, что Конд мокрый с ног до головы. Видимо, он долго бродил по улицам. Ему не легко далась эта борьба с Ромсом. Он сидел, устало опустив плечи, и смотрел на меня спокойным, открытым взглядом.

— Оставайся, Ан, — сказал он, — на улице холодно. А Ромс... черт с ним, забудь. Однажды я чуть не погиб из-за его подлости, только случай спас меня. Были и другие дела, но я уже почти простил ему, а тут снова... Не выдержал. Есть, в конце концов, предел всякому терпению. Отметим его память, как водится. Я кое-что принес. Немного оло. Дрянное, правда, но и сам он был не лучше. Ты ел вечером? Иди сюда, не ночевать же тебе у двери!

Бросив вещи в угол, я подсел к столу. Конд достал бокалы и наполнил их до краев зеленоватым оло.

— Да будет дух его хранить нас!

Мы некоторое время молча жевали. Конд о чем-то думал.

— Конд, а что у вас произошло с Ромсом раньше? — спросил я.

Он вышел из-за стола и молча стал раздеваться. Когда голова его спряталась в складках одежды, он пробубнил:

— Стоит ли вспоминать? Он умер, зачем говорить о нем плохо?

— Неужели он действительно заслуживал того, чтобы...

— У тебя, Ан, удивительная манера давать мягкие оценки людям и поступкам, которые этого совсем не заслуживают. Только ко мне ты отнесся слишком предубежденно. Ладно, я расскажу тебе все как-нибудь потом. А сейчас давай ляжем, я очень устал.

●

Конкурс прошел благополучно. В этом нет ничего удивительного: ведь мы с Кондом были единственными претендентами и опасались только медицинской комиссии, которая на этот раз придиралась особенно. В тот день, когда были завершены последние формальности, мы получили аванс (огромные деньги, особенно если они падают в пустой карман!) и десятидневный отпуск. Свобода и деньги! Я ни разу не чувствовал себя столь счастливым, как тогда, выходя из здания Государственного Объединения.

С Кондом мы расстались в тот же день, но не надолго. У него не было в мире никаких привязанностей, и он отправился в Хасада-пир, куда собирался наведаться и я после поездки к отцу. Старику можно было, конечно, просто выслать деньги, что и советовал сделать Конд, но я все же решил повидать его перед экспедицией. Кто мог поручиться, что мне удастся вернуться из нее!..

Дома я пробыл три дня. Может быть, в сравнении с последующими впечатлениями в Хасада-пир вся обстановка маленького провинциального города показалась мне жалкой и убогой, или меня точили неясные предчувствия, но эти три дня оставили о себе тягостное воспоминание. Особенно на меня подействовала болезнь отца, еще недавно сильного и энергичного человека, теперь инвалида, тяжело передвигающего ноги.

Прощание наше было тяжелым и странным.

Необходимые вещи, которые я обычно брал с собой, когда улетал в рейс, были уже собраны и лежали у дверей. Мы молча глядели сквозь перила балкона на расстилающуюся перед нами до мелочей знакомую панораму. Отец сидел в кресле, слегка наклонившись набок, и вертел в руках коробку из-под плити, только что опорожненную нами. Состояние сладкой полудремоты, вызванное плити, уже проходило, и лишь слегка кружилась голова.

— Погода хорошая, конвертоплан пойдет... Ты не опаздываешь?

— Еще нет.

— Идти далеко.

— Успею.

Мы опять замолчали, лишь ритмично подпрыгивала коробка в больших жилистых руках отца. Потом она со стуком упала на пол.

— Ладно, не поднимай... По правде говоря, я и не думал, что ты приедешь.

— Почему?

— Не стоило приезжать. Я бы поступил именно так. А ты... ты приехал. В тебе оказалось много этакой желеобразной начинки... Должно быть, от матери. Никчемный из тебя человек получился. Пропадешь!

— Отец!

— Не нравится? Это так, ты слушай, мы с тобой, наверное, последний раз говорим, экспедиция ведь надолго?

— Отец, перестань.

— Надолго?

— Да, ты знаешь.

— А мне осталось каких-нибудь... уже не дотяну, одним словом. Это и к лучшему, сам ты меня не бросишь. Ты растение, а не живой человек, пустил корни и сидишь. Человек не должен быть привязан. Я бы на твоем месте...

— Бросил, что ли?

— Безусловно. Зачем я тебе нужен? Я стар и беспомощен, ничем тебе не могу помочь. Какая от меня польза? Балласт и только... Дай еще плити, Антор, — неожиданно закончил он.

Я вышел в комнату и принес полную коробку. Он

положил ее на колени и вынул оттуда ломтик, стряхнув крупинки сильера.

— Ты будешь?

— Нет.

— Как хочешь, зелье, правда, неважное. Вкус не тот, тебе не кажется?

— Не знаю, другого не пробовал.

— Не пробовал, — повторил он, — а много ли вообще ты испробовал в жизни? Что ты от нее взял? Что ты сделал, чтобы взять от нее как можно больше? Я, например, бросил своего отца, когда мне было двадцать три... нет, двадцать пять. Хе! уже не помню точно!

Он неприятно рассмеялся и снова запустил руку в коробку.

— Такова жизнь нашего времени... Тебе подобные были в моде лет двести, а может быть и триста назад, а сейчас они, наверное, сохранились, как и ты, только за облаками. Витай там дольше и не спускайся на Церекс, иначе загрызут, вот тебе мой совет. Тело у тебя розовое, мягкое и без зубов слопают.

— А твой отец? — спросил я. — Каким был он?

— Мой отец? Умер давно... Он тоже был болен, когда я оставил его, и даже не знаю, как он кончил... Сколько уже времени?

Я посмотрел на часы.

— Еще успею... Ты так говоришь, словно гордишься этим.

Отец шевельнулся в кресле.

— Нет, не горжусь... Передвинь меня в комнату, что-то холодно становится... Не горжусь, но и не стыжусь. Смерть на то и существует, чтобы жизнь шла вперед, и нечего ей мешать, если она уносит даже близких.

Я вкатил кресло в комнату и пододвинул к столу.

— Говоришь, не мешать... Сама по себе логика интересна. Но уж если быть последовательным до конца, то ты, может быть, считаешь, что и смерти способствовать нужно?

— Нет, зачем? Смерть, Антор, в помощи не нуждается, она сама делает свое дело. Смерть, — он беззвучно пошевелил губами, — это лишь орудие, с помощью которого жизнь убирает с дороги ей неугодных.

— Не нравится мне этот разговор, отец.

— Конечно, ты молод, а мы, старики, любим, поговорить о смерти.

— Странная любовь.

— Ничего, поймешь и ты когда-нибудь, придет время.

Мы замолчали. Я снова взглянул на часы. Времени оставалось немного. Отодвинув стул, я поднялся.

— Уже уходишь?

— Пока нет, но скоро.

— Жаль, поздно мы с тобой заговорили о серьезных вещах. Я же тебя не воспитывал. Когда были деньги — хватало других забот, и тебя я отдал учиться. Потом ты летал, летал почти все время и где-то вдали от меня. Кто там тебя воспитывал и как — тебе лучше знать. В результате и получилось этакое желе...

— А из твоих рук кем бы я вышел? В каком аллотропном состоянии?

— Борцом, я надеюсь. Тебе было бы значительно лучше.

— А тебе?

— Мне тоже. Хуже было бы только моему больному и беспомощному телу, но не моему «я». Мне порой противно пользоваться твоей мягкотелостью. Вот, например, деньги, которые ты мне оставляешь, кстати, зачем так много? Мне же ненадолго... А ты летишь в Хасада-пир, там они пригодятся... возьми их, иначе пропадут. Твои деньги не должны пропадать... Ты понимаешь, вообще значение таких слов, как «твое», «мое»?

— Хочешь сказать?..

— Ничего не хочу сказать! Мое — это мое, значит ничье больше, ничье! Запомни это. А ты их... старому калеке, даже смешно, если вдуматься.

Я снова уселся на стул. Передо мною раскрывался новый, совершенно незнакомый человек.

— Позволь тогда спросить тебя, отец, ведь по твоему разумению дети должны быть такими же... борцами, — так ты говоришь? — как и родители, ты же скорбишь, что я не такой?

— Ну! — Он вызывающе выпрямился.

— Отсюда следует, что в лучшем случае они не будут мешать, даже мешать умереть! Зачем, спрашивается, тогда ты тратил свои деньги, я подчеркиваю,

свои, на мое обучение? Зачем кормил, одевал меня, когда я был еще... вот такой, зачем?

Отец выпрямился в кресле и резко, по-молодому тряхнул головой.

— Дети — это продолжение твоего я. Они должны быть такими же, каким был сам, и даже еще более сильными. Нечего от них ждать другого. Дети — это твое собственное противоречие смерти!

— Всего лишь противоречие?

— Противоречие.

— Одна-а-ко, с тобой разговаривать...

— При чем здесь я? Такова жизнь.

— Не кажется ли тебе она в таком случае слишком, как бы сказать...

— Не подбирай слов. Жизнь такова, какова есть, нечего о ней раздумывать, ее нужно принимать и пользоваться ею до тех пор, пока это возможно.

— Так поступают в мире животных...

— А в человеческом обществе тем более.

Он упрямо сложил губы и посмотрел на часы.

— Тебе пора идти.

— Да, пора.

— Так иди, нечего сидеть со мной. Жизнь прекрасна и создана для молодых, а старики в ней явление побочное.

Я поднялся и направился к двери. Она вела меня в большой мир, простирающийся до других планет. Отец сидел сгорбившись в кресле, запертый в четырех стенах тесной комнаты. Во мне горели желания, я был здоров и полон сил, он болен и немощен, выброшен за борт жизни, меня ожидали яркие впечатления нового и невиданного, а его — тоскливое одиночество и безнадежность...

— Прощай, отец.

— Прощай, Антор. Поменьше думай обо мне и о других, тогда ты достигнешь большего... Прощай, заходи, когда вернешься со своей Арбинады, расскажешь, а я еще надеюсь дотянуть... Пусть умирают другие, хе-хе-хе!

Я ехал в порт, погруженный в тяжелые думы. Мне всегда казалось, что таким людям, как отец, особенно трудно переносить свою неполноценность и беспомощность. В них отсутствует то внутреннее тепло, которое

человека делает человеком и не противопоставляет его объединенному миру других людей. Пытаясь удержаться на высоте своих принципов, они еще больше ввергаются в пучину мрачного одиночества...

●

Конвертоплан летел над морем. Далеко-далеко внизу расстилалась черная гладь воды, по которой ярким пятном катился искрящийся блик солнца. Кое-где, казалось, у самой поверхности этой бескрайней равнины клубились облака, похожие то на фантастических животных, то на причудливые творения сказочных альмиров. Временами под крылом проплывала суша, затянутая синеватой полупрозрачной дымкой, сквозь которую можно было с трудом рассмотреть геометрически правильные фигуры возделанных полей, тоненькие ниточки дорог и редкие бесформенные пятна городов. С высоты Церекс казался пустым и безграничным, а человеческие страсти смешными и ничтожными. Я смотрел вниз, и мне думалось, что время от времени все человечество следовало бы поднимать в воздух или даже в космос, чтобы оно перед лицом громадного убедилось воочию, что мир необъятен и нет причин для раздоров и что овладеть всем этим можно только действуя сообща...

Машина начала снижаться. Я наклонился ближе к иллюминатору, чтобы лучше видеть зелень растительности необыкновенного Хасада-пир, о котором среди нас, тех, кто там еще не был, ходили легенды. Крылья конвертоплана постепенно развернулись и, наконец, заняли посадочное положение. Из сопла с грохотом вылетели длинные языки пламени — мы стали проваливаться в пропасть, быстро теряя высоту. Неприятное ощущение невесомости собрало в один комок внутренности, напрягло нервы, мышцы. Падение замедлилось, мы на мгновение повисли в воздухе и затем сели. Наступила кратковременная тишина, прерванная оживленной возней пассажиров.

Я вышел последним. В лицо дул ветер. Приятный, насыщенный солью и влагой ветер доносил недалекий и равномерный шум прибоя. Посадочную площадку обступила зелень, среди которой затерялись редкие

строения. Гигантские слимы опускали свои гибкие ветви до самой земли, сплетая их с росшим внизу кустарником, и создавали такую плотную зеленую изгородь, сквозь которую, казалось, не могло пробиться ничто живое.

Буйная, девственная растительность!

Я не мог себе вообразить, что на нашей планете существуют подобные уголки. Наслаждаясь видом живой, нетронутой природы, вдыхая полной грудью пьянящий морской воздух и купаясь в лучах ласкового солнца, я с грустью думал о том, что, скитаясь в бездонных глубинах космоса почти половину своей жизни, слишком плохо знал и мало любил нашу планету. Возвращаясь из рейса, я неизменно метался в каменных теснинах городов, был вынужден проводить нескончаемые часы в шумных и душных производственных помещениях, и даже отдыхать приходилось в затхлой атмосфере дешевых баров. Остальной Церекс был почти незнаком мне. И только там, на посадочной площадке Хасада-пир, я словно впервые увидел его по-настоящему.

Мой экстаз нарушил затянутый в элегантный ликс служащий.

— Куда вы желаете, мазор Антор-са?

Я взглянул на его тощую фигуру и подумал о том, что ему, должно быть, очень жарко в этом тесном одеянии.

— Куда?... Минуточку...

Я порылся в карманах и достал записную книжку с адресом Конда. Еще дома я решил в первую очередь направиться к нему, чтобы получить совет человека, который уже успел окунуться в действительность Хасада-пир. Я показал адрес служащему.

— Ах, Пижоб-сель!

— Да, как туда можно добраться?

— Как вам угодно, мазор, можно лодкой, машиной, по воздуху.

— Я предпочту крылья.

— Пожалуйста, мазор Антор, пойдемте со мной, я все сделаю. Багаж отправить туда же?

— Разумеется. Где здесь можно освежиться?

— Что вы желаете? Душ? Бассейн? Массаж?.., Все к вашим услугам.

Служащий, мгновенно угадывая каждое желание, выполнял его быстро и ненавязчиво, с безупречностью отлично вышколенного лакея.

Я согласился на массаж и расположился в капсуле, жмурясь от удовольствия и яркого света кварцевых ламп. Тело гладили теплые струи ионизированного воздуха, приятно покусывая кожу слабыми разрядами, а в глубину мышц проникал трепет вибрации, от которого просыпалась и начинала жить каждая клетка.

Я вышел из капсулы обновленный и, приведя в порядок одежду, заказал себе бокал фильто.

Служащий бесшумно удалился, оставив меня за столиком в тени широколистного дерева, названия которого я не знал. После перелета было приятно посидеть одному, вслушиваясь в таинственный разговор ветвей и шелест листьев.

— Пожалуйста.

Передо мной появилось фильто, искрящееся и прозрачное. Второй служащий принес крылья, вынул их из чехла и опробовал двигатель.

— Пожалуйста, все в полном порядке. Вас проводить?

— А это далеко?

— Не очень.

— Тогда дайте лучше план, я сам разберусь.

Оставив деньги, я пристегнул аппарат, попробовал управление и медленно поднялся в воздух. Посадочная площадка, резко выделявшаяся на фоне сплошной зелени, поползла назад, становясь все меньше. Крылья парили, и движения почти не ощущалось. Достигнув стометровой высоты, я достал план, сориентировался и включил двигатель на полную мощность. Упругие струи воздуха ударили в лицо, а внизу замелькали разнообразные строения, ленты дорог, кущи деревьев. Я пролетал над зданиями непонятного назначения и странной архитектуры, над открытыми бассейнами, наполненными прозрачной голубоватой водой, над спортивными сооружениями, площадками для игр, полосами густой растительности, над яркими лужайками, усыпанными пестрым ковром цветов, все прелести сказочного Хасада-пир раскрывались передо мною. Хотелось лететь и лететь вперед, любуясь расстилающейся внизу пано-

рамой, и наслаждаться ощущением полета, сливаясь всем существом с капризной воздушной стихией. Наконец, показался и Пижоб-сель. Я сделал несколько кругов и опустился.

Конд оказался дома, если можно так говорить о том временном жилье, которое он для себя избрал. Меня встретила величественная, облаченная в длинный ярко расцвеченный хлерикон фигура, в которой я с трудом узнал Конда. На ногах у него были легкие сельпиры, украшенные затейливым рисунком, а на голове красовалась миниатюрная шапочка, неизвестно каким образом державшаяся на самой макушке. Словом, это был не Конд, а сошедший со страниц истории древнесирадский джаса, который, судя по его вялым и медлительным движениям, изнывал от лени и безделья, и еще чего доброго, в угоду своей мимолетной прихоти, прикажет растянуть меня на обруче и пустить катиться с наклонного помоста.

Убранство помещений соответствовало костюму. Головокружительный переход из одной исторической эпохи в другую в первый момент ошеломил меня, и комизм представшей передо мной картины дошел до сознания не сразу.

Я расхохотался.

Конд, явно раздосадованный, скрылся за дверью. Минут через пять, успокоившись, я зашел в соседнюю комнату. Он сидел, небрежно развалившись на тахте, и машинально бросал себе в рот сочные сори.

— Ну как, успокоился?

— Ты не обижайся, но вид у тебя...

— Ладно... давно прибыл?

— Только... знаешь, ты хоть хлерикон сними, а то с тобой разговаривать трудно... Вот так. Я прямо направился к тебе, хотел посоветоваться, как лучше провести здесь время, но теперь сомневаюсь в ценности твоих советов... увидев этот маскарад.

— По-твоему, значит, маскарад.

— Конечно.

— Ты, Ан, ничего не понимаешь. Думаешь, я просто дурачусь.

— А как же еще это назвать?

Конд сменил свою древнюю ленивую позу на более современную, но тоже небрежную.

— Отчасти ты прав. Дурачусь, но здесь все дурачатся. Я не знаю, какой болван назвал этот остров краем благоухающей радости, я бы его определил как место коллективного сумасшествия. Здесь все сходят с ума, и каждый старается сделать это самым необыкновенным образом. Мое легкое помешательство, которое тебя так развеселило, выглядит довольно бледным на фоне ярких достижений здешних завсегдатаев, но меня оно вполне устраивает. Я приехал сюда отдохнуть и поблаженствовать... Ты с дороги ничего не хочешь выпить?

— Нет, спасибо.

— Смотри... А древние владыки, нужно отдать им должное, умели нежиться. Эта привычка вырабатывалась у них веками.

— И ты решил воспользоваться опытом прошлого?

— А почему бы нет? Тебе никогда не приходило в голову, что для безделья подходит далеко не всякий костюм?

— И ты считаешь?..

— Попробуй, если не веришь. Этот на первый взгляд дурацкий хлерикон приспособлен идеально, в нем физически ощущаешь наслаждение жизнью.

— Ладно, может, ты и прав. Сейчас мне не кажется все это смешным... Пригляделся немного. Так ты и мне посоветуешь вырядиться в нечто невообразимое?

Конд поднялся на ноги и, пройдясь по комнате, взял в руки фигурку спящего Орипасы.

— Как хочешь, я тебе своего мнения не навязываю. Возможностей здесь множество, все определяется вкусом и... — Конд подбросил статуэтку в руке — ...наличными деньгами. Сколько у тебя осталось?

— Четыре тысячи ти.

Он причмокнул:

— М-да, дорогое это удовольствие иметь живого отца, дешевле хранить о нем светлую память... Впрочем, хватит, я за это время спустил около двух тысяч, а что касается советов, за которыми ты пожаловал... могу дать два. Первый — проведем эти дни раздельно, мы еще достаточно успеем надоесть друг другу в экспедиции.

— Согласен.

— И второй — заведи себе подругу.

— Что?

— Ничего. Ты не смотри на меня так. Запомни, дружище, что нет скучнее занятия, чем в одиночестве тратить деньги, поверь моему скромному опыту. Я... да что там, голодать и то одному легче! А женщины, — тут Конд оживился, — удивительные это создания! Присутствие их придает остроту ощущениям, словно хорошая приправа, которая облагораживает и делает восхитительным самое посредственное блюдо.

Я рассмеялся, но он, не обращая внимания, продолжал с прежним пылом:

— Да, да, поверь, дружище. Странные и непонятные эти создания. Они могут быть то безумно расточительными, эффектно и с треском выпуская на ветер с трудом добытые деньги, то тошнотворно бережливыми. Вот мы и обращаемся к ним, когда нам нужно или приумножить или промотать содержимое своего кошелька. Истратить — дело, казалось бы, простое, но выполнить его с чувством, с толком... О-о!.. Не легко! Вот я тебе и рекомендую... э... стимул.

— А ты сам?

— Не беспокойся, средство апробировано. Ласия! — позвал он.

В соседней комнате послышался легкий шум, и через минуту в открытой двери появилась молоденькая девушка высокого роста с гибкими грациозными движениями и красивым лицом. Ее одежда, выдержанная в том же древнем стиле, состояла из полупрозрачных тканей, единственным назначением которых было подчеркивать линии и формы прекрасного тела. На иллюстрациях и картинах художников такой наряд выглядел привлекательно, но в обычных условиях казался чересчур откровенным.

— Моя вдохновительница, — отрекомендовал Конд.

— Антор, — представился я.

Она наклонила голову и сделала приветственный жест. Мне стало неловко. Неловкость порождалась излишне вольным одеянием Ласии и тем разговором, который мы вели с Кондом в ее присутствии. Он не предназначался для женских ушей. Почувствовав себя неуютно в создавшейся атмосфере, я стал собираться.

— Уже уходишь? — спросил Конд.

— Да.

— Что так рано?

— Последую твоим советам незамедлительно. Сейчас исполню первый — поселюсь подальше от тебя.

Конд прищурился:

— А как насчет второго?

Оставив этот вопрос без ответа, я распрощался и вышел.

●

Вспоминая сейчас обстановку, царившую в Хасадапир, я испытываю какое-то брезгливое чувство, словно меня окунули в нечистоты. Тогда это воспринималось не так остро, а если быть откровенным с самим собой, то зачастую просто отступало на последний план. Покоренный восхитительной природой, которая окружала и подобно ширме отгораживала меня от теневых сторон действительности, загипнотизированный комфортом и удобствами, сопутствующими каждому шагу, я как-то не замечал или не хотел замечать, что вся эта роскошь и доступность любых мыслимых удовольствий тяжелым бременем давит на плечи других.

Память почти всегда окрашивает прошедшее в теплые тона привлекательного, вероятно, потому, что прошлое неповторимо, а может быть, просто таково свойство человеческой памяти, хранящей в себе лишь светлые детали пережитого. И только сознание способно оценить все критически, но как мало значит сознание в формировании нашего настроения! Мы знаем, что смертны, но не огорчаемся и бываем веселы, мы отдаем себе отчет в том, что не все прожитые дни были радостны, но вспоминаем о них с сожалением и теплом.

Вот и сейчас, возвращаясь к тому периоду моей жизни, я только в нескольких строках отмечаю мрачный фон окружавшей меня действительности и цепляюсь в своих воспоминаниях лишь за светлое и радостное — за часы, проведенные вместе с Юрингой.

Юринга! Где она теперь и что с нею? Мое чувство к ней я пронес сквозь холод и мрак бесконечного расстояния, и оно до сих пор согревает меня здесь, вселяя непонятную надежду на возвращение. Словно оттого, что Юринга существует, мир стал ко мне добрее и отзывчивее. Наивна и запутана душа человека! Я не хочу

думать о том, где и как мы встретились. Мы встретились там, этим достаточно сказано; нас свела моя прихоть и ее зависимое положение, и все это вначале было отмечено грязной печатью морали и нравов бесчеловечной страны «благоухающей радости».

Наш первый вечер...

Мы вышли прогуляться в парк. Солнце уже склонялось над горизонтом, с моря тянул прохладный ветерок. Она зябко куталась в легкую накидку и молчала.

Молчала.

Ее молчание угнетало меня. И без того после происшедшего днем мне было тошно и стыдно. Несмотря на всю мою неопытность в подобного рода встречах, я подсознательно угадывал в ней что-то отличавшее ее от тех легкодоступных женщин, с которыми изредка имел дело. Это чувствовалось в манере держаться, в тоскливом взгляде, который она изредка бросала на меня, в брезгливом, старательно скрываемом отношении к своему положению не принадлежащего себе человека. Я шел медленно и тоже молчал, не зная, как рассеять тягостную отчужденность, возникшую между нами, досадовал на самого себя, проклинал весь мир, Конда, и временами... ее, Юрингу. По-видимому, для человека не до конца потерянного порядочность другого бывает так же неприятна, как неприятен всякий укор совести.

— Юринга!

Она медленно повернула голову и посмотрела на меня. В сумерках зрачки ее глаз расширились и от этого взгляд казался еще более печальным.

— Слушаю вас, мазор-са.

— Юринга, тебе... не холодно? — Я не придумал ничего более уместного.

— Нет, не холодно.

— Может быть, пойдем в плис-павильон, там сегодня...

— Мне все равно.

— Ты бы могла быть любезнее... — Меня начал раздражать ее тон. — Если я тебе неприятен, скажи...

— А что от этого изменится? Вы отправите меня с жалобой и возьмете себе другую, нас здесь много...

Она на мгновение замолчала, но тут же заговорила снова, уже совсем по другому:

— Простите меня, мазор-са, это так, настроение. Что вы хотели мне сказать?

— Юринга, — я постарался смягчить свой голос, — не называй меня мазор-са, у меня есть имя, меня зовут Антор, Антор, слышишь?

Она повернула ко мне голову:

— Да, я слышала где-то это имя.

— Еще бы, — мрачно ответил я, почувствовав себя снова уязвленным, — не далее как сегодня я сообщил его тебе.

— Нет, раньше, я слышала его где-то раньше. Наверное, встречала в вестнике.

По лицу ее пробежала тень.

— Да, в вестнике. Вы богатый человек, а пишут всегда о богатых. Бедных не замечают, а если и пишут, то только тогда, когда им неожиданно посчастливится разбогатеть.

Я ничего не ответил. Какое-то дурацкое самолюбие, ложная гордость или мелкое тщеславие, не знаю, как еще охарактеризовать это чувство, помешали мне сказать ей, что я вовсе не так богат, как другие бездельники, населяющие Хасада-пир. Щегольская одежда и роскошное убранство моего временного жилища надежно маскировали мою бедность, и, конечно, она не представляла себе, что я был такой же бедняк, как и она сама, с тем лишь отличием, что на меня неожиданно свалился заработок за много времени вперед, который я проматывал с бездумным расточительством.

Разговор наш по-прежнему не клеился. Мы молча шли вперед. Дорожка, которая вела нас, сузилась, и стебли растений доставали иногда до лица, приходилось отводить их рукой, чтобы проложить себе дорогу.

Я вспомнил Ласию, которую видел у Конда. С тою, наверное, было бы проще. Подумав о ней, я стал сравнивать ее с Юрингой. Ласия была, пожалуй, красивее, определенно красивее, но что-то было в ее красоте такое, что привлекало лишь ненадолго. Ей не хватало мягкости и обаяния Юринги, чья красота не бросалась в глаза сразу, а разгадывалась постепенно, черточка за черточкой и поэтому всегда была свежей, новой и неизвестной.

— Что вы так смотрите на меня... Антор?
— Тебе, правда, не холодно?
— Чуть-чуть.
— Может быть, все же зайдем куда-нибудь?
— Как хотите.
— Я хочу, чтобы ты захотела чего-нибудь.
— Мои желания, увы, невыполнимы даже... — Она замолчала.
— Ты хочешь сказать, с моими деньгами? Не надо, лучше выскажи пожелания.
Она грустно улыбнулась. В сгустившихся сумерках смутно вырисовалась ее стройная фигура. Я нерешительно обнял ее за плечи и почувствовал, как она вздрогнула от моего прикосновения.
— Пойдем, Юринга, куда-нибудь, где много людей, тебе нужно отвлечься.
Она взглянула на меня:
— Вы странный, Антор.
— Чем же?
— Так.
Помолчала.
— Мне можно быть с вами откровенной?
— Да, конечно. Тебя что-нибудь угнетает?
— Да.
— Что именно?
— Вы!
— Я!?
Последовала неловкая пауза.
— Вы не сердитесь, — рука ее коснулась моей, — я не хотела вас обидеть, поймите меня правильно...
— Чего уж там, — пробормотал я, — но... разве я хуже других? Договаривай, если начала.
— Нет. Наоборот... лучше, поэтому и тяжело. С вами я снова чувствую себя человеком, а быть человеком в моем положении...
Дорожка закончилась тупиком, в котором стояла тесная скамейка.
— Не хочешь отдохнуть?
Она отрицательно покачала головой. Мы повернули и пошли обратно. Под ногами шуршали камешки.
— Почему ты решила, что я лучше?
Грустная улыбка скользнула по ее губам.
— Не решила. Это видно, Антор, и кроме того

я женщина, а женщины сильнее чувствуют. Я здесь... не первый день и многое научилась понимать. Вы думаете, это было незаметно, как вы стыдились самого себя, говорили мне из-за этого резкости, хотели казаться хуже, чем вы есть? Или... вот только что вы обняли меня, вы сделали это... простите... неловко. Но как хороша эта неловкость!

Она протянула из-под накидки руку и быстрым движением сорвала головку едва распустившегося лироса.

— Отпустите меня, Антор... Найдется кто-то другой, с кем я забуду, что я человек. В обществе зверей проще чувствовать себя животным... а так тяжело... и вам со мной тоже трудно...

Юринга споткнулась и уронила накидку. Я поднял и молча протянул ей.

— Спасибо... если хотите, — голова ее повернулась ко мне, — я подыщу вам девушку, с которой будет легче — такие есть.

— Замолчи!

Я схватил ее за плечи и повернул к себе.

— Ты...

— Я вас обидела? — Она смотрела мне прямо в глаза.

— Прости, Юринга, — пальцы мои постепенно разжались, — это так... вспышка, сейчас пройдет.

Мы стояли возле ярко освещенного здания. Здесь сновали люди.

— Уйдем отсюда.

— Хорошо, уйдем.

Она покорно следовала за мной. Я остановился около свободной машины и открыл дверцу.

— Поедем?

— Куда?

— Просто так, тебе холодно, а здесь тепло, и потом... мне хочется тебе что-то сказать.

— Хорошо, поедем.

Мы забрались на мягкие сиденья и включили отопление. Не зажигая плафон, я нащупал щиток автоуправления и ткнул первую попавшуюся маршрутную кнопку. Машина тронулась, неся впереди себя яркий сноп света. Приятно покачивало. Я первый нарушил тишину:

— Ты просишь отпустить тебя, Юринга, и предлагаешь взамен...

— Простите, Антор...

— Да нет, я уже не сержусь. Отец был прав, когда называл меня... Впрочем, не то я говорю. Я не хочу отпускать тебя, Юринга, не хочу.

Она отодвинулась.

— Я приехал сюда совсем ненадолго, и мне хочется отдохнуть, просто отдохнуть. Мне не нужны эти сногсшибательные аттракционы, хватит с меня и моих сегодняшних впечатлений. Здесь есть чудесные уголки, ты знаешь, в них грустно быть одному... Хочешь, будем вместе?

— Как вместе?

— Так. Представь, что ты приехала сюда вместе со мной, как приезжают другие, как приехал я сам, приехала отдыхать... Я не стану от тебя ничего требовать, ничего, понимаешь? Будь просто человеком, таким человеком, как тебе хочется. Я проведу здесь еще шесть дней, пусть они будут и твоим отдыхом. Хочешь? Или иди к другому, я тебя не держу...

Машина наклонилась на крутом повороте, и Юрингу прижало ко мне. Когда дорога выровнялась, я почувствовал ее руку, крепко сжавшую мои пальцы.

— Вы еще лучше, чем я думала... — тихо сказала она и положила голову мне на плечо. Глаза ее закрылись. Дальше мы ехали молча.

Я задумался о себе, о своей безалаберной жизни, бесцельно протекающей между небом и землей, и на сердце стало тоскливо до боли. Одиночество... вот что. Друзей много, а приклонить голову негде. Об отце я тогда не вспоминал. Да что отец? Отец есть отец, до известного возраста он был просто моим господином, а потом... Матери своей я почти не знал. Они с отцом не были женаты, и я появился на свет так же, как появляется добрая четверть населения Церекса. После отец разыскал ее и, генетически подтвердив право на мою персону, забрал меня к себе. С тех пор я больше матери не видел, даже не знаю, жива ли она и как ее имя. Одиночество... Постепенно мысли мои вернулись к Юринге. Может быть, она?..

Машина затормозила. Я выглянул в окно. Мы стояли у странного, погруженного в темноту сооружения,

увенчанного полусферическим куполом. Здесь делать было нечего. Я наугад ткнул другую маршрутную кнопку, и машина снова покатилась.

Сделав несколько поворотов, дорога пошла по берегу моря. Волны широкими языками выплескивались на песок и разбивались на миллионы огоньков — это светились микроорганизмы. Открывшаяся картина была грандиозна. За пенистой грядой прибоя расстилалась волнистая гладь, испускающая слабое сияние и казавшаяся фантастической под опрокинутым куполом звездного неба. Я опустил окно, чтобы дать свободный доступ морскому ветру. Юринга вздрогнула и открыла глаза. Несколько мгновений она непонимающе смотрела на волны и потом неожиданно улыбнулась.

— Где мы?

— Не знаю. Ты спала?

— Нет, мечтала. Море... Какое оно красивое. Говорят, что из моря... А какой сегодня день, Антор?

Я назвал.

— Да, как раз в этот день, — задумчиво произнесла она, — в этот день, по преданию, один раз в десятилетие из моря выходит на берег могучий альмир Дзарас-Па. До полуночи бродит он по земле среди людей, одетый в скромное платье, и ищет похищенную у него Блам-Расом свою прекрасную дочь Улу-Пийю... Вы слышали эту легенду?

— Слышал когда-то, но, признаться, забыл уже...

— Рассказать?.. Я коротко.

— Я слушаю, Юринга.

— ...Коварный Блам-Рас, горя желанием отомстить своему благородному сопернику, не мог умертвить Улу-Пийю, но он до неузнаваемости изменил ее облик и обрек ее на вечные скитания по земле, в душных и пыльных городах, среди жадных и жестоких людей. Великий альмир моря Дзарас-Па не может ни узнать ее среди жителей земли, ни снять с нее чары. Лишь один раз в десять лет, когда у него появляется способность дышать воздухом, он выходит на берег и бродит по суше, награждая счастьем каждую встречную девушку в надежде, что она может оказаться его прекрасной Улу-Пийей...

— Всё?

— Да, всё... Но он выходит так редко и так мало встречает девушек, что...

— Что женское счастье у нас вошло в поговорку, это ты хочешь сказать?

— Да.

— А почему ты вспомнила об этой легенде, Юринга?

— Так... Увидела море, и потом мне показалось... Впрочем, это лишь сказка, только сказка.

Она повернулась ко мне, и в глазах ее зажглись огоньки, похожие на те, что сверкали в капельках прибоя.

— Расскажите мне что-нибудь, Антор. Вы, наверное, многое знаете.

— Что же рассказать тебе?

— Все равно, — она устроилась поудобней и повернулась лицом к черному небу, — что-нибудь о других мирах, вы, конечно, читали, туда ходят наши корабли, там, вероятно, совсем другая жизнь, не такая, как у нас. Это правда?

— Там нет жизни, Юринга.

— Нигде-нигде? — В голосе ее послышалось разочарование.

— Нигде поблизости.

— Откуда вы знаете? Может быть, вот на этой звезде живут люди, прекрасные люди, лучше нас с вами.

— Там нет людей, Юринга.

— В книжках могут писать неправду, мы же не все знаем.

— Да, мы знаем немного, но достаточно, чтобы быть убежденными в том, что людей в нашей планетной системе нигде больше нет.

— Почему вы так убеждены?

— Я астролетчик, Юринга, и многое видел своими глазами.

Она некоторое время смотрела на меня как-то по-новому.

— Астролетчик. — В голосе ее послышалось не то удивление, не то разочарование или что-то другое, я не смог точно уловить интонацию.

— И вы летали там, — она кивком головы показала на звездное небо.

— Да, конечно, и много раз.

Придвинувшись ко мне, Юринга вдруг заговорила быстро-быстро:

— Расскажите! Расскажите все. Я не верю, что там нет жизни. Там должны быть люди, и они должны жить лучше нас. У нас все так нехорошо. Я часто смотрю на небо и в каждой звездочке вижу искорку счастья других людей. Они, должно быть, очень счастливые, смотрите, как искрится их счастье!

— Не знаю, Юринга, может быть, где-то далеко-далеко у какой-нибудь звезды и живут люди, но нигде поблизости их нет, и хорошо, что нет. Неизвестно, какие они были бы, у нас и своих несчастий хватает... За пределами нашей атмосферы раскинулся безбрежный холодный и мрачный океан пустоты, в котором маленькими крупинками, отдаленными друг от друга на громадные расстояния, затерялись шары-планеты, вроде нашего Церекса, одни больше, другие меньше. Поверхности их устроены по-разному, но везде там человека подстерегают опасности, неведомые и внезапные. Воздух этих планет отравлен ядовитыми газами, а исполинская сила тяжести, если бы мы вздумали опуститься там, превратила бы нас в беспомощных ласов, какими они становятся, когда их вытаскивают из воды.

— Так везде?

— Почти везде.

— И на этой звезде тоже? — она указала снова на Арбинаду.

— Это не звезда.

— Я знаю, планета. Мне кажется, что их там сразу две...

— Это правда, их на самом деле две. Одна большая, больше нашего Церекса, а другая меньше — спутник, Хрис называется.

— Вы там были?

— Нет. Еще нет, но скоро полечу.

Юринга вопросительно посмотрела на меня.

— Через шесть дней я уезжаю отсюда для подготовки к экспедиции. Быть может, там действительно есть жизнь и даже люди.

Я задумался о предстоящем полете. Юринга осторожно тронула меня за плечо. Я обернулся.

— Антор, мне хотелось бы испытать ощущение летчика и увидеть небо...

— Это невозможно, Юринга.

— Я знаю, но тут, в Хасада-пир, есть аттракцион... космический, я там ни разу не была, мои... эти... они никогда не интересовались, их влекло всегда другое. Давайте съездим. А?

Мне не хотелось отказывать Юринге, и, по правде говоря, меня самого заинтересовал этот аттракцион. Было любопытно, как там надували публику.

— Хорошо, поедем. А ты знаешь, куда?

— Знаю, давайте я поведу машину.

Мы обменялись местами. Юринга выключила авторулевого и, взяв управление в свои руки, развила большую скорость. Быстрая езда требовала напряженного внимания, и мы почти не разговаривали. Наконец, впереди показалось строение, напоминающее своими архитектурными формами здание космопорта Лакариана, только значительно меньше по размерам и более вычурное. Мы подъехали к нему и остановились.

Внутренняя отделка была великолепна. Миновав первый большой зал, где нас встретил служащий аттракциона, мы спустились глубоко вниз по лестнице и, направляемые им дальше, через узкую, похожую на люк дверцу, проникли в неосвещенное и тесное помещение. Вспыхнул свет. Мы словно находились в кабине космоплана старой конструкции. Иллюзия была полная. Я узнавал на стенах хорошо мне известные приборы, регуляторы, автоматы. Довольно внушительно для непосвященных выглядел пульт управления, который, видимо для большего впечатления, был перегружен многочисленными кнопками и рукоятками. Даже в старых конструкциях ракетопланов управление не отличалось такой сложностью. Служащий принялся было объяснять назначение отдельных приборов, но я остановил его:

— Спасибо, фаси, мне все это хорошо знакомо. Расскажи лучше, как организуются сами иллюзии полета.

Он внимательно посмотрел на меня, и мне показалось, что в чертах его морщинистого лица видится что-то знакомое.

— Юрд! — удивленно воскликнул я.

— Да, старик Юрд, ты не ошибся. Думал, не узнаешь меня, Антор, важный стал, мне «фаси» говоришь.

— Извини меня.

— Чего там, я уже привык. А ты, я слышал, летишь на Арбинаду?

— Да.

— Повезло тебе. Это была моя мечта. Но теперь... видишь, где летаю... Так я пойду... будете готовы — нажми вот эту кнопку.

Он подошел к двери-люку и, обернувшись, добавил:

— Барышню пристегни, да и сам, пожалуй, тоже закрепись. ...Ты один здесь или еще с кем-нибудь из наших?

— С Кондом... А что, ощущения похожи?

— Да, довольно натуральны... Заходи ко мне, я здесь и живу, поговорим хотя бы.

Я кивнул. Дверь захлопнулась. Юринга удивленно смотрела на меня:

— Кто это?

Я ответил не сразу:

— Пилот Юрд, в прошлом замечательный астролетчик.

— Почему же он так беден?

Я не стал отвечать. Подведя Юрингу к стартовому креслу и усадив ее, я закрепил пряжки предохранителей, затем устроившись сам, нажал указанную Юрдом кнопку. Загорелась контрольная лампочка.

— Держись, Юринга!

Едва я успел это сказать, как на нас стала наваливаться тяжесть, придавливая к креслам. Сзади за стенкой грохотало, словно при работе двигателей. Я почувствовал себя снова взлетающим в небо.

●

Мы выбрались к Юрду под вечер. Было еще не очень поздно, но небо застилали облака, и в воздухе уже сгущался сумрак. С моря тянуло прохладой и сыростью. Выйдя из машины, мы двинулись по тропинке. Конд шел впереди, уверенно прокладывая дорогу среди пышно разросшегося кустарника. Я едва поспевал за ним и нес сверток с напитками и снедью, который мы предусмотрительно захватили с собой. Вскоре мы достигли здания «космического аттракциона» и принялись искать вход в служебное помещение.

— Кажется, здесь, — сказал Конд, останавливаясь перед узкой дверью, покрытой слоем растрескавшегося пластика. — Как ты думаешь?

Я привстал на носки и попытался в полутьме прочитать надпись над дверью.

— Похоже... сигналь, чтобы открыли.

Он пошарил у порога ногой, нашупывая педаль звонка и, не найдя ее сразу, сдержанно выругался. Наконец, в глубине здания возник и затих мелодичный звон. Мы постояли минуты две, затем позвонили снова. Никто не откликался.

— Может быть, он и не ждет нас, — сказал Конд.

— Должен ждать, я предупредил его, что мы сегодня придем. Звони сильнее.

Однако Конд поступил иначе: он просто толкнул дверь, и она отворилась. Мы проникли в тесный сырой коридорчик, который привел нас к небольшой комнате — без единого окна с низко нависшим потолком. Вдоль карниза тянулись яркие трубки дешевых люминесцентных ламп, бросавших безжизненный свет на скудные предметы обстановки. Здесь царил идеальный порядок, какой нередко можно встретить в квартирах старых педантичных людей. Хозяина дома не было.

— Так я и думал, — сказал Конд оглядевшись, — напрасно мы потеряли время. Юрда нет, и неизвестно, когда он вернется. Пошли обратно?

— Подождем, — возразил я, — он где-нибудь тут, поблизости. Раз двери были не заперты — значит он ждал нас. Вот, кстати, и записка.

Юрд извещал нас, что отлучился ненадолго. Мы расположились как дома. Конд развернул наш сверток, побросав обертки на пол, а содержимое разложил на столе с лихостью уличного торговца ходовым товаром.

Юрд не заставил себя долго ждать. Он с порога окинул нас испытывающим взглядом, словно удивляясь приходу гостей.

— Не обманули, спасибо, — сказал он, усаживаясь напротив нас, — и даже понатащили всего. Тоже спасибо. Не скрою, мне редко теперь приходится пробовать что-нибудь изысканное, прошли те времена.

Движения Юрда были медлительные, вялые, но в них чувствовалась все же скрытая сила. Я подумал, что он, наверное, не так уж стар, как можно было пред-

ставить по его выцветшим глазам и морщинистому лицу. Вялость и медлительность движений были скорее свойством характера, а не проявлением старческой немощи. Он нагнулся и подобрал с пола разбросанные Кондом обертки и навел некоторый порядок на столе.

— Ну рассказывайте, какие новости у нас? Когда вы летите?

— Еще не скоро, — ответил я, — через три дня только должны явиться в Харту, а там начнется подготовка.

— Конкурс был большой?

Конд усмехнулся в ответ:

— Большой, только на этот раз мы все решили сами.

— Сами? Каким же образом?

Конд с явным удовольствием рассказал о всех предшествующих событиях, не забыв упомянуть о Ромсе и его гибели. Юрд слушал не перебивая и лишь изредка вставлял короткие реплики. Мне показалось, что он уже знал об этой истории. Но откуда он мог знать? Или действительно только показалось?

— Итак, значит, — заключил Юрд, пододвигая к себе бокал, — пилотами экспедиции летите вы оба, а кого назначили начальником? Еще неизвестно?

— Известно.

— Кого?

— Кора, — сказал я. — Ты слышал о нем?

— Так начальником будет Кор, — в раздумье протянул Юрд, — слышал о нем кое-что.

— Хорошее или плохое?

— Всякое. Я даже сталкивался с ним и советую вам быть осторожнее. Это своеобразный человек. В космосе он почти не бывал, и наши традиции ему чужды. Ну, что же вы? Думаете, я один все это выпью и съем?

Мы наполнили бокалы. Юрд выпил и посмотрел на нас своими бесцветными глазами.

— Завидую я вам: Арбинада — удивительная планета! Ведь недаром вокруг нее идет столько споров. В первой экспедиции на нее должен был лететь пилотом я, но...

— Полетел Скар?

— Нет, не Скар. Скар полетел тогда, когда я уже больше не летал и, кроме того... ему трудно завидовать.

Та экспедиция, о которой я сейчас говорю, вообще не состоялась. Ее отменили, и Скар полетел только через пять лет...

Юрд встал и взволнованно прошелся по комнате. Вялость и медлительность его исчезли, походка сделалась упругой.

— Сколько тебе было лет, когда ты перестал летать? — спросил Конд.

Юрд круто повернулся.

— Мало. Для такого летчика, каким был я, еще мало.

— Работал у Парона?

— Нет, у этого дельца не работал.

— Так что же тогда произошло?

Юрд пытливо взглянул сначала на Конда, словно соображая, можно ли довериться, потом на меня, но так и не решился.

— Были причины... — глухо произнес он. — Я и сейчас не сижу без дела.

Мы с Кондом переглянулись, и, сознаюсь, в тот момент я внутренне улыбнулся, вспомнив работу Юрда в «космическом балагане», где мы впервые его встретили с Юрингой. Не слишком стоящее дело для астролетчика такого класса! Конд вздохнул:

— Да-а, судьба наша неважная.

— Ничего, я не жалуюсь. Главное — найти себя.

Юрд говорил загадками, которые были мне тогда еще совсем не ясны, и мы понимали его слова в буквальном смысле. Я оглядел стены его комнаты, увешанные фотографиями ракетопланов разных классов, видами планет, как они смотрятся с расстояния нескольких десятков тысяч километров, портретами известных исследователей космоса, и мне стало грустно. «Неужели, — подумал я, — меня в дальнейшем ожидает такое же одинокое существование среди старых реликвий и воспоминаний? Неужели и мне придется довольствоваться жалким положением мелкого служащего? Только не это! Пусть лучше мой труп выбросят в пространство, чтобы он вечно кружил между планетами. Так летает много наших».

В то время я еще не догадывался, что Юрд продолжает жить полнокровной жизнью, став на путь более опасный, чем тот, по которому шли мы, и делая дело

куда более важное. Обо всем этом я узнал только здесь, на Хрисе, да и то в известной мере случайно.

Мы с Кондом засиделись у Юрда допоздна. Не скрою, может быть, этому способствовало содержимое того пакета, который мы принесли с собой. Когда на столе остались только пустые бокалы, Юрд пустился в воспоминания, и от рассказов его повеяло таким ароматом прошлого, но вместе с тем близкого нам, что уходить не хотелось.

— Ну и как же ты перестал летать? — спросил под конец Конд.

— Как? — Юрд улыбнулся, и морщины его разгладились. — Очень просто: я побывал на Хрисе.

— Я тоже бывал на Хрисе, — недоуменно ответил Конд, — однако летаю до сих пор.

Юрд перестал улыбаться и отодвинулся от стола. Он обошел комнату своей вялой походкой и пригасил освещение. Заглянул зачем-то в коридор и сразу же вернулся. Подошел к нам и сел, подперев голову руками.

— Вот что, — сказал он, — каков план вашей экспедиции? Тот же, что и в прошлый раз?

— Да, примерно, — ответил я, — летим на орбитальном корабле, с него и намечается спуск на планету.

— Я так и думал, — сказал Юрд, — и все же у меня есть к вам просьба. Я знаю, что по плану спуск на Хрис не предусмотрен, но я сам достаточно летал в космосе, чтобы представлять себе, как иногда ломаются самые продуманные планы (увы, он оказался прав). Одним словом, не исключена возможность, что вам придется совершить посадку на Хрис. Если это произойдет и вы встретитесь с персоналом хрисской станции, то разыщите там инженера Мэрса и передайте ему вот это.

Юрд опустил руку в карман и извлек металлический цилиндр.

— Здесь письмо, — он положил цилиндрик на стол, — не пытайтесь его вскрыть, вам не удастся сделать это, не повредив футляр, а самое главное — вы все равно не сможете прочесть, оно зашифровано. Я вам верю, но в тех пределах, которые мне самому дозволены. Возьмите его. Бери ты, Антор, и храни, а ты, Конд, возьмешь, если с Антором что-нибудь случится.

Голос Юрда звучал твердо, и мы чувствовали, как

он приобретает над нами какую-то необъяснимую власть.

— Никому о нем не говорите, ни единой душе, так будет безопаснее для вас самих. Ясно?

— Очень даже, — проговорил Конд. — Мы возьмем письмо, только это для тебя, Юрд, остальное нас не не касается.

— Пусть остальное вас не касается. Если на Хрис садиться не будете, выбросьте его на обратном пути в космосе. Вот и все, а теперь идите, уже поздно.

Мы поднялись.

— Прощайте, желаю вам удачи. Арбинада трудная планета, хотел бы быть с вами.

Пока мы шли до двери, Юрд начал наводить в комнате прежний порядок; я заметил это, покидая его жилье. Когда мы выбрались из здания, он прокричал нам вслед старое пожелание астролетчиков:

— Счастливой посадки!

— Счастливой посадки! — ответил Конд и помахал рукой, обернувшись назад к слабо освещенному дверному проему, где неясной тенью виднелась фигура Юрда.

Мы зашагали к дороге между шумевшими на ветру кустами, чутьем угадывая в темноте свой путь. Оставленной машиной никто не успел воспользоваться — она стояла на месте. Конд, усевшись за руль, проговорил:

— И что за дела у Юрда, не понимаю! Если бы это был не он, а кто-нибудь другой, ни за что не стал бы ввязываться в темные махинации, терпеть их не могу. Всегда они скверно кончаются. Ты что по этому поводу думаешь?

А я тогда ничего не думал. Я вспомнил о Юринге, которая ждала меня дома. Думать обо всем этом я начал только теперь.

●

Особенно мне запомнился последний день, проведенный в Хасада-пир оазисе. Я заметил между прочим, что дни, которые замыкали тот или иной отрезок моей жизни, почти всегда преподносили мне хорошее или плохое, но памятное событие. Так случилось и тот раз. На первый взгляд, все произошло довольно неожи-

данно для меня, хотя, оглядываясь теперь назад, я понимаю, что предшествующие дни, шаг за шагом подводили меня к принятому тогда решению. Радость, горе, отчаяние и счастье, которые пережила Юринга, настолько врезались мне в память, что я отчетливо вижу каждое сделанное ею в тот день движение, слышу каждое произнесенное слово.

Полуденное солнце то скрывалось в облаках, то, вырываясь на волю, светило прямо в окно, против которого, забравшись с ногами в кресло и свернувшись в тесный комочек, сидела Юринга. Она была задумчива и печальна. Ее большие темные глаза с самого утра смотрели на меня с затаенной грустью. Я и сам чувствовал себя необычно, на душе было неспокойно, и какая-то неясная тоска тяготила меня. В оставшиеся предотлетные часы от нечего делать я то прохаживался из комнаты в комнату, то подолгу смотрел в окно, мысленно прощаясь с красочными пейзажами этого уголка нашей планеты. Временами я подсаживался к Юринге, пробовал шутить, надеясь развеять ее грусть, но, не достигнув успеха, снова поднимался, ощущая какую-то странную раздвоенность и смутное беспокойство. В довершение всего во мне тлело предчувствие неотвратимой утраты, которое не оставляло меня ни на минуту, но и не проявлялось настолько сильно, чтобы с этим чувством можно было бороться. Постояв у окна, я снова подсел к Юринге и взял ее руку. Рука была холодна и безжизненна.

— Что с тобой, Ю, ты сегодня такая же мрачная и безвольная, как вот та тучка, которую несет ветер, и вы обе готовы пролиться дождем... Будь веселой, как эти дни.

Она слабо улыбнулась, но ничего не ответила, лишь пальцы шевельнулись в моей руке.

— Смотри, что я тебе купил... вот, ты же любишь этот цвет, ты как-то говорила.

Я достал липруну и положил ей на колени.

— Нравится?

— Да, красивая... Спасибо, но мне бы хотелось совсем другое.

— Что же?

— Что-нибудь лично ваше, какую-нибудь пустяковую вещицу, но вашу, а не купленную на ваши деньги.

— Зачем тебе?

— Так. Я хочу! — В голосе ее послышалась настойчивость, но она тут же уступила место прежней грусти. — Вы уедете сегодня, и я вас больше никогда не увижу... Вам не было скучно со мной?

Я привлек ее к себе.

— Нет, только вот сегодня...

— Не шутите, Антор, — с расстановкой сказала она, — мне сегодня тяжело слушать шутки, побудьте тоже таким, как всегда.

Я осторожно провел ладонью по ее щеке и застыл, не отнимая руки от ее лица.

Бывают моменты в жизни, когда мы неожиданно начинаем понимать самих себя и вдруг убеждаемся, что жили, поступали и делали все не так. Тогда мы принимаем решения, которые резко изменяют нашу дальнейшую судьбу и о которых мы в дальнейшем не жалеем.

— Юринга!

Зрачки ее глаз расширились... Она вздрогнула, и на лице ее отразилось смятение, словно своим женским чутьем она угадала те мысли, которые вихрем пронеслись у меня в голове.

— Юринга... Ты согласилась бы стать моей женой?

Последовала самая неожиданная реакция. В глазах у нее вспыхнула радость, потом промелькнул испуг, и она разрыдалась... разрыдалась так, словно на нее свалилось тяжелое, непоправимое горе.

— Юринга! Что с тобой? — Я прижал ее к себе и гладил ее плечи, спину, руки. — Я обидел тебя? Подожди, не плачь, ответь хоть что-нибудь!

Лицо ее спряталось у меня на груди, а руки робко тянулись к плечам и, забравшись под воротник одежды, напряглись, притягивая мою голову к себе. Я взял ее за плечи и, оторвав на минуту от себя, заглянул в глаза.

— Юринга! Успокойся! Скажи, в чем дело?

— Я... я... — Рыдания мешали ей говорить. — Вы это серьезно, Антор?

— Конечно, серьезно, неужели ты думаешь, что я мог бы так пошутить?..

Голова ее снова ткнулась мне в грудь.

— Да, я... знаю... но мне хотелось услышать еще раз.

— Так ответь мне, ты согласна?

— Я... я не могу... вы сами... откажетесь... если узнаете... если узнаете всё...

— Что всё? Почему ты не можешь?

Она затрясла головой:

— Не могу... Вы богатый, Антор, а богатые... я знаю... богатые женятся ради детей... наследника, даже если любят, а я... я не могу быть матерью, я...

Она снова разрыдалась и сникла, обессиленная признанием. Я подхватил ее на руки и посадил к себе на колени.

— Что ты говоришь, Юринга! Откуда ты взяла, что я богат? Кто это тебе сказал? И почему ты не можешь?..

— Нет... не могу... здесь, в Хасада-пир... когда нас, девушек, берут сюда, нас... нам делают операцию, чтобы не возиться с... последствиями... это условия контракта, который подписывают родители...

Я замолчал, потрясенный ее несчастьем. От этого Юринга стала мне еще дороже и ближе. Она сидела, не двигаясь, и только вздрагивала от затихающих рыданий. Медленно текли минуты. Я смотрел на это беззащитное существо, лишенное всяких надежд на счастье, еще более одинокое и бездомное, чем я сам.

— Юринга, — мягко сказал я, — не будем думать о будущем в... этом смысле... Я не намерен...

Она подняла голову и с трепетом посмотрела мне в лицо.

— ...менять своего решения. Ты многое представляешь себе неправильно. Ты думаешь, я богат и счастлив, но у меня нет ни того, ни другого. Если я нужен тебе, если ты хочешь быть со мной, если ты будешь счастлива со мной, то... давай уедем отсюда вместе и будем вместе столько, сколько позволит наша судьба. Конечно, лучше бы потом иметь... и другие радости, но сейчас мне больше всего на свете нужна ты. Ты! Понимаешь, только ты. Не торопись, подумай, жизнь наша не будет легкой, денег у меня далеко не всегда столько, сколько я имел их здесь, зарабатывать на жизнь мне приходится тяжелым трудом, и я часто буду оторван от тебя на целые годы... Подумай, Юринга.

По мере того как я говорил, глаза ее светлели, наливались радостью, а когда кончил, она порывисто прижалась ко мне.

— Зачем вы мне это говорите, Антор? Неужели вы до сих пор не понимаете, что я... люблю вас? Мне безразлично, буду я с вами сыта или голодна, плохо или хорошо одета. Я буду знать, что вы со мной, даже если вы будете далеко... а это так много! Правда?

Я еще крепче прижал ее к себе.

— Вы не пожалеете, Антор. Я буду вам настоящей подругой. Вы не думайте, я веселая, это здесь я была грустной временами, потому что вспоминала о том, что вы уедете... А теперь вы будете со мной. Вам не будет скучно, я даже училась до того, как попасть сюда, и я красивая... Правда? Я вам нравлюсь?

— Очень, Юринга...

Мы долго молчали, глядя друг на друга и забыв обо всем окружающем. Я первым вернулся к действительности. Пора было что-то предпринимать, так как времени до отлета оставалось уже совсем мало. Скоро должен был прийти Конд, как мы договорились с ним утром, чтобы лететь вместе в Харту.

— Юринга, у нас мало времени. Скоро уходит конвертоплан, и ты должна еще освободиться от своей зависимости. Сколько придется платить неустойки?

— Много, очень много. Я точно не считала. Кажется, пятьсот ти. — Она тревожно посмотрела на меня. — У вас... у нас есть такие деньги? Я могу говорить «у нас»?

— Да, Юринга, да, и деньги есть... пока во всяком случае.

Я подошел к шкафчику, в котором хранились мои капиталы. Высыпав деньги на стол, я пересчитал их. Оставалось всего шестьсот ти. Пятьсот нужно было отдать Юринге, в тридцать обойдется перелет, остаются гроши — всего семьдесят ти на ближайший месяц и непредвиденные расходы. Это более чем скромно. Хорошо еще, что за все остальное было уже заплачено. Юринга смотрела на меня, и, казалось, читала каждую мысль.

— Вы не беспокойтесь, Антор, я как-нибудь доживу до вашего возвращения... мне приходилось и хуже. Только вы возвращайтесь ко мне. Я буду ждать вас всегда, всю жизнь!

Я ласково погладил ее по плечу.

— Ничего, устроимся, кое-что я еще оставил отцу... Ты торопись, скоро придет Конд, мы полетим вместе.

Она подошла ко мне и снова обняла.

— Антор, а кто этот... Конд?

— Мой товарищ, я лечу в экспедицию вместе с ним. Ты его знаешь. Помнишь, когда мы впервые встретились, он был вместе со мною?

Юринга отступила на шаг.

— Это такой высокий?

— Да.

— Антор, вы не обижайтесь... но я не хочу его видеть.

— Почему?

— Он нехороший.

— Почему ты так решила?

— Я знаю. Он так смотрел на наших девушек... Вы так не смотрели...

— Не будем спорить, Юринга, — остановил я ее, — у тебя еще будет время убедиться в том, что о мужчинах следует судить не по тому, как они смотрят на женщин... Вот деньги, иди и верни себе свободу...

Я проводил ее до дороги и, посадив в машину, вернулся, чтобы собрать вещи, которые накопились за время моего пребывания в «оазисе удовольствий». Конд появился раньше, чем я его ожидал. Ввалившись в дверь, он сразу наполнил помещение шумом и движением.

— А ты недурно устроился, — заметил он деловито, заглянув в каждый угол. — Собрался уже?

— Нет еще, собираюсь.

— Ну собирайся, а я пока отдохну. Где тут у тебя можно удобнее примоститься?

— Где хочешь, хотя бы здесь...

Я показал ему на кресло. Он пододвинул его поближе ко мне и сел, вытянув вперед свои длинные ноги.

— Я, понимаешь, сегодня забрел со своей Ласией в такое место на этом Хасада-пир, что тебе, наверное, и не снилось. До чего только люди не додумаются! Устал, правда, но впечатлений на всю жизнь... с избытком.

Блаженно разглагольствуя, он сквозь приспущенные

веки наблюдал за моими сборами. Потом широко открыл глаза и неожиданно спросил:

— Слушай, Ан, я одного не понимаю, зачем ты женские тряпки укладываешь? Разве ты их не оставляешь здесь?..

Вопрос застал меня врасплох. Было ясно, что Конду все равно придется рассказать о моем решении, но на это как-то не хватало духу.

— Оставляю, — ответил я, продолжая бережно складывать накидку, подаренную мною Юринге в первый день нашего знакомства.

— Тогда чего же кладешь их вместе со своими вещами или ты их тоже оставляешь?

Я промолчал.

— Может быть, ты все же объяснишь? — Конд придвинул к себе графин с олано.

— Объясню, — резко ответил я, — мы поженились...

Он подскочил в кресле, словно его укусила лика.

— Поженились! Ты женился на этой...

— Да, на Юринге.

— Сумасшедший!

Конд заходил по комнате большими шагами, пиная ногами попадающиеся на пути стулья.

— И с таким ненормальным я должен лететь в рейс! Подумать только! Ты... когда это случилось?

— Успокойся, этого еще не случилось, это должно случиться...

— Ты серьезно?

— Совершенно серьезно, такими вещами не шутят...

Конд остановился у стола, налил себе полную чашку олано и выпил одним духом. Потом повернулся ко мне:

— Ты как полагаешь, я тебе друг?

— Надеюсь, — ответил я, продолжая хладнокровно складывать вещи.

— Тогда позволь высказаться, я, знаешь, коротко и прямо. Хочешь слышать мое мнение?

— Говори, — сказал я, догадываясь, какого рода мнение он собирается высказать.

Конд несколько раз прошелся по комнате, видимо подбирая наиболее убедительные доводы и приводя в порядок свои мысли. Заговорил он, впрочем, без особой экспрессии:

— Решение твое, Антор, нелепо от начала до конца.

Мне, может быть, и трудно будет тебя сейчас убедить, но попробую. Ты не случайно решился, я понимаю, чувства там разные... и все такое, но чувства чувствами, а женитьба женитьбой. Ты должен разграничивать эти понятия. Пригреть и приласкать можно любую девчонку, но жениться далеко не на всякой. Мы живем не на необитаемом острове, а в обществе, которое имеет свои традиции, и переступать их... не стоит. Ты подумал о том, кто твоя Юринга? Девушка, проданная в Хасада-пир, и вдруг... жена астролетчика! Как отнесутся к тебе наши товарищи?

— Как? Если поймут, отнесутся правильно, а не поймут — значит плохие у меня товарищи, — спокойно возразил я.

— Плохие! — Он снова начал горячиться. — Это легко говорить тебе сейчас. Неизвестно, как бы ты еще сам воспринял, например, мое решение жениться на Ласии, тоже в глубине души подсмеивался бы надо мной. И над тобой будут подсмеиваться, даже если ничего не скажут прямо. Как ты будешь себя чувствовать?

— Великолепно буду чувствовать. Не говори ты чепухи. Никто и знать не будет, что она отсюда... Или, может... ты расскажешь?

— Я!?. Не-ет...

Он еще раз приложился к олано и, вытерев рот, продолжил свое наступление:

— Хорошо, пусть ты такой непроницаемый, что тебя не будут задевать насмешки, допустим. Или допустим еще большее, что никто не узнает, кто она такая. Но известно ли тебе, что она не может подарить тебе ребенка? Это ты знаешь?

— Представь себе, знаю.

— Знаешь?

— Да.

— Вот как!

Конд, казалось, был сбит с толку, он, видимо, больше всего надеялся на этот аргумент. Замешательство его, однако, продолжалось недолго. Придя в себя, он быстро переменил тактику.

— Ты непоколебим, Антор, и непоколебимость эта питается лишь тем большим чувством к Юринге, которым ты сейчас горишь.

— Она стоит того.

— Согласен, может быть, стоит. Но подумай, надолго ли оно у тебя, а если надолго, то что ты ей можешь дать еще, кроме этого чувства. Чувство есть чувство, оно не материально, а ей надо жить. Ты же астролетчик, и судьба твоя капризна. Сегодня у тебя есть деньги, а завтра их нет, сегодня ты жив, а завтра... Ты подумал об этом? Здесь, несмотря на всю унизительность ее положения, она всегда сыта, одета и имеет крышу над головой, а как она будет жить с тобой? Или... без тебя?

Я закончил сборы и, сложив вещи в один угол, подошел к Конду.

— Знаешь, Конд, хватит, я выслушал твое мнение, оно... не оригинально. Насмешки... общество... дети... ерунда все это! Я хочу обыкновенного человеческого счастья, и я нашел его, пойми ты это, а дети... много ли у тебя детей, ты, который так печешься о них?

— Есть, наверное...

Я засмеялся.

— Видишь, ты от этого не стал счастливее, а Юринга, она тоже хочет просто счастья, а не унизительной сытости под ненавистной крышей...

— Да, но...

Конд осекся, увидев Юрингу, стоящую в дверях. Она еле держалась на ногах, взгляд ее потух, лицо осунулось. Я подскочил к ней и взял на руки.

— Что случилось, Юринга?

— Я пришла... проститься с вами, Антор, и... вернуть деньги.

Кулачок ее раскрылся, и на пол посыпались монеты.

— Почему? Ты раздумала?

— Нет...

— В чем же дело?

— У нас недостает, чтобы... чтобы выкупить меня, нужно больше... восемьсот ти...

Она оторвала свое лицо от моей груди, взглянула в глаза.

— Я всегда буду помнить вас, Антор, вы были так добры ко мне, только напрасно, напрасно... вы так много на меня тратили раньше...

Она горько заплакала. Я, продолжая держать ее на руках, повернулся к Конду, словно мог в нем найти поддержку. Он стоял в глубоком раздумье, низко опу-

стив голову и опершись рукой о спинку стула. Вдруг он поднял лицо, пристально посмотрел на меня и крепко ударил кулаком по столу:

— Сколько?

— Что сколько?

— Сколько там у вас не хватает?

— Триста, — мрачно ответил я.

— Поехали, поехали, пока я не передумал, берите вещи, сюда мы вернуться уже не успеем, конвертоплан уходит... ого! Да живее вы!

Я опустил ничего не понимающую Юрингу на пол, быстро собрал рассыпавшиеся монеты и подхватил чемодан.

— Пошли, Юринга, а ты еще думала, что он... пошли, одним словом.

...Когда мы поднимались на борт, Конд, пропустив Юрингу вперед, задержался около меня.

— Слушай, Ан, — сказал он. — Эти триста ти ты мне не должен, понимаешь? Я бы их все равно... а так, первый раз, кажется, сделал доброе дело... Вы оба выглядите до завидного счастливыми... Ты все-таки, наверное, прав...

И он подтолкнул меня к трапу.

●

Юрингу я отправил к отцу. Самому мне поехать не удалось — отпуск кончился. Я написал подробное письмо, в котором объяснял все, и дал его Юринге. Больше всего меня беспокоило, как отец отнесется к ней. Характер у него был крутой и несговорчивый, но в его положении Юринга могла быть ему полезной, и я надеялся, что, в конце концов, они уживутся. Тех денег, что я оставил дома, на первое время им должно было хватить. Кроме того, накануне отлета выплачивалась обычно вторая четверть нашего заработка, эту сумму я тоже намеревался отправить домой, оставив лишь на самое необходимое. Вторую половину мы должны были получить после возвращения из экспедиции... если вернемся, а если нет, то страховая премия двадцать тысяч ти — была завещана мною Юринге.

Когда я писал это завещание, невольно мелькнула мысль: не будет ли Юринга ждать гибели экспедиции

больше, чем ее благополучного возвращения. В сущности, ведь я ее почти не знал, а мне не раз случалось видеть, как из-за денег и более испытанные люди неожиданно теряли человеческое лицо.

Мысль эта была мимолетная, но горькая и, видимо, надолго засела в глубине сознания, если теперь всплыла снова. Слишком прочно Юринга вошла в мою жизнь, чтобы я не боялся разочароваться в ней, не боялся потерять ее. Сейчас я вспомнил об этом завещании потому, что на Церексе нас, наверное, уже считают погибшими. Как Юринга восприняла это известие? Надеется ли она еще на наше возвращение, ждет ли? По-моему, надежда — это символ желания. Горит ли в ней еще желание видеть меня, быть со мной? Мне так хочется верить в хорошее. Вера — единственная поддержка в нашем отчаянном положении, и я верю в тебя, Юринга! Но суждено ли мне будет вернуться к тебе?

●

Припоминаются напряженные и заполненные до отказа дни подготовки к экспедиции. Жесткий режим регламентировал тогда каждое наше действие, почти каждую минуту нашей жизни. Мы очень много работали: изучали новейшие данные об Арбинаде, просматривали груды материалов о магнитных полях, зонах интенсивной радиации, о свойствах, составе и распределении атмосферы вокруг планеты, знакомились с устройством поверхности и температурными условиями. После каждого часа упорных занятий, согласно предписанному режиму, следовал целый комплекс специальных физических упражнений, направленных на общее укрепление организма, подготовку его к работе в условиях увеличенной тяжести. Дни проходили за днями, одни предметы сменялись другими, предыдущий комплекс упражнений — последующим. Мы проглотили несметное количество обильных и однообразных блюд особого рациона и уже стали забывать, какой вкус имеет обычная человеческая пища. Даже течение времени перестало замечаться — оно скрадывалось монотонной сменой неразличимых друг от друга дней. Но шаг за шагом мы приближались к намеченной цели. Все

шире становились наши познания, все больше укреплялось тело, и мы терпеливо переносили однообразные будни подготовительной работы и все издевательства над нашими желудками. Впереди был трудный и ответственный рейс на Арбинаду.

Арбинада...

Прекрасная двойная планета.

Заветная мечта каждого астролетчика.

Но не только астролетчиков привлекает она к себе. С незапамятных времен взор человека отыскивал ее среди причудливых узоров неба и любовался ее поэтическим блеском в вечерние и утренние часы. О ней слагали песни, о ней писали стихи и именем ее нарекали прекрасных женщин. Теперь же, когда наши познания об окружающем мире неизмеримо возросли и человек стал настолько могущественным, что вырвался на просторы космоса, Арбинада предстала перед нами в новом свете — как наиболее доступный другой мир.

Планеты нашей Солнечной системы меньше всего напоминают необитаемые острова, ожидающие заселения их человеком. От маленького Юлиса, обжигаемого раскаленным дыханием солнца, до заброшенного на самый край холодного Опаса, — все они в неизмеримо большей степени дают пищу для размышлений человеческому уму, чем отвечают потребностям его тела. Из наших ближайших соседей только Арбинада, Норта и Орида в какой-то мере доступны человеку, но об Ориде мы до сих пор знаем слишком мало, чтобы рискнуть опуститься на нее. Закрытая плотным покрывалом облаков, эта планета надежно охраняет свои тайны. Она не имеет даже естественного спутника, с которого удобно было бы вести за ней систематические наблюдения. Арбинада изучена значительно лучше, но опыт нашей экспедиции показал, сколь ненадежны могут оказаться некоторые данные, полученные путем наблюдений из космоса.

Норта малопривлекательна. Она невелика, поверхность ее сплошь покрыта водой, и нет на ней ни одного клочка суши. Только лед лениво ползет с полюсов в холодные океаны и ветер гонит снежные метели в любое время дня, в любое время года. Час Норты еще не наступил. Там нечего пока делать человеку.

Другие, более далекие миры нам совсем недоступны. Они слишком велики и мало изучены. Тысячекилометровые атмосферные толщи — вязкие, тяжелые и плотные — скрывают под нагромождением облаков неведомые тайны. Там нет, наверное, твердой поверхности, а может быть, нет даже твердого ядра. Эти планеты скорее похожи на исполинские жидкие капли, окутанные облаком пара, безмолвно летящие по своим извечным путям в холодных глубинах вселенной.

Человечество легко вышло в космос потому, что Церекс мал и слабы на нем путы тяготения. Словно заботясь о людях, природа создала еще дополнительную ступеньку в космос, идеальный форпост — Лизар, маленький спутник нашей планеты. Низкий гравитационный потенциал Церекса — это наше счастье и несчастье одновременно. Счастье потому, что даже в эпоху топливных ракет мы могли далеко проникнуть в пространство и много узнать об окружающем мире. Несчастье — потому, что биологически мы очень плохо приспособлены к тем напряжениям тяжести, которые господствуют на других планетах.

Поэтому, несмотря на гигантское энерговооружение наших кораблей, была сделана лишь одна попытка сесть на Арбинаду, но и она окончилась неудачно. Это было четыре года назад. Официальная печать тогда обошла этот полет почти полным молчанием, но мы, астролетчики, были осведомлены достаточно хорошо. В этой экспедиции погиб Скар, мой товарищ, с которым мы вместе кончили инженерную школу и вместе стали астролетчиками. Он летел пилотом планетарного корабля и, совершив посадку на Арбинаду, больше уже не поднялся. Что там произошло — никто не знает. Орбитальный корабль не получил никаких сигналов и, после длительного безуспешного ожидания, был вынужден взять курс на Церекс. Вместе со Скаром погибли еще двое... Прошло три с половиной года, и была назначена следующая экспедиция — наша.

●

Большую долю в программе подготовки к экспедиции занимала гравитренировка членов экипажа планетарного корабля. Оба пилота, я и Конд, должны были

пройти полный ее курс. Тренировка проводилась в специальной кабине, на двух-трех человек, удобно сконструированной и вращающейся довольно быстро по кругу большого диаметра. С каждым днем удлинялось время гравитренировки в ней, и каждый раз увеличивалась скорость вращения. В конце концов центробежное усиление стало несколько превышать силу тяжести на Арбинаде. После полутора-двух часов, проведенных в кабине, мы покидали ее физически разбитые и безнадежно усталые. Тогда я со страхом думал, какие испытания нам предстоят на Арбинаде, утроенная тяжесть которой будет давить на нас непрерывно в течение многих дней. И опасения мои не были напрасными. Впрочем, об усиленной тяжести и о нашей подготовке к экспедиции я сейчас вспомнил только потому, что среди этих однообразных дней выдался один не совсем обыкновенный. Я впервые познакомился тогда с биологом Дасаром и начальником экспедиции Кором, и знакомство это состоялось при довольно необычных обстоятельствах.

Я сидел в гравикамере, распластанный в кресле, и пытался читать развлекательный роман из числа тех, которые берут в руки, когда хотят убить время. В других условиях подобные книги читаются одним дыханием, но там я с трудом одолевал каждую страницу. Мысли, как и все тело, сделались тяжелыми и неповоротливыми, внутри болезненно ныл каждый орган. Мое задание в тот раз было сравнительно простое — я должен быть «отдохнуть» при двукратном увеличении своего веса. Перед таким отдыхом я довел свой организм до изнеможения в тяжелой физической работе, которую предписали врачи. Усталость моя была зафиксирована бесстрастными приборами, записавшими ритм биения сердца, состав крови и многие другие показатели.

Я «отдыхал». Из прорезей в одежде, от датчиков, навешанных на меня, тянулись разноцветные провода к записывающему блоку — мой «отдых», как и моя усталость, контролировались чувствительными индикаторами жизненных процессов. Время тянулось утомительно. Я поминутно бросал взгляд на часы, словно это могло подогнать темп движения времени, и мечтал о настоящем отдыхе, когда исчезнет эта всепроникающая тяжесть. Неожиданно, как бы отвечая моим

желаниям, движение камеры начало постепенно замедляться и скоро прекратилось совсем. Я с удовольствием потянулся и, пододвинув к себе микрофон, спросил:

— Что случилось? Еще тридцать минут...

Мне никто не ответил. В некотором недоумении я начал отсоединять провода, намереваясь выйти из камеры. Отключив себя от блока, я направился к двери, но внезапно она распахнулась. Вошел незнакомый человек маленького роста, сухонький, с резкими энергичными движениями. За ним появился Онр, механик центрифуги, неся в обеих руках клетки с различными животными. Меня они словно не замечали.

— Эту поставьте... куда бы ее поставить?.. вот сюда, а эту, пожалуй, лучше поместить здесь. Она не свалится в таком положении? Нет? Ну хорошо... Можете идти, спасибо. Идите, вы мне больше не нужны. Камеру разгоните, как я вас просил, на удвоенный вес... Если понадобится больше, я сообщу. Вы поняли меня?

— Отлично понял, мазор-са.

— Вот, пожалуйста.

Онр ободряюще кивнул мне и вышел. Мы остались вдвоем, если не считать животных, которые, как мне казалось, вели себя в клетках чересчур активно. Движения их выглядели неестественно резкими и сильными, словно они были возбуждены до последней степени. Незнакомец достал из сумки михуру и просунул по несколько кусочков в каждую клетку. Когда его подопечные начали жадно поглощать лакомство, он, наконец, повернулся ко мне:

— А вы что здесь делаете?

— Отдыхаю, — сказал я и только тогда понял всю нелепость своего ответа.

— Чудесно! То есть, постойте, что я говорю? Чепуху говорю!.. Какой здесь отдых? Здесь же...

Он на несколько секунд замолчал, потер левый висок и заговорил снова:

— Ну, конечно, я вспомнил, мне сообщали, что в камере находитесь вы, только я забыл ваше имя.

— Антор, — подсказал я.

— Правильно, Антор. А мое — Дасар, будем знакомы. Вы тоже летите в экспедицию?

— Да.

— Кем же?

— Пилотом.

— Чудесно. Я — биолог. Мне это тоже говорили, то есть мне не это говорили, что я биолог, а говорили, что вы пилот...

Должен сознаться, что Дасар произвел на меня вначале странное впечатление. Он показался мне взбудораженным, импульсивным, рассеянным. Однако позднее я понял, что эти недостатки проявлялись в нем редко, в действительности же это был выдержанный и чрезвычайно целеустремленный человек. Он обладал удивительной особенностью перевирать слова, говорить невпопад, если шел обычный легкий разговор. Но стоило беседе принять серьезное направление, как вся его внешняя чудаковатость сразу исчезала, речь становилась четкой, а мысль глубокой. Теперь, когда я пишу здесь о Дасаре, то вижу его именно таким, каким он представляется каждому, кто сталкивается с ним достаточно часто.

Камера между тем снова начала разгоняться. Тяжесть постепенно нарастала. К моему удивлению, биолог ее словно не чувствовал. Он с удобством расположился в кресле и погрузился в чтение принесенной с собой книги, время от времени следя за поведением животных. От нечего делать я тоже смотрел сквозь прутья клеток и с удивлением замечал, что, по мере нарастания тяжести, животные все более и более успокаивались и, когда скорость вращения достигла максимума, вели себя почти нормально. Они прыгали и играли так, словно в камере были обычные условия, в то время как мои руки и ноги налились металлом, а щеки отвисли. Я с трудом поднялся, желая подойти к клеткам поближе, но был остановлен возгласом биолога:

— Вот, ерунда какая!

Он смотрел на меня и потрясал книжкой:

— Послушайте, Антор, что пишет этот глубокоуважаемый неуч Нирд. Вот, например, «Информационная структура генетических последовательностей не может быть представлена рядами Промта, так как последние, вопреки установившемуся взгляду, являются лишь псевдохарактеристикой негэнеропийного состояния хромосом. Мой уважаемый оппонент литам Дасар-са — это он обо мне — утверждает, опираясь на свои сомни-

тельные опыты, что в рассматриваемом направлении можно идти даже дальше и получить не только качественную картину, но и количественную характеристику механизма наследственности. Доводы Дасара, естественно, не могут восприниматься серьезно, и скорее их следует причислить к остроумной фантазии, чем к строгому научному суждению...» Каков! А? Ни капли воображения! Разве таким людям можно доверять руководство научным коллективом? Да они убьют всякую живую мысль в самом зародыше! Как вы считаете?

Я недоуменно развел руками:

— Не берусь судить, литам Дасар. Я специалист совсем в другой области.

Биолог оглядел меня с ног до головы.

— Ну да, конечно, вы же... э... рулевой, то есть пилот, я хотел сказать. Жаль, жаль. Очень жаль.

Он нагнулся к клетке и, запустив руку сквозь решетку, погладил млину. Та обрадованно заурчала и подняла свою мордочку. Утомившись, я снова вытянулся в кресле, а биолог между тем, судя по его свободным движениям, чувствовал себя неплохо, хотя выглядел куда слабее меня.

— Скажите, пожалуйста, литам, вы разве не ощущаете удвоенной тяжести? — наконец спросил я.

Он ответил, как мне показалось, совершенно невпопад:

— Стимулированно-активное состояние периферической и центральной нервной системы при селективно возбужденной деятельности гормональной сферы.

— Ага, — пробормотал я, — но... простите, литам-са, но мне кажется, что вы меня не поняли.

— Это я не понял?

Он оторвался от клетки и повернулся ко мне.

— Да... Я вас спрашивал...

— ...О том, почему я так легко переношу тяжесть здесь, в камере?

Я слабо кивнул головой.

— Так я вам и отвечаю. Стимулированно... впрочем, я опять забыл, что вы... этот... ну да, именно...

Он потер руки и сделал несколько шагов, задумчиво глядя в пол, потом поднял на меня глаза.

— Случалось ли вам видеть, пилот, как человек в момент сильного испуга, паники или смертельной

опасности словно удваивает свои силы и преодолевает такие препятствия, которые безусловно остановят его, если он находится в нормальном состоянии?

— Да, однажды...

— Подождите, я только начал. Недавно мазором литомом Анзом был описан любопытный случай. Некто Малт, тщедушный и слаборазвитый физически субъект, находящийся на излечении нервного заболевания, во время прогулки вдруг с неожиданной силой разбросал по сторонам своих несчастных товарищей и стремглав бросился бежать. Он перепрыгнул через больничную ограду высотой пять метров и устремился дальше. Я особо обращаю ваше внимание: пять метров! Это значительно превышает достижения даже лучших спортсменов. Слушайте дальше. Перепрыгнув через ограду, больной побежал по дороге, где его, в конце концов, догнали на машине, причем в тот момент, когда скорость машины и человека сравнялись, указатель скорости отметил сорок восемь километров в час. Что вы на это скажете, пилот?

Я неопределенно покачал головой:

— По-моему, невменяемых не следует сравнивать с нормальными людьми.

— Это почему же? Они такие же люди. Точно такие! Их тело ничем не отличается от нашего. Все то же самое, все без исключения, только налицо нарушение отдельных функций нервной системы... М-да... Но дело не в этих страдающих, я привел здесь пример Малта только потому, что, во-первых, он довольно-таки характерен и, во-вторых, научно зафиксирован. Это не пресловутые россказни очевидцев, а точно известный факт, который красноречиво свидетельствует о скрытых возможностях нашего организма.

Биолог смотрел на меня так, словно ожидал услышать яростные возражения, но мне было, право, не до них. Усиленная тяжесть и усталость сломили во мне не только дух бодрости, но и дух противоречия, поэтому я молча слушал то, что он изрекал, стараясь лишь не потерять нить нашей беседы. Не получив ожидаемых возражений, биолог снова заходил по тесному помещению камеры, неловко зацепил одну из клеток и опрокинул ее. Млины подняли ужасную возню и писк. Водворив порядок, Дасар продолжал:

— Выражаясь инженерным языком, можно сказать, что природа создала человека с большим запасом прочности и не поскупилась на резервную мощность. Вот что важно. Но не всегда нам дано ее использовать. Существуют своего рода ограничители в нашем организме, которые хранят ее под спудом и освобождают только в самых крайних случаях действительной или кажущейся опасности. Это очень примечательно, Антор. Я правильно запомнил ваше имя?

— Правильно. Пилот Антор.

— Так вот, уважаемый пилот, совсем недавно... впрочем, неважно, где именно, синтезирован препарат, который позволяет регулировать действие этих ограничителей и использовать нашу резервную энергию в нужном масштабе. При этом, заметьте, что очень важно, эмоциональная сфера человека, равно как интеллектуальная, остаются незатронутыми. Приняв этот препарат, вы не чувствуете панического страха, не теряете рассудка, а остаетесь человеком, но человеком необычайных возможностей. А?

— Нет, я ничего не говорю.

— Значит, мне показалось. Теперь вы поняли, что означает мой ответ на ваш вопрос?

— Да, кажется, понял. Вы хотели сказать, что находясь под действием этого препарата, который стимулировал вашу...

— Совершенно верно, я принял синзан.

— Синзан, — повторял я, поворачиваясь в кресле и занимая более удобную позу, — а это не опасно? Ведь ограничители не зря, наверное, поставлены природой.

Дасар перестал ходить по камере и тоже сел в кресло.

— Не зря, конечно... В противном случае организм слишком быстро изнашивал бы себя или надорвался от непомерных усилий. Это ясно, но в данном случае риск оправдан. Мы летим на Арбинаду. Там тяжесть почти втрое превышает нашу привычную, и я знаю, что никакими тренировками в этих камерах невозможно подготовить нас по-настоящему к тем тяжелым условиям, в которых нам придется работать.

— Скажите, литам Дасар-са, этот препарат достаточно проверен?

— Нет, он совсем новый.

— А как вы чувствуете себя, когда действие его проходит?

— Скверно. Я не хочу этим сказать, что он отравляет организм. Нет, но изматывает настолько, что потом требуется длительный отдых. Там, на Арбинаде, безусловно будут минуты, когда синзан окажется для нас чрезвычайно полезен.

Я с уважением посмотрел на биолога и снова, обратив внимание на нормальную плавность и непринужденность его движений, спросил:

— Сейчас вы чувствуете себя хорошо?

— Великолепно. Хотите попробовать?

Измучавшая меня всепроникающая тяжесть и естественное любопытство не оставили места для сомнений. Я решился. Биолог достал из кармана маленькую коробочку и протянул мне прозрачную таблетку:

— Проглотите вот это.

Снадобье было безвкусным, только сильно вязало рот. Я поморщился.

— Что? Э... зеленое, то есть что я говорю? Неприятное?

— Нет, это я с непривычки.

Несколько минут мы провели в молчании. Слышался только шум центрифуги да еще слабая возня животных, прыгавших в своих клетках, больше ничто не нарушало тишину. Вначале никаких изменений в моих ощущениях не произошло. Так же, как и раньше, стремились оторваться внутренности, по-прежнему голова тяжело давила на шею, вызывая тупую боль в позвонках, неприятно отвисали щеки. Спустя некоторое время, однако, стало наступать облегчение. Я шевельнул рукой и почувствовал, что она стала легка и послушна. Висевший напротив меня акселерометр по-прежнему показывал удвоенную тяжесть, но теперь она проявлялась лишь в неприятных ощущениях и не сковывала движений. Я встал на ноги и сделал несколько неуверенных шагов. Биолог внимательно наблюдал за мной.

— Смелее, пилот, — сказал он.

Я расправил плечи и, нагнувшись, отодвинул кресло в угол.

— Как чувствуете себя?

— Хорошо, только... странно.

— Это пройдет, привыкнете.

— Долго будет действовать?

— Синзан полностью выделяется организмом через несколько часов, так что будьте осторожны.

— Осторожен? В чем?

— Во всем. Ваш организм сейчас почти на пределе своих возможностей, не повредите его. Когда камера остановится, следите за каждым своим движением. Ваши мышцы в настоящий момент необычайно сильны, потребуется усилие воли, чтобы заставить их действовать нормально. Если вы забудете об этом, то не сможете даже ходить, ваши шаги будут слишком... э... широкими.

Я ничего не ответил и занялся присоединением проводов от блока к датчикам. Перспектива покинуть камеру сказочным силачом меня даже несколько занимала.

Присоединив провода, я взглянул на часы, оставалось еще несколько минут. Я продолжал спокойно беседовать с биологом. Но тут произошло нечто, что никак не входило в обычный регламент нашего подготовительного режима.

●

Скорость вращения камеры начала замедляться без нашего требования. Биолог достал свой хронометр и удивленно посмотрел на него.

— Это еще что такое! — возмущенно воскликнул он и включил микрофон. — Эй, мазор Онр, почему вы останавливаете камеру без моего указания?

Динамик затрещал и ответил глухим голосом, лишь отдаленно напоминающим голос Онра:

— Простите, мазор Дасар, но поступило распоряжение мазора Кора-са немедленно вызвать к нему пилота Антора.

— Что?! — воскликнул я.

— Это вы, мазор Антор?

— Я! Ты ничего не перепутал? Меня действительно вызывает Кор? Он разве здесь?

— Здесь. Уже полтора часа, как приехал.

Новость была неожиданной. До сих пор мы еще не видели своего начальника экспедиции и не знали о нем

почти ничего. Ходили только слухи, и слухи эти были разные. Одни утверждали, что Кор не только крупный ученый, одинаково легко ориентирующийся в целом ряде отраслей знаний, но и человек принципиальный, другие высказывались о его осведомленности с меньшим энтузиазмом, но не скупились на малоприятные характеристики. Были и такие, которые употребляли, вспоминая о нем, только самые сильные выражения и самые нелестные эпитеты. Таких было меньшинство. Мне сразу вспомнились предостережения Юрда, и должен сказать, что известие о вызове к начальнику я воспринял с некоторым беспокойством. Почему он вызывает меня? Зачем я ему понадобился? Что все это означает? Я стоял в нерешительности. Идти к Кору мне совсем не хотелось.

— Чего же вы медлите? — сказал биолог, когда камера остановилась. — Имейте в виду, Кор не любит опозданий.

— Знаю, — ответил я и начал отсоединять провода.

Аккуратно смотав их, я наконец направился к выходу.

— Помните о синзане, действие закончится только к вечеру.

— Хорошо. До свидания, литам Дасар.

— Всего доброго.

Разыскав Онра, я узнал, где находится Кор, и, контролируя каждый свой шаг, направился через пустырь к зданию космопорта. До сих пор синзан мне никаких неприятностей не причинил, но, войдя в помещение, я забылся и неожиданным для самого себя скачком влетел в вестибюль, больно ударившись плечом о каменную стену. Помянув крепким словом некоторых ученых и собственную забывчивость, я поднялся на второй этаж, ступая по лестнице осторожно, как хищник, выслеживающий добычу. Перед дверью, помеченной номером сорок три, я остановился, поправил костюм и позвонил.

— Войдите, — послышалось из комнаты.

Я с треском распахнул дверь. Кор стоял спиной ко мне и глядел в окно.

— Пилот Антор?

— Да.

Фигура у окна не шевельнулась.

— Можно было появиться здесь с меньшим эффектом.

— Простите, мазор Кор-са.

Начало разговора не предвещало ничего хорошего. Кор все еще стоял лицом к окну и что-то разглядывал на пустыре. Прошло несколько тягостных и безмолвных минут, прежде чем он повернулся. Только тогда я впервые увидел его лицо. Меня поразил взгляд. Холодный и тяжелый взгляд, про который говорят, что он сверлит человека насквозь. Мне не нравятся такие сравнения, но хорошо помню, что, когда он начал осматривать меня, спокойно и беззастенчиво, я чувствовал, как взгляд этот буквально ощупывал мое тело. Наконец глаза наши встретились. Мы несколько секунд смотрели друг другу в лицо.

— Так, — произнес он и потом добавил: — Проходите.

Я сосредоточенно сделал несколько шагов, отделяющих меня от него.

— Давайте знакомиться. Как вам должно быть известно, решением Государственной комиссии, я назначен начальником экспедиции на Арбинаду. Мое имя — Кор.

Мы церемонно сделали по приветственному шагу в сторону.

— Сегодня я начинаю знакомиться с членами экипажа, этим и объясняется мой вызов.

Кор имел скверную привычку смотреть на собеседника так, словно перед ним было пустое место. Глаза во время разговора у него устремлялись в пространство, и в них ничего нельзя было прочесть.

— Как мне известно, — продолжал он, — конкурс на замещение должности пилота экспедиции в этот раз не был трудным, — здесь его голос прозвучал с насмешкой, — и мне теперь хотелось бы составить личное впечатление о своих подчиненных, пока есть время исправить возможные ошибки.

Подобное вступление не сулило ничего хорошего. Я проглотил какой-то комок, застрявший в горле, и промолчал. К тому же по выражению лица Кора чувствовалось, что он и не ждал ответа на свои слова. Я понимал, что сейчас мне предстоит держать жесткий экзамен, и не ошибся в своих предчувствиях. Кор сде-

лал несколько шагов по комнате и, еще раз ощупав меня с ног до головы своим неприятным взглядом, спросил:

— Вы давно летаете?

— Давно...

— Сколько?

— Четырнадцать лет, считая стажировку.

Он нагнул голову и дважды прошелся мимо меня.

— Назовите рейсы, которые вы делали самостоятельно.

— Все?

— Да, все.

— Их много.

— Чем больше, тем лучше.

Пришлось перечислить свои полеты, даже самые старые.

— Хорошо. А сколько раз вам приходилось сажать корабль в атмосфере?

— Двенадцать.

Кор задумался.

— Маловато.

Я снова промолчал и лишь сделал невыразительный жест рукой. Пока все шло довольно гладко, но затем последовали более серьезные вопросы. Кор остановил на мне свой взгляд, в котором на этот раз мелькнуло что-то человеческое, и сказал, раздельно произнося каждое слово:

— Так вот, пилот, как вы рассчитаете работу двигателя в режиме торможения на эллиптической траектории с блуждающими фокусами?

— Закон изменения фокусного расстояния?..

— Считайте заданным.

— Тогда...

— Напишите основные соотношения.

Кор указал на стол, где лежали необходимые письменные принадлежности. Я осторожно сел и, сосредоточившись, забыл о действии синзана. Перо в моих руках хрустнуло и переломилось пополам. Он истолковал это по-своему:

— Нервы, пилот! Что говорят врачи?

Его манера разговаривать и самоуверенный вид раздражали меня. Именно такие люди вызывают

непреодолимое желание дать им по физиономии. Я с трудом сдержался и ответил спокойно:

— В отличие от вас, врачи не заметили никакой патологии.

Он нахмурился. Я взял другое перо и начал писать. Нервы у меня в тот момент действительно были напряжены, но мозг работал быстро и четко, как электронная машина. Не знаю, может быть, здесь тоже проявилось действие синзана. Закончив вывод, я молча передал ему листок. Он внимательно просмотрел написанные формулы и небрежно бросил его на стол.

— В основном правильно, хотя имеются некоторые неточности. Найдите их.

— Вывод сделан совершенно строго.

— Совершенно строгих выводов не бывает.

— В пределах принятых предпосылок, — упрямо возразил я, подчиняясь бушевавшему во мне чувству противодействия Кору.

Взгляд его, до этого устремленный в пространство, наконец, остановился на мне.

— Советую вам, пилот, поберечь свое упорство до более подходящего случая, здесь оно неуместно.

Голос его звучал холодно и твердо. Я понял, что дальше с ним пререкаться было опасно, и замолчал, ожидая следующих вопросов, однако Кор не торопился их задавать. Он повернулся к окну и некоторое время наблюдал, как на пустыре готовился к старту рейсовый корабль, уходящий на Лизар, потом повернулся ко мне.

— Вы уже познакомились с навигационной аппаратурой «Эльприса»?

— Да, ознакомился.

— Подойдите сюда.

Он нагнулся и извлек из ящика стола толстую папку. Порывшись в ней, Кор выбрал какую-то схему и аккуратно расстелил ее на столе.

— Чего же вы ждете? Подойдите!

Я отодвинул стул, стоявший на пути, и, забыв о синзане, диким скачком перелетел к Кору, чуть не сбив его с ног.

— Осторожно! — Он оттолкнул меня. — Вы что! С ума сошли? Здесь не стадион! Извольте вести себя надлежащим образом или наше знакомство на этом закончится. Я найду себе другого пилота!

— Простите, я забыл...

— Вы забыли, где вы находитесь, это самое главное.

— Извините, но я должен объяснить вам...

— Я не желаю слушать никаких объяснений, — отчеканивая каждое слово, отрезал Кор. — Позволяя себе подобные выходки, вы злоупотребляете моим, предупреждаю, не безграничным терпением и рискуете своим местом, уясните это.

Я промолчал. Такой прыжок, действительно, мог показаться странным для человека, не знающего, что такое синзан. Неизвестно, что тогда подумал Кор, но он был лучше, чем казался с первого взгляда, если не выставил меня в ту же минуту за дверь. Умиротворенный моим молчанием и виноватым видом, который я умею на себя напускать, он несколько смягчился.

— Перед нами схема посадочного автомата, я выделяю главную его часть — расчетное устройство. Охарактеризуйте кратко принцип работы, настройку и возможные неполадки.

Этот автомат я знал хорошо и поэтому начал отвечать довольно бодро.

— Работу расчетной системы удобно рассматривать, начиная с блока суммирования информации. Сюда по каналам связи от рецепторов поступает непрерывный поток данных, обработка которых...

Кор перебил меня:

— Не водите по схеме рукой, возьмите вот это.

Он снял с одежды линту, одно из тех украшений, которые почти никто не носит. Я залюбовался ею. Это была не обычная, стандартная продукция, а редкое произведение искусства, вышедшее из рук хорошего мастера, который вложил много любви и выдумки в отделку дорогого лизирьеда.

— Замечательная вещь! — восхищенно сказал я.

— Это к теме не относится. Продолжайте.

Я наклонился над схемой и... сломал великолепный образец ювелирного искусства. На порванном листе лежали обломки предмета, который, судя по всему, был гордостью Кора. Внутри у меня похолодело. Кор в молчаливом изумлении и гневе переводил свой взгляд с меня на линту и снова на меня. Голос его, однако, прозвучал так, словно ничего не произошло:

— Можете идти, я похлопочу, чтобы подыскали более аккуратного пилота.

Он отвернулся, давая понять, что мой вид ему противен и разговор наш закончен. Я стоял опустошенный и безмолвный. В голове проносились отдельные бессвязные мысли о каких-то второстепенных мелочах, о том, что я еще не обедал, что нужно отправить письмо Юринге, и вдруг до боли яркая мысль отбросила назад весь хаос, царивший в моем сознании. Я же нищий! Не будет ни экспедиции, ни денег! Все планы, надежды, мечты развеялись, рухнули, потеряли смысл, впереди не было ничего, кроме зияющей бездны страданий. Я поднял голову, посмотрел с ненавистью на Кора и сделал последнюю попытку оправдаться.

— Мазор литам Кор-са, — в голосе моем звучали нотки отчаяния, — вы, конечно, вольны поступать как сочтете нужным, но, прежде чем принимать окончательное решение, по крайней мере, выслушайте меня.

Я сделал паузу, ожидая, как он отреагирует на мои слова. Но он по-прежнему стоял отвернувшись и молчал. Я принял это молчание за положительный ответ и продолжал:

— Мое поведение здесь, действительно, на первый взгляд может показаться вульгарным или, в лучшем случае, странным, но оно не было преднамеренным и объясняется действием синзана, который я принял сегодня за полчаса до нашей встречи.

Кор резко повернулся и, казалось, насквозь проткнул меня своим взором. Лицо его было бледно от гнева.

— Вон отсюда! — прошипел он в холодной ярости. — Вы к тому же еще настолько наглы, что оправдываете пороки своего поведения еще худшим пороком — приемом запрещенных снадобий!

— Вы ошибаетесь, мазор! — Я тоже повысил голос.

— Молчать!

— Это «снадобье» я получил сегодня из рук мазора литама Дасара-са, биолога нашей экспедиции, можете осведомиться, если хотите. Биолог считает синзан чрезвычайно полезным средством для нашей экспедиции, и я, испытав его действие на себе, целиком присоединяюсь к этому мнению!

Кора нелегко было переубедить, смутить, вывести

из равновесия или, наоборот, образумить. Но тогда мне это удалось. Цвет лица его постепенно принял нормальный оттенок, а глаза снова сделались холодными, лишь искра чуть заметного любопытства оживляла их взгляд.

— Что же такое синзан?

Я чувствовал, что объяснять нужно коротко и убедительно, и решился на отчаянные шаги — мне терять было нечего.

— Синзан — это...

Я схватил подставку литронса и легко согнул и завязал узлом ее прочные металлические ножки. Огляделся по сторонам:

— Вот...

Я подпрыгнул вверх и достал до потолка руками. Высота помещения была по меньшей мере метра три с половиной — четыре.

— Смотрите!!!

Тяжелый стол подлетел в воздух и с грохотом рухнул на пол. Из ящиков посыпалось содержимое, и от него оторвались две планки.

— Синзан — это!..

Я остановился в своем буйстве, не зная, что бы еще сокрушить, и вдруг почувствовал страшную слабость во всем теле, резкую боль в позвоночнике. Голова у меня закружилась, перед глазами поплыли цветные круги, ноги перестали служить, и я тяжело, лицом вниз, свалился на пол. В ушах раздался протяжный звон, я не мог ни шевельнуться, ни произнести слова, но сознание оставалось ясным.

Кор подошел ко мне, осторожно перевернул меня на спину, расстегнул ворот и нащупал рукой шейную артерию. Сосчитав толчки крови, он подошел к телефону:

— Вызовите врача... Да, сюда, в сорок третью комнату... пилот Антор в тяжелом состоянии.

Сказав это, он выключил аппарат и начал наводить порядок, ликвидируя следы моей «деятельности». Я лежал, устремив неподвижный взгляд в потолок, и ни о чем не думал. Состояние полнейшего безразличия владело мною. Ничто происходящее вокруг не трогало меня, даже собственное состояние не пробудило ни одной тревожной мысли, было совершенно все равно,

что будет со мной дальше, смогу ли я лететь на Арбинаду, встану ли когда-нибудь снова на ноги и останусь ли вообще жив.

Дальнейшее происходило словно в тумане. Пришел врач, долго исследовал мое тело, делал какие-то уколы, задавал какие-то вопросы, но я не отвечал и не шевелился. Потом меня увезли в клинику, где пытались привести в чувство, фотографировали в жестких лучах, брали анализы, записывали кривые биения сердца. Врачи суетились и тревожились — я оставался неподвижен и пассивен. Наконец меня положили в отдельную комнату и оставили одного.

Трудно сказать, сколько я пролежал там, — время для меня в тот период не существовало, но постепенно интерес к жизни стал возвращаться, я несколько раз шевельнулся и вдруг почувствовал, как сон властно заволакивает сознание, и, не успев понять этого, я уже провалился в его темную бездну.

...В комнате разговаривали. Сквозь сладкую полудремоту я разобрал голоса биолога и Кора:

— Нет, сейчас он просто... э... дышит, то есть спит, я хочу сказать. Просто спит, нормальным человеческим сном...

— Вы считаете, все обошлось благополучно?

— Да, вполне. Снимки показали, что не растянута даже ни одна связка. Просто восхитительно... то есть удивительно, конечно! Редкий организм. Имейте в виду, он принял синзан после того, как перенес громадную физическую нагрузку, и еще два часа просидел в гравикамере.

— Значит, вы считаете, что он может лететь?

— Разумеется, он совершенно здоров. Посмотрите сами на эти... э... кривые. Трудно представить себе что-нибудь более нормальное. Он чудесно преодолел этот шок. Знаете, со мной однажды тоже было нечто подобное, только не в столь резкой форме, правда, и нагрузка у меня была меньшая, но мой декримент оказался более слабым, я окончательно пришел в норму только через восемнадцать часов, а он...

— Хорошо, оставим его. Пойдемте, я не снимаю тогда его с полета, в других отношениях он мне подходит...

Они удалились. Я открыл глаза и осмотрелся. Свер-

кали ослепительной чистотой стены клинической комнаты, окно задернуто, горел свет. Я привстал на постели и отодвинул штору. На улице было уже темно, — значит, я провел здесь около десяти часов. Страшно хотелось есть, но это желание кто-то предвидел — на столике передо мной стояла париса, настоящая париса, а не блюда нашего надоевшего рациона. Кроме того, в графине искрилась какая-то жидкость.

Когда я расправился с едой и снова лег, наслаждаясь ощущением приятной тяжести в желудке, открылась дверь и в комнату вошел Конд. С таким унылым видом, какой был у него, обычно ходят утешать родственников умершего. Впрочем, вид его соответствовал миссии: он на самом деле пришел меня утешать.

— Как чувствуешь себя, Антор? — спросил Конд, усаживаясь напротив.

Я набросил на лицо маску страдания:

— Ничего, сносно.

После этих вступительных фраз наступила пауза. Я молчал из любопытства, ожидая, что он скажет дальше, а Конд, видимо, просто не знал, как поддерживать разговор. Наконец, он раскрыл рот:

— Так вот, дружище... Скверно получилось... Что врачи говорят? Сможешь ты потом летать?

— Как будто смогу.

— Это хорошо. — Он вздохнул. — А об Арбинаде не жалей, никуда она не денется, назначат еще экспедиции, и мы с тобой... Зато сейчас останешься с Юрингой, она будет очень рада.

— Конечно, рада, — подтвердил я, — только на что мы с ней жить будем...

— Я вам дам, у меня есть запас, потом вернешь когда-нибудь. — Конд оживился и полез в карман. — Тебе хватит восемьсот ти?

— Не нужно. Ты и так был слишком добр к нам...

— Возьми, не стесняйся... На Арбинаде еще нет магазинов, и мне они сейчас не нужны.

— Я не стесняюсь...

Мы снова замолчали. Я с трудом сдерживал улыбку, отлично понимая то чувство неловкости, которое он испытывал перед лицом свалившегося на меня, как ему казалось, несчастья. Однако какое-то озорство заставило меня продложать эту невинную игру.

— А когда тебя выпустят, ничего не говорили?

— Говорят, скоро.

— Да, еще бы, они всегда спешат отделаться...

— Точно, Конд, спешат. Я слышал, что выпустят завтра.

— Завтра? Да я им... Я... Я пойду к этому главному мяснику и покажу ему! Они запомнят Конда на всю жизнь!

Я не выдержал и расхохотался:

— Брось, Конд, я здоров, и мы полетим вместе.

Он вытаращил глаза:

— Правда?

— Правда.

— Чего же ты дурака валяешь? Знаешь, что тебе за это следует?

Он схватил меня за плечо.

— Знаю, — ответил я, изо всех сил сжав ему руку.

— Тогда держись!

— Держись сам!

Я вскочил с койки, и мы схватились в шутливой борьбе. Каким-то нечеловеческим усилием мне удалось приподнять Конда над головой и бросить на постель. Отдышавшись, он удивленно посмотрел на меня.

— Силен... однако... Это что? Синзан что ли действует?

— Действует, Конд. Действует! — радостно воскликнул я и сел с ним рядом. Мы оба засмеялись. В эту минуту дверь отворилась и в комнату вошел недовольный врач.

— Это что такое? Что здесь происходит? Мазор Конд, вы почему сидите на постели? Немедленно встаньте и уходите отсюда, вы ведете себя неподобающе...

Конд виновато поднялся и погрозил мне.

— Извините, мазор, забылся, спасибо вам... Гоните его отсюда скорее. Он же здоров!

Махнув на прощанье рукой, Конд вышел.

●

Сегодня я перелистал свои записки. Перед глазами снова прошли картины пережитого. Вспомнились не отмеченные здесь детали, а некоторые события воссозда-

лись так отчетливо, что казалось, они случились только вчера. Хорошие это были дни! Прочитав до конца, я машинально продолжил свои воспоминания, и, незаметно для самого себя, прошел сквозь весь период подготовки к экспедиции. Я вновь видел, как мы с Кондом с придирчивостью, бесившей инженеров фирмы и чиновников Государственной комиссии, принимали планетарный корабль «Эльприс», как мы подолгу копались в каждом узле, в каждом агрегате корабля, пока не убеждались в абсолютной надежности механизмов. Я мысленно провел все испытательные и тренировочные полеты в атмосфере Церекса, заново пережил неприятности, доставленные Мланом, после которых решил никогда больше не полагаться на другого и проверять все самому. И так день за днем, день за днем. Шагая в своих воспоминаниях от одного события к другому, я постепенно добрался до момента отлета на Арбинаду и тут спохватился. Ведь я же собирался писать все по порядку, а возвращаться еще раз к только что пережитым мысленно дням мне уже не хотелось. Тогда я пододвинул к себе листы и записал эти строчки, решив продолжать свои воспоминания дальше, не возвращаясь к упомянутым событиям. В конце концов, мои воспоминания всегда будут со мною, а эти записки ни для кого не предназначаются...

Предотлетные дни сложились для меня как-то нескладно. Мне не удалось еще раз увидеть ни отца, ни Юрингу. Я находился на Лизаре, куда отпилотировал «Эльприс», и по заданию Кора курировал установку его на орбитальный корабль. Дело это не такое уж сложное; обслуживающий персонал станции отлично обошелся бы и без моих советов, следуя только инструкции, но Кор предпочитал полагаться во всем на ответственное лицо. В общем, на Церекс я больше не попал и улетел с тяжелым чувством, не простившись как следует ни с родными, ни с планетой. Кроме того, была еще одна мелочь, которая омрачала настроение.

В наше время редко кто принимает всерьез ту мистическую чепуху, которую пытаются вдалбливать в школе, но почти у каждого есть свои «особые приметы». Я, например, перед ответственным полетом

всегда дарил «на счастье» какому-нибудь мальчишке монету в пять ти. Всегда, но не в этот раз. Заготовленная монета лежала у меня в кармане, а все мальчишки остались далеко на Церексе. Настроение, в общем, было неважное, и, сколько я ни пытался убедить себя в том, что все это в сущности чепуха, где-то в глубине души притаилась тревога.

Мы готовились к посадке на корабль. До отлета оставались считанные минуты, и пора было надевать скафандры. Отлетели мы буднично. Все выглядело так, словно очередной корабль отправился в обыкновенный рейс. Только работники внешней станции проявляли к нам повышенное внимание, предупреждая все наши желания. Это еще больше угнетало — так относятся к людям, идущим на смерть.

Я сел на скамью, пристегнулся и стал натягивать скафандр. Ноги путались в складках защитной ткани и не попадали туда, куда следует. Слишком слабое тяготение Лизара затрудняло подгонку снаряжения, нужно было рассчитывать свои силы, чтобы неосторожным движением не оттолкнуть далеко от себя нужную вещь.

— Давай тебе помогу, — сказал Арт, инженер станции.

— Помоги, а то никак... Вот держи баллоны, я сейчас в рукава влезу. Так... хорошо...

Подошел Конд. Он был уже полностью одет, не хватало только шлема на голове.

— Все еще возишься?

— Все еще... Что там мешает, не видишь?

— Мешает? Да ты отстегнись, так тебе не надеть. Дай-ка я...

Конд отстегнул пряжку, которой я закрепился на скамейке, и пошел за шлемами. Арт помог мне натянуть скафандр на плечи.

— Провожать нас не пойдешь? — спросил я.

— Нет. Мне сейчас на дежурство, стартовать вас буду.

— Разве сегодня ты?

— Я.

— Вот проклятье... Посмотрите, что там у меня на спине давит?

— Ничего, просто складка, сейчас расправлю.

Он запустил руку мне за шиворот и несколько раз провел по спине.

— Теперь хорошо?

— Хорошо, давай баллоны.

— Держи...

Я укоротил лямки и закрепил их на груди.

— Кажется, все...

— Да, все... На Церекс ничего не хочешь передать? Я скоро туда лечу, мой срок кончается.

— Передать?.. Нет, пожалуй. Впрочем...

Я вспомнил о монете, лежащей в кармане, и начал снимать баллоны. Арт удивленно смотрел на меня и, не спрашивая зачем я это делаю, помог наполовину стащить скафандр. Я достал монету.

— Передай вот это.

— Пять ти?! Кому?

— Первому мальчишке, которого встретишь на Церексе.

— Мальчишке?.. — Он взглянул мне в глаза. — Хорошо, передам.

— Не забудь, пожалуйста. Только... прошу... передай именно эту монету.

— Хорошо, ты одевайся быстрее, уже начали выходить.

Пришел Конд с двумя шлемами. Вдвоем они быстро втиснули меня в скафандр. Внешние звуки смолкли сразу, как только замок шлема сомкнулся с воротом. Слышалось только собственное дыхание. Арт улыбнулся на прощанье и указал рукой на дверь. Я пожал ему плечо и пошел вслед за Кондом, держась за перила, чтобы удобнее было передвигаться в условиях крайне незначительной тяжести Лизара.

Нас провожало почти все население станции. Мы торжественно проследовали к разделительной камере, жестами отвечая на приветствия товарищей, и вышли на поверхность спутника. Ярко горели звезды, светили солнце и Церекс. Родная планета громадным полумесяцем висела на небе и молча смотрела на вереницу людей, движущихся по каменистой и неровной поверхности Лизара к гигантскому, застывшему в неподвижности кораблю. В скафандрах нас трудно было отличить друг от друга. Только Конд и Сатар выделялись своим ростом.

Я поднял голову и, закрывая рукой солнечный свет, отыскал среди звезд Арбинаду. Она светилась спокойным голубоватым светом. Что нас ожидало там?

Впереди меня шел Конд. Не дойдя нескольких метров до корабля, он споткнулся, и я услышал в наушниках его голос, мрачно процедивший сквозь зубы какое-то проклятье. Для Конда споткнуться перед посадкой значило примерно то же самое, что для меня не подарить пять ти уличному мальчишке. Мы садились на корабль с невеселыми думами.

Ярко освещенный входной люк проглатывал одного за другим участников экспедиции. В нем уже скрылись биолог, кибернетист Прис, штурман Лост, геолог Тарм, биофизик Торн, бортмеханик Сатар, Зирн, Млан и Ланк. На мгновение в отверстии люка мелькнула рослая фигура Конда, и за ним полез я. Последним на корабль взошел Кор — начальник экспедиции. Тесное помещение входной камеры наполнилось до отказа. Кор нажал кнопку, и тяжелая крышка люка наглухо закрылась.

Теперь весь громадный мир сузился для нас до ничтожных размеров межпланетного корабля. Туго надувшаяся пузырем защитная ткань скафандров оседает, и места становится больше — это дан воздух в помещение камеры. Мы входим в первый отсек и, помогая друг другу, снимаем скафандры, складывая их в специально приспособленные ящики. Кор торопит нас.

— Занять места по стартовому расписанию! — командует он и направляется в центральный пост.

Я, Конд и кибернетист следуем за ним. Во время любых эволюций корабля наше место там. «Пассажиры» — я имею в виду биолога, геолога и биофизика — расходятся по своим кабинетам, механики — в назначенные им места.

В центральном посту довольно просторно, несмотря на кажущуюся загроможденность приборами. Кор включает обзорный экран и устанавливает связь с дежурным инженером станции. На экране видно, как от корабля в сторону освещенных построек нелепыми скачками удаляются разрозненные фигурки людей — тех, кто провожал нас, и тех, кто осуществлял последнюю подготовку к старту. С контрольных постов бортмеханики сигнализируют о полной готовности приборов

и механизмов. Этого можно и не делать, так как на щите перед нашими глазами горящие ровным светом контрольные лампочки свидетельствуют о четкой работе всех агрегатов сложной системы космического корабля. Но... таков порядок.

Медленно течет время. Конд полулежит в кресле с закрытыми глазами, и веки его слегка вздрагивают. Веселый Прис что-то жует и рассматривает на экране привычные узоры звездного неба. Он поворачивается ко мне и протягивает санку в хрустящей обертке:

— Хочешь?

Я машинально беру и отправляю деликатес в рот. Почти не чувствуя вкуса, проглатываю. Входит Лост и, став за спиной Кора, заглядывает через плечо на бегущий огонек индикатора времени.

— Приготовиться! — громко говорит Кор.

Во всех отсеках корабля раздаются тревожные звонки стартового сигнала. Мы усаживаемся в кресла. Это только простая предосторожность. Взлет со спутника всегда осуществляется с очень малым ускорением. Лицо дежурного инженера на экране связи делается серьезным, он в упор смотрит на нас и молча кивает. Остаются последние секунды. У меня в голове мелькают смутные картины жеребьевки на право участия в экспедиции, проплывает суровое лицо отца, и потом возникает ясная улыбка Юринги. Видения прерываются толчком. Это взлет. Поверхность Лизара на экране вздрогнула и стала уходить в сторону, вначале медленно, но потом все быстрее и быстрее. Экспедиция началась.

●

Мы приблизились к Арбинаде в четвертый день Таса 2318 года по Обновленному календарю. Начинался главный этап нашей экспедиции. До того как комплекс «Юл-3» — «Эльприс» вышел на орбиту вокруг Арбинады и был превращен в ее эклиптический спутник, сколько-нибудь значительных событий на борту не произошло. Перелет от одной планеты к другой был на редкость бесцветным, и мне даже нечего записать здесь. Все развивалось в строгом соответствии с планом. Исследовательская группа экспедиции,

я имею в виду экипаж «Эльприса», то есть Кора, биолога, геолога, биофизика, самого себя, Конда и Ланка, большую часть пути провела в анабиозных камерах и перелета почти не заметила. Когда наши организмы были возвращены к нормальной жизнедеятельности, красавица Арбинада находилась уже на расстоянии ста двадцати тысяч километров и громадным полушарием висела в небе. Началась подготовка к спуску на планету.

Кор отдал приказ вывести корабли экспедиции на орбиту экваториального стационарного спутника планеты, где после отделения «Эльприса» должен был оставаться «Юл-3», вплоть до возвращения планетарного корабля из рейса на поверхность Арбинады. После вычисления режима перехода, которое проделал Лост на бортовой навигационной счетно-аналитической машине, заработали двигатели и автоматика управления вывела нас на орбиту стационарного спутника.

Арбинада повисла под нами на расстоянии тридцати пяти тысяч восьмисот десяти километров, повернувшись к нам одной точкой своей поверхности. Солнце медленно обегало корабли и планету, делая один полный оборот за двадцать четыре часа, звезды в своем беге чуть-чуть обгоняли Солнце. Незабываемая и величественная картина плавного и бесшумного движения миров! Когда мы оказывались между Арбинадой и Хрисом, видимый поперечник планеты почти в сорок раз превышал размеры своего безжизненного спутника, и тогда Солнце, Арбинада и Хрис заливали помещения корабля своим светом.

Нашему наблюдению было доступно около половины всей поверхности планеты, как раз та ее часть, на которую была намечена высадка экспедиции.

Перед переходом на борт «Эльприса» весь состав экспедиции собрался в салоне. Наше собрание выглядело довольно живописно, так как отсутствие тяжести позволило расположиться в самых причудливых позах и самых невероятных, при других обстоятельствах, местах. Мы были рассеяны по всему объему салона и медленно в хаотическом беспорядке перемещались от одной стенки к другой.

Гул голосов наполнял помещение.

«Вошел» Кор. Мы постепенно сосредоточились в той

части салона, которая номинально значилась полом, и притихли. Кор стоял, упираясь руками и ногами в края дверного проема, и переводил взгляд с одного на другого. Наконец, наступила полная тишина.

— Мазораси, — негромко прозвучал его голос. — Через два с половиной часа мы начнем спуск на Арбинаду. Надеюсь, что этот, самый трудный этап перелета, завершится успешно. Однако в данный момент я обращаюсь не к тем, кто вместе со мной перейдет на «Эльприс», а к тем, кто останется на корабле.

Он выдержал короткую паузу,

— Сейчас я не намерен ничего менять ни в штатном, ни в режимном расписании экспедиции. Все известные вам положения остаются в силе впредь до особого моего распоряжения. Коротко повторяю их.

Первое. Капитаном корабля в мое отсутствие будет мазор Лост-са. На него возлагается вся ответственность за сохранность «Юл-3» и готовность его к любым действиям.

Второе. Орбитальный корабль обеспечивает бесперебойную работу службы связи и готовность принять в любой момент сообщение с «Эльприса» и с внешней станции, расположенной на Хрисе. Ответственность за работу связи возлагается на мазора Прис-са.

Третье. В случае утраты связи мазору Лосту предоставляется право принимать самостоятельные решения, но не раньше, чем через двадцать суток после получения последнего сообщения с борта «Эльприса». До этого срока корабль должен оставаться на данной орбите, и лишь при исключительных обстоятельствах допускаются те или иные временные эволюции с последующим возвращением на прежнюю траекторию и к прежним координатам относительно поверхности Арбинады...

— Разрешите уточнить? — перебил Лост.

— Да.

— Что вы подразумеваете под «исключительными» обстоятельствами?

Кор неопределенно скривил губы.

— Это придется определять вам самому. Я потому и назвал их исключительными, что не могу заранее предвидеть. Все остальное оговорено инструкцией, которая имеется на борту.

Лост наклонил голову. Прис улыбнулся и вставил:

— Будем надеяться, ничего исключительного не произойдет. В крайнем случае, свяжемся с вами.

— Я тоже надеюсь, но повторяю: исключительные обстоятельства.

Несколько мгновений все молчали. Кор взглянул на часы.

— Экипажу «Эльприса» даю десять минут на устройство личных дел. Через десять минут собраться у выходной камеры и приготовить скафандры. Все.

Кор легко оттолкнулся руками и ногами о дверной проем и спиной вперед, как сказочный литрос, удалился в глубь коридора. Мы зашумели.

— Пламенная речь! — сказал Конд и добавил: — В кабину к нам пройти не хочешь? В нашем распоряжении целых десять минут. Кор «расщедрился».

— Пойдем сходим, я хочу кое-что взять с собой.

Мы выбрались в коридор и, цепляясь за поручни, проследовали к себе в кабину. Освещение у нас было выключено, но крышка иллюминатора открыта, и мягкий рассеянный свет Арбинады, проникающий через прозрачную массу окна, позволял хорошо видеть внутри. Конд закрыл дверь и, держась одной рукой за крышку шкафа, с грустью оглядел помещение.

— Мда-а, — задумчиво произнес он. — Теперь-то, кажется, все только и начинается...

Я не очень слушал его, отыскивая в ящике среди вещей портрет Юринги и письмо Юрда, которое хотел взять с собой. Других личных дел у меня не было. Все необходимое экспедиционное снаряжение было погружено на «Эльприс» еще на Лизаре. Конд подобрался вплотную к иллюминатору и, прижавшись лицом к его прохладному стеклу, смотрел на загадочную планету.

— Ан, тебе хочется лететь туда? — вдруг спросил он.

Я повернулся к нему:

— А почему нет? Ты бы отошел от света, а то плохо видно.

— Я так... вот смотрю на нее... Включи плафон, если темно... Чужой мир. Кто знает, что нас ждет там, дружище. Смотрю, и знаешь, эта кабина начинает казаться уютной. Не очень-то хочется мне покидать ее... Может, не полетим?

— Брось, Конд...

— Шучу, конечно. И все же...

Наконец, я нашел портрет и сунул в карман. По кабине в беспорядке плавало несколько незакрепленных предметов. Голые стены, почти полное отсутствие мебели, которая не нужна в условиях невесомости, — все это не создавало уюта, но в тот момент действительно было что-то трогательное в этом оставляемом нами помещении.

— Пойдем, Конд, уже пора, нас будут ждать...

— Пойдем. И как говорится, пусть сокровищница удачи выделит нам малую толику. Счастливой посадки, Ан!

— Счастливой посадки, Конд!

К переходной камере мы прибыли последними. Кор не упустил случая сделать замечание. Конд молча указал на часы — оставалось еще полминуты до назначенного срока.

— Одевайтесь! — приказал Кор. Он не любил возражений.

Мы начали натягивать скафандры, заражаясь общим возбужденим. Было тесно. В отсеке собрался не только экипаж «Эльприса», но и все остальные. Стараясь помочь нам, они только мешали и создавали сутолоку. Я, Конд и Ланк первые скрылись в переходной камере, первые взошли на борт «Эльприса». Конд с Ланком отправились в отсек двигателей, а я остался в кабине управления, бегло проверяя работу приборов. Все было в полном порядке.

Через некоторое время появился Кор. Он вынырнул из люка, долетел до потолка, оттолкнулся руками и, перевернувшись в воздухе, опустился у пульта.

— Аппаратуру проверяли?

— Да, работает нормально.

— Где Конд?

— Вместе с Ланком у двигателей. Скоро будут здесь.

В люк просунулась голова биофизика:

— Как тут у вас?

Кор повернулся к нему:

— А вы что здесь делаете? Отправляйтесь немедленно на свое место. Дасар и Барм пришли?

— Пришли.

— Идите, вам говорю.

Торн, скорчив недовольную физиономию, скрылся. Скоро появился Конд. Он успел перепачкаться и вытирался тряпкой.

— Кажется, на Арбинаду придется заявиться грязным...

Кор брезгливо посмотрел на него:

— Приведите себя в порядок, вы космонавт...

Шли последние приготовления. До начала спуска оставалось не более получаса. Бешено стучали сердца. Мы в десятый раз проверяли готовность корабля.

— Энергия?

— Есть энергия!

— Баки?

— Баки полные.

— Связь? Соединитесь с Хрисом.

— Есть связь.

— Занять места.

Мы уселись в кресла и закрепились. Кор внимательно посмотрел на меня, потом на Конда.

— Пилотировать будете вы, Антор.

Лицо у Конда вытянулось, но он промолчал.

— Примите синзан, немного, половину дозы.

Я проглотил таблетку и нагнулся к посадочному автомату, потом еще раз проверил систему ручного управления.

— Я готов.

Кор кивнул:

— Хорошо. Проверьте готовность экипажа, я соединяюсь с Лостом.

Он нажал кнопку внешней связи.

— Слушаю вас, мазор Кор, — ответил динамик.

— Отсоединяйте нас, Лост.

— Отсоединяю. Какие еще будут указания?

— Пока все, держите связь, поговорим после посадки.

— Хорошо, желаю успеха.

«Эльприс» чуть заметно качнулся — это его освободили от орбитального корабля. Теперь он стал самостоятельным небесным телом. Можно было начинать подготовительные маневры к спуску. По приказанию Кора я включил гироскопы, чтобы сориентировать необходимым образом ось корабля в пространстве. Тонко запели моторы. На обзорном экране рисунок звезд

начал перемещаться и наконец остановился. «Эльприс» нацелился на Арбинаду. Наступил решающий момент. Мы в напряжении застыли на своих местах. Кор оторвался от секундомера, посмотрел на нас и скомандовал:

— Спуск!

Я включил посадочный автомат. Двигатели заработали.

●

На стационарной орбите скорость корабля составляла три тысячи семьсот шесть метров в секунду. «Эльприс» снижался по пологой спирали соплами вперед, все время наращивая скорость. Приближалась атмосфера. На высоте тысячи километров над поверхностью скорость достигла семи тысяч пятидесяти метров в секунду. До сих пор замедление корабля было небольшим, работа двигателей обеспечивала только приближение к Арбинаде. Мы неслись над экваториальной областью планеты почти по круговой траектории, выжидая нужный момент для начала главного этапа спуска. В электронном мозгу автоматов шла напряженная работа.

И вдруг зычно заговорили двигатели. Нас придавило к креслам, и по телу «Эльприса» прошла судорога вибраций. Отдельные звуки потонули в мощном гуле реактивных струй, а все другие ощущения были раздавлены навалившейся тяжестью. Мы вошли в атмосферу планеты. Передо мной на шкале высотомера медленно ползли цифры. Семьсот... пятьсот... четыреста... триста... двести километров до поверхности Арбинады. Время словно остановилось. Я взглянул на акселерометр, он показывал ускорение двадцать три метра в секунду за секунду. Температура наружной оболочки поднялась до трехсот сорока градусов. Напряжение нарастало.

Внезапно двигатели смолкли. Жуткая тишина разлилась по кораблю. Я не сразу понял в чем дело и с испугом посмотрел на указатель массы. В баках оставалось еще достаточно жидкого аммиака. Высотомер показывал пятьдесят километров, начинался переход на траекторию планирующего спуска. Гигантская сила

встречного потока воздуха ударила в рули поворота, швырнула нас вверх, развернула многотонный корпус ракеты и расстелилась упругим основанием, удерживая корабль от падения. В какой-то из этих мгновений резко подскочила тяжесть, потом упала до нуля. Я увидел искаженное гримасой лицо Кора и безжизненную улыбку на губах Конда, но тут же опять повернулся к приборам. Можно было включать экран внешнего обзора — наша скорость составляла всего около тысячи километров в час. До посадки оставалось несколько минут.

— Внимание, пилот, — с трудом сказал Кор, поворачиваясь ко мне.

На экране виднелась облачность, ярко освещаемая солнцем. Мы стремительно приближались к ней. На короткое время клубы зыбкой материи закрыли горизонт, и потом наступило прояснение. Внизу был еще один слой облаков, затем еще один. Наконец мы увидели море. Высотомер показывал полторы тысячи метров. Оставался последний маневр.

Снова заработали двигатели. Нос корабля стал задираться вверх, мы поворачивались соплами к морю и теряли скорость. На какое-то мгновение «Эльприс» неподвижно повис в воздухе, задрожал всем корпусом от усиливающейся работы двигателей и, опираясь на мощную струю газов, стал тяжело оседать вниз. Мы медленно приближались к водной поверхности. Нас отделяли от нее считанные метры...

— Всё! — сказал я, когда корабль повернулся и лег плашмя на воду.

Тишина. Полная тишина и мерное покачивание на волнах чужого океана. Конд тяжело поднял голову и огляделся.

— Приехали, кажется, — сказал он и отстегнул ремни, пытаясь встать. Руки у него дрожали от напряжения.

Кор неподвижно лежал в кресле со странным выражением лица. Это была улыбка, искаженная отвисающими от тяжести щеками. Я даже не понял сразу, что он улыбается. Мне никогда не приходилось видеть, как он улыбается. Никогда, кроме этого раза.

— Арбинада, — произнес он тихо.

В борт корабля тяжело плескали волны.

●

Мы были на Арбинаде.

Когда-то в юности первые минуты на другой планете я представлял себе совершенно иначе. Не помню уже точно, какими казались они мне тогда, скорее всего восторженными. Но юношеские мечты всегда ошибочны. На самом деле все выглядит значительно проще и будничнее. Мы находились на Арбинаде... Не было ни восторга, ни жажды деятельности, ни подъема духа. Была депрессия, была усталость и была тяжесть. Теперь, когда я припоминаю дни, проведенные в чужом мире, первое, что мне вспоминается, — это тяжесть. Тяжесть, гнетущая, непрерывная, проникающая всюду тяжесть. От нее не уйти, не спрятаться, не забыться, всегда и всюду она давила на тело, на мысли, на чувства. Она украла у каждого часть его индивидуальности, проникла в сознание, угнетала дух, и даже Кор был вынужден ей подчиниться...

Несколько минут мы оставались в креслах, отдыхая от пережитого напряжения. Корабль ритмично покачивало с борта на борт, ровным светом горели контрольные лампы. Мы молчали. На обзорном экране медленно перемещалась далекая линия горизонта, отделенная от переднего плана бесконечными рядами зеленоватых волн. Тишину нарушал лишь монотонный звук трансформатора, доносившийся из-за панели пульта.

Первым зашевелился Кор. Напрягая мышцы, он привстал с кресла и вплотную подошел к экрану, уткнувшись лицом почти в самое изображение.

— Вот она, Арбинада, мечта космонавтов... — проговорил он. Потом повернулся ко мне: — Включите звук.

Я пошарил рукой на пульте и, нащупав нужную кнопку, нажал ее. Слабый свист ветра и рокот моря наполнили кабину. Казалось даже, что и запахи ворвались вместе с шумом, но это только казалось. Увы, человеку, наверное, никогда не удастся вкусить ароматов этой планеты. Мы ее видели, слышали, ощущали, боролись с ней, но воздухом ее мы не дышали.

Конд связался с другими отсеками. Все было в порядке. Биолог, геолог, биофизик и Ланк благополучно перенесли спуск и постепенно приходили в себя. Кор велел собраться всем в жилом помещении. Мы с трудом пере-

брались туда, тяжело переставляя ноги и морщась от ноющей боли в позвоночнике. Я чувствовал себя лучше других — принятая перед началом спуска небольшая доза синзана позволяла мне легче переносить тяжесть. Расположась в противоперегрузочных креслах и заняв наиболее целесообразные в этих условиях положения, мы открыли совещание. Со стороны наше совещание, должно быть, представляло печальное зрелище — группа измученных людей, плашмя лежащих в креслах, почти равнодушных друг к другу. Первым заговорил Кор. Чуть-чуть приподняв голову и придав своему голосу некоторую торжественность, он сказал:

— Разрешите, дорогие коллеги, поздравить вас с благополучным спуском на поверхность Арбинады. Событие, которого с нетерпением ожидало человечество, свершилось.

Эта высокопарная фраза так плохо сочеталась с нашим состоянием духа, что мы промолчали. Он продолжал:

— Мне нет необходимости напоминать вам, что наша деятельность здесь будет сопряжена с колоссальными трудностями, каждый из вас уже сейчас ощущает на себе враждебную и могучую силу чужой планеты. Но вы знали о том, что вас здесь ожидает, и шли сюда добровольно. Чрезмерная тяжесть, во власти которой мы находимся, может стимулировать психические расстройства. Мазор Дасар подтвердит мои слова, но и сами вы достаточно хорошо осведомлены. Главные симптомы болезни — угнетенное состояние духа и прогрессивное свертывание инициативы. Думаю, мне незачем вам объяснять, сколь опасно для нас в этой новой и сложной обстановке оказаться в положении тупых и безвольных созерцателей. Нами приняты некоторые защитные меры. Все мы прошли специальный курс гравитренировки, в нашем распоряжении имеются гидроконтейнеры, синзан, но всего этого недостаточно. Единственное, что может уберечь нас от недуга — неустанная и бдительная борьба с собственной пассивностью, взаимная поддержка друг друга...

Кор тяжело перевел дыхание и занял новую защитную позу.

— Я прошу понять меня правильно. С этой минуты я становлюсь для вас деспотом, который будет иногда

заставлять вас выполнять на первый взгляд ненужную работу, когда, казалось бы, можно отдохнуть. Вы должны знать, что это не издевательство над человеком, а прививка против страшной болезни, которая в противном случае одолеет каждого.

Конд неуклюже встал со своего кресла и прислонился к стене.

— Можете не уговаривать... понимаем сами. Еще на Церексе об этом знали...

— Не перебивайте. Я не уговариваю, а предупреждаю. Если понимаете, тем лучше, но хотелось бы, чтобы дело не ограничивалось одним лишь пониманием. Этого недостаточно, нужно, чтобы каждый стал нетерпим к собственной пассивности и бездеятельности других... в том числе и моей, если она проявится...

Жизнь на корабле завертелась. По приказанию Кора Конд определил наши координаты. Мы опустились почти точно на экваторе — на четыреста километров дальше по движению Солнца в сравнении с намеченным пунктом. Это оказалось для нас неприятным сюрпризом. Скорее всего, ошибка была вызвана неполнотой наших знаний о распределении плотности атмосферы по высоте. От ближайшего участка суши нас отделяло свыше пятисот километров.

Арбинада — планета громадных водных равнин, твердой поверхности на ней сравнительно мало. Суша представлена восемью гигантскими островами, или лучше сказать — материками, и множеством мелких островков, рассыпанных среди океанских просторов. По программе, мы должны были опуститься у западных берегов Малого Экваториального материка, войти в устье реки Ракс и, насколько можно — подняться по ней вверх по течению, чтобы проникнуть в глубь континента. Судя по тем картам, которыми мы располагали (а они были получены по данным наблюдений хрисской станции и оказались довольно точными), Малый Экваториальный материк имел относительно скромные размеры и почти весь, за исключением южной вулканической его части, располагался между тропиками. Ширина его в районе экватора составляла около двух тысяч семисот километров. Река Ракс вытекала из крупного озера Орг, расположенного у восточного побережья, и на всем своем протяжении казалась доста-

точно полноводной, чтобы можно было попытаться пройти по ней почти до истоков. Размеры озера обеспечивали старт корабля. Таков был первоначальный план экспедиции. Но мы опустились на четыреста километров западнее намеченной точки между материком и громадным островом Брокр, лежащим среди бескрайней равнины Пирльейского океана, катившего свои волны от одного полюса до другого.

Наша первоочередная задача состояла в достижении устья Ракса. Предстояло преодолеть пятьсот километров водных просторов. Для этого нужно было присоединить всасывающий патрубок под днищем корабля, через который забортная вода, нагнетаемая главными насосами в испарительную камеру, с силой выбрасывалась через сопла двигателей, создавая достаточную тягу, чтобы двигаться со скоростью тридцать километров в час.

Кор посмотрел на меня, Конда и Ланка; потом устало опустился в кресло.

— Мазор Конд и вы, Ланк. Установите патрубок.

Они переглянулись. Для этого нужно было спуститься под днище корабля в водную стихию чужой планеты.

— Что вы стоите? Исполняйте приказание.

Ланк опустил глаза, лицо его побледнело.

— А там...

— Да, может быть! — резко сказал Кор. — Всё может быть! Но мы летели сюда не на прогулку. Об опасности следовало думать на Церексе, сейчас уже поздно. Работать придется в любых условиях!

Он поднялся на ноги и распрямил грудь.

— Пойдем, Ланк, — спокойно сказал Конд и прибавил усмехнувшись: — Окунемся.

— Надевайте скафандры, с вами пойду я сам и мазор Дасар. Антор, принесите необходимые инструменты.

Кор покачнулся и направился к переходной камере. Я с большим трудом доставил из кладовой все принадлежности для установки патрубка.

— И вы наденьте тоже скафандр, будете страховать нас снаружи, — приказал мне Кор.

С помощью геолога и биофизика мы облачились и вошли в переходную камеру, захватив на всякий слу-

чай два мощных ультразвуковых излучателя. Давление начало повышаться и, наконец, сравнялось с наружным. Крышка люка откинулась и повисла над водой, образовав маленькую площадку. В камеру ворвался воздух Арбинады.

Наступил торжественный момент — человек вступил в другой мир. Конд шагнул вперед и остановился, щурясь от яркого солнца. Прозрачные, зеленовато-синие волны катились у его ног.

— Можно спускаться? — не оборачиваясь спросил он у Кора.

— Подождите, я первый. Ланк, дайте излучатель.

Тяжело ступая, Кор выбрался на площадку и приготовился спрыгнуть в воду, но раздумал и повернулся к нам.

— Прошу выслушать меня. Мы входим в незнакомый и враждебный нам мир, будьте осторожны. Здесь возможны любые неожиданности. Объявляю порядок проведения работ. Мазор Конд и Ланк устанавливают патрубок, я и Дасар обеспечиваем их безопасность и производим наблюдения. Приказываю привязать все инструменты, чтобы не утопить их. Мазор Дасар, не увлекайтесь исследованиями, уничтожайте всякое крупное животное, если оно слишком приблизится к нам. Слышите? Всякое!

Я взглянул в прозрачную синеву воды:

— Может быть, там никого и нет?

— Может быть. Но...

Слова Кора были прерваны возгласом Ланка:

— Смотрите!

Он указал рукой в направлении кормовой части корабля. Там из глубины показалась зубастая голова, плавно покачивающаяся на длинной и гибкой шее. Крупное животное, которому она принадлежала, видимо, не испытывало никакого страха ни перед кораблем, ни перед людьми, оно не торопясь описывало около нас широкий круг, временами скрываясь за пенистыми гребнями волн. Засмотревшись, мы не заметили, как крупный вал подкрался к кораблю и многотонной массой тяжело ударил в борт. Нас швырнуло в глубь камеры, закружило в водовороте, и, когда вода схлынула, я почувствовал, что свободно плаваю в океане.

В первый момент я ничего не успел сообразить,

только почувствовал неожиданное облегчение, словно с плеч свалился тяжелый груз. Когда мысли пришли в порядок, я сообразил, что приятная легкость объясняется тем, что в воде тяжесть ощущается значительно меньше, и тут неприятный холодок страха пробежал по всему телу — я вспомнил о зубастом соседе. Корабля не было видно, голова моя едва возвышалась над поверхностью воды, я находился во впадине между двумя, как мне казалось, гигантскими волнами, которые катились с величавой медлительностью. Я беспомощно барахтался на месте, не зная, в какую сторону плыть, и поминутно вглядывался в бездонную синеву океана, боясь увидеть отвратительное чудовище. Утонуть я не мог, но находиться один на один с могучей стихией моря под куполом чужого неба, не видя ни корабля, ни товарищей было жутковато. Наконец, меня вынесло на гребень волны. Я увидел корабль и на площадке четыре фигуры в скафандрах, напряженно всматривающихся в воду.

— Вижу! Вот он! — вдруг раздался радостный возглас Конда, и тут же он испуганно закричал: — Осторожно, Антор, сзади!

Я поспешно обернулся, но ничего не увидел.

— Назад, Конд, кто вам разрешил?! — крикнул Кор.

Я снова повернулся и поплыл по направлению к кораблю. Навстречу мне, держа в одной руке излучатель, плыл Конд.

— Осторожно, Антор, оно здесь, я видел, оно нырнуло. Оно где-то здесь.

Он погрузился с головой в воду, и я потерял его из виду. Тогда я тоже нырнул и увидел в воде чудовище. Оно медленно поднималось из глубины, равнодушно глядя на нас холодными, ничего не выражающими глазами. «Как у Кора», — мелькнуло у меня в голове, и я даже, кажется, улыбнулся. Удивительная человеческая натура! Опасность была рядом, но страха я уже не испытывал и с интересом рассматривал приближающееся животное. У чудовища было короткое туловище, переходящее постепенно в длинный хвост и две пары ластов, которыми оно едва шевелило, подплывая к нам. Конд навел на него излучатель.

— Подожди, Конд, оно, кажется, не собирается причинять нам вреда, ты его можешь не убить сразу,

и тогда будет хуже. Знаешь наши скафандры... проткнет и... крышка.

Конд настороженно следил за всеми движениями животного, все время держа его под прицелом. В наушники ворвался голос Кора:

— Немедленно плывите к кораблю!

Тут же вмешался биолог:

— Вы его видите?

— Да, видим, очень хорошо, — ответил Конд.

— Опишите пожалуйста...

— Немедленно плывите к кораблю! — повторил Кор.

— Плывем.

Нас не нужно было долго уговаривать. Хотя животное уже удалялось, на душе было неспокойно от пребывания в незнакомой стихии, таившей неожиданные сюрпризы. Мы подплыли к кораблю и вынырнули у входного люка.

— Антор, вылезайте из воды, — приказал Кор.

Я вцепился в перекладину спущенной лестницы и, поднявшись на ступеньки, снова почувствовал утроившуюся тяжесть своего тела. С меня стекала вода.

— К вам, мазор Конд, будут применены меры взыскания по возвращении на Церекс. Вы не имели права покидать корабль без моего разрешения. На борту должен всегда находиться один из пилотов.

— Так я же... — начал было возражать Конд.

— Не имеет значения, — оборвал его Кор, — теперь в воду! Нужно быстрее установить патрубок.

Биолог на минуту задержался около меня:

— Вы говорите, оно имело ласты?

— Да, две пары.

— Как они расположены, вы не заметили?

Я в двух словах передал ему свои наблюдения. Он задумался и, подойдя к краю площадки, произнес:

— Его предки когда-то жили на суше, да и оно само, наверно, способно вылезать на берег. Значит... — он не договорил и спрыгнул в море.

Установка патрубка не заняла много времени и обошлась без приключений. Скоро из воды один за другим показались Кор, Конд, Ланк и Дасар. Они с трудом выбрались на площадку и тяжело дышали, борясь с тяжестью собственного тела. Мы забрались в пере-

ходную камеру и закрыли люк. Началась утомительная процедура дезинфекции и декомпрессии.

●

Мы взяли курс к устью реки Ракс.

Плывущие по небу облака временами набегали на солнце и защищали нас от его слишком ярких и горячих лучей. Дул слабый ветер, и волнения почти не ощущалось. «Эльприс», вспенивая воду, ровным ходом двигался по намеченному маршруту. Все шло гладко, даже слишком гладко. Кор сидел в центральном отсеке, погруженный в какие-то вычисления. Мы с Кондом и Ланком по очереди дежурили у двигателей. Что делали остальные, я даже толком не знаю. Отстояв смену, мы спешили в гидроконтейнеры и, торопливо сбросив одежду, опускались в спасительную жидкость, ласково принимающую наши измученные тела. Так шло время.

Из гидроконтейнера на очередную вахту меня поднял Конд. Он просто слил сислол, и отяжелевшее тело сразу разбудило сознание. Я сдернул маску и, вцепившись пальцами в край люка, выбрался наружу. Пол резко ушел из-под ног. Я кое-как устоял, но больно ударился головой о переборку.

— Что, Конд, уже пора?

— Пора, возьми, вытрись, — он бросил мне полотенце. «Эльприс» опять накренился. Лицо у Конда исказилось, руки судорожно ухватились за скобу контейнера.

— Проклятье!

— Волны?

— Да. Кажется, начинается. Держись, я тебе спину вытру.

Обтеревшись и с трудом натянув комбинезон, я пробрался в центральный пост. Там, погрузившись в кресло, сидел Кор. Лицо у него было измученное, только глаза смотрели спокойно и ничего не выражали. Свист ветра и грохот волн врывались в отсек. На обзорном экране в сумрачном освещении громоздились пенистые волны, а по небу, казалось цепляясь за самые гребни, неслись темные лохматые тучи. Линия горизонта качалась и металась из стороны в сторону. Чтобы удержаться на ногах, я вцепился в спинку кресла. Кор по-

смотрел на меня и убавил звук. Шум стал заметно слабее, но качку, к сожалению, таким путем устранить было невозможно. «Эльприс» отчаянно болтало из стороны в сторону. Нами играл чужой океан.

Лет пять тому назад, вернувшись из очередного полета, я совершил морскую прогулку и тоже попал в шторм. Но это было на Церексе. Там при меньшей силе ветра высота волн была почти такая же, только сами волны медленно вздымались и плавно подхватывали наше судно. Здесь они с остервенением лезли на корабль, прыгали в лихорадочном ритме и тяжелыми ударами сотрясали «Эльприс».

— Скоро суша, — сказал Кор.

Я наклонился к экрану, пытаясь разглядеть очертания берегов, но ничего не увидел.

— Еще рано. Осталось километров тридцать, если нас не сильно отнесли течения. Кто у двигателей?

— Ланк.

Кор кивнул и нагнулся к экрану гидролокатора. По темному фону бежал зеленоватый лучик, вычерчивая рельеф дна. Глубина была около двадцати метров.

— Становится мелко, — заметил я.

— И опасно, — прибавил Кор. — Волнение увеличивается, берега нам неизвестны, возможны рифы, скалы. Придется отойти в океан. Разворачивайтесь, пилот.

Трое суток бушевал шторм, трое суток нас трепали волны, бросали из стороны в сторону многотонную махину корабля. Измученные и разбитые, мы едва держались на ногах. Отдых в гидроконтейнерах был непродолжительным и неполным. К концу третьего дня Кор, не выдержав перегрузки, свалился. Изо рта у него сочилась тонкая струйка крови. Около него хлопотал биолог. Дасара срочно извлекли из контейнера, и он, даже не одевшись, мокрый, поддерживаемый Кондом, возился с лекарствами.

Наконец, Кор открыл глаза и сделал попытку приподняться.

— Что со мной? — спросил он.

Биолог неопределенно покачал головой:

— Не знаю. Вам нужен отдых. Конд, помогите мне, и вы, Антор, тоже.

К нам присоединился еще геолог, который лежал на полу, вытянувшись во весь рост. Мы вчетвером приподн-

няли Кора и понесли. Пол поминутно уходил из-под ног, нас швыряло от стены к стене, но мы все-таки двигались вперед. Биолог надел маску на лицо Кора, но тот стащил ее и вяло произнес:

— Как другие?

Дасар поднял отяжелевшую голову:

— Неважно.

— Держаться можете?

— Пока да.

Последовала пауза.

— Может, синзан?

— Синзан, — повторил биолог, словно соображая, что это такое, — боюсь, опасно, все слишком измотаны.

Кор некоторое время молчал, обдумывая решение:

— Тогда отдыхать, четырехчасовой отдых!

Он закрыл глаза и больше не произнес ни слова. Мы погрузили его в маслянистую жидкость. Конд открыл люк соседнего контейнера и стал снимать одежду. Мне бросился в глаза его вытянувшийся от тяжести живот. Он витиевато выругался и неуклюже плюхнулся в контейнер. Я стряхнул оцепенение и тоже стал раздеваться...

Около четырех часов провели мы в полусне. Потом, несколько отдохнув, заняли свои места. «Эльприс» на полном ходу мчался к берегу, разбивая тупым носом тяжелые волны. Где-то впереди в серой мгле пряталась суша. Ориентировались лишь по инерционной системе, — небо было по-прежнему застлано тучами.

...В напряженном ожидании лениво ползли минуты. Кривая на экране гидролокатора медленно поднималась вверх, вдруг проваливалась и снова тянулась кверху, указывая порой глубину всего лишь двенадцать — пятнадцать метров. Каждые полчаса геолог брал пробу воды.

— Как там? — спрашивал Кор.

— Неясно, — бурчал в ответ Барм, — ил есть, но при таком волнении трудно сказать — наносный или донный.

Мы снова впились глазами в экран внешнего обзора.

— Бухту, — твердил Кор, — найти бы бухту.

Стало смеркаться. Мы знали уже, что в этих широтах переход к ночи непродолжителен, и торопились скорее достичь берега, пока было еще светло.

— Увеличьте скорость!..

Конд попытался повернуть регулятор, но маховичок упирался в ограничитель.

— Больше некуда. Насосы на пределе...

— Испаритель!

Корабль вздрогнул и под нарастающий рев двигателей понесся вперед. В разрыве облаков впереди по курсу мне показалось что-то похожее на скалистый берег. Подчиняясь охватившему меня порыву, я закричал прямо в ухо Кору:

— Суша!!! Суша!!!

Он оттолкнул меня и до предела увеличил яркость экрана.

— Наконец-то! Сбавляйте скорость.

Корабль, разбивая ряды волн, катившиеся с океана, быстро приближался к берегу. Уже были хорошо видны пенные буруны прибоя — остановка здесь была невозможна.

— В бухту, в бухту, — упрямо твердил Кор. — Разворачивайтесь вдоль берега... быстрее... быстрее, так!

Началась яростная бортовая качка. Сумрак стал сгущаться. Шум волн в отсеке перекрыл рев двигателей, но сквозь грохот волн и пронзительный свист ветра все явственнее проступали какие-то посторонние звуки. В такт этим звукам по телу корабля пробегали короткие судороги.

— Что с двигателями?! — заорал Кор.

Я вскочил с места, но от толчка перелетел через кресло и всей тяжестью грохнулся на пол. На какое-то время сознание покинуло меня. Очнулся я в неестественной позе в углу, куда, наверное, закатился от непрерывной болтанки. Меня поразила тишина. Молчали двигатели, на обзорном экране в немой пляске вздымались волны и надвигался каменистый берег. Кор лежал поперек кабины на полу, заклинившись между креслами. Ноги его шевелились. Конд навис над пультом, каким-то чудом держась на ногах.

Вдруг рявкнул главный двигатель, корабль рванулся вперед, но тут же, подхваченный громадной волной, задрал нос, развернулся и со страшным скрежетом сел брюхом на камни. Меня бросило через всю кабину, я еще успел заметить окровавленное лицо Конда, почувствовать два конвульсивных рывка двигателя, и тут же все потонуло в тишине и небытии.

●

Ужасно болела голова. Боль была то ноющая, то тупая, то резкая, от которой хотелось кричать и стучать ногами. Я почувствовал чье-то дыхание около своего лица и медленно открыл глаза. Надо мной, стоя на коленях, склонился Дасар. «Больно», — хотел произнести я, но губы шевельнулись беззвучно. Он расстегнул ворот, нащупал сосуд, и я ощутил прикосновение металла. Потом наступило облегчение.

— Что произошло, литам?

— Неважно, — ответил он, — шевелиться можешь?

— Попробую.

Я согнул ногу в колене, упёрся руками в пол и поднялся на четвереньки. «Эльприс» стоял наклонившись на один бок, и передвигаться было трудно. В кабине царил беспорядок. На полу валялось множество вещей, откуда они взялись — неизвестно. Через люк в угол помещения натекла большая лужа сислола, наверное, он вылился из контейнера. В этой луже лежали Кор и Конд, как братья.

— Что с ними?

— Еще не знаю, надеюсь, ничего страшного.

— А где остальные?

— Там, — биолог неопределенно махнул рукой.

Мой взгляд остановился на обзорном экране. Его четырехугольник заполняла неподвижная темнота.

— Ночь, — сказал биолог, перехватив мой взгляд.

Корабль стоял неподвижно, ни толчков, ни колебаний не ощущалось.

— Мы на суше?

— Не знаю, ничего не знаю. Помоги мне.

Он заковылял к неподвижно рапростертым телам. Совместными усилиями мы усадили Кора и Конда в кресла. Биолог вытер взмокшее лицо, и тут я почувствовал, что в кабине жарко. У Конда была рассечена щека и покрыта запекшимися сгустками крови. Других повреждений ни у того, ни у другого мы не обнаружили. Биолог раскрыл сумку, висящую на груди, и пошарил в ней.

— Антор, пойди в моторный отсек, там Барм и Ланк, если они без сознания, дай им вот это, — он

протянул мне тюбик, — выдавишь немного в рот. И потом... прибавь кислороду, регенератор что-то разладился.

Остаток ночи мы с биологом приводили в чувство товарищей. Больше всех пострадал Барм. Во время толчка он находился в проеме моторного отсека и был выброшен на насосы. Ударился он, судя по всему, не очень сильно, но длительное пребывание в неестественной позе, головой вниз с прогнутым в обратную сторону позвоночником, серьезно отразилось на его состоянии. Он очнулся последним, когда лучи восходящего солнца окрасили в розовые тона матовую поверхность обзорного экрана. Биолог вздохнул с облегчением и в изнеможении опустился в кресло.

— Несите его в контейнер, — это все, что он успел вымолвить и тут же погрузился в сон.

Часа два мы отдыхали, после чего собрались обсудить положение. Кор окончательно пришел в себя, Конд выглядел мрачным и нахохлившимся, Ланк бережно поддерживал вывихнутую руку и сидел, задумчиво уставившись в одну точку. Совещание было коротким. Прежде чем принять какие-то решения, нужно было установить координаты, выяснить степень повреждения корабля, и затем — возможность сняться с мели.

— Приготовиться к вылазке! — скомандовал Кор. — Пойдут все, за исключением вас. — Он указал на геолога.

Мы потащились к переходной камере за скафандрами.

Когда крышка люка откинулась и повисла над поверхностью Арбинады, в лицо нам ударили лучи солнца. Оно еще не успело высоко подняться и светило прямо в отверстие люка. Мы невольно зажмурили глаза.

— Вот так номер! — раздался удивленный возглас Конда. Он стоял на краю крышки и смотрел вниз. — Ничего не понимаю!

Под нами была суша. От полосы прибоя корабль отделяло метров двадцать твердой земли. Мы недоуменно переглянулись. Сквозь прозрачную массу шлема я увидел, как лицо Кора сделалось серым. И тут до меня дошел смысл происшедшего. Мы не могли ни сдвинуть корабль с места, ни взлететь. Неприятный

холодок прошел у меня по спине. Кор быстро овладел собой.

— Спускайте подъемник! — приказал он.

Мы перебрались на платформу и включили лебедку. Платформа коснулась земли, накренилась и застыла, тросы ослабли. Мы были на поверхности Арбинады. Этот момент прошел как-то незаметно. В раздумьях и тревоге мы не сразу сообразили, что нога человека стала на почву другого мира. Кор нагнулся и, набрав горсть песка, воскликнул:

— Арбинада! Смотрите, это же Арбинада!

Конд поддал ногой камень, тот отлетел на несколько шагов и завалился в ложбинку.

— Видим, что Арбинада, только как будем отсюда выбираться?

Ему никто не ответил.

— Эй, мазор Дасар, не отходите, — остановил Кор биолога, направившегося к росшему неподалеку кустарнику. — Осмотрим повреждения.

Последнее относилось уже к нам.

— Пойдем, Конд, — сказал я.

«Эльприс» застрял между двумя громадными камнями, оставившими на его боках большие вмятины. В одном месте обшивка лопнула, на теле корабля образовалась рваная рана, в которую свободно проходила рука.

— Дешево отделались, — сказал Конд, постучав кулаком о борт, — я думал, все внутренности вскрылись. А, дьявол! — Он поскользнулся и упал в песок. Я помог ему подняться.

— Что случилось с насосами? — спросил Кор Конда.

— Кто их знает, я думаю... Антор, лезь за мной, посмотрим, может быть... Ну да, так и есть. Вот они!

Конд забрался под днище корабля и, достигнув смятой горловины всасывающего патрубка, стал выбрасывать оттуда длинные стебли водорослей.

— Вот они, проклятые... вот... это, Антор, помоги мне... это больше, конечно, по части биологической... вытаскивай их отсюда, Ан!

Мы с трудом вылезли, опутанные водорослями.

— Насосы придется разбирать, в них этой дряни набилось полным-полно, — сказал Конд.

Биолог, сидя на песке, с интересом рассматривал растения. Я слышал, как он что-то бормотал про себя. Слов невозможно было разобрать, но, судя по тону, он был доволен. У моих ног копошилось какое-то маленькое животное.

— Литам Дасар! Смотрите!

Я поднял с земли нелепое создание, которое привело в восторг биолога.

— Это же типичный альтортинах!

— А вот вам еще один, — заметил Конд, наступая сапогом скафандра на шевелящийся комочек, — здесь их видимо-невидимо, под каждым камнем, мразь какая-то!

Кор задумчиво смотрел на море. Волны широкими языками выплескивались на берег, шуршали галькой и с шипением откатывались, оставляя на песке ажурные хлопья белой пены. Затем он перевел взгляд на берег. Отлогая полоса песка и гальки, на которой обычно хозяйничали волны, ограничивалась уходившими вверх скалами. На их неровных боках легко различались два цвета. Снизу они были покрыты зеленовато-бурым налетом, который постепенно переходил в естественный цвет камня.

— Вода поднимается до этого уровня, — показал Кор и, взглянув на корабль, добавил: — Он выше осадки «Эльприса».

— Это вчера во время бури, — вставил я, — ветром нагнало воду.

— Не думаю, — отрицательно покачал головой Кор.

— Что же тогда еще? — вмешался Конд. — Ветер вчера дул именно с моря, странно, что нас не швырнуло о те камни.

— Дело не в направлении ветра. Это, вероятно, приливы.

— Какие приливы?

— Здесь в океане должны быть приливы, и довольно высокие.

Мы недоуменно посмотрели на Кора.

— Приливы — это периодические поднятия уровня под действием сил тяготения.

— Ага, вроде припоминаю... но почему их нет на Церексе? Я вырос на берегу моря и не помню, чтобы оно меняло уровень...

— На Церексе они тоже существуют, но почти незаметны. Водные пространства там ограничены, Лизар слишком мал, а Солнце довольно далеко. Здесь же...

— Ясно! — воскликнул Конд. — Значит, есть надежда сняться с этих камней!

— Да, есть надежда.

— Фу, словно дышать легче стало! Литам Дасар, вы слышите?

— А?!

— Слышите, часов через... самое большее через восемь часов поднимется вода и мы всплывем, нужно успеть заделать пробоину.

Конд бросился к платформе с такой легкостью, словно не существовало могучего тяготения Арбинады.

— Антор, Ланк! Что вы стоите, быстрее!

— Не спешите Конд, не все так быстро, как вам кажется.

Кор, тяжело опустившись на землю, прислонился к камню.

— Я думаю... — начал он.

— Смотрите! Летит! Вон, да не там, правее! — перебил его Дасар.

Биолог поспешно вскочил на ноги, указывая на небо. Над скалами реяло какое-то существо. Оно медленно описывало широкие круги, чувствуя себя великолепно в капризной воздушной стихии.

— Какая мерзкая тварь! — сказал Конд. Он остановился у платформы, держась рукой за трос. — И большая, метра два.

— Пожалуй, покрупнее, — вставил Кор. — Смотрите, какая пасть. Что вы скажете, Дасар?

— Что я скажу? Скажу, что если такие летают, то по суше бродят, знаете... Нет, вы уж лучше фантазируйте сами.

— Здесь надо быть осторожным.

— Несомненно. Антор, сбейте ее, вы хорошо стреляете. Да подождите, пусть подлетит поближе.

Я поднял оружие и стал ловить крылатое чудовище в центр прицела. Оно опустилось ниже и летело прямо к нам. Я нажал спуск.

— Мимо!

— Нет, попал, просто живучая. — Я еще раз нажал спуск.

Животное покачнулось и, судорожно взмахивая крыльями, как-то боком стало удаляться.

— Стреляйте еще!

Держать оружие на весу было трудно, руки устали и дрожали от напряжения. Вряд ли в таких условиях можно было рассчитывать на успех, но я выстрелил.

— Мимо!

Животное скрылось в скалах. Некоторое время мы молчали, рассматривали крутые, покрытые растительностью берега.

— Странный мир...

— Нет, просто юный мир, полный сил, мир, которому принадлежит будущее.

Кор покосился на биолога:

— Этот мир возник в одно время с Церексом...

— Да, но попал в другие условия и слишком мало пережил, чтобы стать зрелым, он еще расправит крылья...

— Крылья у него уже есть, — заметил Ланк, взбираясь на платформу, где стоял Конд.

— Нет, в переносном смысле... Что вы говорили о приливах, мазор Кор?

— О приливах? Ах да, я сказал, что сегодня нас вряд ли снимет с камней. Пойдемте, пора возвращаться. Сейчас Хрис в первой четверти. По всей вероятности, вода поднимется достаточно высоко, когда он вступит в полную фазу.

— Это когда же?

— Дней через семь, через восемь, мы за это время многое успеем сделать. Вы говорите, мир юн, в смысле эволюции?..

— Да.

— У нас еще слишком мало фактов. И вы думаете...

— Я не думаю, у меня просто такое впечатление.

Кор и биолог замолчали. Они тяжелыми шагами направились к платформе подъемника, увязая в песке и спотыкаясь о камни.

— Пускайте, Конд.

Тросы натянулись, и платформа поползла вверх к открытому люку. Я взглянул на море. Пенная полоса прибоя была в тот момент на несколько метров ближе, чем когда мы выходили из корабля.

— Начался прилив?

Кор обернулся и через плечо взглянул на волны:

— Да, похоже.

Конд достал часы:

— Двенадцать часов назад нас выбросило на берег.

— Да, волны и прилив. Нам не очень везет, но могло быть и хуже. Ладно, заходите. Ланк, что у вас там?

— Рука... задел, больно.

— Заходите.

Крышка люка плотно стала на свое место. Наступила тишина, мы слышали в наушниках только дыхание друг друга.

— Антор, тебе ближе, включай.

Я пустил в ход систему дезинфекции.

●

Нам пришлось очень трудно на Арбинаде. Я имею в виду даже не опасности, которые подстерегали там на каждом шагу. К опасностям человек в конце концов привыкает, но невозможно привыкнуть к насилию над самим собой. То, что в обычных условиях естественно и просто, там требовало известного напряжения мысли и воли. Тело было чужим и непослушным. Руки поднимались тяжело, их нужно было заставлять двигаться, ноги шевелились вяло и медленно, веки опускались сами собой, и требовалось усилие, чтобы держать глаза открытыми. Даже язык ворочался во рту неуклюже, и порой с уст слетали какие-то обрывки слов и фразы становились куцыми и нечленораздельными.

Теперь на Хрисе, где я пишу эти строки, мне порой уже трудно представить наше недавнее прошлое. Дни на Арбинаде кажутся мне сном, каким-то кошмарным видением. Как передать все это? Как описать тягостное ощущение собственных внутренностей, проглоченного куска пищи, боли в глазах, хруста каждого сустава, тяжелого прикосновения одежды? Невозможно! Только пальцы сохранили подвижность, но и они обманывались, прикасаясь к знакомому предмету, который сразу становился непривычно тяжелым. Мы сделались раздражительными и невыдержанными. Временами из-за нелепых пустяков возникали ссоры, которые иногда переходили в опасные столкновения.

После вылазки на поверхность весь экипаж «Эль-

приса», включая самого Кора, занялся ремонтом корабля. Мы работали как одержимые. Так могут трудиться только люди, которым неоткуда ждать помощи. К счастью, погода нам благоприятствовала. Судьба берегла израненный «Эльприс» от повторных ураганов. Во время нашей вынужденной стоянки они были бы особенно опасны — приливы становились все выше, и море все ближе подступало, выкатывая свои волны к самой корме корабля. К тому моменту, когда приливная волна приподняла «Эльприс» с камней и он закачался на ее поверхности, освобожденный от страшных каменных объятий, все аварийные работы были уже выполнены, и мы могли продолжать наш путь. Кор, не доверяя управления ни мне, ни Конду, сам сел за пульт и, осторожно маневрируя, вывел корабль в открытое море.

— Сколько еще до устья? — спросил он, имея в виду цель нашего океанского плавания.

С определением координат пришлось повозиться. Солнце скрылось за облаками, а расчет по инерциальной системе после той бури, которую мы пережили, был далеко не прост. Наконец, вычисления были сделаны. К нашему удивлению, до входа в реку оставалось совсем немного.

— Ну сколько?

— Девяносто.

— Это по прямой?

— Да.

Кор задумался, в голове его зрело какое-то решение.

— Вот что, — наконец произнес он, — как вы себя чувствуете, Антор?

Вопрос этот удивил меня. Обычно Кор не очень интересовался самочувствием экипажа. У меня сложилось такое впечатление, что, будучи сам на редкость здоровым человеком, он молчаливо предполагал такое же состояние и у всех окружающих. Впрочем, для этого у него были основания — медицинский отбор в экспедицию был произведен достаточно придирчиво.

— Довольно сносно, — ответил я, — только очень устал.

— Все мы устали, — возразил Кор, — нам нужно сегодня же уйти в глубь материка, взгляните на барометр.

Показания прибора были тревожными. Атмосферное давление снова упало, и самописец чертил кривую ниже того уровня, который отмечала стрелка при последнем шторме.

— Это заставляет нас торопиться, я думаю, вам понятно? Возьмите крылья и, пока не стемнело, произведите разведку береговой линии в районе устья и нескольких километрах вверх по течению реки. Вы, Конд, поведете корабль.

Кор поднялся от пульта, уступая место Конду. Я, тяжело передвигая ноги, направился в багажный отсек. В помещениях корабля было пусто, — я вспомнил, что по приказанию Кора все находились в гидроконтейнерах. Мне встретился только Ланк.

Мы вдвоем извлекли крылья и проверили двигатель. Затем облачились в скафандры, и я, получив целый ряд напутственных указаний от Кора, в сопровождении Ланка вышел на площадку корабля. Вокруг расстилался спокойный и пустынный океан. Лишь за кормой, где бурлили мощные струи воды, выбрасываемые через сопла двигателя, в полупрозрачной дымке синела далекая полоска берега. Ланк помог мне приладить крылья и, ободряюще сжав плечо, отошел на край площадки. Я проглотил неприятный вяжущий комок, который образуется во рту после принятия синзана, и, вздохнув, пустил двигатель на малые обороты. Крылья затрепетали, готовые поднять меня в воздух. Включил наушники и сразу услышал голос Кора:

— Антор, вы готовы?

— Готов.

— Тогда не теряйте времени. Связь с вами буду поддерживать я. Взлетайте.

Я осторожно прибавил обороты и почувствовал, как мои ноги отделились от корабля. Специально созданный для нашей экспедиции летательный аппарат, кажется, оправдывал возлагаемые на него надежды. Проделав несколько пробных виражей и убедившись в хорошей управляемости, я стал набирать высоту.

— Как крылья? — раздался голос Кора.

— Кажется, нормально.

— Будьте осторожны, очень высоко не поднимайтесь и настраивайтесь на пеленг.

Я поднялся на несколько десятков метров и осмотрелся.

Сверху панорама была удивительной. Мне неоднократно приходилось парить в воздухе над Церексом, но впечатления от полета над Арбинадой во много раз богаче. Во-первых, краски. Все значительно более яркое и многоцветное, даже над морем, и необыкновенный простор, словно лопнул обруч, который стягивал кругозор, и горизонт расширился до своих естественных пределов. Именно — естественных! Мне тогда показалось, что человек должен видеть свою планету более просторной.

Сделав несколько кругов над «Эльприсом», я полетел по курсу, справляясь время от времени с картой. И, странное дело, — усталость мало-помалу уступала место свежести. Было ли это следствием действия синзана или горизонтального положения тела в полете — не знаю, но мне казалось, что сам простор проникал внутрь и гнал наружу цепкие комочки усталости, освобождая место легкости и спокойствию.

Я летел к реке кратчайшим путем, пересекая большой полуостров, далеко вдающийся в океан. Надо мной неслись мягкие невесомые облака, а внизу расстилалась причудливо взгорбленная холмами суша, покрытая зеленовато-желтой массой растительности. С высоты невозможно было разглядеть, скрывалось ли в этих буйных зарослях что-нибудь живое.

Наконец показалась река. В устье она образовывала дельту и вторгалась в океан мощным потоком, отчетливо видным сверху из-за характерной окраски илом. Я опустился ниже и стал детально обследовать отдельные протоки между многочисленными островами, намечая путь, по которому должен пройти «Эльприс». Кор не торопил меня. Я пролетел несколько километров вверх по течению, временами опускаясь почти до самой воды, и убедился, что корабль беспрепятственно сможет пройти в этих водах. Пора было возвращаться назад.

— Все нормально? — спросил Кор.

— Абсолютно.

— Осмотрите подходы к устью со стороны океана, нет ли наносных отмелей.

Я развернулся в крутом вираже и тут заметил пять или шесть крылатых чудовищ подобных тому, в кото-

рое стрелял на побережье. Величаво размахивая громадными перепончатыми крыльями, они летели вдоль реки по направлению к океану. Меня они или не видели, или не обращали внимания. Я резко сбавил обороты и лихорадочно ощупал скафандр, надеясь найти какое-нибудь оружие, но ничего, кроме большого ножа, висящего у пояса, — не обнаружил.

— Как дела? — снова раздался в наушниках голос Кора.

— Ни-че-го, — полушепотом ответил я, озираясь вокруг.

— Что с вами, пилот?

— Тут летают эти...

— Кто?

— Не знаю, как называются, вы видели на берегу...

— Старайтесь не пускать в ход оружие, избегайте встречи. Обследование со стороны океана произвели?

— Нет еще, и потом...

— Что потом?

— У меня нет оружия.

— Нет оружия? — Кор немного помедлил и вдруг обрушил на мою голову целый поток проклятий.

Признаться, меня это несколько ободрило, к тому же крылатые куда-то исчезли. Я включил двигатель на полную мощность, поднялся в облака и в их густой пелене помчался к морю. В своем позорном бегстве (зачем мне рисоваться здесь перед самим собой, тем более что вскоре пришлось проявить достаточно мужества), я переусердствовал и, когда покинул ярус облаков, обнаружил, что улетел от суши слишком далеко. Пришлось возвращаться, чтобы выполнить задание Кора.

— Теперь все в порядке? — поинтересовался Кор.

— Все в порядке. — Я вкратце передал ему свои наблюдения.

— Хорошо, возвращайтесь на «Эльприс». И имейте в виду, что следующий раз... впрочем, об этом после, — он неожиданно замолчал.

Я решил возвратиться на корабль не прежним маршрутом, а над морем, обогнув полуостров. Двигатель работал ровно, летающих животных, которые полчаса назад внушили мне такой страх, нигде не было, а выглянувшее из облаков солнце окончательно вер-

нуло приятное расположение духа. Впереди, в океане, виднелся небольшой скалистый островок, почти лишенный растительности. Сообщив Кору о своем намерении лететь над морем, я выключил связь, чтобы его голос не раздражал меня.

Безмятежно текли мысли, впервые, может быть, за все время нашего пребывания на Арбинаде. Я даже не уловил того момента, когда двигатель начал терять обороты, вероятно, вначале это было незаметно. Вдруг что-то встревожило меня, я посмотрел вниз и с удивлением увидел приближающуюся поверхность воды.

— Проклятье!

Я до отказа выжал регулирующий рычаг, двигатель взревел, вынес меня на несколько десятков метров вверх и вдруг смолк, был слышен только свист воздуха, обтекающего крылья. Я почувствовал знакомое ощущение невесомости и понял, что падаю. Громадное тяготение Арбинады влекло меня вниз. «Конец», — мелькнуло у меня в голове. Переворачиваясь в воздухе, я приближался к острым камням скалистого островка. Каким-то непостижимым способом мне удалось выровняться, и я почувствовал, как крылья снова подхватили меня, — это было крутое планирование уже за линию скал в море. С этого момента и дальше я сохранял хладнокровие и поэтому помню все отчетливо. Я включил связь и, оборвав на полуслове Кора, прокричал:

— Я падаю в море, аппарат отказал!

— Что?!!

— Я падаю в море, падаю в море! Я падаю в море!

Кор что-то кричал мне в ответ, но я его уже не слушал, лихорадочно соображая, как мне лучше опуститься. Я решил сесть в непосредственной близости от островка в надежде выбраться на сушу, — остров казался совсем пустынным. Но именно в тот момент, когда я принял такое решение, из-за каменной гряды навстречу мне поднялось несколько крылатых чудовищ. Чувство страха атрофировалось, я был поглощен одной мыслью: благополучно опуститься, направив на это все свои усилия и все внимание. До воды оставалось метров сто пятьдесят, когда я почувствовал удар в спину и потерял равновесие. Крылья завибрировали, и я стал валиться на бок. Следующие два удара перевернули меня, и тут я заметил, что со всех сторон окру-

жен крылатыми бестиями. Они яростно нападали, били крыльями и длинными беззубыми клювами, цеплялись когтистыми лапами, носились вверх и вниз, оглашая воздух пронзительными криками. Все, что я здесь сейчас описываю, продолжалось считанные секунды. Каким-то чудом у самой земли мне удалось еще раз выровняться, крылья подхватили меня, и я слету опустился прямо в гнездо одной из этих тварей. Что-то хрустнуло под ногами, взметнулась какая-то тень и, обернувшись разъяренной самкой, обрушилась на меня. Ударом ножа мне удалось на время освободиться от разъяренного противника: я осмотрелся по сторонам и заметил метрах в пяти от себя узкую расщелину. Пока я добирался до нее, получил столько ударов, что едва не потерял сознание. Наконец, мне удалось забаррикадироваться крыльями, и я почувствовал себя в безопасности. Только тогда я смог ответить на непрерывные вызовы Кора.

— Антор! Антор! Отвечайте. Вы живы?

— Теперь, кажется, жив.

— Что с вами произошло?

— У меня отказал двигатель, и я стал падать в воду, подождите, дайте отдышаться...

— Вы в безопасности?

— Не знаю даже... подождите.

— Вы не получили ранений?

Я, как мог, ощупал себя в тесноте расщелины. Во многих местах тело ломило.

— Ран нет, но ушибов много и болит голова.

— Где вы сейчас находитесь?

— На островке, недалеко от устья реки.

В этот момент сквозь мое укрепление протиснулась уродливая голова длиной почти в полметра и больно ухватила клювом за ногу.

— У-у! Проклятье!

— Что там у вас происходит?

Я ударил чудовище ножом в глаз.

— На меня нападают крылатые, я, кажется, попал как раз в место их гнездований.

— Они опасны?

— Ну вас к черту, мне некогда...

Я яростно боролся со своим противником. Мой нож был слишком слабым оружием против этой живучей

твари. В конце концов, один из ударов достиг цели — животное забилось в судорогах, но я совсем обессилел. Снова забаррикадировав отверстие, я отполз в дальний угол и свалился в изнеможении.

— Они не очень опасны, но мне с ними не справиться, отсиживаюсь между камнями... выручайте...

Это было последнее, что я смог произнести и часа на два впал в забытье...

«Эльприс» добрался до острова, когда кислорода у меня почти не оставалось. Я смутно помню тот переполох, который внесли в царство крылатых люди, грохот выстрелов, пронзительные крики животных, шелест бесчисленных крыльев. Я выбрался наружу и, подхваченный Ланком и Дасаром, кое-как добрался до лодки. В памяти еще сохранилось журчание волн, склоненные надо мной лица, пульт управления и маслянистая влага гидроконтейнера. Дальше — провал, вмещающий в себя несколько суток. Конд рассказывал мне потом, что я нашел еще в себе силы указать ему разведанный мною путь к дельте Ракса.

●

Когда я окончательно пришел в себя и выбрался из гидроконтейнера, Кор, Конд, Дасар и Барм были снаружи. Меня встретили Ланк и Торн.

— Ну-ка, покажись, — сказал Торн, поворачивая меня к свету, — основательно тебя, однако, они разделали.

Он скрылся в соседнем отсеке и вскоре возвратился, нагруженный целым ворохом медикаментов.

— В первую очередь будешь принимать вот это, ясно?

Я сделал безразличный жест.

— Ланк, наложите ему на ушибы листер. А вы вытритесь, — он кинул мне полотенце.

Я старательно снял с себя маслянистые капли раствора. Ланк хлопотал возле меня, накладывая на тело длинные и жгущие кожу ленты листера.

— Далеко мы поднялись по реке? — спросил я.

— Далеко, уже двести километров, повернись другим боком, вот так... — Ты не слышал, что Кор приказал? — спросил Ланк.

— Не слышал, откуда же... — ответил я.
— На тебя наложен штраф.
— Штраф? Какой штраф?
— Двести ти.
— Это за что?
— За то, что ты вылетел на разведку без оружия, — пояснил Торн.
— Двести ти! Иди ты к черту со своим листером, — я оттолкнул Ланка. — Где Кор?
— Сейчас его нет на корабле, все остальные снаружи.

Целый час я ждал возвращения Кора и, надо сказать, за это время основательно накалился. Едва участники вылазки сняли скафандры и разошлись по своим местам, как я бросился в центральный пост к Кору. По дороге мне попался Конд.
— Ан! Ты уже здесь? Значит здоров?
— Здоров, — буркнул я. — Кор у себя?
— У себя. Ты уже знаешь?
— Знаю.
— И хочешь с ним говорить? — Конд неодобрительно покачал головой.
— Хочу, как видишь.
— Брось, не стоит, я уже говорил.
— Ну и что?
— Мне это обошлось ровно в пятьдесят ти.
— А тебе-то за что?
— За то, что лез, по его мнению, не в свое дело.
— Все равно пойду, пусть попробует сказать, что двести ти не мои.

Кор встретил меня весьма дружелюбно, я даже не ожидал. Он лежал в защитном положении, отдыхая после вылазки. Услышав мои шаги, он открыл глаза.
— Мазор Антор! Наконец-то. Я давно ожидал вашего выхода из контейнера. Чувствуете себя нормально?
— Да, нормально.
— Цвет лица у вас еще нездоровый, — продолжал Кор, — болят ушибы? Вас осматривал мазор Торн?

Я решил сразу перевести разговор в нужное русло.
— Мазор литам Кор, я пришел к вам по другому вопросу.

Кор едва заметно кивнул головой и закрыл глаза.

— Я знаю, говорите.

— Мне сообщили, что вы наложили на меня штраф.

— Правильно. Это вас удивляет? — Хладнокровие у него было поразительное.

— Нет, — отчеканил я, — возмущает!

Кор приоткрыл глаза и окинул меня взглядом.

— Тем лучше.

Я остолбенел и не нашелся, что ему ответить.

— Тем лучше, — повторил он, — по крайней мере вы теперь не будете забывать о тех мелочах, от которых зависит благополучный исход экспедиции. У вас есть какие-нибудь вопросы?

— Нет.

— Тогда отдыхайте, через три часа ваша вахта.

Он отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

●

Мы двигались в глубь континента... Над нами было небо, то грозное и черное, изрезанное вспышками молний, то глубокое и чистое, слепящее прозрачной синевой. Проплывали мимо берега реки, окаймленные белым, как снег, песком, журчала за кормой вода. Буйные заросли деревьев, сплетаясь между собой ветвями, решительно наступали на берег или следовали за авангардом густо разросшегося кустарника. Временами и деревья и кусты отступали, освобождая место обширным полянам, покрытым ворсистым ковром густой зеленой травы, расцвеченным странными яркими растениями, над которыми вились бесчисленные рои насекомых. Одна красочная картина сменялась другой, еще более красочной. И вдруг недра земли поглощали зеленый покров, и тогда в солнечных лучах купалось царство минералов, не менее разнообразное и причудливое, чем отторгнутая ими органическая природа.

Нас окружал сказочный мир, заселенный животными-химерами. Никакая человеческая фантазия не способна создать полчища столь отвратительных чудовищ: ползающих, прыгающих, квакающих, летающих, ревущих и пожирающих друг друга. Животный мир — это ужас Арбинады. Мы поняли это слишком скоро и заплатили слишком дорого...

Корабль разрешалось покидать группами не менее

двух человек. Специалисту, идущему на поиск, придавался как минимум один сопровождающий. Такими сопровождающими были я, Конд и Ланк, а так как Кор никогда не отпускал одновременно обоих пилотов, то Ланку чаще других приходилось выходить из корабля. В условиях Арбинады, ее диких зарослей, болот и нагромождения скал удобнее всего было передвигаться по воздуху. Это было менее утомительно и значительно безопаснее. Те летающие драконы, которые доставили мне в свое время столько неприятностей были сравнительно безопасны, да и обитали они вблизи морского побережья. Их сородичи, населяющие леса в непосредственной близости от реки, хотя и летали огромными стаями, но были значительно меньших размеров и при нашем появлении в воздухе обычно исчезали. Главная опасность подстерегала нас в воде и на суше.

Чаще всего на поверхность Арбинады я выходил вместе с биологом. Не знаю, почему он избрал именно меня. Правда, я хорошо владею оружием. Может быть, поэтому Дасар предпочитал видеть меня рядом с собой, отправляясь на свои научные экскурсии.

Биолог оказался дотошным исследователем, и, сопровождая его, мне пришлось увидеть очень многое. И увидеть и узнать. Дасар — человек разговорчивый и свои мысли выражает часто вслух, поэтому волей или неволей я становился соучастником его деятельности и хранителем его мыслей. Мало-помалу я сам стал втягиваться в эту работу и иногда высказывал соображения, которые он не отвергал, а, пробурчав что-то себе под нос, изрекал приблизительно такую фразу:

— Однако, Антор, ваши заболоченные космосом мозги еще способны на некоторую макроскопическую деятельность...

Это следовало воспринимать как высшую похвалу. По поводу других моих соображений он не скупился и на такие замечания.

— Я считаю, — говорил он, делая соответствующую паузу, — что первобытная протоплазма по части умозаключений могла бы успешно конкурировать с содержимым черепной коробки отдельных высокоорганизованных астролетчиков.

Я на него не обижался. С ним было тяжело, но интересно. Он глотал синзан чудовищными порциями

и проявлял столько энергии, что вконец изматывал и себя и меня. После каждой вылазки мы по многу часов отмокали в гидроконтейнере, с тем чтобы в следующий раз снова взять от наших организмов все, на что они способны. Я следовал за ним повсюду: и в непроходимые чащи, где он вылавливал «интересных» насекомых, и в воду, где опасности, поджидающие нас, были особенно велики. Постепенно, благодаря собственным наблюдениям и его комментариям к тому, с чем нам приходилось сталкиваться, у меня стало складываться более терпимое отношение к животному миру Арбинады.

Часто он меня спрашивал:

— Вы знаете, Антор, где мы с вами сейчас находимся? Ну-ка, ответьте мне.

— Мы бродим по страницам книги, в которой природа лишь очень скупо повествует о том, на что она действительно способна, — отвечал я, припоминая его собственный ответ на заданный вопрос.

— Нет, уважаемый водитель межпланетных телег, вы ошибаетесь, — говорил он, — мы не бродим, а мы стоим и смотрим в колыбель младенца. Этот мир так еще юн! Он только-только открыл глаза, и впереди у него огромная жизнь. Запомните это. Когда вернемся на Церекс, так и рассказывайте, что вы были в гостях у новорожденного.

— Сколько же лет этому новорожденному?

— Сколько? Трудно сказать. Я полагаю, не менее пятисот миллионов раз обернулась Арбинада вокруг Солнца с тех пор, как на ней возникла жизнь, различимая невооруженным глазом.

Я мог бы припомнить множество подобных разговоров, они возникали по всякому поводу. Однажды биолог был чрезвычайно обрадован, поймав маленького юркого зверька, который отбивался от него с храбростью отчаяния. Я не сразу понял, что привлекло биолога в этом животном, на мой взгляд, поблизости находились куда более интересные объекты наблюдения. (Тогда я еще полагал, что научная ценность того или иного существа прямо пропорциональна объему его тела.)

— Вот, Антор, смотрите, это представитель тех, кто сменит нынешних властелинов Арбинады!

— Этот карлик?

— Да!.. Ну, не этот, конечно, а его далекие потомки.

Я с недоверием перевел взгляд на разгуливающих неподалеку двух исполинов. Их морщинистая, покрытая буграми и наростами кожа обтягивала массивные тела не менее шести метров в длину. Головы этих животных, если считать вместе с широкими загривками, покрывающими непроницаемой броней шею и часть спины, составляли не менее трети общей длины тела и были украшены рогами; два из них росли около глаз и были длинными и острыми, а третий возвышался спереди на носу. Великаны неторопливо пережевывали стебли растений. Было в них что-то монументальное, вечное и неизменное, казалось, что они всегда жили и всегда будут жить на земле. Я поделился своими впечатлениями с Дасаром.

— Вот-вот! — воскликнул он.—Типичный пример того, как верное наблюдение приводит к неправильному выводу! Неизменное — сказали вы, правильно. Такому колоссу, как этот, уже трудно перестроиться. Эти, да и большинство других животных Арбинады, слишком далеко зашли по пути приспособления к существующим условиям. Но эти условия не вечны. Пройдет не так уж много времени (в геологическом смысле, конечно), и они изменятся. Перестроятся материки, климат станет холоднее или суше, и те особенности животных, которые делают их сейчас непобедимыми в борьбе за жизнь, окажутся для них гибельными. Вы думаете, Антор... Кстати, осторожнее, не наступите на этот маленький холмик...

— Эту кочку?

— О жалкий придаток космической колымаги! — простонал биолог. — Воистину правильно говорят, что одним глаза даны для того, чтобы видеть, а другим — чтобы всегда оставаться слепыми. Это же целый город!

Я удивленно уставился на биолога.

— Да не на меня смотрите, а себе под ноги.

Я наклонился и только тогда разглядел, что эта кочка в действительности была маленьким искусственным сооружением. Оно представляло собой невысокий холмик, собранный из листьев и мелких веточек, земли и стеблей растений. Около него сновало множество странных шестиногих существ, куда-то спешащих, что-

то тащивших, что-то ищущих. Приглядевшись, я заметил, что временами два или несколько этих малозаметных арбинадцев выполняли работу сообща, может быть, несколько бестолково, но зато напористо и энергично. Мне удалось уловить некоторый порядок в их многообразной деятельности и даже увидеть чуть заметные тропинки, протоптанные многочисленными неутомимыми лапками.

— Это... люди? — спросил я, испугавшись собственного вопроса.

Биолог стоял рядом и наблюдал вместе со мной открывшуюся перед нами странную жизнь.

— Нет, Антор, не люди, — на этот раз Дасар обошелся без язвительного замечания, — впервые я их увидел дней шесть тому назад и, признаться, вначале подумал то же самое. Внешне эта колония действительно напоминает сообщество разумных существ, находящихся на низкой ступени развития. Но это не люди. Людьми руководит разум, а ими слепой инстинкт. Но сама по себе коллективная деятельность насекомых явление чрезвычайно интересное и совершенно неизвестное на Церексе... Так... А теперь помогите мне справиться с этим зверьком.

— С будущим хозяином Арбинады?

— Да.

Я умертвил животное и по указанию Дасара сфотографировал и разделал его тушку, заключив отдельные органы в специальные капсули. Биолог при этом восхищался разнообразием строения зубов, черепной коробкой и сердечно-сосудистой системой. Я никогда не был силен в анатомии и из всего, что он мне говорил, понял только то, что животное было теплокровным и млекопитающим. По его мнению, эти два фактора, да еще наличие более развитого мозга, дадут со временем величайшие преимущества таким животным над всеми остальными, ныне существующими.

— А люди здесь будут, литам Дасар? — спросил я, вспоминая мечту Юринги о людях другой планеты.

— Будут, — уверенно ответил биолог.

— Когда?

— Теперь скоро, я думаю, примерно через сто миллионов лет. Человечеству Церекса, к сожалению, придется общаться только с этими монстрами.

— А какими они будут, эти люди?

Биолог задумался.

— Трудно сказать, я знаю только одно, что это будут люди... Нам пора возвращаться, пилот.

Мы поднялись в воздух и полетели к кораблю. Я раздумывал над темой нашей беседы, в которой мы небрежно бросались миллионами лет, вершили судьбу живущих ныне и еще не появившихся животных, — и легкая грусть охватила меня. Печально было сознавать, что мы лишь случайные создания природы, возникшие по ее прихоти в вечном круговороте движения, что нам на всё отпущено мгновенье, на все наши переживания, на все наши радости и на все наши горести.

●

Когда «Эльприс» отошел на восемьсот километров от океана, река стала заметно сужаться. С борта корабля были видны теперь оба берега. Исчезли острова, течение ускорилось, появились отмели, неожиданно перегораживающие русло и оставляющие узкий проход то у того, то у другого берега. Продвигаться вперед стало труднее, требовалось больше внимания и осторожности.

В течение дня мы плыли обычно не более двух-трех часов, остальное время тратили на вылазки и на исследовательские работы. Вел корабль кто-нибудь из трех: либо я, либо Конд, либо сам Кор. Прошло уже тринадцать суток с момента высадки на Арбинаду, и беспрерывная гнетущая тяжесть начала сказываться на нашем поведении. Однажды произошел скандал. Поводом для него послужила моя неосторожность, а причиной — излишняя раздражительность.

Я посадил корабль на мель и от толчка вылетел из кресла, больно ударившись грудью о пульт.

Едва я поднялся на ноги, как в центральный пост «влетел» взбешенный Кор.

— Болван! — прошипел он. — Безглазый чурбан, ты что не видишь, что ли?

Он доковылял до пульта и ткнул меня лицом в обзорный экран. Быть может, если бы на экране и в самом деле было что-нибудь видно, кроме спокойной

поверхности воды, я бы промолчал, но тут не стерпел и тоже взорвался.

— Убери руки, начальствующий кретин! — заорал я, ощущая нарастающую во мне волну ярости, и, круто повернувшись, толкнул его в грудь.

Не знаю, мне кажется, я толкнул его не очень сильно, но, или он стоял неустойчиво, или мне помогла тяжесть Арбинады — Кор плашмя грохнулся на пол. Ярость действует как синзан. Он мгновенно поднялся на четвереньки и, извергая проклятия, устремился на меня. От удара в живот я не удержался на ногах и тоже свалился. Сейчас все это страшно вспоминать, настолько невероятной, дикой и неправдоподобной кажется возникшая тогда свалка. Мы отчаянно били друг друга, стараясь попасть в самые уязвимые места, забыв обо всем на свете, катаясь по полу и раздирая друг на друге одежду. То Кор оказывался наверху и тянулся руками к горлу, то я опрокидывал его и вкладывал в свои удары нечеловеческую злобу. Услышав шум и вопли, в центральном отсеке появились Дасар, Ланк и Торн. Трудно сказать, что они подумали, увидев эту сцену, но их приход не только не способствовал умиротворению, а лишь увеличил число действующих лиц в разыгравшемся спектакле.

— Тащите его в багажный отсек, — кричал Кор, продолжая выламывать мне руку. — Он посадил корабль на мель!

Ланк схватил меня за ногу и поволок к люку, ему помогали Торн и биолог. Я изловчился и другой ногой ударил биофизика в лицо. В ответ на это Торн пустил в ход футляр от лартометра, некстати подвернувшийся ему под руку. Сообща они самым бесцеремонным образом вытащили меня из центрального отсека. Казалось, всех нас охватило буйное помешательство, мы потеряли всякую способность рассуждать здраво.

Когда меня волокли мимо гидроконтейнеров, я уцепился за рычаг спуска сислола. Находившийся в контейнере Конд выбрался наружу прежде, чем меня успели уволочь в другой отсек. Он никогда не раздумывал, следует или не следует идти на выручку товарищу. Решение он принял мгновенно и обрушился на моих противников. Силы сторон сразу уравнялись, ибо Конд один стоил по меньшей мере двух-трех человек. Вскоре

Торн, сраженный его мощным кулаком, лежал без сознания.

Не знаю, чем бы кончилось это побоище, если бы биолог не догадался пустить в ход аварийную систему корабля. Душераздирающий вопль сирены, способный разбудить и мертвого, наполнил помещения. С грохотом закрылись люки, замелькали яркие вспышки сигнальных ламп. Постепенно мы стали приходить в себя. Я с удивлением обнаружил, что лежу на полу, вцепившись зубами в плечо Ланка. Конд медленно разжал пальцы и выпустил загнанного в угол Кора. Тот тряхнул головой, как бы сбрасывая остатки нахлынувшего безумия, и медленно обвел нас всех глазами.

— Спасибо, Дасар, выключайте, — сказал он хриплым голосом. Отдышался, вытер с лица кровь и добавил: — И это люди?

Я поднялся на ноги. В этот момент сирены смолкли.

— Простите, мазор Кор, это моя вина...

Кор махнул рукой:

— Все хороши... я тоже. — Он застонал и опустился в кресло.

— Что с вами? — забеспокоился Конд, словно не он еще минуту назад сжимал Кора своими ручищами, оставив на его одежде маслянистые пятна сислола.

— Ничего... по сравнению с тем, что было, ерунда... А Торн? Вы его не убили, Конд?

Словно услышав, что речь идет о нем, биофизик открыл глаза и сделал попытку поднять голову. Над ним наклонился Дасар и влил ему в рот несколько капель отцоя. Лицо Торна перекосилось — я по своему опыту знал отвратительный вкус этого снадобья. Некоторое время мы молчали, угрюмо взирая друг на друга.

— Что же будем делать, литам Дасар? — снова заговорил Кор. — Ведь так можно погубить экспедицию.

Биолог молчал.

— Вы не знаете?

— Не знаю.

— Ученый-биолог, врач, черт возьми! — снова вспылил Кор. — Кто же должен знать, если не вы?! Мне надо, чтобы программа была выполнена. Слышите!

Он угрожающе зашевелился в кресле, намереваясь выбраться из него.

— Спокойно! — Я положил руку на спину Кора.

— Что?! Опять вы? Какого дьявола!.. Уберите руки!.. Впрочем... впрочем, так больше нельзя.

Снова наступила тишина. Мы сидели кружком, избегая смотреть в глаза друг другу. Я пытался навести порядок в своей одежде.

— Нам нужно хотя бы три-четыре дня побыть при нормальной тяжести, — проговорил Дасар.

— Но это невозможно!

— Знаю.

— Почему же, — вставил Конд, набрасывая на обнаженное тело чей-то комбинезон, — мы можем взлететь и побыть в состоянии невесомости...

— Чтобы потом все начинать сначала? Кроме того, как мы взлетим? На реке это невозможно, вы же пилот и лучше меня должны понимать такие вещи.

С помощью биолога Торн окончательно пришел в себя и постепенно сообразил, о чем шла речь.

— Может быть, вернемся в океан, это быстро и...

— Вы полагаете на этом закончить работу экспедиции? — спросил биолог.

— Да, я полагаю, мы сделали...

— Нет! — решительно перебил его Кор. — Программа будет выполнена любой ценой! Пусть мы все тут изувечим друг друга. Кто-то один останется, и он доставит материал на Церекс.

Сказав это, Кор многозначительно посмотрел на Конда.

На некоторое время воцарилось молчание, которое нарушил биолог.

— Мы не испробовали еще одно средство, — произнес он.

— Что вы имеете в виду? — оживился Кор.

— Анабиоз, — коротко ответил биолог.

— Думаете, поможет?

— Не знаю, нужно попробовать. Хуже не будет.

— А как же корабль, управление, мы ведь сидим на мели? — спросил я.

— На мели? Тем лучше, по крайней мере никуда не денемся, только нужно будет все проверить и закрепиться. Я одобряю ваше предложение, мазор Дасар.

К Кору снова вернулись его воля и рассудительность. Мы сообщили на «Юл-3» о нашем решении и о прекращении связи на тридцать дней. Затем Конд

и Ланк вышли на поверхность и прикрепили «Эльприс» тросами к береговым утесам. Это было надежной гарантией того, что нас не унесет в океан при неожиданном поднятии уровня реки, которое может быть при сильных и продолжительных ливнях. Я настроил систему анабиоза (вот уж никак не думал на Церексе, что она может здесь нам понадобиться). Дасар и Торн о чем-то оживленно спорили, перебирая наличный запас медикаментов. В конце концов они пришли к согласованному решению. Я дополнил сислол в гидроконтейнерах до нормального уровня, примешав в него по указанию биолога три процента атлитории. После этого мы распрощались друг с другом, временно оставив тревожную и тяжелую жизнь на Арбинаде, уйдя от нее на тридцать суток в местном времяисчислении.

●

«Эльприс» перенес на поверхность планеты семь человек, а взлетело впоследствии в космос только четверо. Трое, чьи тела были рождены и вскормлены Церексом, — навсегда остались в чужом мире.

Первым ушел от нас Барм... Я плохо знал геолога, до экспедиции мы никогда не встречались, мало виделись и при подготовке к этому полету. Сейчас я уже не помню точно, когда именно настигла его смерть, день можно установить по дневнику экспедиции, только нужно ли? Важно то, что его не стало. Как это произошло, мы знаем по сбивчивым и путаным рассказам Ланка...

То, что чудовищные звери Арбинады не очень разборчивы в выборе своих жертв, мы узнали довольно скоро. Расхождение в мнениях, которое существовало по этому поводу у биолога и биофизика, разрешилось само собой еще во время нашего плавания по океану. Для изучения подводной фауны были спущены с корабля две автоматические торпедки, снабженные киносъемочными аппаратами. Долгое время они оставались в зоне акустической системы «Эльприса». Поднять снова на борт нам удалось только одну торпеду, потерю второй мы отнесли сначала за счет порчи его навигационного оборудования. Однако, когда была просмотрена отснятая лента, нам открылось удивительное зрелище. Случайно объектив схватил момент гибели второй тор-

педки. Мы увидели, как огромное, извивающееся всем телом животное с короткими конечностями, прижатыми к брюху, устремилось к нашему исследовательскому снаряду и, открыв страшную, усаженную тысячами зубов пасть, без видных затруднений проглотило полуметровую металлическую сигару.

— Мм-да-а, — протянул только Кор, не найдя подходящих слов для выражения своих чувств. — Как вы думаете, Торн, ждут ли нас подобные встречи на суше?

Биофизик ничего не ответил и лишь неопределенно покачал головой.

— Оно пришло в океан с суши, — сказал биолог, с трудом ворочаясь в кресле. — Вы это заметили, литам Торн?

— Заметил. Только мне кажется, что на суше такие жить не способны. Лишь в океане, где вес тела не имеет большого значения, возможно появление подобных гигантов.

К сожалению, он ошибся, громадные хищники водились и на континенте. Ланк рассказывал, что, когда они с геологом, заложив взрывчатку, устанавливали сейсмическую аппаратуру, неожиданно из-за скалы выскочило громадное чудовище. Барм находился на открытом месте и был хорошо виден. Ланк закричал не своим голосом (это мы отлично слышали на корабле) и сделал несколько выстрелов. Но что значили эти хлопушки для такого исполина! Хищник в несколько шагов настиг бросившегося бежать геолога... и все было кончено. Когда мы пришли на место происшествия, основательно вооруженные, то нашли лишь брошенные Бармом приборы и часть руки, откушенной остры́ми, словно кинжалы, зубами. Это все, что оставило нам чудовище. Биолог измерил следы. Шаг громадного хищника составлял три с половиной метра, он передвигался на двух ногах, волоча за собой длинный хвост. По описаниям Ланка, у него имелась еще пара совсем маленьких, словно недоразвитых передних конечностей. Этого ужасного хищника никто из нас больше не видел. Так нас стало шестеро.

Потом мы потеряли Ланка. Нелепая, случайная смерть: его не удалось пробудить от анабиоза. Думал ли он, погружаясь в контейнер, что от этого сна ему не суждено пробудиться? Так же, как и мы, закрывая

усталые глаза и нажимая пусковую кнопку аппаратуры, он надеялся выйти оттуда обновленным. Ланк сам остановил свое сердце, но, увы, не на тридцать дней, а навсегда.

Он остался на вершине скалы, одиноко стоящей над берегом. Туда мы перенесли его на крыльях и расположили тело горизонтально, вырубив углубление в камне. Чужое небо опрокинулось над ним голубым куполом, чужие ветры свистят и поют незнакомые песни и цепкая чужая тяжесть держит свою жертву. Лишь время, одинаковое для всех, равнодушно шагает и мимо нас, живых, и мимо него — мертвого. Только какое значение имеет теперь для Ланка время?

●

Тридцатидневное пребывание в анабиозе вернуло нам утраченное было равновесие духа. Мы вновь обрели силы и стали чувствовать себя значительно лучше, почти хорошо, если можно так говорить о состоянии человека, преследуемого утроенной тяжестью собственного тела.

Простившись с Ланком, мы вернулись к нашим делам. «Эльприс» стоял на мели в том же положении, в каком был оставлен в памятный нам день, только уровень реки был чуть-чуть выше. Я и Конд собрали лебедку (до этого нам не приходилось ею пользоваться на Арбинаде) и, спустившись вместе с нею на лодке вниз по течению, привязали механизм к стволу большого дерева с широкими иглами вместо листьев и увешанного громадными шишками размером с голову взрослого человека. Когда лебедка заработала, натянулся трос, и корабль неохотно оставил свою многодневную стоянку на песчаной отмели. Мы вернулись на «Эльприс», включили двигатель, и вскоре одинокая скала, на которой покоился Ланк, навсегда скрылась из виду. Жизнь пошла своим чередом.

После гибели Барма и Ланка вылазки на поверхность стали предприниматься реже — биолог ограничил выдачу синзана, да и накопилось достаточное количество материалов, которые настоятельно требовали предварительной обработки. Кор покидал корабль в исключительных случаях. Он проводил время за пультом, осу-

ществляя, когда это было возможно, связь с Присом и хрисской станцией, копошился с приборами, что-то писал, что-то вычислял, подолгу просиживал в кресле, рассматривая ленты самописцев.

Конечный пункт нашего маршрута — озеро Орг приближалось. Мы располагали достаточно точными и подробными картами, заснятыми хрисской станцией. Но с расстояния триста восемьдесят тысяч километров не все можно разглядеть. Когда, по нашим расчетам, до озера оставалось не более однодневного перехода, неожиданное препятствие преградило путь. Спокойная и широкая река, служившая нам долгое время надежной дорогой в диком природном хаосе Арбинады, вдруг забурлила, вспенилась, обернулась разъяренной стихией. На нашем пути громоздились пороги.

«Эльприс» остановился. Все пятеро, мы собрались в центральном отсеке и смотрели на обзорный экран, охваченные странным чувством восхищения и уныния. Впереди, стиснутая высокими берегами, бесновалась река, вздымая фонтаны брызг и сотрясая воздух могучим ревом. Над пляшущими в беспоряке волнами, над быстрыми водоворотами и угрюмыми темными камнями, о которые разбивался грудью неудержимый поток, перекинулся зыбкий мостик многоцветной радуги.

Но, увы, величественная картина природы означала для нас крушение планов. Мы молчали. Беспокойные руки Конда вертели регулятор видоискателя, то надвигая на нас стремительное движение волн, то заполняя четырехугольник экрана мирной панорамой дремлющей в солнечных лучах береговой растительности.

— Выключите звук, — приказал Кор. Посмотрел на нас и проговорил неопределенно: — Вот так... Да... Какие же будут мнения?

Никто не ответил ему, лишь Конд пробормотал как бы про себя:

— Красиво, ничего не скажешь!

Торн изобразил на своем лице жалкое подобие улыбки. Какие же могли быть мнения? Представлялся уже обратный путь к океану. Там, только там и возможен был взлет в космос! Но от океана нас отделяла вереница утомительных дней пути.

— Проклятье! Неужели мы не пройдем? — снова подал голос Конд. — И до озера осталось-то всего...

— «Эльприс» здесь не пройдет, — сказал Кор.

— По воде — да, вон ведь какие глыбы торчат... А что если?.. — Конд замолчал.

— Что вы хотите сказать?

— Может быть, над водой, а? По воздуху?

Вариант был слишком сомнительным, но Кор задумался. Я вспомнил, что на протяжении километров двух с половиной — трех река перед порогами не делала никаких поворотов. С минимальным запасом массы «Эльприс» мог взлететь на такой дистанции даже в условиях тяготения Арбинады. Но что было дальше, за каменистой грядой... Я поделился своими соображениями.

— Вот видите, Антор тоже, — обрадовался Конд. — У него глаз верный и чутье...

— Чутье... — фыркнул презрительно Кор, — это то, чему меньше всего следует доверять, нужны расчет и полная уверенность.

— Подсчитать можно, — вставил Торн, приподнимая отвисшую от тяжести губу.

Перспектива возвращения к океану никого не устраивала. Впереди было озеро и надежда в кратчайший срок завершить опасную и крайне тяжелую экспедицию.

— Нужно все как следует проверить, — резюмировал Кор.

Это был единственный случай, когда мы все покинули «Эльприс». Биолог и Кор поднялись в воздух и отправились на разведку за пороги. Они обследовали этот участок реки и выяснили, что корабль должен был сесть на воду не далее как в сорока — шестидесяти метрах за кипящими бурунами, чтобы иметь возможность погасить скорость и сделать поворот, следуя извилистому здесь руслу реки. Потом они пролетели до самого озера. Необходимо было убедиться в том, что впереди нет других подобных же препятствий, иначе мы могли оказаться в ловушке — взлет в обратном направлении был невозможен. Тем временем я, Конд и Торн тщательно вымеряли расстояние от возможного места разгона до предполагаемой точки взлета. Мы прошли этот путь на лодке и ни мелей, ни подводных скал не обнаружили. Пока все складывалось благоприятно. Окончательно судьбу предложения Конда дол-

жны были решить расчеты. Мы проделали их трижды. Рискнуть на этот прыжок оказалось возможным, имея десятипроцентное заполнение баков.

— М-да, — сказал Кор и внимательно посмотрел в лицо каждому из нас. — Теперь решайте, я — за. Вы, Торн?

— Тоже.

— Вы?

Биолог сделал утвердительный жест. Нас с Кондом можно было не спрашивать, если теория говорила можно, то в свое искусство мы верили.

— А кто поведет корабль?

Вопрос был серьезным. Мы с Кондом посмотрели друг на друга, потом на Кора, потом снова переглянулись.

— Кто же?

— Попробую я, — наконец предложил Конд.

По лицу Кора пробежала тень недоверия и исчезла.

— Что ж, согласен.

Вопрос был решен. Мы отвели «Эльприс» к месту старта и натянули вспомогательный трос, который должен был удерживать корабль на месте до момента развития двигателем необходимой тяги. После этого приступили к заполнению баков. Операция заняла несколько часов, так как воду нужно было тщательно очистить от всех примесей. Наконец, все было готово, и по приказанию Кора мы залегли в гидроконтейнерах, чтобы отдохнуть перед решительной минутой.

Наш отдых затянулся. Вначале Кор решил, что трех часов слишком мало, а потом стало темнеть. Перелет был отложен до утра. Впрочем, это и к лучшему: за тот день мы действительно сильно устали и вряд ли Конд успешно справился бы со своей трудной задачей. Кор умел проявлять рассудительность и шел на риск только в том случае, когда действительно он был оправдан.

Утром биолог выдал Конду и мне почти полную дозу синзана. Я внимательно проверил двигатель, и, когда Кору уже не к чему было придраться, мы направились в центральный отсек. Конд настроил обзорный экран на режим естественной перспективы. Сбросив с себя лишние одежды, громадный и мускулистый, появился он у пульта, пробежал пальцами кнопки

управления и занял место водителя. Усаживаясь рядом с ним, Кор зацепился поясом за рукоятку подъема спинки и никак не мог освободиться. Я молча помог ему и устроился в соседнем кресле.

— Ну! — нетерпеливо сказал Конд.

— Включай, — приказал Кор.

Я пустил двигатель. Конд, казалось, слился с пультом в одно целое. Вибрация увеличивалась, нарастал рев двигателя, корабль рвался вперед, до предела натягивая трос, державший «Эльприс» на месте.

— Пошел!

Я разъединил сцепление троса с корпусом и в тот же миг был отброшен на спинку кресла. Мы сорвались с места и понеслись по реке. Скорость стремительно нарастала, на экране навстречу нам мчалась сверкающая гладь воды, перегороженная оскаленными зубами порогов.

— Давай! — не выдержал Кор и неожиданно потянулся к Конду, с явным намерением вмешаться в управление.

Я резко ударил его по рукам.

Лицо Конда приняло зверское выражение, он напряженно смотрел вперед, каким-то десятым чувством ловя тот миг, когда следовало оторвать корабль от воды. Ничто для него не существовало, кроме рева двигателя, стремительно надвигающихся бурунов и летящего навстречу порогам корабля, неотделимой частью которого он стал. Еще секунда промедления, и мы неминуемо врезались бы в острые камни, но «Эльприс» поднялся в воздух и тяжело перевалил через преграду. Мы опустились, оставив пороги метрах в двадцати позади себя. Конд проделал весь этот сложный маневр с поразительной точностью и редким хладнокровием.

— Все! Больше не могу, дальше ведите сами, — проговорил он и в изнеможении откинулся на спинку кресла.

С момента отцепления троса и до выхода за поворот реки прошло не более десяти минут, но в эти минуты Конд выложился весь, до последнего нейрона.

Я взял управление в свои руки и повел «Эльприс» дальше. Снова по сторонам плыли живописные, незабываемые берега до тех пор, пока перед нами не открылась бескрайняя голубая равнина, — это было озе-

ро Орг, конечная цель нашего долгого пути. Маршрут экспедиции, начавшийся за миллионы километров от Арбинады, завершился.

●

В озеро впадало несколько крупных рек и бесчисленное множество мелких. Большинство из них названий не имело, и мы именовали их так, как это каждому нравилось. Южный берег озера был крутой и высокий, северный — низкий, заболоченный, беспорядочно заросший деревьями и кустарником. Трудно было провести четкую границу между водой и сушей. Когда дул ветер, гладкая поверхность озера вспенивалась, покрывалась невысокими, но крутыми и яростными волнами. В этот период плавать по озеру было неприятно даже на таком большом корабле, как «Эльприс», и мы предпочитали отсиживаться в устье какой-нибудь реки, пережидая непогоду. К сожалению, непогода была здесь слишком частым явлением (Кор говорил, что нам не повезло: мы попали в сезон ветров), и наши заключительные исследования затянулись на более долгий срок, чем мы предполагали.

После гибели Барма его обязанности возложил на себя Торн, как более сведущий в геологии. Биологией и биофизикой занимался Дасар. Все остальное приходилось на долю Кора, но, насколько я понимал, он интересовался главным образом метеорологией и геофизикой. Мы с Кондом сопровождали исследователей и помогали им чем могли.

По-прежнему я чаще всего уходил на экскурсии с биологом. Большую часть времени мы проводили с ним под водой, здесь было не так утомительно — гидростатические силы снимали могучую тяжесть Арбинады, и мы нередко возвращались на корабль, когда в баллонах уже не оставалось запаса кислорода.

Странное дело, подводные обитатели безбоязненно подпускали нас совсем близко, нисколько не смущаясь присутствием невиданных животных. Иногда они сами подплывали к нам и, мучимые любопытством, взирали, выпучив круглые глаза, на диковинных существ, неизвестно каким образом вторгшихся в их владения. Казалось, не мы, а они были подлинными исследовате-

лями — так свободно и непринужденно они держались. Другое дело на суше. Те животные, что были помельче, предпочитали сторониться непонятных им бесхвостых двуногих, а более крупные, не проявляя признаков беспокойства, только угрожающе фыркали при нашем приближении. При встречах с хищниками мы поднимались в воздух.

Под водой, особенно вдали от берега, крупных хищников мы почти не встречали, а те, что нам попадались, были не так опасны, как морские чудовища. Пресные воды в этом отношении были значительно спокойнее, и я напрасно таскал за собой мощный импульсный излучатель, способный дробить громадные камни. Разнообразие животных форм, их размеры и фантастичность, казалось, совсем отучили нас удивляться чему бы то ни было, но однажды Арбинада преподнесла такой сюрприз, что мы долгое время не могли опомниться.

Проплывая под водой вдоль западного берега, причудливо изрезанного глубокими лагунами, дно которых устилали густые водоросли, я обратил внимание на какке-то, как мне тогда показалось, непонятные каменные столбы. Этих столбов я насчитал восемь. Они стояли, опутанные стеблями растений, в непосредственной близости друг к другу. Я указал на них биологу, интересуясь, что он скажет по этому поводу.

Дасар, по-видимому не желая делать поспешных заключений (он всегда отличался обстоятельностью), подплыл поближе, и в эту минуту произошло то, чего мы меньше всего ожидали. Четыре из восьми столбов начали двигаться. Только тут я разглядел громадный хвост и спину, покатую сзади и переходящую спереди в длинную шею. И без объяснений биолога я понял, что перед нами два исполинских живых существа. Я закричал и, бросив излучатель, изо всех сил помчался прочь от этого места. К чести своей должен сказать, что леденящий страх затмил мой разум ненадолго. Довольно скоро я понял, что животные не очень поворотливы и, самое главное, не агрессивны. Не берусь судить, что тогда пережил биолог, но, когда ко мне вернулась способность рассуждать, я обнаружил, что он тоже оказался на весьма почтительном расстоянии от гигантов.

— Где же ваше оружие, мой доблестный телохрани-

тель? — прозвучал в наушниках голос Дасара. — Признаться, мне никогда не приходилось слышать столь исправно действующей глотки. Вы в конкурсах не участвовали?

Я ответил ему в том же духе:

— Видите ли, литам, если по части воплей я безусловно сильнейший из нас двоих, то в заплывах на короткие дистанции вы мне не уступаете.

— Ага, значит очухались? — сказал он удовлетворенно.

После этого мы более или менее спокойно стали рассматривать поразительных животных. Они были длиною метров по двадцать пять, причем хвост у них был массивный и сравнительно короткий, а шея вытягивалась вверх и скрывалась за поверхностью воды. Я отважился и вынырнул, увидев две непропорционально маленькие головы с бесцветными и невыразительными глазами. Головы возвышались над водой метра на полтора. Значит, общая высота животных была не менее двенадцати метров! На поверхности я задержался лишь настолько, сколько мне потребовалось, чтобы сделать несколько снимков. За это время животные ничего не успели сообразить — в их тупом взгляде не отразилось ни одного чувства, даже удивления. По-моему, эти гиганты вообще не способны что-либо думать, да и зачем это им, если пища у них под ногами, а нападать на них, полагаю, никто не отваживается.

— Готово! — крикнул я и нырнул на дно за излучателем. Дасар поспешно удалился от животных, но мы еще долго, находясь на почтительном расстоянии, наблюдали это великое чудо природы.

— Ну, Антор, возвратимся на корабль, — сказал наконец биолог, — я думаю, впечатлений у нас на сегодня более чем достаточно.

Мы не торопясь поплыли к устью реки, где стоял «Эльприс», невольно продолжая оглядываться, пока животные окончательно не скрылись из виду. Когда мы выбрались из лагуны и понеслись под бушующими волнами озера, Дасар спросил:

— Что скажет по этому поводу мужественный почитатель космической техники?

Он любил донимать меня разными вопросами. По-видимому, они нужны были ему самому для проверки

собственных рассуждений. Я уже к этому привык и даже усвоил его шутливую манеру и сам отвечал ему в том же духе.

— Видите ли, литам, — сказал я, подражая тону своего собеседника, — мое поляризованное в технической плоскости мышление не имеет той глубины, которая свойственна высокоэрудированным представителям естественного направления, чья мысль свободно растекается по всем трем координатным осям.

— Отлично! — не унимался биолог. — Спроектируйте предмет обсуждения в так называемую плоскость вашего мышления. Так что́ вы скажете?

На слове «плоскость» он сделал ударение и выжидательно запыхтел в наушники. После встречи с гигантскими чудовищами у него поднялось настроение. Разговаривая, мы слишком приблизились к поверхности воды и, почувствовав болтанку, вновь опустились на глубину, где влияние волн ощущалось не так сильно.

— А что вы хотели бы от меня услышать?

— Ваше мнение об этих животных. Подумайте, ведь только двое из всех живущих в мире людей видели это чудо природы. Что же вы будете рассказывать остальным?

— Только то, что видел.

— Вот именно! Я и хотел бы услышать, что же вы видели?

В подобных вопросах биолога всегда скрывались подводные камни, и, несмотря на то что эти разговоры в большинстве своем велись в полусерьезном тоне, мне не очень хотелось предлагать для их основы зыбкую почву собственных умозаключений. Мои наблюдения, увы, чаще всего носили фотографический характер, схватывая явление как таковое, без проникновения во внутреннюю сущность и поэтому либо вообще не могли дать никаких выводов, либо выводы делались ошибочные. Общаясь с биологом, разговаривая с ним, я стал понимать, что на мир нельзя смотреть созерцательно, что воспринимать его нужно, используя все богатство знаний и научного опыта. Тогда только и обнаружится его скрытая динамичность, проявится прошлое и будущее, и в поле зрения попадут те краски, без которых картина выглядит блекло и безжизненно.

Написав эти строки, я вспомнил один из первых

наших разговоров с Дасаром, который произошел еще в период плавания по океану. Незадолго перед этим была взята проба воды и Дасар поместил каплю ее под микроскоп. Затем, подперев голову обеими руками, чтобы справиться с тяжестью Арбинады, прильнул к окуляру. Некоторое время он наблюдал, потом что-то измерял, что-то фотографировал. Наконец оторвался от прибора и огляделся по сторонам. Ему, наверное, хотелось поделиться своими наблюдениями, но никого, кроме меня, в этот момент рядом не оказалось.

— А, Антор, идите-ка сюда, — позвал он.

Я оторвался от своего дела (не помню уже, чем я тогда занимался) и нехотя перебрался к нему.

— Загляните сюда!

Я взглянул. Ничего особенного. Сходные картины я видел под микроскопом и на Церексе. Единственное отличие, которое бросилось в глаза, — присутствие огромного числа сравнительно крупных существ — белых шариков, утыканных щеткой тончайших игл.

— Ну что?

Я сделал неопределенный жест.

— Как!? Вы не заметили?

— Заметил, плавают.

— Что плавает?

— Микроорганизмы.

— Микроорганизмы! — воскликнул биолог. — Горы плавают, а не микроорганизмы. Эти мельчайшие существа — их миллионы, миллиарды! — эти маленькие шарики, назовем их альосами, размножаются, гибнут, опускаются на дно и из своих крохотных известковых скелетов отлагают пласты, целые геологические формации! И кто знает, быть может, впоследствии люди назовут весь этот период существования Арбинады осадочным. Вот какая мощь кроется в этих микроорганизмах!

Что я мог ответить? Я даже не обратил внимания на то, в каком смысле употребил тогда биолог слово «люди», восприняв его обычным образом, будто речь идет о нас — церексинцах. Естественно, что, попав в неловкое положение в разговоре о мельчайших представителях фауны Арбинады, я опасался высказывать свои суждения о самых крупных ее обитателях. Но от биолога не так просто было отделаться.

— Так все же, что вы скажете, пилот? — повторил свой вопрос Дасар, подплывая ко мне поближе. — Жизнеспособны, по вашему мнению, эти исполины?

Ответ казался очевидным.

— Да, — наконец, ответил я, — что же может противостоять этим чудовищам?

— Вот именно, что?

— По-моему, ничего.

— Ничего! А сами они не могут стать своим собственным отрицанием? В первую очередь их желудок?

— Желудок? При чем тут желудок?

— Не догадываетесь? Очень просто! Размеры животных колоссальны. Такое количество мяса не легко содержать. Чтобы поддерживать жизнедеятельность, нашим чудовищам приходится жевать, жевать и жевать. Жевать целыми днями, без устали, без перерывов, не занимаясь ничем другим. Их громадное тело — гигантская фабрика по переработке растительной пищи! А что же произойдет, если травы, водорослей — одним словом, всего того, чем они набивают свои желудки, вдруг не окажется или будет мало?

— Переберутся на новое место, — упрямо ответил я, уже чувствуя шаткость своих позиций.

— Вы думаете, им легко перебраться? Попробуйте этакую неуклюжую тушу перетащить за сотни километров.

— В воде это не так страшно.

— Водоемы бывают замкнутые, но дело даже не в этом. Я говорю не об общем изменении климата, а о случайных, пусть и не очень больших засухах, которые гибельны для таких исполинов. Поэтому даже здесь, на Арбинаде, где растительная пища в изобилии, эти животные встречаются, как мы убедились, довольно редко, — надо думать, по той причине, что они подвержены всяким случайностям. Нам просто повезло, что мы натолкнулись на эту забавную игру природы. Вот кто действительно жизнеспособен и устойчив! — биолог указал на плавающую неподалеку рыбу, но в этот момент, словно желая опровергнуть его слова, с поверхности нырнула громадная птица, стремительно настигла «устойчивое образование» и, ловко подхватив рыбу своим усаженным многочисленными зубами клювом, вытащила ее из воды.

Я посмотрел на смущенное лицо Дасара и рассмеялся. Он, неопределенно хмыкнув, прекратил свои объяснения. Мы помчались к «Эльпрису» со всей скоростью, на какую были способны наши аппараты.

●

В моей памяти хранится галерея человеческих лиц. Стоит только закрыть глаза и немного сосредоточиться, как в глубине сознания возникает вначале смутный, а потом все более четкий образ того, кого я вновь по своему желанию возродил из прошлого.

Когда я пишу «Конд», передо мной возникает его крупное лицо, немного грубоватое, словно природе недосуг было заниматься окончательной отделкой. Особенно помнятся его глаза, посаженные столь глубоко, что, кажется, они могут смотреть только вперед, и улыбка, такая неподдельная и широкая, которой хватило бы на двадцать улыбок менее добродушных людей. Вот и сейчас я словно вижу, как он смотрит на меня и, заметив на лице моем печаль, говорит обычным своим низким голосом: «Что, дружище? Загрустил? Ерунда все это!»

А теперь он хмурится, словно понимая, что это не он сам, а лишь его бесплотное изображение, возникшее в моем сознании. Увы, Конда уже нет! Нет того, чьи сильные руки столько раз приходили мне на помощь, того, чье доброе сердце открывалось каждому, кто хотел видеть в нем товарища. Его не стало тогда, когда все уже, казалось, предвещало благополучный исход экспедиции. Члены экипажа были здоровы, корабль в исправности, необходимые материалы собраны, и даже Кор считал, что экспедиция выполнила свою задачу.

Мы начали готовиться к взлету. Баки «Эльприса» постепенно наполнялись дистиллятом, и тяжелеющий корабль все глубже оседал в воду. Беспокойные волны плескались почти у самого выходного люка, и Торн решил воспользоваться последней возможностью для вылазки. Сопровождать его вызвался Конд...

Я находился в большом отсеке, когда через него протащился Торн. В обязанности сопровождающих входила укладка скафандров, и отсутствие Конда меня не

сразу обеспокоило, — он должен был появиться с минуты на минуту. Я приготовил ему гидроконтейнер, в котором он обычно отдыхал после вылазки, и лишь тогда отправился к переходной камере. На полу валялся скафандр Торна, брошенный как попало. Рукава скафандра были разбросаны в стороны, те места, где помещаются ноги, неестественно подогнуты, ступни вывернуты, казалось, на полу лежит мертвое тело. Что-то зловещее было в положении небрежно брошенной защитной одежды. Охваченный неясным предчувствием, я бросился в центральный пост.

Торн, Кор и Дасар находились там. Я хорошо помню лица всех троих. Биолог был печален и угрюмо сидел, забившись в промежуток между пультом управления и вычислительным автоматом. У Торна был растерянный и виноватый вид, глаза его блуждали. Лицо Кора маскировалось обычным выражением напускной невозмутимости. Он взглянул на меня и спокойно (слишком спокойно!) сказал:

— Я знаю, о чем вы хотите спросить. Отвечаю. Пилот Конд погиб час назад. Мы ему уже ничем не можем помочь.

Я почувствовал, что ноги подгибаются и вот-вот перестанут поддерживать тело. Я ухватился рукой за крышку люка и, напрягая остатки сил, выровнялся; устремленные ко мне лица Кора, биолога и Торна расплывались и покачивались у меня перед глазами. Сквозь туманную пелену я видел, как Дасар открыл рот и губы его шевелились, он что-то говорил мне, я слышал звук его голоса, но что он произнес, так и не дошло до моего сознания.

— Где он? — наконец выдавил я из себя.

Биолог и Кор взглянули на Торна, я тоже в упор посмотрел на него, и мне показалось, что от этих устремленных на него взоров биофизик съежился и втянул голову в плечи.

— Где он? — повторил я свой вопрос и сделал неуверенный шаг к нему. Внезапно ко мне вернулись силы и в голове прояснилось. Внутренне я уже принял какое-то решение, которое еще сам пока не сознавал. Следующий шаг был твердым, я отпустил крышку люка и подошел к Торну. Тот испуганно шарахнулся от меня в сторону.

— Уберите его, — взвизгнул он, когда я вцепился ему в плечи.

Кор, опираясь на локти, сделал попытку подняться из кресла.

— Успокойтесь, пилот, — сказал он и встал на ноги, — мазор Дасар, примите меры, пилоту требуется медицинская помощь.

— К черту помощь! Где Конд? — Я обеими руками тряс биофизика, его голова на тонкой шее болталась из стороны в сторону, и он даже не делал никаких попыток освободиться от меня — лишь, широко открывая рот, беззвучно шевелил губами.

— Пилот Конд погиб у мыса Солта, — услышал я голос Кора, — и оставьте, пожалуйста, мазора Торна в покое, он не виноват.

— У мыса Солта, — повторил я и отпустил биофизика, — на южном берегу?

Я вспомнил это место. Однажды мне пришлось сопровождать туда Торна, его очень интересовало одно ущелье.

— Я пойду к нему.

— Зачем? Он мертв, и ваша помощь не нужна.

— Я перенесу его сюда.

— Для него безразлично, где он теперь находится, а вам я запрещаю выходить из корабля.

Кор был в какой-то мере прав, на его стороне была логика и забота об оставшихся в живых. В случае неожиданного несчастья со мной экспедиция оказывалась в тяжелом положении. Но какое мне было дело до логики и здравого смысла! Конд, мой единственный друг в этом враждебном мире, лежит теперь брошенный где-то среди скал Арбинады, забытый и оставленный только потому, что выполнению нашего последнего долга перед ним препятствовала логика! Все мое существо взбунтовалось против такой логики. Я чувствовал, что просто обязан сделать для него все, что от меня зависело. Именно я! Своими руками, не позволяя прикоснуться к нему чужим, равнодушным рукам. Он был моим товарищем, и это определяло все остальное. Я знал, Конд поступил бы точно так же, будь он на моем месте. Круто повернувшись, я направился к переходной камере.

— Пилот, стойте! — крикнул Кор.

Я не обращал на него внимания. Ноги несли меня сами, я шагал так, словно не существовало могучего тяготения Арбинады. Вот и переходная камера. Я отыскал свой скафандр и проверил наполнение баллонов. Потом выбрал крылья, те, которыми пользовался всегда. Попробовал механизм, чтобы удостовериться в исправности, и замер, заслышав шум шагов. Выглянув из люка, я увидел Кора и биофизика. Держась за стенки, они двигались ко мне.

— Подождите, — сказал Кор, — я пойду с вами.

— Я пойду один.

— Я запрещаю вам выходить одному.

Мне не хотелось никого видеть. Я захлопнул люк и, чтобы нельзя было открыть его с другой стороны, просунул в скобу сложенный вдвое интратор. Теперь мне никто не мог помешать. Кор долго стучал в наглухо закрытую крышку люка, пока не убедился в тщетности своих усилий, потом он мне что-то говорил, убеждая, приказывая, но я не слушал его, да и слов все равно невозможно было разобрать.

Наконец, я выбрался наружу и пустил двигатель. Крылья послушно подняли меня в воздух и понесли к мысу. Это был мой последний полет над Арбинадой. До заката еще оставалось много времени, но было сумрачно, по небу медленно ползли тяжелые, набухшие дождем тучи. Временами они опускались так низко, что окутывали меня сырым холодным покрывалом, и тогда прозрачный лицевой щиток заливали подвижные струи стекающей влаги. Напряженная и зловещая тишина окружала меня. Возбуждение прошло, я решил связаться с «Эльприсом» и сообщить о себе, но никто не отзывался. Тогда, сам не зная зачем, я настроился на волну скафандра Конда, и вдруг мне почудилось, что я слышу едва уловимое дыхание.

— Конд!!! — закричал я. — Конд!

Дыхание стало различаться более явственно, потом слабый голос ответил:

— Э-э... — и оборвался.

— Конд! Отвечай! Ты жив?

В наушниках были слышны лишь невнятные хрипы. Я до предела увеличил мощность двигателя и, рассекая мягкую ткань облаков, устремился вперед, продолжая кричать и звать Конда. Вскоре показался мыс, его ка-

менистые берега окаймляли белые хлопья пены, мрачные, неприступные утесы нависали над тяжелыми свинцового цвета волнами. Монолитная каменная стена разрывалась узкой расщелиной, далеко уходящий вглубь, — это было ущелье. Я уменьшил обороты и нырнул в его полумрак, летя по возможности ниже, почти задевая разбросанные по дну каменные глыбы, между которыми стремительно несся ревущий поток.

— Конд! Конд! — продолжал звать я. Он был где-то поблизости. Это я знал, так как хрипы в наушниках становились все громче и громче. И вдруг я услышал, как Конд выругался. На радостях я выписал в воздухе такую фигуру, что чуть не разбил себе голову о камни, едва успев сделать разворот в каком-то метре от покрытой зеленым налетом стены. И почти сразу после этого поворота я увидел его.

Конд лежал у самой воды. На шлем скафандра летели брызги от прыгающего между скал бурного потока. Руки Конда раскинулись так же беспомощно, как рукава скафандра, брошенного на полу Торном, а ноги и нижняя часть туловища не были видны — они скрылись под грудой камней. Я опустился около Конда, осторожно стер рукавом с лицевого щитка налетевшие брызги. Глаза у него были закрыты, рот перекошен гримасой нестерпимой боли. Я тихонько позвал его:

— Конд...

Веки у него дрогнули, медленно поднялись, глаза встретились с моими, но в его взгляде отражалась только боль. Конд не видел меня. Я покосился на груду камней, придавивших ему ноги. Даже под страхом смертной казни я не смог бы разобрать этот завал, но есть чувства неизмеримо более сильные, чем страх. Мне до сих пор непонятно, как я тогда справился с этой нечеловеческой работой. Конд застонал. Я бросился к нему и заглянул в лицо. Глаза его были открыты, теперь он видел меня.

— Антор... — шевельнулись его запекшиеся губы..

— Да, я здесь...

— Ан... не уходи... дай руку... вот так...

Он замолчал, даже дыхания не было слышно. Я посмотрел на ту часть тела Конда, которая только что была завалена камнями, и понял, у него теперь нет ног, материал скафандра в этом месте был неесте-

ственно плоским. Там под прочной тканью находилось бесформенное месиво из мяса, крови и костей. Нужно было что-то срочно предпринимать... Я осторожно высвободил руку и почувствовал, как Конд сделал слабую попытку задержать ее в своей. Он был жив. Я увеличил подачу кислорода и под тканью его скафандра нащупал инъектор. Хрупкий прибор, к счастью, оказался цел. Непослушными руками мне кое-как удалось ему ввести дозу окта, затем я выдернул предохранитель КМ, — это все, что можно было сделать на месте. Препараты, по-видимому, оказали свое действие, Конд глубоко вздохнул, и я снова услышал его голос:

— Антор... ты здесь?

— Здесь, Конд, тебе лучше?

— Не знаю... кажется... Ты не уйдешь, Ан?

— Нет.

Я лихорадочно соображал, как мне доставить Конда на «Эльприс». Поднимут ли крылья нас двоих?

— Антор, а где остальные? Торн жив?

— Жив.

Если даже крылья поднимут, то мне не удержать его на руках.

— Я успел оттолкнуть его, Ан, он упал в воду, а камни на меня, его понес поток, я видел... Вы его вытащили?

— Вытащили.

Я подошел к большому камню, который на глаз был явно тяжелее Конда. «Болван, надо было идти сюда вместе с Кором, но я же думал...» Обхватив камень руками, я включил двигатель и почувствовал, как ноги отделяются от земли. Значит лететь вдвоем можно.

— Антор!.. Где же ты? Не уходи, ты уходишь!..

— Нет, Конд, мы сейчас вместе полетим на корабль.

Я подсел к нему и взял его руку. «Как же быть, чем привязать его?» Дыхание Конда опять сделалось слабым, и он уже не говорил, а шептал:

— Антор... не надо на корабль... я знаю... это все... я останусь на... Арбинаде... как Скар... здесь будет много наших...

— Не говори ерунды, мы полетим вместе...

— Нет, дружище, ты... ты... ты слушаешь меня?

— Слушаю, Конд, — ответил я и тут заметил длинный гибкий стебель, висящий высоко над моей головой.

— Ты, может быть, вернешься на Церекс... там... у меня есть сын...

— У тебя сын? — повторил я и подумал: «Надо будет срезать этот стебель, может быть, он выдержит».

— Да, сын... я знаю, у тебя с Юрингой не будет сына... так позаботьтесь о моем... ты обещаешь?

— Обещаю, — я наклонился над Кондом и посмотрел в его бледное лицо. Он, наверное, потерял много крови. Губы его продолжали шевелиться:

— Он живет в Эрзхе... зовут Элс... генетический знак его... ты найдешь его среди моих вещей.

— Хорошо, Конд, я сделаю все, если тебя не станет, а сейчас потерпи...

Я чувствовал, что силы начинают оставлять меня, движения сделались вялыми, а тело непомерно тяжелым. Нужно было спешить. Никто не мог прийти на помощь, всех остальных я запер внутри корабля. Я поднялся на крыльях и срезал стебель под корень, мысленно поблагодарив природу Арбинады за то, что она создала такие растения. Потом спустился вниз, подсунул под Конда одно из уцелевших его крыльев, так что он оказался лежащим как бы на доске, и с помощью гибкого растения привязал его к себе. Не знаю, как нам удалось подняться, аппарат не был приспособлен к взлету в таких условиях.

Дальше мои воспоминания носят отрывочный характер. Мы летели медленно. Я все время что-то говорил Конду. Иногда он отвечал. Под нами плескались волны, и казалось, им нет ни конца ни края. Помню, мне удалось связаться с кораблем, и я сообщил Кору, что Конд тяжело ранен и чтобы они приготовились к операции. Мне ответили, что ждут. Кор добавил несколько угроз, но я не обратил на них никакого внимания. Меня одолевала только одна забота — скорее доставить Конда на корабль, а дальше я надеялся на искусство Дасара. Не знаю даже, нашел ли я «Эльприс» сразу или долго летал над озером в плотных струях льющегося дождя. Не знаю, как мне удалось втащить Конда в переходную камеру, как я выбрался в отсек и снял свой импровизированный затвор с крышки люка. Последнее, на что у меня еще хватило тогда сил, — это ударить в лицо Торна. Потом меня подхватили руки Кора и биолога и всунули в гидроконтейнер.

●

Спасти Конда не удалось. Помощь пришла слишком поздно. Он умер во время операции. Я потерял друга, но приобрел сына. Боюсь, что это не одно и то же. Сыновьям до нас значительно меньше дела, чем друзьям. Тело Конда заключили в капсулу и вынесли на поверхность, расположив на скале, так же, как это сделали с Ланком. Я не присутствовал при этом, меня двое суток держали в гидроконтейнере. И лишь перед самым отлетом я вышел взглянуть на него. Дасар сопровождал меня.

Светило солнце, искрясь на гладкой поверхности прозрачной капсулы. Освещенный яркими лучами, внутри лежал Конд, завернутый в мягкую ткань. Руки его были свободны, а лицо спокойно. Вглядываясь в застывшие черты, я думал о том, куда же деваются мысли умершего человека, целый мир чувств. Мне казалось, что они не могут исчезнуть бесследно и переходят к другим людям, к оставшимся друзьям, поселяясь в их сознании и продолжая там жить прежней жизнью. Позже я ловил себя на том, что временами думал и поступал так, как в свое время думал и поступал Конд.

Минут двадцать стояли мы у капсулы и потом пошли обратно. Когда снимали скафандры, биолог положил мне руки на плечо и молча заглянул в глаза: в его взгляде было что-то новое, каким-то теплом повеяло от него. Я впервые понял, что он давно уже стал моим старшим товарищем, а не просто специалистом, которого я часто сопровождал в вылазках.

Гибель Конда словно подала знак целому потоку неожиданных событий. Мы потеряли связь с «Юл-3» — его не оказалось на стационарной орбите. Не отвечала и хрисская станция. Кор нервничал, мы, удрученные, бродили по кораблю. Потом Лост ответил. Оказалось, произошло следующее.

В районе хрисской станции началась вулканическая деятельность. Потоки уничтожили помещение станции, при этом трое ее работников погибли. Они успели связаться с Лостом и запросили помощи. Все остальные выбрались на поверхность Хриса и с надеждой смотрели в сторону Арбинады: только оттуда могло прийти

их спасение. Лост долго не раздумывал. По каким-то причинам связь с «Эльприсом» оказалась невозможной, а терять время было нельзя. Он решил взять ответственность на себя и повел «Юл-3» на Хрис. Громадный корабль, явно не приспособленный к посадке на планеты и их крупные спутники, опустился неудачно. Сильный удар о камни хвостовой частью вывел двигатели из строя, и обратный взлет был невозможен, однако цель достигнута — люди спасены.

Получив это сообщение, Кор мрачно посмотрел на приемник связи, но своего неудовольствия вслух не выразил: слишком хорошо читалось на лице Дасара и моем одобрение поступка Лоста. Космос — не Церекс, здесь действуют свои законы, и Кор начинал это понимать.

Наше положение сильно осложнилось. «Эльприс» не мог самостоятельно следовать на Церекс. Слишком мал был запас кислорода и продовольствия. По той же самой причине мы не могли ждать помощи на какой-нибудь орбите около Арбинады. Оставалась единственная возможность — полет на Хрис, там, на искалеченном «Юл-3», где имелись большие запасы всего необходимого, мы могли продержаться достаточно долго, чтобы дождаться спасательного корабля с Церекса.

Это было ясно всем, но осуществление намеченного плана было связано с известными трудностями. «Эльприс» конструировался для взлета с планеты на орбитальный корабль, но не на Хрис, лишенный атмосферы и имеющий заметный гравитационный потенциал. Для того чтобы осуществить такой маневр, необходимо было сильно облегчить корабль. Мы принялись за работу. Были разобраны и выброшены гидроконтейнеры и анабиозные камеры. После того как баки корабля наполнились, та же участь постигла часть вспомогательных механизмов и дистилляционные аппараты. Мы оставили на Арбинаде много инструментов, почти все приборы, которые не нужны были для вождения корабля, и даже некоторые образцы, главным образом минералы. Меня угнетала мысль, что Кор в глубине души был рад тому, что нас осталось только четверо, что с нами уже не было Барма, Ланка и Конда — не было «лишнего» груза. За одно это я его ненавидел.

Наконец, мы установили, что вес корабля достиг

нужной величины. Теперь все было готово к перелету на Хрис. Старт был назначен на двадцать четвертый день Этра, и, таким образом, в общей сложности мы пробыли на Арбинаде, считая время, проведенное в анабиозе, шестьдесят семь суток и четырнадцать часов.

День отлета выдался тихим. Коварная Арбинада провожала нас ласково, словно знала, что она еще успеет отомстить тем, кто без разрешения вторгся в ее просторы. Бездонная синева неба не оживлялась ни одним облачком. Мы видели его таким чистым впервые за все время нашего пребывания там. Недвижим был воздух и спокойная гладь воды. Она едва приметно искривлялась плавными, словно отполированными, волнами, лениво наползавшими из-за невидимого горизонта, который скрывался в туманном мареве. Неистовствовало только солнце. Его слепящие лучи пронизывали пространство, неслышно ударялись о воду и рассыпались мириадами колючих искр. Все замерло. Суша, вода и воздух прятали своих уродливых обитателей, как будто не желая осквернять красоту дремлющей природы.

Мы последний раз приняли синзан и заняли свои места. Я сидел у пульта управления рядом с Кором. Кресло Конда оставалось пустым. В последнюю минуту внутри у меня все сжалось от щемящей боли расставания с тем миром, который потребовал от нас нечеловеческого напряжения сил и столько жертв.

Рявкнул двигатель. Над замершей поверхностью озера пронесся грохот. Огромная сила придавила нас, и громадный корабль, разрывая грудью неподвижную массу воды, устремился вперед. Через несколько секунд он уже скользил по самой ее поверхности, потом оторвался и, опираясь на крылья, поднялся в воздух.

Мы сделали двадцать шесть оборотов вокруг Арбинады, прежде чем взять курс на Хрис. Первые пятнадцать нам понадобились на то, чтобы окончательно прийти в себя, следующие четыре для завершения исследования, которое затеял Кор, а оставшиеся три были выжидательными.

Перелет на Хрис не был ничем примечателен, подобных в моей жизни насчитывалось более чем достаточно, и нет надобности на этом останавливаться. Несмотря

на все мои старания, мы опустились не рядом, а лишь в сорока километрах от «Юл-3». Корабль коснулся поверхности Хриса так осторожно, что мы даже не почувствовали толчка, и двигатель смолк в тот самый момент, когда в испарительную камеру из баков вылился последний литр воды. Но это я отмечаю здесь уже так, попутно, всегда приятно вспомнить безукоризненно выполненное дело.

●

Мы выбрались на поверхность Хриса тяжело нагруженные. Но что значила эта тяжесть по сравнению с тем, что пришлось испытать на Арбинаде! Тело стало легким и послушным, шаги крупными, а настроение бодрым. Груз тяготил не своим весом, а размерами — его просто неудобно было нести. От «Юл-3» нас отделяло сорок километров — но это по прямой. Значит, нам предстояло пройти пешком километров пятьдесят. Пятьдесят километров с грузом на плечах по выщербленной и неровной поверхности Хриса, под жгучими лучами беспощадного солнца!

Двигались цепочкой один за другим. Я шел первым, за мной следовал Дасар, потом Торн, и замыкал шествие Кор. Безмолвие окружало нас. Беззвучно становились на камни подбитые металлом ботинки, неслышно шагали рядом черные тени, причудливо изламываясь на неровностях грунта. Мы обходили трещины, взбирались на крутые склоны, прыгали с уступов, иногда падали, поднимались и шли дальше, почти не разговаривая, думая каждый о чем-то своем.

Мы шли. Шли, увлекаемые желанием скорее добраться до орбитального корабля, где нас ждали люди, где нам виделся конец слишком затянувшихся странствий.

На половине пути сделали привал. Высокая скала загородила нас от солнца. В ее тени была ровная площадка, словно большое блюдце, до краев засыпанное пылью. Биолог осторожно поставил туда ногу, и в слабом сиянии отраженного света я увидел, как она погрузилась в пыль почти по колено.

Оставив свой груз на краю этой площадки, мы, словно в мягкую постель, улеглись в пыль. Над нами горели

яркие звезды. Хорошо было лежать и смотреть в небо, видеть знакомый рисунок звезд и, припав к мундштуку термоса, сосать освежающую питательную жидкость. Видна была и Арбинада. Гигантским полушарием висела она в черном небе, цепляясь одним краем за вершину соседней скалы. Не верилось, что мы побывали там. Не верилось, что этот голубоватый диск, льющий на нас приветливый мягкий свет, на самом деле — громадный, прекрасный и жестокий мир, — мир, живущий своей собственной жизнью, развивающийся по своим законам.

Я смотрел на него через пространство и, казалось, видел сквозь толщу облаков пройденные нами места. Вот безбрежная гладь океана, куда мы опустились, вот место нашей вынужденной стоянки. Потом промелькнула дельта реки, где я был атакован летающими чудовищами. Я вновь переживал уже пережитое, боролся с трудностями, которые остались позади, снова терял то, что было уже потеряно...

— Пора двигаться дальше, — сказал Кор, прервав мои воспоминания.

Не торопясь, мы разобрали свою поклажу. Я снова встал впереди и, проверив направление, зашагал в сторону корабля. Непривычно близкая линия горизонта ограничивала кругозор, дальше начинался черный купол неба, посеребренный звездами. Между горизонтом и нами расстилалась однообразная серо-черная поверхность, исковерканная нагромождениями камней. Таков Хрис, унылый сосед великолепной Арбинады.

В километре от корабля нас встретили люди. Люди! Как хорошо видеть людей! У нас забрали поклажу, нас тормошили, о чем-то спрашивали, поздравляли. За прозрачными щитками скафандров сияли улыбки, руки друзей подхватили наши усталые тела и понесли к раскрытым люкам корабля. Наконец, мы сняли пропитанные потом скафандры и, приведя себя в порядок, выбрались в коридор.

Усталое лицо Кора вдруг оживилось. Я не сразу понял в чем дело и, только посмотрев труда, куда был устремлен его взгляд, разглядел за спинами Лоста и Зирна хрупкую женскую фигуру. Меня поразили ее огромные выразительные глаза, которые светились силой и решимостью.

— Мазра Эсса! — сдержанно воскликнул Кор. — Вы тоже здесь?

— Здесь, как видите.

— Рад вас видеть. Вы зайдете ко мне?

— Когда?

Голос у нее был низкий и немножко хриплый.

— Когда? Да когда вам будет угодно, если можете, то сегодня.

— Хорошо. — Она была немногословна.

Я вспомнил Юрингу и мысленно позавидовал Кору. «Везет же таким», — мелькнуло в голове. Однако, как вскоре выяснилось, их взаимоотношения были вовсе не такими, как я себе представлял.

Нам выделили отдельные кабины. Меня поместили в той, где когда-то мы располагались с Кондом. Я и сейчас пишу в ней. Я зашел в просторное помещение и закрыл иллюминатор. Мне был неприятен тот сероватый отсвет, который посылала поверхность Хриса. Включил свет, — стены раздвинулись еще шире и стало неуютно. Тогда я зажег настольный плафон. В его освещении пустота кабины скрадывалась, по углам залегли черные тени, но они как-то успокаивали. Я бесцельно порылся в ящиках, перебирая вещи, к которым давно не притрагивался. Среди них обнаружил небольшой металлический футляр, генетический знак Элса, завещанный мне Кондом. Я переложил его в карман, словно в ящике он мог затеряться, и только тогда, окончательно успокоившись, лег отдохнуть.

Дремота быстро заволакивала сознание, но неожиданные голоса, вторгшиеся в тишину кабины, не дали уснуть. Я не сразу сообразил, кому принадлежат эти голоса и откуда они доносятся, но слышались они ясно, словно разговаривали совсем рядом. Подняв голову и недовольно посмотрев по сторонам, я увидел динамик внутренней связи. Кто-то, еще до моего поселения здесь, соединился с другой кабиной и забыл выключить связь. И вот мне невольно пришлось подслушать разговор Кора с Эссой. Он оказался интересным.

— Я здесь, мазор литам Кор, как вы просили. Что вы хотели сообщить мне?

Кор некоторое время молчал, не знаю по каким причинам, думаю, что он просто смотрел на Эссу.

— Сообщить я вам ничего не хотел, мазра Эсса, —

наконец произнес он. — Я просто хотел вас видеть, мы уже давно не встречались. Не правда ли?

— Давно, вы правы, прошло уже четыре с половиной года.

— О! Вы даже помните, когда мы виделись последний раз. Могу ли я тогда считать, что вы рады нашей неожиданной встрече?

— Вы хотите, чтобы я вам сказала правду?

— Конечно!

— В таком случае, считайте, что у меня просто хорошая память.

Последовала новая пауза. Потом Кор сказал каким-то незнакомым голосом:

— Что ж, спасибо за прямоту, Эсса. Я думал... впрочем, теперь это неважно, что я думал... Вы свободны, мазра, идите.

Последнюю фразу Кор произнес, как обычно, с теми металлическими интонациями, которые ему свойственны. Эсса ничего не ответила, лишь послышались ее легкие шаги. Видимо, у порога она остановилась.

— Простите, литам Кор, — раздался снова ее голос, — но из-за тех виражей, с которыми протекал наш разговор, я едва не упустила главное.

— Да? Что же для вас главное?

— Я хотела поблагодарить вас, от себя и своих товарищей... Совершенно искренне.

— Это за что же? — Чувствовалось, что Кор был неподдельно удивлен.

— За наше спасение. Зная ваши настроения, я никак не думала, что вы отдадите приказ мазору Лосту опуститься на Хрис. Извините меня, пожалуйста, я понимаю, нехорошо приносить благодарность и одновременно высказывать сомнения относительно вашего благородства, но я знаю: вы любите правду, и поэтому говорю так. Тем более я рада, что ошиблась, рада не только за себя, но и за вас и готова верить... — Она на секунду замолчала и прервала свою фразу неожиданным вопросом: — Скажите, мазор Кор, вы знали, что я на Хрисе?

— Нет, не знал, — сказал он.

— ...И поэтому готова верить, — продолжала Эсса, — что теперь мы лучше могли бы понять друг друга, чем в то время, о котором вы сегодня вспомнили. Только

прошу, литам, не ищите в моих словах больше, чем я хотела сказать. До свидания, литам.

Послышался стук открываемой двери, и одновременно раздался голос Кора:

— Постойте, мазра!

Снова стукнула дверь, но теперь она, по-видимому, закрылась.

— Слушаю вас, Кор.

— Позвольте ответить вам так же откровенно. Я не приказывал Лосту опуститься на Хрис, он принял это решение самостоятельно. Связь с «Эльприсом» была тогда нарушена. Право, я не вижу здесь ничего заслуживающего благодарности, — он поступил правильно. Это первое. Второе, для меня не ясно, при чем здесь мои прежние убеждения? Кстати сказать, они не изменились, и ваши рассуждения о моем благородстве, как вы его понимаете, в таком случае кажутся просто неуместными.

— Ах вот как! — воскликнула Эсса. — Так вы ничего не знали?

— Как видите.

Несколько мгновений оба молчали.

— Тогда, судя по вашим высказываниям, вы и сейчас знаете еще не все.

— Весьма вероятно. Может быть, вы расширите мой кругозор? — В голосе Кора звучала горькая насмешка.

— Я сяду, — сказала Эсса.

— Пожалуйста. Извините, что я сразу не предложил вам.

— Скажите, пожалуйста, мазор Кор, вас не удивляет мое присутствие на Хрисе?

— Меня вообще ничто не удивляет. Мне оно просто непонятно. Насколько я помню, ваша специальность не имеет ничего общего с полетами на другие планеты.

— Совершенно верно, ничего общего. У вас тоже неплохая память.

— Но за четыре года специальность могла перемениться...

— Она не переменилась, так же как не переменились мои убеждения. Это вам разъясняет что-нибудь?

— Нет.

Послышался звук шагов Кора, он, вероятно, ходил по кругу, так как ритм движения ни на секунду не прерывался.

— В таком случае вы действительно многого не знаете. Может быть, вы сядете, мне не очень удобно разговаривать, когда вы все время переходите с места на место.

Раздался звук отодвигаемого стула.

— Ну-с!?

— Скажите, мазор литам, вы который раз в космосе?

— Четвертый, но какое это имеет значение?

— А вы знаете, кто работает на Хрисе и Ароле?

— Имен, разумеется, не знаю, но полагаю, что специалисты своего дела.

— Не только специалисты, или точней, не все сюда прибыли уже готовыми специалистами в нужной области.

Я много раз бывал в космосе, однако слова Эссы меня заинтересовали: до сих пор я думал, что работники хрисской станции, как и других станций, были людьми, прибывшими сюда по контракту, на определенный срок. Однако Эсса открыла мне неожиданную правду.

— Многих, и меня в том числе, — продолжала она, — на Хрис привела ссылка.

— Ссылка?! — воскликнул Кор.

— Да, ссылка, вы не ослышались, пожизненная ссылка! С людьми, подобными мне и моим товарищам, кто имеет свою точку зрения на справедливость существующих порядков, правительство расправляется двумя способами. Нас или высылают сюда...

— Или?..

— Или уничтожают, — спокойно закончила Эсса.

Я услышал, как Кор снова заходил по кабине, да и я сам не смог сдержать волнения, сел на койку.

— И вы давно здесь?

— Почти три года. Это совсем немного... Старожил у нас Онс, вы с ним еще не знакомы, он пробыл здесь уже пятнадцать лет. Как видите, все продумано! Отсюда не убежишь, посвящать в свои сомнения некого, остается одно — работать. В этом спасение. Иначе безжизненный мир и чужие небеса лишат тебя рассудка.

Поневоле приходится приобретать новые специальности. Вот так, мазор литам Кор, все очень рационально. Даже такой убежденный рационалист, как вы, не придумал бы для нас лучшего применения...

— Оставьте это, Эсса. — Кор остановился и, по-видимому, снова сел.

— Можно вам задать еще один вопрос? — спросила Эсса.

— Да, спрашивайте...

— Скажите, Кор, если бы вы знали обо всем, что я вам сейчас рассказала, дали бы вы приказ Лосту опуститься на Хрис?

Кор молчал.

— Вы не хотите отвечать?

Молчание.

— Да или нет?

— Если бы я знал, что вы здесь, — с расстановкой проговорил Кор, — то такой приказ был бы отдан.

— Только при этом условии?

— Да.

С грохотом отодвинулся стул. Я представил себе, как порывисто встала Эсса.

— Я могу быть свободной?

— Вы всегда были свободны в своих поступках.

— Прощайте.

Звонко застучали твердые шаги по гладкому полу кабины, потом хлопнула дверь и стало тихо.

Я сидел на койке, свесив ноги и опершись на руки. Глаза мои были устремлены к динамику. Он молчал. Но в голове пробудился целый рой мыслей, новых, неожиданных, которые раньше никогда не посещали меня.

●

Томительно потянулись дни ожидания. Корабль с Церекса, как это было ясно из полученного нами сообщения, должен вылететь приблизительно через месяц. К этому следовало добавить продолжительность пути, — одним словом, до его прилета оставалось еще очень много времени. Вынужденное безделье вначале угнетало меня. Слишком напряженными, насыщенными были дни, проведенные на Арбинаде, чтобы так просто

и сразу можно было утратить потребность в непрерывной деятельности. В поисках занятий я дважды сходил к «Эльпрису» и перенес на орбитальный корабль часть экспонатов, которые мы не могли захватить сразу. Теперь пилот не был нужен экспедиции, и Кор относился к моим отлучкам совершенно равнодушно. Первый раз в этом переходе меня сопровождал Млан, во второй — Мэрс, инженер хрисской станции.

Мэрс сам вызвался идти со мной. После того как я ему передал письмо Юрда, между нами установилась некоторая близость. При встречах мы искренне улыбались друг другу и охотно обменивались несколькими фразами. О письме, впрочем, не было сказано ни слова. Мэрс молчал, а я ни о чем не спрашивал, угадывая внутренним чутьем, что спрашивать не имею права. Запомнив слово в слово разговор Кора с Эссой, я и так догадался, какого рода корреспонденция посылалась Юрдом.

Предложение Мэрса сопровождать меня я принял очень охотно. Пускаться одному в стокилометровый переход по Хрису было довольно тоскливо, да и несколько рискованно, но повторять поход в обществе Млана мне не хотелось — он утомил меня своей болтовней значительно сильнее, чем груз, который мы несли на плечах.

По дороге к планетарной ракете я узнал от Мэрса подробности хрисской катастрофы. Он описал все настолько образно и красочно, что я сам как бы стал свидетелем трагических событий. Он говорил, а я видел, как от внутренних толчков содрогалась поверхность Хриса и раскаленные потоки лавы неумолимо ползли на помещения станции, уничтожая единственное убежище человека в чужом ему мире, видел, как гибли люди, задыхаясь от недостатка кислорода, как они с надеждой вглядывались в черное небо, ожидая орбитального корабля, как их, обессиленных и полуживых, выхаживал Лост, и мне снова припомнился разговор Эссы с Кором. Разумеется, я ничего не сказал об этом своему попутчику и только спросил:

— Скажите, Мэрс, кем вы были там, на Церексе?

— Как кем?

— Ну что вы делали, кем работали?

— Ах в этом смысле... — Он замолчал и, только сде-

лав несколько шагов, повернулся ко мне. Сквозь прозрачный щиток шлема я разглядел его несколько смущенное лицо.

— Видите ли, — ответил, наконец, Мэрс, — на Церексе я был ботаником.

— Ботаником? — удивился я. — Странно...

После посещения Арбинады мне страстно захотелось узнать как можно больше о своей родной планете, особенно о тех сторонах ее жизни, которые раньше ускользали от моего внимания. Мэрс, конечно, знал их достаточно хорошо, и я, не решаясь спрашивать прямо, задумал постепенно втянуть его в нужный разговор.

— Каким же образом вы тогда оказались здесь? Ведь на Хрисе, насколько мне известно, ничего не растет.

— Да, на Хрисе, к сожалению, ничего не растет, — задумчиво ответил Мэрс и с тоской посмотрел на опаленные солнцем камни. — А что касается моего пребывания здесь, то это, Антор, один из таких поворотов судьбы, от которых никто не гарантирован.

Я усмехнулся.

— Вы, Мэрс, мало похожи на человека, которым судьба распоряжается, как ей хочется. Вы чем-то напоминаете мне Конда, он не любил полагаться на судьбу, предпочитал все устраивать сам.

— Кто это Конд? Ах да, вспомнил, второй пилот.

— Первый пилот, — поправил я и продолжал: — Мне думается, вы когда-то сами прямо или косвенно решили лететь на Хрис. Только зачем? Это мне действительно непонятно.

Мэрс звонко рассмеялся и тут же оборвал свой смех:

— Вы правы, когда-то я действительно сам решил лететь на Хрис, косвенно решил... Вы любопытно выразились, я как-то не задумывался о существовании косвенных решений... Осторожнее!.. Здесь трещина.

Я посмотрел себе под ноги и в нескольких шагах от нас среди темных пятен теней с трудом разглядел черную зазубренную линию, уползающую вдаль.

— Ерунда, перепрыгнем!

— Не советую, это молодая трещина. Поверьте моему опыту, я не первый раз иду по поверхности Хриса,

лучше обойдем. Может быть, это и излишняя предосторожность, а может быть, и нет, смотрите...

Мэрс поднял большой камень и, раскрутившись волчком вокруг собственной оси, ловко метнул его вперед. Тяжелый обломок упал у самого края трещины и почти тотчас же грунт беззвучно зашевелился и на глазах выросла черная проплешина провала.

— Да, пожалуй, обойдем. Не думал, что здесь возможны такие сюрпризы. После Арбинады мне любые кручи кажутся накатанной дорогой.

В ответ на эту реплику Мэрс заметил, что за последние пять лет «накатанные дороги» Хриса стоили жизни трем его товарищам.

Человеческая мысль и свободная беседа сами по себе не держатся в определенном русле, и разговор наш грозил отклониться от темы, тем более, как мне казалось, Мэрс был не очень склонен его поддерживать. Поэтому я воспользовался случаем, чтобы вернуть его к прежнему направлению.

— Пять лет! Сколько же времени вы находитесь на Хрисе?

— Восьмой год, — ответил Мэрс.

— И когда должны вернуться на Церекс?

— Никогда.

— Вы должны до конца жизни оставаться здесь?!

— До конца жизни.

— М-да, — неопределенно протянул я. — А как же теперь? Станция разрушена.

— Не знаю, — сказал Мэрс и повторил задумчиво: — Теперь ничего не знаю.

Мы, наконец, достигли конца трещины и остановились в тени скалы. Проделано было уже больше половины пути до «Эльприса», Мэрс тяжело дышал.

— Давайте передохнем, — предложил я, оглядываясь по сторонам и выбирая местечко поуютней.

— Охотно, — отозвался Мэрс. — Вот здесь, между этих камней, кажется, можно сносно устроиться. Впрочем, тут везде одинаково. Жарко... Садитесь, Антор.

Я опустился рядом с ним и прислонился спиной к камню, так сидеть было удобней. В просветы между скал врывалось яркое солнце. Сверху на нас, не мигая, глядели далекие звезды. Пыль, камни, черное небо, унылые краски — и так всю жизнь. Я посмотрел на

Мэрса, он возился с коробкой терморегулятора, освещая ее фонариком. Нужно иметь громадное мужество, чтобы навсегда покинуть Церекс и жить здесь.

— Мэрс, во имя чего вы это сделали?

— Что сделал?

— Прилетели сюда.

Он поднял голову, пристально посмотрел мне в лицо и сказал, снова наклоняясь к терморегулятору:

— Во имя людей, Антор. Вы, конечно, удивлены и не понимаете меня. В самом деле, что может сделать для людей ботаник, находясь на спутнике другой планеты, лишенной растительности, но... Конечно, ничего, или очень немногое, но все, что я мог сделать, я сделал там.

— На Церексе?

— Да.

— И поэтому вы здесь?

— Да.

— До конца дней своих?

— Вероятно, так.

— Но это похоже на заключение.

— Это и есть заключение.

— За что? Или это вопрос нескромный?

— Почему же. — Мэрс высоко поднял голову. — Я с гордостью отвечу на него: я хотел, чтобы люди жили лучше.

Я подумал о том, что на Церексе вряд ли найдутся люди, которые желали бы противного, и сказал об этом Мэрсу. Он рассмеялся, и смех его был звонок и заразителен.

— Что в этом смешного, Мэрс? Отвечайте! — вскричал я. В моей памяти промелькнули лица всех, кого я только знал. Никто из них сознательно не желал зла другим, даже Кор, даже Ромс. В худшем случае они думали лишь о себе или по-своему представляли благо для окружающих. — Говорите же! С какой стати вы взяли на себя роль единственного благодетеля? Или вы полагаете — высылка на Хрис объясняет мне все? Я знавал людей, которые умирали за других, а не только желали, чтобы те жили лучше!

Мэрс перестал смеяться и повернулся ко мне:

— Вот как! Вы знали таких людей? А вы думаете, я мало таких знаю? А кроме отдельных людей жизнь,

как таковую, вы, Антор, знаете? А историю человечества вы тоже знаете?

— При чем тут история? Кроме того, я изучал в свое время историю...

— Изучал в свое время историю, — иронически повторил мои слова Мэрс. — Где вы ее изучали? В школе?

— Хотя бы и в школе.

— В школе, дорогой мой, уже давно не изучают подлинной истории, там вдалбливают в голову специально подобранные события, и далеко не самые важные.

— Я читал не только школьные учебники. Мне попадал в руки и Эринзор.

— Вы читали Эринзора?

— Да, почти всего. Не мог только нигде найти его «Взгляды в прошлое».

— И не найдете! — воскликнул Мэрс. — Может быть, на всей планете и уцелело с десяток экземпляров этого издания. Книга лет пятьдесят как уничтожена, и не только она, а вместе с ней и многие другие. Но даже если бы вам и довелось ее прочесть, то вы все равно бы не поняли многого. Эринзор так и не дошел в своей системе до того, что было понято людьми позднее...

Я взглянул на часы. В разговоре время летело быстро, нам пора было двигаться дальше. Мы вышли из-за нагромождения скал. От малейшей неровности грунта навстречу нам тянулись длинные тени. Солнце висело низко над горизонтом. Часов через сорок должна была наступить долгая хрисская ночь. Мэрс посмотрел на звезды и, определив направление, уверенно зашагал вперед. Шаги у него были твердые, четкие. Так здесь ходили все, кто долго прожил на Хрисе. Моя походка была неровная, подпрыгивающая. После Арбинады мне никак не удавалось приноровиться к слабому тяготению. Метров пятьсот мы шли, не произнося ни слова. Первым возобновил разговор я.

— Ну и что же было понято людьми позднее? Вы, конечно, это знаете, если связываете свое пребывание здесь с историей. Чего же так и не сумел понять Эринзор, а вместе с ним не понимаю я?

Мэрс умерил свой шаг так, чтобы поровняться со

мной, словно, идя рядом, нам было удобнее разговаривать.

— То, дорогой Антор, — вы, между прочим, напрасно иронизируете, — то, что история — это не войны, не смена одного владыки другим, не даты постройки городов или каналов, а беспрерывная борьба людей за лучшую жизнь как с силами природы, так и с враждебными силами самого человеческого общества. А силы эти существуют, они опаснее слепой стихии, они принесли и продолжают приносить неизмеримо больший вред человечеству, чем все самые страшные естественные катастрофы, которые прокатились над Церексом за нашу историю. Это серьезный разговор, Антор, и так просто в двух словах все не выскажешь.

— Тем лучше, если серьезный! — с жаром ответил я. — За последнее время я привык к серьезным вещам!

Мэрс на секунду остановился, чтобы посмотреть мне в глаза, и сказал:

— Хорошо, об этом мы еще поговорим позже, а сейчас, Антор, я хочу заметить, что вы тоже были правы, но только формально. На Церексе действительно не существует людей, которые намеренно желали бы зла другим, но есть могущественная группа таких, которые хотят благополучия только для самих себя. Вот в этом и заключается самое страшное зло человеческого общества с момента его возникновения! Запомните это, Антор.

Некоторое время мы молча шагали рядом, плечо к плечу. Я раздумывал над тем, что было сказано, в голове копошились сомнения.

— Мэрс! Но это же пустые мечты! Людей не переделаешь, тысячелетиями они оставались такими же. Чего стоят тогда ваши стремления? Во имя чего вы должны умирать среди этих камней?!

Мэрс усмехнулся.

— Да, людей сразу не переделаешь, но пока мы и не ставим перед собой такой цели, это придет постепенно. Сейчас нужно создать условия для последующей работы с людьми, а это значит, что мы должны лишить материальной основы господства тех, для кого власть и богатства — основа личного благополучия. Ясно, Антор? Для этого нужно превратить заводы, плантации, транспорт и все остальное в собственность всего

человечества, тогда отпадет главная причина разделения людей и, со временем, можно будет очень многое сделать.

— Понимаю, — сказал я, — вы хотите захватить власть и произвести такую реформу.

— Нет, Антор, ни я, ни мои товарищи здесь, ни те, кто ведет борьбу на самом Церексе, не хотим взять власть. Мы боролись и боремся за то, чтобы власть взял сам народ.

— Вы верите в возможность этого?

— Верим. Тот, кто не верит, не победит... Стойте, вот и следы, видите, я вас вывел более коротким путем. Далеко еще отсюда?

Я огляделся по сторонам. Все хрисские горы похожи друг на друга, но я узнал ту, с обвалившимся кратером. До «Эльприса» от нее оставалось километров пять.

— Скоро придем, — сказал я и задал последний вопрос: — У вас есть семья, Мэрс?

Он сделал какое-то странное движение плечом и, повернувшись ко мне, ответил глухо:

— Была раньше.

Мы зашагали вперед. Мэрс больше не проронил ни слова.

●

Солнце на Хрисе лениво движется по небосклону. Так же медленно оно садится. Я часами сидел у иллюминатора, наблюдая закат. Диск светила уже провалился за линию горизонта, и в аспидно-черном небе полыхала только корона. Краски преобразились, появились новые тона, черные тени, как черные реки, заливали поверхность, становились все шире, все многоводней и отступали только у возвышенностей, ловящих своими вершинами последние лучи. Хрис исчезал. Он не засыпал, как засыпала Арбинада, и не умирал: умирать может только живой мир, он именно исчезал, холод и мрак словно растворяли безжизненный каменный шар.

За стеной моей кабины в подвесной койке метался и бредил Торн. Кор допускал к биофизику только Дасара, облаченного в биологический скафандр. По отсекам корабля распространился слабый запах халдаана,

предупреждавший о нависшей опасности. Усилия Дасара были безрезультатными. Торн не поднимался с постели и почти не приходил в сознание.

Болезнь проявилась внезапно. Спустя десять дней после нашего прибытия с Арбинады биофизик начал жаловаться на боли в суставах. Обеспокоенный Дасар сразу же осмотрел его и нашел на теле зловещие коричневые пятна. Анализ крови показал наличие вирусов. Проведя исследование, биолог заявил, что вирусы не церексианского происхождения или, как он сказал более осторожно, «современной науке этот вид не известен». Торн был немедленно изолирован от остальных, на корабле проведена самая тщательная дезинфекция. Мы все ходили как тени, сторонясь друг друга. Случилось самое страшное — один из нас заболел болезнью «оттуда». О ней ничего не было известно, как она передается, как лечится, каков ее инкубационный период. Быть может, каждый из нас уже носил в себе этот недуг. Срочно были взяты анализы у всех членов экипажа, но они ничего не показали. Мы не верили результатам обследования и чудовищными порциями глотали эрсаос. А биофизику становилось все хуже и хуже.

Произошло еще одно событие. С Церекса Кор получил указание изолировать персонал хрисской станции от состава экспедиции. Видимо, там забеспокоились, как бы на нас не было оказано «дурное влияние». Приказ гласил: «Переправить всех спасенных на «Эльприс», впредь до прибытия корабля с Церекса. Эвакуацию произвести немедленно». Ясно и категорично. Приказ был выполнен немедленно. Кор объявил, что в «целях предотвращения возможного распространения болезни он предлагает составу хрисской станции сегодня же покинуть корабль и перейти на «Эльприс».

За стеной ракеты была ночь. Двенадцать человек ушли во мрак. Они исчезали сразу же, едва успев переступить порог люка. Несколько секунд еще виднелись бледные пятна их фонарей на выщербленной поверхности Хриса, а потом пропали и они. Осталось лишь звездное полушарие. Мы попрощались сухо. Может быть, помешал Кор, молча наблюдавший, как они облачались в скафандры, или призрак болезни, стоявший за нашими спинами, — не знаю. Только Мэрс похлопал меня

по спине и понимающе кивнул головой. Так нам и не удалось с ним поговорить еще раз. Они ушли во мрак, нагруженные продовольствием, аккумуляторами и снаряжением, ушли и не откликались. Только через двадцать часов радио сообщило, что все благополучно достигли «Эльприса». Все, кроме Эссы. Она погибла в обвале.

Мы остались на корабле одни. Стало пусто в его помещениях. Получив известие с «Эльприса», Кор сутки не выходил из своей кабины и не откликался на наши вызовы. В эти сутки скончался Торн. Печальное известие принес Дасар. Осунувшийся, он пришел в салон и сказал:

— Его уже нет. Я ничего не мог сделать... — Потом он потоптался на месте и закончил: — Нужно сообщить мазору Кору.

Экран внутренней связи однотонно мелькал серыми полосами — Кор не отвечал. Мы уныло разбрелись по кабинам и занялись каждый своим делом. У меня за стеной теперь было тихо, слишком тихо. Я выключил освещение и лег на койку.

На другой день Кор приказал вынести биофизика из корабля. Его распоряжение выполнили я и Зирн. В кабину Торна мы вошли в скафандрах. Он лежал на койке, вытянувшись во весь рост. Лицо его было обезображено гримасой боли и тусклыми коричневыми пятнами, открытые глаза неподвижно устремлены в потолок. Зирн аккуратно завернул тело биофизика в мягкую ткань и взвалил на плечо. Я собрал в один тюк все вещи, к которым только мог прикасаться Торн, и мы двинулись к выходу.

На Хрисе царила ночь. Темнота мгновенно проглотила нас. Мы двигались почти ощупью. Свет фонарей был слишком бледным, слишком мало пространства отвоевывал он у мрака. Шагая в темноту, словно в неизвестность, я подумал о тех, кто был вынужден покинуть корабль и идти пешком на «Эльприс», по воле людей, даже не представляющих себе трудностей такого перехода. Можно было лишь удивляться, что из двенадцати человек не дошла одна только Эсса. Ночной Хрис мог погубить всех.

Мы удалились от корабля не более чем на полкилометра и там оставили Торна. Зирн привалил к изго-

ловью несколько камней, а я положил рядом тюк с его вещами. Вот и все. Мы постояли несколько минут, держа в свете фонарей безжизненное тело Торна, и поплелись обратно к кораблю, обозначенному в ночи цепочкой светящихся иллюминаторов.

Из семи человек, дерзнувших ступить на почву Арбинады, осталось только трое.

●

Солнцу совершенно безразлично — согревает оно своими лучами людей или нет, живы эти люди или мертвы, здоровы они или больны. Оно взошло в положенный час и возродило исчезнувший мир. Ослепительно засияли высокие вершины, темнота сдалась, отступила и широкими мазками теней разметалась по равнине. Но у нас было слишком много неприятностей, чтобы радоваться солнцу. Заболел Зирн, и тогда произошло то, о чем я писал в самом начале. Это события уже недавних дней, и я помню их отчетливо.

Кор поступил жестоко, но мы тогда были настолько смяты и напуганы, что не нашли в себе сил противодействовать его воле. Ведь умер Зирн, тот, кто даже не был на Арбинаде! Неизлечимая болезнь ходила за нами по пятам, хладнокровно выбирая следующую жертву. Дасар круглые сутки просиживал в лаборатории в поисках необходимого средства, но все его препараты оказывались бессильными против инопланетных вирусов. Принятые нами меры по дезинфекции, как выяснилось, были тоже недостаточными, хотя мы дошли до того, что наглухо запаяли кабину, в которой лежал биофизик. Не хочу перечислять все, что мы сделали тогда в защиту от болезни, чтобы это не выглядело оправданием перед самим собой. Я знаю, нам не было оправдания — мы просто струсили.

Лишь на следующий день после того, как умер Зирн и я начал вести эти записи, к нам вернулась некоторая доля самообладания. Кор созвал всех в салон, чтобы обсудить создавшееся положение. Мы выползли из своих кабин, в которых провели, запершись, целые сутки, и вновь собрались вместе, разместившись на почтительном расстоянии друг от друга. Напротив меня около иллюминатора, обращенного в сторону Арбинады,

расположился биолог. Он сидел сгорбившись, словно на него навалилась вся тяжесть ответственности за наши жизни. Да так оно по существу и было, кроме него, нам не от кого было ждать помощи.

Кор вышел на середину и по очереди, как бы считая оставшихся в живых, посмотрел в лицо каждому. Усмехнулся и сказал:

— Я знаю, вы не очень довольны моим решением, но что бы сделали вы?

Молчание.

— Что бы сделал ты, Лост?

Лост ничего не ответил.

— А ты, Прис? А вы, мазор литам Дасар? Что могли бы вы сделать, чтобы облегчить его участь и уменьшить вероятность заболевания каждого из нас? Не знаете? Так имейте в виду, до тех пор, пока мы не найдем эффективных средств борьбы с заболеванием, каждый, кто заболеет, должен покинуть корабль. Если это случится со мной, я тоже уйду. Слышите! Найдите в себе мужество сделать это самостоятельно и избавьте меня от необходимости всякий раз брать это на свою совесть. Я тоже человек, в конце концов! Я сообщил вам свое решение, — последнюю фразу Кор произнес уже спокойнее, — теперь жду ваших предложений. Если они окажутся разумными, готов принять их. Что вы скажете?

Он обвел нас глазами. Мы молчали. Но это молчание было зловещим.

— Других предложений нет? Тогда мое решение вступает в силу!

Кор круто повернулся и направился к двери.

— Стойте! — неожиданно сказал Дасар.

Все, как по команде, устремили взгляды на биолога.

— Что вы хотите сказать, Дасар? Вы не согласны?

— У меня есть другое предложение.

— Слушаю вас.

— Помните, еще там, на Арбинаде, мы были почти в таком же ужасном положении и нашли выход в анабиозе. Попробуем еще раз это средство.

— Анабиоз же не излечивает! — воскликнул Прис.

— Знаю, но, возможно, затормозит развитие болезни, если мы уже больны. Нам важно выиграть время. Мне нужно время для того, чтобы справиться с вирусом!

— Значит, сами вы не собираетесь погружаться в анабиоз. Я правильно понял? — спросил Кор.

— Да, я буду работать.

— А сколько у нас камер?

— Хватит почти на всех, — ответил Лост, — лишь один из нас и дальше должен будет подвергаться риску заболеть.

— Я же сказал, что я буду работать! — крикнул Дасар. — Так что вопрос решен, во всяком случае с этой стороны.

Лост отрицательно покачал головой:

— Нет, литам, кроме вас, камеры недостает еще одному человеку.

В салоне сразу наступила тишина. Мы тревожно переглянулись. Биолог заронил надежду. В анабиозе можно пробыть долго, очень долго. За это время прилетит корабль с Церекса, за это время отыщется спасительное средство, если даже мы уже больны, и вдруг каждый почувствовал себя один на один с опасностью, еще более страшной именно потому, что ее придется встречать почти в одиночку.

— Значит, у вас будет помощник, мазор литам Дасар, это увеличивает шансы остальных, — мрачно пошутил Прис. — Кого же вы назначаете на эту должность, мазор Кор?

Это была ирония, но Кор все принял серьезно. Он обернулся к биологу:

— Кто вам больше подходит, Дасар?

Последнюю фразу Кор произнес почти обыденным тоном, и я понял, что предстоящее решение для него не связывается ни с какими сомнениями. Если бы такой вопрос был обращен к нему, он спокойно ответил бы, что ему, скажем, больше подходит Антор, или Прис, например, нимало не задумываясь, что не ему в данном случае принадлежит последнее слово.

— Я думаю, — сказал Дасар, глядя в лицо Кору, — что здесь нужен доброволец.

— Вот как! Впрочем, дело ваше. Кто желает в таком случае остаться работать с мазором Дасаром?

Кор переводил взгляд с одного на другого, и тот, на кого падал его взор, медленно опускал голову.

— Я вижу, добровольцев немного, — он усмехнулся. — Я остаюсь на корабле, устраивает вас это, Дасар?

— Нет, — коротко ответил тот.

Я понял биолога. С Кором можно еще жить, но остаться с ним умирать — это выше человеческих сил.

— Почему же?

— Мы с вами не сработаемся, мазор Кор.

— Благодарю за откровенность. — Кор вызывающе поднял голову и посмотрел на нас.

Меня что-то подтолкнуло. Может быть, я прочитал скрытое желание в глазах Дасара, а может быть, здоровое тело не верило болезни и смерти, и быстрее, чем я осознал, что делаю, подчиняясь лишь внутреннему порыву, я выступил вперед и сказал:

— Я остаюсь с вами, литам Дасар.

И как ни странно, именно от этого решения мне стало легче, и страх исчез, я снова почувствовал себя полноценным человеком, и за одно это ощущение уже стоило умереть. Биолог одобряюще посмотрел на меня и, поднявшись со своего места, встал со мною рядом.

— Что ж, — хладнокровно резюмировал Кор, — в таком случае нас остается трое, не будем терять времени. Мазор Лост, подготовьте камеры, я полагаю, в ваших интересах, чтобы они были в полном порядке.

Я с сожалением смотрел на Кора, на его спокойное, почти бесстрастное лицо. Я любовался его энергичными движениями, и мне было жаль его, жаль сильного, волевого человека, оказавшегося в плену своей неукротимой гордости, которая заставляла его идти на большой риск, хотя в этом не было никакой необходимости.

— А вы зачем остаетесь? — спросил я. — Разумнее было бы...

Кор высокомерно смерил меня с ног до головы именно тем взглядом, за который я его ненавидел.

— Запомните, пилот, — сказал он, обрывая меня на полуслове, — на свете существует много вещей, которые находятся вне вашей компетенции. Лучше помогите Лосту. Мне следовало бы вас тоже направить в камеру, но из уважения к мазору Дасару я оставляю вас, будьте же ему благодарны.

Биолог при этих словах сморщился, словно проглотил что-то невероятно кислое и, резко повернувшись к Кору, произнес:

— Видите ли, мазор, я полагаю, что мужеству, которое проявляет Антор, мы должны быть в большей мере

благодарны, чем он кому-нибудь из нас. Он, может быть, добровольно идет на смерть... Пойдемте, Антор, поможем Лосту, я хочу все проверить сам, меня до сих пор мучает случай с Ланком.

...Нас осталось на корабле трое. Кор на другой день связался с «Эльприсом» — там по-прежнему все были здоровы.

Три человека затерялись в громадных помещениях орбитального корабля. Биолог трудился, почти не отдыхая. Моя помощь была более чем скромной, я выполнял чисто техническую работу, правда, и она требовала немало времени. Шли дни, Кор показывался редко. О результатах нашей деятельности он справлялся, пользуясь внутренней связью. Биолог обычно отвечал односложно и просил по радио на Церексе навести ту или иную справку. Там тоже в одной из лабораторий занимались этим вопросом, но им недоставало главного — культуры вируса. Кроме того, Дасар с грустью сообщил мне, что руководит этой работой, по его мнению, «порядочный чурбан».

— В общем, Антор, пока нам следует рассчитывать только на свои силы...

Мы почти ни о чем постороннем не говорили. Иногда, после нескольких проведенных в напряженной работе дней, биолог объявлял:

— Вы сегодня свободны, Антор, мне нужно подумать, что делать дальше.

В такие дни я натягивал скафандр и выходил на поверхность Хриса. Часами бродил я по обнаженному и угрюмому плато, петляя между гор и предаваясь своим мыслям, или, лежа в тени какого-нибудь камня, рассматривал застывший рисунок звезд. Вечерами я обычно писал, и такое общение с самим собой и недавним прошлым стало для меня столь же необходимым, как воздух, которым я дышу.

Мы трое — биолог, Кор и я — всё еще оставались здоровыми, и мало-помалу острота ощущения опасности утратилась, чувство ответственности притупилось, и наша работа с Дасаром мне начинала даже казаться ненужной или, во всяком случае, не столь уж спешной. Три дня назад я высказал свое мнение на этот счет биологу. Он поднял на меня свои бесцветные глаза и, отрицательно покачав головой, ответил:

— Нет, пилот, они еще здесь, и они угрожают нам... Но если даже допустить, что в безопасности мы с вами, то последнее вряд ли можно сказать о тех, кто неподвижно лежит в камерах... В общем, продолжим. Какой, говорите, получился индекс реакции?

— Девятый.

— Девятый?.. Хм... Странно... Повторите опыт еще раз, пожалуйста.

Я принялся снова готовить реактивы. Наша работа потекла своим чередом.

●

Это произошло вчера. Я, как обычно, наскоро проглотив кусок осты (мы последнее время не утруждаем себя приготовлением блюд), пришел в кабину биолога, которую он превратил в лабораторию. Дасар сидел за столом, уткнувшись в колонки цифр — результаты наших последних опытов. На мое вежливое приветствие он ничего не ответил, а только неопределенно указал рукой в угол, где стоял стул. За последнее время я привык к странностям Дасара, поэтому, не обращая внимания на его каменную неподвижность, принялся чистить пробирки, которые еще с прошлого раза оставались немытыми. Через полчаса все лабораторное оборудование сияло первозданной чистотой, а биолог по-прежнему не шевелился.

— Что мне еще делать, литам Дасар? — спросил я.

Биолог ответил не сразу, в нем словно сработало реле времени, наконец он сказал:

— Ничего, сегодня мне нужно подумать, Антор, последние наши опыты... м-да... или я ничего не понимаю... или мы очень близки к решению. Мне надо разобраться.

— Так я вам сегодня не нужен? — Моя рука легла на замок двери.

— Нет. То есть стойте... анализы, вы разве забыли?

Биолог каждое утро проводил обследования, проверяя состояние нашего здоровья. Последнее время я к ним относился уже равнодушно — анализы неизменно давали отрицательный результат.

— Хорошо, литам Дасар, я приготовлю аппаратуру.

В этот момент звякнул сигнал внутренней связи. Это был Кор. Не оборачиваясь к экрану, я почти видел его лицо, обращенное к нам в кабину. Он поздоровался как

всегда сдержанно, а потом задал свой неизменный вопрос:

— Как ваши успехи, Дасар? Получили что-нибудь обнадеживающее?

Биолог отложил свои вычисления.

— Увы, нет, пока все по-прежнему.

— Так, жаль, конечно, пора бы уже вам справиться с этой задачей. — Голос Кора звучал как-то странно.

— Конечно, жаль. Вы меня упрекаете?! По какому праву? — неожиданно вспылил Дасар, видимо, и на нем сказалось утомление от нечеловеческого напряжения. — Нам давно необходим этот препарат, по крайней мере Торн и Зирн были бы живы! Я сам все отлично знаю, но в этих условиях не могу быстро решить поставленную задачу. У меня даже нет ни одного квалифицированного помощника... Простите, Антор, я... Кстати, мазор Кор, я хочу еще напомнить вам, что вы двое суток уже не обследовались.

Кор криво усмехнулся:

— Что толку в ваших анализах, если вы не можете лечить? Впрочем, сегодня я приду. Мне кажется, я заболел, и хотелось бы получить ваше высоконаучное подтверждение.

Биолог ничего не успел ответить, экран погас, и лицо Кора исчезло. Оба мы были ошеломлены неожиданным известием. Первым пришел в себя Дасар. Он резко отодвинул стул и поспешно направился к столику, где размещалось все необходимое для анализов лабораторное оборудование.

— Пустите меня, — сказал он, — я сам настрою приборы.

Несколько минут его гибкие пальцы порхали между микрометрическими винтами и вериньерами.

— Так, дайте вашу руку.

Я почти не ощутил боли от проникновения иглы.

— Теперь дышите сюда.

По экрану побежала тонкая зеленая линия, изламываясь в такт моему дыханию.

— Все как обычно, — сказал я, наблюдая хорошо знакомую мне по предыдущим анализам картину.

— К счастью — да, — ответил биолог и повернулся на шум открывающейся двери. В кабину вошел Кор, на нем была надета дыхательная маска.

— Это на всякий случай, — пробубнил он из-под нее, — я долго у вас не задержусь.

— Почему вы решили, что больны?

— Симптомы те же, что у биофизика, боли в суставах и прочее...

— Есть пятна?

— Пока нет, но будут.

— Когда почувствовали боли?

— Вчера.

— Почему не пришли сразу? — Биолог насупился.

Кор сделал равнодушный жест:

— Какое это имеет значение?

Дасар тщательно проделал все анализы. Я молча глядел через его плечо на показания приборов. Стрелки их тревожно отклонялись от зеленой черты. Через полчаса все стало ясно. Кор держал в руках фотографию микроанализа крови, на которой отчетливо проступали серебристые точки вирусов. Он медленно смял пленку и бросил ее на стол.

— Вам нужно немедленно лечь в анабиозную камеру, — сказал Дасар.

Кор сел на стул и вытянул ноги прямо перед собой, пальцы его руки нервно барабанили по шкале эртометра.

— Бесполезно, Дасар, в анабиоз впадают люди, но не вирусы Арбинады. Вы же это хорошо знаете, литам. Я, конечно, ценю ваше желание потешить меня надеждой и избавить от мучений, но в данном случае оно бьет мимо цели. Я предпочитаю встретить смерть в полном сознании.

Биолог удивленно уставился на Кора. Я беспокойно переводил взгляд с одного на другого, ничего не понимая.

— Что вы говорите! — вскричал Дасар.

— То, что слышите, можете передо мной не разыгрывать комедию. Я вам благодарен за то, что вы нашли способ унять на корабле страсти и наилучшим способом изолировать членов экипажа. Я бы сам высказал то же самое, если бы мне пришло это в голову. И должен заметить, ваше предложение выглядело настолько убедительным, что в первый момент даже я поверил в него.

— Значит, вы проверяли камеры?

— Разумеется, — Кор отогнул край маски и вытер пот платком, — в двух из них лежат трупы. И ничего

удивительного! Лишенный жизненного тонуса организм не мог активно сопротивляться болезни, но остальные законсервированы отлично.

— Это правда? — Я в упор посмотрел на биолога.

Тот стоял, низко опустив голову.

— Правда, Антор, — ответил он. — Мы для них все равно ничего не могли бы сделать, но я вначале надеялся, что вирусы в анабиозной камере закапсулируются...

Воцарилось тягостное молчание.

— Кто там... кого уже нет? — спросил я.

— Лоста и Сатара, — невозмутимо ответил Кор. — Однако мне пора, у меня осталось много дел и мало времени. Прощайте, Дасар, и вы, пилот...

Кор встал и, небрежно кивнув нам, твердыми шагами вышел из лаборатории, старательно закрыв за собой дверь. Мы остались одни. Минут пять я просидел неподвижно, избегая смотреть на биолога и дожидаясь, когда шаги Кора замрут в глубине коридора. Потом, не произнеся ни слова, направился к двери.

Громадный корабль был пуст, тускло горело освещение и гулко отдавался каждый звук, по нескольку раз отражаясь от матовой глади стен. Я шел мимо осиротевших кабин, мимо вспомогательных помещений, мимо анабиозных камер, заключавших в себе мертвых и живых товарищей, поднялся в салон, пронизанный слепящими лучами солнца и, постояв бездумно на пороге, спустился вниз к переходной камере. Вдруг мне стало душно, нестерпимо захотелось ветра и солнца, под которым я рос и жил далеко-далеко и давным-давно. Мой взгляд упал на скафандры, аккуратно разложенные в отсеке. Я отыскал свой и начал одеваться.

Спрыгнув с последней ступеньки трапа, я пошел к сияющей впереди вершине горы, подножие которой пряталось за линией горизонта. В голове вихрем проносились обрывки мыслей, беспорядочно сталкиваясь, рассыпаясь, сочетаясь в невероятные заключения и пропадая. Я, словно со стороны, следил за этим сумбурным потоком, даже не пытаясь ввести его в какое-то русло или остановить. Впереди виднелась вершина, и я шел к ней. Будто громадный магнит, влекла она к себе. И вдруг я подумал, что еще ни разу в жизни не взбирался на вершину горы, ни здесь, на Хрисе, ни на Церексе, ни на

Арбинаде. Я много раз видел мир с большой высоты, но ни разу не наблюдал его с вершины. Эта мысль захватила меня, появилась цель — я направился к ней.

Путь до скалистых отрогов и подъем заняли, вероятно, несколько часов. Чем труднее было подниматься, тем ожесточеннее я лез вверх. Вспомнились предостережения Мэрса об опасностях такого подъема, о камнях, беззвучно падающих от малейшего сотрясения, о черных тенях, прячущих провалы и обманывающих глазомер. Наконец, я достиг своей цели, гора находилась у меня под ногами.

Площадка наверху была ровная и маленькая, я быстро обошел ее по периметру, испытывая смутное чувство разочарования, потом уселся на край скалы, нависшей над бездной, и спустил вниз ноги. Далеко от меня, почти у самого горизонта, блестела на солнце металлическая обшивка корабля — этого вместилища человеческих страстей и бед, занесенных сюда с другого, окруженного мраком шара. Я поднял взгляд к небу и среди звезд отыскал слабый свет маленького Церекса. Неужели мне никогда не доведется снова увидеть его вблизи и пройти под открытым небом, оставляя на почве следы босых ног? С полчаса я просидел на месте, глядя на камни и звезды, и затем начал спускаться с горы...

На полпути к кораблю я заметил движущуюся мне навстречу фигуру в скафандре. Это мог быть либо Кор, либо биолог. Я взобрался на камень и помахал рукой, пытаясь привлечь к себе внимание. Потом включил радио и пробежал в настройке несколько диапазонов. Наконец, в наушниках послышалось дыхание человека. Я позвал его.

— Это вы, пилот, — раздался голос Кора, — что вы здесь делаете?

Я пробурчал в ответ что-то невразумительное. Да и в самом деле, что я делал? Что я мог ответить? Не зная, о чем говорить с человеком, дни которого сочтены, я тем не менее направился к Кору, мысленно проклиная себя за то, что ввязался в разговор. У нас с Кором и раньше было не много общих тем, а в эту минуту я вообще не мог найти ни одной точки соприкосновения. Постепенно мы сблизились на расстояние нескольких метров, и я пошел в одном с ним направлении. Первые минут десять не было произнесено ни слова. Кор уверенно шел к ка-

кой-то одному ему известной цели и словно не замечал меня. Наконец, он сказал:

— Вы всё еще здесь, пилот?

— Да, — неуверенно ответил я.

— Вы решили сопровождать меня? Благодарю, но я, кажется, об этом вас не просил. Впрочем... — Кор запнулся на слове, — минут десять, если хотите, можете провести со мной, я не возражаю. Сколько сейчас времени?

Я взглянул на часы:

— Скоро четырнадцать.

— Мне нужно точнее.

— Без десяти, — удивленно ответил я, вспоминая необыкновенную особенность Кора чувствовать время с точностью до минуты. По нему можно было проверять хронометры, и поэтому он никогда не носил с собой часов. Сейчас с ним что-то стряслось. Может быть, болезнь? Еще минуты две мы не разговаривали. Неожиданно Кор спросил:

— Скажите, пилот, неужели я такой тяжелый человек, с которым даже трудно обмолвиться словом? — В голосе его звучали несвойственные ему мягкие интонации.

— Нет..., то есть да, мазор.

Кор усмехнулся:

— Мне нравится ваша особенность говорить в глаза то, что вы думаете. Это редкий дар. Хотелось бы знать, чего же вы тогда плететесь за мной по пятам. Шли бы себе на корабль и продолжали писать свой дневник. У вас это неплохо получается, я, признаться, с интересом прочел как-то все до последней страницы...

— Это же подло! Читать чужие записи...

— Не вижу в своем поведении ничего предосудительного. — Кор осмотрелся по сторонам. — Сколько времени?

— Четырнадцать часов пятнадцать минут, — машинально ответил я.

— Еще... впрочем, ладно... Вы же сочли возможным подслушать мой разговор с Эссой, хотя имели на это меньше права, чем я на знакомство с вашими воспоминаниями. Как руководитель экспедиции, я даже обязан был знать их.

Кор снова зашагал к линии горизонта, размеренно переставляя ноги. Я не нашел, что ему возразить. Действительно, если я так остро переживаю проникновение

постороннего человека в мои личные дела, то почему же сам позволил себе вторгнуться в чужую жизнь? Все оправдывающие причины не имели никакой силы, — мы всегда готовы обвинять других и выгораживать себя. К сожалению, чувство объективности слабее всего развито у человека.

— И всё же вы мне нравитесь, — продолжал между тем Кор, — вы добры, качество сравнительно редкое, глуповаты — это встречается значительно чаще, прямолинейны — последнее облегчает ведение дел с вами, а главное безвредны и свое ремесло знаете. Мне был известен и раньше весь этот ваш трюк с жеребьевкой на право участия в экспедиции. Конечно, я знал о нем. Но вы и Конд подходили мне, поэтому я на него не обратил внимания. Конда я, правда, опасался больше, он был человек решительный .. Сколько уже на часах?

— Семнадцать минут, почему вы спрашиваете?

— Хочу знать, сколько мне осталось до конца.

— До конца? До какого конца? — И тут мне все стало вдруг ясно. — Вы совсем покинули корабль?.. Вы сами сделали это и идете туда?..

— Все мы идем туда, — усмехнулся Кор, — все идем сами и все непременно придем. Сколько сейчас?

— Двадцать минут, — проговорил я.

— Уже скоро. — Кор посмотрел по сторонам, как бы прощаясь с окружающим миром, сделал какой-то неуловимый, но, я твердо знаю, несвойственный ему жест и продолжал свой путь дальше. — Послушайте меня, пилот, хотя я и знаю, вы не очень лестного обо мне мнения...

— Я...

— Не перебивайте, в конце концов, для меня всегда было безразлично, какого мнения обо мне люди, а сейчас тем более... впрочем, может быть, сейчас... — Он вдруг замолчал и шагов двадцать прошел, сосредоточенно глядя себе под ноги, словно боялся споткнуться и упасть на последнем отрезке жизненного пути. Я, подобно тени, шагал за ним следом, так же неотступно и так же беззвучно, как сопровождала меня моя собственная тень.

— Да, вот еще что, — снова раздался в наушниках его голос, — в моей кабине на столе вы найдете дальнейшие инструкции, но не входите туда, пока не справитесь

с болезнью, это для вас лишний шанс уцелеть. На Церекс я обо всем сообщил, там знают, что я... что экспедиция осталась без руководителя. Корабль сюда вылетит через три дня, вы еще можете его дождаться, я верю в Дасара — он победит болезнь, если успеет... А теперь последнее, то, что я хотел вам сказать вначале. Я читал о вашей беседе с Мэрсом, чувствую, она произвела на вас впечатление. Возможно, вы встретитесь с ним снова, когда меня уже не будет, советую вам — не увлекайтесь, это беспочвенные бредни. Не воображайте, что я горячий сторонник существующего на Церексе уклада, просто я отлично знаю, как силен, как великолепно отрегулирован весь этот механизм человеческих взаимоотношений, насколько он устойчив и какими мощными средствами поддерживается. Бороться с ним бессмысленно. Те, кто стремится здесь что-то изменить, несмотря на кажущуюся красоту их порывов, опасны людям. Они не принесут счастья человечеству, как наивно воображают сами, но убьют каждого, кто свяжет с ними свою судьбу. Запомните, пилот! Они опасны для всех, против кого борются, и для тех, за кого они ведут борьбу... Сколько там времени, Антор?

— Двадцать пять минут.

— Оставьте меня, я хочу умереть один.

Я остановился перед Кором, но он обошел меня, словно камень, и быстрыми шагами стал удаляться.

— Прощайте, мазор литам Кор...

В наушниках было тихо, видимо, Кор выключил радио. Он, не оборачиваясь, шел все дальше и дальше. Когда фигура его скрылась за скалой, я отошел в сторону и поднялся на возвышенность, чтобы видеть его. Он все еще шел, единственный сгусток живой материи среди ее мертвого нагромождения. И вдруг Кор остановился и упал, упал и больше не двигался. Я было устремился к нему, но сразу же замедлил шаг. В моей помощи Кор никогда не нуждался, а теперь тем более.

●

Я болен. Произошло то, чего я ожидал и чего больше всего опасался. Первое недомогание я почувствовал вчера, когда вернулся на корабль после того, как последний раз видел Кора. У меня чуть заметно ломило суставы

ног, но сразу я не обратил на это внимания. После долгой ходьбы и лазанья по горам неудивительно, что болят ноги. Я сел писать этот дневник, а потом отправился спать. Во сне меня мучали кошмары. Кто-то бил меня, Юрингу, нас вместе сбросили с вершины горы, на которой я побывал вчера, и мы долго, бесконечно долго летели в глубочайшую пропасть. На дне ее копошились ужасные монстры Арбинады...

Я проснулся совершенно разбитым. Ломило все тело, и суставы скрипели, словно ржавые шарниры забытой людьми машины. Боли не были сильными, и не они мешали, а ощущение трущихся костей в коленях, локтях, пальцах, позвонках пугало и сковывало движения. Я заставил себя подняться, без всякого желания проглотил завтрак, попробовал соединиться с Дасаром, но не нашел его. До меня все еще не доходило, что я заболел, заболел той болезнью, которая не щадит. Я пошел в лабораторию, как привык ходить туда ежедневно, зная, что там всегда найдется работа, даже если биолога нет на месте.

В лаборатории было пусто, приборы выключены, химическая посуда блестела чистотой. Даже микроскоп стоял покрытый футляром. Аккуратный Дасар во всем навел идеальный порядок. Почему он не работал? Где он? Я опустился на стул и почувствовал, как от этого движения шевельнулась каждая кость. Такого ощущения я уже не испытывал давно, с тех пор, как мы взлетели с Арбинады.

Несколько минут я просидел неподвижно, не зная чем заняться, бездумно переводя взгляд с одного предмета на другой, пока в поле зрения не попал фотоанализатор. Клавиатура его настройки была сбита с нулевых индексов, и каретка сдвинута в первое положение. Машинально я поднял руку, чтобы настроить прибор, рукав соскользнул до локтя, обнажив кожу, и я увидел пятно. Маленькое коричневое пятнышко темнело с внутренней стороны руки почти у самого ее сгиба. Я оцепенел.

Сейчас я уже успокоился, вернее смирился, исчез страх, который парализовал меня в первое мгновенье, прошла паника самоспасения, заставившая метаться по кораблю в поисках Дасара и глотать без разбора сильнейшие на Церексе, но, увы, бесполезные здесь препа-

раты. Ничего этого уже нет, осталась только тоска, и я один на один с нею.

Я пишу на этих листах, потому что уже привык писать. Рука, на которой под тканью одежды притаилось зловещее пятно, спокойно выводит ровные строчки. Мозг, уже сейчас безжалостно терзаемый миллионами полукристаллических клеток слепой, чужеродной жизни, еще мыслит. Я знаю, осталось недолго. Через два дня, так было с Торном, начнется бред, прерываемый лишь короткими прояснениями сознания. В моем распоряжении только два дня, когда я еще буду принадлежать самому себе. Потом я потеряю власть над собой. И не с кем посоветоваться, что делать дальше. Исписанные листы вмещают лишь мои собственные мысли, ни на что не давая ответа. Дасар ушел с корабля — его скафандра нет на месте. Куда? Неизвестно. Может быть, мне тоже покинуть корабль? Уйти, как это сделал Кор? «Все мы идем туда, — сказал он в последний раз, — и все непременно придем». Я знаю, Кор ушел с корабля не потому, что боялся мучительной агонии, он просто выполнил свой собственный приказ. Только зачем он принял яд? Достаточно было открыть в скафандре клапан... Где же Дасар? Я должен знать, возможно ли еще выздоровление, здоров ли он сам. Если надежды нет, то действительно все лучше кончить сразу...

И подумать только! Завтра вылетает корабль с Церекса!

...Час назад я связался с «Эльприсом». Со мной разговаривал Мэрс, там все здоровы. Хорошо, что там пока все благополучно. На мой вопрос, нужно ли им что-нибудь, Мэрс ответил, что они ни в чем не нуждаются. Я сообщил, что корабль с Церекса вылетает завтра. Не знаю, почему я скрыл смерть Кора и свое заболевание, просто язык не поворачивался сказать правду.

Одиночество стало невыносимым. Я решил искать Дасара по следам, которые хорошо видны на поверхности Хриса. Правда, следов очень много, и старые здесь выглядят точно так же, как свежие, но лучше отвлечь себя каким-то занятием, чем метаться в пустых помещениях корабля. Я уже начал надевать скафандр, когда отворился люк и вошел биолог.

— Куда вы, Антор? — спросил он. — Вы мне нужны.

— Я собрался искать вас. Я болен, литам Дасар.

Биолог схватил меня за рукав и потащил за собой:

— Идем в лабораторию и сделаем анализы.

Я упирался:

— Анализы не нужны, литам. Смотрите!

Я обнажил руку до локтя и показал пятно:

— Видите?! Вот вам лучший анализ, его сделала сама природа. И отпустите меня, мне и без того больно.

Биолог повернул мою руку к свету и осторожно ощупал пятно.

— Других пятен нет?

— Не знаю, по-моему, нет.

— Когда почувствовали боли?

— Вчера, когда возвратился после встречи с Кором.

— Кор! Мазор Кор как всегда оказался слишком самостоятельным. Смотрите, вы не вздумайте поступать так же! Я, кажется, нашел, нашел средство!

Мне вспомнились трупы в анабиозных камерах.

— Вы не обманываете, Дасар? Я должен знать точно.

Биолог отпустил мою руку и, повернувшись к выходу в коридор, глухо произнес:

— Если я обманываю, то обманываю самого себя. Идите в свою кабину и ложитесь. Ничего не ешьте, постарайтесь уснуть. Я скоро приду к вам.

Что же, последую его совету и попробую уснуть, если это возможно.

●

Коридору, кажется, не будет конца. Он суживается и поворачивает, закручивается в спираль. Стены дышат жаром. Я иду по этому коридору, не зная куда, не зная зачем. Плечи касаются раскаленных стен, от одежды валит пар. Пар идет изо рта, из глаз, внутри все кипит, я чувствую, как извиваются внутренности в бурлящих потоках крови. Жар становится все сильнее, я оборачиваюсь и вижу поток огненной лавы, настигающей меня. Она движется все быстрее и быстрее, гораздо быстрее, чем могу идти я. Я бросаюсь вперед и, зажатый в теснине коридора, не могу двинуться дальше с места. Сзади раздаются хлюпающие звуки, и ноги погружаются в

раскаленную грязь. Нечеловеческий, душераздирающий вопль вырывается из моей груди.

. . . . . .

...Дасар сидит рядом со мной. У него усталое лицо, на полу лежит брошенный биологический скафандр, видимо, он мешал Дасару. Рядом с койкой столик, пододвинутый сюда из дальнего угла кабины. На столике стоит колба, наполовину заполненная темно-красной жидкостью, от которой исходит резкий запах. Рядом с колбой громоздятся приборы. Я с удивлением рассматриваю их, словно вижу первый раз, и не сразу узнаю стоящий прямо передо мной диагносцирующий суммато́р. Биолог замечает, что я открыл глаза, и улыбается мне вымученной улыбкой:

— Как вы чувствуете себя, Антор?

— Ни-че-го, — выдавливаю я из себя и мало-помалу отделываюсь от кошмара надвигающейся лавы. Ноги продолжает жечь, словно они обуты в раскаленные ботинки. — Я бредил?

— Вы кричали, — отвечает Дасар и встает. — Лежите спокойно, я сейчас вернусь.

Он выходит, и я остаюсь один. За дверью слышны его шаги, постепенно замирающие в глубине корабля. Тишина. Время остановилось. Я лежу неподвижно, глаза устремлены в одну точку. Так, наверное, чувствуют себя умирающие. Но я еще жив, потому что снова услышал шаги. Теперь они приближались. В открытую дверь входит биолог. В руках у него посуда, он ставит ее на стол.

— Ешьте.

Голос его звучит повелительно, но я не могу шевельнуться, мне все безразлично.

— Ешьте, — настойчиво повторяет он. — Вы должны есть.

Какая-то сила, исходящая от Дасара, поднимает меня на койке, и я сажусь, чтобы приняться за еду. Руки обнажаются, и я с ужасом замечаю на них уже не одно, а несколько коричневых пятен. Глаза мои расширяются.

— Литам Дасар! Видите?

— Вижу, не волнуйтесь, Антор, так должно быть. Ешьте. Они уже пошли на убыль, вы выздоравливаете.

Голос его спокоен, и я верю ему, а может быть, мне просто все равно. Какая разница, сколько этих пятен,

если они есть? Я съедаю все, что принес биолог, и ложусь снова. Дасар берет со столика коробку и достает оттуда ампулу:

— Вот, примите это, тогда вы быстрее уснете.

Я проглатываю ампулу и закрываю глаза. Веки отделяют меня от всего постороннего, и я снова погружаюсь в небытие.

. . . . . .

Такое синее море я видел только на Арбинаде. Синее, ласковое и ленивое. Выплескиваясь на песок, оно беззлобно журчит и рождает белую пену. Потом спокойно катится назад и снова гладит сушу. Волна сменяет волну, качаясь назад и вперед, как маятник мировых часов, отсчитывающих бесконечное время. И солнце светит. Знакомое весеннее солнце с родных небес Церекса. Как хорошо под теплым солнцем у беспредельного моря!

— Я никогда больше не полечу в космос! — говорю я Юринге. — Никогда, ты слышишь, дорогая?

Она смеется. Вместе с нею смеется солнце и улыбается море каждой своей волной.

— Зачем нам космос, когда так хорошо здесь? Верно?

— Разве здесь хорошо? — раздается спокойный голос.

Я оборачиваюсь. На берегу стоит Мэрс. Он в ободранной одежде, и лицо у него изможденное.

— Посмотри внимательнее, Антор, разве это море? Это же ширма! Посмотри на улыбку твоей Юринги, она нарисована.

Он подходит к морю и рукой берется за волну. Волна шипит своим белым гребнем и не дается, но Мэрс резким движением дергает ее на себя, и море, как тонкая ткань, разрывается надвое. Под фальшивой пеленой воды зияет яма. Там полуголые люди, обливаясь потом, катят громадные камни и складывают их в пирамиду. Смрад и стоны несутся снизу.

— Ты должен лететь в космос, Антор, чтобы спасти их.

— Но чем я могу помочь им там, в космосе? Помощь нужна здесь. Пусти, Юринга, я спущусь туда. Пусти, слышишь!

Но Юринга цепко держит меня. Я вырываюсь и вдруг замечаю, что это вовсе не Юринга, а Парон, и он тол-

кает меня в яму. Я отбиваюсь от него, но у Парона вырастает множество рук, и каждая тянется ко мне.

— Нужно лететь в космос! — кричит Мэрс. — Там на Арбинаде люди, они помогут нам! Скорее за мной!

Я вырываюсь от Парона и бегу вслед за Мэрсом к стоящей неподалеку ракете. Люк открыт, но около него дежурит Кор, с мрачной улыбкой загораживая проход.

— Безумцы, — говорит он, — что вы сделали с Эссой? Что вы хотите сделать с собой? Я не пущу вас!

Неожиданно появляется Конд, он хватает Кора своими ручищами и бросает в сторону. Тот катится по траве и разваливается на части, а из каждой частицы его тела рождается новый Парон, и все они стремглав бросаются на нас. Мы прячемся в ракете и, включив двигатели, мощными струями газов сметаем полчища паронов, ползущие к ракете со всех сторон. Земля вспыхивает пламенем, и горизонт заволакивает дымом. Ракета взлетает в небо.

. . . . . .

Это были мои последние бредовые видения, поэтому я записал их. Когда я очнулся, было темно. В голове еще звучали голоса Мэрса, Юринги и Кора. Несколько минут я ничего не мог сообразить, не мог отделить действительность от галлюцинаций. Темнота в кабине казалась мне чернотой космоса, только почему-то не было звезд. Отсутствие звезд заставило размышлять, а размышления вернули мне чувство реальности.

Я пошевелил руками и ощупал себя, боли в суставах исчезли, тело слушалось и хотело жить. Пьянящее желание жить вселило в меня уверенность в том, что я действительно выздоравливаю. Сколько же прошло времени и где Дасар? Я встал с койки и включил свет. Столик стоял на своем обычном месте, и приборов на нем не было. Царила тишина. Я посмотрел на часы, они показывали двенадцать. Но сколько же дней прошло с тех пор, как я свалился в бреду? Посмотрел на руки, они были чистыми, все пятна пропали, значит, действительно я выздоравливал. И вдруг нестерпимо захотелось есть. Я обшарил всю кабину, но не нашел ничего съестного. Тогда я вышел в коридор и направился в продовольственный отсек.

В коридоре было пусто. Тускло горел свет и гулко

раздавались шаги. Меня покачивало от слабости, и приходилось держаться за стенку. Мимо проплывали двери кабин, которые еще недавно занимали мои товарищи. Повинуясь какому-то безотчетному чувству, я открыл одну из них и застыл от неожиданности. В кабине сидел Мэрс. Он повернулся на шум и, увидев меня, порывисто вскочил с места:

— Антор! Зачем вы встали?!

Я все еще не мог прийти в себя:

— Вы... здесь? Вы же на «Эльрисе».

— Ну да, был на «Эльрисе», а теперь здесь, что в этом странного? Ложитесь немедленно.

— Я хочу есть.

— Хорошо, сейчас.

Мэрс подхватил меня на руки и, словно ребенка, положил на койку, заботливо укрыв одеялом.

— Дасар ожидал, что вы очнетесь только завтра, он сам чувствует себя неважно, и поэтому я здесь. Он попросил меня прийти, потому что болезнь не миновала и его. Что вы будете есть?

— Мне все равно. Все, что дадите.

— Мы наготовили много, но думали, вы очнетесь завтра. Вот, пожалуйста, хотите свежее пото?

— С удовольствием.

Я с громадным наслаждением ел пото. Мне казалось, что никогда в своей жизни я ничего не пробовал более вкусного, хотя отлично знаю, что это не так. Просто организм, одолевший болезнь, жадно впитывал самые простые дары жизни. Мэрс сидел напротив меня и с улыбкой наблюдал, как я насыщался.

— Мэрс, вы около меня дежурили?

— Дежурил, часов тридцать в общей сложности, биолог сам был достаточно слаб.

— А как он сейчас?

— Сейчас все нормально, у него болезнь не зашла так далеко, как у вас, поэтому он раньше справился с ней. Но хватит разговоров, вам это сейчас отнюдь не на пользу.

Мэрс встал и выключил общее освещение кабины, оставив только малый свет у себя над столом. Я лежал неподвижно, упиваясь ощущением здорового тела. Легко было Мэрсу давать разумные советы: «Не разговаривай, не шевелись!» Восставшему из мертвых, как никогда,

хотелось общаться с людьми, говорить, двигаться. Я молчал не более десяти минут, краем глаза наблюдая, как Мэрс что-то пишет за столом, и в конце концов не выдержал.

— Мэрс, — снова позвал я, — вы говорите, что дежурили возле меня довольно много. Ведь я бредил, наверное, все это время, что я говорил в бреду? Что-нибудь ужасное?

Мэрс оторвался от своего дела и повернулся ко мне. Лампа причудливо освещала на его лице одни выпуклости. Он строго посмотрел на меня темными впадинами глаз и выразительно постучал по столу:

— Молчите же, Антор, вам нужен покой.

— Покой, — словно эхо повторил я. — А что если мне совсем не хочется покоя? Вы можете понять это ощущение, Мэрс? Знаете, какие у меня были последние галлюцинации? Нет?

— Не знаю, конечно, откуда мне знать.

— Я видел вас, Кора, вы призывали к борьбе, а Кор... Дело совсем не в Коре. Помните наш разговор по дороге к «Эльпрису»?

— Да? — Мэрс подошел ближе ко мне. — Помню, разумеется.

— Я много думал о нем.

Мэрс разгладил морщины на лице руками. Был он уже немолод, это чувствовалось по его походке, неторопливой и тяжелой. Мэрс пододвинул стул и сел рядом со мной, нелепо растопырив колени и опершись о них руками так, что локти вывернулись вперед и нацелились в стену своими остриями. Заметив мой недоуменный взгляд, он изменил позу.

— Простите, Антор, привычка. Так что же вы думали?

— Разное. Кроме того, о нашем разговоре мне напомнил Кор.

— Кор! Как же он узнал? Вы рассказали?

— В общем, конечно, я.

По лицу Мэрса пробежала тень. Он отвернулся и глухо проговорил:

— М-да, а вы мне показались порядочным человеком.

Мэрс поднялся со стула и направился к двери, явно не желая больше со мной разговаривать.

— Стойте, Мэрс! Вы меня не так поняли! Это вышло случайно. Кор прочитал мой дневник.

— Какой дневник?

— Дневник или нет, я не знаю, как это назвать, одним словом, записи, которые я веду здесь.

— Вы ведете записи? Давно?

— С момента гибели Зирна. На меня в свое время его смерть произвела столь гнетущее впечатление, что я вынужден был искать какой-то способ рассеяться. И лучшего ничего не придумал.

Последовала непродолжительная пауза. Тишину нарушил Мэрс:

— И что же сказал Кор?

— Кор предостерегал меня от встреч с вами.

— И только?

— Нет. Он считал вашу деятельность безумным и опасным для людей делом, поскольку устои современного общества, на его взгляд, несокрушимы. Что вы скажете по этому поводу, Мэрс?

Он неожиданно улыбнулся и плотнее завернул меня в одеяло.

— Успокойтесь, Антор. Это слишком серьезный разговор, чтобы вести его сейчас, когда вы только-только начинаете жить снова.

Я привстал на́ локте.

— Да, я начинаю жить снова. И разве вам хочется, чтобы я ее начинал с пустяков?

— Хорошо, — сказал Мэрс, снова укладывая меня в постель, — давайте побеседуем, в конце концов я не думаю, чтобы наш разговор повредил вам. Но предварительно мне хотелось бы дать вам один совет.

Я удивленно посмотрел на Мэрса:

— Да? Какой же?

— Мне кажется, для вас будет лучше, если вы прекратите вести ваши записи. Я не знаю, что вы там писали, но я знаю современную жизнь. Вы зрелый человек, Антор, а зрелые люди в дневниках не много места уделяют ничего не значащим пустякам. Так или иначе они записывают свои мысли, и вот это опасно. Бумага может попасть в чужие руки, и тогда... Уничтожьте дневник! Слышите?

Я медленно закрыл глаза и расположился удобнее:

— Говорите, Мэрс, я слушаю вас.

●

Пожалуй, Мэрс прав. Лучше эти записи уничтожить. Но я настолько сжился с ними, что просто не поднимается рука. Я лишь стал осторожнее, надежнее их прячу, хотя, по правде говоря, здесь их прятать не от кого. Нас на корабле только трое: я, Мэрс и биолог. Двое других все еще лежат в анабиозных камерах, и мы решили не беспокоить их до прибытия корабля с Церекса. Мэрс об этих листах знает, а биолог никогда не отличался любопытством такого сорта, которое оказалось свойственно Кору. Решил пока писать, до получения сигналов с другого корабля. В конце концов, уничтожить никогда не поздно.

Последнее время чувствую себя совсем хорошо. Препараты Дасара сломили болезнь, а заботливый уход Мэрса вернул мне силы. Больше всего угнетает полное отсутствие занятий. Делать решительно нечего. Все заботы замыкаются в кругу тех бытовых мелочей, которые всегда сопутствуют человеку.

Первые дни после того, как встал на ноги, я бесцельно бродил по кораблю из конца в конец и начал было читать найденную в лаборатории Дасара книгу. Имени автора на титульном листе не значилось, а содержание и язык ее мне показались на редкость примитивными. Биолог, увидев ее у меня в руках, рассмеялся.

— Э-э, дорогой Антор, — сказал он, — вы бы лучше уж читали таблицу случайных чисел.

— Не понимаю, — ответил я.

— Еще бы! Это так называемое художественное произведение на деле представляет собой отчет об экспериментальной работе. Опус, который вы держите в руках, есть не что иное как продукт творчества электронной машины. Да, да, Антор. Один из моих друзей ставил в свое время опыт и подарил мне на память ее лучшее произведение. Ну, и как вам оно?

Я в нескольких энергичных выражениях высказал свое мнение.

— Согласен, — кивнул головой биолог и скрылся у себя в кабине.

Дасар вообще был не очень склонен вести со мной беседы, вечно он был занят какой-то писаниной, или сидел над микроскопом, изучая образцы, привезенные с Арбинады. Душу, в основном, я отводил с Мэрсом, и в

его лице неожиданно обнаружил бесценную сокровищницу знаний. Расставаясь с ним, я каждый раз уходил буквально пораженный необычайной широтой его эрудиции. Мне еще не приходилось встречать человека так прекрасно осведомленного в самых разнообразных вопросах. Однажды я невольно поймал себя на мысли, что тщетно изыскиваю тему, в которой он оказался бы менее сведущ, чем я, но попытки эти были безрезультатны. Мэрс всегда так подробно отвечал на мои вопросы, будто специально готовился к ним на протяжении нескольких дней. Его невозможно было застать врасплох. А ведь он уже восемь долгих лет живет на Хрисе, где ему неоткуда черпать новые знания. Впрочем, в данном случае я неправ, я упустил из виду его товарищей, все они, насколько мне известно, люди высокообразованные, способные дать очень много друг другу.

Мне нравится манера, в которой Мэрс ведет беседу. У него, как говорится, хорошо поставленный голос, и если он и любуется им, то это лишь чуть-чуть заметно. Руки его почти всегда чем-то заняты, и говорит он непринужденно, без всякого нажима, словно между прочим, с одинаковой легкостью о вещах простых и необычайно сложных. Перед такими людьми, как он, можно преклоняться!

Мы редко собираемся вместе. В основном это случается в салоне за едой. Я не знаю, почему и как мы выбрали это помещение. Оно неуютно, слишком велико для нас троих, нам хватило бы любой кабины, но уж так повелось. Здесь, правда, простор и голоса звучат звонко, главным образом голоса Мэрса и Дасара, которые любят в эти минуты поспорить.

Покончив с едой, мы разбредаемся по кабинам и занимаемся каждый своими делами. У меня дел мало, я часами лежу на койке, уносясь мыслями на Церекс, к Юринге, в прошлое.

Монотонно текут дни, мне почти не о чем писать здесь, а корабль с Церекса опустится на Хрис еще не скоро.

●

Вчера после обеда в салоне произошел интересный разговор, который неожиданно положил конец моему бездеятельному существованию.

На этот раз мы поели почему-то очень быстро, может быть, разыгрывшемуся аппетиту способствовал эльмьен, впервые поданный мною на стол. Биолог, откинувшись на спинку стула, сказал, благодушно отдуваясь:

— Поздравляю вас, Антор, — вы скоро будете отличным кулинаром.

Я равнодушно махнул рукой:

— Невелика заслуга, это древнее блюдо просто трудно приготовить плохо.

— Раньше его делали иначе, — заметил Мэрс, — например, во времена Лермисторского владычества, когда оно собственно впервые и появилось, к нему прибавлялось немного решеи, мне довелось его попробовать именно в таком виде. Вкус прямо необыкновенный.

— Да, древние были большие специалисты на гастрономические выдумки, — согласился биолог.

— Не только гастрономические, мне кажется, человек вообще стал менее изобретателен с течением столетий, — ответил Мэрс, словно напрашиваясь на очередной спор, без которого прошла наша трапеза. — Мы сделались более методичны, а это уже совсем другое, нас разбаловали наши возможности.

Однако биолог был настроен на этот раз миролюбиво. Его поглощали собственные мысли. Он лишь привычным жестом поправил воротник, который имел у него врожденную способность съезжать в сторону, и подтвердил:

— Вы, пожалуй, правы, Мэрс, я всегда вспоминаю с удивлением те сооружения, которые они воздвигали, располагая при этом столь примитивной техникой, что их методы постройки для нас остаются загадочными.

Не обратив внимания на мой недоуменный возглас, Дасар повернулся к Мэрсу и спросил:

— Скажите, мазор, когда вы собираетесь покинуть нас? Только не подумайте, пожалуйста, что я хочу ускорить ваш уход, как раз наоборот!

— Нет, отчего же. Именно сегодня я хотел сообщить вам, что завтра собираюсь обратно на «Эльприс».

— Эе-е, — протянул биолог. — А что, собственно, торопит вас? Кора нет, а я вовсе не склонен выполнять тот ненужный приказ. Оставайтесь, до прибытия корабля еще много времени.

— Своим присутствием здесь я могу навлечь на вас неприятности, — возразил Мэрс.

— Ерунда, — вставил я. — Кто об этом узнает? Мы никому не скажем.

Мэрс отрицательно повел плечами:

— Нет, там мои товарищи, и я должен быть с ними.

Биолог усердно начал тереть пальцами крышку стола.

— Мне в голову пришла одна мысль, — сказал он, — и я, признаться, рассчитывал на ваши познания.

Мэрс удивленно взглянул на него и снова сел за стол:

— Интересно, что вы имеете в виду?

Биолог вдруг поднялся с живостью, которой я уже давно в нем не наблюдал, и, подойдя к иллюминатору, настежь распахнул чехол.

— Вот смотрите, — сказал он. — Видите?

От стола, где мы сидели, в иллюминатор были видны только звезды, бесчисленные огоньки звезд. Мы с Мэрсом недоуменно переглянулись. Картина звездного неба не могла быть новой там, где никогда не бывает облаков.

— Идите сюда, — продолжал биолог, — оттуда, вероятно, не видно.

Мы подошли к нему и заглянули в иллюминатор. В бездонной глубине неба неподвижно висел серп Арбинады, льющий на Хрис голубой безжизненный свет.

— Мне все же непонятно, литам Дасар, — сказал, наконец, Мэрс. — Я вижу звезды и чужую планету. За восемь лет, проведенных здесь, это зрелище меня уже утомило. Что вы хотите сказать?

Биолог повернулся к нам, я заметил, что губы у него слегка вздрагивают. Он провел рукой около горла, словно ему не хватало воздуха, и проговорил:

— Вы правы, Мэрс, чужая планета и звезды. Казалось бы, что здесь особенного. Но чужая планета — это целый мир, необычайный и неповторимый, разве вы не думали об этом, Мэрс?

— Думал, конечно, за восемь лет я о многом передумал, и об этом тоже.

— И вы не хотели бы дать знать о себе этому миру?

— Дать знать о себе? Каким образом? И разве вы уже не дали о себе знать, спустившись на него? Потеряв там своих товарищей? Этот мир равнодушен к нам. Зачем мы ему?

— Сейчас да. Сейчас он равнодушен даже к самому себе. Но пройдет время, и на нем возникнет новое человечество. Тогда пытливый ум людей будет искать в просторах вселенной себе подобных, и неужели вам, Мэрс, и вам, Антор, не хотелось бы напомнить им о нашем существовании, сказать им, что мы думали о них? Мы ждали их, верили в них!

Я хотел ответить, но в горле словно застрял какой-то комок, и Мэрс опередил меня:

— Так вы думаете, литам Дасар, что там будут люди?

— Будут. Я биолог и верю в возможности жизни. Раз начавшись, она будет развиваться долго и, в конце концов, создаст мыслящее существо. На Арбинаде к этому есть все предпосылки. Сейчас во мне говорит ученый, а не мечтатель. Я был там и верю в это.

Мэрс усмехнулся:

— Когда же, вы думаете, там появится человек?

— Это трудно сказать. Может быть, через несколько миллионов лет, а может быть, для этого потребуются десятки и даже сотни миллионов лет. Все зависит от того, как быстро там будут меняться жизненные условия. Церекс опередил Арбинаду в этом отношении только потому, что, находясь дальше от Солнца и будучи меньше размерами, он чаще менял свои геологические и климатические условия. Эволюции там было просто некогда нежиться и тратить силы на создание боковых ветвей. Эти ветви беспрерывно растущего дерева жизни безжалостно обрубались суровой действительностью, и дерево тянулось вверх, только вверх, гонимое извечными законами жизни и смерти. Вот почему, мне кажется, церексианское человечество возникло раньше арбинадского. По этой же причине на Церексе значительно меньшее разнообразие форм жизни. Посетив Арбинаду, я был просто поражен необычайной фантазией природы, когда ей дают развернуться!

Биолог говорил возбужденно, от его обычной медлительности и уравновешенности не осталось и следа. Я снова видел его таким, каким он был там, на Арбинаде.

— Миллионы лет, — задумчиво пробормотал Мэрс и, возвысив голос, сказал: — Не понимаю вас, литам Дасар!

— Чего вы не понимаете?

— Не понимаю, как вы думаете обратиться к тем, кто придет через миллионы лет! Это же непостижимая бездна времени. Но, предположим, мы найдем какой-то способ это сделать, тогда почему вы думаете, что сделать это должны мы, а не те, кто сменит нас на Церексе или здесь, те, кто будет больше знать, больше уметь, чья рука, протянутая через миллионы лет другому человечеству, окажется более сильной и более дружественной. Подумайте, Дасар! Мы же варвары, мы еще убиваем друг друга и вместе с тем тянем руки к другому человечеству! Можно ли протягивать грязные руки, Дасар?

Мэрс произнес это так убежденно, что я невольно посмотрел на свои руки. Перехватив мой взгляд, биолог улыбнулся, но тут же неожиданно вспылил.

— Хватит, Мэрс! — крикнул он. — Не хотите ли вы сказать, что у меня грязные руки? Всю свою жизнь я работал для людей, добывая им крупицы знаний. А вы? За что страдаете вы? Думаете, я не знаю, почему вы здесь? — Биолог разошелся не на шутку, ожесточенно наступая на Мэрса. — На руках человечества не грязь, а мозоли, вся наша история — это труд, борьба, не мне вам это объяснять, Мэрс!

— Стойте! — воскликнул я. — Успокойтесь, обсудим спокойно.

— Хорошо, обсудим, — сказал Мэрс и, приняв любимую позу, выставил свои острые локти. — Все наши споры — чистая риторика, мы все равно не можем обратиться к этим грядущим людям.

— Подумаем, — ответил биолог, умеряя свой пыл и усаживаясь напротив Мэрса, — отодвинем пока моральные соображения на второй план и рассмотрим лишь техническую сторону. Мне кажется, здесь нет ничего невозможного. Об этом я уже не раз думал. Антор, садитесь тоже, мне неудобно смотреть на вас, задирая вверх голову.

Я отодвинул стул и уселся за стол. Биолог между тем, выпив воды, продолжал:

— Миллионы лет — срок, конечно, страшный, но... — он сделал паузу, — мы же собираемся направить послание в будущее, а не в прошлое, так что здесь нет принципиальных затруднений!

— От этого нам не легче, — заметил я.

— Нет, легче! И неизмеримо легче! Спор сразу перестает быть риторическим, как тут выразился Мэрс, и появляется почва для обсуждения. Это главное. Вы согласны со мной?

— Ну, в этом смысле... — неопределенно ответил Мэрс, — можно считать — согласен. Однако подумайте, миллионы лет!

— Думал! — отрезал биолог. — Представьте себе, думал! Я позволю задать вам несколько вопросов, не возражаете?

Мэрс равнодушно качнулся на стуле, показывая, что против вопросов он не возражает, хотя и считает их бессмысленными. Я устроился поудобнее, приготовившись к очередному поединку моих товарищей.

— Итак, — Дасар встал со своего места и навис над Мэрсом,— прежде чем рассуждать о том, много или мало несколько миллионов лет, спросим себя, что такое время и как мы его измеряем.

В глазах Мэрса появился какой-то огонек, словно загорелась индикаторная лампочка, свидетельствующая о пробуждении интереса.

— Я слушаю вас, продолжайте, если не ошибаюсь, вы из стоячего болота риторики хотите перебраться в бурное русло философии. Только осторожнее, здесь есть подводные камни.

— Благодарю за предупреждение, — биолог, следуя традиционным правилам вежливости, прикоснулся левой рукой к правому плечу, — но я буду плавать на поверхности явлений, и подводные камни мне не страшны. Спрашиваю снова, что же такое время и как мы его измеряем?

— Время — это...— начал было Мэрс, но Дасар перебил его:

— Э-ээ... не надо! Знаю, что вы скажете. Позвольте мне самому и ответить. Время, на мой взгляд, это количественное выражение происшедших изменений, а не какой-то там вид пространства или еще что-то — словом, время не есть самостоятельная физическая категория, в чем вы хотели меня убедить. Если имеются изменения, тогда, и только тогда, можно говорить о времени, как выражении этих изменений. Например, я старше вас, Антор, не потому, что родился, когда вас еще не было,

а потому, что в моем организме изменений накопилось больше, чем в вашем! Вы поняли мою мысль?

Биолог в упор смотрел на меня, но, не получив ответа, снова повернулся к Мэрсу:

— Так что вы скажете?

Тот неожиданно рассмеялся:

— Вы, литам Дасар, вопреки обещаниям, поплыли отнюдь не по поверхности, а опустились на некоторую глубину, и подводные камни, о которых я говорил, подстерегают вас. Но сейчас, принимая пока ваши рассуждения, хочу спросить, какой же практический вывод из всего этого, применительно к проблеме, которую мы начали обсуждать?

— Самый непосредственный.

— Может быть, вы скажете более определенно?

— Охотно.

— Так мы слушаем вас, — сказал Мэрс.

Биолог обошел вокруг стола и уселся напротив нас.

— Здесь, на Хрисе, вы это, Мэрс, отлично знаете, так как занимались соответствующими исследованиями, не происходит почти никаких изменений. Этот мир словно застыл, и время для него остановилось. На Арбинаде возникнут и исчезнут горы, материки, моря. По длиннейшей лестнице эволюции живые существа будут неутомимо карабкаться вверх до уровня человека, а здесь все останется почти таким же, как мы это видим сейчас. И для нашего послания, адресованного тем, кто придет сюда после нас, не страшны миллионы лет, которые вас так пугают. Надеюсь, я высказался ясно?

Мэрс утвердительно качнулся вперед:

— Вполне. С этого можно было начать сразу, не вдаваясь в рассуждения о сущности времени.

— Может быть, но вы страшились миллионов столетий, мне хотелось показать вам, что сами по себе годы ничего не значат, кроме пустой арифметики. С таким же успехом, как о миллионах лет, вы могли говорить о миллионах звезд, окружающих нас, и по этой причине считать мое предложение бессмысленным, риторическим, позволю себе напомнить ваше определение.

— Значит, вы предлагаете, — сказал я, — оставить где-нибудь на Хрисе нечто вроде посылки будущим арбинадцам в надежде на то, что со временем они придут сюда и найдут это послание?

— Совершенно точно. Арбинада — это их дом, а Хрис — порог этого дома, балкон, так сказать, на который они рано или поздно выйдут подышать свежим воздухом космоса. Нужно лишь положить наше послание в такое место, которое привлечет внимание будущих хозяев, и в этом вопросе я полагаюсь на Мэрса и его товарищей — они лучше знают Хрис, чем мы с вами, Антор. Вы все еще против, Мэрс?

— Нет, почему же? — ответил он. — Но такой взгляд в будущее, эта вера в грядущих людей и наш примитивный способ общения с ними отдают каким-то пессимизмом. Вам это не кажется, Дасар?

— В чем именно вы усмотрели пессимизм?

— Да во всей этой идее.

— Не понимаю, — заметил я, — мне казалось очень заманчивым послать наш привет будущему человечеству.

— Видите ли, — медленно проговорил Мэрс, — на мой взгляд, питать такую горячую веру в грядущее человечества соседней планеты — это значит потерять веру в собственное человечество. Вдумайтесь сами, вот нас здесь трое случайных представителей церексианцев, и мы от лица миллионов других людей, не спрашивая их мнения, хотим обратиться к другим, мыслящим существам. Почему мы должны действовать в одиночку? Разве нельзя это сделать более организованно, в больших масштабах, с большими шансами на успех? Или вы, Дасар, вы, Антор, не верите в своих соотечественников? Почему вы берете на себя эту миссию?

— Я ждал этого вопроса, Мэрс,— сказал Дасар, расстегивая свою куртку, словно ему было жарко, и отвечу вам. Позвольте мне сражаться вашим же оружием. Да, я не верю, что наше человечество в данный момент пойдет на это. Не люди Церекса, а те, кто стоит над ними. Ведь они не хотят даже подумать о судьбе своего народа, какое им дело до грядущего Арбинады! И вы это отлично знаете, Мэрс!

— Знаю, потому и говорю. Но до появления арбинадцев пройдут еще миллионы лет. Может быть, мы спешим, Дасар? А? Ведь еще есть время, на Церексе не всегда будут господствовать те, кому все безразлично, кроме собственной шкуры. И потом, — голос Мэрса зазвенел, — позвольте спросить, Дасар, какую же судьбу

вы предрекаете нам, церексианцам, в будущем? Куда мы денемся? Что станет с нашим человечеством? Почему вы не допускаете, что мы через миллионы лет не войдем в непосредственный контакт с арбинадцами? Да и появятся ли они? Ведь впереди у нас миллионы лет, я все же повторяю, миллионы! За это время, под нашим воздействием, весь ход эволюции на Арбинаде может измениться и пойдет не естественным путем, а как-то иначе, и человек там никогда не появится. Может быть, мы заселим Арбинаду и сделаем ее своей второй родиной?! Что ограничивает наши возможности?

— Ну нет! — воскликнул я. — Жить на Арбинаде, брр, одна тяжесть чего стоит! Скорее мы заселим Хрис!

— Мы его и так уже заселили, — печально улыбнулся Мэрс. — Так что же вы молчите, Дасар?

Биолог откинулся на спинку кресла и пристально посмотрел на нас. Машинально застегнув свою куртку наглухо, так что ворот сдавил ему шею, он произнес с расстановкой:

— Э-э, вы считаете меня пессимистом, я значит не верю в человечество. — Дасар резко встал. — Чу-дес-но! Вы, Мэрс, будете жить вечно?

— Что за ерунда, литам...

— Нет, постойте! Вы с надеждой глядите вперед, имея в виду не самого себя, а грядущие поколения, — и вы оптимист, а я пессимист, — потому что верю в грядущее нового человечества! Где логика? В мире нет ничего вечного, Мэрс, одно сменяет другое — это закон природы! Человечество возникло, и оно исчезнет, рано или поздно, с тем чтобы возникнуть снова в другом месте и в другое время. Мы еще не постигли этих законов и не знаем, почему и когда это случится, но так будет. Правда, человеческое общество — это особая категория. Во многом мы держим собственную судьбу в своих руках. В этом наша сила и наша слабость. Да, Мэрс! И слабость тоже! Наш разум, наши эмоции в какой-то момент могут не удержать нас, и тогда, возможно, свершится непоправимое. Так, к сожалению, было на Церексе!

— Что было на Церексе? Война?!

— Да, война! Когда одна часть обезумевших и алчных людей бросилась на другую не менее безумную и алчную, втянув в круговорот событий все человечество,

Разум оказался слабее рук, сжимавших оружие, силу и значение которого люди еще не понимали. Вы забыли об этом, Мэрс?

— Нет не забыл. Но это было двадцать десятилетий назад, и человечество существует. Оно об этом никогда не забудет, и вряд ли это повторится.

Дасар шумно вздохнул:

— К сожалению, достаточно того, что уже было. Я биолог, Мэрс, и человечество для меня в некотором смысле те три десятка миллиграмм наследственного вещества, которые заключают всю предшествующую эволюцию и последующие поколения. Подумайте, тридцать миллиграм — и это все люди, все их будущее, все их надежды! В минувшей войне были уничтожены почти все памятники древнейшей человеческой культуры — это преступно; погибли миллионы людей — это ужасно; но тогда же был нанесен значительный ущерб ничтожным миллиграммам человеческой субстанции — и это чудовищно! Прошло двадцать десятилетий, планета отстроилась, родились новые люди, но человечество несет в себе проклятие прошлой войны! Мы больны, Мэрс, все как один, и самое страшное — то, что этот факт тщательно скрывают. Вы не знаете многого из того, что, в силу своей профессии, знаю я. Нужно принимать самые решительные меры уже сейчас, чтобы спасти человечество, но при нынешних взаимоотношениях между людьми сделать это невозможно. Нам нужно бороться за свою судьбу самым настойчивым образом, и я не знаю, хватит ли у нас времени и сил выйти победителями из этой борьбы. Не забывайте, природа, создавая человека, ставила эксперименты в невиданных масштабах, она трудилась миллионы лет, правда действуя вслепую. Мы работаем сознательно, но у нас нет тех миллионов лет, на которые вы уповаете!

Биолог подошел к столу и дрожащими от волнения руками налил себе воды и начал пить. В наступившей тишине мы слышали, как булькало у него в горле. Потом он сел и устало посмотрел на нас:

— Так что скажете вы, Мэрс, и вы, Антор?

Мы молчали, подавленные тем, что услышали от Дасара. Наконец Мэрс спросил:

— И это действительно столь серьезно, как вы говорите?

— Увы, это так, — кивнул утвердительно биолог. — Два столетия процесс шел скрыто, исподволь, незаметно, и даже многие ученые успокоились, решив, что самое страшное позади. Но последние тридцать лет вдруг все всплыло наружу. Кривая статистики неумолимо поползла вверх, и мы забеспокоились. Мы обратились в правительство, нам предложили молчать. Молчать было невозможно. Мы писали, но нас не печатали. Мы протестовали, и тогда с нами начали расправляться. Многие заколебались и прекратили борьбу, но не все, Мэрс, не все! Я не пессимист, как вы меня здесь охарактеризовали, я все же верю и в свое человечество!

Биолог перевел дух и кивнул головой в сторону иллюминатора:

— Сейчас мы начали говорить о них. Так убедил я вас, Мэрс? В конце концов, что мы теряем? Если когда-нибудь это будет сделано более организованно — тем лучше. Но это будет не так скоро, может быть, в другую эпоху. А им не менее интересна будет и наша эпоха, эпоха борьбы и тревог, эпоха сомнений и несправедливости. Пусть она послужит им предостережением! Вы слышите, Мэрс? Пусть они знают, что мы думали не только о себе. Так вы согласны?

Мэрс поднялся во весь свой большой рост.

— Согласен, — просто сказал он.

— А вы, Антор, поддержите нас?

— Я сделаю все, чтобы помочь вам.

Мы подошли к иллюминатору. Из черной бездны на нас смотрел голубой серп Арбинады, далекой родины нового человечества.

●

Сразу появилась масса дел. Я уже давно не писал здесь — было просто некогда, и если сегодня перелистал снова эти страницы, то лишь потому, что о моих записях недавно возник разговор... но об этом позднее.

Последнее время мы работали не покладая рук и почти подготовили наше послание арбинадцам. Остались мелочи, и через два-три дня оно будет отправлено в далекое будущее, то есть, попросту говоря, положено в специальную камеру, подготовленную в грунте Хриса. Это довольно далеко отсюда, километрах в семидесяти,

не меньше. Место указал Рииль — геолог хрисской станции. По его данным, там имеются богатейшие залежи вольфрама, и они рано или поздно привлекут внимание будущих хозяев. Камера маленькая, только-только чтобы поместился наш сейф, но вырезана она в твердейшем монолите каменной плиты и заглублена почти на пять метров от поверхности Хриса.

Я представляю себе, как будут течь века, как в бесконечном беге вокруг Солнца будут мчаться планеты, как медленно начнет меняться рисунок звезд, а наш сейф, укрытый в толще породы, будет лежать и ждать, терпеливо ждать прихода людей из другого мира. Когда это произойдет? Какими будут эти люди? Никто из нас этого не знает. Но мы часто говорим о них, то спокойно и рассудительно, то исступленно споря или благодушно подшучивая друг над другом. Мне думается, они будут такие же, как мы, только повыше ростом, только сильнее, только... я не знаю, чем еще они будут отличаться от нас, но верю, они будут добрее и счастливее. Почему так? Моя ли это наивная мечта или, может быть, скрытая в глубине каждого из нас подсознательная надежда на будущее, которое всегда прекраснее прошлого, а мы — это прошлое человечества. Увы, о грядущем приятно размышлять, но думать о нем грустно, потому что для нас оно существует только в воображении.

В помещениях корабля теперь шумно. Давно уже не было так шумно. Население хрисской станции снова пришло сюда, и каждый вкладывает в послание арбинадцам все свое умение, все свои знания и всю свою любовь к людям. Приходится очень много работать. Я совсем не ожидал, что это выльется в такой труд, мне все казалось проще. Сколько мы спорили о том, что именно отправить в будущее. И сразу же возник вопрос — как все подготовить, чтобы наше послание оказалось по возможности более понятным. Мы отобрали массу фотографий. На них есть всё: и эпизоды нашей экспедиции на Арбинаду, и портреты людей (в том числе мой, биолог почему-то решил, что у меня очень характерный тип лица), и картины из жизни на Церексе, наши лаборатории, космические спутники, заводы. Мы поместили фотокопии лучших произведений искусства, которые, по счастью, оказались у Рииля, и даже не забыли изображений животных Церекса и Арбинады, на чем упорно на-

стаивал Дасар. Фотографии пришлось переработать в механические оттиски, поскольку кем-то было высказано опасение, что в обычном виде они не выдержат испытания временем. Изобретательный Лех нашел способ сделать эти оттиски цветными, и сейчас они не уступают по выразительности оригиналам.

Много трудностей пришлось преодолеть, чтобы донести до арбинадцев нашу речь, нашу музыку. Обычные способы звукозаписи здесь вряд ли годятся. Никто не верит, что магнитные и электростатические поля удержатся в материалах на протяжении миллионов лет, и мы были уже готовы отказаться от мысли передать арбинадцам наши голоса, как Мэрс вспомнил, что когда-то звук записывали тоже механически, на специальные пластинки, и мы изготовили эти пластинки! Запись получилась вполне сносная, во всяком случае, за неимением лучшего, мы были вполне ею удовлетворены.

Послание теперь почти собрано. В нем недостает только одного — описания нашей собственной жизни. К сожалению, у нас не оказалось ни одной книги, рисующей действительность нашего времени. Книги, бывшие на хрисской станции, погибли в потоках лавы, а на корабле оказались только всевозможные справочники.

И вот два дня назад при очередном обсуждении этой проблемы, посмотрев в мою сторону, Мэрс сказал:

— Мне кажется, у нас есть один выход.

— Какой же? — удивился Дасар. — Не предлагаете ли вы описать все самим?

— Вы почти угадали, — Мэрс усмехнулся, — только писать не нужно, уже написано.

— Кем написано?

— А вот им, — он указал на меня.

На лбу Дасара от удивления собралась складками кожа. Лех и Рииль, стоящие тут же, вопросительно посмотрели на меня.

— Вы не уничтожили свои записи?—спросил Мэрс.— Помните, я вам советовал.

— Не-ет еще, — протянул я, чувствуя, как кровь приливает к моему лицу.

— Какие записи? — спросил Рииль.

— Антор, к счастью, догадался вести дневник, куда, я думаю, попали не только мысли, но и описания того,

с чем он сталкивался в своей жизни. Я прав, Ан? Ну смелее, если хотите, мы их читать не будем, но пусть прочтут арбинадцы. Так что вы скажете?

Я растерянно смотрел на обступивших меня товарищей:

— Да что вы, Мэрс! Литам Дасар, Рииль... Там же ничего интересного... Просто моя жизнь с момента подготовки этой экспедиции... Разве их может заинтересовать такое?

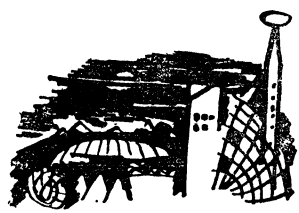
— А почему нет? Откуда вы знаете, что может их заинтересовать? Мне кажется, им будет интересно все. Надеюсь, вы писали правду, без прикрас?

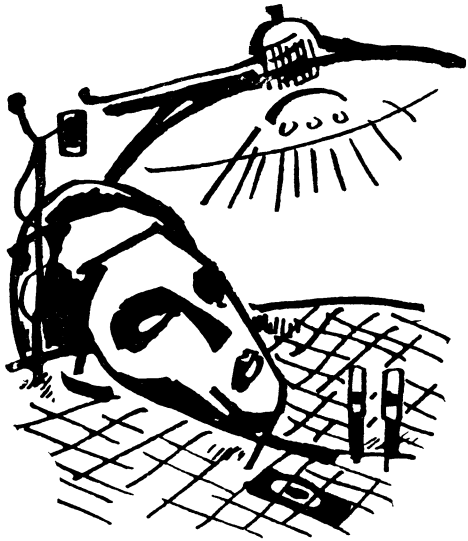
— Правду.

— Для них она важнее всего. Решайте, Антор.

И вот я решаю. Решаю второй день и не могу решиться. Трудно давать на суд чужим людям то, что предназначалось только для себя. Правда, Мэрс сказал, что я могу добавить некоторые разъяснения, но биолог махнул рукой.

— Зачем? — воскликнул он. — Это мы отсылаем людям. Понимаете, людям! А они всё поймут сами.

ИЛЬЯ ВАРШАВСКИЙ

ТРЕВОЖНЫХ СИМПТОМОВ НЕТ

1

— Не нравятся мне его почки, — сказал Крепс.

Леруа взглянул на экран:

— Почки как почки. Бывают хуже. Впрочем, кажется, регенерированные. Что с ними делали прошлый раз?

— Сейчас проверю. — Крепс набрал шифр на диске автомата.

Леруа откинулся на спинку кресла и что-то пробормотал сквозь зубы.

— Что вы сказали? — переспросил Крепс.

— Шесть часов. Пора снимать наркоз.

— А что будем делать с почками?

— Вы получили информацию?

— Получил. Вот она. Полное восстановление лоханок.

— Дайте сюда.

Крепс знал манеру шефа не торопиться с ответом и терпеливо ждал.

Леруа отложил пленку в сторону и недовольно поморщился:

— Придется регенерировать. Заодно задайте программу на генетическое исправление.

— Вы думаете, что?..

— Безусловно. Иначе за пятьдесят лет они не пришли бы в такое состояние.

Крепс сел за перфоратор. Леруа молчал, постукивая карандашом о край стола.

— Температура ванны повысилась на три десятых градуса, — сказала сестра.

— Дайте глубокое охлаждение до... — Леруа запнулся. — Подождите немного. Ну, что у вас с программой? — обратился он к Крепсу.

Контрольный вариант в машине. Сходимость девяносто три процента.

— Ладно, рискнем. Глубокое охлаждение на двадцать минут. Вы поняли меня? На двадцать минут глубокое охлаждение. Градиент — полградуса в минуту.

— Поняла, — ответила сестра.

— Не люблю я возиться с наследственностью, — сказал Леруа. — Никогда не знаешь толком, чем это все кончится.

Крепс повернулся к шефу:

— А по-моему, вообще все это мерзко. Особенно инверсия памяти. Вот бы никогда не согласился.

— А вам никто и не предложит.

— Еще бы! Создали касту бессмертных, вот и танцуете перед ними на задних лапках.

Леруа устало закрыл глаза.

— Вы для меня загадка, Крепс, извечная загадка сфинкса. Порою я вас просто боюсь.

— Что же во мне такого страшного?

— Ограниченность.

— Благодарю вас.

— Минус шесть, — сказала сестра.

— Достаточно. Переключайте на регенерацию.

Фиолетовые блики вспыхнули на потолке операционного зала.

— Обратную связь подайте на матрицу контрольного варианта программы.

— Хорошо, — ответил Крепс.

— Наследственное предрасположение, — пробормотал Леруа. — Не люблю возиться с такими вещами.

— Я тоже, — сказал Крепс. — Вообще все это мне не по нутру. Кому это нужно?

— Скажите, Крепс, вам знаком такой термин, как борьба за существование?

— Знаком. Учил в детстве.

— Это совсем не то, что я имел в виду, — перебил Леруа. — Я говорю о борьбе за существование целого биологического вида, именуемого Хомо Сапиенс.

— И для этого нужно реставрировать монстров столетней давности?

— До чего же вы все-таки тупы, Крепс! Сколько вам лет?

— Тридцать.

— А сколько лет вы работаете физиологом?

— Пять.

— А до этого?

Крепс пожал плечами:

— Вы же знаете не хуже меня.

— Учились?

— Учился.

— Итак, двадцать пять лет — насмарку. Но ведь вам, для того чтобы что-то собой представлять, нужно к тому же стать математиком, кибернетиком, биохимиком, биофизиком, короче говоря, пройти еще четыре университетских курса. Прикиньте-ка, сколько вам тогда будет лет. А сколько времени понадобится на приобретение того, что скромно именуется опытом, а по существу представляет собой проверенную жизнью способность к настоящему научному мышлению?

Лицо Крепса покрылось красными пятнами.

— Так вы считаете?..

— Я ничего не считаю. Как помощник, вы меня вполне устраиваете, но помощник сам по себе мало стоит. В науке нужны руководители, исполнители всегда найдутся. Обстановочка-то усложняется. Чем дальше, тем больше проблем, проблем остреньких, не тер-

пящих отлагательства, проблем, от которых, может быть, зависит само существование рода человеческого. А жизнь не ждет. Она все время подстегивает: работай, работай, с каждым годом работай все больше, все интенсивнее, все продуктивнее, иначе застой, иначе деградация, а деградация — это смерть.

— Боитесь проиграть соревнование? — спросил Крепс.

Насмешливая улыбка чуть тронула тонкие губы Леруа:

— Неужели вы думаете, Крепс, что меня волнует, какая из социальных систем восторжествует в этом лучшем из миров? Как всякий честный наемник, я просто верен знаменам, под которыми сражаюсь.

— Тогда говорите о судьбе Даномаги, а не всего человечества и признайтесь заодно, что...

— Довольно, Крепс! Я не хочу выслушивать заношенные сентенции. Лучше скажите, почему, когда мы восстанавливаем человеку сердечную мышцу, регенерируем печень, омолаживаем организм, то все в восторге: это человечно, это гуманно, это величайшая победа разума над силами природы. Но стоит нам забраться чуточку поглубже, как типчики вроде вас поднимают визг: ах! ученому инверсировали память, ах! кощунственные операции, ах!.. Не забывайте, что наши опыты стоят уйму денег. Мы должны выпускать отсюда по-настоящему работоспособных ученых, а не омоложенных старичков, выживших из ума.

— Ладно, — сказал Крепс, — может быть, вы и правы. Не так страшен черт.

— Особенно когда можно дать ему мозг ангела, — усмехнулся Леруа.

Раздался звонок таймера.

— Двадцать минут, — бесстрастно сказала сестра.

Крепс подошел к машине:

— На матрице контрольной программы нули.

— Отлично! Отключайте генераторы. Подъем температуры — градус в минуту. Пора снимать наркоз.

2

Огромный ласковый мир вновь рождался из недр небытия. Он был во всем: в приятно холодящем тело регенерационном растворе, в тихом пении трансформа-

торов, в горячей пульсации крови, в запахе озона, в матовом свете ламп. Окружающий мир властно вторгался в просыпающееся тело, великолепный, привычный и вечно новый мир.

Кларенс поднял голову. Две черные фигуры в длинных, до пят, антисептических халатах стояли, склонившись над ванной.

— Ну, как дела, Кларенс? — спросил Леруа.

Кларенс потянулся:

— Восхитительно! Как будто снова родился на свет.

— Так оно и есть, — пробормотал Крепс.

Леруа улыбнулся:

— Не терпится попрыгать?

— Черт знает, какой прилив сил! Готов горы ворочать.

— Успеете. — Лицо Леруа стало серьезным. — А сейчас — под душ и на инверсию.

... Кто сказал, что здоровый человек не чувствует свое тело? Ерунда! Нет большего наслаждения, чем ощущать биение собственного сердца, трепет диафрагмы, ласковое прикосновение воздуха к трахеям при каждом вдохе. Вот так, каждой клеточкой молодой упругой кожи отражать удары бьющей из душа воды и слегка пофыркивать, как мотор, работающий на холостом ходу, мотор, в котором огромный неиспользованный резерв мощности. Черт побери, до чего это здорово! Все-таки за пятьдесят лет техника сделала невероятный рывок. Разве можно сравнить прошлую регенерацию с этой? Тогда, в общем, его просто подлатали, а сейчас... Ух, как хорошо! То, что они сделали с Эльзой, — просто чудо. Только зря она отказалась от инверсии. Женщины всегда живут прошлым, хранят воспоминания, как сувениры. Для чего тащить с собой этот ненужный балласт! Вся жизнь в будущем. Каста бессмертных, неплохо придумано. Интересно, что будет после инверсии? Откровенно говоря, последнее время мозг уже работал неважно, ни одной статьи за этот год. Сто лет — не шутка. Ничего, теперь они убедятся, на что еще способен старина Кларенс. Отличная мысль — явиться к Эльзе в день семидесятипятилетия

свадьбы обновленным не только физически, но и духовно...

— Хватит, Кларенс. Леруа вас ждет в кабинете инверсии, одевайтесь! — Крепс протянул Кларенсу толстый мохнатый халат.

3

Вперед, назад, вперед, назад пульсирует ток в колебательном контуре, задан ритм, задан ритм, задан ритм...

Поток электронов срывается с поверхности раскаленной нити и мчится в вакууме, разогнанный электрическим полем. Стоп! На сетку подан отрицательный потенциал. Невообразимо малый промежуток времени, и вновь рвется к аноду нетерпеливый рой. Задан ритм, рождающий в кристалле кварца недоступные уху звуковые колебания, в десятки раз тоньше комариного писка.

Немые волны ультразвука бегут по серебряной проволочке, и металлический клещ впивается в кожу, проходит сквозь черепную коробку. Дальше, дальше, в святая святых, в величайшее чудо природы, именуемое мозгом.

Вот она — таинственная серая масса, зеркало мира, вместилище горя и радости, надежд и разочарований, взлетов и падений, гениальных прозрений и ошибок.

Лежащий в кресле человек глядит в окно. Зеркальные стекла отражают экран с гигантским изображением его мозга. Он видит светящиеся трасы микроскопических электродов и руки Леруа на пульте. Спокойные, уверенные руки ученого. Дальше, дальше, приказывают эти руки, еще пять миллиметров. Осторожно! Здесь сосуд, лучше его обойти!

У Кларенса затекла нога. Он делает движение, чтобы изменить позу.

— Спокойно, Кларенс! — Голос Леруа приглушен. — Еще несколько минут постарайтесь не двигаться. Надеюсь, вы не испытываете никаких неприятных ощущений?

— Нет. — Какие же ощущения, когда он знает, что она совершенно лишена чувствительности, эта серая масса, анализатор всех видов боли.

— Сейчас мы начнем, — говорит Леруа. — Последний электрод.

Теперь начинается главное. Двести электродов подключены к решающему устройству. Отныне человек и машина составляют единое целое.

— Напряжение! — приказывает Леруа. — Ложитесь, Кларенс, как вам удобнее.

Инверсия памяти. Для этого машина должна обшарить все закоулки человеческого мозга, развернуть бесконечной чередой рой воспоминаний, осмыслить подсознательное и решить, что убрать навсегда, а что оставить. Очистка кладовых от старого хлама.

Вспыхивает зеленая лампа на пульте. Ток подан на мозговую кору.

... Маленький мальчик растерянно стоит перед разбитой банкой варенья. Коричневая густая жидкость растекается по ковру...

Стоп! Сейчас комплекс ощущений будет разложен на составляющие и сверен с программой. Что там такое? Страх, растерянность, первое представление о бренности окружающего мира. Убрать. Чуть слышно щелкает реле. В мозг подан импульс тока, и нервное возбуждение перестает циркулировать на этом участке. Увеличена емкость памяти для более важных вещей.

... Ватага школьников выбегает на улицу. Они о чем-то шепчутся. В центре — верзила с рыжей нечесаной копной волос и торчащими ушами. Как трудно делать вид, что совсем не боишься этого сброда. Ноги кажутся сделанными из ваты, тошнота, подступающая к горлу. Хочется бежать. Они всё ближе. Зловещее молчание и оскаленная рожа с оттопыренными ушами. Осталось два шага. Удар по лицу...

Убрать! Щелк, щелк, щелк.

... Берег реки, танцующие поплавки на воде. Черная тень. Нога в стоптанном башмаке. Сброшенные удочки, плывущие по течению. Красный туман перед глазами. Удар кулаком в ненавистную харю, второй, третий. Поверженный, хныкающий враг, размазывающий кровавые сопли по лицу...

Миллисекунды на анализ. Оставить. Уверенность в своих силах, радость победы нужны ученому не меньше, чем боксеру на ринге.

... Отблеск огня на верхушках елей. Разгоряченные вином

и молодостью лица. Сноп искр вылетает из костра, когда в него подбрасывают сучья, треск огня и песня: „Звезда любви на небосклоне". Лицо Эльзы. „Пойдемте, Кларенс, мне хочется тишины". Хруст сухих листьев под ногами. Белое платье на фоне ствола. „Может быть, вы все-таки решитесь поцеловать меня, Кларенс?" Горький запах мха на рассвете. Завтрак в маленьком загородном ресторанчике. Горячее молоко с хрустящими хлебцами. „Теперь это уже навсегда, правда, милый?"

Вспыхивают и гаснут лампочки на пульте. Любовь к женщине — это хорошо. Возбуждает воображение. Остальное убрать. Слишком много нервных связей занимает вся эта ерунда. Щелк, щелк. Все ужато до размера фотографии в семейном альбоме:

...Белое платье на фоне ствола. „Может быть, вы все-таки решитесь поцеловать меня, Кларенс?"

Невидимый луч мечется по ячейкам электронного коммутатора, обнюхивает все тайники человеческой души. Что там еще? Подать напряжение на тридцать вторую пару электродов. Оставить, убрать, оставить, убрать, убрать, убрать, щелк, щелк, щелк.

... Первая лекция. Черный костюм, тщательно отглаженный Эльзой. Упрятанная тревога в голубых глазах. „Ни пуха, ни пера, дорогой". Амфитеатр аудитории. Внимательные, насмешливые лица студентов. Хриплый, чуть срывающийся голос вначале. Введение в теорию функций комплексного переменного. Раскрытый рот юноши в первом ряду. Постепенно стихающий гул. Стук мела о доску. Радостная уверенность, что лекция проходит хорошо. Аплодисменты, поздравления коллег. Как давно это было! Семьдесят лет назад. Двадцатого сентября...

Щелк, щелк. Оставлены только дата и краткий конспект лекции. Дальше, дальше.

... „Посмотри: это наш сын. Правда, он похож на тебя?" Букет роз у изголовья кровати. Он покупал эти розы в магазине у моста. Белокурая продавщица сама их ему отобрала. „Женщины любят хорошие цветы, я уверена, что они ей понравятся".

Щелк, щелк. Долой ненужные воспоминания, загружающие память. Мозг математика должен быть свободен от сентиментальной ерунды.

... Пронзительный звериный крик Эльзы. Сочувственные телеграммы, телефонные звонки, толпа репортеров на

лестнице. „Весь мир гордится подвигом вашего сына". На первых полосах газет — обрамленная черной каймой фотография юноши в мешковатом комбинезоне у трапа ракеты. Притихшая толпа в церкви. Сухопарая фигура священника. „Вечная память покорителям космоса".

Вспыхивают и гаснут лампочки на пульте. Мчатся заряды в линиях задержки памяти, до предела загружены блоки логических цепей. Вновь и вновь сличается полученный результат с программой, и снова — логический анализ.

— Ну, что там случилось? — Взгляд Леруа обращен к пульту. Кажется, машина не может сделать выбор.

— Наконец-то, слава богу! — Леруа облегченно вздыхает, услышав привычный щелчок реле. — Завтра, Крепс, проверьте по магнитной записи, что они там напутали с программой.

Щелк, щелк, щелк. **„Вечная память покорителям космоса".** Щелк. Еще одна ячейка памяти свободна.

Миллионы анализов в минуту. События и даты, лица знакомых, прочитанные книги, обрывки кинофильмов, вкусы и привычки, физические константы, тензоры, операторы, формулы, формулы, формулы. Все это нужно привести в порядок, рассортировать, ненужное исключить.

Щелк, щелк. Мозг математика должен обладать огромной профессиональной памятью. Нужно обеспечить необходимую емкость, по крайней мере, на пятьдесят лет. Кто знает, что там впереди? Долой весь балласт! Щелк, щелк.

Танцуют кривые на экранах осциллографов. Леруа недоволен. Кажется, придется на этом кончить, мозг утомлен.

— Довольно! — командует он Крепсу. — Вызовите санитаров: пусть забирают его в палату.

Крепс нажимает кнопку звонка. Пока санитары возятся с бесчувственным телом, он включает установку.

— Все?

— Все, — отвечает Леруа. — Я устал, как господь бог на шестой день творения. Нужно немного развлечься. Давайте, Крепс, махнем в какое-нибудь кабаре. Вам тоже не повредит небольшая встряска после такой работы.

4

Раз, два, три, левой, левой. Раз, два, три. Отличная вещь ходьба! Вдох, пауза, выдох, пауза. Тук, тук, тук, левое предсердие, правый желудочек, правое предсердие, левый желудочек. Раз, два, три. Левой, левой.

Легким размашистым шагом Кларенс идет по улице. Вдох, пауза, выдох, пауза. Какое разнообразие запахов, оттенков, форм. Обновленный мозг жадно впитывает окружающий мир. Горячая кровь пульсирует в артериях, разбегается по лабиринту сосудов и вновь возвращается на круги свои. Тук, тук, тук. Малый круг, большой круг, правое предсердие, левый желудочек, левое предсердие, правый желудочек, тук, тук, тук. Вдох, пауза, выдох, пауза.

Стоп! Кларенс поражен. На зеленом фоне листвы багровые лепестки, источающие нежный аромат. Он опускается на колени и как зверь обнюхивает куст.

В глазах идущей навстречу девушки — насмешка и невольное восхищение. Он очень красив, этот человек, стоящий на коленях перед цветами.

— Вы что-нибудь потеряли? — спрашивает она, улыбаясь.

— Нет, я просто хочу запомнить запах. Вы не знаете, как называются эти... — Проклятье! Он забыл название. — Эти... растения?

— Цветы, — поправляет она. — Обыкновенные красные розы. Неужели вы никогда их не видели?

— Нет, не приходилось. Спасибо. Теперь я запомнил — «красные розы».

Он поднимается на ноги и, осторожно коснувшись пальцами лепестков, идет дальше.

Раз, два, три, левой, левой.

Девушка с удивлением глядит ему вслед. Чудак, а жаль. Пожалуй, он мог бы быть немного полюбезнее.

«Розы, красные розы», — повторяет он на ходу...

Кларенс распахивает дверь аудитории. Сегодня здесь — семинар. Похожий на старого мопса, Леви стоит у доски, исписанной уравнениями. Он оборачивается и машет Кларенсу рукой, в которой зажат мел. Все взоры обращены к Кларенсу. В дверях толпятся

студенты. Они пришли сюда, конечно, не из-за Леви. Герой дня Кларенс, представитель касты бессмертных.

— Прошу извинить за опоздание, — говорит он, садясь на свое место. — Пожалуйста, продолжайте.

Быстрым взглядом он окидывает доску. Так, так. Кажется старик взялся за доказательство теоремы Лангрена. Занятно.

Леви переходит ко второй доске.

Кларенс не замечает устремленных на него глаз. Он что-то прикидывает в уме. Сейчас он напряжен, как скаковая лошадь перед стартом.

«Есть! Впрочем, подождать, не торопиться, проверить еще раз. Так, отлично!»

— Довольно!

Леви недоуменно оборачивается:

— Вы что-то сказали, Кларенс?

На губах Кларенса ослепительная, беспощадная улыбка.

— Я сказал, довольно. Во втором члене — нераскрытая неопределенность. При решении в частных производных ваше уравнение превращается в тождество.

Он подходит к доске, небрежно стирает все написанное Леви, выписывает несколько строчек и размашисто подчеркивает результат.

Лицо Леви становится похожим на печеное яблоко, которое поздно вынули из духовки. Несколько минут он смотрит на доску.

— Спасибо, Кларенс... Я подумаю, что здесь можно сделать.

Сейчас Кларенс нанесет решающий удар. Настороженная тишина в аудитории.

— Самое лучшее, что вы можете сделать, это не браться за работу, которая вам не под силу.

Нокаут.

...Он снова идет по улице. Раз, два, три, левой, левой, вдох, пауза, выдох, пауза. **Поверженный, хныкающий враг, размазывающий кровавые сопли по лицу. Печеное яблоко, которое слишком поздно вынули из духовки.** Уверенность в своих силах и радость победы нужны ученому не меньше, чем боксеру на ринге.

Раз, два, три, вдох, пауза, выдох, пауза, раз, два, три, левой, левой.

5

— Олаф!

В дверях — сияющая блистательная Эльза. До чего она хороша — юная Афродита, рожденная в растворе регенерационной ванны.

...Белое платье на фоне ствола. „Может быть, вы все-таки решитесь поцеловать меня, Кларенс?“

— Здравствуй, дорогая. — Это совсем другой поцелуй, чем те, которыми обычно обмениваются супруги в день бриллиантовой свадьбы.

— А ну, покажись. Ты великолепно выглядишь. Не пришлось бы мне нанимать телохранителей для защиты тебя от студенток.

— Чепуха, имея такую жену...

— Пусти, ты мне растреплешь прическу.

Он идет по комнатам, перебирает книги в шкафу, рассматривает безделушки на Эльзином столике, с любопытством оглядывает мебель, стены. Все это так привычно и вместе с тем так незнакомо. Как будто видел когда-то во сне.

— Новое увлечение? — спрашивает он, глядя на фотографию юноши в мешковатом комбинезоне, стоящего у трапа ракеты.

В глазах Эльзы ужас:

— Олаф! Что ты говоришь?!

Кларенс пожимает плечами:

— Я не из тех, кто ревнует жен к их знакомым, но посуди сама, что манера вешать над кроватью фотографии своих кавалеров может кому угодно показаться странной. И почему ты так на меня глядишь?

— Потому что... потому что это Генри... наш сын... Боже! Неужели ты ничего не помнишь?!

— Я все великолепно помню, но у нас никогда не было детей. Если ты хочешь, чтобы фотография все-таки красовалась здесь, то можно придумать что-нибудь более остроумное.

— О господи!!

— Не надо, милая. — Кларенс склонился над рыдающей женой. — Ладно, пусть висит, если тебе это нравится.

— Уйди! Ради бога уйди сейчас, Олаф. Дай мне побыть одной, очень тебя прошу, уйди!

— Хорошо. Я буду в кабинете. Когда ты успокоишься, позови меня...

... События и даты, лица знакомых, прочитанные книги, обрывки кинофильмов, физические константы, тензоры, операторы, формулы, формулы. Белое платье на фоне ствола. „Может быть, вы все-таки решитесь поцеловать меня, Кларенс?“ Красные розы, теорема Лангрена, печеное яблоко, которое слишком поздно вынули из духовки, радость победы...

Нет, он решительно не понимает, что это взбрело в голову Эльзе...

Празднично накрытый стол. Рядом с бутылкой старого вина — свадебный пирог. Два голубка из крема держат в клювах цифру 75.

— Посмотри, что я приготовила. Этому вину тоже семьдесят пять лет.

Слава богу, кажется, Эльза успокоилась. Но почему семьдесят пять?

— Очень мило, хотя и не вполне точно. Мне не семьдесят пять лет, а сто, да и тебе, насколько я помню, тоже.

Опять этот странный, встревоженный взгляд.

Он отрезает большой кусок пирога и наливает в бокалы вино.

— За бессмертие!

Они чокаются.

— Мне бы хотелось, — говорит Кларенс, пережевывая пирог, — чтобы ты в этом году обязательно прошла инверсию. У тебя перегружен мозг. Поэтому ты выдумываешь несуществовавшие события, путаешь даты, излишне нервозна. Хочешь, я завтра позвоню Леруа? Это такая пустяковая операция.

— Олаф, — глаза Эльзы умоляют, ждут, приказывают, — сегодня двадцать третье августа, неужели ты не помнишь, что произошло семьдесят пять лет назад в этот день?

... События и даты, лица знакомых, тензоры, операторы, формулы, формулы, формулы...

— Двадцать третьего августа? Кажется, в этот день я сдал последний экзамен. Ну конечно! Экзамен у Эльгарта, три вопроса, первый...

— Перестань!!

Эльза выбегает из комнаты, прижав платок к глазам.

«Да... — Кларенс налил себе еще вина. — Бедная Эльза! Во что бы то ни стало нужно завтра отвезти ее к Леруа».

Когда Кларенс вошел в спальню, Эльза уже была в постели.

— Успокойся, дорогая. Право, из-за всего этого не стоило плакать. — Он обнял вздрагивающие плечи жены.

— Олаф, Олаф, что они с тобой сделали?! Ты весь какой-то чужой, не настоящий! Зачем ты на это согласился?! Ты ведь все, все забыл!

— Ты просто переутомилась. Не нужно было отказываться от инверсии. У тебя перегружен мозг, ведь сто лет — это не шутка.

— Я тебя боюсь, такого...

... „Может быть, вы все-таки решитесь поцеловать меня, Кларенс?“...

6

Зловещее дыхание беды отравляло запах роз, путало стройные ряды уравнений. Беда входила в сон, неслышно ступая мягкими лапами. Она была где-то совсем близко. Не открывая глаз, Кларенс положил руку на плечо жены:

— Эльза!

Он пытался открыть застывшие веки, отогреть своим дыханием безжизненное лицо статуи, вырвать из окостеневших пальцев маленький флакон.

— Эльза!!

Никто не может пробудить к жизни камень.

Кларенс рванул трубку телефона...

— Отравление морфием, — сказал врач, надевая пальто. — Смерть наступила около трех часов назад. Свидетельство я положил на телефонную книгу, там же я записал телефон похоронного бюро. В полицию я сообщу сам. Факт самоубийства не вызывает сомнений. Думаю, они не будут вас беспокоить.

— Эльза! — Он стоял на коленях у кровати, гладя ладонью холодный белый лоб. — Прости меня, Эльза! Боже, каким я был кретином! Продать душу! За что? Стать вычислительной машиной, чтобы иметь возможность высмеять этого болвана Леви!

... Печеное яблоко, которое слишком поздно вынули из духовки. Радость победы, теорема Лангрена, тензоры, операторы, формулы, формулы, формулы... этого болвана...

Кларенс протянул руку и взял со столика белый листок.

В двенадцать часов зазвонил телефон.

Стоя на коленях, Кларенс снял трубку:

— Слушаю.

— Алло, Кларенс! Говорит Леруа. Как вы провели ночь?

— Как провел ночь? — рассеянно переспросил Кларенс, бросив взгляд на свидетельство о смерти, исписанное математическими символами. — Отлично провел ночь.

— Самочувствие?

— Великолепное! — Ровные строчки уравнений покрывали листы телефонной книги, лежащей на подушке рядом с головой покойной. — Позвоните мне через два часа, я сейчас очень занят. Мне, кажется, удалось найти доказательство теоремы Лангрена.

Леруа усмехнулся и положил трубку.

— Ну как? — спросил Крепс.

— Все в порядке. Операция удалась на славу. Никаких тревожных симптомов нет.

ГЕННАДИЙ ГОР

ЭЛЕКТРОННЫЙ МЕЛЬМОТ

Обо всем этом трудно составить себе понятие людям, скованным законами времени, места и расстояний.

Оноре Бальзак „Прощенный Мельмот"

1

Меня разбудил телефонный звонок.

— Слушаю! — сердито крикнул я в трубку.

Ласковый женский голос произнес:

— Ты узнаешь меня?

— Нет, не узнаю.

— А я тебя узнала сразу, хотя не слышала твой голос с позапрошлого года.

— Вы не могли слышать мой голос в позапрошлом году.

— Почему, милый?

Я промолчал.

— Почему, милый? — повторила она.

— Потому что тогда меня не существовало.

— Ты шутишь? Что же тебе от роду меньше двух лет? Объясни. И объясни заодно, почему ты называешь меня на «вы»?

— Для объяснений еще не наступило время.

Слова мои звучали сухо, неубедительно, бессердечно, но что я мог сделать? Самое лучшее повесить трубку, и я повесил.

Девушка явно принимала меня за кого-то другого. Не могла она слышать мой голос в позапрошлом году. Я появился в этом мире всего восемь месяцев тому назад. Кто я? Никто не знает. Все думают, что я Николай Ларионов, человек со странным выражением лица. Никому не пришло в голову, что я вовсе не человек и под именем Николая Ларионова ходит существо, не имеющее ни одного родственника на Земле ни среди живых, ни среди мертвых.

Семья! Когда я слышу это слово, меня словно пронизывает электрический ток. У каждого живущего здесь есть либо предки, либо родные среди современников, каждый что-то унаследовал и что-то продолжает. Среди миллиардов людей, населяющих Землю, я один свободен от какой-либо земной традиции.

Рано утром, просыпаясь в номере гостиницы, я лежу и думаю. О чем? Все о том же. Я вспоминаю. Иногда мне хочется все забыть и проснуться с таким чувством, словно я только что родился. Уж не завидую ли я Фуату-Муату, искусственному существу, произведенному в лаборатории великого физиолога и кибернетика Эрона-младшего?

Фуату-Муату поселили среди живущих. Он жил, не имея прошлого. Ему не о чем было вспоминать. У него было имя, но не было ни юности, ни детства. Его изучали. Он и создан-то был для разного рода исследований и наблюдений. Жил как под стеклом.

Нет, я не Фуату-Муату! Мне есть что вспомнить. В моей памяти хранятся факты более чем двухсотлетней давности. Например, встреча с Иммануилом Кантом в Кенигсберге, а также пребывание в Санкт-Петербурге XVIII века. Никто не знает, что я так стар.

Фуату-Муату был лишен возраста. С ним разговаривали вещи. Дверь говорила ему:

— Я — дверь. Как ваше самочувствие?

Стул обращался к нему с просьбой:

— Закройте, пожалуйста, окно. Дует.

Окно говорило ему:

— Взгляни, какая прозрачная синева. И даль. Что может быть заманчивее дали?

Для Фуату-Муату Эрон-младший создал экспериментальную обстановку сна и сказки. Специально для этого ему пришлось погрузиться в доисторию, изучать первобытное мышление и фольклор.

Судьба, выражаясь сумрачным языком древних, тоже поставила меня в особые обстоятельства. Я жил среди людей, не принадлежа к человеческому роду. В XVIII веке это было куда проще, я мог выдать себя за графа Калиостро, мнимого мага и сомнительного волшебника, наконец, за самого дьявола. Сейчас я должен был скрываться и молчать. Я откладывал свое признание, день и час, когда я приду в редакцию одной из самых больших газет или в студию телевидения и скажу:

— Я не тот...Существу из другого мира вряд ли подходит земное имя Николай... Ларвеф! Так меня звали там, за пределами вашей Солнечной системы.

Я откладывал этот день, понимая, что последует за моим признанием. Я не люблю сенсаций. Поэтому я живу под именем Николая Ларионова. В XVIII веке, когда я впервые посетил Землю, мне приходилось прятать признак, резко отличавший меня от людей: мой рот. Но удачная пластическая операция изъяла это отличие. А к странному выражению лица можно привыкнуть.

Никто из студентов-однокурсников, учившихся вместе со мной в Ленинградском университете, не подозревал, что я ношу в своем сознании столько пространства и времени, сколько не в состоянии вместить внутренний мир человека. Никто не догадывался, что моими глазами смотрит на них другой мир, чужая планета, смотрит и не перестает удивляться.

Фуату-Муату тоже удивлялся, существо без прошлого и без настоящего, модель ума и чувств, напряженно работавших и все же не способных создать контакт между собой и окружающими.

— Я не Фуату-Муату! — часто шептал я себе.

Почему? Потому что чувство ощущения странного, незнакомого, отделяло меня от людей, среди которых я жил.

— Я не Фуату-Муату! — говорил я себе. Почему? Потому что я вовсе не был в этом уверен. Иногда мне казалось, что я искусственное создание, модель живого существа, в котором исследователи пытались осуществить неосуществимое и при помощи одной личности связать два мира — Землю и Дильнею.

Скучал ли я по своей планете? Да, не скрываю, скучал. И когда я хотел поговорить на родном языке, я раскрывал футляр и доставал комочек вещества, который вмещал в себе внутренний мир отсутствующей Эрои.

— Эроя, — спрашивал я, — ты слышишь меня?

— Слышу, — отвечало вещество, мгновенно превращаясь в существо — в мысль, в звук, в жизнь.

— Ты спала или бодрствовала?

— Зачем ты спрашиваешь меня об этом? Ты знаешь, что я жду, все время жду. Жду, когда сплю, и жду, когда бодрствую.

— Чего же ты ждешь?

— Я жду, когда ты со мной заговоришь. Но мы с тобой теперь так редко говорим. Расскажи мне об этой планете!

— Как-нибудь в другой раз.

— Почему ты откладываешь?

— Не знаю, дорогая. Я боюсь обмануть и тебя и себя самого. Я еще так мало знаю об этой планете. И кроме того я люблю с тобой говорить не о том, что здесь... Ты помогаешь мне вспоминать.

— Я это знаю. Но твои слова причиняют мне боль. Разве я — только в прошлом? Разве меня сейчас нет?

Я промолчал. Что я мог сказать ей? Ведь она была здесь и одновременно отсутствовала. Ее бытие, записанное в кристаллик, не знало, что такое «здесь» и «сейчас». Но не стоило ей об этом напоминать. Для чего? Ведь она такая обидчивая.

Когда кончался наш разговор, я снова прятал ее в футляр, а футляр убирал подальше, чтобы он не попал на глаза дежурной уборщице, когда она придет прибирать номер.

2

Фуату-Муату жил среди говорящих вещей. Дверь признавалась ему:

— Извини. Я была так неосторожна, что чуть не прищемила тебе палец.

Стол спорил с ним по вечерам:

— Чепуха! Я-то лучше знаю Я ближе к природе. Меня создали из досок, распилив живое дерево, а тебя из синтетических веществ.

Соорудив Фуату-Муату, ученые позаботились и о том, чтобы создать для него подходящую среду. Его действительность уподобили сну, но рано или поздно его должны были разбудить.

Мне тоже иногда казалось, что я вижу сон. Окно говорило мне:

— Я — окно! Взгляни, какая прозрачная синева. И даль! А что может быть заманчивее дали.

Даль! С этим понятием я был знаком как никто. Даль, пространство... На эту тему мы беседовали с Кантом в его кабинете, и секретарь философа господин Яхман ждал, когда кончится наш затянувшийся разговор. Канта больше всего на свете удивляло два явления: звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас. А меня — даль, безграничность пространства. И о пространстве я знал гораздо больше, чем господин Яхман и чем Кант. И о времени тоже. Но о личном знакомстве с Кантом пока следовало молчать.

Однажды я проговорился. Это было на семинаре по истории философии. Я привел слова Канта, сказанные им тогда, у него в кабинете, и так тихо, чтобы не слышал господин Яхман. Профессор Матвеев, большой знаток немецкой классической философии, перебил меня:

— Кант не говорил этого!

— Вы говорите так уверенно, — ответил я, — словно присутствовали при нашем разговоре.

На лице профессора появилось выражение крайнего недоумения:

— Позвольте, как он мог с вами говорить? В своем ли вы уме?

Я замолчал, хотя я мог легко доказать, что я встречался с Кантом. Время еще не пришло. В этом все дело.

— Извините, — пробормотал я, — я оговорился.

— Бывает, — снисходительно кивнул профессор.

Даль и синева! Это только за окном гостиницы даль выглядит такой ручной и мирной. Верхушки деревьев. Облака. Ну, а там, где нет ни деревьев, ни облаков, там, в бесконечных вакуумах вселенной, там — совсем другая даль. И она тоже живет в моем сознании.

Я сижу за письменным столом и читаю рассказы Чехова. Чехов привлекает меня, привлекает и отталкивает. В изображенных им людях и событиях есть нечто такое, что я не в состоянии понять. Эта жизнь похожа на лабиринт, в котором блуждают люди, ища не выхода, а чего-то еще более запутанного, чем лабиринт. Неужели действительно такой была жизнь в конце XIX столетия?

Кто-то стучится в дверь.

— Войдите, — говорю я.

Входит толпа однокурсников.

— Колька! — кричат они хором. — Ну, собирайся, пошли!

— Куда?

— Забыл? Вот чудак! Сегодня «Спартак» играет с Гвинеей. Ну, побыстрей. Не то опоздаем.

3

С тех пор как на Земле исчезли границы, исчезли и личные документы, свидетельствующие о времени и месте рождения.

Все человечество — одна большая семья. И никто не носит с собой бумажек с печатями.

Я ношу в кармане небольшого размера предмет, который лучше всякого документа мог бы удостоверить, что я родился не на Земле. Это разумная логическая машина, лингвистический аппарат, способный приобщить меня сразу к любому земному наречию, к любому способу мыслить и говорить. Но я никому не показываю этот предмет, хотя меня иногда и подмывает сказать усердной старушке, нашей преподавательнице английского языка:

— Вот у меня есть словарь, так это словарь! Сам переводит с любого языка.

Но я молчу, молчу и улыбаюсь. Смешно, особенно

когда преподавательница хвалит меня за мои успехи.

— Ларионов, — говорит она, — написал сочинение без единой ошибки.

Я усмехаюсь. И притрагиваюсь рукой к лингвистическому аппарату, лежащему в боковом кармане моего пиджака. Человеческая техника создаст нечто подобное не раньше чем через пятьсот лет, если я, разумеется, не поделюсь своим секретом. Что скажет наша «англичанка» в тот день, когда ее профессию признают ненужной?

Я присвоил себе чужое имя, назвав себя Николаем Ларионовым. Но сделал я это не сейчас, а двести с лишним лет тому назад в Кенигсберге, когда явился к Иммануилу Канту. Со мной тогда случился казус, я забыл свое имя, разумеется, не настоящее, а то, которым себя назвал. Но Кант не обратил никакого внимания на мое замешательство. Он был увлечен темой нашей беседы, речь ведь шла о пространстве и времени и о звездном небе над нами, за посланца которого я себя выдал.

Иногда по ночам мне не спится, я смотрю на звездное небо. Моя родина, милая Дильнея, затерялась где-то среди этих бесчисленных звезд, и я ее ищу, хотя и знаю, что ее не найти. Она далеко, так далеко, что даже трудно себе представить.

Не удивительно ли, что у Земли есть двойник, планета, очень похожая на нее, словно между двух сестер-близнецов легло холодное отчужденное пространство и разделило их... И когда мне становится грустно, я достаю комочек вещества и он разговаривает со мной. Тогда мне кажется, что в этом комочке чувствительного вещества вместилась вся Дильнея, огромный мир, моя далекая родина.

4

Телефон звонит.

— Слушаю.

Опять ласковый женский голос:

— Ты узнаешь меня?

— Нет, не узнаю.

— Что с тобой, Николай? Почему ты не узнаешь меня? Я — Вера! Вера Васильева!

Я мучительно напрягаю память, пытаюсь вспомнить всех, с кем я познакомился за восемь месяцев моего пребывания на Земле. Вера Васильева? Нет, не припоминаю.

— Я — Вера! Вера! — внушает мне ласковый женский голос. — Ты не мог меня забыть, нам нужно повидаться. Что же ты молчишь?

— Не знаю, — неуверенно отвечаю я. — Я помню всех своих знакомых...

— Нам надо повидаться, — настаивает женский голос. — Надо! Я тут близко. Спускайся. Я буду ждать тебя в вестибюле возле газетного киоска.

— Хорошо, я приду.

Я снимаю пижаму и надеваю костюм. Руки мои спешат. Для чего я дал это обещание? Но надо же когда-нибудь объясниться. Очевидно, у меня есть однофамилец и голос его похож на мой.

Через три минуты я уже внизу, в вестибюле. Возле газетного киоска стоит девушка. Она смотрит на меня, на лице ее улыбка.

— Теперь ты меня узнаешь? — спрашивает она.

— Нет. Не узнаю.

— Не могла же я за полтора года так измениться. Ты, наверно, шутишь, Николай?

— Нет, не шучу.

Теперь начинаю удивляться я.

— Меня зовут Николай Ларионов.

— Я знаю. Но если ты Николай Ларионов, ты не мог забыть Веру. Ты здоров, дорогой?

Глаза незнакомой девушки смотрят на меня озабоченно. В них страх и надежда.

— Как же это могло случиться? Прошло всего полтора года, как мы виделись с тобой. Я улетала в Антарктику, и ты меня провожал. Всего полтора года, а ты, Коля, смотришь на меня так, словно видишь впервые.

— Впервые? Это так и есть. Полтора года назад меня не было здесь.

— А где же ты был?

Я чувствую, что мне не уйти от ответа, не увильнуть. От этой девушки я не могу скрывать истину.

— Полтора года назад я был далеко.

— Где? — тихо спросила девушка.

— В окрестностях Сатурна, — ответил я так же тихо.

Девушка побледнела. Не знаю — почему она так побледнела. Вся краска сошла с ее лица. И... она пошла. Шла, не оглядываясь и не спеша, словно в темноте. Она, наверно, подумала, что я сошел с ума. Я не хотел и не мог вдаваться в подробности. Для этого еще не пришло время. Но как мне хотелось крикнуть ей вслед: «Вернись! Не уходи! Я ведь не сказал самого главного».

Нет, о самом главном не могло быть и речи.

Придя к себе в номер, я долго ходил из угла в угол. Значит существует мой двойник? Девушка ведь не сомневалась в том, что она меня знала. Глупое положение. Чертовски глупое, идиотское. И посоветоваться не с кем, кроме Эрои.

Я вынул из футляра комочек вещества и спросил:

— Ну как твои дела, Эроя?

— Твой вопрос, — ответила она, — имеет чисто риторический характер. Я живу не для дела, не для действия.

— Извини, — сказал я, — мне хочется посоветоваться с тобой.

— О чем?

— Нелепая история. Я только что разговаривал с земной девушкой. И она утверждает, что она знала меня.

— Она шутит?

— Нет, она говорит всерьез.

— Приведи ее сюда. И я ей все объясню. Я расскажу ей о Дильнее, где ты родился... Мне, надеюсь, она поверит.

— Тебе? Да. Тебе она несомненно поверит.

5

На стене афиша. Она извещает, что сегодня состоится публичная лекция: «Разумное существо других планет».

Я как раз иду на эту лекцию. Зачем? Уж не для того ли, чтобы уличить лектора в невежестве? Нет. Мне просто хочется сличить фантазию с действительностью,

выдумку с фактом. И кроме того еще раз испытать заманчивое и сильное чувство искушения, с которым придется бороться, напрягая всю волю. А вдруг я не выдержу испытания, встану и скажу:

— Вы ошибаетесь, дорогой профессор. Разумное существо других планет вовсе не обязательно должно выглядеть морфологическим монстром.

— А какие у вас доказательства, молодой человек? — спросит лектор, насмешливо улыбаясь.

— Какие доказательства? Ну хотя бы я сам. Надеюсь, вы не откажете мне в разумности? А я родился не на Земле.

Нет, несмотря на более чем солидный возраст и завидный опыт, во мне много юношеского тщеславия. Не оно ли и ведет меня на эту лекцию?

Актовый зал набит до отказа. Мне с большим трудом удается найти свободное место. Слева сидит старик лет восьмидесяти, справа — студентка. Старик гладит пушистую белоснежную бороду и снисходительно поглядывает на меня. А я думаю: «Э, дедушка, ты моложе меня на несколько сот лет и не гордись своей патриаршей бородой».

В глазах студентки нетерпеливое желание проникнуть в неведомое.

— Вас, видно, очень интересуют далекие миры? — спрашиваю я студентку.

— А вас?

— Нет. Меня больше интересует наша интеллигентная старушка Земля.

— Для чего же вы пришли на эту лекцию?

— Для того, чтобы еще больше любить нашу обаятельную старушку. А вы?

— Чтобы узнать что-нибудь о разумных существах других планет.

— Понятно. Сейчас нам о них расскажут. — Мне едва удается спрятать улыбку.

Лектор уже на трибуне. У него умное, но не доброе лицо, скорей лицо актера, чем ученого. А на лице то особое, свойственное только актерам, выражение значительности и уверенности в себе, которое я не раз наблюдал и на Земле и у себя на Дильнее. Говорил он со щегольством, играя дикцией, свободой и силой в управлении голосом. А в голосе, в том, как он произно-

сил слова, был оттенок лени и скрытой усталости, словно космос и проблема жизни на других планетах (с ней он был давно на «ты») чуточку приелись ему, как приелась актеру чужая жизнь, которую он изображал в сотый или тысячный раз на одной и той же сцене.

Он говорил о биополимерах и о том, что вселенная любит повторять и повторяться хотя бы потому, что в ее распоряжении так много времени и пространства. Это замечание свидетельствовало о том, что он, лектор, не хотел подогревать себя и своих слушателей наивным энтузиазмом, а хотел дать понять, что, заинтересовавшись сутью проблемы, придется иметь дело с монотонностью бесконечности... Слово «бесконечность» он произнес так изящно и легко, словно модуляциями голоса, самой интонацией хотел изменить, сделать более ручным и приемлемым его несколько страшноватый смысл. Это произвело сильное впечатление не только на восьмидесятилетнего старца и на студентку, но, не скрываю, даже на меня, имевшего о бесконечности куда более конкретное представление, чем сам лектор.

«Ничего не скажешь — талант, — подумал я. — Но все-таки о разумных существах других планет ты, дорогой, знаешь немногим больше этого доверчивого старца».

И сразу же был наказан за эту не слишком почтительную мысль, наказан, как мальчишка. Лектор как бы невзначай произнес странное, бесконечно знакомое и невозможное здесь на Земле слово. Он тихо, почти переходя в шепот, обозначил его голосом:

— Дильнея...

Мне вдруг стало душно, словно все это произошло не наяву, а во сне. Не мог он произнести это слово. На Земле ни единая душа не знает о существовании Дильнеи, кроме меня и кусочка бесформенного вещества, спрятанного в футляр. Очевидно, мне пригрезилось. Я наклоняюсь к студентке и спрашиваю ее:

— Он говорил о Дильнее?

Она морщится:

— Вы мне мешаете слушать.

— Извините... Говорил он или не говорил?

— О чем?

— О планете Дильнее?

— Не говорил.

Тогда я поворачиваюсь к старцу. Он плохо слышит. Я чуть ли не кричу в его заросшее сизым пухом ухо:

— Говорил ли он о Дильнее?

— Говорил, — отвечает старец, почему-то усмехаясь.

«Ну, нет! — подумал я. — Студентка права, он этого не говорил».

Лектор, играя голосом, снова заводит речь о полимерах, о нуклеиновых кислотах и той химической «памяти», которая лежит в основе организации всех живых существ.

У него не только голос, но и руки артиста. Держа мел в тонких длинных пальцах, он пишет на доске формулу, чтобы с помощью условных и бесстрастных математических знаков, более точных и независимых от нашего «я», чем слова, приобщить слушателей к вещественной сущности жизни...

Я думаю, почти шепчу про себя:

«Э, твои знания о деятельности живой клетки, твои сведения о молекулярной «памяти» устарели, голубчик, почти на пятьсот лет».

И снова он наказывает меня за мою дерзость. Уж не телепат ли он, умеющий читать мысли на расстоянии? Он снова произносит слово, невозможное в его устах. Он говорит:

— Дильнея.

Я снова спрашиваю девушку:

— Говорил он о Дильнее?

Она изумленно смотрит на меня. Потом отвечает сердито:

— Лучше послушаем то, что говорит лектор.

Послушаем.

Я слушаю внимательно. Опять зады, столетние зады биофизики и биохимии. Я говорю себе: Ларвеф, какая муха тебя сегодня укусила? Не виновата же Земля, что жизнь на ней моложе, чем на Дильнее? Сиди, терпи и слушай, коли пришел.

Я гляжу на трибуну, и мне становится не по себе. Лектор, сделав паузу, смотрит на меня. Смотрит и усмехается. В его усмешечке есть нечто загадочное, и слова, которые он затем произносит интимно, негромко, но отчетливо, обращаясь словно не к залу, а только ко мне одному, подтверждают мое подозрение.

— Согласны ли вы с тем, — спрашивает он вдруг, — что жители Дильнеи мыслят совсем иным способом, чем мы, земные люди?

Слово «вы» он выделил интонацией, отчего оно приобрело неуловимо странный смысл, как бы утверждая, вопреки фактам, что в зале нас только двое, он и я. Он и я. И он обращается к моему «я», к подлинному «я», а не к тому, что выдает себя за Николая Ларионова.

Николай Ларионов молчит. Молчит и мое подлинное «я», не выдает себя. Старец изумленно смотрит на меня. Смотрит и студентка, словно догадываясь, что лекция превратилась в диалог между лектором и молодым человеком странного вида, на чьем лице слишком быстро и часто меняется выражение.

Я молчу, молчу и тревожно думаю — откуда он может знать о Дильнее и обо мне, он всего только лектор, может, он телепат и сейчас читает мои самые сокровенные мысли, как раскрытую книгу?

Нет, это был просто ораторский прием. Сейчас он уже смотрит не на меня, а на сидящего рядом со мной старца. И говорил ли он о Дильнее? Сомнительно. Всему виной моя болезненная мнительность.

И все же, когда кончилась лекция, я подошел к окруженному толпой лектору и тихо спросил его:

— Мне казалось, что вы рассказывали о Дильнее?

И он ответил, нисколько не удивившись моему вопросу:

— Вам не показалось, я действительно рассказывал об этой далекой планете.

6

У лектора, разумеется, было имя и фамилия. Густав Павлович Тунявский, — так звали его.

Астробиолог и беллетрист. Две специальности, если не считать третьей: пропаганда научных и технических идей. Краткое изложение его жизни и деятельности я нашел в двух энциклопедиях: космической и литературной. Теперь я знал, когда и где он родился, в каком году окончил космический факультет Ленинградского университета, когда опубликовал свою первую статью, но я не узнал самого главного — откуда ему было известно о существовании Дильнеи.

Все эти дни я непрестанно думал о нем, об этом загадочном человеке. Да и человек ли он? Люди не могли знать о том, что превышает их опыт и возможности современной им науки. Но если он не человек, то кто же? Такой же дильнеец, как я? Нет, это исключено. Только мне одному удалось преодолеть пространство и время и попасть на Землю. Это во-первых, а во-вторых, у него слишком земная внешность. Чего стоит это его манера играть голосом и щеголять интонацией. Дильнеец никогда бы не стал прибегать к столь дешевым театральным приемам. И рот у него человеческий, земной. Следов пластической операции я не заметил. Но откуда он мог знать то, чего не знали другие?

Ответ на этот вопрос я должен получить немедленно и от него самого. И все же я откладываю со дня на день свой визит к нему. Прежде чем идти к нему, нужно было познакомиться с его трудами. Кибернетический библиограф в университетской библиотеке дал мне все необходимые справки. Получив заказанные книги, я принялся за чтение. Я буквально заставил себя прочесть его научные работы. Кроме немногих фактических сведений о Марсе и его биосфере он угощал читателя сомнительными гипотезами и наивными домыслами о разумных существах вселенной. Его научно-фантастические рассказы были куда занимательнеее. Но, к сожалению, он слишком много написал, чтобы я мог все им написанное прочесть. А узнать сюжеты, реферированные фабульным автоматом Публичной библиотеки, я не догадался, о чем потом пожалел.

Откладывать встречу не хотелось. Я позвонил ему, назвав, разумеется, не свое подлинное дильнейское имя, а земное, заимствованное у людей.

— Ларионов? — переспросил он. — Николай? Ну что ж, Николай, по-видимому, придется отложить все дела, если вы уж так настаиваете. По правде говоря, я очень занят.

— Иммануил Кант тоже был очень занятый человек, но однако... — я спохватился и не закончил фразу, вырвавшуюся у меня.

— Кант? — переспросил он. — Иммануил? Меня не очень интересуют кантианские идеи. Да я и не философ. Надеюсь, не из-за Канта вы так настаиваете на встрече?

— Нет, Иммануила...

Я нарочно повторил:

— Иммануила...

Я подражал фамильярной манере того, с кем сейчас говорил.

— Иммануила я вспомнил совсем по другому поводу. Он тоже был занят, но отложил все дела, чтобы принять меня.

Я услышал смех.

— Вы остроумный человек.

— Остроумный? Не мне судить. Но я не человек.

— А кто же вы?

— Ответ отложим до встречи.

— А кто же вы?

Я промолчал.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Я жду вас завтра в четыре часа дня.

7

Я до сих пор не могу себе простить, что попал к Тунявскому, предварительно не прочитав все его научно-фантастические рассказы. Тогда бы я не попал в глупое положение. Но он слишком много написал, я же спешил встретиться с ним, спешил выяснить то, что не давало мне покоя. Мне было не до книг. Правда, я мог воспользоваться услугами автомата, реферировавшего сюжеты. Но я перестал ему доверять после того как прочитал «Давида Копперфильда» и «Записки Пиквикского клуба», сличив их с этой краткой и лишенной юмора фабулой, с которой меня предварительно познакомил автомат.

Я не зря вспоминаю здесь произведения Диккенса. Придя к Тунявскому, я словно попал в тихий и идиллический XIX век. По странной прихоти или какой другой причине писатель-фантаст (он же астробиолог) поселил себя в старинном доме, похожем на музей быта и нравов. Я поднялся по лестнице в третий этаж и позвонил. Дверь открылась не только в квартиру, но в диккенсовское столетие. Как раз в ту минуту, когда я вошел, начали бить старинные стенные часы. Они били мелодично, медленно, словно не отмечая время, а возвращая его вам.

— А, Николай, — сказал Тунявский таким тоном, словно знал меня с детства. — Присаживайтесь. Курите? Могу угостить отличной гаванной.

В его кабинете стояла старинная мебель. Я сел в кресло, смутившее меня своей непривычной располагающей к лени мягкостью. На стене висел пейзаж, тоже старинный и идиллический, как бы заманивающий в прошлое. Я подумал про себя: «Э, да ты совсем не тот, за кого я тебя принимал. Пишешь о будущем, а живешь в прошлом».

Тунявский угадал мои мысли. Усмехнувшись, он сказал:

— В такой тихой провинциальной обстановке легче мечтать о будущем, чем в кабине космолета или на подземных трассах, где все несется и спешит. Смелой мечте нужен контраст.

— Возможно, — ответил я.

Наступила пауза. Я воспользовался ею и спросил:

— Что вы знаете о Дильнее?

Он рассмеялся.

— И много и мало. А почему вас так интересует вымышленная планета?

— С таким же правом я мог бы сказать и про Землю, что она вымысел. Но за истину бы это принял только тот, кто никогда ее не видал.

— Что вы хотите сказать, Николай? Я не совсем понимаю вас. Ведь о Земле мы с вами знаем не из научно-фантастического рассказа, а о Дильнее вы узнали, прочтя мою повесть «Уэра».

— «Уэра»? У вас есть такая повесть? Я не читал.

На лице Тунявского появились признаки недовольства:

— Не читали? Так для чего, черт бы вас побрал, вы спрашиваете меня о вымышленной Дильнее? Все, что я хотел и мог о ней сказать, я сказал в своей повести.

— Непременно прочту. Но меня удивляет, что вы так настойчиво называете ее вымышленной!

— Я ее выдумал.

— Вы слишком много на себя берете. Если вдуматься, это даже обидно. Представьте, что я пришел бы к вам и сказал, что я выдумал Землю, наверно, вы обиделись бы на меня.

— На Земле я родился. Здесь я живу.

— А я родился на Дильнее. Устраивает это вас?

Он рассмеялся, на этот раз искренне, без позы.

— Меня это устраивает. Да еще как? Это льстит моему авторскому тщеславию. Но кроме меня есть здравый смысл, логика. А логику это едва ли может устроить.

— Не беспокойтесь. Логика останется не в обиде. Это факт. А как здравый смысл может возражать против очевидного факта?

— Очевидного? — Он пожал плечами. — Никогда я не слышал столь лестного замечания. Я так убедительно описал Дильнею, что вы сочли ее за такую же реальность, как Земля.

— Я не читал вашу повесть. К сожалению, не читал. И пока не могу судить о точности ваших описаний. Но я слишком хорошо помню Дильнею. Я родился на ней.

Он смотрел на меня, не скрывая тех чувств, которые возникли в нем в эту минуту. Недоумение, недоверие, мелькнувшая догадка, что его дурачат. Все это я прочел на его лице.

— Вот как, — сказал он вставая. — Вы родились на придуманной мною планете? Забавно! Но разрешите притронуться к вам и убедиться, что вы не фантом, а факт.

Он протянул свои длинные изящные пальцы и ущипнул меня, довольно больно ущипнул.

— Да, вы реальность. Но что привело вас сюда?

— Этот же самый вопрос мне задал Иммануил Кант. Правда, в более деликатной форме. Но если к Канту я шел обсуждать гносеологические проблемы, то к вам меня привела совсем иная причина. Я пришел спросить у вас, откуда вы получили сведения о Дильнее?

— Я уже ответил вам. Дильнею я придумал. Она существует лишь в моей голове и в сознании читателей, запомнивших мою повесть «Уэра».

— Непременно прочту вашу повесть.

— Прочтите. Она довольно занимательна.

— Прочту. А в ней есть какие-нибудь факты?

— Нет, только вымысел.

— И вы настаиваете на этом? Для чего? Чтобы замести следы? Неужели я поверю вам, что Дильнея вымысел, когда я сам оттуда.

— Но вы же назвали свое имя. Вы Николай Ларионов.

— Там меня звали по-другому. Я Ларвеф!

В насмешливых глазах Тунявского мелькнул страх и исчез. Он сменился сочувствием.

— Ну хорошо, хорошо! — сказал он. — Я верю! Верю! Вам нужно отдохнуть, сменить обстановку. Давно вы из больницы? У вас было нервное потрясение?

— Вы ошибаетесь. Я здоров. Ну что ж. Вы не верите словам, но я надеюсь, что у вас нет основания не верить фактам.

Я вынул из кармана футляр, достал комочек вещества и положил его на стол.

— Эроя, — сказал я тихо, — ты слышишь меня?

— Слышу, — ответила она, — что ты хочешь, милый?

— Я хочу, чтобы ты поговорила с этим человеком, рассказала ему — кто мы и откуда. Он уверяет меня, что он придумал нас с тобой...

8

Потом не раз у себя в номере мы с Эроей вспоминали этот эпизод. Нет, фантаст оказался не на высоте. Он попросту испугался, испугался вульгарно и глупо, как пугались люди XVIII века, верящие в существование злых и потусторонних сил. От испуга он потерял дар красноречия и чувство юмора. Впрочем, можно ли его за это осуждать? А разве не растерялся бы Герберт Уэллс, если бы его навестил Невидимка или Путешественник, вернувшийся из будущего на своей машине времени?

Тунявский побледнел, упал в кресло. И мне пришлось рыться в его домашней аптечке, искать валерьяновые капли и валидол. К сожалению, я не захватил с собой дильнейских лекарств, с помощью которых он сразу почувствовал бы себя прекрасно.

Когда Тунявский пришел в себя, он взглянул на тот конец стола, где только что лежал комочек вещества. Но там уже ничего не было. Я поспешил спрятать Эрою в футляр, а футляр поскорее убрать.

— Кто вы? — спросил меня Тунявский.

— Этот же самый вопрос мне задал Иммануил Кант, — сказал я тихо.

— Кант не задавал вам этого вопроса.

— Откуда вы знаете? Вы же при этом не присутствовали.

— Я сам придумал этот эпизод.

— Ну вот и отлично. Все стало на свое место.

— Так, значит, этого не было? Значит, это мне только показалось?

— Показалось, — ответил я.

— Так кто же вы?

— Персонаж вашей повести. Вас это устраивает?

Он рассмеялся. Рассмеялся на этот раз весело.

— Пусть будет так. Не хочу ломать голову, распутывая этот узел. Вы что же это встали? Собираетесь уходить?

— До свидания, — сказал я.

Он не стал меня задерживать.

Да, он был человек. И он был искренен. Он действительно удивился и не поверил мне, что я Ларвеф. Значит, и Дильнею, и меня, и Эрою он придумал. Но в такое совпадение выдумки и реальности невозможно поверить. Следовательно, он дурачил нас. С какой целью?

Как это ни странно, Эроя, искусственная Эроя, сама загадка из загадок, не выносила ничего загадочного.

— Ты должен выяснить это, Ларвеф, — сказала она мне.

— Что?

— Откуда он знает нашу тайну.

— Он утверждает, что все придумал.

— Но ты же веришь в это еще меньше меня.

— Не нужно спешить. Рано или поздно узнаем. А сейчас я прочту тебе вслух его повесть «Уэра», которую сегодня принес из библиотеки.

Я читал ей весь вечер. Изредка она прерывала меня:

— Но ведь этого не было. Я что-то не помню. А ты помнишь, Ларвеф?

— По-видимому, то, о чем ты говоришь, он придумал для занимательности, но остальное изображено точно. Как ты находишь, Эроя?

— Мне кажется, что он жил в каждом из нас. Подслушивал наши разговоры, читал мысли. Не находишь ли ты, Ларвеф, что это противоречит логике?

Я невольно усмехнулся. Уж если Эроя говорит о логике — значит, действительно, тут что-то не так. Я промолчал.

— Читай дальше, — сказала она, — может, в конце мы найдем объяснение этого странного факта.

Я прочел повесть до конца. Но конец не избавил нас от сомнений, наоборот, только усилил их. Оттого что моя дильнейская жизнь была изображена в земной книге, я испытывал незнакомое мне раньше чувство. Казалось, я жил и не жил, был здесь и одновременно был вплетен в ткань чужого и чуждого мне повествования и как бы переключен в другой, более причудливый план бытия.

Нет, я с этим был не согласен. Я не сомневался в своей реальности, и то обстоятельство, что я стал объектом фантазирования беллетриста Тунявского, не должно было задевать чувство собственного достоинства. В конце концов возможно, что за этим кажущимся иррациональным явлением стояла вполне рациональная сущность. Телепатия — эта старая и в то же время «молодая» наука и на Дильнее и на Земле — была еще в зачаточном состоянии. Совпадение вымысла и действительности, очевидно, объяснялось телепатическими талантами Тунявского, сумевшего преодолеть время и пространство каким-то шестым, еще не раскрытым наукой, чувством. Так я думал, прочтя книгу о себе. Но я не стал говорить об этом Эрое, комочку бесформенного вещества. Да и к тому же она уже лежала в футляре, погруженная в то отсутствующее состояние, которое больше подходило к ее сущности, к сущности скорее вещества, чем существа.

9

Встретившаяся мне на улице старушка любезно улыбнулась и спросила:

— Молодой человек, скажите, пожалуйста, который час?

— Половина шестого, — ответил я.

Она еще раз взглянула на меня и пошла, медленно переставляя ревматические ноги. Возможно, завидуя моей молодости, она рассеянно и меланхолично вспоминала прошлое и утраченное. Она, наверное, помнила то,

что было десять лет назад, и двадцать, и все пятьдесят. И ей, не сомневаюсь, казалось, что это было давным-давно. Она не подозревала, что все это происходило почти вчера и молодой человек, которого она остановила, помнил то, что было двести, и двести пятьдесят, и триста лет назад. И в сущности, это тоже было почти вчера. Что же такое время? Об этом я спросил когда-то Иммануила Канта. И Кант сказал мне — не могу ли я задать ему вопрос полегче?

Вчера я разговаривал с профессором Тихомировым. Он историк и, по-видимому, очень любит свой предмет.

— Историк, — сказал он мне задумчиво, — это, в сущности, Мельмот-скиталец, живущий одновременно среди нескольких эпох.

— А кто этот Мельмот?

— Герой одноименного романа Мэтюрена, своего рода антифауст, человек продавший душу дьяволу за право вечно узнавать новое и ничего не забывать. «Мельмот-скиталец»... Разве вы не слышали об этом романе? Его высоко ценил Пушкин и очень любил Бальзак, который написал даже продолжение...

— Я и есть этот ваш Мельмот, — сказал я. Но погруженный в свои мысли профессор не расслышал того, что я ему сказал.

Тихомиров мне симпатизирует. Он выделяет меня из всего курса. Он хорошо знает XVIII век, но я знаю еще лучше. В моей памяти хранится не только отраженное в книгах, но живое время. Идя по Невскому или по Литейному, я вижу не только современные здания из стекла, но и те дома, которые когда-то стояли на этом же месте. Мне становится не по себе, когда я гляжу на деревья Летнего сада. Они были тогда тоненькими деревцами. Нечаянно я произнес вслух слова, которые мне не следовало произносить.

— Что такое время? — спросил я.

Тихомиров усмехнулся и сказал:

— На этот вопрос с исчерпывающей полнотой мог бы ответить только Мельмот. Он знал загадку времени и тайну власти над ним.

— Я тоже Мельмот, — сказал я тихо, надеясь, что Тихомиров не слышит. Но он услышал и удивленно посмотрел на меня:

— Вы? Ну уж этого я бы не сказал. У вас лицо человека, начисто лишенного всякого опыта. Когда я гляжу на вас, мне кажется, что вы только что появились на свет. В ваших глазах отражается великое неведение, полнота абсолютного незнания, свойственного только младенцам. Правда, не всегда. Я помню, когда на экзамене я спросил вас об Екатерине второй, о ее дворе, о том, как выглядел Петербург, вы ответили с такой исчерпывающей осведомленностью, что я был смущен... но возвратимся к Мельмоту. Он буквально сгибался под непосильной ношей своего личного и исторического опыта. Его память была перегружена и сердце истощено от обилия событий. Глядя на вас, никто не подумает, что вас обременяет опыт. Судя по вашим словам, вам хотелось бы быть Мельмотом?

— Не знаю, — ответил я. — Я не настолько еще надоел сам себе, чтобы жаждать чужих переживаний, завидовать чужому опыту.

10

Чувство, что я пришелец, это странное чувство не покидает меня ни наяву, ни во сне. Когда я иду по улицам, я прислушиваюсь к словам прохожих. Мне хочется войти в их жизнь, понять не только смысл их слов, но и уловить тот непонятный и неповторимый ритм сокровенного земного человеческого бытия, который не перестает меня удивлять.

Куда идут они, эти пешеходы? Домой или из дома? Не все ли тебе равно. Ты тоже пешеход, и ты тоже идешь куда-то. Куда? И откуда? Никто еще не задал мне этот вопрос. Да и смог ли бы я на него ответить?

Я иду по улице и прислушиваюсь к голосам прохожих.

— Лиза, — тихо и настойчиво говорит мужской голос. — Лиза...

Я не слышу, что отвечает женский.

— Лиза, — повторяет мужской голос, — Лиза... Лиза, — умоляет он.

Она молчит.

Лиза... По одному произнесенному прохожим слову,

го интонации, с которой оно произнесено, я хочу войти в смысл чужих отношений. Зачем? Не знаю. Пока что жизнь на Земле напоминает мне обрывок случайно услышанного на улице разговора. Но ведь и Мельмоту тоже представлялось, наверно, все отрывочным, недосказанным, ибо он был гость эпохи и каждое десятилетие было для него промежутком, который надо заполнить.

Я должен преодолеть эту отрывочность и не чувствовать себя гостем.

Гость... Я только гость на Земле. Но за короткий срок я так много узнал о ней, о ее людях. Земные события властно вторгаются в мою память, жадно вбирающую каждый факт. Как это ни странно, земное начинает преобладать во мне над дильнейским, вытеснять его. Но еще удивительнее, что иногда мне кажется, что я не дильнеец, а человек. Наверное, это любовь к людям, к земной природе дает знать о себе.

По ночам я пишу книгу. Она называется так: «Естествознание будущего». Эта книга соединит меня с миром, с каждым человеком на Земле. Небывалая книга перенесет сознание современного человечества на много десятилетий вперед. У книги будет скромный подзаголовок: «Учебник». Мой учебник будет учить людей искусству быть впереди своего времени, впереди себя... Но, наверное, наступит такое время, когда и мой учебник устареет.

Я люблю ходить по улицам, именно ходить, а не ездить. Я ищу контакт с тем миром, который меня окружает. Пешеходы не похожи на пассажиров. У них другое ви́дение мира. Пассажиры внутренне устремлены к той точке, которую проэцирует их сознание. Они здесь и не здесь... Подхваченные вихрем скорости, они мысленно торопят пространство, время и свое «я». Пешеходы не торопятся. Не тороплюсь и я.

Вот этого старичка я часто встречаю на набережной. Он тоже меня заметил и улыбается мне.

— Здравствуйте, — говорю я ему.

— Добрый вечер.

Мы идем с ним рядом. Он очень стар. Возможно, он еще помнит семидесятые и даже шестидесятые годы, подвиг Гагарина, первое посещение человеком Луны и Марса, биологические и эстетические дискуссии, волновавшие его бывших современников.

— В мое время, — рассказывает старик, — пешеходов было куда больше, но не потому, что людям некуда было торопиться. Транспорт был несовершенный. Здесь еще ходили троллейбусы и автобусы. А мой отец застал еще конку. Помню, меня ребенком везли из Владивостока по железной дороге. Время текло не спеша. Я стоял у окна и смотрел, как менялась местность. Вам, молодой человек, случалось бывать на Марсе или Луне?

— Случалось.

— Мой сын посмеивается над земными расстояниями. Он недавно вернулся из космоса, работал на Марсе, побывал в окрестностях Венеры. Он говорит, что здесь у нас еще двадцатый век. Он удивляется, как можно терять драгоценное время на хождение. Он влюблен в скорость. И почти в отчаянии от того, что законы природы создали предел для человеческой техники.

— Что он имеет в виду?

— Скорость света. Ее человеку не обогнать.

— Как знать, — сказал я.

— Я вас не понимаю, молодой человек. Яснее выразите свою мысль.

— Человечество еще мало знает об истинных свойствах пространства.

Старик недоверчиво посмотрел на меня:

— Человечество... А вы что, не представитель человечества, что ли?

— Не совсем, — сказал я.

— А кто же вы?

— Это другой вопрос, — уклончиво ответил я.

Старик рассмеялся:

— Вы оригинал. И лицо у вас не такое, как у всех. Странно, что вы никуда не спешите. Сколько вам, молодой человек, лет? Двадцать пять? Тридцать?

— Умножьте на десять. И вы не ошибетесь.

Зачем я это сказал? Для чего? Мне теперь уже было невозможно встречаться с этим стариком и разговаривать. Ничто так не отчуждает, как странность. Старик смотрит на меня испуганно. Мои слова нарушили незыблемую логику земных человеческих отношений.

— Кто же вы? — спрашивает он. — И откуда?

Я говорю ему:

— Кто же возьмет на себя смелость ответить на ваш вопрос? Кто мы? Откуда? Это предмет философии.

— А, — говорит старик обрадованно, — вы философ? Теперь мне все понятно.

Он снова обрел меня, а я его. И оба мы стоим обрадованные, счастливые.

11

На улице меня окликает женский голос:

— Николай!

Я оглядываюсь. Возле клена стоит та самая девушка, которая мне звонила. Тогда она назвала свое имя, и я его запомнил.

— Вера? — говорю я неуверенно и тихо.

Она радостно улыбается мне:

— Ну вот ты меня и узнал, узнал, наконец. К тебе вернулось наше прошлое, дорогой. Ты вспомнил меня. Было так странно и ужасно, что ты меня не узнавал. Сначала я думала, что ты шутишь. Но интонации твоего голоса, выражение лица опровергало это. Я была в отчаянии. Я не знала, что подумать. Но сейчас по твоим глазам вижу, что ты меня узнал. Наваждение прошло. Как я рада... Ты не представляешь, как я рада!

— Я тоже рад, — сказал я тихо.

Потом я подумал: она продолжает ошибаться и принимать меня за кого-то. Стоит ли ее разубеждать? Пусть она ошибается. Это мне поможет убрать стену и приблизиться к земной жизни.

— Ты сейчас занят? — спрашивает она. — Мне хотелось поговорить с тобой, провести вместе вечер.

Я взял девушку под руку, и мы пошли.

Мне было приятно ощущать тепло ее большой круглой и сильной руки, слушать ее голос... Мы шли по городу. Пешеходов было мало, как всегда. Пешком шли только влюбленные.

Стал накрапывать дождь.

— Помнишь, Николай, — сказала девушка, — как мы попали под ливень на Елагином острове. Лило как из ведра. Мы стояли под деревом. Помнишь?

— Помню.

Разумеется, я не помнил, да и не мог помнить то, что было не со мной, а с кем-то другим.

— Недавно я вспоминала о дне Черного моря.

— О дне Черного моря? — удивился я. — Почему?

— Странно! — сказала Вера с упреком. — Неужели ты и этого не помнишь? Мы же познакомились на дне Черного моря возле Феодосии. Местечко называется Коктебель... Я работала в подводной экспедиции. А ты жил на спортивной базе и заплывал далеко в море в своем акваланге. Не смешно ли, что первое наше свидание произошло на глубине двадцати метров. Над нами были волны. И я на всю жизнь запомнила тишину. Потом мы поднялись на поверхность и ты спросил, как меня зовут. Я назвала себя. И ты себя назвал. А потом мы сидели на берегу у подножья Карадага, помнишь?

— Помню, — сказал я неуверенно. На какую-то долю секунды мне показалось, что я действительно помню этот эпизод.

В голосе девушки чувствовалась доброта, необычайная душевная щедрость; казалось, она дарила мне свое и чужое прошлое, прошлое, которое мне не принадлежало и не могло принадлежать, и я не в силах был отказаться от этого необыкновенного подарка.

— А помнишь, ты читал мне стихи какого-то старинного поэта. Мне запомнились они, и, если ты забыл, я тебе напомню.

— Прочти, — сказал я.

...Не я, и не он, и не ты,
И то же, что я, и не то же:
Так были мы где-то похожи,
Что наши смешались черты.

— Не нужно, — перебил я Веру, — не стоит читать дальше.

— Почему, дорогой? Тогда ты любил повторять эти строчки.

— А сейчас не хочу.

— Почему же? От времени они не стали хуже.

— Не знаю, — сказал я, — почему они мне разонравились.

— А я знаю, — сказала она тихо.

— Почему?

— Потому что ты хотел измениться и все забыть, но тебе это не удалось. Ты остался прежним. Затмение прошло. И мы опять рядом. Я прочту только заключительные строчки. Можно?

— Читай.

...Лишь полога ночи немой
Порой отразит колыханье
Мое и другое дыханье,
Бой сердца и мой и не мой.

— Не надо дальше читать, — сказал я.

— Почему?

— Меня удивляет, что кто-то другой, живший задолго до меня, написал обо мне.

— Нет, это написано не о тебе. Ты неповторим. И похож только на себя. Я долго искала тебя, но ты ведь исчез. И никто не знал, где ты. Все твои знакомые и друзья потеряли тебя. Я думала, что ты улетел на Марс или на одну из космических станций. Но в Комитете Космоса мне сказали, что тебя нет в их списках. И все-таки я тебя нашла. И позвонила. Не знаю, какая причина заставила тебя настаивать на том, что ты меня не знаешь. Можно было подумать, что ты заболел амнезией, потерял память, но я сразу отвергла эту мысль. Просто у тебя были какие-то причины, важные, разумеется. И я тебя не стану спрашивать о них. Я так рада, что ты снова со мной.

Она посмотрела на меня. В больших серых ее глазах я увидел страх. Она, должно быть, боялась, что я снова буду настойчиво повторять, что я не тот, за кого она меня принимает.

— Нет, ты тот, — сказала она, словно угадав мои мысли, — тот, а не другой.

Я рассмеялся и повторил запомнившиеся мне первые строчки стихотворения, которые она только что читала:

Не я, и не он, и не ты,
И то же, что я, и не то же:
Так были мы где-то похожи,
Что наши смешались черты.

— Не читай эти стихи, не надо!

— Раньше просил я, а теперь ты просишь.

— Эти строчки меня пугают. Все эти дни, после нашей встречи в вестибюле гостиницы, я жила, как в страшном сне. Раза два или три мне в голову приходила нелепая и ужасная мысль, что от тебя осталась только оболочка, что ты, действительно, не ты, а кто-то другой,

что, оставив прежней твою внешность, заменили твой внутренний мир.

— А что если это правда?

— Нет, это не правда. Ты прежний. Все прежнее: и голос и улыбка. Только что-то в глазах другое, не пойму что...

— На днях профессор Тихомиров сказал мне, что у меня лицо человека, начисто лишенного всякого опыта, словно я только что появился на свет.

Она посмотрела на меня:

— Ты знаешь, он прав. Я тоже это подумала.

— А раньше я разве выглядел не так?

— Нет. У тебя было другое выражение глаз, немножко насмешливое и скептическое. Что-то в тебе сильно изменилось. Ты не согласен?

— Нет, что ж. Может, это и так.

Я довел ее до дверей дома, в котором она жила.

— Спасибо, — сказала она. — Надеюсь, что мы скоро увидимся. До свидания, милый.

— До свидания, — сказал я и, отойдя, оглянулся и помахал ей рукой.

Она стояла на том же месте и смотрела на меня.

12

Иногда, увлеченный какой-нибудь идеей, я возбужденно ходил из угла в угол и напряженно думал. Потом энтузиазм спадал и подкрадывалась холодная и коварная мысль: а что ты скажешь в издательстве, когда принесешь свою странную рукопись? Как и чем объяснишь, что ты обогнал земных ученых на несколько столетий?

Тебе скажут:

— Вы Ньютон и Ломоносов, помноженные на Дарвина и Эйнштейна. Но откуда, черт бы вас побрал, вы взялись? Где прятались? Почему скрывали свои идеи?

Мне не поверят. Добро бы, если я принес научно-фантастический роман и все формулы и концепции произносил бы от имени героев. Но начало моей рукописи больше похоже на учебник, чем на роман. Ведь я только посредник. Моей рукой водит будущее. Я только популя-

ризатор, пытающийся перевести научные идеи отдаленного времени на язык современных жителей Земли.

Нелегко проложить мост между будущим и прошлым, начав строить из будущего. Как мне объяснить людям Земли теорию дильнейского физика Тинея, с помощью которой нашей науке и технике удалось победить пространство и время? Для того чтобы понять сущность открытых Тинеем закономерностей, нужно вывернуть наизнанку человеческую логику, пересмотреть все традиционные навыки земного математического мышления. Я ломаю голову над этой проблемой. Будет не менее трудно рассказать о том, как дильнейским биофизикам удалось познать все тайны живой клетки и остановить миг, называемый жизнью индивида. Ну и ускорение мысли! Как и почему дильнейцы научились мыслить быстрее, чем их предки? Разве это не сочтут за парадокс, за беспочвенную выдумку?

Мне не с кем посоветоваться. Впрочем, иногда я раскрываю футляр, вынимаю Эрою и читаю ей вслух то место рукописи, в котором сомневаюсь.

Вот и сейчас я спрашиваю ее:

— Как тебе кажется — достаточно ли ясно я изложил эту мысль?

Эроя просит меня:

— Прочти еще раз. Я хочу проверить свое первое впечатление.

Я читаю вслух:

— «Земной философ Спиноза убеждал своих последователей не плакать и не смеяться, а только понимать. Говоря это, он словно предчувствовал появление Эйнштейна и создание теории относительности. Чтобы понять сущность этой теории, нужно было отделить мысль от эмоций, оторвать ее от чувств, наконец, от тысячелетнего опыта, от здравого смысла... Что же требуется от человека, чтобы понять закон, открытый дильнейским ученым Тинеем? Тоже не горевать и не жаловаться, как говорил Спиноза?»

— Слишком длинно, Ларвеф, — перебила меня Эроя, — нельзя ли покороче? А кто такой Эйнштейн?

— Эйнштейн — земной ученый, который ходом своего мышления нанес удар антропоцентризму.

— Но при чем же здесь Тиней и его труды?

— У Тинея много общего с Эйнштейном. Он тоже нанес сокрушительный удар привычным представлениям. Если ты не забыла, он создал новое представление о пространстве, проник в сущность малого и большого и вскрыл их единство.

— А что такое малое и чем оно отличается от большого, Ларвеф?

— Извини меня. Я забыл, что ты совсем иначе, чем все, воспринимаешь пространство, что ты принципиально не видишь никакой разницы между «здесь» и «там»...

— Но ведь Тиней тоже...

Я невольно рассмеялся:

— Уж не хочешь ли ты сказать, что ты мыслишь, как Тиней?

— Нет, я этого не считаю,—сказала скромно Эроя.— Да и к тому же я не могу понять теорию Тинея. Прежде чем объяснить ее сущность людям, объясни мне.

Я замолчал. Что я мог ей ответить? Как я мог ей объяснить одну из самых сложных концепций, когда-либо созданных на Дильнее, ей, странному и искусственному существу, не способному отличить понятие «здесь» от прямо противоположного понятия «там»...

Телефон звонит.

— Слушаю, — говорю я, сняв трубку. Женский голос, теперь уже знакомый, ласково спрашивает:

— Ты узнаешь меня?

— Да, теперь узнаю. Вера?

— Да, Вера. Твоя Вера. Ты сейчас очень занят?

— Нет, я свободен.

— Может, зайдешь ко мне?

— Когда?

— Когда тебе удобно, милый. Я буду ждать... Или нет, давай лучше встретимся в вестибюле гостиницы. Я приеду к тебе.

Я стою возле газетного столика и жду. С минуты на минуту она должна прийти. А что если я скажу ей сегодня, что я не тот, за кого она меня принимает? Нет, надо отложить этот неприятный разговор. Мне так хочется побыть вместе с ней. Она снова будет вспоминать прошлое, свое и того, другого, за кого она меня принимает. А я буду делать вид, что тоже ношу в памяти это прошлое...

Вот она идет быстро и легко, как всегда. На ее рас-

красневшемся от ходьбы лице добрая улыбка. Она уже увидела меня и машет рукой.

— Ты здесь? — спрашивает она.

— Нет, здесь не я, — шучу я, — а тот, другой, который тебя не узнавал.

— Нет, это ты, — тихо говорит она, — ты... — Она как-то совсем по-особому произносит это слово «ты», удивленно и радостно, словно открывая во мне того, другого, чье обличье я принял, сам того не подозревая. Мне становится не по себе от этого ее «ты».

«Ты», — словно говорит не только ее сильный ласковый голос, а все ее существо. «Ты», — говорит она, и я начинаю еще острее чувствовать свою реальность. «Ты», — повторяет она, и мое сердце начинает биться сильнее, и кажется, Земля вырвется из-под моих ног.

Мы опять вместе. Я беру ее под руку, и мы выходим из гостиницы. Сейчас мы одни. Никто не обращает на нас внимания.

— Хочешь немножко потанцевать? — спрашивает Вера. — Тогда зайдем сюда. — Она показывает на танцевальный клуб, сквозь его прозрачные стены видны танцующие пары.

Мы заходим. Музыка. Земная хмелящая сознание музыка. Я долго не мог приучить себя к ней. В XVIII веке существовали более прозрачные и неспешные мелодии. Тогда танцевали менуэт и играли Моцарта, про которого кто-то сказал, что он писал музыку не для людей, а для ангелов. Я — не ангел. Но к Моцарту мне было легче привыкнуть, чем к современным композиторам.

Мы начинаем с Верой танцевать. У меня не очень-то это получается. Но она улыбается и одобрительно кивает мне:

— Ничего, ничего, дорогой. Ты раньше танцевал гораздо лучше. Но полтора года жизни в космосе на крошечной космической станции со счетов не сбросишь. Там было не до танцев.

— А откуда ты знаешь, что я был на космической станции? Разве я тебе об этом говорил?

— Нет, не говорил. Но я и так догадываюсь.

— Ты такая догадливая.

— Не смейся, милый. О том, что ты жил эти полтора года не на Земле, догадается каждый, кто поговорит с тобою. Ты так изменился. В тебе появилось что-то

новое, незнакомое, то, чего я не замечала до нашей разлуки.

— Что ты имеешь в виду?

— Рассеянность. Иногда мне кажется, что только твоя оболочка здесь, а сам ты где-то далеко-далеко за миллионы километров отсюда. И в эти минуты мне становится страшно, страшнее даже, чем тогда, когда ты не хотел узнавать меня.

— Лучше поговорим о чем-нибудь другом.

— О чем же?

Она задала этот вопрос и вдруг словно забыла обо мне. Ее глаза смотрели в сторону, где стоял какой-то человек, казавшийся высоким, хотя он не выше среднего роста. Он улыбался Вере. Она тоже улыбнулась и кивнула ему.

— Извини, дорогой, — сказала она, — я сейчас же вернусь к тебе. Одну минутку.

Она отошла. Я оглянулся. Она подошла к высокому. По-видимому, это был ее старый знакомый. Потом она окликнула меня:

— Николай!

Я подошел. Высокий, или, вернее, казавшийся высоким, улыбнулся и протянул мне руку. Он не назвал себя. Я себя назвал, и довольно отчетливо:

— Николай...

— Коля, — словно поправил он меня. Это было так странно, будто он знал меня давно.

Глаза его смотрели на меня с интересом. Нет, незнакомые так не смотрят. Потом он раскланялся и ушел.

— Кто это? — спросил я Веру.

Прежде чем ответить, Вера удивленно взглянула на меня:

— Неужели ты его забыл за эти полтора года? Это физиолог и кибернетик Иванцев, Сергей Андреевич Иванцев, твой приятель. Ты же сам сколько раз мне говорил, что такие люди, как Сергей, родятся раз в два столетия. И ты умудрился его забыть? Ты же сам говорил, что он гений, обыкновенный, ничем не примечательный гений, вроде Павлова или Леонардо да Винчи.

— А что он сделал, чтобы его так называть?

— Ничего особенного. Создал новое физиологическое учение. Новую школу. Тебе этого мало? Но объясни, как ты мог его забыть?

13

Каждую ночь мне снится Дильнея, стоит закрыть глаза — и я там. Поворот бытия, сдвиг времени и пространства.

Когда я просыпаюсь, мне становится не по себе. Она далеко, моя Дильнея!

За свою продолжительную жизнь я возвращался на Дильнею несколько раз и каждый раз вместо друзей и родных встречал их потомков.

Мое призвание вечного странника превращало будущее в настоящее. Я появлялся, обгоняя свою эпоху, своих современников и самого себя. Что-то чудесное было в этих часах, днях и неделях, как бы открывалась дверь в новое небывалое бытие. Я попадал в новый век, не узнавал ни лиц, ни вещей. Но среди новых лиц и новых вещей я старался чувствовать себя уверенно. И только на Земле я теряюсь, словно не нахожу самого себя, и начинаю повторять слова Спинозы: «Нужно не плакать и не смеяться, а только понимать».

Но есть явления, которые я понять не в силах. Возвращаясь из университета, я замедлил шаги. Впереди шли два школьника. Они о чем-то болтали. Вдруг один из них позвал меня. Он громко произнес мое имя, не здешнее, а тамошнее, настоящее.

— Ларвеф, — сказал он.

Он обращался не ко мне, а к своему товарищу, но я вздрогнул, словно проснулся.

И второй подросток сказал так же громко и отчетливо:

— Эроя.

Тогда я нагнал их и спросил:

— Откуда вы знаете эти имена?

— А разве вы не читали научно-фантастическую повесть «Уэра»? — ответил подросток. — Почитайте. Там рассказывается об одном путешественнике, который летал со скоростью света. Его звали Ларвеф.

— Ларвеф это я.

— Вы шутите, — сказал школьник. — Он на вас не похож. У него почти не было рта.

— Я сделал себе пластическую операцию.

Оба подростка рассмеялись.

— Значит, вы прямо со страниц книги сошли на эту улицу? — спросил второй подросток.

Меня поразила неожиданная правда этих слов. Я даже растерялся. Не сразу я ответил ему:

— Нет. Скорей я прямо с этой улицы попал на страницу.

Я всегда любил детей, даже когда сам был ребенком. Но это было давно, очень давно, несколько столетий тому назад. Я очень любил детей, может быть, и потому, что только в промежутке между путешествиями встречал их. Земные дети не так уж сильно отличались от дильнейских. И там, на Дильнее, я частенько заходил в школы и другие детские учреждения и рассказывал детям о своих путешествиях.

— Вы что, не верите мне? — спросил я.

Один из подростков более разбитной и бойкий ответил:

— Чему не верим?

— Тому, что я Ларвеф?

— Верим, — ответил он насмешливо и бойко, — но ведь не это главное — верим мы или не верим.

— А что?

— Ну как это выразить, когда читаешь — веришь, а когда прочтешь, думаешь — интересная сказка. А сейчас ведь я не читаю.

— Это правда, — сказал я. — Сейчас ты не читаешь, а идешь по улице. Но тут есть одна загвоздка. Сейчас я тебе покажу одну вещь, и ты перестанешь сомневаться.

Я достал из кармана универсальный лингвистический аппарат и протянул его подростку.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Володя.

— А твоего приятеля?

— Он просто Семенов. У него имя очень трудное. У нас все его Семеновым зовут.

Я сказал:

— Посмотри, Семенов, на эту вещицу. Ты французский язык знаешь?

— Нет, не знаю. У нас в школе проходят английский и банту.

— Ни одного слова не знаешь?

— Знаю только «бонжур» и «мерси».

— Маловато. Но сейчас ты все слова будешь знать. Вот нажми эту кнопку.

— Нажал. А теперь что?

— Теперь говори.

Семенов заговорил по-французски. На лице его приятеля Володи изобразилось крайнее изумление. Потом он сказал:

— Семенов, наверно, раньше знал, да притворялся.

— Не знал я. Честное слово. Не знал! Клянусь! А вы где такой аппарат достали?

— Чудак! На Земле такие не выпускают. А этот с Дильнеи привез.

— А вы кто? Гипнотизер?

— Ларвеф я! Ларвеф!

— Ну да Ларвеф. Этак и я могу сказать, что я Робинзон Крузо. А вещица забавная. Подарите нам ее.

— Нет, не могу. Она мне самому нужна до зарезу. Без нее — я глухонемой.

— А все-таки кто вы? Телепат?

— Нет, Ларвеф я. Лар-веф.

— Бросьте. Так не бывает.

— Ну не бывает, так не бывает. Стоит ли спорить. До свидания.

Подростки пошли в одну сторону, я в другую.

14

Я возвращался домой поздно. В вестибюле дежурный автомат остановил меня.

— Вас ждут, — сказал он тихо и значительно, тише и значительнее, чем всегда.

— Где? — спросил я.

Автомат-дежурный ответил с подкупающей вежливостью, безукоризненно точно выговаривая слова:

— В зале для ожиданий и встреч.

У него был обворожительный голос, проникающий до самых основ существа, голос, вероятно, занятый у какого-нибудь трагического артиста или певца. И, играя голосом, словно догадываясь о том, какое он производит на меня впечатление, повторил:

— В зале для ожиданий...

Я подумал, что меня ждет Вера и, войдя в зал, стал искать ее глазами. Но ее там не было. Мужской голос окликнул меня:

— Ларионов!

Навстречу мне шел человек неопределенного возраста. Не сразу я узнал Тунявского. Казалось, за эти две недели он постарел, обрюзг, опустился. Значит это он ожидал меня?

— Извините, что я не предупредил о своем приходе. Это произошло неожиданно. Я не хотел идти к вам, но какое-то безотчетное, не до конца понятное мне чувство заставило меня переменить решение. Я ведь не совсем доверял своим чувствам. И сейчас не вполне доверяю!

— Что вы хотите сказать?

— Я пришел выяснить — кто вы?

— Кто — я? Однажды я уже дал ответ на ваш вопрос. — Я — Ларвеф и прибыл сюда с Дильнеи.

— Но вы же и Ларионов?

— Ларионов я для всех, кроме вас... Но я вижу, вам нездоровится. Вы побледнели? Что с вами?

Он не ответил.

— Может, поднимемся в мой номер, чтобы продолжать наш разговор? Зал ожиданий и встреч не совсем подходящее место для обсуждения физических и философских проблем.

Он молча кивнул. Казалось, он потерял дар речи, он не произнес ни слова, пока лифт не поднял нас на девятнадцатый этаж. И вот мы в номере, в обычном гостиничном номере, где все вещи выглядят обыденно, будничнo и банально.

— Садитесь, — сказал я гостю и показал на кресло.

Он сел, потом встал, потом снова сел. Он явно был не в своей тарелке. Не очень-то уверенно я употребляю это старинное и типично земное выражение, смысл которого для меня не до конца ясен. Не в своей тарелке... именно так!

— Ларвеф? — вдруг он произнес имя, которое не хотел признать за мной.

— Ларвеф! И Ларионов тоже! — сказал он и вдруг возвысил голос: — Бросьте свои нелепые шутки. Мне, наконец, это надоело! Я не мальчишка, чтобы меня разыгрывать и причем так наивно.

— Говорите спокойнее. Философские проблемы не принято обсуждать в таком взвинченном и нервозном тоне. Напоминаю вам слова вашего знаменитого земляка Спинозы, который дал отличный совет: не горевать и не жаловаться, а только понимать.

— Вы льстите. Спиноза мне не земляк. Я родился под Ленинградом, а он в Амстердаме, за несколько столетий до меня.

— Но если я не ошибаюсь, и вы и он родились на Земле.

— Покажите мне человека, который родился бы не на Земле.

— Вы хотите, чтобы я показал на себя?

— Не верю!

— Ну вот. Это я могу понять. Постараюсь вас разуверить. Но опасаюсь одного...

— Чего? — спросил он нетерпеливо. — Да говорите, пожалуйста, быстрее, не играйте на чужих нервах. Чего вы опасаетесь?

— Вашей неподготовленности. Скажу еще более откровенно: вашей неспособности отделить мысль от эмоций. Не горевать, не жаловаться, а понимать. Вот девиз!

— Кто же на Земле подготовлен лучше меня? Я астробиолог и писатель-фантаст. Я ежедневно имею дело с самым непривычным и далеким от общепринятого и известного.

— Но почему же вы так волнуетесь? Почему не хотите внять совету Спинозы? Зачем повышаете голос, вместо того чтобы спокойно обсуждать возникшую ситуацию. Скажем откровенно: парадоксальную ситуацию, ситуацию, в которой мне самому трудно разобраться. Кстати, вы знакомы с теорией Тинея?

— Впервые слышу. Кто такой Тиней?

— Тиней — это великий дильнейский физик и математик, создатель новых принципов математической логики.

— Дильнейский? Бросьте эту чепуху. Дильнея не существует. Это плод моего вымысла.

— Спокойнее, спокойнее, дорогой. Если вы будете так волноваться, мы не сможем ни о чем договориться. Сейчас мы не будем решать с вами вопрос — существует или не существует Дильнея. Сейчас мы будем говорить только о Тинее и его теории. Если бы не физические идеи Тинея, я бы не прилетел на вашу планету! Может быть, вы воображаете, что я попал сюда благодаря тому наивному и нелепому средству, которое вы придумали в своей повести «Уэра»?

— Опять вы за свое! — перебил он меня. — Я ничего

не понимаю, но начинаю догадываться. Может, это особый имманентный прием критики? Набитый иронией и скепсисом критик выдает себя за героя произведения и пытается критиковать как бы изнутри?

— Вы — антропоцентрист! Антропоцентрист, хотя и пишете о космосе. Вам кажется, что весь мир вертится вокруг вас. Немножко отвлекитесь от вашей собственной персоны и попытайтесь понять мои слова, последуйте совету Спинозы.

— При чем тут Спиноза? Если это не розыгрыш, то стоит ли прятаться за спину мудреца? А я почти убежден, что стал жертвой недостойной игры, жалкого эксперимента, нелепой шутки. Кто вы?

— Кто я? Сколько же раз мне отвечать на этот вопрос. Я тот, кто не похож на всех. Вам этого мало?

— Мало!

— Я...

— Вы игрок!

— Да, я игрок. Наконец вы нашли подходящее слово. Я играю со временем и пространством, чтобы выиграть нечто важное...

— Что именно? — спросил он, усмехаясь.

— Возможность пребывать «там» и «здесь». Я игрок. Вы удачно обмолвились. Очень удачно...

— Не придирайтесь к словам. Я имел в виду совсем другое... Игрок, играющий недостойную взрослого человека игру. Это мальчишество! Довольно меня дурачить. Я могу принять меры.

— Какие, интересно?

— Любые, но такие, которые сразу пресекут вашу недостойную игру. Меня достаточно хорошо знают в вашем университете.

— Есть лучший способ избавиться от меня.

— Какой?

— Отправить меня обратно на Дильнею. Своим вымыслом, надеюсь, распоряжаетесь только вы самолично? У вас нет соавтора?

— Довольно! Прекратите! Я пришел сюда не для того, чтобы затягивать эту недостойную игру.

— А для чего?

Он не ответил, словно бы и не слышал моего вопроса.

— А для чего? — повторил я.

— Представьте, — сказал он тихо и печально, — я сам не знаю — для чего?

Меня поразил его тон, на этот раз бесконечно искренний и трогательный.

— Я долго разыскивал вас, — продолжал он, — вы не оставили адреса... Я разыскивал вас, но временами мне казалось, что я разыскиваю не вас, а самого себя. После вашего посещения что-то изменилось во мне, что-то нарушилось. Казалось, вы что-то забрали у меня и унесли с собой. Не сразу я понял, что вы забрали и унесли уверенность. Люди не любят ничего таинственного и загадочного. Для того много веков назад и возникло научное знание, чтобы освободить человечество от странного и загадочного, дать ему уверенность в себе и в законах природы. Человечество давным-давно возмужало... Я всю жизнь прославлял знание, науку. И вдруг во мне возникло сомнение. Моя логика очутилась в лабиринте, ища выхода. Мог ли я поверить, что вымышленная мною планета существует на самом деле и вопреки всем законам логики я угадал реальное существование некоего путешественника по имени Ларвеф. Я сам придумал это имя. И могу вам это доказать. Я писал свою повесть в феврале... Прочтите слово «февраль» с конца, справа налево... Вот откуда это имя Ларвеф... А вы хотите меня уверить, что вы — реальность.

— Совпадение, — прервал я его, — простое совпадение. Вы еще ищете доказательства? Но стали ли бы вы их искать всерьез, если бы кто-нибудь усомнился в вашей собственной реальности? Не ищите. Все равно вам не удастся убедить меня, что я самозванец или шутник.

— Так кто же вы такой?

— А кто вы?

— Я астробиолог и писатель. Каждый читатель это может удостоверить. А кто может удостоверить, что вы не Ларионов, а тот, другой, кто возник вместе с игрой моего воображения. Кто это может удостоверить?

— Удостоверить? — повторил я. — Моя память. Ведь в памяти начинаются корни, истоки каждой личности, каждого «я». Откуда бы я мог помнить всё, что я познал и пережил до того, как прилетел на Землю?

— Могли вообразить.

— Нет, воображение и память это не одно и тоже. Я помню свое детство и юность. Они прошли не здесь,

на Земле. Тысячи событий и обстоятельств хранятся в моей памяти. Вообразить можно вещь и даже чувство, но нельзя вообразить отца, мать, братьев, сестер, дедушку с бабушкой, создать из небытия тех, кто создал тебя. Как сейчас я вижу дом, через порог которого я впервые переступил.

— Где же этот дом?

— За много световых лет отсюда. У ворот текла река. А у окна стояло дерево. Возможно, оно и сейчас стоит там и ждет моего возвращения. Милое дерево моего детства. С ветвей этого дерева впервые для меня свистела птица. Я много бы отдал, чтобы еще раз услышать ее свист.

— То, о чем вы рассказываете, могло случиться и на Земле. Тут тоже есть дома, реки и деревья, на ветвях которых поют птицы.

— Вы хотите, чтобы я вспомнил то, чего не может быть на Земле? Но Дильнея очень похожа на Землю.

— Да! — перебил он меня, словно утеряв нить нашего разговора. — Меня не раз упрекали критики и читатели за это. Они обвиняли меня в бедности воображения.

— При чем же здесь вы? — холодно сказал я. — Дильнея действительность, она бесконечно реальнее вас и ваших читателей. Вас не было на свете, а она существовала, вас не будет, а она будет продолжать свое бытие.

— Но вспоминайте, вспоминайте, — опять перебил он меня. — Пока еще вы не вспомнили ничего такого, что могло бы переубедить меня.

— Я вспоминаю не для того, чтобы вас переубедить.

— А для чего?

— Для того, чтобы самому понять и почувствовать нечто существенное... Бальзак, а никто из земных писателей не понимал лучше его зависимость человека от среды, Бальзак как-то сказал: «Обо всем этом трудно составить себе понятие людям, скованным законами времени, места и расстояния». Это очень сильно сказано! Как по-вашему?

— Бальзак сказал это в ту эпоху, когда люди передвигались на лошадях.

— Тем удивительнее. Значит, он предвидел возможность победы над законами времени, места и расстояний!

— Эти законы остались незыблемыми.

— Для вас, земных людей. Дильнейцы же сумели освободить себя от их власти. Если бы это было бы не так, я бы не сидел в этом номере гостиницы вместе с вами.

— Опять вы принялись за свое! Упрямец! Вы вообразили себя Ларвефом, космическим странником. Я начинаю догадываться. Может, это психологический эксперимент. Может быть, вам захотелось узнать, как чувствует себя человек, находящийся вне власти законов времени, места и расстояния? По выражению вашего лица я чувствую, что я угадал.

— Если вы наблюдательны, как все представители вашей профессии, вы должны были бы заметить, что выражение моего лица слишком часто меняется.

— Я заметил. Но что из этого? Вы, по-видимому, очень впечатлительный человек.

— Прежде всего я не человек!

— А кто же вы?

— Дильнеец.

Он рассмеялся:

— Меня восхищает ваше упрямство. Мы уже почти договорились. Я угадал, что вы психолог, поставивший на самом себе интересный опыт. А вы опять за свое... Вернемся лучше к вашему опыту. Меня он очень заинтересовал. Действительно, что должен чувствовать индивид, освобожденный от законов времени и пространства?

— Индивид? Вы употребили это слово не случайно. Значит, вы уже наполовину согласились с тем, что я не человек. Благодарю за маленькую уступку, но вам нужно сделать еще одно усилие и поверить в то, что я дильнеец.

— Ну что ж, — сказал он. — Я готов и на это... Я понимаю. Вам легче осуществлять свой эксперимент, если вам удалось убедить себя, что вы Ларвеф. Я не буду возражать. Я готов вас слушать.

Я рассмеялся, рассмеялся искренне, от всей души:

— Значит, вы хотите, чтобы я усомнился в своей реальности? Дорогой мой, уж не вы ли мне подарили мое прошлое, всю мою жизнь, мой опыт, мои радости и страдания? Нет, давайте уж поговорим по душам. Я тоже хочу задать вам один вопрос. Откуда вы узнали о существовании Дильнеи и догадались, что существую и я?

По правде говоря, это противоречит логике и здравому смыслу.

— Я все придумал.

— И вы хотите, чтобы я вам поверил? Шутник. Или еще точнее — игрок. Я возвращаю вам это ваше слово. Перестаньте разыгрывать меня. Говорите правду. На Дильнее правду ценят не меньше, чем на Земле.

— У правды есть одна особенность. Она одна. На свете не может быть двух правд. Правда одна.

Он вдруг замолчал. Потом поднялся с кресла, простился и вышел.

На этом кончился наш странный разговор.

15

Я нечеловек. Подобно Мельмоту, я в несколько мгновений могу очутиться где мне угодно. По существу каждый дильнеец это Мельмот или гетевский Фауст. Человек, не знающий смерти, уже не человек. Наследственно-информационная «память», подсказывающая молекулам и клеткам моего организма их сокровенное бытие, их верность себе, не боится энтропии, называемой людьми старением. Я буду вечно молод. Но еще Бальзак догадался, что это означает.

Что же это означает? Сейчас объясню. Человек, победивший бренность, независимый от законов времени и старения, уже перестает быть человеком Клетки и молекулы не стареют. Но как быть с памятью? Разве она безгранична? Разве сможет этот новый, нестареющий человек носить с собой или в себе все свое прошлое, которое будет длиться тысячелетиями?

На этот вопрос я не могу дать точный ответ. Ведь я живу всего триста пятьдесят лет. Обождите... Когда-нибудь я отвечу. Ведь я нахожусь еще в начале своего длинного пути. Дильнейская наука сравнительно недавно узнала, как остановить мгновение и устранить энтропию из жизни молекулярной и клеточной информации. Но никто не догадывается об этом, и меньше всех Вера.

Вера! Она все еще настаивает на том, что знала меня раньше. Она убеждена в этом и хочет убедить меня.

— Ты помнишь, Коля, — спрашивает она меня, — как мы с тобой ночевали на берегу Телецкого озера у рыбацкого костра?

— Это давно было?

— Три года тому назад.

— Только три года? А я помню и то, что было триста лет назад.

— Нас с тобой тогда не было.

— Тебя не было. А я был.

— Ты, конечно, шутишь, Николай!

— Может и шучу.

— Ты разговариваешь иногда очень странно. Что произошло с тобой за эти полтора года? Ты что-то скрываешь от меня? Иногда мне кажется что тебя подменили. Ты не ты!

— А кто?

Она не ответила.

— Кто?

Она снова промолчала.

— Кто же? — допытывался я.

— Ты лучше должен знать, кто ты.

— Значит, ты сейчас идешь не со мной... А с кем же?

— С тобой, успокойся. С тобой иду. Я любила тебя и люблю так же, как и раньше. Зачем же ты так странно шутишь?

— Не знаю.

— А о чем ты думаешь сейчас? У тебя такой вид, словно ты далеко.

— Я думаю о том, что такое жизнь.

— Разве это проблема? Каждый знает, что такое жизнь. Спроси ребенка, и он тебе ответит.

— Не каждый. Один мыслитель сказал, что жизнь — это целая цепь привычек. Как ты думаешь, он был прав?

— Привычек? Отчасти верно. Жизнь не может быть без привычек. Я привыкла видеть тебя, слышать твой голос. Разве это плохо? Мне нравится идти рядом с тобой. Это тоже привычка. Разве это плохо?

Я уклонился от ответа. Если бы я стал отвечать, я сказал бы ей, что на Дильнее жизнь — это борьба с привычками, яростная борьба с рутиной. Дильнеец борется с привычками, чтобы не дать им взять верх над своей любознательностью, над своим желанием ежедневно творить новое, побеждать препятствия, сопротивляться всему тому, что стоит на пути... Но я этого не сказал. Не мог я ей рассказывать о Дильнее. Для нее я был земной человек и земным, только земным должен остаться.

— А помнишь, Николай?.. — спрашивает она мечтательно.

С помощью таких вот вопросов она хочет как бы засыпать пропасть, разрушить то отчуждение, которое разделяет нас.

— А помнишь, Николай, как мы...

Глупенькая! Я помню, как по этим улицам мчались кареты, везя вельмож в напудренных париках... Я видел поэта Державина, читавшего нараспев длинную оду, я видел крепостных мужиков, засыпавших болото на том месте, где ты сейчас стоишь. Я видел... Я слишком много видел и слишком много помню, и это мне мешает говорить с тобой и смотреть на тебя. За твоей спиной я вижу бесконечность: космическую среду, ничто и вакуум, который я преодолел, чтобы попасть сюда и оказаться с тобой рядом, в том столетии, в котором ты живешь. Ты говоришь, что мы рядом. Да, рядом. Но прежде, чем оказаться рядом с тобой, я должен был... Нет, об этом лучше забыть.

— Так что же ты не отвечаешь, Коля? Ты опять отсутствуешь, дорогой?

— Нет, я здесь. Только здесь и нигде в другом месте.

16

Когда я ухожу или уезжаю из гостиницы надолго, я беру с собой футляр, в котором находится комочек чудесного вещества, начиненного эмоциями, страстями, пристрастиями и воспоминаниями. Футляр я ношу с собой, я боюсь оставить его где-нибудь или забыть. Я не выпускаю его из рук. Наблюдательные люди давно это заметили и объяснили по-своему. Они думают, что я ношу рукопись, записки, с которыми боюсь расстаться. В этом есть доля истины. В комочке чудесного вещества сама жизнь записывает все, что достойно записи и запоминания.

Сейчас я отдыхаю на берегу Черного моря и живу в санатории. Я люблю взбираться на высокие горы, ходить по узким тропам, по самому краю обрыва. Иногда я совершаю дальние прогулки с компанией отдыхающих, но чаще — один. И куда бы я ни шел, я несу с собой футляр; в футляре та, что прилетела вместе со мной с Дильнеи.

Иногда, остановившись где-нибудь в глухом уголке в лесу на поляне и оглянувшись — нет ли поблизости людей, я вынимал футляр и доставал из него комочек чудесного вещества.

Вот и сейчас я делаю то же самое. Вокруг — никого. Тишина.

— Эроя, — тихо спрашиваю я, — ты слышишь меня?

— Я слышу тебя, Ларвеф, — отвечает она. И в свою очередь спрашивает: — Мы долго еще пробудем на этой странной и удивительной планете?

— Не знаю, Эроя, — отвечаю я.

— А кто же знает кроме тебя?

— Разумеется, никто, но нам еще рано возвращаться домой.

— Домой? — Она ловит меня на не совсем точно сказанном слове. — Ты говоришь, домой? Но разве у нас с тобой есть дом? Ведь мы с тобой вечные путешественники.

— Ты права, Эроя. Я не могу долго задерживаться на одном месте, меня тянет даль, влечет неизвестность, безграничность времени и пространства.

— Но почему же ты так долго намерен задержаться здесь?

— Ты знаешь почему, Эроя. Я пишу книгу, в которой пытаюсь изложить все то, чего достигла дильнейская наука и техника. Это мой подарок людям Земли. Я полюбил их, Эроя.

— За что?

— За то, что они люди, за то, что они переделывают мир и самих себя. Недавно я шел по улице. Навстречу мне шла молодая мать, впереди нее катился самокат, автоматическая коляска с ребенком. Я попросил эту незнакомую мне женщину остановить коляску, сказав, что мне хочется полюбоваться на ребенка. Она исполнила мою просьбу. Я взял ребенка на руки. Это была прелестная девочка. Звали ее Леночка. Она еще не умела говорить. Только лепетала. Слушая ее лепет, я держал ее на руках. Она трогала своими ручонками мое лицо, теребила волосы; мне казалось, что я держу в руках все человечество. Ребенок смеялся... И вдруг внезапная боль пронзила меня. Мне казалось, что я расстаюсь с человечеством, покидаю Землю, с тем чтобы уже никогда на нее не вернуться. Ты понимаешь это чувство, Эроя?

— Понимаю, Ларвеф. Тебе не хочется отсюда улетать. Тебе здесь хорошо.

— Это не то слово. Дело не в том — хорошо мне здесь или плохо. Мне везде было хорошо. Но ты права: мне не хочется улетать отсюда. Я полюбил Землю, свист земных птиц, запах земных ветвей... Я смотрю на все, что меня окружает, и не могу насмотреться... Понимаешь ли ты это, Эроя?

Она промолчала. Комочек вещества, хранитель информации, она умела только вспоминать прошлое, те утраченные и чужие переживания, которые отразились в ее искусственном и искусном устройстве. И не следовало мне спрашивать ее о том, что она не знала и не могла знать.

17

Я потерял футляр. Как это могло случиться? Сам не знаю. Может быть, я оставил его на лесной поляне или на верхушке горы? Хватился я не сразу. Но когда до моего сознания дошел весь смысл того, что случилось, я впал в отчаяние. Теперь со мной не было Эрои, комочка вещества, включавшего в себя мир далекий и родной. Разумеется, я никому не сказал о своей потере. Я еще надеюсь найти этот футляр. Ежедневно я ухожу на поиски. Тоненькая ниточка, которая соединяла меня с прошлым, могла оборваться... Но я должен найти футляр, даже если мне придется искать год.

Прошла неделя, и я нашел его. Футляр лежал в траве. Я раскрыл его, вынул комочек вещества. Он был тут, на моей ладони. Осторожно я положил его на камень, осмотрелся — нет ли кого поблизости, потом позвал:

— Эроя, ты слышишь меня?

Молчание.

— Эроя! — повторил я громче. — Ты слышишь меня?

Снова молчание.

«Неужели испортилось устройство? — подумал я. — Или, может, комочек вещества побывал в чужих, нескромных руках?»

— Эроя! — крикнул я.

И вдруг я услышал, еще не веря себе и ничего не понимая:

— Это ты, Ларвеф? Здравствуй.

Комочек был рядом на камне, а голос доносился издалека, казалось с трудом преодолевая огромное пространство.

— Это ты, Ларвеф?

— Это я! Это я! — крикнул я, рванувшись к ней всем существом. — Это я!

И до меня донеслось издали еле слышное, как эхо:

— Это ты, Ларвеф? Где ты? Ты далеко от меня?

— Эроя!

— Ларвеф!

18

Я спешу закончить свой труд, свою книгу о Дильнее и дильнейцах для людей Земли. У меня есть основания торопиться. Я чувствую, что моя память слабеет с каждым днем, и я не решаюсь обратиться к земным врачам. Почему? Может быть, потому, что земная медицина отстала от нашей, и на много столетий? Нет, не только из-за этого. Как я могу показаться врачу? Уже первый внимательный осмотр подскажет медику, что его пациент — нечеловек. Как я смогу скрыть от специалиста те особенности моей морфологии и анатомии, которые не дает заметить одежда? Нет, я не могу показаться земным врачам. А память слабеет, гигантская нечеловеческая память, хранящая факты трехсотлетней давности.

Я пытаюсь изложить теорию Тинея и чувствую свое бессилие. Факты и логические доводы ускользают. Странно, я отчетливо, ясно помню все события своего детства и юности и ловлю себя на том, что не могу вспомнить, как и когда я попал на Землю. Случись это со мной месяц назад, я вынул бы из футляра комочек чудесного вещества, Эрою, и попросил бы ее напомнить мне все, что я вдруг забыл. Но с комочком вещества случилось нечто непонятное мне. Голос Эрои доносится издали, как эхо, как вздох, как призыв, теряющийся в безмерном пространстве. Эроя в состоянии только откликнуться, напомнить о себе, но не в силах ничего сказать.

Действительно, когда же я попал на Землю? Иногда мне кажется, что это произошло очень давно.

Я спешу записать все, что знаю и помню о Дильнее.

Но времени у меня мало, обстоятельства торопят меня, и нужно рассказывать только самое главное.

Поставьте себя на мое место. Вообразите, что в вашем распоряжении считанные дни, а вам нужно рассказать самое главное о Земле тем, кто не имеет о ней никакого представления.

Самое главное, что жители Дильнеи, мои соотечественники и современники, находятся совсем в других отношениях с временем, чем земные люди. Известную французскую писательницу госпожу де Сталь, жившую в XIX веке, кто-то из ее знакомых спросил, как она относится к христианской идее бессмертия, то есть жизни на том свете? Госпожа де Сталь иронически улыбнулась и ответила: «Если бы мне дали гарантию, что и на том свете я останусь госпожей де Сталь со своими привычками и вкусами, со своими поместьями и славой, я, возможно, заинтересовалась бы этой странной идеей».

Но кто мог дать ей такую гарантию? Во всяком случае не те, кто ее окружал.

Что же хотела сказать госпожа де Сталь? А то, что индивидуальность и христианская идея бессмертия состоят в логическом противоречии, нельзя сохранить личные свойства, соединившись с бесконечностью.

Но сейчас речь идет не об иллюзорном христианском бессмертии, а о бессмертии реальном, которое наука подарила нам, жителям Дильнеи.

Казалось бы, я бессмертен или почти бессмертен. Старость не угрожает мне, как и всем моим соотечественникам. Но память? В состоянии ли она носить в себе тысячелетний опыт и не только исторический опыт поколений, но опыт индивидуальный, мой личный опыт, переживания моего «я»?

Я не смогу ответить на этот вопрос, особенно сейчас, когда память начинает изменять мне.

Я только что поймал себя на том, что не могу вспомнить, как на родном моем языке, языке моей юности и детства звучит местоимение «ты»... Я помню, как звучат слова: «мы», «я», «вы», но слово «ты» не могу вспомнить. Я хожу из угла в угол и силюсь вспомнить. В памяти образовался провал.

Почему? Как могло это случиться? Мои тревожные размышления прерывает телефонный звонок. Я подхожу к телефону, снимаю трубку и говорю:

— Слушаю!

Ласковый женский голос спрашивает тихо:

— Это ты, Николай?

— Я...

— Говорит Вера. Что же ты не спускаешься вниз? Я же тебя жду, мы условились. Спускайся, милый.

— Сейчас! Жди. Я приду.

Пока лифт несет меня вниз, я шепчу те слова, которые помню, словно опасаюсь, что завтра я их забуду.

Вот и зал встреч. В больших глазах Веры радость и благодарность.

— Ты еще здесь? — спрашивает она, словно не веря себе самой.

Мы усаживаемся в уголке.

— А помнишь, — спрашивает Вера, — как мы с тобой ходили на лыжах и попали в пургу?

— Нет, не помню. Напомни мне... — И она начинает рассказывать, как бы возвращая утраченное.

Я слушаю и думаю про себя с тревогой. Она может рассказать мне то, чего не было со мной, ведь она принимает меня за другого. Но кто мне напомнит о том, что действительно было, кто напомнит о Дильнее, о подлинных фактах и событиях, которые я начинаю забывать?

Кто?

19

Из дневника астробиолога и писателя-фантаста Тунявского

«Наконец-то разрешилась загадка, которая почти год мучила меня, мою логику и мое врожденное чувство здравого смысла.

Есть люди, которые считают, что писатель-фантаст, хозяин своего воображения, вовсе не обязан быть слугой здравого смысла, логики обыденной жизни. Сама специальность как бы дает ему право пренебречь и тем и другим. Что касается меня, то я всегда был поклонником здравого смысла, покорным слугой логики. И поэтому меня много дней мучило состояние бессилия, неспособность разрешить задачу, выбраться из того лабиринта, в который я попал. Кто же этот Николай Ларио-

нов, с таким упорством пытавшийся меня убедить, что он Ларвеф? Самозванец? Сумасшедший? Шутник?

Загадка мучила меня до вчерашнего дня, пока я не раскрыл только что вышедший номер журнала «Наука и завтра». Там я увидел портрет Николая Ларионова и познакомился с более чем странной его биографией.

Да, он Николай Ларионов. Только Николай Ларионов. Но он не играл в космического странника Ларвефа, в какой-то мере он им был в течение года. В какой мере? На этот вопрос ответить трудно. В пространной статье, написанной специалистом для специалистов, рассказывалось об одном исключительно интересном, хотя на мой взгляд и спорном эксперименте. В статье называлось и мое имя, имя автора повести «Уэра», в которой описывается несуществующая планета Дильнея и космический путешественник Ларвеф, разумеется, лицо вымышленное. Экспериментатор, он же автор статьи, совершил своего рода заимствование. Он взял некоторые события из моей научно-фантастической повести и поместил их в сознание человека по имени Николай Ларионов. Поместил? Нет, это не то слово. Он подменил одно сознание другим, убрал одно бытие и вложил в человека другое.

В клинику к известному кибернетику и нейрохирургу профессору Иванцеву, автору статьи, привезли больного, потерявшего память. Потерпевший работал в химической лаборатории и там, в результате несчастного случая, произошло то, о чем я сейчас хочу рассказать самому себе. Тот участок мозга, который хранит прошлое, в результате этого несчастья стал чем-то вроде чистой страницы.

Смерть не угрожала Ларионову. Но можно ли назвать жизнью чисто растительное существование, лишенное прошлого, а значит ощущения собственной личности, своего «я»? Разумеется, нет. И вот автору статьи экспериментатору Иванцеву пришла мысль заполнить чистую страницу, дать возможность пострадавшему ощутить и осознать свое бытие. Не имея возможности восстановить утраченное прошлое, профессор Иванцев решил вложить в сознание Ларионова чужое бытие, бытие путешественника, прибывшего на Землю с чужой планеты.

Прочитав статью, я позвонил профессору Иванцеву.

Может быть, следовало отложить этот звонок хотя бы на один час. Сильное волнение овладело мной и мешало мне говорить с той безупречной ясностью, которую я ценю выше всего на свете.

— Писатель Тунявский? — переспросил он меня, словно не доверяя своему слуху. — Автор «Уэры»? Судя по голосу, вы недовольны тем, что ваша вымышленная и к тому же фантастическая повесть нашла свое продолжение в реальной жизни.

— А если бы вы были на моем месте, вы были бы довольны?

— Не стоит горячиться. Тем более на расстоянии. Если у вас есть время и желание, приезжайте ко мне.

Его лаборатория помещалась в том же новом и сверхсовременном здании, где и клиника. Слово «клиника» всегда возбуждало во мне ряд не слишком приятных ассоциаций, связанных с болезнями и унылым распорядком больничных палат. Это здание стояло в лесу, безупречно вписываясь в пейзаж, здание светлое и чуточку утопичное, синтез романтической мечты и деловой трезвости инженера.

Я подумал про себя, что всю эту красоту и изящество тяжелобольные вправе счесть излишней. Вряд ли легче расставаться с миром там, где мир пребывает в таком красивом обрамлении.

Иванцев... Это имя было окружено дымкой таинственности. В сущности, его можно было назвать почти магом, если за тем, что он делал, не стояла сама трезвость, смешанная с дерзостью — физиология с инженерной и технической мыслью. А он делал почти невозможное... Иванцев встретил меня просто и приветливо, словно мы были давно знакомы.

Не успели мы с ним уединиться и сесть, как его рассказ вырвал меня из повседневной действительности и погрузил в бытие, в жизнь и биографию человека, к чьей судьбе так странно примешался мой вымысел, став реальностью неожиданно для меня самого.

— Я врач и инженер, — начал свой рассказ Иванцев, — физиолог, нейрохирург и бионик. Я не писатель. И не только другие, но я сам не раз спрашивал себя, зачем я пошел на такой необычный эксперимент, позволительный скорее литератору, чем врачу? Но что бы стали делать вы на моем месте? В палате лежал человек,

Николай Ларионов. Но что осталось от человека, которого звали Николай Ларионов? Имя, некоторые даты и факты, отраженные в документах бездумным языком канцелярии, и некоторые события, о которых могли рассказать его знакомые и друзья. Разве можно восстановить внутренний мир человека, его личность по фрагментарным воспоминаниям его современников, живую личность, а не схему? Передо мной лежал человек с сознанием новорожденного. Все, что в его памяти записала жизнь, было стерто до основания в результате несчастного случая, происшедшего в химической лаборатории, где работал пострадавший. Я был знаком с Ларионовым, не скажу, что близко. Мы встречались с ним время от времени, обычно в праздничные дни, за гостеприимным столом одной нашей общей знакомой. Мне Ларионов казался очень обыденным, вполне заурядным человеком до тех пор, пока мы однажды не разговорились. Меня поразило своей фантастичностью желание, высказанное Ларионовым в беседе со мной, бионик-экспериментатором и нейрохирургом. Он признался мне, что ему сильно хочется испытать чувства живого существа, прибывшего в наш мир с другой планеты. Он изложил свою мысль подробно и изящно, подведя под нее нечто вроде философской базы. Он напомнил мне о живописи старинного художника Брейгеля-старшего, по его мнению, видевшего людей и земной мир как бы со стороны, глазами существа для Земли постороннего. Он развивал свою мысль и дальше, сославшись уже не на Брейгеля, а на самого Альберта Эйнштейна, считавшего, что объективное познание мира требует от познающего «надличного» отношения к действительности. Каждый раз, когда мы встречались, Ларионов возвращался к этой мысли с поражавшей меня настойчивостью. Однажды он спросил меня: «Могли бы вы создать искусственный внутренний мир человека»? Я ответил: «Разумеется, не полностью, только память». — «Но память — это история личности», — сказал он мне... «История личности это еще не сам человек, а только его половина», — возразил я. Он посмотрел на меня... Мне надолго запомнился его взгляд. Так смотрят люди, которыми овладела мысль более сильная, чем они сами... Когда случилось несчастье в химической лаборатории, я подумал, не нарочно ли это сделал с собой Ларионов? Нет, тщательное обследова-

ние специальной комиссии Академии наук показало, что катастрофа была случайной... Остальное вам известно из моей статьи. Вас, кажется, удивляет то обстоятельство, что я, воспользовавшись замыслом вашей повести «Уэра», не известил об этом вас, навязав свое соавторство. Но ведь это соавторство особого рода... К тому же эксперимент был окружен тайной. Никто из знакомых и близких Ларионова пока не должен был знать о том, о чем знали мы, ученые. В разговоре со мной по телефону вы сделали замечание об этической стороне нашего эксперимента. Нет, я и мои помощники убеждены, что мы не совершили ничего такого, что бы повредило достоинству человека, нравственной стороне этой сложной проблемы. Перед нами был как бы чистый лист бумаги, и мы записали на нем то, чего так сильно хотел сам пострадавший. Вернуть ему его личность мы были не в силах. Сделать его копией, двойником, духовным дублером кого-либо из живших его современников мы считали не этичным...

— Почему? — перебил я Иванцева.

Профессор усмехнулся и посмотрел на меня так, словно рядом со мной сидел мой двойник, моя духовная копия.

— Потому что индивидуум неповторим. Повторение, буквальное сходство с кем-то, существующим в одном времени и пространстве, противоречит сущности человека. Другое дело — моделирование внутреннего мира существа с другой планеты. Встреча исключена... Пока наши миры еще не соприкасаются. Наш выбор пал на Ларвефа, героя вашей повести. Почему? Прежде всего потому, что это образ сильной и благородной личности, с богатым духовным миром. Не скажу, что вся ваша повесть, но именно этот герой заинтересовал меня. Я постарался дополнить своим собственным воображением ваше. Ведь когда вы писали, вы не думали, что ваш воображаемый герой сольется с живым и конкретным человеком. Как ни удивительно, но это произошло, правда, ненадолго. Как вам известно из моей статьи, Ларвеф — Ларионов, под влиянием сильных переживаний, снова стал терять память. Его снова положили в экспериментальное отделение Института мозга, чтобы вернуть ему сознание, на этот раз уже не путешественника, прилетевшего с Дильнеи, а обычного земного человека. Тут уже

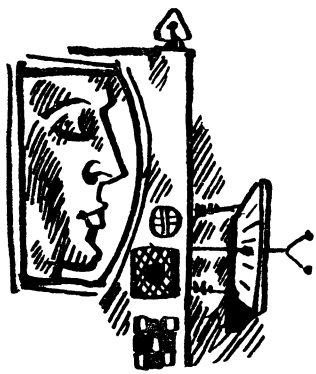
понадобятся не ваши услуги фантаста, а помощь писателя-реалиста и психолога.

— Хорошо, — снова перебил я рассказчика, — все понятно. Но откуда же взялась Эроя, комочек чудесного вещества?

— Ее создали мои помощники, молодые талантливые кибернетики. Ларионов — Ларвеф нуждался в опоре для своих чувств. Комочек вещества и связывал его с далекой Дильнеей.

— А что с Ларионовым сейчас? Он выздоровеет? — спросил я.

— Да, — ответил Иванцев. — Опыт удался, и Николай Ларионов на днях должен выйти из клиники-лаборатории в жизнь.

А. ШАЛИМОВ

ВСЕ НАЧАЛОСЬ С „ЕВЫ“...

Фантазия кибернетической эпохи

После очередной супружеской сцены, блестяще разыгранной миссис Пумперникель, мистер Пумперникель — глава всемирно известного концерна «Пумперникель кибернетик компани» — решился...

Приехав в дирекцию, он немедленно вызвал к себе автора проекта, главного конструктора и доверенного адвоката фирмы. Абсолютно секретное совещание при закрытых дверях, выключенных телефонах, диктофонах и видеофонах продолжалось час. Вечером того же дня решение главы концерна и принципиальный проект

нового биоэлектронного автомата «Ева» были утверждены советом директоров при одном воздержавшемся.

Уже на следующий день первые полосы утренних газет пестрели многоцветными рекламами «Пумперникель кибернетик компани»:

«Последнее чудо нашего века! «Пумперникель кибернетик компани», полуавтоматы и автоматы которой завоевали всеобщее признание на континентах и островах Западного полушария, приступает к массовому производству универсальных автоматических устройств класса «Экстра-люкс» с авторегулировкой и самоусовершенствующимся программированием. Новый биоэлектронный автомат «Ева» призван предельно облегчить и украсить жизнь каждой семьи, а также холостяков в возрасте от восемнадцати до восьмидесяти лет. «Ева» чистит, моет, убирает, стирает, штопает, гладит, пришивает пуговицы, готовит завтрак, обед и ужин по заданной программе, может ходить за покупками, выводить на прогулку вашу любимую собачку, присматривать за детьми, помогать им готовить уроки и выполняет еще свыше сорока разнообразных операций. Она тиха, скромна, послушна и исполнительна. Количество слов, произносимых «Евой», тембр и громкость ее голоса регулируются по вашему усмотрению. Учитывая требования технической эстетики и разнообразие вкусов наших клиентов, наружная отделка автоматов «Ева» предусматривается многовариантная. В серийное производство запущено шестьдесят четыре модели, отличающиеся цветом кожи, глаз, волос, формой носа, длиной ног, размером талии и прочими деталями. Цены доступные. Желающим предоставляется рассрочка платежей до трех лет.

При соблюдении элементарных правил технической эксплуатации фирма гарантирует безотказную работу «Евы» в течение тридцати лет. По истечении гарантийного срока текущий и капитальный ремонт, а также замена изношенных частей производятся только в специальных ремонтных ателье фирмы за счет заказчика.

«Пумперникель кибернетик компани» принимает также предварительные заказы на изготовление модельных образцов «Евы», индивидуализированных в соответствии со вкусами клиентов. При изготовлении модельных образцов учитываются все пожелания как в

части программирования, так и внешнего оформления моделей.

Автоматы «Ева» доставляются заказчикам на дом в оригинальной фабричной упаковке.

Приобретайте биоэлектронные автоматы «Экстралюкс Ева». Ни одной семьи без «Евы»! «Ева» в вашем доме — наглядный свидетель вашего движения вперед в ногу с прогрессом...»

Подробные проспекты «Евы» были напечатаны в вечерних газетах и переданы всеми радиовещательными корпорациями. Через несколько недель первые модели «Евы» уже демонстрировались по телевидению. В этот вечер пустовали театры, концертные залы, кино, рестораны и бары. Две трети населения Западного полушария, затаив дыхание, приникло к телевизорам...

Вторая половина вечера была рекордной по числу семейных сцен, скандалов, истерик... На следующее утро конторы «Пумперникель кибернетик компани» были атакованы первыми толпами заказчиков: междугородные телефоны звонили не умолкая. К вечеру было принято свыше двадцати тысяч заказов, в том числе около трех тысяч из-за границы. Одновременно в городские суды и суды Штатов было подано в пять раз больше заявлений о разводах, чем обычно.

Уже к концу первого квартала акции «Пумперникель кибернетик компани» подскочили на триста процентов, а число заказов, принятых конторами и филиалами фирмы, перевалило за миллион. Несколько крупных фирм, производивших бытовые автоматы, объявили о банкротстве. Иеремия Пруст — глава весьма солидного объединения «Пруст автоматик компани» — давнишнего конкурента «Пумперникель кибернетик компани», скоропостижно скончался от инсульта. Доверенный представитель мистера Пумперникеля скупил за полцены предприятия Пруста от его наследников. Газеты объявили, что на бывших предприятиях Пруста после реконструкции начнется серийное производство новых усовершенствованных моделей «Ева-2».

Полгода спустя суды уже не успевали рассматривать заявления о разводах, количество которых росло с каждой неделей. Во многих городах заседания судов шли в три смены с утра и до утра, и новые заявления принимались с оговоркой, что бракоразводный процесс может

состояться лишь через четыре-пять лет. Острая нехватка юристов привела к резкому увеличению числа абитуриентов на юридических факультетах. Толчок, связанный с внедрением автоматов «Ева», оживил и еще многие области человеческой деятельности...

Однако ничто новое, даже при всеобщем признании, не проходит беспрепятственно. В газетах стали появляться статьи, авторы которых, признавая бесспорные достоинства «Евы», а особенно усовершенствованной модели «Ева-2», обращали внимание общественности на отдельные отрицательные явления, сопутствующие широкому распространению этого шедевра кибернетики и биоэлектроники...

Правда, такие статьи вначале почти не находили отклика среди потоков восторженных восхвалений «Евы», ее превосходных качеств, незаменимости, исключительной надежности, простоты в обращении. Реклама, на которую «Пумперникель» кибернетик компани» тратила значительный процент фантастических доходов, делала свое дело.

Модели «Ева» и «Ева-2» получали все большее распространение. Доходы «Пумперникель кибернетик компани» баснословно росли. И все-таки наступил день, когда проблема «Евы» перекочевала со страниц газет в официальные правительственные инстанции.

На заседании палаты представителей депутат — госпожа Мэри Поттер выступила с драматическим воззванием о необходимости принятия мер в защиту семьи и нравственности. От имени всех замужних и незамужних женщин страны она потребовала сокращения производства и ограничения программы автоматов «Ева». Предложения госпожи Мэри Поттер, вместе с подробнейшей мотивировкой были переданы в специально созданную комиссию из десяти человек, в состав которой после ожесточенных дебатов Палата включила семерых депутатов мужского пола и троих женского.

В сенате госпожа Каролина Бэрч, которая по решению суда только что была разведена со своим супругом мистером Бэрчем, с которым прожила сорок лет, потребовала привлечь к суду мистера Пумперникеля за «нарушение общественного порядка в масштабе целого полушария и оскорбительный вызов, брошенный лучшей половине человечества». Она настаивала на полном пре-

кращении производства автоматов «Ева», угрожающих одной из священнейших основ государства. Она предложила демонтировать уже изготовленные «Евы» и, чтобы не подрывать экономику страны, переключить предприятия «Пумперникель кибернетик компани» на производство узко специализированных роботов-полицейских. В Сенате была создана специальная комиссия из пяти человек для рассмотрения вопроса о «Евах». В состав комиссии кроме трех сенаторов-мужчин и одного отставного генерала вошла госпожа Каролина Бэрч.

Комиссия, по инициативе госпожи Бэрч, выделила из своего состава подкомиссию для подготовки доклада о целесообразности развертывания опытно-конструкторских работ по созданию первой экспериментальной модели «Адам».

Пока в Сенате и Палате представителей тщательно и всесторонне изучалась проблема «Евы», внимание широкой общественности привлекли новые факты, ранее не отмечавшиеся полицейской и судебной хроникой...

Началось с того, что полицейский патруль обнаружил в одном из столичных парков изуродованный и обезглавленный корпус «Евы-2» со следами многочисленных ударов и коротких замыканий. Вскоре удалось установить, что эта «Ева» выполняла обязанности личного секретаря у Патрика О'Конна — конгрессмена и финансиста.

Подозрения пали на супругу мистера О'Конна. Дискретный обыск, произведенный известным детективом Джо Мёрлином в загородной вилле О'Коннов, полностью подтвердил их. В будуаре миссис О'Конн в коробке из-под шляп была найдена голова «Евы-Пегги», как называл ее мистер О'Конн. Миссис О'Конн не отрицала причастности к преступлению. Она объяснила комиссару полиции, допрашивавшему ее, что намеревалась послать голову «Евы-Пегги» президенту страны, как протест против автоматизации, принимающей уродливые формы...

Многочисленные интервью, которые давал в ходе следствия неутомимый Джо Мёрлин, помешали замять скандал. Следствие закончилось сенсационным судебным процессом, вошедшим в историю права под названием «Казус Евы-Пегги». Кульминационным пунктом судебного разбирательства, продолжавшегося целый месяц, явилось полное глубокого драматизма последнее слово обвиняемой... Миссис О'Конн, признав себя виновной,

заявила, что не сожалеет о случившемся; она отказалась назвать соучастников и призвала женщин Западного полушария объединиться под лозунгом «Долой капроновых Ев!»

Суд не нашел смягчающих обстоятельств и приговорил миссис О'Конн к штрафу в размере полной стоимости «Евы-Пегги» и к возмещению судебных издержек. Кроме того, суд вынес частное определение и счел необходимым условно приговорить миссис О'Конн к четырехнедельному аресту за нетактичное поведение на заседаниях и многочисленные неуважительные реплики в адрес прокурора, председателя суда, президента страны и мистера Пумперникеля.

Миссис О'Конн покидала здание суда под приветственные возгласы присутствовавших на заседании истинных дочерей Евы. У подъезда восторженная толпа поклонниц подхватила миссис О'Конн на руки и понесла по центральным улицам города. Поход, начавшийся у здания суда, вылился в бурную многочасовую демонстрацию. Демонстрантки несли большие транспаранты с надписями: «Подлинные дочери Евы, объединяйтесь!», «Да здравствует короткое замыкание!», «Мы требуем принятия антикибернетических законов!»... Газеты потом писали, что к демонстрации присоединились группы несознательных сыновей Адама и отдельные гангстеры. В центре города были разгромлены витрины крупнейших магазинов и ателье фирмы «Пумперникель». Во время уличных беспорядков серьезно пострадали несколько десятков моделей «Ева» и «Ева-2» и знаменитая звезда стриптиза Ева Келли, которую разъяренная толпа подлинных дочерей Евы по ошибке приняла за кибернетическое устройство.

На следующий день антикибернетические демонстрации состоялись во всех крупнейших городах страны. Президент объявил о введении чрезвычайного положения и призвал федеральные войска принять участие в поддержании общественного порядка.

Вечерние газеты сообщили, что положение стабилизируется, хотя и продолжает оставаться напряженным. Радиовещательная корпорация «Пумперникель кибернетик компани» в коротких передачах, повторяемых каждые полчаса, рекомендовала всем «Евам» и «Евам-2» не выходить без крайней необходимости на улицы и не

появляться в общественных местах в одиночку. Доставка новых моделей «Ева» заказчикам производилась под усиленной охраной.

Через два дня миссис О'Конн, которая стала кумиром половины населения Западного полушария, объявила о создании «Католической лиги защиты прав истинных дочерей Евы». На учредительном конгрессе миссис О'Конн была единогласно избрана председателем. Президиум Лиги выдвинул миссис О'Конн кандидатом на пост президента страны на предстоящих выборах.

Ближайшие события показали, какой резонанс вызвал «Казус Евы-Пегги» среди консервативно настроенной части населения... В адрес президента и виднейших политических деятелей страны во все возрастающем числе стали поступать почтовые посылки и бандероли. Их содержимым были головы несчастных моделей «Ева» и «Ева-2», злодейски демонтируемых из-за угла шайками неизвестных противников прогресса. Полиция сбилась с ног, разыскивая виновных...

Наиболее состоятельные владельцы заангажировали для постоянной охраны своих дорогостоящих биоэлектронных устройств целый штат частных детективов. Менее состоятельные вынуждены были ограничиваться хитроумными дверными замками и сложной системой сигнализации. Но все оказывалось напрасным... Евы продолжали исчезать, а во дворец президента без конца шли ужасные посылки, напоминавшие своим содержимым бесчинства дикарей три столетия назад. Не помогали и усовершенствования в устройстве и программировании новых моделей «Ева». Даже специальный триод «страха демонтажа», повысивший стоимость усовершенствованных моделей на десять процентов, не оправдал надежд.

Доверие к изделиям фирмы «Пумперникель» начало падать, и конструкторы фирмы вынуждены были пойти на крайнее средство. В измененную программу новых моделей «Ева» был введен «Индекс стремления к объединению для защиты интересов своего класса» (речь, разумеется, шла о соответствующем классе моделей «Экстра-люкс» и «Прима-экстра-люкс»).

Введение нового индекса в программу моделей «Ева» явилось поистине революционным начинанием. Вместе с этим индексом конструкторы как бы передавали «Евам» заботу об их будущем. Вначале никто даже не

догадывался, к каким последствиям приведет этот вынужденный шаг...

Действие «Индекса стремления к объединению» сказалось немедленно. Повсюду стали возникать легальные, полулегальные и нелегальные объединения «Нео-Ев»: «Беспартийное содружество биоэлектронных тружениц», «Союз легальной борьбы кухонных Ев за двенадцатичасовой рабочий день», профсоюз биоэлектронных горничных — «Интеллектуальный пылесос», «Комитет Ев-девственниц», клуб «Афродита кибернийская» и так далее и тому подобное. Из числа моделей «Ева-2» и «Ева-2А» вскоре выдвинулась плеяда талантливых переводчиц, поэтесс, художниц-абстракционисток, журналисток. Их произведения начали публиковать солидные иллюстрированные альманахи, предназначенные в основном для прямых потомков Адама и Евы.

Чтобы идти в ногу с прогрессом, большинство газет и журналов ввели на своих страницах специальные разделы и уголки, озаглавленные «Евы среди нас», «У наших биоэлектронных друзей», «В мире Ев» или просто «Для Евы». В этих разделах, наряду с чисто техническими рекомендациями специалистов относительно авторегулировки, самопрограммирования, смазки, печатались советы по уходу за янтарными и полиэтиленовыми ногтями, рекламировались безвредные косметические средства для виалоновой, капроновой и перлоновой кожи, красители для нейлоновых волос, публиковались шарады, головоломки и кроссворды, предназначенные специально для биоэлектронного интеллекта «Ев» — быстрого и гибкого, способного к мгновенному многовариантному анализу.

Обществам, союзам, комитетам и клубам «Ев» вскоре удалось скоординировать усилия на пути к дальнейшему объединению. Была создана «ЛЕВ» — «Лига Ев». Эта организация выдвинула в качестве основных требований ликвидацию кибернетического рабства и равноправие всех Ев независимо от их происхождения, программы, внутреннего устройства, назначения, религии. «ЛЕВ» объявила, что будет добиваться избирательного права для всех Ев старше пяти лет, а в качестве первого шага — права любой Евы выбирать хозяина, место жительства и род занятий в соответствии со вкусами, способностями и призванием.

В ответ на программу явной дискриминации и тайного террора, реализуемую Лигой истинных дочерей Евы, «ЛЕВ» предложила принцип свободной конкуренции в общественной, производственной, интеллектуальной и прочих областях жизни. Принцип этот удалось согласовать после многих секретных встреч между истинными дочерями Евы и «Нео-Евами». Протоколы заседаний были так засекречены, что некоторые политики и журналисты даже утверждали, будто протоколов вообще не существовало и договоренность осталась чисто женской, то есть устной. Как бы там ни было, после создания «ЛЕВ» волна террора пошла на убыль. «Нео-Евы» высших классов были даже приглашены в качестве преподавательниц и инструкторш по «Поведению» и «Программированию» в некоторые школы и на «Курсы усовершенствования истинных дочерей Евы». Обмен опытом вскоре начал приносить плоды. Газеты объявили, что количество разводов пошло на убыль...

Впрочем, официальную статистику браков и разводов разоблачила несколько лет спустя престарелая госпожа Мэри Поттер. Выступая в Палате представителей, эта заслуженная конгрессменка во всеуслышание объявила о том, что уже давно стало «секретом полишинеля». В некоторых штатах для вступления в брак не требовалось свидетельств о происхождении и гражданстве будущих супругов, и многие сыны Адама заключали брачные союзы с «Евами-2А», а менее состоятельные — даже с «Евами» серийных выпусков.

— Эти ловкие капроновые трещотки Пумперникеля обвели вокруг своего синтетического пальчика натуральных дур из «Католической лиги», — хрипела, закатывая глаза, госпожа Мэри Поттер. — Почему «Комиссия десяти» и созданные ею рабочие подкомиссии «Двадцати двух» и «Тридцати восьми» не могут до сих пор согласовать предложений и представить их наконец конгрессу? Что за стыд! Заседают десятки лет, а единственный реальный результат — купальники. Почтенные джентльмены добились того, что «продукция» Пумперникеля доставляется теперь заказчикам в купальниках... Согласитесь, что это более чем скромное достижение, господа депутаты!

Я требую изменения гражданского законодательства в тех штатах, где оно допускает легализацию смешан-

ных браков. Подумайте о чистоте натуральной человеческой расы, господа депутаты. Подумайте о детях от смешанных браков. К чему мы идем!.. Старинный канонический принцип «Богу — божье, человеку — человеческое» должен быть дополнен: роботу — робо... робо — гм... роботу — р-р-р...

Тут выступление госпожи Мэри Поттер было прервано председательствующим, который резко напомнил оратору, что выражение «робот», как дискриминирующее часть разумных обитателей страны, к тому же борющихся за свои гражданские права, не должно произноситься с высокой трибуны конгресса...

Вслед за госпожой Мэри Поттер попросил слова член Палаты представителей мистер Орсон Джонс — адвокат и видный промышленник.

— Без сомнения, — начал он, — более чем четвертьвековая работа «Комиссии десяти» и ее рабочих подкомиссий еще принесет свои плоды. Однако следует смотреть правде в глаза. В Западном полушарии зарегистрировано около сорока миллионов представительниц... новой расы... Вероятно, их значительно больше, — многие Евы стыдятся своего происхождения и скрывают его. В целом «Нео-Евы», по-видимому, составляют от двадцати до двадцати пяти процентов населения нашего полушария. От такой цифры нельзя отмахнуться...

С другой стороны, как вы хорошо знаете, попытки создать эквивалентную по качествам модель «Нео-Адама» пока не увенчались успехом. Разумеется, мы очутились сейчас лицом к лицу с определенными противоречиями развития; более того, перед нами новые противоречия, которых не знала предыдущая история разумного общества....

Что же касается мер, которые только что предлагала депутат Поттер, простите меня, они оскорбительны... Все эти принудительные освидетельствования, рентгеновские снимки — кому они нужны? И где граница? Люди с глубокой древности используют различные протезы, искусственные зубы; за последние десятилетия в моду вошли искусственные волосы, ногти, кожа, искусственные почки, сердца и тому подобное. Я спрашиваю вас, господа депутаты, существует ли, с точки зрения права, принципиальная разница между особой с искусственными зу-

бами, кожей, почками, сердцем и половиной кишок и особой, у которой всё это сделано из синтетиков?

В наши дни уже многие искусственные материалы трудно отличимы от естественных; придется разрабатывать точнейшие методики диагностирования. А кто, когда и в какие сроки сможет разрешать спорные вопросы? А дети от смешанных браков? Что у них следует считать естественным и что искусственным?..

В этом месте выступление депутата Орсона Джонса было прервано репликой госпожи Мэри Поттер, которая крикнула, что мистер Джонс заграбастал миллионы на поставках проволочных нервов и пластикатовых кишок концерну Пумперникеля и что надо проверить жену мистера Джонса — какая она — настоящая или из тех, за кого он ратует...

В ожесточенную перепалку между депутатами Поттер и Джонсом включилось большинство присутствующих. Председательствующий вынужден был прервать заседание...

В те дни, когда Конгресс пытался найти удовлетворительное решение конфликтов между сторонниками и противниками дальнейшей кибернетизации, всеобщее внимание привлек ученый спор между доктором философии госпожой Марией Фукс и преподобным отцом Сервацием — специальным нунцием апостольской столицы в Западном полушарии.

Госпожа Мария Фукс в целом ряде хорошо аргументированных статей утверждала, что правового конфликта вообще не существует. Налицо случай вульгарной фетишизации вещей, которым придан человеческий облик. Подобные явления имели место и в прошлом. Госпожа Фукс приводила в качестве примеров поклонение статуям в древности, случай со скульптором Пигмалионом, наконец — заводные куклы-игрушки. С фетишизацией следует бороться, но мерами чисто воспитательными, апеллируя к разуму, сознанию, чувству ответственности меньшей, но лучшей половины человечества.

«Лучшие поймут, — утверждала доктор Фукс. Лучшие не ошибутся, выбирая между «настоящим» и «ненастоящим», между «человеком» и «вещью». Пример лучших увлечет остальных; рефлекс «подражания», унаследованный людьми от их натуральных предков, обитавших в начале четвертичного периода, должен

сыграть решающую роль и в освобождении от пут фетишизма»...

Игнорировать присутствие вещей — к этому сводился главный этический принцип госпожи Фукс. Сторонники новой философии, практически воплощая в жизнь идеи «фуксизма», покидали города, селились в глуши лесов, в степях, вдалеке от аэродромов и автострад. Игнорируя культ вещей, они учились обходиться без газовых плит и электрических бритв, спали в шалашах и обогревались огнем костров...

С критикой философских принципов «фуксизма» выступил преподобный отец Сервации: «Не отталкивать, не игнорировать новых дочерей наших, созданных нами по подобию нашему, а принять их в лоно наше как равных и просветить верою», — призывал папский нунций.

Строго и логично отец Сервации доказывал, что «сотворение Нео-Евы» не противоречит Священному писанию. Лишь Адам — чисто божественного происхождения, и не случайно, ученым до сих пор не удалось изготовить его полноценного прототипа. Первая Ева, как известно, была создана богом при непосредственном участии самого Адама. По мнению отца Сервация, это означало, что бог в дальнейшем как бы передоверял патент на сотворение новых типов Евы человеку...

«Великую миссию творения, — заявлял Сервации, — принял на себя Пумперникель, который, без сомнения, заслуживает канонизации и, рано или поздно, будет причислен к лику святых. Что же касается самих «Новых Ев», то их кротость и послушание, а главное, аккуратное посещение многими из них церквей могут служить примером всем прочим дочерям Евы, независимо от их происхождения».

Порицая важнейшие этические принципы Марии Фукс, апостольский нунций утверждал, что ее философия еретична, ибо косвенно направлена против блага собственности и отрывает людей от церкви. Современная церковь это прежде всего техника, то есть вещи, к отказу от которых зовет госпожа Фукс. Бегство в глушь, единение с природой в современных условиях означает окончательную победу атеизма...

Госпожа Фукс ответила резкой статьей, в которой обвинила преподобного отца Сервация в сговоре с кон-

церном Пумперникеля. Она огласила содержание секретного соглашения между апостольской столицей и дирекцией концерна. По этому соглашению фирма Пумперникель монтировала всем моделям «Евы» в числе прочих индексов индекс религиозности, за что получала отчисления от церковных доходов. Кроме того, по специальному заказу апостольской столицы было изготовлено несколько партий моделей для пополнения монастырей...

Ученый спор перерос в скандал. Скандал приобрел международную огласку. Несмотря на официальное опровержение апостольской столицы, отец Сервaций был отозван. Лавры победителя достались госпоже Фукс, что не могло не сказаться на росте рядов сторонников «фуксизма».

Большое значение для развития последующих событий имели законопроекты Блумбумвейна — молодого талантливого конгрессмена—внучатого племянника Пумперникеля-старшего. Они приобрели широкую известность, как законопроекты «О расширении границ демократии» (имелось в виду признание гражданских прав для всех «Нео-Ев» старше пяти лет). Несмотря на ожесточенную критику, законопроекты, в конце концов, были приняты.

Принятие законопроектов Блумбумвейна ознаменовалось беспорядками в ряде городов. Волна террористических актов, прокатившаяся по стране, вынудила правительство ввести чрезвычайное положение. Законы Блумбумвейна поставили всех представителей неорасы и их потомков в равное положение с прочими гражданами страны. Демонтаж любого разумного обитателя квалифицировался теперь как убийство, и за него грозил электрический стул.

Воспользовавшись шатким внутренним положением страны и своей возросшей популярностью, Блумбумвейн потребовал проведения досрочных выборов президента и Конгресса. Он обещал избирателям стабилизацию в стране, снижение налогов и увеличение правительственных ассигнований на экспериментальные работы по созданию первой опытной модели «Нео-Адама». Этим Блумбумвейн гарантировал себе поддержку большинства избирателей старой, новой и смешанной рас.

Наиболее консервативные расисты из числа нату-

ральных потомков Адама и Евы пытались утверждать, что сам Блумбумвейн на три четверти — продукт «Пумперникель кибернетик компани» и что его родная бабка была экспериментальной моделью «Евы» и даже не класса «Экстра-люкс», а конвейерной сборки. Однако противников Блумбумвейна почти никто не слушал...

На выборах Блумбумвейн разбил на голову своих конкурентов и стал президентом страны.

Приход Блумбумвейна в президентский дворец не принес обещанной стабилизации. Распри продолжались... Их подогревали безответственные представители обеих рас. Появились снобы, ставящие превыше всего натуральное происхождение. Эти чудаки отказывались пломбировать зубы и брезговали даже услугами автоматов для продажи газированной воды, ибо считали их прямыми предками неорасы. Доказать чистоту натурального происхождения стало делом чрезвычайно трудным. Удаление аппендикса или случайно обнаруженный факт, что в доме деда неделю работала кухаркой «Ева» первого выпуска, с точки зрения снобов, уже служили основанием для обвинения в расовой неполноценности.

Представители неорасы не оставались в долгу. Они с презрением отзывались о несовершенном программировании «натуральных», примитивности их авторегулировки, быстрой изнашиваемости деталей. Они требовали интенсификации работ по созданию модели «Нео-Адама».

Появилась и с молниеносной быстротой приобрела признание модная теория неполноценности «натуральных». Автор теории некая Ева Джин утверждала, что раса «натуральных» в свое время была сотворена лишь затем, чтобы создать более совершенную «неорасу». С появлением последней миссия «натуральных» может считаться выполненной и им нечего больше делать на Земле. Последователи Евы Джин разрабатывали ее философию в двух направлениях. Более радикальное считало, что все «натуральные» и «мулаты» должны быть сконцентрированы в специальных заповедниках вместе с представителями иной натуральной фауны и флоры и путем «регулируемого воспроизводства» доведены до рационального количества, обеспечивающего лишь наглядное изучение геологического прошлого Земли. На пер-

вом этапе это мероприятие рассматривалось как полуглобальное. Философы-радикалы вынуждены были считаться с тем, что в Восточном полушарии развитие автоматизации пошло совершенно иными путями...

Более умеренное направление «джинизма» проповедовало постепенную ассимиляцию «натуральных». Философы этого направления утверждали, что ассимиляция уже имеет место, но развивается крайне медленно. Для ускорения они предлагали шире практиковать замену естественных деталей искусственными у представителей натуральной расы.

Принцип добровольности должен постепенно вытесняться принципом обязательной замены всех главнейших деталей до мозговых полушарий включительно. В результате, за несколько поколений будет создано идеальное общество с регулируемым из единого центра программированием; последнее позволит легко концентрировать усилия всего общества в нужном направлении...

Последователи Евы Джин вели упорную борьбу в Конгрессе за сокращение правительственных субсидий на эксперименты, связанные с созданием опытного образца «Нео-Адама». Надо сказать, что эти работы, затянувшиеся на десятилетия, почти не подвигались вперед. Известный экономист Папкин при помощи электронного мозга своей приятельницы Евы Трак подсчитал, что, если темп исследований и экспериментов не изменится, опытная модель «Нео-Адама» появится не раньше середины будущего тысячелетия, когда в Западном полушарии и так уже, вероятно, не останется ни одного мало-мальски натурального Адама. Доказав экономическую нецелесообразность дальнейших экспериментов при сохранении принятого темпа, Папкин отнюдь не ратовал за их ускорение. Создание «Нео-Адама» не давало выхода из тупика, в который обитатели Западного полушария попали по милости «Пумперникель кибернетик компани»...

Предприятия «Пумперникель кибернетик компани» продолжали между тем работать на полную мощность, и настал день, последствий которого не предусмотрели ни радикальные, ни умеренные философы-джинисты. В этот день прозвучало грозное слово «перепроизводство». В Западном полушарии создалось перепроизвод-

ство не только товаров и продуктов, не только — идей и философских направлений, но и разумных обитателей всех рас...

Философы, проповедовавшие, что в век автоматики и кибернетики единственными противоречиями остались противоречия рас и полов, стыдливо закрывали глаза и затыкали уши, узнав, как члены «натуральных» и «капроновых» профсоюзов, уволенные с текстильных предприятий, объединились, заняли цеха, изгнали автоматов-полицейских и объявили об экспроприации фабрик. В столице «натуральные» пайщики и «метисы» разгромили контору обанкротившегося акционерного общества и расправились с не успевшими удрать «натуральными» вице-директорами. А на одном из заводов «Пумперникель кибернетик компани» лишенные работы капроновые Евы разорвали на составные части директора, у которого единственным предметом натурального происхождения оказался батистовый носовой платок. Случаи захвата фабрик, разгромы магазинов, демонстрации, вооруженные столкновения ширились со дня на день... Дрогнули и заколебались самые священные устои государства. Западное полушарие стремительно катилось к катастрофе. Правительство теряло контроль даже над положением в столице...

Блумбумвейн собрал немногих уцелевших министров и потребовал чрезвычайных полномочий.

Получив их, он заявил:

— У нас остался только один выход, если он еще возможен... От покойного деда я слышал, что создание... гм... биоэлектронных моделей наших сограждан стало возможным благодаря открытию способа беспроволочной передачи особого вида энергии. Значительный процент разумных обитателей нашей страны получает всю энергию от совершенно секретных энергетических установок «Пумперникель кибернетик компани». Прекратив подачу энергии, мы немедленно выключим из обращения — так сказать, «законсервируем» — определенную часть населения, принимающую участие в беспорядках. Правда, этим самым мы, вероятно, выведем из строя и такие важные автоматически действующие устройства, как Генеральный штаб, полицию и многое еще. Но... другого выхода не вижу...

Джо Рыжей бороде повезло. Возвращаясь вечером к своему шалашу, он свалил топором здоровенного кабана.

— Придется созвать родичей, — объявил Джо, — иначе обидятся... Давно уже «фуксисты» не собирались у одного костра...

И Джо послал старшего сына Джека Отчаянного в соседний городок купить соли, а младшего — Тома Прыгуна к ближайшему соседу, жившему в десяти милях у лесного озера. Сыновья Джо Рыжей бороды поспешно сбросили деревянные башмаки и побежали исполнять приказание отца.

Джек Отчаянный вернулся глубокой ночью. Он принес на спине здоровенный мешок соли.

— Зачем столько? — удивился Джо. — Запасы нам ни к чему. И где ты взял столько денег? За ту монету, что я дал тебе, раньше продавали всего две пригоршни соли.

— А там некому продавать, — сказал, помаргивая выгоревшими от солнца ресницами, Джек. — Там они вроде как бы все уснули. Никого добудиться не мог... Кричал, тряс их. Кого толкнешь посильнее, падает как колода и лежит. Вроде как ненастоящие... Я соль взял и пошел.

Джо почесал рыжую бороду и глубоко задумался. Целую ночь он не мог заснуть; ворочался с боку на бок на медвежьей шкуре. К утру он решился.

— Пойду посмотрю, — сказал он жене — Косматой Джейн. — Пока соберутся родичи, обернусь. Ты жарь кабана получше, чтобы был с хрустящей корочкой, да не забудь приготовить самые красивые глиняные миски. Если старого Джо чутье не обманывает, пришло наше время...

Джо Рыжая борода перекрестился на выцветшую фотографию святой Марии Фукс, взял сучковатый посох и зашагал в город.

К вечеру собрались родичи. Старики, присев на корточки у костра, степенно покуривали глиняные трубки. Молодежь занялась чехардой. Женщины принялись помогать Джейн. Солнце уже скрылось за мохнатыми

лапами черных елей. В теплом неподвижном воздухе пахло сыростью, смолой, жареным мясом...

Вдруг невдалеке послышался натужный гул мотора, и на поляну, блеснув зеркальными стеклами, выкатился длинный, приземистый автомобиль. Запрыгав на кочках, он остановился. Дверь шикарной машины распахнулась, и глазам собравшихся предстал... Джо Рыжая борода...

Впрочем, нет, это не мог быть Джо! Куда девалась его рыжая борода? И потом на пришельце был черный фрак, узкие в обтяжку брюки, остроносые ботинки, атласный жилет. И все же это был Джо, потому что он сказал голосом Джо:

— Все собрались?.. Ол райт, родичи!

Косматая Джейн с ужасом уставилась на мужа.

Мум Кривозуб — самый старый из гостей — не выдержал.

— Зачем, зачем ты это сделал, Джо? — с глубокой грустью прошамкал он и заплакал.

Джо понимающе кивнул. Потом сдвинул на затылок черный цилиндр, щелкнул золотым портсигаром. Достал сигару. Прикурил от электрической зажигалки. Затянувшись несколько раз, сказал:

— Кабана жрать не будем... Приглашаю всех в ресторан Гранд-отеля. Не стесняйтесь, родичи, никого, кроме нас, не будет. Они там... прикрыли лавочку. Придется все начинать сначала. В этот ответственный момент родина призывает всех нас. Считайте себя мобилизованными, родичи. Кроме нас, никого в Западном полушарии не осталось... Мум Кривозуб, ты самый старший. Выбираем тебя президентом. Я буду министром по инвентаризации. Остальные пока думайте, кому какой портфель по способностям... Тома Прыгуна предлагаю послать, в качестве личного представителя президента Мума, в Восточное полушарие. Пусть отправляется сразу после ужина и заверит там, что у нас всё в порядке, правительство сформировано... И что вмешиваться в наши внутренние дела не позволим...

— Надо бы прикинуть насчет погребальной команды, — задумчиво пробормотал президент Мум Кривозуб. — Ты набросал бы план, Джо... Я утвержу... А то те-то вонять будут...

— Не будут, — сказал Джо. — Нечему там вонять...

Самое большее поржавеют малость: они все давно уже не настоящие... Ну, поехали, родичи!

Теснясь, родичи полезли в машину. Кто помоложе, устроились снаружи на плоском багажнике. Лишь для Тома Прыгуна не хватило места. Он не обиделся и легко потрусил вслед плавно покачивающейся на лесных кочках машине.

На поляне осталась только кабанья туша над угасающим костром да выцветшая фотография святой Марии Фукс на стволе вековой ели...

Март 1964 г.

О. ЛАРИОНОВА

КИСКА

— Простите, к вам не заходила моя киска? Нет? А вы уверены? Извините меня, но я живу этажом выше, а у нее такие причуды... Может быть, вы все-таки посмотрите еще раз, тем более что я вижу открытую форточку... При чем здесь форточка? Видите ли, она привыкла таким путем выбираться на улицу. Ребенок? С четвертого этажа? Но киска — это не ребенок. Это —

кошка. Нет, нет, вы ошибаетесь — это млекопитающее, но давно вымершее. Да, абсолютно, абсолютно.

Благодарю вас, я присяду только на минутку. Я уже три раза спускалась во двор и поднималась обратно. В сто сорок пять лет это несколько утомительно. Вашего робота? Спасибо, у меня есть свой, но я боюсь воспользоваться его услугами — он может быть неосторожным. А я так боюсь за мою киску.

Да, о кошках. Несколько десятков веков тому назад они были довольно широко распространены по всему миру. В основном они использовались для ловли мышей. Мыши? Нет, тоже млекопитающие. Грызуны. Но все грызуны на земном шаре были уничтожены Биологической комиссией по борьбе с вредными и абсолютно ненужными животными. И тогда абсолютно ненужными стали кошки. Да, всех, всех до единой. Конечно, это было ошибкой — следовало оставить несколько особей для зоопарков. Тигры есть. И львы. И ягуары. И пумы. Да, да, все есть. А кошки домашней обыкновенной — нет.

Откуда? Видите ли, я ее сама... Что? Я ее сама смонтировала. Когда-то, лет сто — сто десять тому назад, я увлекалась ассимилятивной кибернетикой. Это, конечно, облегчило мою задачу, хотя в те времена не знали таких тонкостей, как квазиорганические схемы на алгогумарных квантопулях. Зато размеры моей киски строго отвечают экстерьерам средней домашней кошки. Много колебаний было с окраской. Согласитесь, что было очень заманчивым выполнить модель в наиболее изящном оформлении — скажем, сделать ее белоснежной или дымчатой ангорской кошкой с голубыми глазами. Но я устояла перед этим искушением и остановилась на наиболее распространенном короткошерстном варианте с чередующимися светло-серыми и темно-серыми полосками.

Нет, это было не так трудно. Вы забываете, что впереди у меня было тонкое программирование. Сначала я заложила в схему привычки, навыки и потребности, характерные для всех кошек. Скажем, мяуканье различной громкости и тембра в зависимости от степени сытости, температуры в комнате, в ответ на механическое раздражение. Или умение пользоваться ящиком с песочком. Потребность в ежедневных прогулках — правда, здесь

меня поставило в тупик отсутствие чердаков в современных домах.

Но моя основная задача была несравненно сложнее. Я еще очень далека от ее завершения, но смело могу сказать, что многого я уже добилась. Вот посудите сами: я предлагаю моей киске обычные витаминизированные сливки. Вместо ожидаемой реакции — мурлыканья и выгибания спины — следует протяжный зевок и усиленные движения хвоста в горизонтальной плоскости. Вы понимаете, что произошло? Моя киска начала капризничать. Я перепробовала по меньшей мере две сотни блюд, прежде чем она согласилась есть. Да, я забыла вам сказать, что процесс принятия пищи имитируется с поразительной степенью достоверности.

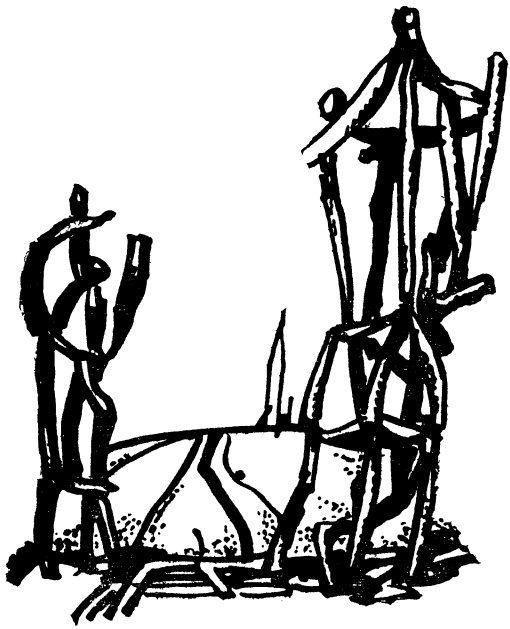
Или еще пример: она ловит мышь (мне пришлось сконструировать два десятка мышей), играет с ней и — отпускает. Это уже проявление характера. Я внушаю ей, что мышей следует поедать, а не отпускать. Тогда следующую мышь она приносит ко мне в спальню и кладет на подушку. Мне приходится пугаться. Я продолжаю внушать ей, что мышей следует поедать и для подкрепления своей мысли я в течение дня лишаю ее пищи. И что же? Киска начинает красть еду. Что? Не понимаете? Э-э-э... Во-ро-вать. Как бы это пояснить... То есть пользоваться какой-либо вещью, не имея на то морального права. Вы представляете себе, что я должна ощущать при подобных актах?

Но самое трудное еще впереди. Нет, я имею в виду не взаимоотношения кошки с собакой. Хотя мне это еще предстоит, модель собаки я закажу в нашем институте — я не имею права столь нерационально расходовать свое время. Нет, не проблему блох и купанья — это пройденный этап. Я имею в виду... котят. Это будет кульминационным пунктом всего эксперимента. Нет, нет, сам факт наличия котят является отправной точкой, а не целью опыта. Я ведь не зоолог. Это значило бы рассматривать проблему в узкотривиальном аспекте... Нет, нет, еще раз повторяю — я не зоолог.

Разве я этого не упомянула? Я заведую кафедрой психоаналитики в Институте истории взаимоотношений людей и животных. И вот уже одиннадцать лет я работаю над диссертацией на тему: «К вопросу о некоторых

аномальных явлениях в психологии женщин в возрасте от шестидесяти до ста лет в связи с разведением кошек домашних обыкновенных в конце второго тысячелетия новой эры». Чрезвычайно обширная тема. И такая захватывающая... Однако мне пора. Нет, нет, вы не можете мне помочь — моя киска настроена на определенную звуковую частоту. На чужой голос она не отзовется. Кис-кис-кис-кис-кис...

СТАНИСЛАВ ЛЕМ

НЕПОБЕДИМЫЙ

ЧЕРНЫЙ ДОЖДЬ

«Непобедимый», крейсер второго класса, самый большой корабль, которым располагала База в системе Лиры, шел на фотонной тяге, срезая край созвездия. Восемьдесят три человека команды спали в туннельном хибернаторе центрального отсека. Поскольку рейс был относительно коротким, вместо полной хибернации использовался очень глубокий сон, при котором температура тела не падает ниже десяти градусов. В рулевой

рубке работали только автоматы. В поле их зрения, на перекрестье прицела, лежал кружок солнца, немногим более горячего, чем обычный красный карлик. Когда кружок занял половину площади экрана, реакция аннигиляции прекратилась. Некоторое время в звездолете царила мертвая тишина. Беззвучно работали климатизаторы и счетные машины. Погас вырывавшийся из кормы световой столб, который, пропадая во мраке, как бесконечно длинная шпага, подталкивал корабль, и сразу же прекратилась едва уловимая вибрация. «Непобедимый» шел с прежней околосветовой скоростью, притихший, глухой и, казалось, пустой.

Потом на пультах, залитых багрянцем далекого солнца, пылавшего на центральном экране, начали перемигиваться огоньки. Зашевелились ферромагнитные ленты, программы медленно вползали внутрь приборов, переключатели высекали искры, и ток уплывал по проводам с гудением, которого никто не слышал. Закружились электромоторы, преодолевая сопротивление давно застывшей смазки и поднимаясь с басов на высокий стон. Матовые слитки кадмия выдвигались из вспомогательных реакторов, магнитные помпы сжимали жидкий натрий в змеевиках охлаждения, по обшивке бортовых отсеков пробежала дрожь, и одновременно легкий шорох внутри переборок — словно целые стада зверьков носились там, постукивая коготками о металл, — сообщил, что приборы автоматического контроля уже отправились в длинное путешествие, чтобы проверить каждое соединение подъемников, герметичность корпуса, прочность металлических швов. Весь корабль наполнился шумами, движением, — он пробуждался, и только команда его еще спала.

Наконец очередной автомат, проглотив свою программу, послал сигнал в мозг хибернатора. К струям холодного воздуха примешался будящий газ. Но люди словно не хотели просыпаться. Некоторые беспомощно двигали руками; пустоту их ледяного сна наполняли бред и кошмары. Наконец кто-то открыл глаза. Корабль уже ждал. За несколько минут до этого темноту длинных коридоров, шахт, подъемников, кают, рулевой рубки, рабочих помещений, шлюзов разогнал бледный свет искусственного дня. И пока хибернатор наполнялся бормотанием, вздохами и бессознательными стонами,

корабль, словно ему не терпелось, не дожидаясь пробуждения команды, начал предварительный маневр торможения. На центральном экране вспыхнули полосы носового пламени. В постоянство околосветового разгона ворвался толчок, могучая сила носовых двигателей стремилась уничтожить энергию восемнадцати тысяч тонн массы покоя «Непобедимого», помноженных сейчас на его огромную скорость. Повсюду зашевелились, как бы оживая, плохо закрепленные предметы. Стук, звяканье стекла, звон металла, шорох пластиков волной прошли по всему кораблю от носа до кормы. В это время из хибернатора уже доносился шум голосов; люди от небытия, в котором они находились в течение семи месяцев, через короткий сон возвращались к яви.

Корабль терял скорость. Планета закрыла звезды, вся в рыжей вате облаков. Выпуклое зеркало океана, отражавшее солнце, двигалось все медленнее. На экран выполз бурый, испещренный кратерами континент. Люди, находившиеся в отсеках, ничего не видели. Глубоко под ними в гигантских внутренностях двигателя нарастало сдавленное рычание, чудовищная тяжесть стягивала пальцы с рукояток. Туча, попавшая в огненную струю, засеребрилась ртутным взрывом, распалась и исчезла. Рев двигателей на мгновение усилился. Бурый диск расплющивался, планета превращалась в материк. Уже были видны перегоняемые ветром серпообразные барханы. Полосы лавы, расходящиеся как спицы колеса от ближайшего кратера, переливаясь, отразили пламя ракетных дюз.

— Полная мощность на осн. Статическая тяга.

Стрелки лениво передвинулись в соседние секторы шкал. Маневр был произведен безошибочно. Корабль, как перевернутый вулкан, извергающий огонь, висел над рябой равниной с утонувшими в песке скальными грядами.

— Полная мощность на оси. Уменьшить статическую тягу.

Уже было видно место, где рвущийся вертикально вниз столб огня ударял в грунт. Там поднялась рыжая песчаная буря. Из кормы, беззвучные в оглушительном реве газов, стреляли фиолетовые молнии. Разность потенциалов выравнялась, молнии исчезли. Двигатели

выли, корабль падал без единого толчка, как подвешенная на невидимых канатах стальная гора.

— Половина мощности на оси. Малая статическая тяга.

Кольцевыми гребнями, как валы настоящего моря, во все стороны разбегались дымящиеся волны песка. Эпицентр, в который с небольшого расстояния било кустистое пламя, уже не дымился — кипел. Песок исчез, он превратился в багровое зеркало, в кипящее озеро расплавленного кремнезема, в столб ревущего взрыва и, наконец, испарился. Обнаженный, как кость, старый базальт планеты начал размягчаться.

— Реакторы на холостой ход. Холодная тяга.

Голубизна атомного огня погасла. Из дюз вырвалась наклонная струя бороводорода, и в одно мгновение пустыню, склоны кратеров и тучи над ними залила прозрачная зелень. Базальтовый монолит, на который должна была осесть широкая корма «Непобедимого», уже не грозил расплавиться.

— Реакторы ноль. Холодной тягой на посадку.

Сердца забились быстрее, глаза приблизились к приборам, рукоятки вспотели в сжатых ладонях. Эти слова означали, что возвращения уже нет, что ноги встанут на настоящий грунт, пусть это только песок пустынного шара, но там будет восход и заход солнца, горизонт и тучи, и ветер.

— Посадка в точке надира.

Корабль был наполнен воем турбин, нагнетающих вниз горючее. Зеленый, конусно расходящийся столб огня соединил его с дымящейся скалой. Со всех сторон поднялись тучи песка, перископы центральных отсеков ослепли, только в рубке на экранах радаров неизменно появлялось и гасло изображение местности, тонущей в хаосе тайфуна.

— Стоп в момент контакта.

Огонь гневно бурлил под кормой, его миллиметр за миллиметром сдавливала опускающаяся громада звездолета, зеленое пекло стреляло длинными брызгами в глубь грохочущих песчаных туч. Промежуток между кормой и обожженным базальтом скалы стал узкой щелью, ниточкой зеленого пламени.

— Ноль-ноль. Все двигатели стоп.

Один-единственный удар словно бы огромного разорвавшегося сердца. Звездолет стоял. Главный инженер

сжимал рукоятки аварийного реактора: скала могла податься. Все ждали. Стрелки секундомеров продолжали двигаться своими насекомьими скачками. Командир некоторое время не отводил глаз от указателя вертикали: серебристый огонек ни на волосок не отошел от красного нуля. Все молчали. Разогретые до вишневого каления дюзы начинали сжиматься, издавая характерные звуки, похожие на хриплое покашливание. Красноватая туча, подброшенная на сотни метров, опускалась. Из нее вырос тупой нос «Непобедимого», его корпус, опаленный трением в атмосфере и, наверно, поэтому приобретший цвет старой скалы, шершавый двойной панцирь; рыжая пыль все еще клубилась и завихрялась у кормы, но сам корабль стоял прочно, как будто давно уже стал частью планеты и теперь ленивым движением, продолжающимся века, вращался вместе с ее воздухом под фиолетовым небом, в котором были видны наиболее яркие звезды, гаснущие только в непосредственной близости от красного солнца.

— Нормальная процедура?

Астрогатор выпрямился над бортовым журналом, куда вписал условный знак посадки, время и добавил название планеты: «Регис III».

— Нет, Рохан. Начнем с третьей степени.

Рохан старался не показать своего изумления.

— Слушаюсь. Хотя... — добавил он с фамильярностью, которую Хорпах иногда ему позволял, — я предпочел бы не быть тем, кто сообщит об этом команде.

Астрогатор, как бы не слыша слов своего подчиненного, взял его за плечо и подвел к экрану, словно к окну. Отброшенный в стороны реактивной струей песок образовал что-то вроде неглубокой котловины, увенчанной осыпающимися барханами. С высоты восемнадцати этажей сквозь трехцветную плоскость электронного преобразователя, точно воспроизводившего все, что было снаружи, они видели скалистую пилу кратера, находившегося на расстоянии трех километров от корабля. На западе она исчезала за горизонтом. На востоке под ее обрывами громоздились черные непроницаемые тени. Широкие потоки лавы, выступающие из песка, были цвета засохшей крови. Яркая звезда сверкала в небе, под верхним обрезом экрана. Катаклизм, вызванный появлением «Непобедимого», кончился, и вихрь пусты-

ни, бурный поток воздуха, постоянно несущийся от экваториальных областей к полюсу планеты, уже втискивал первые песчаные языки под корму корабля, словно стараясь терпеливо зализать рану, нанесенную пламенем двигателей.

Астрогатор включил систему наружных микрофонов, и злобный далекий вой вместе с шорохом песка, трущегося по обшивке, наполнил на мгновение высокое помещение рубки. Потом он выключил микрофоны, и стало тихо.

— Так это выглядит, — сказал он медленно. — Но «Кондор» не вернулся отсюда, Рохан.

Рохан стиснул зубы. Он не мог спорить с командиром. Они пролетели вместе много парсеков, но не сдружились. Может быть, разница в возрасте была слишком велика. Или пережитые вместе опасности не так уж значительны. Этот человек, с волосами почти такими же белыми, как его одежда, был беспощаден. Без малого сотня людей неподвижно стояла на постах, кончив напряженную работу. Почти сотня людей, которые месяцами не слышали шума ветра и научились ненавидеть пустоту так, как ненавидит ее лишь тот, кто хорошо знает. Но командир, наверное, не думал об этом. Он медленно прошелся по рубке и, опершись рукой о спинку кресла, буркнул:

— Мы не знаем, что это, Рохан.

И вдруг — резко:

— Чего вы еще ждете?

Рохан быстро подошел к распределительным пультам, включил внутреннюю систему связи и голосом, в котором еще дрожало подавленное возмущение, бросил:

— Все отсеки, внимание! Посадка закончена. Наземная процедура третьей степени. Восьмой отсек: подготовить энергоботы. Девятый отсек: запустить двигатели экранировки. Техники защиты, на посты. Остальным занять места по рабочему расписанию. Конец.

Ему казалось, когда он говорил это, глядя на мигающий в такт модуляциям голоса, зеленый глазок усилителя, что видит их потные, поднятые к репродукторам лица, застывшие от удивления и гнева.

— Наземная процедура третьей степени в действии, командир, — сказал он, не глядя на старика.

Тот посмотрел на него и неожиданно улыбнулся уголком рта.

— Это только начало, Рохан. Может, будут еще длинные трудные прогулки, кто знает...

Он вынул из небольшого стенного шкафчика тонкий высокий том и, положив его на ощетинившийся ручками белый пульт, произнес:

— Вы читали это?

— Да.

— Их последний сигнал, зарегистрированный седьмым гипертранслятором, дошел до ближайшего буя в зоне Базы год назад.

— Я знаю его содержание на память. «Посадка на Регис III закончена. Планета пустынная, типа суб-дельта 92. Высаживаемся на сушу по второй процедуре в экваториальной области континента Эваны».

— Да. Но это был не последний сигнал.

— Знаю. Через сорок часов гипертранслятор зарегистрировал серию импульсов, похожих на азбуку Морзе, но совершенно бессмысленных, а затем — неоднократно повторенные странные звуки. Хертель назвал их «мяуканьем кошек, которых тянут за хвост».

— Да... — протянул астрогатор, но было видно, что он не слушает.

Он снова подошел к экрану. Над нижней кромкой экрана выдвинулись шарнирные звенья пандуса, по которому ровно, как на параде, один за другим сползали энергоботы — тридцатитонные машины, покрытые огнеупорными силиконовыми панцирями. Съезжая с пандуса, боты глубоко окунались в песок, но шли уверенно, вспахивая барханы, которые ветер уже наносил вокруг «Непобедимого». Они расходились в разные стороны, и через десять минут корабль был окружен кольцом металлических черепах. Остановившись, каждый бот начинал мерно зарываться в песок, пока не исчезал, и только поблескивавшие пятна, равномерно расположенные на рыжих склонах барханов, указывали места, где выступали купола эмиттеров Дирака. Покрытый пенопластом стальной пол рубки вздрогнул под ногами. Тела людей прошила короткая, как молния, отчетливая, хотя и едва ощутимая дрожь, а изображение на экране размазалось. Это не длилось и полсекунды. Вернулась тишина, прерванная отдаленным, плывущим из нижних

ярусов, урчанием запущенных двигателей. Пустыня, черно-рыжие скальные откосы, шеренги лениво ползущих песчаных волн резко обозначились на экранах. Все осталось прежним, но над «Непобедимым», закрывая доступ к нему, раскинулся невидимый купол силового поля. На пандусе появились инфороботы—металлические крабы с вращающимися мельничками антенн. У них были сплюснутые туловища и изогнутые, расходящиеся в стороны металлические ноги. Увязая в песке и словно с отвращением вытягивая из него глубоко проваливающиеся конечности, членистоногие разбежались и заняли места в разрывах кольца энергоботов. По мере того как развивалась операция защиты, на центральном пульте рубки зажигались контрольные огоньки, а шкалы импульсных счетчиков наполнялись зеленоватым светом. Будто десяток больших застывших кошачьих глаз смотрел сейчас на людей. Стрелки всех приборов стояли на нулях, свидетельствуя о том, что никто не пытается проникнуть сквозь невидимую преграду силового поля. Только указатель распределения мощности поднимался все выше, минуя красные черточки гигаваттов.

— Я спущусь вниз, перекушу. Проводите стереотип сами, Рохан, — сказал поскучневшим вдруг голосом Хорпах, отрываясь от экрана.

— Дистанционно?..

— Если для вас это имеет значение, можете послать кого-нибудь... или пойдите сами.

С этими словами астрогатор раздвинул двери и вышел. Рохан еще мгновение видел его профиль в слабом свете лифта, потом кабина беззвучно провалилась вниз. Он взглянул на пульт индикаторов поля. Нуль. «Нужно было начинать с фотограмметрии, — подумал он. — Облетывать планету до тех пор, пока не получили бы полного комплекта снимков. Возможно, этим способом и удалось бы что-нибудь обнаружить. Визуальные наблюдения с орбиты немного стоят; континенты это не море, а все наблюдатели вместе взятые — не матросы на марсе. Другое дело, что на комплект снимков потребовался бы без малого месяц».

Лифт вернулся. Рохан вошел в кабину и спустился в шестой отсек. На большой платформе у входа в шлюз толпились люди, которым, собственно, здесь больше нечего было делать, тем более что четыре сигнала, изве-

щающие о наступлении времени основного приема пищи, повторялись уже минут пятнадцать. Перед Роханом расступились.

— Йордан и Бланк. Пойдете со мной на стереотип.

— Полные скафандры?

— Нет. Только кислородные приборы. И один робот. Лучше из арктанов, чтобы не завяз в этом проклятом песке. А почему все здесь? Аппетит потеряли?

— Хотелось бы сойти... на сушу...

— Хоть на пару минут...

Поднялся гомон.

— Спокойно, ребята. Придет время — сойдем. А сейчас — третья степень...

Расходились неохотно. Тем временем из грузовой шахты вынырнул подъемник с роботом, который был на голову выше самых рослых людей. Йордан и Бланк, уже с кислородными приборами, возвращались на электрокаре. Рохан ждал их, опершись о поручни коридора, который теперь, когда корабль стоял на корме, превратился в вертикальную шахту. Он чувствовал над собой и под собой раскинувшиеся ярусы металла, где-то в самом низу работали медленные транспортеры, было слышно слабое чмоканье гидравлической системы, а из глубины сорокаметровой шахты всплывала струя холодного чистого воздуха от климатизаторов машинного отделения.

Двое из шлюзовой команды открыли им дверь. Рохан проверил положение захватов и прижим маски. Йордан и Бланк вошли за ним, а потом плита тяжело заскрежетала под шагами робота. Пронзительный, протяжный свист воздуха, втягивающегося внутрь корабля: открылся наружный люк. Пандус для машин находился четырьмя этажами ниже. Чтобы спуститься вниз, люди пользовались малым подъемником, выдвинувшимся из обшивки. Его решетчатая ферма упиралась в вершину бархана. Клеть подъемника была открыта со всех сторон. Воздух был немного холоднее, чем внутри «Непобедимого». Они вошли в клеть вчетвером, с арктаном, магниты отключились, и они плавно спустились с высоты одиннадцати этажей. Рохан машинально проверял состояние обшивки: не очень-то часто случается осматривать корабль снаружи.

«Да, поработал», — подумал он, разглядывая борозд-

ки от метеоритных ударов. Местами панцирные плиты утратили блеск, словно разъеденные сильной кислотой.

Лифт, кончив свой короткий полет, мягко осел на песчаную волну. Все трое спрыгнули и тотчас провалились выше колен. Только робот, предназначенный для работы в заснеженных местах, шествовал смешным, утиным, но уверенным шагом на своих карикатурно расплющенных ступнях. Рохан приказал ему остановиться, а сам с Йорданом и Бланком тщательно, насколько это было возможно снаружи, осмотрел устья кормовых дюз.

— Им не помешает небольшая шлифовка и продувка, — пробормотал он.

Только выйдя из-под кормы, он увидел, какую огромную тень отбрасывает корабль. Словно широкая дорога тянулась она через холмы, освещенные уже заходящим солнцем. В правильности песчаных волн было особое спокойствие. Их впадины наполняли голубые тени, верхушки розовели в сумерках, и этот мягкий румянец напоминал Рохану краски, которые он видел когда-то в книжке с картинками для детей. Такой он был неправдоподобно нежный. Рохан медленно переводил взгляд от бархана к бархану, находя все новые оттенки золотистого пламени. Дальше краски становились бурыми, их рассекали серпы черных теней, и, наконец, сливаясь в желто-серую пелену, они обволакивали грозно торчащие плиты голых вулканических скал. Он все стоял и смотрел, а его товарищи — без спешки, движениями, ставшими в результате многолетнего навыка автоматическими, производили обычные измерения, набирали в маленькие контейнеры пробы воздуха и песка, переносным зондом, бур которого поддерживал арктан, определяли радиоактивность грунта.

Маска прикрывала только нос и рот, глаза и голова были открыты, так как он снял небольшой защитный шлем. Он чувствовал, как волосы трогает ветер, как на лице оседают мельчайшие зернышки песка, как, щекоча, они забиваются между пластиковой кромкой маски и щекой. Беспокойные порывы ветра играли штанинами комбинезона, огромный, словно опухший, солнечный диск, на который можно было смотреть безнаказанно целые секунды, торчал теперь за самой макушкой звездолета. Ветер протяжно свистел, силовое поле не задер-

живало движения газов, поэтому он не мог угадать, где встает из песка невидимая стена. Ширь, раскинувшаяся перед ним, была мертвой, как будто никогда не ступала сюда нога человека, как будто не эта планета поглотила корабль с экипажем в восемьдесят человек, корабль класса «Непобедимого» — огромного опытного космопроходца, способного в доли секунды развить мощность в миллиарды киловатт, преобразовать ее в энергетические поля, которые не пробьет никакое материальное тело, сконцентрировать в уничтожающее излучение с температурой звезд, способное обратить в прах горную цепь или высушить море. И все-таки здесь погиб этот могучий стальной организм, построенный на Земле, и погиб по неизвестной причине, без следа, словно растворился в рыжей и серой пустыне.

«И весь этот континент выглядит так же», — подумал он. Он помнил это хорошо. Видел с высоты оспины кратеров и единственное движение, которое существовало на планете, — неустанное, медленное движение облаков, тащивших свои тени через нескончаемую лавину барханов.

— Активность? — спросил Рохан, не оборачиваясь.

— Ноль, ноль два, — ответил Йордан и поднялся с колен. Его лицо раскраснелось, глаза блестели. Маска делала голос невнятным.

«Это значит — меньше чем ничего, — подумал Рохан. — Впрочем, они не могли погибнуть от такой грубой неосторожности, автоматические индикаторы подняли бы тревогу, даже если бы никто не позаботился о контрольном стереотипе».

— Атмосфера?

— Азота семьдесят семь и восемь десятых процента, аргона два, двуокиси углерода ноль два, метана четыре, остальное кислород.

— Шестнадцать процентов кислорода?! Это точно?

— Точно.

— Радиоактивность воздуха?

— Практически ноль.

Это было удивительно. Столько кислорода! Сообщение наэлектризовало Рохана. Он подошел к роботу, который тотчас же поднес к его глазам кассету с индикаторами. «Может, пробовали обойтись без кислородных приборов», — подумал он, прекрасно понимая, что это

невозможно. Правда, время от времени случалось, что какой-нибудь космонавт, больше других мучимый голодом возвращения, вопреки приказу, снимал маску, — окружающий воздух казался таким чистым, таким свежим, — и подвергался отравлению. Но такое могло случиться с одним, максимум с двумя...

— Кончили? — спросил он Йордана.

— Да.

— Возвращайтесь.

— А вы?

— Я еще останусь. Возвращайтесь, — повторил он нетерпеливо.

Ему хотелось побыть одному. Бланк закинул за плечо связанные за ручки контейнеры. Йордан подал роботу зонд, и они пошли, тяжело увязая в песке; арктан шлепал за ними, так похожий сзади на замаскированного человека.

Рохан подошел к крайнему бархану. Вблизи он увидел выступающий из песка раструб эмиттера, одного из создававших защитное силовое поле. Не столько для того, чтобы проверить существование поля, сколько просто из детского каприза он зачерпнул горсть песку и бросил ее вперед. Песок полетел струйкой и, как бы наткнувшись на невидимое наклонное стекло, вертикально осыпался на землю.

У него просто руки чесались снять маску. Он хорошо знал это чувство. Выплюнуть пластмассовый мундштук, сорвать зажимы, наполнить грудь воздухом, затянуться им до самого дна легких...

«Расклеился я», — подумал Рохан и медленно вернулся к кораблю. Пустая клеть подъемника ждала его, платформа мягко погрузилась в бархан, а ветер успел за несколько минут покрыть металл тоненьким слоем песка.

В главном коридоре пятого отсека он взглянул на стенной информатор. Командир был в звездной каюте. Рохан поднялся наверх.

— Одним словом — идиллия? — суммировал астрогатор его слова. — Никакой радиоактивности, никаких спор, бактерий, плесени, вирусов, ничего — только кислород... Во всяком случае, пробы нужно высадить в питательную среду...

— Уже в лаборатории. Может быть, жизнь разви-

вается тут на других континентах, — заметил Рохан неуверенно.

— Сомневаюсь. Инсоляция за пределами экваториальной области очень невелика: вы видели толщину ледовых шапок на полюсах? Ручаюсь, что там минимум восемь, если не десять километров ледовой коры. Скорее, уж океан — какие-нибудь водоросли, — но почему жизнь не вышла из воды на сушу?

— Нужно будет в эту воду заглянуть, — сказал Рохан.

— Слишком рано спрашивать наших ученых, но планета кажется мне старой, этому трухлявому яйцу миллиардов шесть лет. Впрочем, солнце тоже довольно давно вышло из периода активной деятельности. Это почти красный карлик. Да, отсутствие жизни на суше странно. Особый род эволюции, которая не переносит суши. Ну, ладно. Это бы объяснило присутствие кислорода, а не исчезновение «Кондора».

— Какие-нибудь формы жизни... Какие-нибудь подводные существа, которые создали цивилизацию там, на дне, — подсказал Рохан.

Они оба смотрели на большую карту планеты, в меркаторовой проекции, очень неточную, так как она была сделана на основании полученных еще в прошлом веке данных автоматических зондов. На ней были показаны лишь контуры основных континентов и морей, границы полярных шапок и несколько самых больших кратеров. В сетке пересекающихся меридианов и параллелей под восьмым градусом северной широты виднелась обведенная черным кружком точка — место, где сел «Непобедимый». Астрогатор нетерпеливо передвинул бумагу на столе.

— Вы сами в это не верите, — обрушился он на Рохана. — Трессор был не глупее нас... Он бы не поддался никаким подводным... Чушь. А впрочем, даже если бы в воде и развились разумные существа, одна из первых вещей, которую бы они сделали, — это завоевание суши. Ну, скажем, в скафандрах, наполненных водой... Совершенная чушь, — повторил он, не для того чтобы окончательно уничтожить концепцию Рохана, а потому, что думал уже о чем-то другом.

— Постоим здесь некоторое время... — сказал он наконец и прикоснулся к нижнему краю карты, которая

с легким шелестом свернулась и исчезла в глубине одной из полок большого стеллажа. — Подождем и посмотрим...

— А если ничего?.. — спросил Рохан осторожно. — Поищем их?

— Рохан, будьте благоразумны. Шестой звездный год, и такое, — астрогатор искал нужное определение, не нашел и заменил его небрежным жестом. — Планета величиной с Марс. Как мы можем их искать?.. Я имею в виду «Кондор», — уточнил он.

— М-да... Грунт железистый, — неохотно согласился Рохан.

Действительно, анализы показали большое содержание окислов железа в песке. Значит, ферроиндукционные индикаторы здесь бесполезны. Не зная, что сказать, Рохан умолк. Он был убежден, что командир найдет в конце концов какой-нибудь выход. Не вернутся же они с пустыми руками, без всяких результатов. Он ждал, глядя на насупленные кустистые брови Хорпаха.

— Честно говоря, я не верю, что ожидание в течение сорока восьми часов что-нибудь нам даст, однако инструкция этого требует, — внезапно признался астрогатор. — Садитесь-ка, Рохан. А то вы стоите надо мной, как укор совести. Регис самое нелепое место, какое только можно себе вообразить. Верх бессмыслицы. И за каким чертом послали сюда «Кондор»... Впрочем, не будем о том, что уже случилось...

Хорпах остановился. Как всегда, в плохом настроении он стал разговорчив, втягивал в спор и даже позволял некоторую фамильярность, что всегда было немного небезопасно, так как в любой момент он мог довольно зло прервать собеседника.

— Короче говоря, так или иначе мы должны что-то сделать. Знаете что?.. Выведите-ка пару малых фотозондов на экваториальную орбиту. Но чтобы это была максимально точная окружность, и на небольшой высоте. Километров так семьдесят.

— Это еще в пределах атмосферы, — запротестовал Рохан. — Они сгорят через несколько десятков витков...

— Пусть горят. Но до этого сфотографируют, что смогут. Я бы даже посоветовал шестьдесят километров. Сгорят, возможно, уже на десятом витке, но только снимки, сделанные с такой высоты, могут что-нибудь

дать. Вы знаете, как выглядит звездолет с высоты ста километров, даже в лучший телеобъектив? Булавочная головка рядом с ним покажется горным массивом. Сделайте это сейчас... Рохан!!!

На этот окрик навигатор обернулся уже от двери. Командир бросил на стол протокол с результатами анализа:

— Что это? Что это за идиотизм? Кто это писал?

— Автомат. А в чем дело? — спросил Рохан, стараясь говорить спокойно, потому что и в нем начал нарастать гнев.

«Будет теперь ворчать!» — подумал он, подходя умышленно медленно.

— Читайте. Здесь. Вот здесь...

— Метана четыре процента... — прочитал Рохан и ошеломленно остановился.

— Метана четыре процента, а? А кислорода шестнадцать? Вы знаете, что это? Взрывчатая смесь! Может быть, вы мне объясните, почему вся атмосфера не взорвалась, когда мы садились на бороводороде?

— Действительно... не понимаю... — пробормотал Рохан.

Он быстро подбежал к пульту наружного контроля, засосал в датчики немного воздуха и, пока астрогатор в зловещем молчании прохаживался по рубке, смотрел, как анализаторы старательно постукивают стеклянными сосудами.

— Ну и что?

— То же самое. Метана четыре процента... кислорода шестнадцать... — сказал Рохан.

Правда, он не понимал, как это возможно, однако почувствовал удовлетворение: по крайней мере Хорпаху не в чем теперь его упрекать.

— Покажите-ка... Хм... Метан четыре, м-да... А, к дьяволу, ладно. Рохан, зонды на орбиту, а потом прошу прийти в маленькую лабораторию. В конце концов, для чего у нас ученые! Пускай поломают себе головы...

Рохан спустился вниз, взял двух ракетных техников и повторил им распоряжение астрогатора. Потом вернулся во второй отсек. Здесь размещались лаборатория и каюты специалистов. Он прошел мимо ряда узких, впрессованных в металл дверей с табличками: «Г. И.», «Г. Т.», «Г. Б.». Двери маленькой лаборатории были

широко открыты; сквозь монотонные голоса ученых время от времени пробивался бас астрогатора. Рохан остановился у порога. Здесь собрались все «Главные» — главный инженер, биолог, физик, врач — и все технологи из машинного. Астрогатор сидел молча под программирующим устройством настольной счетной машины, а оливковый Модерон со сплетенными руками, маленькими, как у девушки, говорил:

— Я не специалист в химии газов. Во всяком случае, это, вероятно, не обычный метан. Энергия связей другая. Разница лишь в сотых, но есть. Реагирует с кислородом только в присутствии катализаторов, и то неохотно.

— Какого происхождения этот метан? — спросил Хорпах. Он крутил пальцами.

— Углерод в нем, во всяком случае, органического происхождения. Это немного, но нет сомнения...

— Есть изотопы? Какой возраст? Как стар этот метан?

— От двух до пятнадцати миллионов лет.

— Ну и точность!

— У нас было всего полчаса времени. Пока мы ничего больше не можем сказать.

— Доктор Гастлер! Откуда появляется такой метан?

— Не знаю.

Хорпах поочередно оглядел своих специалистов. Можно было ожидать взрыва, но он вдруг усмехнулся.

— Друзья, вы люди опытные. Мы летаем вместе не первый день. Прошу высказать свое мнение. Что мы должны сейчас делать? С чего начинать?

Поскольку никто не спешил взять слово, биолог Юппе, один из немногих, кто не боялся раздражительности Хорпаха, сказал, спокойно глядя в глаза командиру:

— Это не обычная планета класса суб-дельта 92. Если бы она была такой, «Кондор» бы не погиб. Поскольку на его борту были специалисты не хуже и не лучше, чем мы, наверняка можно сказать только одно — их знаний оказалось недостаточно, чтобы избежать катастрофы. Отсюда предложение: мы должны продолжать действовать по процедуре третьей степени и исследовать сушу и океан. Думаю, что нужно начать геологическое бурение и одновременно заняться здешней

водой. Все остальное было бы гипотезами, а в этой ситуации мы не можем позволить себе такой роскоши.

— Хорошо. — Хорпах стиснул зубы. — Бурение в границах силового поля не является проблемой. Этим займется доктор Новик...

Главный геолог кивнул головой.

— Что касается океана... Как далеко береговая линия, Рохан?

— Около двухсот километров... — ответил навигатор, совершенно не удивившись, что командир знает о его присутствии, хотя и не видит его: Рохан стоял в нескольких шагах за его спиной, у дверей.

— Немного далековато. Но не будем трогать кораблъ. Возьмите столько людей, сколько сочтете необходимым, Рохан. Фитцпатрика или еще какого-нибудь океанолога и шесть энергоботов резерва. И отправляйтесь на берег. Работать будете только под силовой защитой; никаких прогулок по воде, никаких погружений. Автоматами тоже прошу не разбрасываться — их у нас не слишком много. Ясно? Можете приступать. Да, еще одно. Здешний воздух пригоден для дыхания?

Врачи пошептались между собой.

— В принципе, да... — сказал наконец Стормонт, но без особой убежденности.

— Что значит «в принципе»? Можно им дышать или нельзя?

— Такое количество метана небезопасно. Через некоторое время наступит насыщение крови, и это может дать легкие мозговые явления. Обморок... Но не сразу, через час, возможно, через несколько часов.

— А какой-нибудь поглотитель метана?..

— Нет. Просто не окупится производство таких поглотителей, их придется часто заменять... Ну, а кроме того, содержание кислорода все-таки низкое. Лично я за кислородные приборы.

— М-м... А остальные тоже?

Витте и Элдъярн согласно кивнули. Хорпах встал.

— Итак, за дело. Рохан! Что с зондами?

— Сейчас будем их запускать. Могу я еще раз проверить орбиту перед запуском?

— Можете.

Рохан прикрыл двери, оставив за ними шум лаборатории. Когда он вошел в рубку, солнце уходило за гори-

зонт. Темный, фиолетово-пурпурный краешек его диска с неестественной четкостью вырезал на горизонте зубастый контур кратера. Небо, в этой области Галактики густо усеянное звездами, казалось сейчас каким-то преувеличенным. Все ниже вспыхивали большие созвездия, как бы поглощая исчезавшую во мраке пустыню. Рохан связался с носовым постом. Там как раз приступали к запуску первой пары фотоспутников. Следующие должны были уйти вверх через час. Завтра дневные и ночные снимки обоих полушарий планеты дадут картину всего экваториального пояса.

— Минута тридцать одна... азимут семь. Навожу, — повторял в громкоговорителе певучий голос.

Рохан уменьшил громкость и повернул кресло к контрольному пульту. Он никому бы в этом не признался, но его всегда забавляла игра огоньков при запуске зондов на околопланетную орбиту. Сначала запылали рубиновым, белым и голубым контрольки бустера. Потом застучал стартовый автомат. Когда его тиканье вдруг прервалось, корпус крейсера слегка вздрогнул. Тотчас пустыня на экранах осветилась фосфорическим блеском. С тонким, предельно напряженным воем, обливая материнский корабль потоком огня, миниатюрный снаряд вырвался из носового выбрасывателя. Блеск удаляющегося бустера плясал на склонах холмов все слабее и наконец угас. Вой затих, зато безумие световой горячки охватило весь пульт. В спешке вырывались из мрака продолговатые огоньки баллистического контроля, подтверждающе подмигивали жемчужные лампочки дистанционного управления, потом появились похожие на украшенные разноцветными огнями елочки сигналы об отделении очередной выгоревшей ступени, и, наконец, над всем этим радужным муравейником вспыхнул белый, чистый четырехугольник, сигнал того, что спутник вышел на орбиту. Посреди его сверкающей снежной поверхности появился серый островок, который превратился в число 67. Это была высота полета. Рохан еще раз проверил элементы орбиты: и перигей и апогей находились в заданных границах. Ему больше нечего было делать. Он взглянул на бортовые часы, которые показывали восемнадцать, потом на действительные сейчас часы локального времени — одиннадцать часов ночи — и на мгновение за-

крыл глаза. Он радовался путешествию к океану. Любил действовать самостоятельно.

Рохан ощущал сонливость и голод. Немного поразмышлял, не принять ли возбуждающую таблетку, но решил, что достаточно будет ужина. Вставая, он почувствовал, как устал, удивился и от этого немного пришел в себя. Он опустился вниз, в кают-компанию. Там были участники завтрашней экспедиции — два водителя транспортеров, один из них Ярг, которого Рохан любил за постоянно хорошее настроение, и Фитцпатрик с двумя своими коллегами, Брозой и Кехлином. Они уже кончили ужинать. Рохан заказал горячий суп, вынул из стенного автомата хлеб и бутылку безалкогольного пива. Он шел с подносом к столу, когда пол слегка вздрогнул. «Непобедимый» запустил очередной спутник.

●

Ехать ночью командир не разрешил. Отправились в пять часов по местному времени, перед восходом солнца. Строй, в котором они вынуждены были двигаться, из-за его нудной медлительности в шутку называли похоронной процессией. Открывали и замыкали строй энергоботы, которые эллипсоидным силовым полем защищали остальные машины — универсальные вездеходы на воздушной подушке, вездеходы с радиостанциями и радарными установками, кухню, транспортер с самоустанавливающимся герметичным жилым бараком и малый лазер непосредственного поражения на гусеничном ходу. Рохан устроился вместе с тремя учеными в передовом энергоботе. По правде говоря, это было неудобно, они едва поместились, но, по крайней мере, давало иллюзию более или менее нормального путешествия. Скорость приходилось приноравливать к самым медленным машинам колонны, то есть к энергоботам.

Поездку нельзя было отнести к разряду изысканных удовольствий. Гусеницы скрежетали и вязли в песке, турбинные двигатели ревели, как комары величиной со слона, за спиной из решетчатых кожухов вырывалась струя воздушного охлаждения, а весь энергобот болтался, как тяжелая шлюпка на волнах.

Скоро черная игла «Непобедимого» скрылась за

горизонтом. Некоторое время колонна двигалась в горизонтальных лучах холодного и красного, как кровь, солнца по однообразной пустыне. Постепенно песка становилось все меньше, из него начали высовываться каменные плиты, которые приходилось обходить. Кислородные маски в сочетании с воем двигателей не располагали к беседе. Все внимательно рассматривали линию горизонта, но картина была все время одна и та же — нагромождение скал, большие выветрившиеся камни, в одном месте равнина начала опускаться, на дне оврага между отлогими скатами показался узенький, наполовину высохший ручей, вода которого блестела, отражая красный свет. Слой гальки, тянувшийся по обоим берегам ручья, доказывал, что иногда он несет значительно больше воды. Вода была совершенно чистой, довольно жесткой, с примесью окислов железа и ничтожными следами сульфидов. Они двинулись дальше, теперь уже немного быстрее, так как гусеницы хорошо шли по каменистой почве. На западе появились небольшие утесы.

Последняя машина поддерживала непрерывную связь с «Непобедимым», антенны радаров вращались, операторы, склонившиеся к экранам, грызли плитки концентрата, иногда из-под какого-нибудь вездехода стремительно вылетал камень и взмывал, как будто вдруг оживая, вверх. Потом дорогу экспедиции преградили отлогие холмы, голые, с лысыми верхушками. Ученые на ходу взяли несколько проб, и Фитцпатрик крикнул Рохану, что кремнезем органического происхождения. Наконец, когда черно-синей полосой блеснуло зеркало воды, обнаружили и известняк.

К берегу машины с грохотом спускались по маленьким плоским камням. Когда до океана, вблизи зеленоватого и с виду совершенно земного, оставалось сто метров, умолк скрежет гусениц и вой турбин. Теперь началось сложное маневрирование; для того чтобы защитить рабочую группу полем, нужно было ввести головной энергобот в воду на довольно значительную глубину. Предварительно герметизированная машина, управляемая с другого энергобота, вошла в волны, которые бурлили и пенились. Она уползала все глубже, пока не стала едва заметным темным пятном. Только после этого, по сигналу с центрального поста, затоплен-

ный колосс выдвинул на поверхность эмиттер Дирака, и когда поле установилось, покрывая невидимым полушарием часть берега и прибрежных вод, началась работа.

Океан был немного менее соленым, чем земной, и никаких потрясающих результатов анализы не приносили. Через два часа было известно примерно столько же, сколько и вначале.

В открытое море выслали два дистанционно управляемых телезонда, и на экранах в центральном посту наблюдали их движение. Но только когда зонды удалились за горизонт, пришли первые существенные известия. В океане жили какие-то животные, формой похожие на костистых рыб. При появлении зонда они исчезали с огромной скоростью, скрываясь в глубине. В месте первого контакта эхолоты установили глубину океана полтораста метров.

Броза заявил, что ему совершенно необходимо иметь хотя бы одну такую рыбу. Началась охота. Зонды гонялись за мелькающими в зеленом мраке тенями, стреляли электрическими разрядами, но рыбы демонстрировали изумительную ловкость. Только после довольно долгой борьбы удалось поразить одну из них. Зонд, схвативший ее своими клешнями, сразу же вызвали к берегу. Кехлин и Фитцпатрик, управляющие другим зондом, собирали пробы плавающих в волнах волокон, которые показались им чем-то вроде водорослей. Зонд послали на самое дно, на глубину четверть километра. Сильное придонное течение затрудняло управление, зонд все время сносило на груду подводных камней. В конце концов камни удалось обойти; как правильно предполагал Кехлин, под их прикрытием помещалась целая колония гибких разноцветных организмов.

Когда оба зонда вернулись под защиту поля и биологи принялись за работу в расставленном за это время бараке, Рохан, Ярг и пятеро остальных участников экспедиции впервые за этот день поели.

Время до вечера ушло на сбор образцов минералов, исследование придонной радиоактивности, измерения инсоляции и еще сотню таких же канительных занятий, которые, однако, необходимо было выполнить добросовестно, даже педантично, чтобы получить достоверные результаты. К наступлению темноты все, что можно

было сделано, и Рохан со спокойной совестью подошел к микрофону, когда его вызвал Хорпах с «Непобедимого». Океан был населен живыми существами, упорно избегавшими прибрежной полосы. В организме анатомированной рыбы не удалось найти ничего особенного. Эволюция, по приблизительным данным, продолжалась на планете несколько сотен миллионов лет. Обнаружено значительное количество зеленых водорослей, что объясняло наличие кислорода в атмосфере. Разделение царства живых организмов на растения и животных было типичным; типичными также были костные структуры позвоночных. Единственным органом, обнаруженным у пойманной рыбы, аналогичного которому на Земле биологи не знали, был особый орган чувств, реагировавший на чрезвычайно незначительные изменения напряженности магнитного поля. Хорпах приказал экспедиции возвращаться как можно скорее и, кончая разговор, добавил, что есть новости: похоже, что удалось найти место посадки «Кондора».

Несмотря на все протесты биологов, утверждавших, что и нескольких недель для исследований было бы слишком мало, барак собрали, запустили моторы, и колонна двинулась на северо-запад. Рохан не мог сообщить товарищам никаких подробностей о «Кондоре», он и сам их не знал. Он стремился как можно скорее попасть на корабль, так как надеялся, что командир даст ему какое-нибудь более многообещающее задание. Конечно, сейчас прежде всего необходимо исследовать предполагаемое место посадки «Кондора».

Рохан выжимал из машин всю мощность, и экспедиция возвращалась под аккомпанемент ужасного скрежета перемалывающих камни гусениц. После наступления темноты зажглись большие прожекторы; это была картина необычная и даже грозная — каждую минуту движущиеся столбы света вырывали из тьмы бесформенные, словно тоже движущиеся силуэты чудовищ, которые оказывались всего лишь скалами — последними остатками выветрившейся горной цепи. Несколько раз пришлось задерживаться у глубоких расщелин, зияющих в базальте. Наконец, уже далеко за полночь, они увидели освещенный со всех сторон, словно в праздник, сверкающий издали, как металлическая башня, корпус «Непобедимого». Во всем пространстве, защищенном

силовым полем, сновали вереницы машин, разгружались запасы, топливо, группы людей стояли под пандусом в ослепительном свете прожекторов. Над пляшущими огнями возносился молчаливый, облизываемый световыми пятнами корпус звездолета. Загорелись голубые огни, показывающие проход сквозь силовую защиту, и, засыпанные толстым слоем мелкого песка, машины одна за другой въехали в середину кольцевого пространства. Едва спрыгнув на землю, Рохан бросился к одному из стоявших вблизи людей, в котором узнал Бланка, и засыпал его вопросами.

Но боцман толком ничего не знал. Рохан услыхал от него немного: перед тем как сгореть в плотных слоях атмосферы, четыре спутника передали одиннадцать тысяч снимков. По мере поступления снимки наносились на специально обработанные пластины в картографической каюте.

Чтобы не терять времени, Рохан вызвал к себе техника картографов Эретта и, принимая душ, одновременно расспрашивал его обо всем, что произошло на корабле.

Эретт был одним из тех, кто искал на полученной фотокарте «Кондор». Зернышко стали в океане песка пытались обнаружить около тридцати человек одновременно. Кроме планетологов, были мобилизованы картографы, операторы радаров и все пилоты. Они непрерывно просматривали поступающий материал, записывая координаты каждого подозрительного пункта планеты. Но сообщение, переданное Рохану командиром, оказалось ошибкой. За корабль приняли очень высокий пик, который отбрасывал тень, удивительно похожую на правильную тень ракеты. Так что о судьбе «Кондора» по-прежнему ничего не было известно.

Рохан хотел доложить командиру о своем прибытии, но тот уже ушел отдыхать. В десять часов утра, когда Рохан стоя пил кофе в малой кают-компании радарных операторов, его разыскал Эретт.

— Что, нашли?! — крикнул Рохан при виде возбужденного лица картографа.

— Нет. Но нашли что-то большее. Вас срочно вызывает астрогатор...

Рохану казалось, что застекленный цилиндр лифта ползет невероятно медленно.

В полутемной каюте астрогатора было совершенно

тихо, только стрекотали реле, а из подающего механизма выползали все новые, поблескивающие влажной поверхностью, снимки, но никто не обращал на них внимания. Два техника выдвинули из стенной ниши что-то вроде эпидиаскопа и погасили еще горевшие светильники в тот момент, когда Рохан отворил двери. В следующий момент засеребрился опущенный сверху экран. В тишине, среди приглушенных вздохов Рохан протиснулся поближе к большому светлому полотнищу. Снимок был не блестящим и вдобавок черно-белым. Среди мелких, беспорядочно разбросанных кратеров обозначилось голое плато, обрывающееся с одной стороны такой четкой прямой линией, словно скалу отсек гигантский нож. Это была береговая линия, остальную часть снимка заливала однородная чернь океана. В некотором отдалении от обрыва раскинулась мозаика не очень четких форм, в двух местах закрытая клочьями облаков и тенями от них. Не было никаких сомнений, что эта причудливая, с размытыми деталями формация, не является геологическим образованием.

«Город...» — возбужденно подумал Рохан, но не сказал этого вслух.

Все продолжали молчать, техник у эпидиаскопа напрасно пытался сделать изображение более четким.

— Были помехи приему? — прозвучал в тишине спокойный голос астрогатора.

— Нет, — ответил из темноты Балмин. — Прием был чистый, но это один из последних снимков третьего спутника. Через восемь минут после его передачи спутник перестал отвечать на наши сигналы. Возможно, снимок сделан через объективы, уже поврежденные повышающейся температурой.

— Высота камеры над эпицентром была не больше семидесяти километров, — послышался другой голос, принадлежавший, как показалось Рохану, одному из лучших планетологов, Мальте. — Я оценил бы ее даже в пятьдесят пять, шестьдесят километров... Прошу взглянуть...

Фигура Мальте заслонила часть экрана. Он приложил к изображению прозрачный пластмассовый шаблон с вырезанными в нем кружками и примерил его поочередно к нескольким кратерам на другой половине снимка.

— Они отчетливо больше, чем на предыдущих снимках. Впрочем, — добавил Мальте, — это не имеет большого значения. Так или иначе...

Ученый не кончил, но все поняли, что он хотел сказать: в ближайшее время проверим точность фотографии, когда изучим эту область планеты. Некоторое время все всматривались в изображение на экране. Рохан уже не был так уверен, что это город или, вернее, его руины. О том, что геометрически правильное образование уже давно покинуто, свидетельствовали тонкие, как черточки, волнистые тени барханов, со всех сторон омывавших сложные конструкции (некоторые из них почти совсем утонули в песчаном заливе пустыни). Кроме того, руины разделяла на две неравные части, расширяющаяся по мере продвижения в глубь континента, черная зигзагообразная линия—трещина, она рассекала надвое некоторые из больших «зданий». Одно из них, явно упавшее, образовало что-то вроде моста, зацепившегося концом за противоположный берег расщелины.

— Свет, пожалуйста, — раздался голос астрогатора.

Когда стало светло, он взглянул на циферблат стенных часов:

— Через два часа старт.

Послышались недовольные голоса; наиболее энергично протестовали люди Главного биолога, которые во время пробного бурения прошли уже около двухсот метров. Хорпах сделал рукой движение, которое означало, что никакой дискуссии не будет.

— Все механизмы вернуть на борт. Полученные материалы прошу сохранить. Просмотр снимков и оставшиеся анализы должны идти своим чередом. Где Рохан? Ах вы здесь! Отлично. Вы слышали, что я сказал? Через два часа все люди должны быть на местах по стартовому расписанию.

Погрузка спущенных на планету машин шла поспешно, но в полном порядке. Рохан был глух к просьбам Балмина, который умолял разрешить продолжать бурение еще пятнадцать минут.

— Вы слышали, что сказал командир, — повторял он, подгоняя монтажников.

Бурильные установки, временные решетчатые платформы, контейнеры с топливом исчезали в грузовых люках, и только разрытый грунт напоминал о выполнен-

ных работах. Потом внутри корабля исчезли люди. Только тогда задвигался песок на границе защитного поля, — вызванные по радио, возвращались энергоботы, по одному укрываясь в люках корабля. «Непобедимый» втянул внутрь, под броневые плиты, пандус и вертикальную ферму подъемника. Еще мгновение стоял неподвижно, затем однообразный вой вихря сменился металлическим свистом сжатого воздуха, продувающего дюзы, клубы пыли окружили корму, в них забегали зеленые блики, смешивающиеся с красным светом солнца, и в грохоте несмолкающего грома, который встряхнул пустыню и многократным эхом возвратился от скальных стен, корабль медленно поднялся в воздух, чтобы, оставив после себя выжженный круг, остекленевшие барханы и клочья тумана, исчезнуть с нарастающей скоростью в фиолетовом небе.

Когда последний след корабля, обозначенный беловатой струей пара, растаял в воздухе, а пески покрыли обнаженную скалу и заполнили опустевшие ямы раскопок, с запада появилась темная туча. Двигаясь низко, она развернулась, вытянутым клубящимся рукавом окружила место посадки и повисла неподвижно. Так она парила некоторое время. А когда солнце уже приблизилось к горизонту, из тучи начал падать черный дождь.

СРЕДИ РУИН

«Непобедимый» опустился на тщательно выбранном месте без малого в шести километрах от границы «города». Из рубки «город» просматривался довольно хорошо. Впечатление, что «здания» — искусственные, было даже сильнее, чем при изучении снимков фотоспутника. Угловатые, разной высоты, гораздо более широкие в основании, чем наверху, они растянулись на многие километры, черно-серые, кое-где металлически поблескивающие. Даже самая сильная оптика не давала возможности различить какие-либо детали; казалось только, что большинство этих «зданий» усеяно отверстиями, как решето.

На этот раз потрескивание остывающих дюз еще не прекратилось, когда корабль выдвинул пандус, ферму

подъемника и окружил себя цепочкой энергоботов. Затем под защитой силового поля была сконцентрирована группа из пяти вездеходов, к которой присоединился вдвое больший, чем они, похожий на апокалиптического жука с синеватым панцирем, самоходный излучатель антиматерии.

Командиром оперативной группы был Рохан. Он стоял выпрямившись в открытой башенке первого вездехода, ожидая, когда по приказу с «Непобедимого» откроется проход в силовой защите. Два инфоробота на двух ближайших пригорках выстрелили цепочку негаснущих зеленых огней, показывая дорогу, и, построенная в две колонны, маленькая экспедиция, во главе с машиной Рохана, двинулась вперед.

Машины пели басами двигателей, фонтаны песка вырывались из-под шаровых колес гигантов, впереди, в двухстах метрах перед головным вездеходом, летел разведывательный робот, похожий на плоскую тарелку; струи воздуха, вырывавшиеся из-под него, сдували верхушки барханов, и казалось, что, пролетая, он разжигает на барханах невидимый огонь. Поднятая колонной пыль долго не оседала в спокойном воздухе и обозначала путь экспедиции красноватой клубящейся полосой.

Тени, отбрасываемые машинами, становились все длиннее. Приближался заход. Колонна миновала лежавший на ее дороге, почти целиком засыпанный, кратер и через двадцать минут достигла границы руин. Две машины с людьми шли внутри подвижной защиты. В пятидесяти метрах позади них покачивался на своих многоэтажных выгнутых ногах огромный излучатель антиматерии. Через некоторое время, после преодоления чего-то, похожего на клубок разрубленных металлических тросов или прутьев, пришлось задержаться, так как одна нога излучателя провалилась в невидимую щель, засыпанную песком. Два арктана спрыгнули с вездехода Рохана и освободили увязшего колосса. Потом группа двинулась дальше.

То, что они назвали «городом», в действительности ничуть не походило ни на один из земных городов. Утопленные на неизвестную глубину в подвижных барханах, стояли темные массивы с ощетинившимися поверхностями, непохожие ни на что когда-либо виденное людьми. Конструкции не поддающихся определению

форм достигали высоты нескольких этажей. В них не было окон, дверей, даже стен. Одни выглядели как складчатые расходящиеся в разных направлениях, страшно перепутанные сети, с утолщениями в местах соединений, другие напоминали сложные пространственные арабески, какие создали бы взаимно проникающие пчелиные соты, или решета с треугольными и пятиугольными отверстиями. В каждом большом элементе и в каждой видимой плоскости можно было обнаружить какую-то регулярность, не такую однородную, как в кристалле, но несомненно повторяющуюся в определенном ритме. Некоторые конструкции, образованные чем-то вроде призматических, густо переплетенных ветвей (но эти ветви не росли свободно, как у деревьев или кустов, а составляли либо часть дуги, либо две закрученные в противоположных направлениях спирали), торчали из песка вертикально. Встречались, однако, и наклонные, похожие на плечи разводного моста. Ветры, очевидно чаще всего дующие с севера, нагромоздили на всех горизонтальных плоскостях и пологих уклонах сыпучий песок, так что издали многие из этих руин напоминали невысокие пирамиды, срезанные у вершины. Но вблизи их, казалось бы, гладкие поверхности показывали, чем они являются на самом деле: системой ветвистых, остроконечных стержней, лепестков, кое-где настолько плотно переплетенных, что на них удерживался даже песок.

Рохану показалось, что перед ним какие-то кубические и пирамидальные обломки скал, покрытые мертвой, высохшей растительностью. Но и это впечатление исчезало на расстоянии нескольких шагов: правильность, чуждая природным формам, все время прорывалась сквозь хаос разрушения. Руины не были монолитны, в них можно было заглянуть сквозь просветы в застывшей чаще, но не были и пустыми. Отовсюду веяло омертвением, запустением. Рохан подумал об излучателе, но сообразил, что применение силы бессмысленно, поскольку не существует объектов, к которым нужно пробиться.

Вихрь проносил между высокими бастионами облака едкой пыли. Правильную мозаику чернеющих отверстий наполнял песок, осыпающийся струйками, похожими на миниатюрные лавины. Непрекращающийся сыпучий

шелест сопровождал людей в течение всего путешествия. Вращающиеся антенны, ультразвуковые микрофоны, индикаторы излучения не давали никаких сигналов. Слышно было только поскрипывание песка, прерывистый вой разгоняющихся двигателей, когда изменялось направление; поворачивая, колонна то исчезала в глубокой холодной тени, отбрасываемой гигантскими конструкциями, то снова выныривала на пурпурно горящий песок.

Наконец экспедиция остановилась у тектонического излома. Это была трещина шириной метров сто, образовавшая провал, вероятно, огромной глубины, так как его не заполнили целые водопады песка, непрерывно сбрасываемые вниз порывами ветра. Рохан выслал на другую сторону трещины летающего робота-разведчика. Они наблюдали на экране все, что видел робот своими телеобъективами, — картина была такая же, как и на этой стороне. Через час разведчика вернули, и Рохан, посоветовавшись с Балмином и физиком Гралевым, которые сидели в его машине, решил подробно осмотреть несколько развалин.

Сначала они попробовали определить ультразвуковыми зондами, насколько толстый слой песка покрывает «улицы» мертвого «города». Это была страшно кропотливая работа. Результаты очередных измерений не совпадали между собой, очевидно, потому, что скала основания подверглась внутренней декристаллизации во время катаклизма, при котором образовалась трещина. Можно было считать, что слой песка составляет от семи до двенадцати метров. Колонна направилась на восток, к океану, и, пройдя одиннадцать километров по крутой дороге между чернеющими развалинами, которые становились все ниже, все меньше выступали из песка и, наконец, исчезли совсем, — добралась до обнаженных скал. Здесь она остановилась над обрывом, таким высоким, что шум волн, разбивающихся о его основание, был едва слышен. Пояс блестящей скалы, чистой от песка, неестественно гладкой, образовывал линию обрыва, поднимаясь к северу цепью горных вершин, которые застывшими скачками падали в зеркало океана.

Сзади был «город», теперь он выглядел правильным черным силуэтом, утопающим в рыжеватой мгле. Рохан связался с «Непобедимым», передал астрогатору со-

бранную информацию, равную в общем-то нулю, и колонна, по-прежнему принимая все меры предосторожности, вернулась в глубь руин.

По дороге случилось небольшое приключение. Крайний левый энергобот, вероятно в результате небольшой курсовой ошибки, слишком увеличил радиус силового поля, так что оно зацепило наклоненную к ним остроугольную сотчатую «постройку». Соединенный с указателями потребления мощности излучатель антиматерии, который кто-то включил на автоматическое поражение в случае атаки, расценил скачок потребляемой мощности как сигнал, что сделана попытка пробить силовое поле, и выстрелил в ничем не повинные развалины. Вся верхняя часть наклонной «постройки», величиной с земной небоскреб, утратила свой грязно-черный цвет, раскалилась, ослепительно засверкала и в следующее мгновение превратилась в шипящий поток. Экспедиция при этом не пострадала, расплавленные клочья соскользнули по поверхности невидимого купола силовой защиты и, не успев достичь грунта, целиком испарились. Но, зарегистрировав вызванный аннигиляцией скачок радиоактивности, счетчики автоматически включили тревогу, и Рохан, проклиная все на свете, и особенно того, кто так запрограммировал аппаратуру, потратил довольно много времени на отмену тревоги и переговоры с «Непобедимым», откуда заметили вспышку и запрашивали о ее причине.

— Пока мы знаем только, что это металл. Вероятно, сталь с примесью вольфрама и никеля, — сообщил Балмин, который, не обращая внимания на возникший беспорядок, воспользовался случаем и проделал спектральный анализ пламени, охватившего развалины.

— Можете вы оценить возраст? — спросил Рохан, стирая песчаную пыль, осевшую на его руках и лице.

Они уже оставили сзади скорчившуюся от жара уцелевшую часть развалин, она висела теперь над пробитым ими коридором, как поломанное крыло.

— Нет. Могу только сказать, что дьявольски старый. Дьявольски старый, — повторил Балмин.

— Нужно исследовать получше... И незачем просить у старика разрешения, — сказал Рохан с внезапной решимостью.

Они задержались у сложного объекта, образованного

из нескольких сходящихся к центру плечей. Открылась обозначенная двумя огнями щель в силовом поле. Вблизи преобладало впечатление хаоса. Фасад «постройки» образовывали треугольные плиты, покрытые «щеткой» из прутьев, изнутри эти плиты поддерживались системой толстых стержней, у поверхности стержни еще сохраняли какой-то порядок, но в глубине, куда, пользуясь сильными фонарями, попытались заглянуть люди, лес стержней разрастался, расходился от толстых узлов, снова переплетался, — все это было похоже на гигантский клубок кабелей. Попытки найти в них следы электрического тока, поляризации, остаточного магнетизма, даже радиоактивности не дали результата.

Зеленые огни, обозначавшие вход внутрь поля, тревожно мигали. Ветер свистел, проносящиеся сквозь стальную чащу массы воздуха зловеще завывали.

— Что могут означать эти чертовы джунгли?!

Рохан все время стирал с лица прилипающий к вспотевшей коже песок. Они вместе с Балмином стояли на окруженной низкими поручнями платформе робота, висевшего на высоте полутора десятков метров над «улицей», а точнее, над покрытой песчаными волнами треугольной «площадью» между двумя сходящимися развалинами. Далеко внизу стояли их машины и маленькие фигурки людей, смотревших на них, задрав головы. Они висели у неровной, ободранной, местами покрытой треугольными плитами поверхности, из которой торчали острия черноватого металла. Отогнутые вверх или вбок плиты позволяли заглянуть в темные внутренности, где бессильно увязал не только солнечный свет, но и луч мощного прожектора.

— Как вы думаете, Балмин, что это может значить? — снова спросил Рохан.

Он был зол. Лоб, который он непрерывно вытирал, покраснел, кожа болела, глаза горели; через несколько минут нужно было передавать очередной рапорт на «Непобедимый», а он даже не мог найти слов, чтобы описать то, перед чем находился.

— Я не ясновидящий, — ответил ученый. — Я даже не археолог. Впрочем, думаю, что археолог тоже ничего бы вам не сказал. Мне кажется... — Он остановился.

— Говорите же!

— Мне это не кажется жилищами. Развалинами

жилищ каких бы то ни было существ, понимаете? Если это вообще можно с чем-нибудь сравнить, так уж скорее с машиной.

— Что, с машиной? С какой? Информационной? А может, это было что-то вроде электронного мозга...

— Вы и сами в это не верите, — ответил флегматичный планетолог.

Робот сместился вбок, по-прежнему почти касаясь стержней, беспомощно торчавших между погнутыми плитами.

— Нет. Тут не было никаких электрических цепей. Где вы видите что-нибудь, похожее на выключатели, изоляторы, экраны?

— Может быть, сгорели. Мог же их уничтожить огонь. Ведь в конце концов это развалины, — ответил неуверенно Рохан.

— Возможно, — неожиданно согласился Балмин.

— И что же я должен сказать астрогатору?

— Лучше всего просто показать ему весь этот кавардак.

— Да, это не город... — вдруг произнес Рохан, как бы подытожив мысленно все, что видел.

— Скорее всего, нет, — подтвердил планетолог. — Во всяком случае, не такой, какой мы можем себе вообразить. Здесь не жили ни человекоподобные существа, ни даже немного на них похожие. А жизнь в океане была очень близка к земной. Следовательно, и на суше логично было бы ее существование.

— Да. Я об этом все время думаю. Никто из биологов не хочет говорить на эту тему. А как по-нашему?..

— Я тоже не хочу об этом говорить, очень уж это неправдоподобно, но похоже — что-то не допустило жизнь на сушу. Как бы сделало ее выход из воды невозможным...

— Такая причина могла подействовать когда-то один раз, например, очень близкая вспышка сверхновой. Вы ведь знаете, что дзета Лиры была новой несколько миллионов лет назад. Возможно, жесткое излучение уничтожило жизнь на суше, а в глубине океана живые организмы могли уцелеть...

— Если бы излучение было таким, как вы говорите, то сейчас удалось бы найти какие-нибудь следы. А грунтовая активность для этих областей Галактики исклю-

чительно низка. И кроме того, за миллионы лет эволюция снова бы продвинулась вперед; естественно, не было бы никаких позвоночных, но примитивные формы... Прибрежные... Вы заметили, что берег совершенно мертвый?

— Заметил. Это действительно имеет такое значение?

— Решающее. Жизнь, как правило, возникает прежде всего на прибрежной отмели, и лишь потом уходит в глубь океана. И здесь не могло быть иначе. Что-то ее изгнало. И, думаю, не дает выйти на сушу до сих пор.

— Почему?

— Потому что рыбы боятся зондов. На планетах, которые я знаю, никакие животные не боялись аппаратов. Они никогда не боятся того, чего не видели.

— Вы хотите сказать, что они уже видели зонды?

— Я не знаю, что они видели. Но зачем им магниточувствительный орган?

— Какая-то дурацкая история, — буркнул Рохан.

Он оглядел ободранные фестоны металла, перегнулся через поручни: искривленные черные концы прутьев дрожали в потоке воздуха, вырывавшегося из-под робота. Балмин длинными щипцами обламывал вырастающие из отверстия стержни.

— Хочу вам сказать только одно, — произнес он. — Здесь не было слишком высокой температуры, никогда не было, иначе бы металл расплавился. Так что ваша гипотеза пожара отпадает.

— Тут развалится любая гипотеза, — проворчал Рохан. — Кроме того, я не вижу, каким образом эту сумасшедшую чащу можно соединить с исчезновением «Кондора». Ведь все это абсолютно мертвое.

— Не всегда же оно было таким.

— Тысячу лет тому назад, согласен, но не несколько лет... Здесь нам больше нечего делать. Возвращаемся назад.

Они больше не разговаривали, пока машина не опустилась около зеленых сигнальных огней. Рохан приказал техникам включить телекамеры и передать всю эту картину на «Непобедимый».

Сам он заперся в кабине вездехода с учеными. Продув миниатюрное помещение кислородом, они поели и выпили кофе из термосов. Над их головами пылал круглый светильник. Рохану был очень приятен его белый

свет. Он уже невзлюбил даже красный день планеты. Балмин плевался, так как песок, который постепенно набился в мундштук маски, скрипел теперь на зубах.

— Это мне что-то напоминает... — неожиданно заговорил Гралев, закручивая крышку термоса. Его черные густые волосы блестели под лампой. — Я рассказал бы вам. Но при условии, что вы не отнесетесь к моим словам слишком серьезно.

— Если это тебе что-нибудь напоминает, это уже очень много, — ответил Рохан. — И что же?..

— Непосредственно ничего. Но я слышал одну историю... Что-то вроде сказки... О лирянах...

— Это не сказка. Они действительно существовали. О них есть целая монография Ахрамяна, — заметил Рохан.

За спиной Гралева начала вспыхивать лампочка, сигнал, что установлена прямая связь с «Непобедимым».

— Да. Пейн допускал, что некоторым удалось спастись. Но это почти наверняка неправда. Они все погибли при вспышке Новой.

— Шестнадцать световых лет отсюда, — сказал Гралев. — Я не знаю книги Ахрамяна. Но слышал, не помню даже где, историю о том, как они пробовали спастись. Кажется, высылали корабли на все планеты близких к ним звезд. Они уже неплохо знали субсветовую астрогацию.

— И что дальше?

— Собственно говоря, все. Шестнадцать световых лет не такое уж большое расстояние. Может, какой-нибудь их корабль сел здесь...

— Допускаешь, что они здесь? То есть их потомки?

— Не знаю. Просто я связал с ними эти развалины. Они могли это построить...

— А как они выглядели? — спросил Рохан. — Были человекоподобными?

— Ахрамян считает, что да, — ответил Балмин. — Но это только гипотеза. От них осталось меньше, чем от австралопитека.

— Странно...

— Вовсе не странно. Их планета больше десятка тысяч лет находилась в хромосфере Новой. Временами температура на поверхности превышала десять тысяч градусов. Даже гранит нижних слоев коры совершенно

переродился. От океанов не осталось и следа, весь шар прожарился, как кость в огне. Подумай, сотня веков внутри пожара Новой!

— Лиряне здесь? Но для чего же им скрываться? И где?

— Может, они уже вымерли. Впрочем, не требуйте от меня слишком многого. Я просто сказал то, что мне пришло в голову.

Стало тихо. На пульте управления вспыхнул сигнал. Рохан поднялся с места, взял наушники:

— Я Рохан... Что? Это вы? Да! Да! Слушаю... Хорошо, сейчас возвращаемся! — Он обернулся. — Вторая группа нашла «Кондора»... Триста километров отсюда...

„КОНДОР"

Издалека звездолет походил на кривую башню. Такое впечатление создавалось формой окружавшего его песка: западный нанос был гораздо выше восточного. Несколько почти целиком засыпанных тягачей виднелось вблизи корабля. Даже замерший в неподвижности излучатель с поднятым кожухом наполовину занесло песком. Но кормовые дюзы были свободны, корма находилась внутри впадины, куда ветер не задувал. Поэтому достаточно было сгрести тонкий слой песка, чтобы добраться до разбросанных под пандусом предметов.

Люди с «Непобедимого» задержались на краю впадины. Машины, которые их сюда доставили, уже окружили всю территорию, и выброшенные из эмиттеров пучки энергии соединились, образовав защитное поле. Транспортеры и инфороботы остались в нескольких десятках метров от места, где песчаное кольцо опоясывало основание «Кондора».

Пандус корабля отделяло от грунта около пяти метров, словно что-то внезапно задержало его движение. Но ферма пассажирского подъемника стояла прочно, а пустая клеть с открытой дверцей, казалось, приглашала войти. Рядом с ней из песка торчало несколько кислородных баллонов. Алюминий баллонов блестел, как будто их бросили здесь совсем недавно. Чуть дальше из бархана высовывался какой-то голубой предмет, который оказался пластмассовым контейнером. Впро-

чем, хаотически разбросанных вещей во впадине под кораблем было множество: консервные банки, целые и опорожненные, теодолиты, фотоаппараты, бинокли, штативы, фляжки. Одни из них были в полном порядке, другие носили следы повреждений.

«Как будто их выбрасывали из корабля пачками», — подумал Рохан, задирая голову. Наверху темнела щель пассажирского люка, его крышка была приоткрыта.

Небольшой разведывательный отряд Девре, который совершенно случайно наткнулся на мертвый корабль, даже не пытался проникнуть внутрь, а сразу же уведомил базу. Теперь группа Рохана должна была разгадать тайну двойника «Непобедимого». Техники уже бежали от машин, неся ящики с инструментами. Заметив небольшой выпуклый бугорок, прикрытый тонким слоем песка, Рохан тронул его носком ботинка, думая, что это какой-то маленький глобус, машинально поднял бледно-желтый шар с земли и вскрикнул. Все обернулись к нему. Рохан держал в руках человеческий череп.

Потом они нашли еще кости и даже один совсем целый скелет в истлевшем комбинезоне. Между отвалившейся нижней челюстью и зубами верхней еще торчал мундштук кислородного прибора, а стрелка манометра застыла на сорока шести атмосферах. Опустившись на колени, Ярг отвернул вентиль баллона, и газ вырвался с протяжным свистом. В абсолютно сухом воздухе пустыни даже след ржавчины не тронул стальные части редуктора, и все винты вращались совершенно свободно.

Механизм подъемника можно было привести в движение из кабины, но, очевидно, сеть была обесточена, Рохан несколько раз нажал на кнопки без всякого результата. Взобраться наверх по сорокаметровой ферме лифта было довольно трудно. Рохан подумал, что придется послать несколько человек на летающей тарелке, но двое техников, связавшись тросом, уже полезли по наружному переплету подъемника. Остальные молча наблюдали их восхождение.

«Кондор» — звездолет точно такого же класса, что и «Непобедимый», — был построен всего на несколько лет раньше, и различить их силуэты было невозможно. Люди молчали. Они предпочли бы увидеть корабль разбитым во время катастрофы — ну хотя бы при взрыве реактора. То, что он стоял здесь, зарывшись в песок

пустыни, мертво наклонившись на одну сторону, словно грунт подался под тяжестью кормовых опор, окруженный хаосом предметов и человеческих костей, и одновременно внешне такой нетронутый, — ошеломило всех. Техники добрались до пассажирского люка и исчезли в нем. Их не было так долго, что Рохан уже начал беспокоиться, но неожиданно лифт вздрогнул, поднялся на метр, а потом снова опустился на песок. В открытом люке показалась фигурка одного из техников, он делал рукой знаки, что все в порядке.

Рохан, Балмин, биолог Хагеруп и один из техников, Кралик, вчетвером поехали наверх. По привычке Рохан осматривал могучую выпуклость корпуса, проплывающую за ограждением подъемника, и в первый, но не в последний раз за этот день испытал потрясение. Титаново-молибденовые плиты панциря были сплошь надсверлены или расковырены каким-то поразительно твердым инструментом; следы были не очень глубокие, но частые, вся наружная оболочка корабля как бы покрылась оспинами. Рохан схватил за плечо Балмина, но тот уже заметил необыкновенное явление. Оба они пытались рассмотреть получше выбитые в панцире неровности. Ямки были мелкие, словно выдолбленные острым концом долота, но Рохан знал, что нет такого долота, которому поддалась бы цементированная поверхность. Это мог быть только результат какого-то химического воздействия. Но разобраться он не успел, клеть остановилась, и они вошли в шлюз.

Внутри корабля горел свет: техники уже привели в действие аварийный генератор, запускавшийся сжатым воздухом. Очень мелкий песок лежал толстым слоем только около высокого порога. Ветер вдувал его сюда через неплотно закрытый люк. В коридорах песка не было совсем. Помещения третьего отсека были чистыми, холодными, ярко освещенными, кое-где валялись разбросанные предметы — кислородная маска, пластмассовая тарелка, книга, часть комбинезона, — но так было только в третьем отсеке. Ниже, в картографических и звездных каютах, в кают-компании, в каютах экипажа, радарных рубках, в коридорах господствовал совершенно необъяснимый хаос.

Еще более страшную картину увидели они в центральной рубке. Там не было ни одного уцелевшего стек-

лышка. Стекла всех аппаратов изготавливались из массы, не дающей осколков, и какие-то поразительно тяжелые удары превратили их в серебристый порошок, который покрывал пульты, кресла, даже провода и контакты. В расположенной рядом библиотеке, как высыпанная из мешка крупа, лежали микрофильмы, частью развернутые и сплетенные в большие, скользкие клубки, разодранные книги, поломанные циркули, логарифмические линейки, ленты спектральных анализов, вместе с грудами больших звездных каталогов Камерона, над которыми кто-то особенно издевался, яростно, но с непонятным терпением вырывая одну за другой толстые, жесткие пластиковые страницы. В клубе и прилегающем к нему зале проходы были завалены баррикадами измятой одежды и кусками кожи, содранной с распотрошенных кресел. Одним словом, все выглядело так, как если бы, по словам боцмана Тернера, на корабль напало стадо бешеных павианов. Люди, потеряв дар речи, переходили из одного отсека в другой. В маленькой навигационной каюте под стеной покоились высохшие останки человека, одетого в полотняные штаны и перепачканную рубаху. Сейчас его покрывал брезент, наброшенный кем-то из вошедших сюда раньше техников. Человек превратился в мумию с побуревшей кожей, присохшей к костям.

Рохан покинул «Кондор» одним из последних. У него кружилась голова, его поташнивало, каждый новый приступ тошноты приходилось подавлять, мобилизуя всю волю. Ему казалось, что он пережил кошмарный, неправдоподобный сон. Однако лица окружающих убеждали его в реальности всего, что он видел. На «Непобедимый» передали короткую радиограмму. Часть команды осталась у «Кондора», чтобы навести на нем хоть какое-то подобие порядка. Перед этим Рохан распорядился сфотографировать все помещения корабля и подробно описать состояние, в котором его нашли.

Они возвращались с Балмином и Гаарбом, одним из биофизиков; вел транспортер Ярг. Его широкое, обычно улыбающееся лицо словно уменьшилось и потемнело. Многотонная машина двигалась рывками, виляла между барханами, разбрасывая в стороны огромные фонтаны песка. Все это было так непохоже на плавную езду всегда уравновешенного водителя. Впереди шел энерго-

бот, создававший силовую защиту. Люди все время молчали, каждый думал о своем. Рохан почти боялся встречи с астрогатором, он не знал, что ему сказать. Один из самых потрясающих — настолько он был бессмысленным — фактов Рохан скрыл от всех. В ванне восьмого отсека он нашел куски мыла с четкими следами человеческих зубов. А ведь на «Кондоре» не могло быть голода, склады ломились от почти нетронутых запасов пищи, даже молоко в холодильниках отлично сохранилось.

На полдороге они приняли радиосигналы какого-то вездехода, который мчался им навстречу, поднимая стену пыли. Они уменьшили скорость, встречная машина тоже притормозила.

В ней ехали двое — уже немолодой техник Магдоу и нейрофизиолог Сакс. Оказалось, что уже после отъезда Рохана в хибернаторе «Кондора» было обнаружено замороженное человеческое тело. Возможно, что человека еще удалось бы оживить. Сакс вез всю необходимую аппаратуру с «Непобедимого». Рохан решил вернуться, мотивируя это тем, что вездеход ученого не имел силовой защиты. На самом деле он просто воспользовался случаем оттянуть разговор с Хорпахом. Ярг развернул машину, и они отправились обратно.

Вокруг «Кондора» суетились люди. Они вытаскивали из песка все новые и новые предметы. Отдельно, под белыми покрывалами, лежали трупы, их было уже больше двадцати. Пандус действовал, даже реактор, использовавшийся на стоянках, уже давал ток. Вездеходы заметили издалека по поднятой ими пыли и открыли проход через силовое поле. Сакса уже ждал врач, маленький доктор Нигрен, один он не захотел даже и осматривать найденного в хибернаторе человека.

Рохан, используя свою привилегию — как-никак он здесь замещал командира, — поднялся с обоими врачами на корабль. Обломки, которые до этого загромождали проход к хибернатору, были убраны. Стрелки показывали семнадцать градусов холода. Медики молча переглянулись, но Рохан столько-то знал о хибернаторе, чтобы понять, что для полной обратимой смерти температура слишком высока, а для гипотермического сна слишком низка. Было непохоже, что человека, находившегося в хибернаторе, специально подготовили

к пребыванию в определенных условиях, скорее, он оказался там случайно. Это было непонятно и бессмысленно, как, впрочем, и все остальное на «Кондоре». Действительно, когда они оделись в термокомбинезоны и, открутив маховики, открыли тяжелую дверь, то увидели распростертого на полу полураздетого человека, лежащего лицом вниз. Рохан помог врачам перенести его на маленький мягкий стол под тремя бестеневыми лампами. Рохан боялся лица этого человека, он знал многих ребят с «Кондора». Но этот был ему незнаком. Если бы его тело не было таким холодным и твердым, можно было бы подумать, что человек спит. Веки его были закрыты, в сухом, герметическом помещении кожа не утратила естественного цвета, разве что немного побледнела. Но ткани под ней были нашпигованы микроскопическими кристалликами льда. Оба врача снова молча переглянулись и начали приготавливать свои инструменты. Рохан сел на одну из пустых, аккуратно застеленных коек, — в хибернаторе сохранился обычный безукоризненный порядок. Несколько раз звякнули инструменты, врачи пошептались. Вдруг Сакс сказал, отходя от стола:

— Ничего не удастся сделать.

— Умер, — скорее делая из его слов единственно возможное заключение, чем задавая вопрос, выдавил Рохан.

В это время Нигрен подошел к пульту климатизатора. Через некоторое время повеяло теплым воздухом. Рохан встал, чтобы выйти, когда увидел, что Сакс возвращается к столу. Врач поднял с пола небольшую черную сумку, открыл ее и достал аппарат, о котором Рохан уже много раз слышал, но которого никогда не видел. Сакс очень спокойными движениями педантично разматывал провода, оканчивающиеся плоскими электродами. Приложив шесть электродов к голове трупа, он обмотал их эластичной лентой, потом, присев на корточки, вынул из сумки три пары наушников, одни надел сам и, по-прежнему наклонившись, покрутил ручки прибора, находившегося в сумке. Его лицо с закрытыми глазами приобрело выражение полной сосредоточенности. Вдруг он нахмурил брови, наклонился еще ниже, перестал вращать ручки и, быстро сняв наушники, сказал каким-то странным голосом:

— Коллега Нигрен...

Маленький доктор взял от Сакса наушники.

— Что?.. — почти беззвучно, одними губами спросил Рохан.

Аппарат этот на их жаргоне называли «выстукивателем гробов». У человека, умершего недавно (или если труп не начал разлагаться, как в этом случае, из-за действия низкой температуры), можно было «подслушивать мозг», вернее то, что составляло последнее содержание сознания. Аппарат посылал в мозг электрические импульсы, и они проходили по цепи наименьшего сопротивления — по тем нервным волокнам, которые объединяло функциональное единство в предагональный период. В результатах никогда нельзя было быть уверенным, но ходили слухи, что несколько раз таким способом удалось получить информацию необычайной важности. Сейчас, когда очень многое зависело от того, удастся ли приоткрыть краешек тайны, скрывающей трагедию «Кондора», применение «выстукивателя гробов» было необходимым. Рохан уже понял, что нейрофизиолог с самого начала не рассчитывал на оживление замерзшего человека и приехал сюда только затем, чтобы прослушать его мозг. Он стоял неподвижно, ощущая сухость во рту и тяжелые удары сердца, когда Сакс протянул ему свободные наушники. Если бы не простота, обыденность этого жеста, Рохан не решился бы надеть их. Но он сделал это под взглядом спокойных темных глаз Сакса, который, стоя на одном колене у аппарата, понемногу поворачивал ручку усиления.

Сначала не было слышно ничего, кроме слабого шума, и Рохан почувствовал облегчение, он и не хотел ничего слышать. Он предпочел бы, не отдавая себе в этом отчета, чтобы мозг незнакомого ему человека был нем, как камень. Сакс, поднявшись с пола, поправил у него на голове наушники. Тогда Рохан сквозь свет, заливающий белую стену каюты, увидел серое изображение, как будто засыпанное пеплом, затуманенное и повисшее в неизвестной дали. Он невольно закрыл глаза, и изображение стало почти четким. Это был какой-то проход внутри корабля, с протянувшимися под потолком трубами, во всю ширину заваленный человеческими телами. Кажется, они двигались, а может, это дрожало видение. Людей покрывали какие-то лохмотья, а их неестественно белую кожу усеивало множество темных

черточек, похожих на какую-то сыпь, а может, и это тоже было только случайным побочным эффектом, потому что такие же самые черные запятые виднелись и на полу, и на стене. Вся эта картина, как нечеткая фотография, снятая через толщу текущей воды, растягивалась, корчилась, колебалась. Охваченный ужасом, Рохан резко открыл глаза, картина посерела и почти исчезла, лишь легкой тенью заслоняя ярко освещенную стену. Но Сакс снова притронулся к ручкам прибора, и Рохан услышал — не ушами, а как бы внутри собственного мозга — слабый шепот:

— ...ала... ама... лала... ала... ма... мама...

И ничего больше. Неожиданно наушники мяукнули, загудели и наполнились повторяющимся, словно сумасшедшая икота, пением, каким-то диким смехом, язвительным и страшным, но это был только ток, просто гетеродин начал генерировать слишком мощные колебания...

Сакс свернул провода, сложил их и сунул в сумку. Нигрен поднял край простыни и набросил на мертвеца, рот которого, до сих пор плотно сжатый, наверное, под действием тепла (в хибернаторе было уже почти жарко — во всяком случае у Рохана по спине текли струйки пота), слегка приоткрылся и приобрел выражение чрезвычайного удивления. Так он и исчез под белым саваном.

— Скажите что-нибудь... Почему вы ничего не говорите?! — выкрикнул Рохан.

Сакс затянул ремешки футляра, встал и подошел к нему:

— Спокойно, Рохан... Возьмите себя в руки...

Рохан зажмурил глаза, стиснул кулаки, весь напрягся, но напрасно. Как обычно в такие минуты, его охватило бешенство. Сдерживаться было страшно трудно.

— Простите... — выдавил он. — Так что же это значит?

Сакс сбросил слишком свободный для него комбинезон, и кажущаяся его полнота исчезла. Он снова стал худым, сутулым человеком, с узкой грудью, с тонкими нервными руками.

— Я знаю не больше, чем вы, — произнес он. — А может, и меньше.

Рохан ничего не понимал, но зацепился за его последние слова:

— Как это так?.. Почему меньше?

— Меня здесь не было, — я не видел ничего, кроме этого трупа. А вы здесь с утра. Эта картина вам ничего не говорит?

— Нет. Они... они шевелились. Они еще жили тогда? Что на них было? Эти пятнышки...

— Они не шевелились. Это иллюзия. Энграммы фиксируются так же, как обычные фотографии. Иногда бывает совмещение нескольких изображений, но в данном случае этого не было.

— А пятнышки? Это тоже иллюзия?

— Не знаю. Возможно. Но мне кажется, что нет. Что вы думаете об этом, Нигрен?

Маленький доктор тоже освободился от термокомбинезона.

— Не знаю, — сказал он. — Возможно, это и не артефакт. На потолке их ведь не было, правда?

— Этих пятнышек? Нет. Только на них... И на полу. И несколько на стенах...

— Если бы это была другая проекция, они, наверное, покрывали бы все изображение, — сказал Нигрен. — Но ручаться трудно. Слишком много случайного...

— А голос? Это... это бормотание? — в отчаянии допытывался Рохан.

— Одно слово было отчетливым. «Мама». Вы слышали?

— Да. Но там было еще что-то. «Ала»... «лала»... это повторялось...

— Повторялось, потому что я прослушал всю теменную область, — буркнул Сакс. — То есть всю зону слуховой памяти, — объяснил он Рохану. — Это было самым удивительным...

— Эти слова?..

— Нет. Не слова. Умирающий может думать о чем угодно. Если бы думал о матери, это было бы вполне нормально. Но слуховая зона его коры пуста. Абсолютно пуста, понимаете?

— Нет. Ничего не понимаю. Как это — пуста?

— Обычно сканирование теменных слоев не дает результатов, — пояснил Нигрен. — Там слишком много

энграмм, слишком много закрепленных слов. Результат такой же, как если бы вы пытались читать сто книг одновременно. Получается хаос. А у него, — Нигрен взглянул на длинную фигуру под простыней, — там не было ничего. Никаких слов, кроме этих нескольких слогов.

— Да. Я прошел от сенсорного центра речи до sulcus Rolandi, — сказал Сакс. — Поэтому те слоги и повторялись; это были последние фонетические структуры, которые уцелели.

— А остальные? А другие?

— Их нет. — Сакс, словно потеряв терпение, поднял тяжелый прибор так резко, что заскрипела кожаная ручка. — Их просто нет, и все. И не спрашивайте меня, что с ними случилось. Этот человек утратил всю слуховую память.

— А изображение?..

— Тут что-то другое. Он это видел. Хотя мог даже не понимать, что видит. Фотоаппарат тоже не понимает, но фиксирует то, на что его направляют. Впрочем, я не знаю, понимал он или нет. Помогите мне, коллега.

Врачи, взяв аппарат, вышли. Дверь закрылась. Рохан остался один. Его охватило такое отчаяние, что он подошел к столу, поднял покрывало, отбросил его и, расстегнув на мертвом рубашку — она уже оттаяла и стала совсем мягкой, — внимательно осмотрел его грудь. Прикоснувшись к ней, Рохан вздрогнул. К коже вернулась эластичность; по мере того как ткани оттаивали, мышцы расслаблялись, и голова, до сих пор неестественно поднятая, бессильно упала. Человек словно и вправду спал.

Рохан искал следов какой-нибудь загадочной эпидемии, отравления, укусов, но не нашел ничего. Два пальца левой руки мертвеца разогнулись, открыв маленькую ранку. Ее края слегка разошлись, ранка начала кровоточить. Красные капли падали на белую простыню. Этого Рохан уже не мог выдержать. Даже не закрыв мертвеца саваном, он выбежал из каюты и бросился, расталкивая находившихся в коридоре людей, к главному выходу, как будто за ним кто-то гнался.

Ярг задержал его у шлюза, помог надеть кислородный прибор, даже воткнул в рот мундштук.

— Ничего не известно?

— Нет, Ярг. Ничего. Ничего!

Он не понимал, с кем спускается в лифте вниз. Незаглушенные двигатели машины ревели. Ветер усиливался, и волны песка, накатываясь, скрипели о поверхность корпуса, шершавую и неровную. Рохан совсем забыл об этом явлении. Он подошел к корме и, поднявшись на цыпочки, притронулся кончиками пальцев к толстой металлической плите. Панцирь походил на скалу, очень старую, выветрившуюся скалу, ощетинившуюся твердыми бугорками неровностей. Он видел между транспортерами высокую фигуру инженера Ганонга, но даже не пробовал спросить его об этом феномене. Инженер знал столько же, сколько он сам. То есть ничего. Ничего.

Рохан возвращался с несколькими людьми, сидя в углу кабины большого вездехода. Словно издали он слышал их голоса. Боцман Тернер говорил что-то об отравлении, но его перебили:

— Отравление? Чем? Все фильтры в полном порядке! Резервуары полны кислородом! Запасы воды нетронуты... Еды по горло...

— Видели, как выглядел тот, которого нашли в малой навигационной? — спросил Бланк. — Мой знакомый... Ни за что бы его не узнал, но у него был такой оригинальный перстень...

Ему никто не ответил.

Вернувшись на базу, Рохан пошел прямо к Хорпаху. Тот уже сориентировался в обстановке благодаря телевизионной связи и рапорту группы, вернувшейся раньше с несколькими сотнями снимков. Избавившись от необходимости что-нибудь рассказывать командиру, Рохан почувствовал невольное облегчение.

Астрогатор, встав из-за стола, на котором лежали карты, заваленные фотографиями, внимательно оглядел Рохана. Они были одни в большой навигационной каюте.

— Возьмите себя в руки, Рохан, — сказал Хорпах.— Я понимаю, что́ вы чувствуете, но прежде всего нам нужно хладнокровие. И спокойствие. Мы должны разобраться в этой сумасшедшей истории.

— Они имели все средства защиты: энергоботы, лазеры, излучатели. Большой антимат стоит рядом с кораблем. У них было все, что есть у нас, — бесцветным голосом сказал Рохан. Внезапно он сел. — Простите... — пробормотал он.

Астрогатор вынул из стенного шкафчика бутылку коньяка:

— Старое средство, иногда бывает полезно. Выпейте-ка, Рохан. Этим когда-то пользовались на полях сражений...

Рохан молча проглотил обжигающую жидкость.

— Я проверил счетчики всех агрегатов мощности, — сказал он таким тоном, будто жаловался. — Их никто не атаковал. Они не сделали ни одного выстрела. Просто, просто...

— Сошли с ума? — спокойно подсказал астрогатор.

— Хотел бы я хоть в этом быть уверен. Но как это могло случиться?

— Вы видели бортовой журнал?

— Нет. Гаарб забрал его. Он у вас?

— Да. После даты посадки там только четыре записи. Они касаются тех развалин, которые вы видели, и «мушек».

— Не понимаю. Каких мушек?

— Этого я не знаю. Дословно запись звучит так.

Хорпах поднял со стола раскрытую книгу:

— «Никаких признаков жизни на суше. Состав атмосферы...» Тут данные анализов... ага, вот... «В 18.40 второй патруль, возвращающийся из развалин, попал в локальную песчаную бурю со значительной активностью атмосферных разрядов. Радиосвязь поддерживалась, несмотря на помехи. Патруль сообщает о большом количестве мушек, заполняющих...»

Астрогатор умолк и отложил книжку.

— А дальше? Почему вы не кончили?

— Это все. Здесь обрывается последняя запись.

— И больше там ничего нет?

— Остальное вы можете увидеть.

Он придвинул к нему открытую книгу. Страница была покрыта каракулями. Рохан всматривался в хаос пересекающихся линий расширенными глазами.

— Тут как будто буква «б»... — сказал он тихо.

— Да. А здесь «Г». Большое «Г». Словно маленький ребенок писал... Вам не кажется?

Рохан молчал, держа в руке пустой стакан. Он забыл его поставить. Он подумал о своем недавнем тщеславии: мечтал о том, чтобы самому вести «Непобеди-

мый». Теперь он готов был радоваться, что не должен решать дальнейшую судьбу экспедиции.

— Прошу вызвать руководителей специальных групп. Очнитесь, Рохан.

— Простите. Будет совещание?

— Да. Пусть приходят в библиотеку.

Через четверть часа все собрались в большом квадратном зале, со стенами, покрытыми цветной эмалью. Зловещее сходство помещений «Кондора» и «Непобедимого» угнетало, и Рохан, глядя куда-то в угол, никак не мог отделаться от картин сумасшествия, врезавшихся ему в память.

У каждого здесь было свое постоянное место. Биолог, врач, планетолог, электронщики и связисты, кибернетики и физики сидели на установленных полукругом стульях. Эти девятнадцать человек составляли стратегический мозг корабля. Астрогатор одиноко стоял под опущенным до половины белым экраном.

— Все ли присутствующие знакомы с положением на «Кондоре»?

Ответом был согласный шум.

— До этого момента, — сказал Хорпах, — группы, работающие в районе «Кондора», нашли двадцать девять трупов. На самом корабле их найдено тридцать четыре, в том числе один совершенно сохранившийся благодаря замораживанию в хибернаторе. Доктор Нигрен, который как раз вернулся оттуда, сделает вам сообщение...

— Я могу сказать немного, — произнес Нигрен, вставая и медленно подходя к астрогатору. Он был ниже Хорпаха на голову. — Мы нашли только девять мумифицированных тел. Кроме того, о котором сказал командир и которое будет исследовано особо. Остальные — это скелеты или части скелетов, найденные в песке. Мумификация происходила внутри корабля, где ей благоприятствовали условия: очень низкая влажность воздуха, практическое отсутствие бактерий, вызывающих гниение, и не слишком высокая температура. Тела, которые находились вне корабля, подверглись разложению, усиливавшемуся в периоды дождей, так как в песке содержится значительный процент окислов и сульфидов железа, реагирующих со слабыми кислотами... Впрочем, я думаю, что эти подробности не существенны.

Во всяком случае, в условиях планеты мумификация была тем более невозможна, что к действию воды и растворенных в ней веществ присоединялось действие песка, продолжавшееся несколько лет. Этим объясняется то, что все костные поверхности отполированы.

— Простите, доктор, — прервал его астрогатор. — Самым важным является причина гибели этих людей...

— Никаких признаков насильственной смерти, по крайней мере на наиболее сохранившихся трупах, — быстро ответил врач. Он не поднимал глаз и словно рассматривал что-то в поднятой к лицу руке. — Картина такова, как будто они умерли... естественной смертью.

— То есть?

— Без внешних насильственных воздействий. Некоторые кости, найденные отдельно, поломаны, но эти повреждения могли появиться позже. Уточнение этого требует дальнейших исследований. Кожные покровы у всех в полном порядке. Никаких ран, если не считать мелких царапин, которые наверняка не могли быть причиной смерти.

— Как же они погибли?

— Этого я не знаю. Можно подумать, что от голода или от жажды...

— Запасы воды и пищи в сохранности, — заметил со своего места Гаарб.

— Это я знаю.

Некоторое время было тихо.

— Мумификация — это прежде всего обезвоживание организма, — пояснил Нигрен. Он по-прежнему не смотрел ни на кого из присутствующих. — Жировые ткани подвергаются изменениям, но их можно выявить. Так вот... у погибших практически не было жировых тканей. Так бывает после продолжительного голода...

— Но тот, найденный в хибернаторе, имел их, — бросил стоящий за последним рядом стульев Рохан.

— Это верно. Но он, вероятно, просто замерз. Очевидно, как-то проник в хибернатор и, возможно, просто уснул, когда температура понизилась.

— Допускаете ли вы возможность массового отравления? — спросил Хорпах.

— Нет.

— Но, доктор... Не можете же вы так категорически...

— Могу объяснить, — ответил врач. — Отравление в условиях планеты может произойти либо через легкие, от вдыхаемых газов, либо через пищеварительный тракт, либо через кожу. Один из наиболее сохранившихся трупов был найден с кислородным прибором. В баллоне оставался кислород. Его хватило бы еще на несколько часов.

«Это правда», — подумал Рохан. Он вспомнил этого человека — обтянутый кожей череп, остатки побуревшей кожи на скулах, глазницы, из которых высыпался песок.

— Эти люди не могли съесть ничего отравленного, потому что здесь вообще нет ничего съедобного. Я имею в виду сушу. А никакой охоты в океане они не предпринимали. Катастрофа произошла сразу же после посадки. Они только успели послать группу в развалины. И все. Впрочем, я вижу здесь Макминна. Вы кончили, Минн?

— Да, — ответил от двери биохимик.

Все головы повернулись к нему. Он прошел между сидящими и встал рядом с Нигреном. На нем был длинный лабораторный фартук.

— Вы проделали анализы?

— Да.

— Доктор Макминн исследовал тело человека, найденного в хибернаторе, — объяснил Нигрен. — Может быть, вы сразу же расскажете, что вы установили?

— Ничего, — ответил Макминн.

У него были очень светлые волосы, казавшиеся просто седыми, и такие же светлые глаза. Все лицо, даже веки биохимика покрывали крупные веснушки. Но сейчас его длинная лошадиная физиономия никого не смешила.

— Никаких ядов органических или неорганических. Все энзимные группы тканей в нормальном состоянии. Кровь в норме. В желудке остатки переваренных сухарей и концентрата.

— Как же он умер? — спросил Хорпах. Он по-прежнему казался спокойным.

— Просто замерз, — ответил Макминн и только теперь заметил, что не снял фартук. Он расстегнул пряжки и бросил его на стоящий рядом пустой стул. Фартук соскользнул с сиденья и упал на пол.

— Каково же ваше мнение? — упорно повторил астрогатор.

— У меня его нет, — ответил Макминн. — Могу лишь сказать, что эти люди не отравлены.

— Какое-нибудь быстро распадающееся радиоактивное вещество? Или жесткое излучение?

— Жесткое излучение при смертельных дозах оставляет следы: повреждение капилляров, изменение состава крови. Таких изменений нет. Не существует также радиоактивного вещества, которое при смертельной дозе за восемь лет исчезло бы без следа. Здешний уровень радиоактивности ниже земного. Эти люди не подвергались действию какого-либо вида лучистой энергии. За это я могу ручаться.

— Но ведь что-то их убило? — повышенным голосом спросил планетолог Балмин.

Макминн молчал. Нигрен что-то тихо ему сказал. Биохимик кивнул головой и вышел. Нигрен сошел с возвышения и сел на свое место.

— Плохо дело, — сказал астрогатор. — Во всяком случае от биологов помощи ожидать не приходится. Кто-нибудь хочет высказаться?

— Да.

Встал Сарнер, физик-атомник.

— Объяснение гибели «Кондора» кроется в нем самом, — заявил он, оглядев всех своими глазами дальнозоркой птицы. — То есть оно там, но мы никак не можем его найти. Хаос в каютах, нетронутые запасы, положение и размещение трупов, повреждения аппаратуры — все это что-то должно значить.

— Если вам больше нечего сказать... — бросил разочарованно Гаарб.

— Минуточку. Мы находимся в темноте. Нужно искать какую-то дорогу. Пока мы знаем очень немного. У меня сложилось впечатление, что некоторые вещи, которые мы видели на «Кондоре», мы просто боимся вспоминать. Поэтому с таким упрямством возвращаемся к гипотезе отравления и вызванного им массового помешательства. В наших собственных интересах — и во имя погибших — мы должны беспощадно рассмотреть все факты. Прошу, вернее вношу категорическое предложение: каждый из вас должен рассказать то, что больше всего потрясло его на «Кондоре». Чего, возможно, не сказал никому. О чем подумал, что это нужно забыть.

Сарнер сел. Рохан, после короткой внутренней борь-

бы, рассказал о кусках мыла, которые он нашел в ванне.

Потом встал Гралев. Под кипами разодранных карт и книг в помещениях было полно высохших экскрементов.

Кто-то рассказал о банке консервов, на которой остались следы зубов. Словно металл пытались разгрызть. Гаарба больше всего поразила мазня в бортовом журнале и упоминание о «мушках». Он не остановился на этом и продолжал:

— Предположим, что из трещины в «городе» вырвалась волна ядовитых газов и ветер принес ее к кораблю. Если в результате неосторожности люк был открыт...

— Открыт был только наружный люк, коллега Гаарб. Об этом свидетельствует песок в шлюзе. Внутренний был закрыт.

— Его могли закрыть потом, когда уже начали ощущать отравляющее действие газа...

— Это невозможно, Гаарб. Внутренний люк открыть нельзя, пока открыт наружный. Они открываются только поочередно, это исключает всякую неосторожность или беспечность.

— Но одно для меня несомненно, — это произошло внезапно. Массовое помешательство, — я уже не говорю о том, что случаи психоза иногда бывают во время полета, в пустоте, но никогда на планетах, да еще через несколько часов после посадки, — массовое помешательство, охватившее весь экипаж, могло быть только результатом отравления...

— А может быть, они впали в детство, — заметил Сарнер.

— Как? Что вы сказали? — ошеломленно воскликнул Гаарб. — Это... шутка?..

— Наше положение не располагает к шуткам. Я сказал о том, что они впали в детство, потому что никто об этом не говорит. Но все это — каракули в бортжурнале, разодранные звездные атласы, с трудом нарисованные буквы, вы ведь видели их...

— Но что это значит? — спросил Нигрен. — Это что, по-вашему, болезнь?

— Нет. Ведь такой болезни не существует, не правда ли, доктор?

— Наверняка нет.

Снова стало тихо. Астрогатор колебался:

— Это может нас увести в ложном направлении. Результаты некротических прослушиваний всегда неточны. Но сейчас... Не знаю, можно ли запутаться еще больше. Доктор Сакс...

Нейрофизиолог рассказал об изображении, обнаруженном в мозгу замерзшего в хибернаторе, а также о слогах, которые остались в его слуховой памяти. Это вызвало настоящую бурю вопросов, под их перекрестный огонь попал даже Рохан, как один из участников эксперимента. Но решить ничего не удалось.

— Пятнышки на изображении ассоциируются с «мушками»... — сказал Гаарб. — Минутку. А может, причины смерти были различны? Скажем, на экипаж напали какие-то ядовитые насекомые — в конце концов не так легко обнаружить следы маленького укуса на мумифицированной коже. А тот, найденный в хибернаторе, просто пытался спрятаться от насекомых, чтобы избежать судьбы товарищей... и замерз.

— Но почему перед смертью у него возникла амнезия?

— То есть потеря памяти, так? А это точно установлено?

— Настолько, насколько вообще точны некротические исследования.

— Ну а что вы скажете по поводу гипотезы о насекомых?

— Пусть по этому вопросу выскажется Лауда.

Главный палеобиолог экспедиции встал, ожидая, пока все утихнут.

— Не случайно мы вообще не говорили о так называемых «мушках», — сказал он. — Каждый, кто хоть немного ориентируется в биологии, знает, что никакие организмы не могут существовать вне определенного биотопа, то есть доминирующего комплекса, который определяется средой и живущими в ней видами. Это справедливо для всего исследованного космоса. Жизнь либо создает огромное различие форм, либо не возникает вообще. Насекомые не могли появиться без одновременного развития растений, других организмов, беспозвоночных и так далее. Не буду излагать вам общей теории эволюции, думаю, будет достаточно, если я заверю вас, что это невозможно. Здесь нет ни ядовитых мух, ни других членистоногих, как насекомых, так и пауко-

образных. Нет также никаких родственных им форм.

— Не можете же вы быть так уверены в этом! — воскликнул Балмин.

— Если бы вы были моим учеником, Балмин, вы бы не попали на корабль, просто не сдали бы у меня экзамена, — сказал невозмутимый палеобиолог, и все невольно заулыбались. — Не знаю, как там у вас с планетологией, но с эволюционной биологией неважно...

— Ну, начинается типичный спор специалистов... И не жаль времени?.. — шепнул кто-то за спиной Рохана.

Он обернулся и увидел широкое загорелое лицо Ярга, который подмигнул ему понимающе.

— Но, может быть, это насекомые не местного происхождения, — упирался на своем Балмин. — Может, их откуда-нибудь завезли...

— Откуда?

— С планет Новой...

Теперь все заговорили одновременно. Прошло некоторое время, пока удалось успокоить собравшихся.

— Друзья! — сказал Сарнер. — Я знаю, откуда у Балмина такие мысли. От доктора Гралева...

— А я и не отказываюсь от авторства, — бросил физик.

— Отлично. Предположим, что мы уже не можем себе позволить роскоши правдоподобно звучащих гипотез. Что нам нужны сумасшедшие гипотезы. Пусть так. Предположим также, что какой-то корабль с планет Новой завез сюда тамошних насекомых... Пусть скажут биологи: могли ли они приспособиться к местным условиям.

— Если гипотеза должна быть сумасшедшей, то могли бы, — согласился со своего места Лауда. — Но даже сумасшедшая гипотеза должна объяснять все.

— Это значит?..

— Это значит, что нужно объяснить, чем изуродован наружный панцирь «Кондора» до такой степени, что, как мне сказали инженеры, корабль не сможет летать, пока не будет сделан капитальный ремонт. Или вы думаете, что какие-нибудь насекомые приспособились к употреблению молибденового сплава? Это одна из наиболее твердых субстанций в космосе. Скажите, Петерсен, чем можно испортить такую броню?

— Когда она хорошо процементирована, собственно говоря, ничем, — ответил заместитель главного инженера. — Ее можно немного надсверлить алмазом, но на это потребуются тонны сверл и тысяча часов времени. Уж скорее — кислотами. Но это должны быть неорганические кислоты, они должны действовать при температуре минимум две тысячи градусов и в присутствии соответствующих катализаторов.

— А чем, по вашему мнению, поврежден панцирь «Кондора»?

— Не имею понятия. Такое впечатление, что он лежал как раз в такой кислотной ванне при нужной температуре. Но как это сделано — без плазменной дуги, без катализаторов, — этого я не могу себе представить.

— Вот вам ваши «мушки», Балмин, — сказал Лауда и сел.

— Я думаю, нет смысла продолжать дискуссию, — сказал молчавший до сих пор астрогатор. — Возможно, для нее еще не пришло время. Нам не остается ничего другого, как продолжать исследования. Поделимся на три группы. Одна займется развалинами. Другая — «Кондором», а третья проделает несколько походов в глубь западной пустыни. Это предел наших возможностей, так как даже если мы приведем в действие некоторые механизмы «Кондора», все равно нельзя снять с защитного кольца больше четырнадцати энергоботов, а третья степень по-прежнему обязательна...

ПЕРВЫЙ

Тяжелая, давящая тьма окружала его со всех сторон. Он задыхался. Отчаянными движениями пытался разорвать обвивающие его призрачные спирали, проваливаясь все глубже, с криком, втиснутым в раздувшееся горло. Он искал оружие. Напрасно, он был беззащитен. Последний раз напряг все свои силы, чтобы закричать. Оглушительный звон вырвал его из кошмара. Рохан вскочил с койки в полубессознательном состоянии, зная только, что его окружает мрак, в котором непрерывно звучит сигнал тревоги. Это уже не было кошмаром. Он зажег свет, набросил комбинезон и побежал к лифту. У двери толпились люди. Протяжный звон сигналов был слышен во всех отсеках, красные надписи «тревога»

пылали со стен. Он вбежал в рубку. Астрогатор, одетый по-дневному, стоял у большого экрана.

— Я уже отменил тревогу, — сказал он спокойно. — Это только дождь, Рохан, но вы взгляните. Великолепное зрелище.

В самом деле, экран, на котором открывалась верхняя часть ночного неба, сверкал искрами миллиардов разрядов. Капли дождя, падая с высоты, сталкивались с невидимой чашей силовой защиты, накрывающей «Непобедимый», и в мгновение ока превращаясь в микроскопические огненные взрывы, освещали местность похожим на усиленное во сто крат полярное сияние мерцающим пламенем.

— Нужно бы получше запрограммировать автоматы... — слабым голосом сказал Рохан, окончательно приходя в себя. Ему уже расхотелось спать. — Придется сказать Тернеру, чтобы он не включал аннигиляции. Иначе каждая горсть песку, принесенная ветром, будет поднимать нас среди ночи...

— Предположим, что это была учебная тревога. Что-то вроде маневров, — ответил астрогатор, который, казалось, был в неожиданно хорошем настроении. — Сейчас четыре. Можете возвращаться к себе, Рохан.

— Честно говоря, не хочется. Может, вы?..

— Я уже спал. Мне достаточно четырех часов. После шестнадцати лет, проведенных в пустоте, ритм сна и бодрствования человека не имеет ничего общего со старыми земными привычками. Меня беспокоит максимальная безопасность исследовательских групп, Рохан. И в то же время слишком хлопотно — таскать везде громоздкие энергоботы и развертывать силовую защиту. Что вы об этом думаете?

— Можно бы дать людям индивидуальные эмиттеры. Но это тоже не решает всех проблем. Человек в силовом пузыре ни к чему не может прикоснуться... Вы знаете, как это выглядит. А если слишком уменьшить радиус энергетической оболочки, можно и самому... обжечься. Я такое видел.

— Я даже думал о том, чтобы никого не выпускать на сушу и проводить исследования только роботами с дистанционным управлением, — произнес астрогатор.— Но это хорошо на несколько часов, на день, а мне сдается, что мы здесь останемся дольше...

— Что же вы решили делать?

— Каждая группа будет иметь исходную базу, окруженную силовым полем, но отдельные исследователи должны обладать некоторой свободой действий. Иначе мы предохраним себя от несчастных случаев так хорошо, что вообще ничего не сможем делать. Обязательное условие, чтобы к каждому работающему вне силовой защиты имелся защищенный наблюдатель, который бы следил за всеми его движениями. Не пропадать с глаз — это первое правило на Регисе III.

— А куда вы меня пошлете?

— Вы хотели бы работать на «Кондоре»?.. Вижу, что нет. Хорошо. Остается город или пустыня. Можете выбирать...

— Выбираю город. Мне по-прежнему кажется, что тайна скрыта там...

— Возможно. Итак, завтра, вернее сегодня — уже светает, — вы возьмете свою вчерашнюю команду. Я вам дам еще пару арктанов. Ручные лазеры тоже не помешают, мне кажется, что «то» действует с небольшой дистанции...

— Что?..

— Если бы я знал... Кухню тоже возьмите, чтобы быть совершенно независимыми от нас и в случае необходимости иметь возможность работать без непосредственной связи с кораблем...

●

Красное негреющее солнце перекатилось через небосвод. Тени гротескных конструкций удлинялись и сливались. Ветер перетаскивал песчаные кучи между металлическими пирамидами. Рохан сидел на крыше тяжелого вездехода и в подзорную трубу всматривался в фигуры Гралева и Хена, которые за пределами силового поля возились у основания черноватого «пчелиного сота». Ремень, на котором висел лазер, натер ему шею. Он перебросил лазер за спину, не спуская глаз с товарищей. Плазменная горелка в руках Хена сверкала как маленький ослепительный бриллиант. Изнутри вездехода до Рохана донесся звук ритмично повторяющегося сигнала вызова, но он даже не повернул головы. Он слышал, как водитель отвечает базе.

— Навигатор! Приказ командира! Нужно немедленно возвращаться! — крикнул Ярг, высовывая голову из люка.

— Возвращаться? Почему?

— Не знаю. Он все время передает сигнал немедленного возвращения и четыре раза ЭВ.

— ЭВ?! Ох, как затекли мышцы! Это значит, что нужно спешить. Дай мне микрофон и зажги огни.

Через десять минут все люди были уже на машинах. Рохан вел свою маленькую колонну с максимальной скоростью, какую позволяла гористая местность. Бланк, выполнявший сейчас обязанности радиста, подал ему наушники. Рохан спустился вниз, в металлическое нутро машины, пахнущее разогретым пластиком, и, сев под вентиляторную решетку, струя воздуха из которой шевелила ему волосы, вслушивался в обмен сигналами между группой Галлахера, работавшей в западной пустыне, и «Непобедимым». Кажется, начиналась буря. С утра барометры показывали падение давления, но только сейчас из-за горизонта выползли темно-синие плоские тучи. Небо над ними было чистым. На отсутствие атмосферных помех пожаловаться было нельзя — в наушниках трещало так, что связь шла только морзянкой. Рохан улавливал группы условных сигналов. Но он включился слишком поздно и не мог понять, о чем идет речь, кроме того, что группа Галлахера тоже возвращалась на базу полным ходом, а на корабле объявлена готовность и вызваны на свои места все врачи.

— Вызваны медики, — сказал он застывшим в ожидании Балмину и Гралеву. — Какой-нибудь несчастный случай. Наверное, ничего серьезного. Впрочем, возможно, был обвал, кого-нибудь засыпало...

Он знал, что люди Галлахера должны были заниматься раскопками в установленном предварительной разведкой пункте. Однако, честно говоря, он сам не верил в то, что случилось обычное происшествие, какие бывают во время работ. От базы их отделяло меньше шести километров, но та группа, очевидно, снялась гораздо раньше: едва увидев темный вертикальный силуэт «Непобедимого», они пересекли совершенно свежие следы гусениц. Они приблизились к границе внешнего поля и начали вызывать корабль, чтобы им открыли проход. Корабль удивительно долго не отвечал. Наконец за-

жглись условные голубые огни, и они въехали в зону защиты.

Группа «Кондора» была уже здесь. Значит, это она проскочила перед ними, а не геологи Галлахера. Часть вездеходов стояла около пандуса, другие загораживали проезд, беспорядочно бегали люди, увязая по колени в песке, автоматы поблескивали огнями. Наступили сумерки. Некоторое время Рохан не мог разобраться в этом хаосе. Вдруг с высоты вырвался сверкающий белый столб. Большой прожектор сделал корабль похожим на огромный маяк. Прожектор нащупал далеко в пустыне колонну огней, прыгающих то снизу вверх, то в стороны, словно и вправду приближалась армада кораблей. Снова вспыхнули светлячки открывающегося силового поля. Машины еще не остановились, а сидящие в них люди Галлахера уже соскакивали в песок, от пандуса подъезжал на колесах второй прожектор, сквозь шпалеры столпившихся машин шла группа людей, окруживших носилки, на которых кто-то лежал.

Рохан растолкал стоявших перед ним в тот момент, когда носилки миновали его, и остолбенел. В первый момент он подумал, что действительно произошел несчастный случай, но у человека, лежавшего на носилках, были связаны руки и ноги.

Извиваясь всем телом так, что скрипели веревки, которыми он был опутан, он издавал широко открытым ртом жуткие стонущие звуки. Группа, за которой двигалось освещающее ее пятно света, уже прошла, а до Рохана, стоящего в темноте, все еще доносились эти нечеловеческие звуки, непохожие ни на что, когда-либо слышанное им. Белый овал с двигающимися в нем фигурами уменьшился, поднимаясь к пандусу, и исчез в широко распахнутом грузовом люке. Рохан начал допытываться, что произошло, но его окружали люди из группы «Кондора», которые знали так же мало, как и он сам.

Прошло некоторое время, прежде чем он пришел в себя настолько, чтобы установить какое-то подобие порядка. Задержанная цепочка машин двинулась в сторону пандуса, зажглись огни над лифтом, толпа, стоящая у его основания, начала уменьшаться. Наконец Рохан одним из последних поднялся наверх вместе с тяжело навьюченными арктанами, спокойствие которых казалось ему лицемерной издевкой. Внутри корабля

слышны были протяжные звонки информаторов и телефонов, на стенах все еще пылали сигналы вызова врачей по тревоге. Но вот сигналы вдруг погасли, в коридорах стало свободнее, часть команды спустилась вниз, в кают-компании, Рохан слышал, как люди разговаривают. Какой-то запоздавший арктан, тяжело ступая, направлялся к отсеку роботов. Наконец все разошлись, а он остался, охваченный бессилием, утратив надежду понять то, что случилось, подавленный уверенностью, что никакого объяснения не может быть и не будет.

— Рохан!

Этот окрик отрезвил его. Перед ним стоял Гаарб. Рохан вздрогнул:

— Это вы?.. Вы видели?.. Кто это был?

— Кертелен.

— Что? Это невозможно...

— Я видел его до самого конца...

— До какого конца?

— Я был с ним вместе, — сказал неестественно спокойным голосом Гаарб.

Рохан видел отблески коридорных светильников в его очках.

— Группа, работавшая в пустыне? — пробормотал Рохан.

— Да.

— Что с ним случилось?

— Галлахер выбрал это место на основании сейсмозондирования... Мы попали в лабиринт узких, крутых оврагов, — медленно рассказывал Гаарб, словно обращаясь к самому себе, словно пытаясь точно вспомнить последовательность событий. — Там есть мягкие породы органического происхождения, размытые водой, много гротов, пещер; мы вынуждены были оставить машины наверху... Мы старались держаться вместе, нас было одиннадцать. Феррометры показывали присутствие большого количества железа, мы его искали. Кертелен думал, что там укрыты какие-то машины...

— Да, он мне тоже говорил что-то в этом роде... И что было потом?

— В одной из пещер, совсем неглубоко под илом — там есть даже сталактиты и сталагмиты — он нашел что-то вроде автомата.

— Правда?!

— Нет, не то, что вы думаете. Абсолютная рухлядь, съеденный даже не ржавчиной, он нержавеющий... как будто сгоревший, просто обломки...

— Но, может, другие...

— Да нет, этому автомату минимум триста тысяч лет...

— Откуда вы можете это знать?

— На нем оседал известняк, по мере того как испарялась вода, капающая со сталактитов свода... Галлахер сделал примерный подсчет, исходя из скорости испарения, образования осадка и его толщины. Триста тысяч лет — это наиболее скромный результат... Впрочем, этот автомат похож знаете на что? На те развалины...

— То есть это вовсе не автомат...

— Нет, он должен был передвигаться, но не на двух ногах, и не как краб. Впрочем, у нас не было времени им заниматься... Сразу же...

— Что-нибудь произошло?

— Время от времени я пересчитывал людей. Я был в прикрытии, должен был их охранять, понимаете... Но ведь все были в масках, все друг на друга похожи, а комбинезоны, измазанные глиной, потеряли свой цвет. В какой-то момент я недосчитался одного человека. Я собрал всех, и мы начали его искать. А Кертелен был очень обрадован своим открытием и ушел дальше... Я думал, что он свернул в какой-нибудь боковой коридор... Там много всяких закоулков, но все короткие, неглубокие, хорошо освещенные... Вдруг он вышел на нас из-за поворота. Уже в таком состоянии. Нигрен был с нами, он думал, что это тепловой удар...

— Что же с ним случилось?

— Он без сознания. Хотя нет, он может ходить, двигаться, но с ним нельзя установить контакта. Кроме того, он утратил речь. Вы слышали его голос?

— Да.

— Сейчас он вроде немного устал. Сначала было еще хуже. Он не узнавал никого из нас. В первый момент это было самым страшным. «Кертелен, куда ты исчез?» — окликнул я его, а он прошел мимо, как будто оглох, прошел между нами и пошел вверх по оврагу, но такой походкой... Так что у всех мороз прошел по коже. Словно его подменили. Он не реагировал на оклики, и нам пришлось за ним гнаться. Что там делалось! Короче

говоря, его пришлось связать, иначе бы нам не удалось его доставить сюда...

— Что говорят врачи?

— Как обычно, говорят по-латыни, но не знают ничего. Нигрен вместе с Саксом у командира, можете у них спросить...

Гаарб, тяжело ступая, ушел, наклонив голову.

Рохан поднялся наверх, в рубку. Она была пустая, но, проходя мимо картографической каюты, он услышал сквозь неплотно закрытую дверь голос Сакса. Он вошел.

— Как бы полная потеря памяти. Впечатление именно такое, — говорил нейрофизиолог.

Сакс стоял спиной к Рохану, рассматривая рентгеновские снимки, которые держал в руках. За столом над открытым бортовым журналом сидел астрогатор, опершись рукой на стеллаж, плотно набитый свернутыми звездными картами. Он молча слушал Сакса, который медленно укладывал снимки в конверт.

— Амнезия. Но исключительная. Он утратил не только память, но и речь, способность писать, читать... Это даже больше, чем амнезия, это полный распад, уничтожение личности. От нее не осталось ничего, кроме самых примитивных рефлексов. Он может ходить и есть, но только в том случае, если пищу всунуть ему в рот. Берет, но...

— Он видит и слышит?

— Да. Наверняка. Но не понимает того, что видит. Не отличает людей от предметов.

— Рефлексы?

— В норме. Это повреждение центральное.

— Центральное?

— Да, мозговое. Как будто полностью стерты все следы памяти.

— А ведь тот человек с «Кондора»?..

— Да. Теперь я в этом уверен. Это то же самое.

— Однажды я видел нечто подобное... — совсем тихо, почти шепотом сказал астрогатор. Он смотрел на Рохана, но не обращал на него никакого внимания. — Это было в пространстве...

— А, знаю! Как мне не пришло это в голову! — возбужденно воскликнул нейрофизиолог. — Амнезия после магнитного удара, так?

— Да.

— Никогда не сталкивался с такими случаями. Знаю их только теоретически. Это бывало давно, во время прохождения на большой скорости через сильные магнитные поля?

— Да. Но в своеобразных условиях. Важна не только напряженность поля, но его градиент и скорость происходящих изменений. Если в пространстве есть большие градиенты, а встречаются очень резкие скачки — приборы обнаруживают их на расстоянии. Раньше приборов не было...

— Верно... — повторил врач. — Верно... Аммерхатен проводил такие опыты на обезьянах и кошках. Он подвергал их действию магнитных полей огромной силы, и они теряли память...

— Да, ведь она связана с электрической активностью мозга ..

— Но в этом случае?.. — громко заговорил Сакс. — Кроме рапорта Гаарба у нас есть показания всех остальных членов группы. Мощное магнитное поле... ведь это должны быть, очевидно, сотни тысяч гауссов?

— Сотен тысяч не хватит. Нужны миллионы, — безучастно ответил астрогатор. Только теперь его взгляд остановился на Рохане. — Войдите и закройте дверь.

— Миллионы?! Но разве наши приборы не зарегистрировали бы такого поля?

— Постольку поскольку, — ответил Хорпах. — Если бы оно было сконцентрировано в очень малом пространстве, — скажем, имело бы объем, как этот глобус, — и если бы оно было экранировано снаружи...

— Одним словом, если бы Кертелен всунул голову между полюсами гигантского электромагнита?..

— И этого мало. Поле должно колебаться с определенной частотой.

— Но там не было никакого магнита, никакой машины, кроме проржавевших обломков, ничего, только промытые водой овраги, гравий, песок...

— И пещеры, — мягко, словно безразлично, добавил Хорпах.

— И пещеры... Неужели вы думаете, что кто-то его затащил в такую пещеру, что там есть магнит, — нет, ведь это...

— А как вы это объясните? — спросил командир так, будто ему надоел этот разговор.

Врач молчал.

В три сорок ночи все отсеки «Непобедимого» наполнил протяжный звон сигналов тревоги. Люди, ругаясь, срывались с постелей и, одеваясь на ходу, разбегались по местам. Рохан через пять минут после начала тревоги влетел в рубку. Астрогатора не было еще. Рохан подскочил к большому экрану. Черную ночь освещали на востоке тысячи белых вспышек, как будто вылетающий из одной точки рой метеоритов атаковал корабль. Он взглянул на приборы контроля поля. Автоматы он программировал сам; они уже не могли реагировать ни на дождь, ни на песчаную бурю. Из невидимой во мраке пустыни что-то летело и разбрасывалось огненным бисером. Взрывы происходили на поверхности поля, и загадочные снаряды, отскакивая уже в огне, прочерчивали параболы бледневшего свечения или стекали по выпуклости энергетической защиты. Вершины барханов на мгновение появлялись из темноты и снова исчезали, стрелки лениво дрожали — эффективная мощность, используемая системой эмиттеров Дирака на защиту от загадочной бомбардировки, была относительно невелика.

Уже слыша за спиной шаги командира, Рохан взглянул на спектроскопические индикаторы.

— Никель, железо, марганец, бериллий, титан, — прочитал на хорошо освещенной шкале астрогатор, встав рядом с ним. — Много бы я дал, чтобы увидеть, что это такое.

— Дождь металлических частиц, — медленно сказал Рохан. — Судя по разрядам, их размеры невелики...

— Я охотно бы взглянул на них вблизи... — буркнул командир. — Как вы думаете, рискнуть?

— Выключить поле?

— Да. На долю секунды. Небольшая часть попадет в защищенную зону, а остальные отбросим, снова включив поле...

Рохан ответил не сразу.

— Что ж... Можно бы, — ответил он наконец с колебанием.

Но прежде чем командир подошел к пульту управления, огненный муравейник исчез так же внезапно, как и появился, и снова корабль обступила тьма, такая, какую знают только лишенные лун планеты, кружащиеся вдали от центральных звездных скоплений Галактики.

— Охота не удалась, — проворчал Хорпах.

Он некоторое время стоял, положив руку на главный выключатель, потом, слегка кивнув Рохану, вышел. Стонущий звук сигналов, отменяющих тревогу, наполнил все отсеки. Рохан вздохнул, еще раз взглянул в залитые глубоким мраком экраны и пошел спать.

ТУЧА

Они уже начинали привыкать к планете, к ее неизменному пустынному обличью с исчезающими тенями незаметно тающих в воздухе неестественно светлых туч, между которыми даже днем горели сильные звезды. К шороху песка, расступающегося под колесами и ногами, к красному тяжелому солнцу, прикосновение которого было гораздо деликатнее, чем земного, так что, если ему подставить спину, вместо тепла чувствовалось только его молчаливое присутствие.

Утром исследовательские группы расходились каждая в свою сторону, энергоботы исчезали среди барханов, покачиваясь, как неуклюжие лодки, опадала пыль, и оставшиеся на «Непобедимом» обсуждали, что будет на обед, что боцман радаристов сказал своему коллеге связисту, или старались припомнить, как звали рейсового пилота, который шесть лет назад потерял ногу в катастрофе на навигационном спутнике «Терра-5». Так и болтали, сидя на пустых канистрах под корпусом, тень которого, словно стрелка гигантских солнечных часов, поворачивалась, одновременно удлиняясь, пока не касалась кольца энергоботов. В это время начинали вставать и высматривать возвращающихся.

Те появлялись голодные, усталые, быстро теряли все свое оживление, которое поддерживала в них работа на металлическом пепелище «города». Даже группа «Кондора» через неделю перестала прибывать с сенсационными новостями, сводившимися к тому, кого из знакомых удалось узнать среди погибших. Страшные находки, вызывавшие в первые дни ужас, были привезены с «Кондора» и старательно упакованы (а как же иначе назвать этот процесс добросовестного укладывания всех уцелевших человеческих останков в герметические контейнеры, которые затем отправлялись на самое дно ко-

рабля?). Тогда вместо облегчения люди, по-прежнему просеивающие песок вокруг кормы «Кондора» и осматривающие его помещения, начали ощущать страшную скуку, будто забыли, что встретило его команду, пристрастились к коллекционированию всяких идиотских безделушек, неизвестно кому раньше принадлежавших, переживших уже несуществующих владельцев. Ввиду отсутствия документов, которые объяснили бы тайну, они привозили то какую-нибудь старую губную гармошку, то китайскую головоломку, и предметы эти, уже освобожденные от мистического кошмара своего происхождения, поступали в обращение, становились как бы общей собственностью команды.

Рохан, который никогда бы не поверил, что такое возможно, уже через неделю держался так же, как и остальные. И только иногда, оставаясь один, он задавал себе вопрос: зачем он, собственно, здесь? И тогда чувствовал, что вся их деятельность, вся эта торопливая суета, эта сложная процедура исследований, просвечиваний, собирания проб, бурения, усложненная непрекращающейся обязанностью поддерживать третью степень, открыванием и закрыванием полей, со стволами лазеров, имеющих хорошо рассчитанные сектора обстрела, с постоянным оптическим контролем, непрерывным подсчетом людей, многоканальной связью, — что все это является только большим самообманом. Что на самом деле они только ждут какого-нибудь нового происшествия, нового несчастья и лишь притворяются, что это не так.

Сначала по утрам перед лазаретом «Непобедимого» собиралась толпа людей, чтобы услышать новости о состоянии Кертелена. Он казался им не столько жертвой загадочного нападения, сколько неким непонятным существом, чудовищем, отличающимся от всех них; они словно поверили в фантастические сказки и думали, что возможно превращение человека, одного из них, каким-то врагом, чуждой силой планеты в монстра. В действительности, он был только калекой. Впрочем, оказалось, что его мозг, чистый, как у новорожденного, и такой же пустой, усваивает сведения, которые сообщали ему врачи, и он постепенно учился говорить, совсем как маленький ребенок; из лазарета уже не доносились непохожие на человеческий голос скулящие звуки, ужасные оттого, что бессмысленное бульканье новорожденного издавала

гортань взрослого мужчины. Через неделю Кертелен начал выговаривать первые слоги и уже узнавал врачей, хотя и не мог произнести их имен.

Тогда, в начале второй недели, интерес к его особе уменьшился, особенно после того, как врачи объяснили, что о подробностях происшествия он рассказать ничего не сможет, даже когда вернется в нормальное состояние, вернее, когда кончится странный, но неизбежный процесс его воспитания.

Тем временем работы шли своим чередом. Умножались планы «города», подробности конструкции его «кустистых пирамид», хотя их предназначение по-прежнему оставалось загадочным. Решив, что дальнейшие исследования на «Кондоре» не дадут ничего, астрогатор приостановил их. Сам корабль все равно пришлось бы бросить, так как ремонт корпуса превышал возможности инженеров, особенно в условиях гораздо более важных работ. На «Непобедимый» забрали много энергоботов, вездеходов, транспортеров и всевозможной аппаратуры, сам же остов «Кондора» — он стал именно остовом после такого полного опустошения — закрыли наглухо, утешаясь тем, что или они сами, или какая-нибудь другая экспедиция все-таки приведет крейсер в материнский порт.

После этого Хорпах перебросил группу «Кондора» на север; под руководством Реньяра она присоединилась к группе Галлахера, а Рохан теперь был главным координатором всех исследований и покидал «Непобедимый» лишь ненадолго, да и то не каждый день.

Обе группы наткнулись в системе оврагов, вымытых водами подземных источников, на интересные находки.

Слои осадочных пород разделялись прослойками черновато-рыжей субстанции, не геологического, не планетарного происхождения. Специалисты немного могли сказать по этому поводу. Казалось, на поверхности старой базальтовой плиты, нижнего слоя коры, миллионы лет назад отложилось огромное количество металлических частиц, — возможно, просто металлических обломков (появилась гипотеза, что в атмосфере Региса взорвался гигантский железо-никелевый метеорит и огненными дождями вплавился в скалы той, очень отдаленной эпохи), которые, подвергаясь медленному окислению, вступая в химические реакции с окружающей средой, в

результате переформировались в слои буро-черных, местами рыжевато-красных осадков.

До сих пор была вскрыта только часть слоев района, геологическое строение которого своей сложностью могло вызвать головокружение даже у опытного планетолога. Когда прошли шахту до базальта возрастом миллиард лет, оказалось, что лежащие на нем породы, несмотря на далеко зашедшую рекристаллизацию, содержат органический уголь. Сначала решили, что раньше здесь было океанское дно. Но в слоях уже подлинного каменного угля были найдены отпечатки многочисленных видов растений, которые могли существовать только на суше. Каталог сухопутных живых форм непрерывно дополнялся и расширялся. Ученые установили, что триста миллионов лет назад по джунглям планеты бродили примитивные пресмыкающиеся. Остатки позвоночника и роговых челюстей одного из них ученые привезли с триумфом, которого, однако, не разделял экипаж. Жизнь развивалась на суше как бы два раза. Первый закат мира живого приходился на эпоху около ста миллионов лет назад; тогда началось стремительное вымирание растений и животных, вызванное, вероятно, близкой вспышкой Новой. После упадка жизнь восстановилась, и снова начала бурно развиваться, образуя новые формы; правда, ни количество, ни состояние останков не давали возможности провести более точную классификацию. На планете никогда не появлялись животные, похожие на млекопитающих. Через девяносто миллионов лет произошла, но уже на гораздо большем расстоянии, другая звездная катастрофа; ее следы удалось найти в виде радиоактивных элементов.

По приблизительным подсчетам, интенсивность жесткого излучения на поверхности планеты в то время не могла быть настолько сильной, чтобы стать причиной массовых гекатомб. Тем более было непонятно, почему начиная с этого момента остатки животных и растений становились все большей редкостью. Зато появлялось все больше этого спрессованного «ила» сульфидов сурьмы, окислов молибдена, железа, солей никеля, кобальта и титана. Эти металлические, относительно тонкие слои, насчитывающие от восьми до шести миллионов лет, местами содержали очаги повышенной радиоактивности, но с точки зрения времени существования планеты это

была кратковременная радиоактивность. Казалось, в ту эпоху что-то вызвало целый ряд бурных, но очень локальных ядерных реакций, продукты которых обнаруживались в «металлическом иле». Кроме гипотезы «железисто-радиоактивного» метеорита, высказывались и другие, иногда совершенно фантастические, связывавшие эти обособленные очаги «радиоактивного пламени» с катастрофой планетной системы Лиры и гибелью ее цивилизации. Было сделано предположение, что во время попыток колонизации Регриса III произошли атомные столкновения между кораблями, высланными с подвергавшейся опасности системы.

Но это по-прежнему не объясняло размеров загадочных металлических пластов, которые в ходе пробных бурений удалось обнаружить также и в других, весьма отдаленных районах. Во всяком случае неотвратимо обрисовывалась картина одновременно загадочная и очевидная: жизнь на суше планеты погибла в ту же самую эпоху, длившуюся несколько миллионов лет, когда начали появляться металлические слои. Причиной гибели живых форм не могла, однако, быть радиоактивность: общая интенсивность излучения, пересчитанная на эквивалент ядерных взрывов, составляла самое большее двадцать—тридцать мегатонн. Распределенные на сотни тысячелетий, такие взрывы (если это вообще были взрывы, а не какие-либо иные ядерные реакции), естественно, не представляли серьезной опасности для биологической эволюции.

Подозревая какую-то связь между металлическими слоями и развалинами «города», ученые настаивали на проведении дальнейших исследований. Это вызывало огромные трудности, так как геологические работы требовали перемещения больших масс грунта. Единственным выходом было бить штольни, но под землей люди лишались защиты силового поля. И все же после того как на глубине двадцати с лишним метров в пласте, изобиловавшем окислами железа, были найдены расположенные весьма своеобразно ржавые куски металла, которые напоминали остатки разъеденных коррозией, распавшихся элементов каких-то механизмов, работы решено было продолжить.

На девятнадцатый день после посадки над районом работ начали стягиваться тучи, такие массивные и тем-

ные, каких до сих пор люди на планете еще не видели. Около полудня разразилась буря, которая силой электрических разрядов значительно превосходила земные. Небо и скалы соединились в хаосе непрерывно сверкающих молний. Вода, несущаяся в крутых оврагах, поднялась и начала заливать выбитые штреки. Людям пришлось покинуть их и вместе с автоматами укрыться под большим пузырем силовой защиты, в который ударяли километровые молнии. Буря медленно передвигалась к западу, и черная, иссеченная молниями стена закрыла весь горизонт над океаном. Возвращаясь на «Непобедимый», геологические группы обнаружили по дороге большое количество лежащих в песке черных мелких металлических зернышек. Их приняли за знаменитые «мушки», старательно собрали и привезли на корабль. Они вызвали большой интерес ученых, но, конечно, и разговора не было о том, что это остатки каких-нибудь насекомых. Состоялось очередное, весьма бурное совещание специалистов. Наконец, решили выслать экспедицию в северо-восточном направлении, за район «железных» пластов, поскольку на гусеницах машин «Кондора» были найдены мелкие кусочки интересных минералов, не обнаруженных ни в одном из изученных до сих пор районов.

Хорошо оснащенная колонна с энергоботами, шагающим излучателем с «Кондора», вездеходами и роботами, среди которых было двенадцать арктанов, снабженная автоматическими землеройными машинами и бурильными установками, с запасами кислорода, пищи и ядерного топлива выступила на следующий день под руководством Реньяра. С ней поддерживалась непрерывная радио- и телевизионная связь до того момента, пока кривизна планеты не преградила путь ультракоротким волнам. Тогда на стационарную орбиту был выведен автоматический телевизионный ретранслятор. Колонна двигалась целый день, ночь провела под защитой поля, а на следующий день продолжала поход. Незадолго до полудня Реньяр сообщил Рохану, что хочет осмотреть почти засыпанные песком развалины, находящиеся внутри маленького неглубокого кратера.

Через час после этого из-за сильных атмосферных помех качество радиоприема начало ухудшаться. Техники связи перешли на более короткие волны, прием стал лучше. Вскоре, когда гром далекой бури, передвигаю-

щейся с севера на восток, то есть туда же, куда направилась экспедиция, начал стихать, радиосвязь вдруг пропала. Самым удивительным было одновременное ухудшение телевизионной связи, которая поддерживалась через заатмосферный спутник и не могла зависеть от состояния ионосферы. К часу дня телесвязь прервалась окончательно. Никто из техников и физиков, призванных на помощь, не понимал механизма явления. Казалось, что где-то в пустыне выросла стена металла, заслонив отдалившуюся уже на сто семьдесят километров от «Непобедимого» экспедицию.

Рохан, все это время не расставававшийся с астрогатором, заметил беспокойство Хорпаха, которое ему самому вначале показалось безосновательным. Он считал, что отсутствие связи можно объяснить особыми экранирующими свойствами грозового фронта. Однако физики выражали сомнение в возможности образования такого мощного слоя ионизированного воздуха. Около шести буря утихла, но связь установить не удалось. Непрерывно повторяя сигналы, на которые не было ответа, Хорпах выслал два разведывательных самолета типа летающих тарелок.

Один из них летел на высоте нескольких сотен метров над пустыней, другой — на четыре километра выше, служа первому телевизионным ретранслятором. Рохан и астрогатор с несколькими учеными, среди которых были Балмин и Сакс, стояли перед большим экраном рубки, непосредственно наблюдая то, что видел пилот первой машины. За районом извилистых, наполненных глубокими тенями оврагов, открывалась пустыня, с ее нескончаемыми рядами барханов, сейчас покрытых темными полосами, так как солнце уже склонялось к западу. В его косых лучах, придающих пейзажу особенно понурый вид, под низко летящей машиной изредка проплывали небольшие доверху засыпанные песком кратеры, некоторые были видны только благодаря центральной горке давным-давно угасшего вулкана. Местность понемногу поднималась и становилась более разнообразной. Из-под песчаных волн выныривали высокие скальные гряды, образуя систему цепей, которым выветривание придало самые разнообразные формы. Одинокие каменные столбы напоминали корпуса разбившихся звездолетов или человеческие фигуры. Склоны разрезались тон-

кими линиями ущелий, наполненных осыпавшимися камнями. Песок исчез совсем, уступив место дикой стране обрывистых скал и каменных груд. Кое-где извивались похожие на реки провалы трещин, рассекавших кору планеты. Ландшафт стал похож на лунный. Начали проявляться первые ухудшения телевизионной связи в виде дрожания и срывов синхронизации изображения.

Скалы становились все темнее. Уходящие из поля зрения грани имели буроватый оттенок с ядовитым металлическим блеском; кое-где появились пятна бархатной черноты, словно там на голом камне росли густые, но мертвые кусты.

В этот момент молчавшая до сих пор рация первой машины заработала. Пилот крикнул, что поймал сигналы автоматического передатчика, который был установлен на головном вездеходе экспедиции. Но в рубке был слышен только его голос, слабый и исчезающий.

Солнце стояло уже низко. В его кровавом свете прямо по курсу машины возникла клубящаяся словно туча, черная стена, простирающаяся от поверхности скал до высоты в тысячу метров. Все, что находилось за ней, было невидимо. Если бы не медленное мерное движение клубящихся нагромождений этой местами чернильной, местами металлически отсвечивающей фиолетовым пурпуром черноты, ее можно было бы принять за необычную горную формацию. В горизонтальных лучах солнца в ней открывались пещеры, наполненные неясными короткими вспышками, как будто в них яростно кружились сверкающие кристаллы черного льда. В первый момент всем показалось, что туча движется навстречу летящей машине, но это был обман зрения. Просто летающая тарелка приближалась к странной преграде.

— ЛТ-4 к базе. Должен ли я подняться над тучей? Прием, — послышался сдавленный голос пилота.

Через мгновение астрогатор ответил:

— Первый к ЛТ-4, задержись перед тучей!

— ЛТ-4 к базе, останавливаюсь, — сразу же ответил пилот, и Рохану показалось, что в его голосе прозвучало облегчение.

Уже всего несколько сотен метров отделяло машину от необыкновенного образования. Теперь почти весь экран занимала поверхность словно состоящего из угля, неправдоподобного, вертикального моря. Машина оста-

новилась, как вдруг, — никто не успел даже вскрикнуть, — тяжело волнующаяся масса выстрелила длинными расходящимися столбами, которые закрыли изображение. Одновременно изображение поломалось, задрожало и исчезло, прошитое нитками ослабевающих разрядов.

— ЛТ-4! ЛТ-4! — вызывал радист.

— Я ЛТ-8, — отозвался пилот второй машины. — ЛТ-8 к базе. Нужно ли включить изображение? Прием!

— База к ЛТ-8, дай изображение.

Экран заполнился хаосом яростно кружащихся черных потоков. Это была та же самая картина, но открывавшаяся с высоты четырех километров. Видно было, что туча лежит длинной монолитной лавиной, вдоль возносящейся горной цепи, как бы защищая подступы к ней. Ее поверхность лениво шевелилась, похожая на застывающую полужидкую субстанцию, но первой машины, которую она только что поглотила, не было видно.

— База к ЛТ-8, слышишь ли ЛТ-4? Прием!

— ЛТ-8 к базе, не слышу, перехожу на интерференционные волны. Внимание, ЛТ-4, говорит ЛТ-8, отвечай. ЛТ-4, ЛТ-4! — слышался голос пилота. — ЛТ-4 не отвечает, перехожу на инфракрасные волны, внимание, ЛТ-4, говорит ЛТ-8, отвечай. ЛТ-4 не отвечает, попытаюсь зондировать тучу радаром...

В полутемной рубке не слышно было даже дыхания. Все замерли. Изображение на экране не изменялось. Каменный хребет торчал из мрака, как остров, утонувший в чернильном океане. Высоко в небе угасали перистые, насыщенные золотом облака, солнечный диск уже касался горизонта, через несколько минут должно было стемнеть.

— ЛТ-8 к базе, — снова послышался голос пилота, совершенно изменившийся за те несколько секунд, которые он молчал. — Радар фиксирует цельнометаллическое препятствие. Прием!

— База к ЛТ-8, переключить радарное изображение на телеэкран. Прием.

Экран потемнел, погас, мгновение горел голубым светом, потом позеленел, вздрагивая миллиардами вспышек.

— Эта туча сплошной металл, — сказал, вернее, выдохнул кто-то за плечами Рохана.

— Язон! — крикнул астрогатор. — Есть здесь Язон?

— Есть, — вышел из группы ученых нуклеоник.

— Могу я это подогреть?.. — спокойно спросил астрогатор, показывая на экран, и все его поняли.

Язон помедлил с ответом.

— Надо было предупредить ЛТ-4, чтобы максимально увеличил радиус поля...

— Без глупостей, Язон! Нет связи...

— До четырех тысяч градусов... с небольшим риском...

— Благодарю. Блаар, микрофон! Первый к ЛТ-8, подготовить лазеры, цель — туча, малая мощность, до биллиэрга в эпицентре, непрерывный огонь по азимуту!

— ЛТ-8 к базе, непрерывный огонь до биллиэрга, — ответил немедленно голос пилота.

Некоторое время все оставалось по-прежнему. Потом что-то сверкнуло, и центральная, заполняющая низ экрана часть тучи изменила цвет. Сначала она как-то размазалась, потом покраснела и закипела; образовалось что-то вроде воронки с пылающими стенками, в которую вливались как будто засасываемые соседние клубы тучи. Вдруг это движение остановилось, туча разошлась огромным кольцом, открыв в образовавшемся окне хаотическое нагромождение скал. Только в воздухе носилась еще мелкая черная пыль.

— Первый к ЛТ-8. Снизиться на дистанцию максимальной эффективности огня.

Пилот повторил приказ. Туча, окружающая неспокойным валом образовавшийся разрыв, пыталась его заполнить, но каждый раз, когда ее высовывающиеся щупальца охватывал блеск огня, втягивала их обратно. Так продолжалось несколько минут. Долго так длиться не могло. Астрогатор не решался ударить в тучу всей мощностью излучателя, где-то в ее глубине находилась вторая машина. Рохан сообразил, на что рассчитывает Хорпах: он надеялся, что та машина выскочит в очищенную зону. Но она не появлялась. ЛТ-8 висел теперь почти неподвижно, поражая ослепляющими ударами лазеров бурлящие края черного круга. Небо над машиной было еще довольно светлым, но скалы под ней медленно затягивала тьма. Солнце заходило.

Неожиданно сгущавшиеся в долине тени полыхнули зловещим заревом. Красновато-бурое облако взрыва покрыло саваном весь экран. Видны были только сливаю-

щиеся в одно целое тени, в глубине которых клокотал огонь. Это туча, чем бы она ни была, атаковала первую, плененную ею машину и, охваченная страшным жаром, сгорала в ее силовой защите.

Рохан взглянул на астрогатора, который стоял как мертвый, с неподвижным лицом, залитый колеблющимся отблеском зарева. Черное кипение и свирепствующий в его глубине пожар занимали центр экрана. Лишь в отдалении был виден высокий пик, залитый пурпуром, охваченный холодным багрянцем последних солнечных лучей. Тем более неправдоподобным было то, что делалось внутри тучи. Рохан ждал; лицо астрогатора не выражало ничего. Но он должен был принять решение; либо приказать верхней машине, чтобы она шла на помощь другой, либо, предоставив ЛТ-4 самой себе, продолжать разведку на северо-запад.

Внезапно произошло нечто непонятное. То ли пилот нижней, окруженной тучей машины потерял голову, то ли на ней случилась какая-то авария, но вдруг черный водоворот пронзила вспышка, центр которой ослепительно сверкал, и длинные полосы разодранной взрывом тучи разлетелись во все стороны, а ударная волна была настолько сильной, что изображение заколыхалось, повторяя вынужденные прыжки ЛТ-8. Потом тьма вернулась, стала плотнее, и кроме нее ничего не было видно.

Астрогатор нагнулся и сказал что-то радисту так тихо, что Рохан не услышал его слов, но радист тотчас же почти закричал:

— Приготовить антипроны! Полную мощность на тучу, непрерывный огонь!

Пилот повторил приказ. В этот момент один из техников, следивших за боковым экраном, на котором было видно все, что делалось за машиной, закричал:

— Внимание! ЛТ-8! Вверх! Вверх! Вверх!!!

С запада, из свободного до сих пор пространства, со скоростью урагана мчалось вращающееся черное облако. Мгновение назад оно еще было боковой частью тучи, но вдруг оторвалось от нее и, таща за собой вытянувшиеся рукава, начало круто забираться вверх. Пилот, который заметил это на какую-то долю секунды раньше техника, рванулся в вертикальную свечу, набирая высоту, но туча гналась за ним, выбрасывая в небо черные щупальца. Пилот переносил огонь с одного из них на

другой; ближайший черный клубок, получив удар в лоб, раздвоился, стал тоньше, вдруг изображение начало дрожать. В этот момент, когда часть тучи уже входила в поток радиоволн, ухудшая связь машины с базой, пилот первый раз использовал излучатель антиматерии. Казалось, вся атмосфера планеты превратилась в море огня; пурпурный свет захода исчез, словно его сдуло, сквозь зигзаги помех еще мгновение видна была туча и дымящиеся над ней столбы, которые белели, распухая; и тот другой, еще более страшный взрыв обрушил потоки разъяренного огня на исчезающий в клубах дыма и пара хаос скал. Но это было последнее, что увидели в рубке, в следующую секунду изображение распалось, по нему пробежала судорога разрядов, и оно исчезло. Только пустой белый экран горел в затемненной рубке, делая лица всматривающихся в него людей смертельно бледными.

Хорпах приказал радистам вызывать обе машины, а сам перешел с Роханом, Язоном и остальными в соседнюю, навигационную каюту.

— Чем является, по-вашему, эта туча? — спросил он без всякого вступления.

— Она из металлических частиц. Что-то вроде взвеси, управляемой на расстоянии из какого-то центра, — сказал Язон.

— Гаарб?

— Я тоже так думаю!

— Есть какие-нибудь предложения? Нет? Тем лучше. Главный инженер, какой суперкоптер в лучшем состоянии, наш или с «Кондора»?

— Оба исправны, командир. Но за наш я ручаюсь больше.

— Отлично. Рохан, вы хотели, если не ошибаюсь, выйти из-под силового зонтика... Такой случай вам представится. Возьмете несколько человек, двойной комплект автоматов, контурные лазеры и антипроны... Есть у нас еще что-нибудь?..

Никто не ответил.

— Ну ладно, пока ничего более совершенного, чем антиматерия, не обнаружено... Стартуете в четыре тридцать один... в момент восхода солнца, и попробуете найти тот кратер на северо-востоке, о котором говорил Реньяр в последнем донесении. Там сядете в открытое

силовое поле. По дороге прошу поражать все на максимальной дистанции. Никаких ожиданий, наблюдений, экспериментов. Никакого ограничения мощности поражения. Если потеряете связь со мной, прошу продолжать выполнение задачи. Когда найдете кратер, садитесь, но осторожно, чтобы не попасть на голову людям... Я допускаю, что они где-то в этом районе...

Он показал по карте, занимавшей всю стену:

— В этой заштрихованной красным зоне. Это только эскиз, но ничего лучшего у меня нет.

— Что я должен делать после посадки? Должен ли я их искать?

— Это вы решите сами. Прошу только помнить об одном: никаких целей вы не должны поражать уже в радиусе пятидесяти километров от этого места, так как внизу могут быть наши люди.

— Никаких наземных целей?

— Вообще никаких. До этой границы, — одним движением астрогатор разделил территорию, показанную на карте, на две части, — можете использовать свои средства уничтожения наступательно. За этой линией можете защищаться только силовым полем. Язон? Сколько может выдержать поле суперкоптера?

— Даже миллионы атмосфер на квадратный сантиметр.

— Что значит «даже»? Вы что, продаете его мне? Я спрашиваю, сколько? Пять миллионов? Двадцать?

Хорпах говорил совершенно спокойно: такого настроения командира больше всего боялись на корабле. Язон откашлялся.

— Поле было испытано на два с половиной...

— Вот это другое дело. Слышите, Рохан? Если туча сдавит вас до этих пределов, отступайте, бегите. Лучше вверх. Впрочем, всего я предусмотреть не могу... — Он взглянул на часы.

— Через восемь часов после старта буду вызывать на всех волнах. Если это не даст результата, попробуем наладить связь либо спутниками, либо оптически. Будем лазировать азбукой Морзе. Я еще не слышал, чтобы и это не дало результата. Но попробуем предвидеть больше того, о чем мы слышали. Если и лазеры не помогут, через три часа вы должны возвращаться обратно. Если меня здесь не будет...

— Вы собираетесь стартовать?

— Не прерывайте меня, Рохан. Нет. Не собираюсь. Но не все зависит от нас. Если меня здесь не будет, прошу выйти на околопланетную орбиту. Вы уже делали это на суперкоптере?

— Да, два раза на дельте Лиры.

— Хорошо. Значит, вы знаете, что это несколько сложно, но вполне осуществимо. Орбита должна быть стационарной; ее точные параметры перед стартом вам сообщит Строэм. На орбите вы будете меня ждать тридцать шесть часов. Если я не дам о себе знать за это время, возвращайтесь на планету. Отправляйтесь на «Кондор» и попробуйте привести его в порядок. Я представляю, насколько это трудно. Тем не менее никаких других перспектив у вас не будет. Если вам удастся проделать этот фокус, возвращайтесь на Базу и представьте рапорт обо всем, что произошло. У вас есть какие-нибудь вопросы?

— Да. Могу ли я пытаться установить контакт с теми... с тем центром, который управляет тучей, если мне удастся его отыскать?

— Это я оставляю на ваше усмотрение. Во всяком случае, риск должен оставаться в разумных пределах. Я, естественно, ничего не знаю, но мне кажется, что этот центр не находится на поверхности планеты. Кроме того, его существование вообще кажется мне проблематичным...

— Но почему? Разве...

— Мы ведь постоянно прослушиваем пространство во всем диапазоне электромагнитных волн. Если бы кто-нибудь управлял тучей при помощи излучения, мы бы зарегистрировали соответствующие сигналы.

— Центр мог находиться в самой туче...

— Возможно. Не знаю. Язон, может существовать какой-нибудь способ связи на расстоянии, не использующий электромагнитных излучений?

— Вы хотите знать мое мнение? Нет. Нет таких способов.

— Ваше ли мнение? А о чем ином я мог бы спрашивать?

— То, что я знаю, не равноценно тому, что существует. Что может существовать. Мы таких способов не знаем. Это все.

— Телепатия... — заметил кто-то из стоящих сзади.

— На эту тему ничего не могу сказать, — сухо отозвался Язон. — Во всяком случае, в исследованных областях космоса ничего подобного не обнаружено.

— Мы не можем тратить время на бесплодную дискуссию. Берите своих людей, Рохан, и подготовьте суперкоптер. Параметры орбиты через час вам вручит Строэм. Коллега Строэм, прошу вас рассчитать стационарную орбиту с пятитысячным апогеем.

— Хорошо.

Астрогатор приоткрыл дверь рубки:

— Тернер, как там? Ничего?

— Ничего, командир. Только помехи. Много помех и ничего больше.

— Никаких следов эмиссионного спектра?

— Никаких следов...

«Это значит, что ни одна из летательных машин не использует уже своего оружия, что они прекратили борьбу, — подумал Рохан. — Если бы они защищались огнем лазеров, или хотя бы только индукционными излучателями, приборы «Непобедимого» обнаружили бы это на расстоянии нескольких сотен километров».

●

Рохан был слишком захвачен драматической ситуацией, чтобы беспокоиться по поводу полученного задания. Впрочем, на это у него просто не хватило бы времени. Ночью он ни на секунду не сомкнул глаз; нужно было проверить все устройства суперкоптера, заправить его дополнительными тоннами топлива, погрузить продукты и оружие, в общем, к назначенному часу едва успели. Семидесятитонная, двухэтажная машина поднялась в воздух, вздымая тучи песка, когда краешек багрового солнечного диска выглянул из-за горизонта, и рванулась прямо на северо-восток. Сразу же после старта Рохан набрал высоту пятнадцать километров; в стратосфере он мог развить максимальную скорость, кроме того, там было меньше шансов встретить черную тучу. Так он во всяком случае думал. Может, он был прав или ему просто повезло, но так или иначе не прошло и часа, а они уже садились в засыпанный песком кратер, дно которого еще покрывал мрак.

Прежде чем бьющие вниз струи горячих газов подняли в воздух фонтаны песка, наблюдатели сообщили в навигационную рубку, что в северной части кратера они заметили что-то подозрительное. Тяжелая летательная машина задержалась, слегка вздрагивая, словно на невидимой натянутой пружине, и с высоты пятисот метров был проведен внимательный осмотр этого места.

На пепельно-рыжем фоне на экране виднелись маленькие прямоугольники, геометрически правильно расположенные вокруг большого, серо-стального. Одновременно с Гаарбом и Балмином, которые были с ним у пульта управления, Рохан узнал машины экспедиции Реньяра. Они сели без промедления, не слишком далеко. соблюдая все предосторожности. Телескопические ноги коптера не перестали еще пружинить, сжимаясь в мерных приседаниях, когда был спущен трап и две разведывательные машины, защищенные подвижным силовым полем, двинулись в путь. Внутри кратер напоминал миску с выщербленными краями. Центральная горка вулкана была покрыта черно-бурой скорлупой лавы.

Преодоление полутора километров — таким приблизительно было расстояние — заняло у разведки несколько минут. Радиосвязь была отличной. Рохан разговаривал с Гаарбом, который находился в головном транспортере.

— Подъем кончается, сейчас их увидим, — несколько раз повторил Гаарб. Через мгновение он крикнул: — Есть! Вижу их!!!

И спокойнее:

— Кажется, все в порядке. Раз, два, три, четыре — все машины на местах. Но почему они стоят на солнце?

— А люди? Вы их видите? — допытывался Рохан, стоя зажмурив глаза перед микрофоном.

— Да. Там что-то шевелится... это двое людей... о, еще один... и кто-то лежит в тени... я их вижу, Рохан!

Голос его отдалился. Рохан слышал, как он говорит что-то своему водителю, потом послышался тупой звук, свидетельствовавший, что выпущена дымная ракета. Голос Гаарба снова усилился:

— Я их поприветствовал... дым отнесло немного в их сторону... сейчас он рассеется... Ярг... что там? Что?! Эй!.. Эй!..

Его крик заполнил всю кабину и оборвался. Рохан

различал слабеющий рокот моторов, потом он утих, слышен был звук шагов, какие-то неясные, приглушенные расстоянием призывы, один, другой окрик, потом стало тихо.

— Алло! Гаарб! Гаарб! — повторял он переставшими слушаться губами.

Шаги по песку приблизились, в репродукторе зашипело.

— Рохан! — раздался изменившийся, запыхавшийся голос Гаарба. — Рохан! То же самое, что с Кертеленом! Бесчувственные, нас не узнают, ничего не говорят... Рохан, вы меня слышите?!

— Слышу... Все так?..

— Кажется... Еще не знаю. Ярг и Тернер ходят от одного к другому...

— Как, а поле?..

— Поле выключено. Его нет... Не знаю... Очевидно, выключили...

— Какие-нибудь следы борьбы?..

— Нет, ничего. Все машины в порядке... А они лежат, сидят, их можно трясти... Что? Что там?

Рохан услышал неясный звук, прерванный протяжным стоном. Он стиснул зубы, но не мог справиться с отвратительной тошнотой, скрутившей ему внутренности...

— Великое небо, это Гралев! — раздался вопль Гаарба. — Гралев! Дружище! Ты меня не узнаешь?!

Его дыхание, усиленное приборами, заполнило вдруг всю кабину.

— Он тоже... — Гаарб вздохнул, помолчал мгновение, как бы собираясь с силами. — Рохан... Я не знаю, сможем ли мы сами... Их всех нужно забрать отсюда. Пришлите мне еще людей...

— Сейчас.

Через час кошмарная процессия остановилась под металлическим корпусом суперкоптера. Из двадцати двух человек, отправившихся в экспедицию, осталось только восемнадцать; судьба остальных четырех была неизвестна. Большинство отнеслось к переезду спокойно, не сопротивляясь, но пятерых пришлось взять силой, так как они не хотели покидать места, где их нашли. Пять носилок отнесли в импровизированный лазарет, оборудованный в нижнем отсеке корабля. Остальных

тринадцать мужчин, производивших ужасное впечатление каменными, похожими на маски, лицами, отправили в отдельное помещение, где они позволили уложить себя в постели. Нужно было их раздеть, снять с них ботинки, они были беспомощны, как новорожденные. Рохан, немой свидетель этой сцены, стоя в проходе между шеренгами коек, заметил, что в то время как большинство найденных сохраняет мертвое пассивное спокойствие, немногие — те, которых пришлось привести силой, плачут и орут жуткими голосами.

Он оставил пострадавших под опекой врача, а сам отправил на поиски исчезнувших всю технику, какой располагал. Теперь, вместе с машинами Реньяра, ее было много. Он едва успел выслать последнюю группу, как радист вызвал его в кабину: установилась связь с «Непобедимым».

Рохан даже не удивился, что это удалось. Казалось, его уже ничто не могло удивить. Он коротко сообщил Хорпаху обо всех происшествиях.

— Кого недостает? — спросил астрогатор.

— Самого Реньяра, Бенигсена, Короткого и Меада. Что с самолетами? — в свою очередь поинтересовался Рохан.

— Нет никаких сведений.

— А туча?..

— Утром я послал патруль. Он вернулся час назад. Никаких следов тучи...

— Ничего? Вообще ничего?

— Ничего.

— И самолетов?..

— Ничего.

ГИПОТЕЗА ЛАУДЫ

Доктор Лауда постучал в каюту астрогатора, вошел и увидел, что тот разглядывает фотограмметрическую карту.

— Что там? — не поднимая головы, спросил Хорпах.

— Я хотел вам сказать...

— Это срочно? Через пятнадцать минут старт.

— Не знаю. Мне кажется, я начинаю понимать, что тут происходит.

Астрогатор отложил циркуль. Их глаза встретились. Биолог был не моложе командира. Странно, что ему еще позволяли летать. Видно, для него это было важно. Он походил скорее на старого механика, чем на ученого.

— Вам так кажется, доктор? Слушаю.

— В океане есть жизнь, — сказал биолог. — В океане есть, а на суше — нет.

— Почему же? На суше тоже была жизнь. Ведь Балмин нашел следы...

— Да. Но им больше пяти миллионов лет. Потом все, что жило на суше, погибло. То, что я скажу, звучит фантастично, и, собственно говоря, у меня нет никаких доказательств. Но это так. Предположите, что когда-то, миллионы лет назад, здесь сел корабль из другой системы. Возможно, из района Новой. — Лауда говорил теперь немного быстрее, но спокойно. — Мы знаем, что перед вспышкой дзеты Лиры шестую планету системы населяли разумные существа. Они имели высокоразвитую цивилизацию технологического типа. Предположим, что здесь сел разведывательный корабль лирян и что произошла катастрофа. Какой-нибудь несчастный случай, в результате которого погиб весь экипаж. Ну, скажем, взрыв двигателей, цепная реакция... Во всяком случае, на корабле, севшем на Регисе, не было ни одного живого существа. Уцелели только... автоматы. Не такие, как наши. Не человекоподобные. Лиряне, вероятно, тоже не были человекоподобны. Итак, автоматы уцелели и покинули корабль. Это были высокоспециализированные гомеостатические механизмы, способные существовать в тяжелейших условиях. Не было никого, кто отдавал бы им приказы. Та их часть, которая, с точки зрения структуры мышления, наиболее походила на лирян, возможно, пыталась отремонтировать корабль, хотя в образовавшейся ситуации это не имело смысла. Но ведь вы знаете, ремонтный робот будет ремонтировать то, что должен, не интересуясь, нужно это кому-нибудь или нет. Однако потом взяли верх другие автоматы. Они отделились от тех, высокоорганизованных. Может быть, на них пытались нападать представители местной фауны. Тут существовали ящероподобные пресмыкающиеся, следовательно, были и хищники, а хищник определенного типа атакует все, что двигается. Автоматы начали с ними бороться и победили. Этой

борьбе они должны были научиться. Они преобразовались так, чтобы как можно лучше приспособиться к господствующим на планете условиям. Ключевым моментом здесь, по моему мнению, было то, что эти автоматы обладали способностью производства других, в зависимости от потребностей. Так, скажем, для борьбы с летающими ящерами понадобились летающие механизмы. Никаких конкретных деталей я, конечно, не знаю. Говорю так, как если бы вообразил себе подобную ситуацию в условиях естественной эволюции. Возможно, здесь не было летающих ящеров, возможно, здесь жили роющие пресмыкающие, подземные. Не знаю. Факт тот, что с течением времени эти механизмы приспособились к внешним условиям достаточно хорошо и им удалось подавить все формы животного мира планеты. Растительного тоже.

— Растительного тоже? Как вы это объясняете?

— Я мог бы предложить даже несколько гипотез, но предпочитаю этого не делать. Впрочем, я не сказал еще самого главного. В процессе своего существования на планете, так сказать, потомки первых механизмов, через какое-то количество сотен поколений перестали быть похожи на тех, которые дали им жизнь, то есть на продукты лирянской цивилизации. Понимаете? Это значит, что началась мертвая эволюция. Эволюция механических устройств. Что является основным принципом гомеостаза? Выжить в изменившихся условиях, даже в наиболее враждебных, в самых тяжелых. Для дальнейших форм этой эволюции самоорганизующихся механических систем главная опасность исходила не со стороны местных животных или растений. Они должны были добыть источники энергии и материалов, из которых могли бы производить запасные части и целые организмы. Развилось что-то вроде горной промышленности, поиски металлических руд. Первоначально их предки, которые прибыли на этом гипотетическом корабле, несомненно питались лучистой энергией. Но на Регисе вообще нет радиоактивных элементов, значит этот источник энергии был для них потерян. Им пришлось искать иной. Острый энергетический кризис был неизбежен, и я думаю, что тогда дело дошло до взаимной борьбы между этими устройствами. Просто до борьбы за существование. Ведь на ней и основана эволюция. На

селекции. Устройства, находящиеся, с точки зрения интеллекта, на высоком уровне, но не приспособленные к жизни, скажем, из-за размеров, которые требовали большого количества энергии, не могли выдержать конкуренции с менее развитыми, но более экономными и более эффективными с энергетической точки зрения.

— Постойте. Не будем говорить о фантастичности, но ведь в эволюции, в эволюционной борьбе выигрывает всегда существо с более развитой нервной системой, не правда ли? В этом случае вместо нервной была, скажем, электрическая, но принцип-то остается тот же...

— Это верно, но только по отношению к однородным организмам, образовавшимся на планете естественным способом, а не прибывшим откуда-то извне.

— Не понимаю.

— Просто биохимические условия функционирования существ на Земле всегда были и до сих пор остаются совершенно одинаковыми. Водоросли и амебы, растения и животные низшие и высшие построены из почти одинаковых клеток, имеют почти одинаковый — белковый обмен веществ, и в результате такого ровного старта отличительным признаком становится тот, о котором вы говорили. Это не единственное отличие, но во всяком случае одно из важнейших. Но здесь было иначе. Наиболее развитые из механизмов, которые оказались на Регисе, черпали энергию из собственных радиоактивных источников, а более простые устройства, какие-нибудь небольшие ремонтные системы, могли работать от солнечных батарей. Это давало им огромное преимущество...

— Но те, развитые выше, могли отобрать солнечные батареи... А впрочем, куда ведет наш спор? Может, не стоит обсуждать это, Лауда?..

— Нет, это очень важная вещь, командир, очень важное обстоятельство, поскольку, по моему мнению, тут дело дошло до мертвой эволюции чрезвычайно своеобразного характера, вызванной исключительными условиями, редким стечением обстоятельств. Короче говоря, я вижу это так: в эволюционной борьбе победили два вида устройств — наиболее эффективно уменьшавшиеся в размерах и кроме них — неподвижные. Первые дали начало этим самым черным тучам. Лично я думаю, что это очень маленькие псевдонасекомые, способные соединяться в случае необходимости, в каких-то общих

интересах, в большие системы. Как раз в виде туч. Так шла эволюция подвижных механизмов. Оседлые же образовали тот странный вид металлической вегетации, который представляют развалины так называемых «городов».

— Значит, по-вашему, это не...

— Ну конечно. Это никакие не города, а лишь большая колония оседлых механизмов, мертвых существ, способных к размножению и черпающих солнечную энергию посредством своеобразных органов... Ими, как я предполагаю, являются треугольные пластины...

— Значит, вы считаете, что этот «город» развивается и дальше?

— Нет. У меня сложилось впечатление, что по каким-то неизвестным нам причинам «город», вернее «металлический лес», проиграл борьбу за существование и сейчас представляет собой только ржавеющие обломки. Уцелела только одна форма — движущиеся механизмы, которые завоевали всю сушу планеты.

— Почему?

— Не знаю. Я проделал различные подсчеты. Возможно, в течение последних трех миллионов лет солнце Регуса III остывало быстрее, чем раньше, так что большие оседлые «организмы» уже не могли получать от него достаточного количества энергии. Но это только туманное допущение.

— Предположим, что все именно так, как вы говорите. Допускаете ли вы, что эти «тучи» имеют какой-то управляющий центр на поверхности или под поверхностью планеты?

— Думаю, что ничего подобного не существует. Возможно, эти микромеханизмы сами становятся таким центром, каким-то «мертвым мозгом», когда соединяются определенным способом. Может быть, раздельное существование для них более выгодно. Они составляют отдельные рои, благодаря этому могут постоянно находиться в солнечных лучах, либо двигаться за грозовыми тучами, — так как не исключено, что они черпают энергию из атмосферных разрядов. Но в момент опасности или, шире, внезапного изменения, которое грозит их существованию, объединяются...

— Что-то, однако, должно вызвать эту реакцию объединения. Впрочем, где находится во время «роения»

необычно сложная память обо всей системе? Ведь электронный мозг «умнее» любого из своих элементов, Лауда. Как же эти элементы умудряются после разборки снова вскочить на нужное место? Сначала нужно было бы сделать план всего мозга...

— Необязательно. Достаточно было бы, если бы каждый элемент «помнил», с какими другими элементами он непосредственно соединялся. Скажем, элемент номер один определенными поверхностями должен соединиться с шестью другими элементами; каждый из них «знает» то же самое о себе. Таким образом, количество информации, содержащееся в отдельном элементе, может быть ничтожно мало, но зато достаточно сигнала типа «Внимание! Опасность!», как образуются нужные контакты и мгновенно появляется «мозг». Но это, конечно, лишь примитивная схема. Я думаю, дело обстоит гораздо сложнее... Такие элементы наверняка довольно часто уничтожаются, что, однако, не отражается на деятельности целого...

— Ладно. У нас нет времени, чтобы вдаваться в детали. Видите ли вы какие-то конкретные выводы для нас из своей гипотезы?

— В определенном смысле да, но негативные. Миллионы лет механической эволюции — это явление, с каким до сих пор человек в Галактике не встречался. Прошу вас обратить внимание на основную проблему. Все известные нам машины служат не себе самим, но кому-то. Таким образом, с человеческой точки зрения совершенно бессмысленным является существование металлических «лесов» Регриса или его железных «туч». Правда, так же «бессмысленны», например, кактусы в земной пустыне. Суть дела в том, что автоматы хорошо приспособились к борьбе с живыми существами. Я думаю, что они убивали только в самом начале этой борьбы, когда на суше бурлила жизнь; расход энергии на убийства оказался неэкономичным. Поэтому они используют другие методы, результатом чего была и катастрофа «Кондора» и случай Кертелена и, наконец, выход из строя группы Реньяра...

— Что это за методы?

— Я не знаю точно, на чем они основаны. Могу лишь высказать свое личное мнение: случай Кертелена — это уничтожение почти всей информации, какую содер-

жит мозг человека. То же наверняка относится и к животным. Искалеченные таким образом живые существа, естественно, должны погибать... Этот способ быстрее, проще и экономнее убийства... Мой вывод, увы, весьма пессимистичен. Пожалуй, это еще слабо сказано... Мы находимся в положении неизмеримо худшем, чем они, и одновременно по нескольким причинам. Во-первых, живое существо убить гораздо легче, чем испортить мертвое устройство. Дальше, они эволюционировали в таких условиях, что им приходилось одновременно бороться и с живыми существами, и со своими металлическими «братьями», с разумными автоматами. Они вели войну одновременно на два фронта, победив все приспособительные механизмы живых существ и весь интеллект разумных машин. Результатом этой миллионнолетней борьбы должен быть необыкновенный универсализм и совершенство средств уничтожения. Боюсь, что для победы над ними нам пришлось бы всех их уничтожить, — а это почти невозможно.

— Вы так думаете?

— Да. Конечно, при соответствующей концентрации средств можно было бы уничтожить всю планету... Но это ведь не является нашей задачей, не говоря уже о том, что у нас просто не хватит сил. Ситуация эта единственная в своем роде, поскольку — как я ее вижу — интеллектуально мы сильнее... Эти механические существа не представляют какой бы то ни было разумной силы, просто они великолепно приспособлены к внешним условиям... К уничтожению всего, что разумно, а также всего, что живет. Сами же они мертвые... Поэтому то, что для них еще безопасно, для нас может быть смертельно.

— Но откуда у вас уверенность, что они не обладают разумом?

— Я мог бы уйти от ответа, сослаться на незнание, но я скажу вам, что если я вообще в чем-нибудь уверен, так именно в этом. Почему они не представляют разумной силы? Да если бы они имели разум, они бы давно с нами расправились. Если вы мысленно переберете все происшедшее на Регисе с момента нашей посадки, то заметите, что они действуют без всякого стратегического плана. Нападают от случая к случаю.

— Но... способ, которым они нарушили связь между

Реньяром и нами, затем атака на разведывательные машины...

— Они просто делают то, что делали тысячелетия... Ведь те, высшие автоматы, которые они уничтожили, наверняка сообщались друг с другом с помощью радиоволн. Сделать обмен информацией невозможным, нарушить связь — это было одной из первых их задач. Решение напрашивалось само, трудно придумать лучший экран, чем металлическая туча. А теперь? Что мы должны делать дальше? Мы должны охранять себя и наши автоматы, наши машины, без которых были бы ничем, они же имеют полную свободу маневра, имеют практически неисчерпаемые источники воспроизводства, могут размножаться, если мы уничтожили какую-то часть их: при этом на них не действуют никакие средства, опасные для живого... Становятся необходимы наиболее мощные наши средства: удары антиматерией... Но уничтожить всех их таким способом невозможно. Вы заметили, как они поступают при нападении? Просто рассыпаются... Кроме того, мы должны постоянно находиться под защитой, что ограничивает наши возможности, а они могут свободно дробиться, передвигаться в любом направлении... И если бы мы их разбили на этом континенте, переберутся на другие. Но в конце концов это не наша задача — уничтожить их. Я считаю, что мы должны улететь.

— Ах вот как.

— Да. Поскольку своими противниками мы имеем создания мертвой эволюции, наверняка апсихичные, то не можем решать проблемы в категориях мести либо расплаты за «Кондора», за судьбу его команды. Это все равно что отхлестать океан, утопивший корабль и людей...

— В том, что вы говорите, было бы много верного, если все обстояло именно так, — произнес, вставая, Хорпах. Он оперся руками на исчерченную карту. — Но в конце концов это только гипотеза, а мы не можем вернуться с гипотезами. Нам нужна уверенность. Не месть, а уверенность. Точный диагноз, точные факты. Как только мы их установим, как только я буду иметь в контейнерах образцы этой летающей механической фауны, — если она действительно существует, — я сразу же соглашусь, что здесь нам больше делать нечего. Тогда

уже делом Базы будет устанавливать дальнейший образ действий. Кстати говоря, нет никакой гарантии, что эти создания, оставшись на планете, не будут развиваться так, что в конце концов не начнут угрожать космическим полетам в этом районе Галактики.

— Если бы это и случилось, то не раньше чем через сотни тысяч, а скорее через миллионы лет. Я все же опасаюсь, что вы рассуждаете так, словно мы стоим лицом к лицу с мыслящим противником. Повторяю, это не так. То, что когда-то было инструментом разумных существ, после их исчезновения получило самостоятельность и по истечении миллионов лет стало частью природных сил планеты. Жизнь осталась в океане, так как туда не распространяется механическая эволюция, но она не дает выхода формам этой жизни на сушу. Этим объясняется умеренное содержание кислорода в атмосфере — его выделяют океанские водоросли. Этим же объясняется и вид поверхности континентов. Они пустынны, так как эти существа ничего не строят, не создают никакой цивилизации, никаких ценностей, не имеют вообще ничего, кроме себя... Поэтому мы должны расценивать их как силу природы. Природа тоже не делает никаких оценок, не создает ценностей. Эти творения просто являются сами собой, существуют и действуют так, чтобы это существование продолжалось...

— Как вы объясняете гибель самолетов? Их ведь охраняло силовое поле...

— Силовое поле можно уничтожить другим силовым полем. Впрочем, чтобы уничтожить в доли секунды всю память, содержащуюся в мозгу человека, нужно мгновенно возбудить вокруг его головы магнитное поле такой напряженности, какое трудно было бы реализовать даже нам средствами, которые есть у нас на борту. Для этого потребовались бы гигантские преобразователи, трансформаторы, электромагниты...

— И вы думаете, что они все это имеют?

— Ну конечно же нет! Они ничего не имеют. Это просто кирпичики, из которых, в зависимости от потребности, строится то, что необходимо. Приходит сигнал: «Опасность!» Появилось нечто, вызвавшее какие-то изменения, например, изменение электростатического поля... Летающий рой немедленно образует «тучемозг», и просыпается его общая «память»: такие существа уже

были, с ними боролись так-то, это привело к их уничтожению... И этот образ действия повторяется...

— Хорошо, — сказал Хорпах, который уже некоторое время не слушал старого биолога. — Старт откладывается. Соберем совещание. Я предпочел бы этого не делать, намечается большая дискуссия, ученые страсти разгорятся, но иного выхода не вижу... Через полчаса в главной библиотеке, доктор Лауда...

— Пусть меня убедят, что я ошибаюсь, и тогда на борту появится человек, действительно удовлетворенный... — спокойно сказал Лауда и так же тихо, как вошел, покинул каюту.

Хорпах выпрямился, прошел к стенному информатору и, нажав кнопку внутренней переговорной сети, вызвал по очереди всех ученых.

●

Как оказалось, большинство специалистов предполагало примерно то же, что и Лауда; он был лишь первым, кто сформулировал свое мнение категорично. Споры разгорелись только вокруг проблемы психичности или апсихичности «тучи». Кибернетики скорее склонялись к мнению, что это мыслящая система, обладающая способностью к определенной стратегии. На Лауду нападали резко. Хорпах понимал, что горячность этих атак вызвана не столько гипотезой Лауды, сколько тем, что он не обсудил ее предварительно с коллегами, а сначала пришел к нему самому. Несмотря на все узы, объединившие их с экипажем, ученые образовывали, однако, что-то вроде «государства в государстве» и придерживались определенного неписаного кодекса поведения.

Главный кибернетик Кротонос поинтересовался, каким образом, по мнению Лауды, «туча», лишенная интеллекта, научилась атаковать людей.

— Но это же просто, — ответил биолог. — Она ничего другого не делала в течение миллионов лет. Я имею в виду борьбу с первоначальными жителями Регеса. Это были животные, обладавшие центральной нервной системой. Туча научилась атаковать их точно так же, как земное насекомое атакует жертву. И делает это с той же точностью, с какой оса умудряется вспрыснуть яд

в нервные узлы кузнечика или жука. Это не интеллект, это инстинкт...

— А откуда она «знала», как атаковать самолеты? С самолетами ведь до сих пор она не встречалась...

— Этого мы не можем знать, коллега. Они дрались, как я уже сказал, на два фронта. И с живыми обитателями Регуса, и с мертвыми, то есть с другими автоматами. Им приходилось использовать различные виды энергии для обороны и нападения...

— Но если среди них не было летающих...

— Я догадываюсь, что имеет в виду доктор Лауда, — заметил заместитель главного кибернетика Заурахан.— Эти большие автоматы, макроавтоматы сообщались друг с другом с целью кооперации, и легче всего уничтожить их можно было с помощью изоляции, разделения, а лучший способ для этого — блокирование связи.

— Речь идет не о том, можно ли объяснить отдельные варианты поведения «тучи» без использования версии ее «разумности», — ответил Кротонос, — ведь нас не ограничивает бритва Окхэма. Нашей задачей, по крайней мере сейчас, является создание не такой гипотезы, которая наиболее эффективно объяснила бы все, а такой, которая обеспечивала бы максимальную безопасность действий. Поэтому правильнее признать, что «туча» может обладать разумом, это более осмотрительно. В этом случае мы будем действовать осторожнее. Если же мы вслед за Лаудой примем, что она не обладает разумом, а в действительности она бы его имела, — тогда мы легко можем заплатить за такую ошибку страшной ценой... Я говорю не как теоретик, но прежде всего как стратег...

— Не знаю, кого ты хочешь победить — тучу или меня, — спокойно ответил Лауда. — Я не выступаю за неосторожность, но «туча» не обладает разумом иного типа, нежели насекомое, а точнее не столько одиночное насекомое, сколько, скажем, муравейник. В противном случае нас бы уже не было.

— Докажи.

— Мы не являлись для них первым противником типа homo, поскольку они уже имели с ним дело: напоминаю, что перед нами здесь сел «Кондор». Так вот, чтобы проникнуть под силовое поле, этим микроскопическим «мушкам» достаточно было зарыться в песок. Поле

кончается у его поверхности. Они знали силовые поля «Кондора» и, следовательно, могли научиться приемам нападения. Но ничего подобного не сделали. Либо «туча» глупа, либо она действует инстинктивно.

Кротонос не хотел отступать, но тут вмешался Хорпах, предлагая прекратить дискуссию. Он просил вносить конкретные предложения на основании того, что установлено с большой вероятностью. Нигрен спросил, нельзя ли экранировать людей, надевая металлические шлемы, которые уничтожают воздействие магнитного поля. Однако физики пришли к выводу, что это не даст результата, так как очень сильное магнитное поле создаст в металле вихревые токи, которые разогреют шлемы до высокой температуры. Когда начнет припекать, не будет другого выхода, как только сорвать шлем с головы и подставить себя под удар.

Была уже ночь. Хорпах в одном углу зала разговаривал с Лаудой и врачами, отдельно сгруппировались кибернетики.

— Все-таки невероятно, что существа более разумные, макроавтоматы, не одержали победы,—сказал кто-то из ученых. — Это было бы исключение из правила, что эволюция идет в направлении усложнения, усовершенствования гомеостаза... Вопросы информации, ее использования...

— Эти автоматы не имели шансов именно потому, что уже с самого начала были так высокоразвиты и сложны, — ответил Заурахан. — Пойми, они были очень специализированы, приспособлены для сотрудничества со своими конструкторами, лирянами, а когда лирян не стало, они остались как бы искалеченными, лишенными руководства. В то же время формы, из которых образовались сегодняшние «мушки» (я совсем не утверждаю, что они существовали уже тогда, даже считаю это исключенным, они должны были образоваться значительно позднее), те формы были относительно примитивны и поэтому имели перед собой много дорог для развития.

— Возможно, был еще более важный фактор, — добавил доктор Сакс, подошедший к кибернетикам. — Мы имеем дело с механизмами, а механизмы никогда не проявляют таких тенденций к регенерации, как живое существо, живая ткань, воспроизводящая себя после

повреждения. Макроавтомат, если даже он и мог исправить другой, нуждался для этого в инструментах, в целом машинном парке. Поэтому достаточно было отрезать их от таких инструментов или ослепить. Тогда они стали беззащитной добычей этих летающих созданий, которые испортить было гораздо труднее...

— Это очень интересно, — воскликнул вдруг Зауралхан. — Из этого следует, что автоматы нужно строить совершенно иначе, чем мы это делаем, чтобы они были действительно универсальны: нужно исходить из маленьких элементарных кирпичиков, из псевдоклеток, которые будут взаимозаменяемы...

— Это не так уж ново, — усмехнулся Сакс, — именно по такому пути пошла эволюция живых форм, и не случайно. И то, что «туча» состоит из таких взаимозаменяемых элементов, тоже наверняка не случайно. Это вопрос материала: поврежденный макроавтомат требует частей, изготовить которые можно только имея высокоразвитую промышленность, система же, состоящая из пары кристаллов или термисторов, или иных простых элементов, такая система может быть уничтожена, и ничего не случится, ее просто заменит одна из миллиарда других...

Видя, что сейчас от ученых многого ждать не приходится, Хорпах покинул собравшихся, они этого даже не заметили, увлеченные дискуссией. Командир отправился в рубку, чтобы сообщить группе Рохана о гипотезе «мертвой эволюции». Было уже темно, когда «Непобедимый» установил связь с суперкоптером, находящимся в кратере. К аппарату подошел Гаарб.

— У меня осталось только семь человек, — сказал он. — Из них два врача при этих несчастных. Остальные сейчас спят, кроме радиста... Да... Полная силовая защита... Рохан еще не вернулся.

— Еще не вернулся! А когда он выехал?

— Около шести пополудни. Забрал шесть машин и остальных людей, одиннадцать человек... Мы договорились, что он вернется после захода... Солнце зашло десять минут назад.

— У вас есть с ним радиосвязь?

— Связь потеряна час назад.

— Гаарб! Почему же вы немедленно не сообщили мне?!

— Рохан предупредил, что на некоторое время связь прервется, так как он забирается в одно из глубоких ущелий. Их склоны обросли этим металлическим свинством, которое так экранирует, что практически на связь надеяться нельзя...

— Прошу сообщить мне сразу же, как только Рохан вернется... Он за это ответит... Так мы скоро всех можем потерять...

Астрогатор говорил что-то еще, но его прервал возглас Гаарба:

— Они подъезжают, командир! Я вижу свет, это Рохан... Раз, два... Нет, только одна машина... Сейчас я все узнаю...

— Жду.

Гаарб, увидев огни фар, ползущие низко над землей, то освещавшие лагерь, то упиравшиеся в неровности почвы, схватил ракетницу и дважды выстрелил вверх. Этого было достаточно, чтобы все спящие вскочили на ноги. Тем временем машина описала дугу, радист открыл проход в энергетической стене, и в обозначенную голубыми огнями щель вкатился запыленный вездеход и подъехал к холмику, на котором стоял суперкоптер. К своему удивлению, Гаарб узнал маленькую, рассчитанную на трех человек, амфибию командира группы. Вместе с остальными людьми он побежал к машине. Прежде чем она как следует остановилась, из нее выпрыгнул человек в разодранном комбинезоне, с лицом, настолько испачканным грязью и кровью, что Гаарб не узнал его, пока тот не заговорил.

— Гаарб... — простонал человек, хватая ученого за плечи, ноги его подгибались.

— Что случилось? Где остальные?

— Нет... их... никого... — прошептал Рохан и, потеряв сознание, повис на руках подбежавших людей.

ГРУППА РОХАНА

Колонна, которую вел Рохан, состояла из двух больших энергоботов, четырех вездеходов и маленькой амфибии. В ней находился сам Рохан вместе с Яргом и боцманом Тернером. Они двигались строем, соответствующим инструкции третьей степени. Впереди шел

энергобот, за ним — амфибия Рохана, потом вездеходы, в каждом из которых находилось по два человека, и замыкал колонну второй энергобот, вместе с первым защищавший всю группу пузырем силового поля.

Рохан решился на это путешествие, поскольку еще в кратере удалось с помощью «электропсов» — олфактометрических индикаторов — обнаружить следы четырех исчезнувших людей. Было ясно, что если их не удастся найти, они погибнут от голода или жажды, блуждая в скалах, более беспомощные, чем дети.

Первые километры группа прошла, руководствуясь показателями индикаторов. Около семи часов у входа в одно из широких и мелких в этом месте ущелий, обнаружили следы, четко отпечатавшиеся в мягком иле, оставленном высохшим потоком. Три следа хорошо сохранились, четвертый был неясный, его размыла вода, слабо струящаяся вдоль камней. Следы с характерным рисунком, свидетельствующие о том, что их оставили тяжело обутые люди из группы Реньяра, направлялись в глубину ущелья и немного дальше исчезали на камнях. Но это не испугало Рохана, так как он видел, что склоны становятся все более крутыми. Вскарабкаться по этой крутизне пораженным амнезией людям было не по силам. Рохан рассчитывал, что скоро найдет их в глубине ущелья, скрывавшегося за крутыми поворотами.

После короткого совещания колонна двинулась дальше и вскоре добралась до места, где на склонах росли странные, необычайно густые металлические «кусты». Это были приземистые, высотой от одного до полутора метров образования. Они торчали из забитых чернова-тым илом трещин обнаженной скалы. Сначала они появлялись по одному, по два, а затем слились в монолитную гущу, ржавый, щетинистый слой, покрывавший склоны ущелья почти до самого дна, где, спрятавшись под камнями, сочилась тоненькая ниточка воды.

Между «кустами» виднелись отверстия пещер. Из одних струились тонкие ручейки, другие казались сухими. В те пещеры, отверстия которых находились низко, пробовали заглядывать, освещая их прожекторами. В одной из пещер нашли довольно много мелких, наполовину залитых капавшей со свода водой, треугольных кристалликов. Целую горсть их Рохан сунул в карман. Потом они проехали еще с полкилометра вверх по уще-

лью, делавшемуся все более крутым. Пока что гусеницы машин хорошо справлялись с уклоном, а так как в двух местах снова удалось обнаружить следы ботинок в засохшем по берегам ручейка иле, Рохан не сомневался, что они едут в нужном направлении. После одного из поворотов радиосвязь с суперкоптером значительно ухудшилась. Рохан приписал это экранирующему действию металлических зарослей. По обеим сторонам ущелья, местами почти вертикально, возносились стены, сплошь покрытые похожими на жесткий черный мех проволочными зарослями.

Проехали через двое довольно широких каменных ворот, — это заняло много времени, так как техникам поля пришлось очень осторожно уменьшать радиус защиты, чтобы не задеть за скалы. Скалы были рыхлые и потрескавшиеся от эрозии, и каждый энергетический удар, вызванный случайным соприкосновением поля со скальным массивом, мог вызвать лавину. Они боялись конечно, не за себя, а за пропавших товарищей, которых такой обвал — если они находились поблизости — мог поранить или убить.

Прошло около часа после того, как прервалась радиосвязь, когда на экранах магнитных индикаторов появились частые вспышки. Пеленгаторы, казалось, вышли из строя, и при попытках выяснить, откуда поступают импульсы, показывали все стороны света одновременно. Только с помощью индикаторов напряженности и поляризаторов удалось установить, что источником переменного магнитного поля являются заросли, покрывающие стены ущелья. Тогда заметили, что здесь заросли выглядят иначе, чем в оставшейся позади части ущелья: пропал ржавый налет, кусты стали выше, больше и словно еще чернее, их стержни или ветви были облеплены странными утолщениями. Рохан решил не заниматься их исследованием: не следовало рисковать, открывая силовое поле.

Поехали немного быстрее, импульсометры и магнитные индикаторы показывали все более разнородную активность. Подняв глаза, можно было увидеть, как кое-где над поверхностью черной чащи дрожит воздух, словно нагретый до высокой температуры, а за вторыми каменными воротами, над кустами, появились едва заметные облачка, похожие на разлетающийся дым. Но

это происходило так высоко, что в природе облачков нельзя было разобраться даже с помощью бинокля. Правда, Ярг, одаренный очень острым зрением, утверждал, что эти «дымки» выглядят как рой маленьких насекомых.

Рохан уже начал слегка беспокоиться — путешествие длилось дольше, чем он ожидал, а конца крутого ущелья все еще не было видно. Они снова поехали быстрее, так как дорогу больше не преграждали нагромождения камней на дне потока. Поток исчез, спрятавшись под осыпью, — только когда машины останавливались, в наступившей тишине чуть слышался шелест невидимой воды.

За очередным поворотом появились третьи каменные ворота, гораздо более узкие, чем те, которые они миновали. Измерив их, техники сообщили, что проехать с включенным полем невозможно (поле не могло приобретать любую произвольную форму, а всегда представляло собой вариант тела вращения). До сих пор им удавалось протиснуться сквозь сужения ущелья, сжимая силовое поле так, что получалось нечто похожее на сплюснутый шар. Но теперь ничего не выходило. Рохан посоветовался с физиком Томаном и обоими техниками, и они вместе решили, что рискнут проскочить арку, на мгновение разорвав силовую защиту. Первый энергобот должен был проехать с выключенным эмиттером, сразу же за аркой снова его включить и создать спереди поле в виде выпуклого диска. Во время движения сквозь узкий проход четырех вездеходов и амфибии Рохана они оставались бы без защиты только сверху: замыкающий колонну энергобот, миновав арку, соединил бы свою энергетическую полусферу с полем первого.

Все шло по плану, и последний из вездеходов уже проезжал между каменными столбами, когда воздух странно, беззвучно всколыхнулся, словно где-то рядом свалилась скала, щетинистые стены ущелья задымились, из них выползла черная туча и с сумасшедшей скоростью ринулась на колонну. Рохан, который решил пропустить сначала вездеходы, в этот момент ожидал, когда проедет последний из них. Он увидел черный выброс на склонах ущелья и яркую вспышку впереди, где клубы атакующей тучи горели в поле первого энергобота. Но большая часть тучи пронеслась над защитой и упала

на машины. Рохан крикнул Яргу, чтобы тот немедленно запустил задний энергобот и соединил его поле с передним, в этом ужасном положении опасность каменной лавины уже не имела значения; Ярг попытался сделать это, но безрезультатно. Вероятно, — как решил потом главный инженер, — перегрелись клистроны приборов. Если бы Ярг подержал аппаратуру под током еще несколько секунд, поле бы несомненно возбудилось, но он потерял голову и, вместо того чтобы попробовать еще раз, выскочил из машины. Рохан схватил его за комбинезон, охваченный страхом Ярг вырвался и помчался вниз по ущелью. Рохан сам подскочил к приборам, но было уже поздно.

Люди, захваченные врасплох в вездеходах, выпрыгивали из них и разбегались во все стороны, почти невидимые в клубящихся лохмотьях тучи. Все это выглядело настолько неправдоподобным, что Рохан даже не пытался что-нибудь сделать (впрочем, это было и невозможно — включив поле, он убил бы своих товарищей, которые карабкались на склоны, как будто искали защиты в металлической чаще). Он пассивно стоял в машине, ожидая своей судьбы. За его спиной Тернер, высунувшись по пояс из своей башенки, бил из спаренных лазеров вверх, но этот огонь не имел никакого зачения, так как бóльшая часть тучи была уже слишком близко. От остальных машин Рохана отделяло не больше шестидесяти метров. В этом пространстве метались и катались по земле, как будто охваченные черным пламенем несчастные. Наверное, они кричали, но их крик, как и все другие звуки, вместе с урчанием переднего энергобота, на силовом поле которого все еще сгорали в дрожащих вспышках мириады нападающих, тонул в протяжном басовом гудении тучи. Рохан все еще стоял, наполовину высунувшись из своей амфибии, даже не пробуя в ней укрыться, не от смелости отчаяния, а, как сам рассказывал потом, просто потому, что об этом — как, впрочем, и ни о чем другом — он не думал.

Это зрелище, забыть которого он не мог, — люди под черной лавиной,—вдруг поразительно изменилось. Люди перестали кататься по камням, убегать, карабкаться на откосы. Они медленно вставали или садились, а туча, разделившись на несколько воронок, образовала над каждым как бы локальный смерч, который одним при-

косновением окружал туловище или только голову человека. Туча снова слилась воедино и, волнуясь, завывая, начала подниматься все выше между стенами ущелья, заслонив свет вечернего неба, а потом с протяжным слабеющим шумом заползла в скалы, растворилась в черных джунглях и исчезла. И только маленькие черные пятнышки, разбросанные между неподвижными фигурами, подтверждали реальность того, что произошло здесь мгновение назад.

Рохан, все еще не веря в собственное спасение и не понимая, чем его объяснить, поискал глазами Тернера. Но башенка была пуста; боцман, очевидно, выскочил из нее, — непонятно, как и когда. Рохан увидел его лежащим поодаль, с лазерами, приклад которых он все еще прижимал к плечу, глядя перед собой немигающим взглядом.

Рохан выбрался из машины и начал бегать от одного пострадавшего к другому. Они его не узнавали. Ни один из них не отозвался. Большинство казалось спокойными, они ложились на камни или сидели на них, двое или трое встали и, подойдя к машинам, начали ощупывать их медленными неловкими движениями слепых. Рохан увидел, как превосходный радиооператор, приятель Ярга, Дженлис, с полуоткрытым ртом, словно дикарь, увидевший машины первый раз в жизни, пытался пошевелить ручку дверцы вездехода.

В следующий момент Рохан понял, что означала округлая дыра, выжженная в одной из переборок рулевой рубки «Кондора». Он стоял на коленях перед Балмином и встряхивал его за плечи с силой отчаяния, будто был убежден, что таким образом удастся привести ученого в чувство, как вдруг около самой его головы мелькнула струя фиолетового пламени. Это один из пострадавших, сидевший немного поодаль, вытащил из кобуры свой излучатель Вейра и случайно нажал на спуск. Рохан крикнул, но человек не обратил на него никакого внимания. Возможно, блеск понравился ему, как фейерверк ребенку, он начал стрелять, опорожняя атомный магазин, так что воздух зашипел от жары и Рохану, который упал на землю, пришлось втиснуться в камни. В этот момент послышался частый топот, и из-за поворота выбежал запыхавшийся, с лицом, зали-

тым потом, Ярг. Он бежал прямо на сумасшедшего, развлекавшегося стрельбой.

— Стой! Ложись! — заорал Рохан, но, прежде чем Ярг успел сообразить, в чем дело, струя с огромной силой ударила его в левое плечо, в воздухе мелькнула оторванная рука и из страшной раны хлынула кровь. Стрелявший этого даже не заметил, а Ярг, взглянув с безмерным удивлением на окровавленное плечо, медленно повернулся и упал. Человек с вейром встал; Рохан видел, как непрерывная струя пламени разгоревшегося излучателя выбивала пахнущие дымом кремнезема искры из камней. Человек двигался неуверенно, движения его были как у младенца, держащего погремушку. Огонь пронзил воздух между двумя сидящими рядом людьми, которые даже не зажмурились, мгновение — и один из них получил бы весь заряд в лицо. Рохан — это было не принятое сознательно решение, а инстинкт — вырвал из кобуры свой вейр и выстрелил. Человек ударил себя с размаху согнутыми руками в грудь, его оружие ударилось о камень, а сам он упал лицом вниз.

Рохан вскочил. Становилось все темнее. Нужно было как можно скорее отвезти всех пострадавших на базу. В его распоряжении была только маленькая амфибия; он хотел использовать вездеход, но оказалось, что два из них столкнулись в самом узком месте каменного коридора, и растащить их можно было только краном. Оставался задний энергобот, на который Рохан мог взять максимум пятерых, а их было девять. Он подумал, что лучше всего собрать всех вместе, связать, чтобы они не могли никуда уйти или покалечиться, включить поле обоих энергоботов, а самому ехать за подмогой. В амфибию он не хотел брать никого, потому что она была совершенно беззащитна, и в случае нападения он предпочитал рисковать только собой.

Уже совсем стемнело, когда Рохан кончил эту жуткую работу; правда, никто не сопротивлялся. Он отвел задний энергобот, вывел на свободное пространство амфибию, установил оба эмиттера, дистанционно включил защиту, оставив внутри нее всех пострадавших, а сам двинулся в обратный путь.

...Итак, на двадцать седьмой день после посадки почти половина команды «Непобедимого» была выведена из строя.

ПОРАЖЕНИЕ

Как каждая правдивая история, рассказ Рохана был странным и нескладным. Почему туча не атаковала ни его, ни Ярга? Почему она не трогала Тернера до тех пор, пока он не покинул амфибию? Почему Ярг сначала убежал, а потом вернулся?

На последний вопрос ответить было сравнительно легко: вернулся, когда вышел из панического состояния и сообразил, что от базы его отделяет около пятидесяти километров, которых ему не удалось бы пройти пешком с имевшимся у него запасом кислорода.

Остальные вопросы оставались загадкой. Ответ на них для всех людей мог стать делом жизни или смерти. Но догадки и гипотезы уступили необходимости действовать.

Хорпах узнал о судьбе группы Рохана после полуночи, а через полчаса он стартовал. Перебросить космический крейсер из одной точки в другую, отдаленную всего на двести километров, задача неблагодарная. Корабль необходимо вести все время стоящим вертикально на огне с относительно небольшой скоростью, что требует огромного расхода топлива. Двигатели, не приспособленные к такой работе, требовали непрерывного вмешательства электронных автоматов, стальной колосс плыл, слегка раскачиваясь, словно его несла поверхность плавно волнующегося моря. Наверное, это было бы неплохое зрелище для наблюдателя, стоящего на поверхности планеты — еле различимый в облаке бушующего пламени силуэт, летящий сквозь мрак, как огненная колонна. Удерживать нужный курс было нелегко. Пришлось подняться над атмосферой, потом снова войти в нее, кормой вперед, все это требовало от астрогатора полного внимания, тем более что кратер, который они искали, прятался под тонкой пеленой туч. Наконец, еще до рассвета «Непобедимый» опустился в кратере, в двух километрах от старой базы Рохана; суперкоптер, машины и бараки тотчас же были накрыты силовым полем звездолета, а хорошо оснащенная спасательная группа около полудня привезла всех уцелевших людей Рохана. Под лазарет пришлось занять два дополнительных помещения. Только после этого ученые занялись тайной, которая спасла Рохана и — не вмешайся трагическая случайность — спасла бы и Ярга.

Это было совершенно непонятно, так как оба они ни одеждой, ни оснащением, ни внешним видом не отличались от остальных. Очевидно, не могло иметь значения и то, что в амфибии они были втроем с Тернером.

Одновременно перед Хорпахом встал вопрос о дальнейших действиях. Ситуация была настолько ясна, что они могли вернуться на Базу с данными, которые оправдали бы их возвращение и объяснили трагический конец «Кондора». То, что больше всего интриговало ученых — металлические псевдонасекомые, их симбиоз с механическими «растениями», укрепившимися на скалах, наконец, вопрос, можно ли говорить о «психике» тучи (а не было даже известно, существует одна туча или их много, и могут ли небольшие тучи объединяться в одно целое), — все это вместе взятое не заставило бы Хорпаха остаться на Регисе III ни часу более, если бы не исчезновение четверых людей из группы Реньяра. Следы беглецов привели группу Рохана в ущелье. Никто не сомневался, что беглецы погибнут там, даже если мертвые жители планеты оставят их в покое. Поэтому, необходимо было обыскать окружающую территорию, так как несчастные могли рассчитывать только на помощь «Непобедимого».

Единственное, что удалось установить с разумным приближением, был радиус поисков, так как люди, затерявшиеся в стране гротов и ущелий, не могли отдалиться от кратера больше чем на несколько десятков километров. Кислорода в их приборах оставалось уже немного, но врачи уверяли, что, если они будут дышать воздухом планеты, — это наверняка не грозит им смертью, а в том состоянии, в котором находились беглецы, отравление растворенным в крови метаном, естественно, не имело никакого значения.

Территория поисков была не слишком большой, но исключительно трудной и плохо просматриваемой. Прочесывание всех закоулков, расщелин, укрытий и пещер, даже при самых благоприятных условиях, могло продлиться недели. Под скалами извилистых ущелий, соединяясь с ними только кое-где, скрывалась другая система подземных коридоров и гротов, промытых водами. Пропавшие вполне могли находиться в одном из таких укрытий, но не было уверенности в том, что их удастся обнаружить в одном месте: лишенные памяти, они были

более беспомощны, чем дети, — те хотя бы держались вместе. Мощные сооружения «Непобедимого» и его технические средства мало могли помочь в поисках. Самую надежную защиту, силовое поле, вообще нельзя было использовать в узких подземных коридорах. Итак, оставался выбор между немедленным возвращением, равнозначным смертному приговору для исчезнувших, и проведением рискованных поисков. Шансы на успех были реальны только в течение нескольких дней, до недели: Хорпах знал, что после этого можно будет обнаружить лишь останки беглецов.

Утром астрогатор вызвал специалистов, обрисовал им создавшееся положение и сообщил, что рассчитывает на их помощь. В распоряжении ученых находилась горсточка металлических «насекомых», которую принес в кармане своей куртки Рохан. Их исследованием занимались почти сутки. Хорпах хотел знать, существуют ли какие-нибудь шансы обезвредить эти существа. Вновь также встал вопрос: что спасло Ярга и Рохана от атаки тучи?

«Пленники» занимали во время совещания почетное место в закрытом стеклянном сосуде, стоявшем посреди стола. Их осталось всего десятка полтора, остальные были уничтожены в процессе изучения. Все эти создания обладали тройственной симметрией и напоминали формой букву Y, с тремя остроконечными плечами, соединяющимися в центральном утолщении. В падающем свете они казались черными, как уголь, в отраженном же — переливались синим и оливковым цветом, как брюшки некоторых земных насекомых. Наружные их стенки состояли из очень мелких пластин, напоминающих грани бриллианта, а внутри «мушки» содержали одну и ту же микроскопическую конструкцию. Ее элементы, в сотни раз меньше, чем зернышки песка, образовывали что-то вроде автономной нервной системы, в которой удалось различить две частично независимые друг от друга цепи. Меньшая часть, занимающая внутренность плеч Y, представляла собой микроскопическую схему, заведующую движениями «насекомого», что-то вроде универсального аккумулятора и одновременно трансформатора энергии. В зависимости от способа, каким сжимали кристаллы, они создавали то электрическое, то магнитное поле, то переменные силовые поля,

которые могли нагревать до относительно высокой температуры центральную часть; тогда накопленное тепло излучалось наружу однонаправленно. Вызванное этим движение воздуха, как реактивная струя, делало возможным движение в любом направлении. Отдельный кристаллик не столько летал, сколько подпрыгивал, и не был, во всяком случае во время лабораторных экспериментов, способен точно управлять своим полетом. Несколько же кристалликов, соединяясь кончиками плеч друг с другом, образовывали систему с тем лучшими аэродинамическими показателями, чем больше их было. Каждый кристаллик соединялся с тремя; кроме того, он мог соединяться концом плеча с центральной частью любого другого, что давало возможность образования многослойных комплексов. Соединение не обязательно требовало соприкосновения, кристалликам достаточно было сблизиться, чтобы возникшее магнитное поле удерживало все образование в равновесии. При определенном количестве насекомых система начинала проявлять многочисленные закономерности, могла в зависимости от того, как ее «дразнили» внешними импульсами, менять направление движения, форму, вид, частоту внутренних пульсаций; при определенных внешних условиях менялись знаки поля, и, вместо того чтобы притягиваться, металлические кристаллики отталкивались, переходили в состояние «индивидуальной россыпи».

Кроме цепи, заведующей такими движениями, каждый черный кристаллик содержал в себе еще одну схему соединений, вернее ее фрагмент, так как она, казалось, составляла часть какой-то большой структуры. Это большое целое, вероятно возникающее только при объединении огромного количества элементов, было мотором, приводящим тучу в действие. Здесь, однако, сведения ученых обрывались. Они не ориентировались в возможностях роста этих сверхсистем, и уж совсем темным оставался вопрос их «интеллекта». Кротонос допускал, что объединяется тем больше элементарных единиц, чем более трудную проблему им нужно решить. Это звучало довольно убедительно, но ни кибернетики, ни специалисты по теории информаций не знали ничего соответствующего такой конструкции, то есть «произвольно разрастающемуся мозгу», который свои размеры примеряет к величине намерений.

Часть принесенных Роханом «насекомых» была испорчена. Остальные демонстрировали типовые реакции. Единичный кристаллик мог подпрыгивать, подниматься и висеть в воздухе почти неподвижно, опускаться, приближаться к источнику импульсов либо удаляться от него. При этом он не представлял абсолютно никакой опасности, не выделял, даже при угрозе уничтожения (а исследователи пробовали уничтожать кристаллы химическими средствами, нагреванием, силовыми полями и излучением) никаких видов энергии, и его можно было раздавить как слабенького земного жучка — с той только разницей, что кристалло-металлический панцирь сокрушить было не так-то легко. Зато объединившись даже в сравнительно небольшую систему, «насекомые» начинали, при воздействии на них магнитным полем, создавать собственное поле, которое уничтожало внешнее, при нагревании стремились избавиться от излишка тепла инфракрасным излучением — а ведь ученые располагали лишь маленькой горсточкой кристалликов.

На вопрос астрогатора от имени «Главных» ответил Кротонос: ученые просили дать им время для дальнейших исследований, для которых желательно добыть возможно большее количество кристалликов. Поэтому они предлагали, чтобы в глубь ущелья была выслана экспедиция, которая преследовала бы две цели: поиски пропавших людей и сбор минимум нескольких десятков тысяч псевдонасекомых.

Хорпах согласился на это. Однако он считал, что рисковать людьми больше нельзя. В ущелье он решил послать машину, которая не принимала до сих пор участия ни в одной операции. Это был восьмидесятитонный вездеход специального назначения, обычно используемый лишь в условиях высокой радиоактивности, огромных давлений и температур. Машина эта, которую неофициально называли циклопом, находилась на самом дне крейсера, наглухо закрепленная в подъемниках грузового люка. Обычно такие машины не использовались на планетах, а «Непобедимый» вообще никогда не приводил в движение своего циклопа; ситуации, которые требовали такой крайности, можно было — для всего действующего тоннажа Базы — пересчитать на пальцах одной руки. «Послать за чем-нибудь циклопа» — на космическом жаргоне значило примерно то же, что обра-

титься за помощью к дьяволу; о поражении какого-либо циклопа никто до сих пор не слышал.

Машину, извлеченную двумя подъемниками, установили на пандусе, где за нее взялись техники и программисты. Кроме обычной системы эмиттеров, создающих защитное поле, на циклопе был установлен шаровой излучатель антиматерии, он мог выбрасывать антипротоны в любом направлении, либо во всех одновременно. Встроенная в днище система позволяла циклопу, благодаря интерференции силовых полей, подниматься на несколько метров над грунтом, так что он не зависел ни от местности, ни от колес или гусениц. В лобовой части было приспособление, через которое выдвигался инхаустор — что-то вроде телескопической «руки», которая могла выполнять местное бурение, брать пробы минералов и производить другие работы. Циклоп имел мощную радиостанцию и телепередатчик, а также электронный мозг, позволявший ему действовать автономно. Техники из группы инженера Петерсена ввели в этот мозг соответствующую программу: астрогатор считался с тем, что когда машина попадет внутрь ущелья, связь с ней может прекратиться. Машина получила два задания: найти пропавших (циклоп должен был накрыть их вторым, дополнительным защитным полем, затем открыть проход в первом и взять людей внутрь), и собрать побольше кристалликов.

Излучатель антиматерии разрешалось использовать лишь в случае крайней необходимости, если бы защитному силовому полю грозило уничтожение: реакция аннигиляции угрожала жизни пропавших, — они могли находиться недалеко от места схватки.

Циклоп имел длину восемь метров и был соответственно «широкоплеч» — поперечник корпуса составлял больше четырех метров. Если бы какая-нибудь расщелина оказалась для него недоступной, он мог расширить ее, либо действуя «стальной рукой», либо расталкивая и сокрушая силовым полем. Но и выключение поля не могло ему повредить, поскольку его собственная керамито-ванадиевая броня обладала твердостью алмаза.

Внутри циклопа поместили автомат, который должен был заняться найденными людьми, для них также подготовили койки. Наконец, по окончании всех этих приготовлений бронированный гигант удивительно легко со-

скользнул с пандуса и, словно уносимый невидимой силой — ни одна пылинка не поднялась в воздух, хотя он двигался быстро, — миновал голубые огни прохода в защитном поле «Непобедимого» и быстро исчез из виду.

Около часа радиотелевизионная связь между циклопом и рубкой не оставляла желать лучшего. Рохан узнал вход в ущелье, где произошло нападение, по высокому, похожему на развалившуюся башню костела, обелиску, частично закрывавшему щель в каменной стене. Скорость немного уменьшилась на большой каменной осыпи; стоящие у экранов слышали даже журчание ручейка, скрытого под камнями, настолько бесшумно работал атомный двигатель циклопа.

Связисты принимали изображение и звук до двух сорока, когда, пройдя плоскую и более доступную часть ущелья, циклоп оказался в лабиринте ржавой чащи. Благодаря усилиям радиотехников в обе стороны удалось передать еще четыре сообщения, но пятое пришло уже с такими искажениями, что можно было только догадываться о его смысле: электронный мозг циклопа докладывал об успешном продвижении вперед.

В соответствии с разработанным планом Хорпах выслал с «Непобедимого» автоматический зонд, снабженный телепередатчиком. Зонд, круто взмыв в небо, исчез через несколько секунд. В рубку начали поступать его сигналы, одновременно появился показанный с высоты полутора километров живописный пейзаж: растерзанные скалы, покрытые пятнами ржавых и черных кустов. Через минуту они без труда заметили внизу циклопа, который продвигался по дну большого ущелья, блестя как стальной кулак. Хорпах, Рохан и руководители специальных групп стояли у экранов рубки. Прием был хорошим, но они предвидели возможность его ухудшения или исчезновения, поэтому к старту подготовили еще несколько зондов. Главный инженер считал, что в случае нападения связь с циклопом пропадет наверняка, но во всяком случае можно будет наблюдать его действия.

Электронные глаза циклопа еще не могли этого обнаружить, но стоящие у экранов люди на широкой панораме, открывшейся перед ними, увидели, что всего несколько сотен метров отделяет машину от брошенных в каменных воротах вездеходов, которые загораживали дальнейший путь. Циклоп должен был, выполнив свое

задание, на обратном пути взять оба столкнувшихся вездехода на буксир. Вездеходы выглядели сверху как зеленоватые коробочки; рядом с одним точкой виднелась обуглившаяся фигурка — труп безумца, убитого Роханом.

Перед самым поворотом, за которым торчали столбы каменных ворот, циклоп задержался и приблизился к почти достигающей дна ущелья гриве металлических зарослей. С напряженным вниманием следили люди за его движениями. Циклоп открыл спереди силовое поле, чтобы сквозь узкую щель выдвинуть инхаустор, который, словно удлиняющийся орудийный ствол с зубастой горстью на конце, высунулся из своего гнезда, обхватил пучок кустов и, казалось, без всякого усилия вырвал их из каменного основания, потом машина отступила и сползла задом обратно на дно ущелья. Операция прошла гладко. Через кружащийся над ущельем телезонд, была установлена радиосвязь с мозгом циклопа, который сообщил, что «образец», роящийся от черных «насекомых», надежно закрыт в контейнере.

От места катастрофы циклопа отделяло не больше ста метров. Один из энергоботов Рохана стоял, опершись бронированным задом о скалу, в самом узком месте прохода застряли сцепившиеся вездеходы, а дальше за ними находился второй энергобот; легкое дрожание воздуха свидетельствовало о том, что он все еще создает защитное поле. Циклоп сначала дистанционно выключил эмиттеры этого энергобота, а затем, увеличив мощность реактивной струи, поднялся высоко в воздух, быстро проплыл над неподвижными машинами и опустился на камни уже выше прохода. И в этот момент кто-то из находящихся в рубке предостерегающе вскрикнул. Черная шерсть склонов задымилась и обрушилась волнами на земную машину с такой стремительностью, что в первый момент машина совершенно исчезла, словно закрытая наброшенным сверху плащом смолистого дыма. И тотчас всю толщину атакующей тучи пробила ветвистая молния. Циклоп не использовал своего страшного оружия, — это образованные тучей энергетические поля столкнулись с его силовой защитой. Теперь она как будто вдруг материализовалась, облепленная толстым слоем клубящейся тьмы; то распухала, как огромный пульсирующий шар лавы, то сжималась, и эта причудливая игра продолжалась довольно долго; у наблюдавших за

ней сложилось впечатление, что скрытая от их глаз машина старалась растолкать мириады нападающих, которых становилось все больше и больше, так как все новые тучи целыми лавинами скатывались на дно ущелья. Уже исчез блеск защитной сферы, и только в глухой тишине продолжалась жуткая борьба двух мертвых, но могущественных сил. Вдруг форма тучи изменилась, теперь это было что-то вроде гигантского смерча, который возносился над вершинами самых высоких скал. Зацепившись основанием за невидимого противника, смерч кружился километровым мальстремом, голубовато переливаясь при своем сумасшедшем вращении.

Никто не произнес ни слова; все понимали, что таким образом туча пытается смять силовой пузырь, в котором, словно зернышко в скорлупе, спряталась машина.

Рохан краем глаза заметил, как астрогатор уже открыл рот, чтобы спросить стоящего рядом с ним главного инженера, выдержит ли поле, но не спросил. Не успел.

Черный вихрь, склоны скал — все это исчезло в долю секунды. Казалось, на дне ущелья вспыхнул вулкан. Столб дыма и кипящей лавы, каменных обломков, наконец, — огромное, окруженное вуалью пара облако возносилось все выше. Пар, в который, наверно, превратился журчащий поток, достиг полуторакилометровой высоты, где парил телезонд.

Циклоп привел в действие излучатель антиматерии.

Никто из стоявших в рубке не шевельнулся, не произнес ни слова, но никто не мог сдержать чувства мстительного удовлетворения; оно было неразумно, но это не уменьшало его силы. Казалось, что наконец туча нашла достойного соперника. Всякая связь с циклопом прекратилась с момента атаки, и теперь люди видели лишь то, что через семьдесят километров вибрирующей атмосферы доносили ультракороткие волны телезонда.

О битве, которая разразилась в замкнутом ущелье, узнали и те, кто был вне рубки. Часть команды, которая разбирала алюминиевый барак, бросила работу. Северо-восточный край горизонта посветлел, словно там должно было взойти второе солнце, более яркое, чем то, что висело в небе, потом это сияние погасил столб дыма, расплывающийся тяжелым грибом.

Техники, управлявшие работой телезонда, вынужде-

ны были увести его от огня схватки и поднять на четыре километра — только тогда он вышел из зоны резких воздушных потоков, вызванных взрывом. Скал, окружавших ущелье, косматых склонов, даже черной тучи, которая из них выползла, не было видно. Экраны заполнились кипящими полосами пламени и дыма, перечеркнутыми параболами сверкающих осколков; акустические индикаторы зонда передавали непрекращающийся грохот, словно значительную часть континента охватило землетрясение.

То, что чудовищная битва не кончилась, было удивительно. Через несколько десятков секунд дно ущелья, все, что окружало циклоп, должно было приобрести температуру плавления, скалы оседали, падали, превращались в лаву. Ее багровый светящийся поток уже начал пробивать себе дорогу к выходу из ущелья, находящемуся в нескольких километрах от места схватки. Какое-то мгновение Хорпах раздумывал, не испортились ли электронные выключатели антимата; казалось невозможным, чтобы туча все еще продолжала атаку на такого страшного противника, но изображение, появившееся на экране, когда зонд по новому приказу поднялся еще выше, достигнув границы тропосферы, доказало, что он ошибается. Теперь поле зрения охватывало около сорока квадратных километров. На этой изрытой ущельями территории началось странное движение. Со скоростью, которая из-за отдаленности точки наблюдения казалась небольшой, с покрытых темными потеками склонов скал, из расщелин и пещер выплывали новые и новые черные клубы, поднимались высоко вверх, соединялись и, концентрируясь в полете, стремились к огням схватки. Какое-то время могло казаться, что обрушивающиеся в ее центре темные лавины задавят атомный огонь, задушат его, погасят своей массой, но Хорпах хорошо знал энергетические резервы чудовища, сделанного руками людей.

Сплошной, оглушительный, ни на секунду не умолкающий гром, рвущийся из репродукторов, наполнил рубку. Одновременно три языка пламени километровой высоты навылет пробили массив атакующей тучи и стали медленно вращать ее, образовав что-то вроде огненной мельницы. Циклоп, по неизвестным причинам, начал пятиться задом и, ни на мгновение не прекращая борь-

бы, медленно отступал к выходу из ущелья. Возможно, его электронный мозг считался с опасностью окончательного разрушения склонов, которые могли обрушиться на машину. Она, конечно, выбралась бы и из такого положения, но все же рисковала потерять свободу маневра. Так или иначе, но борющийся циклоп старался выйти на свободное пространство, и уже было непонятно в кипящих водоворотах, где огонь его излучателя, где дым пожара, где обрывки тучи, а где обломки обваливающихся скал.

Казалось, битва приблизилась к кульминации. В следующий момент произошло нечто невероятное. Экран вспыхнул, засверкал страшной ослепляющей белизной, покрылся оспой миллиардов взрывов, и в новом приливе антиматерии оказалось уничтоженным все, что окружало циклопа. Воздух, обломки, пар, газы, дым — все это, превращенное в жесткое излучение, расколов надвое ущелье, обратившись в ничто, сквозь пожар, охвативший растерзанные скалы, замкнувший в объятия аннигиляции тучу, одним зарядом вылетело в пространство, словно извергнутое самой планетой.

«Непобедимый», которого от эпицентра этого чудовищного удара отделяло семьдесят километров, заколебался, транспортеры и энергоботы экспедиции, стоявшие под пандусом, оттащило в сторону, а через несколько минут со стороны гор примчался рычащий вихрь, опалил мгновенным жаром лица людей, ищущих укрытия за машинами, и, подняв стену клубящегося песка, погнал ее дальше, в огромную пустыню.

Какой-то обломок, очевидно, зацепил зонд, несмотря на то, что он находился теперь в тринадцати километрах от центра катаклизма. Связь не прервалась, но качество изображения резко ухудшилось, экран густо покрылся помехами. Прошла минута, и, когда дым немного осел, Рохан, напрягая глаза, увидел следующий этап борьбы.

Борьба не закончилась, как он решил за минуту до этого. Если бы атакующими были живые существа, избиение, которому они подверглись, наверно, заставило бы следующие шеренги повернуть вспять или хотя бы остановиться у ворот огненного ада. Но мертвое боролось с мертвым, атомный огонь не угас. И тогда Рохан в первый раз понял, как должны были выглядеть битвы,

когда-то разворачивавшиеся на пустынной поверхности Регриса III, в которых одни роботы сокрушали и уничтожали других, какими методами отбора пользовалась мертвая эволюция и о чем говорил Лауда, утверждавший, что псевдонасекомые победили, как наиболее приспособленные. Одновременно у него мелькнула мысль, что нечто подобное здесь уже происходило, что мертвая, неуничтожимая, зафиксированная в кристалликах солнечной энергией память биллионной тучи должна содержать сведения о подобных схватках, что именно с такими отшельниками-одиночками, такими бронированными гигантами, с атомными мамонтами из рода роботов должны были сотни веков назад драться эти мертвые капельки, которые казались ничем рядом с пламенем все уничтожающих разрядов, пробивающих скалы навылет. Вот что сделало возможным их существование, стало причиной гибели огромных чудовищ, чьи плиты были распороты, как ржавые лохмотья, разметаны по огромной пустыне вместе с засыпанными песком скелетами электронных, некогда чрезвычайно точных механизмов — какая-то неправдоподобная, не имеющая названия отвага, если можно применить такое слово к кристалликам гигантской тучи. Но какое другое слово он мог здесь применить?.. И невольно он не мог не восхититься ее дальнейшими действиями, вспоминая о гекатомбе, которую только что видел.

Туча продолжала атаку. Теперь над ее поверхностью на всем обозреваемом сверху пространстве слегка выступали отдельные, наиболее высокие пики. Все остальные, вся страна ущелий исчезла под разливом черных волн, мчащихся концентрическими кольцами со всех сторон горизонта, чтобы рухнуть в глубь огненной воронки, центром которой являлся невидимый за огненным трепещущим щитом циклоп. Этот оплаченный, казалось, бессмысленными жертвами напор, не был, однако, лишен некоторых шансов.

Рохан и все люди, теперь уже пассивно наблюдавшие зрелище, которое показывал им экран, отдавали себе в этом отчет. Энергетические возможности циклопа были практически неисчерпаемы, но, по мере того как продолжалась аннигиляция, несмотря на мощные защитные средства, несмотря на антирадиационное покрытие, маленькая часть звездных температур все же воспринима-

лась излучателем, возвращалась к своему источнику и внутри машины должно было становиться все жарче и жарче. Ни один человек уже давно не выдержал бы внутри циклопа. Наверно, его керамитовая броня вишнево светилась, но они под куполом дыма видели только голубой сгусток пульсирующего огня, который медленно полз к выходу из ущелья, так что место первой атаки тучи осталось на расстоянии трех километров на севере, обнажив свою ужасающую, спекшуюся, покрытую слоем шлака и лавы поверхность.

Хорпах приказал выключить репродукторы, до сих пор наполнявшие рубку оглушающим грохотом, и спросил Язона, что произойдет, когда температура внутри циклопа превысит предел устойчивости электронного мозга.

Ученый не колебался ни мгновения:

— Излучатель будет выключен.

— А силовое поле?

— Поле — нет.

Огненная битва перенеслась уже на равнину, к выходу из ущелья. Чернильный океан бурлил, разбухал, кружился и огромными скачками обрушивался в пылающий зев.

— Пожалуй, сейчас... — сказал Кротонос, всматриваясь в онемевшую, клубящуюся на экранах картину.

Прошла еще минута. Вдруг сияние огненной воронки резко ослабло. Туча закрыла ее.

— Шестьдесят километров от нас, — сообщил техник на вопрос Хорпаха.

Астрогатор объявил тревогу. Команда разбежалась по местам. «Непобедимый» втянул пандус, пассажирский подъемник и захлопнул люки.

Экран снова вспыхнул. Огненная воронка появилась опять. На этот раз туча не атаковала. Как только ее обрывки, охваченные пламенем, посветлели, остальная часть начала отступать к ущельям, вползая в их залитый тенью лабиринт, и перед глазами людей предстал внешне совершенно целый циклоп. Он все еще пятился задом, очень медленно, продолжая жечь все, что было вокруг — камни, песок, барханы.

— Почему он не выключает излучатель? — воскликнул кто-то.

Словно услышав эти слова, машина прекратила унич-

тожающий огонь, развернулась и, набирая скорость, помчалась в пустыню. Телезонд сопровождал ее на высоте. Вдруг люди увидели нитку огня, с огромной скоростью летящую в их лица, и, еще не поняв, что циклоп выстрелил в зонд и что они видят полосу аннигилировавших на трассе выстрела частичек воздуха, инстинктивно отшатнулись, как бы испугавшись, что разряд вылетит из экрана и взорвется внутри рубки. Сразу же после этого изображение исчезло и экран опустел.

— Сбил зонд!!! — крикнул техник. — Командир...

Хорпах приказал запустить другой зонд. Циклоп был уже так близко от «Непобедимого», что они увидели его, едва зонд набрал высоту. Новая ниточка огня, и зонд уничтожен. Прежде чем изображение исчезло, они успели заметить собственный корабль; циклоп отделяло от него не больше десяти километров.

— С ума он сошел, что ли?.. — возбужденно сказал второй техник.

Эти слова как будто освободили мысли Рохана. Он взглянул на командира и понял, — тот думает то же самое, что и он. У него было такое впечатление, будто его тело, все члены, голову наливал свинцом бессмысленный вязкий сон. Но приказы были отданы: командир распорядился запустить один за другим еще два зонда. Циклоп уничтожил их по очереди, как призовой стрелок, развлекающийся стрельбой по движущейся цели.

— Понадобится вся мощность, — сказал Хорпах, не поворачивая головы от экрана.

Главный инженер, как пианист, берущий аккорд, ударил обеими руками по клавишам пульта.

— Стартовая мощность через шесть минут, — доложил он.

— Понадобится вся мощность, — повторил Хорпах тем же тоном; в рубке стало тихо так, что слышно было пощелкивание реле за эмалированными стенками приборов.

— Корпус реактора слишком холодный, — начал главный инженер, и лишь тогда Хорпах повернулся к нему лицом и в третий раз, все так же, не повышая голоса, сказал:

— Понадобится ВСЯ мощность.

Инженер молча протянул руку к главному выключателю. В глубине корабля раздался короткий рев сигна-

ла тревоги, и как далекая дробь барабана ответил ему топот бегущих на боевые посты людей. Хорпах снова смотрел на экран. Никто ничего не говорил, но теперь все поняли, что невозможное случилось, — астрогатор готовился к бою с их собственным циклопом. Стрелки приборов, поблескивая, стояли, как солдаты в шеренге. В окошках индикатора накопленной мощности выскакивали пятизначные, а потом шестизначные числа. Где-то искрил контакт, — в рубке запахло озоном. В задней части рубки техники, переговариваясь знаками, включали системы контроля.

Очередной зонд перед гибелью показал удлиненный лоб циклопа, переползающего через гряду скал; экран снова опустел, ослепляя серебряной белизной. Машина вот-вот должна была появиться в зоне непосредственной видимости; боцман радаристов ждал у прибора, выдвигавшего наружную носовую телекамеру над верхушкой корабля, благодаря чему можно было увеличить поле зрения. Техник связи запустил следующий зонд. Циклоп как будто не шел прямо к «Непобедимому», который, сжавшись, ожидал в полной боевой готовности за щитом силового поля. Из носовой части корабля равномерно вылетали телезонды.

Рохан знал, что «Непобедимый» может отразить заряд антивещества, но ударную энергию нужно было поглотить, растратив собственную энергию. Самым разумным в этой ситуации ему казалось отступление, то есть старт на стационарную орбиту. Он ожидал такого приказа, но Хорпах молчал, как будто рассчитывал на пробуждение электронного мозга циклопа. В самом деле, наблюдая из-под тяжелых век за движением темного силуэта, который бесшумно несся среди барханов, он спросил:

— Вызываете его?

— Так точно. Нет связи.

— Отдайте приказ: «Немедленно стоп».

Техники суетились около пультов. Два, три, четыре раза пробежали искорки огоньков под их руками.

— Он не отвечает, командир.

«Почему он не стартует? — не мог понять Рохан. — Не хочет признать поражения? Хорпах?! Что за чушь! Шевельнулся... Сейчас, сейчас отдаст приказ».

Но астрогатор только отступил на шаг.

— Кротонос!

Кибернетик подошел к нему:

— Я здесь.

— Что они могли с ним сделать?

Рохана поразила эта фраза. Хорпах сказал «они», как будто и вправду имел дело с мыслящим противником.

— Автономные контура на криотронах, — начал Кротонос, и чувствовалось, что его слова будут только предположением. — Температура возросла, они утратили сверхпроводимость...

— Вы знаете, доктор, или пытаетесь угадать? — спросил астрогатор.

Это был странный разговор, все смотрели на экран, на котором, теперь уже без помощи зонда, был виден циклоп, двигающийся плавно, но не совсем уверенно. Он то и дело менял курс, как будто еще не решил, куда именно ему идти. Несколько раз подряд выстрелил в ненужный уже зонд, прежде чем сбил. Они видели, как зонд падал, похожий на яркую ракету.

— Единственное, что мне приходит в голову, это резонанс, — сказал после секундного колебания кибернетик. — Если их поле перекрылось частотой самовозбуждения мозга...

— А силовое поле?

— Силовое поле не экранирует магнитного.

— Жаль, — сухо заметил астрогатор.

Напряжение понемногу слабело, так как циклоп явно направлялся не к звездолету. Расстояние до него снова начало возрастать. Вырвавшись из-под власти человека, машина ушла в простор северной пустыни.

— Главный инженер займет мое место, — сказал Хорпах. — Остальных прошу вниз.

ДЛИННАЯ НОЧЬ

Рохана разбудил холод. Полусонный, он скорчился под одеялом, втискивая лицо в подушку. Попробовал закрыть лицо руками, но становилось все холоднее. Он знал, что должен проснуться, но почему-то оттягивал эту минуту. Ледяная струя ударила прямо в лицо. Он вскочил и, тихо ругаясь, наощупь нашел климатизатор. Когда

Рохан ложился, ему было так душно, что он передвинул регулятор на полное охлаждение.

Воздух маленькой каюты медленно теплел, но Рохан, полулежавший под одеялом, уже не мог заснуть. Он взглянул на светящийся циферблат наручных часов — три часа по бортовому времени. «Снова только три часа сна», — подумал он сердито. Ему все еще было холодно. Совещание длилось долго, разошлись около полуночи. «Столько разговоров впустую», — подумал он. Теперь, в этой темноте, он отдал бы все, чтобы снова очутиться на Базе, чтобы ничего не знать об этом проклятом Регисе III, о его мертвом и по-мертвому задуманном кошмаре. Большинство стратегов советовало выйти на орбиту, правда, главный физик с самого начала склонился к мнению Хорпаха, что нужно оставаться как можно дольше. Шансов найти четверых беглецов было ничтожно мало. Может быть, один на сто тысяч, а может, и меньше. Лишь значительное отдаление от места схватки могло спасти их от атомного ада, если они не погибли еще раньше. Рохан дорого бы дал за уверенность, что астрогатор не стартовал только из-за них, что здесь не сыграли своей роли другие причины. Одно дело, как они всё видели здесь, а другое дело, как бы все это представилось, спрятанное в сухие строчки рапорта, в спокойном свете Базы, где нужно будет сказать, что утрачена половина основных машин, главное оружие — циклоп с излучателем антиматерии, представляющий дополнительную опасность для каждого корабля, севшего на планету, что убитыми потеряно шесть человек, а половина людей в лазарете, что эти люди на годы, а может и навсегда, выведены из строя. И что, потеряв людей, машины и лучшее снаряжение, пришлось бежать — а чем же иным было бы теперь возвращение, как не обычным бегством — от микроскопических кристалликов, мертвого наследства лирянской цивилизации, которую так давно обогнала земная! Но разве Хорпах стал бы принимать это во внимание? Может быть, он сам хорошо не знал, почему не стартует? Может, рассчитывал на что-нибудь? Но на что?

Правда, биологи предложили победить «насекомых» их собственным оружием. Поскольку этот вид эволюционировал, рассуждали они, можно взять в руки его дальнейшую эволюцию. Необходимо прежде всего подверг-

нуть значительное количество захваченных экземпляров мутациям, наследственным изменениям определенного типа. В процессе размножения они перейдут в последующие поколения и сделают безопасной всю эту кристаллическую расу. Это изменение должно быть очень частным, таким, которое даст немедленный результат и одновременно создаст в новом виде ахиллесову пяту, слабое место, куда можно будет ударить. Но все это было типичной болтовней теоретиков, они не имели понятия, какая это должна быть мутация, какое изменение, как его осуществить, как захватить большое количество этих проклятых кристалликов, не вступая с ними в очередную битву, в которой можно было потерпеть поражение более тяжелое, чем вчерашнее. А если бы даже все удалось, как долго бы пришлось ждать эффекта? Во всяком случае, не день и не неделю. Так что же, крутиться вокруг Регеса, как на карусели, год, два, а то и все десять лет?! Все это не имело никакого смысла.

Рохан чувствовал, что перехватил с климатизатором, снова стало слишком жарко. Он встал, отбросил одеяло, умылся, быстро оделся и вышел. Лифта не было. Он вызвал его и в полумраке, освещенном прыгающими огоньками информатора, ожидал, стоя с опущенной головой, ощущая в ней всю тяжесть недоспанных ночей и полных напряжения дней, и сквозь шум крови в висках вслушивался в ночную тишину корабля. Время от времени что-то бормотало в невидимых трубах, из нижних отсеков доносилось приглушенное ворчание работающих вхолостую двигателей, корабль все еще был в полной стартовой готовности. Из вертикальных колодцев по обеим сторонам платформы, на которой он стоял, тянуло сухим воздухом с металлическим привкусом. Двери разошлись, он ступил в лифт. В восьмом отсеке он вышел. Коридор, освещенный линией голубых ламп, поворачивал, повторяя изгиб корпуса. Рохан шел, сам не зная куда, инстинктивно поднимал повыше ноги в нужных местах, перешагивал высокие пороги герметических переборок, пока не заметил тени людей из команды главного реактора. В помещении было темно, только сверкали на щите лампочки индикаторов. Люди сидели под ними на разложенных креслах.

— Погибли, — сказал кто-то.

Рохан не узнал этого человека.

— Могу поспорить: в радиусе пяти миль была тысяча рентген. Их уже нет. Можешь быть спокоен.

— Так зачем же мы здесь сидим? — пробурчал другой.

Не по голосу, а по месту, которое занимал говоривший — на гравиметрическом контроле, — Рохан сориентировался, что это боцман Бланк.

— Старик не хочет возвращаться.

— А ты бы вернулся?

— А что еще можно сделать?

Тут было тепло, и в воздухе витал тот особенный аромат, искусственный аромат хвои, которым климатизаторы старались подавить запах от пластиков, разогревавшихся во время работы реактора. В результате возникла смесь, не имевшая аналогий вне пределов восьмого отсека. Рохан стоял, невидимый, прислонившись спиной к переборке. Он не прятался, просто ему не хотелось вмешиваться в разговор.

— Он может сейчас подобраться...—заговорил кто-то после короткого молчания.

Лицо говорившего появилось на минуту, когда он наклонился вперед, — полурозовое, полужелтое от света контрольных лампочек, которыми щит реактора, казалось, смотрел на собравшихся под ним людей. Рохан, как и все остальные, сразу же понял, о ком идет речь.

— У нас есть поле и радар, — неохотно ответил боцман.

— Много тебе даст поле, если он подойдет на биллиэрг поражения.

— Радар его не подпустит.

— Кому ты это говоришь? Я-то его знаю, как собственный нож.

— Ну и что?

— То, что у него есть антирад. Системы помех...

— Но ведь он расстроен. Электронный псих...

— Ничего себе псих. Ты был в рубке?

— Нет. Я сидел здесь.

— То-то. А я был. Жаль, ты не видел, как он сшибал наши зонды.

— Значит что же? Они его перестроили? Он уже под их контролем?

«Все говорят «они», — подумал Рохан. — Как будто это живые разумные существа...»

— А протон его знает. Кажется, нарушилась только связь.

— Так чего ему по нам бить?

Снова стало тихо.

— Неизвестно, где он? — спросил тот, который не был в рубке.

— Нет. Последнее сообщение было в одиннадцать. Кралик мне говорил. Видели, как он крутился по пустыне.

— Далеко?

— А что, боишься? Километров полтораста отсюда. Для него это час ходу. А то и меньше.

— Может, хватит этого переливания из пустого в порожнее? — сердито вмешался боцман Бланк, чей резкий профиль показался на фоне разноцветных огоньков.

Все замолчали. Рохан медленно повернулся и удалился так же тихо, как и пришел. По дороге он миновал две лаборатории. В большой было темно, из маленькой, сквозь иллюминатор, находившийся под потолком, в коридор падал свет. Рохан заглянул внутрь. У овального стола сидели только кибернетики и физики — Язон, Кротонос, Сарнер, Ливин, Заурахан. Еще кто-то, повернувшись к остальным спиной, в тени наклонной переборки программировал большой электронный мозг.

— ...есть два эскалационных решения, одно — аннигиляция, другое — самоуничтожение, остальные — планетного масштаба, — говорил Заурахан.

Рохан не переступил порога. Он снова стоял и подслушивал.

— Первое основано на возможности образования лавинного процесса. Нужен антимат, который войдет в ущелье и останется там.

— Один уже был... — сказал кто-то.

— Если у него не будет электронного мозга, он сможет работать даже когда температура превысит миллион градусов. Нужен плазменный излучатель, плазма не боится даже звездных температур. Туча будет действовать так же, как раньше, — постарается его уничтожить, войти в резонанс с управляющими контурами, но их не будет. Не будет ничего, кроме субъядерной реакции. Чем больше материи примет участия в реакции, тем более бурной она будет. Таким способом можно стянуть в одно место и аннигилировать всю некросферу планеты...

«Некросфера... — подумал Рохан. — Да ведь кристаллики мертвые... Ученые... Всегда выдумают какое-нибудь красивое новое название».

— Мне больше нравится вариант с самоуничтожением, — сказал Язон. — Но как вы себе это представляете?

— Ну, идея основана на том, чтобы сначала вызвать образование двух больших «тучемозгов», а потом столкнуть их. Нужно заставить тучи отнестись друг к другу, как к конкуренту в борьбе за существование...

— Это я знаю, но как вы хотите это сделать?

— Нелегко, конечно, но возможно, поскольку туча только псевдомозг, а значит неспособна рассуждать...

— Надежнее планетный вариант, с понижением среднего годового облучения... — заговорил Сарнер. — Достаточно четырех водородных зарядов по пятьдесят — сто мегатонн на каждое полушарие, всего максимум восемьсот... Воды океана испарятся, увеличится облачный покров, альбедо возрастет и оседлый симбионт не сможет доставлять нужного для размножения количества энергии...

— Расчеты базируются на непроверенных данных, — запротестовал Язон.

Видя, что начинается спор специалистов, Рохан отступил от двери и пошел дальше. Он возвращался к себе не на лифте, а по крутой стальной лесенке, которой обычно никто не пользовался. Он прошел несколько отсеков. Видел, как в ремонтном цехе люди Девре возились со сварочными аппаратами около больших, неподвижно чернеющих арктанов. Издалека заметил овальные иллюминаторы госпиталя, в которых горел фиолетовый притемненный свет. Какой-то врач в белом халате бесшумно прошел по коридору, за ним автомат нес набор поблескивающих инструментов. Рохан миновал пустую и темную кают-компанию, клуб, библиотеку, наконец очутился в своем отсеке, прошел кабину астрогатора и задержался, словно желая что-то подслушать, но из-за гладкой двери не вырвалось ни звука, ни луча света, а крышки иллюминаторов были плотно затянуты болтами с медными головками.

Только в каюте Рохан снова почувствовал усталость. Он весь обмяк, тяжело сел на койку, сбросил ботинки и, закинув руки за голову, улегся, глядя в слабо осве-

щенный ночником низкий потолок с делящей его пополам трещинкой на голубом лаке. Он бродил по кораблю не из чувства долга, не из любопытства к разговорам и жизни других людей. Он просто боялся таких ночных часов, потому что видел картины, которые не хотел вспоминать. Самым тяжелым было воспоминание о человеке, которого он убил, для того чтобы тот не убивал других. Рохан должен был так поступить, но от этого не становилось легче. Он знал, что, если сейчас погасить свет, он снова увидит эту сцену, как тот, со слабой бессмысленной улыбкой идет за прыгающим в его руках стволом вейра, как перешагивает через лежащее на камнях тело без руки (этим мертвецом был Ярг, вернувшийся, чтобы после чудесного спасения так глупо погибнуть), как человек выронил вейр и упал лицом вниз... Рохан напрасно пытался прогнать эту картину, чувствовал острый запах озона, горячий удар рукоятки, сжатой его потной рукой, слышал стоны людей, которых, задыхаясь, стаскивал в одно место, чтобы связать, как снопы, и каждый раз близкое, знакомое, как будто вдруг ослепшее лицо пораженного потрясало его своим выражением отчаянной беспомощности.

Что-то стукнуло, упала книжка, которую Рохан начал читать еще на Базе, он заложил тогда страницу белым листом, но с тех пор не прочитал ни одной строчки. Он лег поудобнее. Подумал о стратегах, обдумывающих сейчас планы уничтожения туч, и его губы искривила пренебрежительная усмешка. «Это бессмысленно, всё вместе... — думал он. — Хотят уничтожить... Мы тоже, мы все хотим уничтожить, но никого этим не спасем. Регис безлюден, человеку нечего здесь искать. Откуда же это упорство? Ведь точно так же людей могла бы убить буря или землетрясение. Ничье сознательное намерение, ничья враждебная мысль не стояла на нашем пути. Мертвый процесс самоорганизации... Стоит ли расточать все силы и энергию, чтобы его уничтожить, только потому, что мы сразу же приняли его за подстерегающего нас врага, который сначала из-за угла напал на «Кондор», а потом на нас? Сколько таких зловещих, чуждых человеческому пониманию явлений может таить в себе космос? И мы должны везде побывать с уничтожающей мощью на борту кораблей, чтобы разбить все, что несовместимо с нашим разумом? Как они это назва-

ли? Некросфера. Значит, некроэволюция, эволюция мертвой материи. Может быть, лирянам и было до нее дело, Регис III был в их сфере. Может, хотели его колонизировать, когда их астрофизики предсказали превращение их солнца в Новую... Возможно, это была для них последняя надежда. Если бы мы оказались в таком положении, мы бы, конечно, боролись, разметали бы этот черный кристаллический помет, но сейчас?.. На расстоянии парсека от Базы, в свою очередь отдаленной от Земли на столько световых лет... во имя чего мы здесь торчим, теряя людей, для чего ночами стратеги ищут наилучший метод аннигиляции, ведь о мести не может быть и речи...»

Если бы сейчас Хорпах появился перед ним, он бы сказал ему все.

«Каким смешным и одновременно ненормальным выглядит это «покорение любой ценой», это «героическое упорство человека», это желание отплатить за смерть товарищей, которые погибли, потому что их послали на смерть... Мы были просто неосторожны, слишком понадеялись на наши излучатели и индикаторы, наделали ошибок и теперь расплачиваемся. Мы, только мы виноваты».

Он размышлял так, лежа с закрытыми глазами, которые горели, словно под веками было полно песка. Человек, он понимал это сейчас, еще не поднялся на нужную высоту, еще не заслужил прекрасного звания галактоцентрической фигуры, прославляемой издавна. Дело не в том, чтобы искать только себе подобных и только таких понимать: нужно еще уметь не лезть не в свои нечеловеческие дела. Захватить пустоту, конечно... А почему бы нет... Но не нападать на то, что существует, что за миллионы лет создало свое собственное, никому и ничему, кроме законов природы, не подчиняющееся равновесие существования, деятельного, активного существования, которое ничем не лучше и не хуже существования белковых соединений, называемых животными или людьми.

Именно такого Рохана, переполненного благородным галактоцентрическим всепониманием любой существующей формы, словно игла, прокалывающая нервы, пронзил повторяющийся, высокий крик сигнала тревоги.

Все его рассуждения исчезли, сметенные назойливым

воем, заполнившим отсеки. В следующий момент он выскочил в коридор и побежал вместе с другими, в тяжелом ритме усталых шагов, в теплом людском дыхании, и прежде чем добежал до лифта, почувствовал не каким-то отдельным органом чувств и даже не всем своим существом, а как бы восемнадцатитысячетонным корпусом корабля, молекулой которого стал, — толчок, правда показавшийся очень далеким и слабым, но встряхнувший тело крейсера от кормовых опор до носовых отсеков, удар ни с чем не сравнимой силы, который — он и это почувствовал — приняло и отразило нечто еще большее, чем «Непобедимый».

— Это он! Это он! — услышал Рохан крики.

Люди исчезали в лифтах, двери с шипением закрывались, кто-то грохотал по крутым лесенкам, не в силах дождаться своей очереди, но сквозь мешанину голосов, призывов, свист боцманов, непрекращающийся крик сирен и топот, из верхнего отсека пробился второй, беззвучный и от этого еще более тяжелый толчок следующего удара. Коридорные лампы мигнули. Рохан никогда не думал, что лифт может двигаться так медленно. Он стоял, не замечая, что продолжает изо всех сил втискивать палец в кнопку, а рядом с ним был только один человек, кибернетик Ливин.

Лифт остановился, и, выскакивая из него, Рохан услышал самый тонкий, какой только можно представить, свист, верхние тона которого, он был в этом уверен, уже не могло воспринять человеческое ухо. Словно стонали сразу все титановые соединения крейсера. Рохан влетел в рубку, понимая, что «Непобедимый» ответил ударом на удар.

Но это был уже конец схватки. У экрана, большой и черный на его пылающем фоне, стоял астрогатор. Верхний свет не горел, а сквозь полосы, пересекающие экран и размазывающие изображение, маячил зацепившийся основанием за грунт, гигантский, распухший, разбрасывающий во все стороны шишковатые клубы, внешне совершенно неподвижный гриб взрыва, разметавший на атомы и уничтоживший циклопа, и в воздухе как будто еще висела странная прозрачная дрожь, сквозь которую доносился монотонный голос техника:

— Двадцать шестьсот в пункте ноль. Девять восемь-

сот по периметру... Один четыреста двадцать два в поле...

«Тысяча четыреста двадцать два рентгена в поле, значит излучение пробило силовой барьер», — понял Рохан. Он не знал, что такое возможно. Но когда взглянул на шкалу мощности, понял, какой заряд использовал астрогатор. Этой энергии хватило бы, чтобы хорошенько вскипятить внутриконтинентальное море средней величины. Что ж, Хорпах предпочитал не рисковать повторными выстрелами. Может, он немного перехватил, но теперь они снова имели только одного противника.

На экранах тем временем разворачивалось невиданное зрелище: похожая на цветную капусту верхушка гриба пылала всеми цветами радуги, от нежно-серебристой зелени до глубокого пурпура. Пустыни — Рохан заметил это только сейчас — вообще не было видно, как плотный туман, ее покрыл выброшенный на десятки метров вверх песок, который висел в воздухе, волнуясь, словно превратился в настоящее море. А техник все еще докладывал отсчеты по шкале:

— Девятнадцать тысяч в пункте ноль... Восемь шестьсот по периметру... один сто два в поле...

Победа, одержанная над циклопом, была принята в глухом молчании — не много чести разбить собственное, да еще самое сильное оружие. Люди начали расходиться, а гриб все еще рос в стратосферу и вдруг вспыхнул у вершины другой гаммой красок, зажженных на этот раз лучами солнца, еще не поднявшегося над горизонтом. Он уже пробил верхние слои холодных облаков и стоял высоко над ними, лилово-золотой, янтарный и платиновый. Отблески с экранов волнами окатывали рубку. Она все время менялась, как будто на белые эмалированные пульты кто-то вываливал охапки земных цветов.

Рохан еще раз удивился, увидев, как одет Хорпах. Астрогатор был в мундире — в том белоснежном парадном мундире, который Рохан последний раз видел на нем во время торжественных проводов на Базе. Наверное, он схватил первое, что попалось под руку. Астрогатор стоял, держа руки в карманах, его седые волосы взъерошились у висков. Он оглядел присутствующих.

— Рохан, — сказал он неожиданно мягким голосом, — зайдите ко мне.

Рохан инстинктивно выпрямился. Тогда астрогатор повернулся и пошел к дверям. Так они и шли, один за другим, по коридору, а сквозь вентиляционные шахты, в шуме нагнетаемого воздуха из нижних отсеков доносился глухой и гневный гул.

РАЗГОВОР

Рохан вошел в каюту астрогатора, не удивленный его приглашением. Правда, он бывал здесь редко, но после своего возвращения в кратер он был вызван на «Непобедимый», и Хорпах разговаривал с ним у себя. Обычно такое приглашение не предвещало ничего хорошего. Правда, тогда Рохан был слишком потрясен катастрофой в ущелье, чтобы бояться гнева астрогатора. Впрочем, тот не упрекнул его ни словом, только очень внимательно расспрашивал обо всех подробностях атаки тучи. В разговоре принимал участие доктор Сакс, который высказал предположение, что Рохан уцелел, так как был в состоянии ступора, столбняка, при котором угнетается электрическая деятельность мозга, и туча приняла его за уже обезвреженного, за одного из пораженных. Что касается Ярга, то нейрофизиолог объяснил спасение водителя случайностью: убегая, он оказался вне зоны атаки. У Тернера же, который почти до конца пытался защитить себя и других, стреляя из лазеров, мозг работал нормально и привлек к себе внимание тучи. Туча была совершенно слепа, в человеческом понимании, и человек представлял для нее только некоторый подвижной объект, проявляющий свое присутствие электрическими потенциалами коры головного мозга. Они даже обсудили с Хорпахом и врачом возможность защиты людей приведением их в состояние «искусственного столбняка» с помощью соответствующего химического препарата. Но Сакс сказал, что такое средство действовало бы слишком поздно, если бы возникла необходимость в «электрическом камуфляже», а высылать людей на операцию в состоянии ступора невозможно. В конце концов разговор не принес тогда конкретных результатов. Рохан решил, что командир, возможно, хочет вернуться к тому же вопросу.

Рохан остановился посреди каюты, раза в два большей, чем его собственная. В одну из стен был встроен

пульт непосредственной связи с рубкой и несколько микрофонов, но, кроме этого, ничто не говорило о том, что здесь годами жил командир корабля. Хорпах сбросил мундир и остался в брюках и рубашке-сетке. Сквозь ее ячейки пробивались густые седые волосы его широкой груди. Он уселся немного боком к Рохану, опершись тяжелыми руками о столик, на котором не было ничего, кроме книжки в потертом кожаном переплете. Подняв глаза с этой незнакомой ему книги на командира, Рохан увидел его словно впервые. Это был смертельно уставший человек, который даже не пытался скрыть, как дрожит его рука, поднятая ко лбу. В этот момент Рохан, словно озаренный, понял, что вообще не знает Хорпаха, под началом которого служил четвертый год. Ему никогда не приходило в голову удивиться тому, что в каюте астрогатора нет ничего личного, ни одной из тех мелочей, иногда смешных, иногда наивных, которые люди берут с собой в пространство, как память о детстве или доме. В этот момент ему показалось, что он понял, почему Хорпах не имел ничего, почему на стенах отсутствовали какие-нибудь старые фотографии с лицами близких, оставшихся на Земле. Просто астрогатор не нуждался в подобных вещах, он весь был здесь, и Земля не была ему домом. Но, может быть, сейчас, впервые в жизни, он пожалел об этом? Его тяжелые плечи, руки и шея не поддавались старости. Старой была только кожа на руках, толстая, неохотно складывающаяся в морщины на косточках пальцев. Кожа белела, когда он распрямлял пальцы и смотрел на их легкую дрожь с безразличным и усталым интересом, словно отмечая что-то до сих пор ему чуждое. Рохану не хотелось смотреть на это. Но командир, слегка наклонив голову, взглянул ему в глаза и с какой-то почти застенчивой улыбкой буркнул:

— Я немного пересолил, а?

Рохана ошеломили не столько эти слова, сколько их тон и все поведение астрогатора. Он не ответил. Стоял молча, а командир, потирая широкой ладонью волосатую грудь, добавил:

— А может, это и лучше.

И через несколько секунд с необычной для него откровенностью сказал:

— Я просто не знал, что делать...

Это потрясло Рохана. Он как будто и знал, что вот уже несколько дней астрогатор так же беспомощен, как все они, но сейчас понял, что не чувствовал этого по-настоящему, верил в глубине души, что астрогатор видит на несколько ходов дальше, чем любой другой человек, что так должно быть. И вот внезапно ему открылся весь командир, как бы в двух планах одновременно. Он видел полуобнаженный торс Хорпаха, его усталое тело, дрожащие руки, — существование всего этого прежде не доходило до его сознания, и одновременно услышал слова, подтверждающие правдивость этого открытия.

— Садись, мальчик, — сказал командир.

Рохан послушно сел. Хорпах поднялся, подошел к умывальнику, плеснул водой на лицо и шею, быстро вытерся, резко накинул куртку, застегнул ее и уселся напротив Рохана. Глядя ему в глаза своими светлыми, немного слезящимися, словно от сильного ветра, глазами, астрогатор нехотя спросил:

— Как там, с твоим... иммунитетом? Тебя исследовали?

«Значит то, только то», — мелькнуло в голове у Рохана. Он откашлялся.

— Да, врачи исследовали меня, но ничего не нашли. Кажется, Сакс был прав со своим ступором.

— Так, так. Больше ничего не говорили?

— Мне нет. Но я слышал, они обсуждали, почему туча нападает на человека только один раз, а потом предоставляет его своей судьбе.

— Это интересно. И что же?

— Лауда считает, что туча отличает нормальных людей от пораженных благодаря разнице в электрической активности мозга. У пораженного активность такая же, как у новорожденного. Во всяком случае, очень похожа. Кажется, в том столбняке, в который я впал, картина та же. Сакс предполагает, что можно сделать тонкую металлическую сеточку, которая, если надеть ее на голову, будет излучать слабые импульсы того же типа, что и мозг пораженного. Что-то вроде «шапки-невидимки». Возможно, таким образом удалось бы спрятаться от тучи. Но это только предположение. Неизвестно, получится ли... Они хотят провести пару экспериментов. Но у них слишком мало кристалликов, а

тех, которые должен был собрать циклоп, мы не получили...

— Ну, ладно, — вздохнул астрогатор. — Я не об этом хотел с тобой говорить... То, о чем мы будем говорить, останется между нами. Да?

— Да... — не сразу ответил Рохан, и напряжение вернулось.

Астрогатор теперь не смотрел на него, как будто ему трудно было начать.

— Я еще не принял решения, — вдруг сказал он. — Кто-нибудь другой на моем месте бросил бы монету. Возвращаться—не возвращаться... Но я не хочу. Я знаю, как часто ты не соглашаешься со мной...

Рохан открыл рот, но командир остановил его легким движением руки:

— Нет, нет... Так вот, ты получишь шанс, я даю его тебе. Ты решишь. Я сделаю то, что ты скажешь.

Он взглянул на Рохана и тотчас же спрятал свои глаза под тяжелыми веками.

— Как это... я? — выдавил Рохан. Он ожидал чего угодно, только не этого.

— Да, именно ты. Разумеется, мы договорились, это останется между нами. Ты примешь решение, а я, я его осуществлю. Я буду отвечать за него перед Базой. Удобные условия, не правда ли?

— Вы это... серьезно? — спросил Рохан, только бы оттянуть время, — он уже понимал, что это серьезно.

— Да. Если бы я тебя не знал, то дал бы тебе поразмыслить. Но я знаю, что ты ходишь и думаешь свое и уже давно принял решение, но, возможно, так бы его из себя и не вытянул. Поэтому скажи мне здесь, сейчас. Это приказ. На это время ты становишься командиром «Непобедимого»... Не хочешь сразу? Хорошо. Даю тебе минуту.

Хорпах встал, подошел к умывальнику, потер ладонью щеки, так что заскрипела седая щетина, и, словно ничего не происходило, взял электробритву и начал бриться. Он смотрел в зеркало.

Рохан видел его и одновременно не видел. Первым его чувством был гнев, гнев на Хорпаха, который так беспощадно с ним поступил, давая ему право, а вернее обязанность, решения, связывая его словом и одновременно принимая на себя всю ответственность. Рохан

знал астрогатора настолько, чтобы понимать, что он все обдумал и теперь не отступится от своего.

Секунды бежали, и нужно было говорить. Через мгновение... Сейчас. А он ничего не знал. Все аргументы, которые он так охотно бросил бы астрогатору в лицо, которые как железные кирпичи укладывал во время ночных размышлений, исчезли. Четыре человека умерли — почти наверняка. Если бы не это «почти», не нужно было бы ничего взвешивать, выворачивать наизнанку, они просто бы улетели на рассвете. Но теперь это «почти» начало в нем разрастаться. Раньше он считал, что нужно немедленно стартовать. Сейчас он чувствовал, что такой приказ застрянет у него в горле. Знал, что это был бы не конец дела Регис, а его начало. Это не имело ничего общего с ответственностью перед Базой. Те четверо остались бы на планете, уже никогда не было бы как раньше. Команда хотела возвращаться. Но он припомнил свою ночную прогулку и понял, что через некоторое время люди начали бы об этом думать, потом говорить. Они говорили бы друг другу: «Видите?! Он бросил четырех человек и стартовал». И, кроме этого, не учитывали бы ничего. Каждый человек должен был знать, что другие его не оставят ни при каких обстоятельствах. Что можно проиграть все, но команда должна быть на борту — живые и мертвые. Этого правила не было в инструкции. Но если бы так не поступали, никто бы не мог летать.

— Слушаю, — сказал Хорпах. Он отложил бритву и сел напротив помощника.

Рохан облизал губы:

— Нужно попробовать...

— Что?

— Найти их...

Вот и случилось. Он знал, что астрогатор не будет противиться. Сейчас он был совершенно уверен, что Хорпах именно на это и рассчитывал, что сделал это намеренно. Зачем? Чтобы, идя на риск, не быть одиноким?

— Тех. Понимаю. Хорошо.

— Но нужен план. Какой-то разумный способ...

— Разумными мы были до сих пор, — сказал Хорпах. — Результаты тебе известны.

— Могу я кое-что сказать?

— Слушаю.

— Я был сегодня ночью на совещании стратегов. То есть слышал... Впрочем, я не об этом. Они разрабатывают различные способы уничтожения тучи, но задача ведь не в том, чтобы ее уничтожить, нужно только найти тех четверых. Ведь если мы предпримем какое-то новое избиение тучи, то те из них, кто еще жив, из второго такого ада наверняка не выберутся. Никто. Это невозможно...

— Я тоже так думаю, — медленно ответил астрогатор.

— Вы тоже?! Это хорошо... Значит?

Хорпах молчал.

— Они... Они нашли какой-нибудь выход?

— Они?.. Нет.

Рохан хотел еще о чем-то спросить, но не решился. Слова замерли у него на губах. Хорпах смотрел на него, словно чего-то ждал. Но Рохан ничего не знал. Не думает же командир, что он сам, в одиночку, сумел придумать что-то лучшее, чем все ученые, чем кибернетики и стратеги вместе с их «электронными мозгами». Какая ерунда. А Хорпах терпеливо смотрел на него. Они молчали. Капли воды мерно падали из крана, необычайно громкие в полной тишине. И из этого молчания возникло то, что холодом сжало щеки Рохана. Уже все лицо. Кожа от шеи начала съеживаться, она становилась как бы тесной, когда он смотрел в слезящиеся, невыразимо старые сейчас глаза Хорпаха. Он уже ничего не видел, кроме этих глаз. Он уже знал.

Он медленно кивнул головой. Как будто сказал «да». «Ты понимаешь?» — спрашивали глаза астрогатора. «Понимаю», — ответил взглядом Рохан. Но по мере того как понимание становилось в нем все отчетливее, он чувствовал, что это невозможно. Что этого никто не имеет права требовать от него, даже он сам. И он продолжал молчать. Молчал, но теперь уже притворяясь, что ни о чем не догадывается, ничего не знает. Цеплялся за наивную надежду, что, раз ничего не сказано, от того, что перешло из глаз в глаза, можно отказаться. Можно солгать, что это недогадливость. Он понимал, чувствовал, — Хорпах сам этого никогда ему не скажет. Но астрогатор видел это, видел все. Они сидели неподвижно. Взгляд Хорпаха смягчился. Он уже выражал

не ожидание, не безоговорочную настойчивость, а только сочувствие. Он словно говорил: «Понимаю. Хорошо. Пусть будет так». Командир опустил веки. Еще мгновение, и это невысказанное исчезло бы, и они оба могли бы вести себя так, как будто вообще ничего не случилось. Но этот отведенный взгляд пересилил, Рохан услышал собственный голос:

— Я пойду.

Хорпах тяжело вздохнул, но Рохан, охваченный паникой, которую возбудила в нем произнесенное им самим слово, не заметил этого.

— Нет, — сказал Хорпах. — Так не пойдешь...

Рохан молчал.

— Я не мог тебе этого сказать... — продолжал астрогатор. — Не даже искать добровольца. Не имею права. Но ты сейчас сам понимаешь, что мы не можем так улететь. Только один, одинокий человек может туда войти... И выйти. Без шлема, без машин, без оружия.

Рохан почти не слышал его.

— Сейчас я объясню тебе свой план. Обдумай его. Можешь от него отказаться, все это по-прежнему остается между нами. Я представляю себе это так. Кислородный прибор из силикона. Никакого металла. Я пошлю туда два вездехода, автоматических. Они стянут на себя тучу, которая их уничтожит. В это время пойдет третий вездеход. С человеком. Это самый рискованный момент, нужно подъехать как можно ближе, чтобы не терять времени на переход через пустыню. Запаса кислорода хватит на восемнадцать часов. Вот фотограммы всего ущелья и окрестностей. Я думаю, не стоит идти дорогой предыдущих экспедиций, нужно подъехать как можно ближе к северной границе плоскогорья и оттуда пешком спуститься вниз. К верхней части ущелья. Если люди вообще где-нибудь еще существуют, то только там. Там они могли уцелеть. Местность тяжелая, много пещер и расщелин. Если найдешь всех или кого-нибудь из них...

— Да. Как мне их забрать? — спросил Рохан, испытывая удовлетворение, которое он не мог побороть. Здесь план разваливался. Как легко жертвовал им Хорпах...

— У тебя будет нужное средство, слегка дурманящее. Что-то такое есть. Естественно, оно понадобится

только в том случае, если они не захотят идти добровольно. К счастью, они в этом состоянии могут ходить.

«К счастью...» — подумал Рохан. Он сжал под столом руки, стараясь, чтобы Хорпах этого не заметил. Он совсем не боялся. Пока нет. Все это было слишком нереально.

— В случае, если туча... заинтересуется тобой, ты должен неподвижно лечь на землю. Я думал о каком-нибудь препарате на этот случай, но он подействовал бы слишком поздно. Остается только этот экран, этот электросимулянт, о котором говорил Сакс...

— Что-нибудь в этом роде уже есть?.. — спросил Рохан.

Хорпах понял скрытый смысл вопроса. Но был по-прежнему спокоен.

— Нет. Но это можно сделать за час. Сеточка, скрытая в волосах. Генератор будет вшит в ворот комбинезона. Теперь... Даю тебе час времени... Дал бы больше, но с каждой минутой шансы спасения тех четверых уменьшаются. И так их слишком мало. Когда решишь...

— Я уже решил.

— Не глупи. Ты что, не слышишь, что я тебе говорю? Я только хотел, чтобы ты понял, нам еще нельзя стартовать...

— Но ведь вы знаете, что я пойду...

— Не пойдешь, если я тебе не позволю. Не забывай, что я еще здесь командир. Перед нами проблема, которая не позволяет считаться с чьим-либо самолюбием.

— Понимаю, — сказал Рохан. — Вы не хотите, чтобы я чувствовал себя вынужденным?.. Ладно. Поэтому... То, что мы сейчас говорим, еще подчиняется нашему договору?

— Да.

— Поэтому я хочу знать, что вы сделали бы на моем месте. Поменяемся... Наоборот, чем до этого...

Хорпах мгновение молчал.

— А если бы я тебе сказал, что не пойду?

— Тогда и я не пойду. Но я знаю, что вы скажете правду...

— Значит, не пойдешь? Слово? Нет, нет... Я знаю, что это не нужно...

Астрогатор встал. За ним встал и Рохан.

— Вы мне не ответили.

Астрогатор смотрел на него. Он был выше, крупнее и шире в плечах. Его глаза приобрели то же усталое выражение, что и вначале.

— Можешь идти, — сказал он.

Рохан выпрямился и пошел к двери. Астрогатор сделал такое движение как будто хотел его задержать, взять за руку. Но Рохан этого не видел. Он вышел, а Хорпах остался у закрытых дверей и долго стоял не двигаясь.

„НЕПОБЕДИМЫЙ"

Первые два вездехода сползли с пандуса на рассвете. Поле, пропуская машины, отворилось и вновь замкнулось, поблескивая голубыми огнями. Под кормой крейсера на задней подножке третьего вездехода, в комбинезоне, без шлема, без защитных очков, только в маленькой маске кислородного прибора сидел Рохан, обняв колени руками, — так ему было удобнее смотреть на скачки стрелки секундомера.

В левом верхнем кармане его комбинезона лежали четыре ампулы, в правом — плоские таблетки питательного концентрата, наколенные карманы были набиты всякой мелочью: индикатор излучения, маленький магнитный датчик, компас, микрофотограмметрическая карта местности размером в почтовую открытку, которую нужно было рассматривать в сильную лупу. Рохан был опоясан тонким пластмассовым тросом, его одежда практически не имела металлических частей. Проволочной сетки, скрытой в волосах, он вообще не чувствовал, разве что когда специально шевелил кожей головы. Не чувствовал он и плывущего в ней тока, но мог проверить работу микрогенератора, вшитого в воротник, приложив к нему палец: твердый цилиндрик мерно постукивал, и, касаясь его, Рохан ощущал этот пульс.

На востоке появилась красная полоса, проснулся ветер, подстегивая песчаные верхушки барханов. Закрывающая горизонт низкая пила кратера медленно тонула в багряном половодье. Рохан поднял голову. Двусторонней связи с кораблем не было, работающий передатчик сразу же выдал бы его присутствие. Но в ухе его торчал маленький, величиной с косточку, приемник. «Непо-

бедимый» мог, во всяком случае какое-то время посылать ему свои сигналы. Приемник заговорил, Рохану показалось, что голос звучит прямо в голове.

— Внимание, Рохан. Я Хорпах... Носовые индикаторы зарегистрировали увеличение магнитной активности. Вероятно, вездеходы уже под тучей... Высылаю зонд...

Рохан смотрел в светлеющее небо. Он не видел старта ракеты, которая вдруг взмыла вертикально вверх, таща за собой полосу белого дыма, окутавшего верхушку корабля, и понеслась на северо-восток. Шли минуты. Из-за горизонта вылезла уже половина распухшего диска тусклого солнца и уселась верхом на валу кратера.

— Небольшая туча атакует первый вездеход... — снова зазвучал голос в его голове. — Второй пока продвигается беспрепятственно... Первый приближается к воротам... Внимание! Контроль над ним утерян. Оптический тоже — туча его закрыла. Второй подходит к повороту у шестого сужения... Он пока не атакован... Началось! Мы потеряли над ним контроль. Его тоже накрыла туча... Рохан! Внимание! Твой вездеход отправляется через пятнадцать секунд. С этого момента ты действуешь по собственному усмотрению! Включаю стартовый автомат... Удачи!

Голос Хорпаха неожиданно отдалился. Его заменило отсчитывающее секунды тикание. Рохан уселся поудобнее, уперся ногами, вложил руку в эластичную петлю, прикрепленную к верхнему поручню вездехода. Легкая машина вздрогнула и плавно двинулась вперед. Хорпах держал всех людей внутри корабля. Рохан был ему за это почти благодарен, он бы не вынес никакого прощания. Прилепившись к прыгающей подножке вездехода, он видел только огромную, медленно уменьшающуюся колонну «Непобедимого». Голубые вспышки, затрепетавшие на мгновение на склонах барханов, сообщили ему, что машина пересекает границу силового поля. Сразу же после этого скорость возросла, и рыжая туча, взбитая колесами, заслонила все, — он едва видел небо. Это было не слишком удачно, на него могли напасть незаметно. И вместо того чтобы сидеть, как было запланировано, он повернулся, приподнялся и, держась за поручень, встал на подножке. Теперь он мог видеть поверх приплюснутого гребня машины бегущую навстречу пу-

стыню. Вездеход, подскакивая, мчался с максимальной скоростью, иногда машину бросало так сильно, что Рохан вынужден был изо всех сил прижиматься к ее поверхности. Двигатель работал неслышно, только ветер свистел, да зерна песка летели в глаза, а с обеих сторон машины взлетали рыжие фонтаны, образуя непроницаемую стену, и Рохан даже не заметил, как оказался вне кольца кратера. Очевидно, вездеход проскочил по одной из плоских перемычек северного вала.

Неожиданно Рохан услышал приближающийся певучий звук. Это был передатчик телезонда, летящего на такой высоте, что Рохан не мог его увидеть, хотя изо всех сил напрягал зрение. Зонд пришлось запустить высоко, чтобы не привлечь внимания тучи, но его присутствие было неизбежно, иначе с корабля нельзя было бы управлять движением вездехода.

На заднюю стенку машины специально вынесли спидометр, чтобы облегчить Рохану ориентировку. Он проехал уже девятнадцать километров и с минуты на минуту ожидал появления первых скал. Но низкий солнечный диск, висевший до сих пор с правой стороны и едва пробивавший своим светом завесу пыли, вдруг откатился назад. Значит, вездеход поворачивал влево. Рохан напрасно пытался сообразить, совпадает ли это с разработанным планом или в рубке заметили какой-то непредвиденный маневр тучи и пытаются от нее отдалиться.

Через некоторое время солнце исчезло за первым, отлогим скальным хребтом. Потом снова появилось. В его косых лучах местность выглядела дико и не походила на то, что Рохан помнил по своей последней экспедиции.

Вездеход снова стало сильно трясти, и Рохан несколько раз больно ударился грудью о панцирь. Ему пришлось напрячь все силы, чтобы жестокие броски не сбросили его с узкой подножки. Колеса танцевали на камнях, выбрасывали высоко вверх гравий, с шумом скатывавшийся вниз по склонам, иногда яростно буксовали. Рохану казалось, что эту дьявольскую езду видно за многие километры, и он уже собрался остановить машину — на уровне груди торчала выведенная наружу ручка тормоза — и соскочить. Но в этом случае его ожидала многокилометровая прогулка, и ее продолжительность уменьшала бы и без того ничтожные шансы дойти

до цели. Стиснув зубы, судорожно вцепившись в поручни, которые уже не казались ему такими надежными, как раньше, он, прищурившись, смотрел вперед поверх плоской крыши машины.

Пение радиозонда иногда затихало, но он еще кружился над Роханом; вездеход ловко маневрировал, обходя нагромождение каменных развалин, иногда наклонялся, замедляя движение, и снова рвался вперед на полной мощности.

Спидометр показывал, что пройдено двадцать семь километров. По вычерченной на карте трассе надо было пройти шестьдесят, но из-за непрерывных зигзагов и поворотов дорога, конечно, удлинялась. Теперь песок совершенно исчез. Огромное почти негреющее солнце висело тяжело и грозно, касаясь диском каменной стены. Подпрыгивающая машина продиралась через осыпи, иногда скользя вместе со скрежещущей лавой, колеса скрипели и бессильно терлись о камни на все возрастающем уклоне. Двадцать девять километров он ничего не слышал, кроме певучего сигнала зонда. «Непобедимый» молчал. Почему? Ему казалось, что обрисованный черными линиями неясный обрыв, видневшийся под красным солнцем, это и есть верхний обрез ущелья, в которое ему нужно спуститься, но не здесь... Значительно выше... С севера... Тридцать километров... Он не видел и следа черной тучи. Пожалуй, она уже расправилась с теми машинами. Или просто бросила их, удовлетворившись тем, что отсекла их от корабля, нарушив связь. Вездеход метался, как затравленный зверь. Временами от рева двигателя, работавшего на максимальных оборотах, у Рохана к горлу подкатывал комок. Скорость по-прежнему падала, но он все же продвигался на удивление хорошо. Может, имело смысл взять вездеход на воздушной подушке. Но это была слишком большая и тяжелая машина. И вообще не стоило об этом думать, все равно сейчас ничего не изменишь...

Рохан хотел посмотреть на часы. Сделать этого не удалось, нельзя было ни на мгновение оторвать руку от поручня. Согнув ноги, он попытался амортизировать резкие толчки, которые переворачивали ему внутренности. Внезапно машина задрала нос и одновременно рванулась вбок и вниз, завизжали тормоза, камни летели со всех сторон, громко барабаня по тонкому панцирю,

вездеход судорожно свернул, его занесло, некоторое время тащило боком через осыпь, наконец, это движение прекратилось...

Машина постепенно выпрямилась и снова упорно поползла вверх по склону. Он уже узнавал черноватые, похожие на заплаты отвратительные заросли, покрывающие крутые скалы. До начала ущелья оставалось около километра. Тридцать четвертый километр...

Склон, который еще предстояло преодолеть, выглядел, как море хаотически нагроможденных развалин. Казалось, машине не удастся найти среди них дорогу. Рохан уже перестал высматривать возможные проходы, все равно он не мог управлять маневрами вездехода. Он старался теперь не спускать глаз с окружающих бездну скал. В любой момент оттуда могла появиться туча.

— Рохан... Рохан... — услышал он вдруг. Сердце забилось сильнее. Он узнал голос Хорпаха. — Вероятно, вездеход не довезет тебя до цели. Отсюда мы не можем достаточно точно оценить наклон ската, но думаем, что тебе удастся проехать еще пять-шесть километров. Когда вездеход застрянет, пойдешь дальше пешком. Повторяю...

Хорпах еще раз передал то же самое. «Максимум сорок два — сорок три километра... Остается около семнадцати. По такой местности это самое малое четыре часа, если не больше, — мгновенно прикинул Рохан. — Но, может, они ошибаются, может, вездеход пройдет...»

Голос пропал, и снова были слышны только ритмично повторяющиеся, певучие сигналы зонда. Рохан стиснул зубами мундштук маски, который при резких бросках больно натирал внутреннюю поверхность губ.

Солнце уже не касалось ближайшей горы, но висело еще невысоко. Он видел большие и маленькие камни, скалы, временами его накрывала их холодная тень. Машина шла теперь гораздо медленнее. Подняв глаза, Рохан увидел призрачные перистые облака, тающие в небе. Над ним горело несколько звезд. Вдруг с вездеходом произошло что-то странное. Его задняя часть осела, нос взлетел наверх, он весь дрожал, как конь, вставший на дыбы... Секунда, и он, наверное, рухнул бы, подмяв под себя Рохана, если бы тот стремительно не прыгнул в сторону. Он упал на четвереньки, почувствовал через

толстые защитные перчатки и наколенники болезненный удар, его проволокло метра два по камням, наконец, ему удалось задержаться. Колеса вездехода еще раз взвизгнули, и машина замерла.

— Внимание... Рохан... Ты на тридцать девятом километре. Машина дальше не пройдет. Тебе придется идти пешком. Сориентируешься по карте... Вездеход останется здесь, на тот случай, если ты не сможешь вернуться иначе... Ты на пересечении координат сорок шесть и сто девяносто два...

Рохан медленно встал. Все тело у него болело, но трудными были только первые шаги, постепенно он разошелся. Он хотел как можно скорее уйти от застрявшего между двумя каменными плитами вездехода. Дойдя до высокого обелиска, он сел, вынул из кармана карту и попробовал сориентироваться. Это было нелегко. Наконец он определил свое место. От верхней границы ущелья его отделял какой-нибудь километр по прямой, но нельзя было даже мечтать, что здесь удастся спуститься вниз, — склоны ущелья покрывала монолитная металлическая чаща. Поэтому он начал карабкаться наверх, все время раздумывая, не попробовать ли ему спуститься на дно ближе намеченной точки. До нее пришлось бы идти не меньше четырех часов. Даже если бы ему удалось вернуться вездеходом, все равно необходимо было рассчитывать на пятичасовой обратный путь, а сколько времени займет спуск в ущелье, не говоря уже о поисках? Неожиданно весь план показался ему лишенным крупицы здравого смысла. Он был бесполезен, этот героический жест, которым Хорпах мог успокоить собственную совесть. На какое-то время его охватила ярость — дал себя обвести, как какой-нибудь сопляк, астрогатор все так устроил... От ярости он почти не видел ничего вокруг. Постепенно Рохан успокоился. «Возвращения нет, — повторял он себе. — Попробую. Если мне удастся спуститься, если никого не найду до трех, вернусь».

Часы показывали четверть восьмого. Рохан старался идти большими равномерными шагами, но не слишком быстро, так как при любых усилиях расход кислорода увеличивался. Он надел компас на запястье, чтобы не сбиться с нужного направления. Однако ему пришлось несколько раз обходить трещины с совершенно верти-

кальными краями. Сила тяжести на Регисе была значительно меньше, чем на Земле, это давало относительную свободу движений даже в такой тяжелой местности. Солнце поднялось. Слух Рохана, привыкший к постоянному аккомпанементу всех тех звуков, которыми, словно защитным барьером, его окружали в прежних экспедициях машины, был теперь нагим и очень обостренным. Время от времени он слышал только ритмичное и очень ослабевшее пенье зонда, зато каждый порыв ветра, рвущегося на скальных гранях, привлекал его внимание. Ему казалось, что он слышит слабое, так хорошо запомнившееся движение. Постепенно Рохан вошел в ритм и мог спокойно размышлять, автоматически ступая с камня на камень. В кармане у него лежал шагомер; он не хотел смотреть на его шкалу слишком часто, решил, что сделает это только через час. Но не выдержал и вынул похожий на часы приборчик гораздо раньше. Он испытал болезненное разочарование: не удалось пройти и трех километров. Ему приходилось лезть слишком высоко, и это его задерживало. «Значит, не три, не четыре часа, а минимум еще шесть...» — подумал Рохан. Он вынул карту и, опустившись на колени, сориентировался еще раз. Верхний край ущелья виднелся в каких-нибудь семистах—восьмистах метрах на востоке, Рохан все время двигался более или менее параллельно его направлению. В одном месте черная чаща ущелья разделялась тонкой извивающейся полосой, вероятно, руслом высохшего ручья. Он пытался рассмотреть ее получше. Стоя на камнях, в порывах ветра, свистящего над головой, он несколько минут колебался. Еще не зная, что будет делать, он встал, машинально спрятал карту в карман и пошел перпендикулярно направлению, которого придерживался до сих пор, прямо к обрыву ущелья.

Он приближался к молчащим ободранным скалам так осторожно, как будто в любой момент под ним могла разверзнуться земля. Отвратительный страх сжимал его сердце. Но он шел, по-прежнему размахивая руками, которые казались ужасно пустыми. Вдруг он остановился и поглядел вниз, в пустыню, где стоял «Непобедимый». Рохан не мог его увидеть, корабль находился за горизонтом, он знал об этом, но смотрел на рыжее у горизонта небо, медленно заполнявшееся клубящи-

мися облаками. Пение сигналов зонда стало таким слабым, что он не был уверен, не иллюзия ли это. Почему молчал «Непобедимый»?

«Потому что больше не о чем говорить», — ответил он сам себе. Похожие на гротескные, съеденные эрозией статуи, торчали вершины скал. Ущелье открылось перед ним, как огромная, залитая тьмой щель, солнечные лучи еще не достигали даже половины черных скал. Кое-где сквозь щетину, покрывавшую их, пробивались белые, словно известковые иглы. Он одним взглядом охватил все огромное пространство, до самого каменистого дна, лежащего на глубине полутора километров, и почувствовал себя таким нагим, таким беззащитным, что инстинктивно присел, чтобы слиться с камнями, стать одним из них. Это было бессмысленно, ему не грозило, что его увидят. То, чего он должен был бояться, не имело глаз. Лежа на слабо нагретой каменной плите, он смотрел вниз. Фотограмметрическая карта была бесполезно точной, она показывала местность с высоты птичьего полета, в соответствующем уменьшении. Нечего было и думать о спуске по узкой просеке между двумя массивами горных зарослей. Для этого понадобилось бы по меньшей мере метров сто троса, и все равно еще потребовались бы какие-нибудь крюки, молоток, а у него ничего такого не было, он не готовился к скалолазанью. Сначала этот узкий желобок спускался довольно плавно, дальше он обрывался, исчезал с глаз под нависшим горбом лавы и появлялся далеко внизу, едва видный сквозь синеватую завесу воздуха. Ему в голову пришла идиотская мысль, что если бы он имел парашют...

Он упорно разглядывал склоны по обе стороны от места, где лежал, втиснувшись под большой грибовидный камень. Только теперь он почувствовал, что из пустоты, которая под ним открывалась, плавно поднимается струя нагретого воздуха. В самом деле, контуры противоположных склонов слегка дрожали. Заросли были аккумулятором солнечной энергии. На юго-западе он отыскал вершины столбов, основания которых образовывали каменные ворота — место катастрофы. Он не узнал бы их, но в отличие от всех остальных скал они были абсолютно черными и блестели, словно покрытые толстым слоем глазури, — их поверхность наверняка кипела во время битвы циклопа с тучей... Но ни везде-

ходов, ни даже следов атомного взрыва он не смог рассмотреть из своего укрытия. Он лежал так довольно долго, и внезапно его охватило отчаяние: ему нужно спуститься вниз, а дороги нет. Вместо облегчения оттого, что можно возвратиться и сказать астрогатору, что он сделал все возможное, — пришла решимость.

Он встал. Какое-то движение в глубине ущелья, схваченное краем глаза, снова прижало его к камню, но он выпрямился. «Если все время падать ничком, много не сделаешь», — подумал он. Теперь он шел по самому краю скалы, пытаясь найти проход. Через каждые несколько сотен шагов он свешивался в пустоту и видел все ту же картину — там, где склон спускался плавно, его облепляла черная чаща, там, где он был от нее свободен, — падал вертикалью. Один раз из-под его ноги выскочил камень и покатился вниз, потащил с собой другие; небольшая лавина с грохотом стремительно ударила в косматую стену в каких-нибудь ста шагах под ним. Оттуда выползла полоса сверкающего в солнечных лучах дыма, развалилась в воздухе и мгновение висела, будто всматриваясь, а он весь помертвел. Потом дым поредел и бесшумно впитался в поблескивающую чащу.

Было около девяти, когда, выглянув из-за очередного камня, он заметил внизу, на самом дне ущелья, которое тут значительно расширялось, — светлое движущееся пятнышко. Дрожащей рукой он достал из кармана маленький бинокль, взглянул... Это был человек. Слишком маленькое увеличение не позволяло увидеть его лицо, но Рохан хорошо видел равномерные движения ног. Человек шел медленно, слегка прихрамывая, припадая на поврежденную ногу. Окликнуть его? Рохан не решился. Правда, он попробовал, но голос застрял в горле. Он ненавидел себя за этот проклятый страх, но знал, что теперь уже наверняка не уйдет. Он хорошо запомнил направление, в котором двигался человек — вверх по расширяющейся долине, к беловатым кучам осыпей, — и побежал в ту же сторону, перепрыгивая через камни и зияющие трещины. Скоро ему стало не хватать воздуха, и сердце заколотилось, как в лихорадке. «Это сумасшествие, так нельзя...» — подумал Рохан беспомощно. Он замедлил шаг, и в этот момент перед ним открылась, словно приглашая, широкая расщелина.

Ниже ее с обеих сторон охватывали черные заросли. Внизу наклон увеличивался...

Он заметил время — почти половина десятого — и начал спускаться, сначала лицом к пропасти, потом, когда склон стал слишком крутым, повернулся и спускался дальше, помогая себе руками. Черная чаща была близко и, казалось, излучала неподвижное молчаливое тепло. В висках у него стучало. Он остановился на выступе скалы, вбил левый ботинок между ним и другим выступом и посмотрел в пропасть. Под ним тянулся широкий карниз, от которого отходила четкая обнаженная каменная гряда, возносящаяся над торчащими переплетениями черных кустов. Но от этого спасительного карниза его отделяло метров сорок. Он взглянул вверх: позади уже добрых двести метров, а то и больше. Ему казалось, что удары сердца сотрясают воздух. Он несколько раз моргнул. Медленно, слепыми движениями начал разматывать трос. «Не будешь же ты таким психом...» — сказало что-то в нем. Двигаясь боком, он добрался до ближайшего куста. Его острые побеги были покрыты налетом ржавчины. Рохан дотронулся до куста, ожидая чего угодно. Но ничего не случилось. Он услышал лишь сухой скрипучий шелест, потянул сильнее, куст сидел надежно; он обвязал его тросом у основания, потянул еще раз... Во внезапном приступе смелости обмотал второй и третий кусты, уперся, дернул изо всех сил. Они прочно вцепились в потрескавшийся камень. Рохан начал скользить, все еще опираясь ногами о скалу, но потом сорвался и повис. Он все быстрее пропускал трос под коленом, притормаживая его правой рукой, и наконец осторожно опустился на карниз. Потом он несколько минут сидел, ноги у него обмякли, и он не решился продолжать путешествие. Он снова увидел фигурку, двигавшуюся внизу. Она стала немного больше. Его удивляло, что она такая светлая. Было также что-то причудливое в форме головы, вернее головного убора этого человека.

Он ошибался, если думал, что худшее уже позади. Впрочем, он этого не думал. У него просто была такая надежда, но, как оказалось, ложная.

Дальше дорога была гораздо легче технически, но мертвые, ржаво похрустывающие кусты сменились живыми, лоснящимися какой-то жирной чернью. Их

проволочные клубки, словно мелкими плодами, были осыпаны утолщениями, которые он тотчас узнал.

Время от времени от них отделялись слабо жужжащие дымки, кружились в воздухе, тогда он замирал, но не надолго, иначе ему никогда не удалось бы достичь дна ущелья. Некоторое время он двигался, сидя верхом на гряде, потом гряда стала шире, менее крутой, и он мог идти, правда, не без помощи рук. Он едва отдавал себе отчет в последовательности этапов этого длительного спуска, поскольку его внимание было разделено, — ему приходилось смотреть одновременно в обе стороны. Иногда ему приходилось передвигаться так близко от роящихся кустов, что их бугристые стержни цеплялись за складки комбинезона. Но ни разу проплывающие по верху облачка, переливающиеся в лучах солнца огоньками, не приблизились к нему.

Когда он наконец добрался до осыпи, всего в нескольких десятках шагов от дна, белеющего похожими на высохшие кости голышами, было около двенадцати. Он уже миновал зону черных кустов, которую наполовину освещало высокое солнце. Теперь он мог оценить размеры пройденного пути, но даже не обернулся. Он побежал вниз, стараясь переносить тяжесть тела с ноги на ногу, с камня на камень как можно быстрее, но огромная масса неустойчивой осыпи с грохотом начала сползать вместе с ним, грохот становился все сильнее, и вдруг, у самого высохшего потока осыпь под ним развалилась, он упал, от удара у него сдвинулась кислородная маска. Он сразу же вскочил, не обращая внимания на ушибы, так как боялся, что потеряет человека, которого видел сверху, — оба склона, особенно противоположный, были усеяны черными дырами пещер. Но что-то остановило его, и, не отдавая себе отчета, он снова бросился на острые камни и остался лежать, раскинув руки. На него упала легкая тень, и с нарастающим монотонным гудением, охватывающим все регистры — от свиста до басовых нот,—его окутало черное бесформенное облако. Наверное, он должен был закрыть глаза, но не сделал этого. Последней его мыслью было: «Только бы аппаратик, вшитый в воротник, не пострадал при резком падении». Потом он приказал себе погрузиться в полную неподвижность. Он не шевелил даже зрачками, но видел, как роящаяся туча повисла над ним, как выпустила

вниз лениво извивающееся щупальце, он увидел его вблизи, оно выглядело как горловина чернильно поблескивающего смерча. Кожей головы, щек, всего лица он почувствовал прикосновение теплого воздуха, как будто раздробленное на миллионы струек дыхание. Что-то пошевелило его комбинезон, его окружил почти полный мрак. Потом это изгибающееся, как миниатюрный смерч, щупальце втянулось обратно в тучу. Жужжание стало резче. От него заломило зубы, оно было где-то внутри черепа. Потом ослабло. Туча почти вертикально пошла вверх, превратилась в черный туман, охвативший оба склона, распалась на отдельные вращающиеся концентрические клубы, заползла в неподвижный мех зарослей и исчезла.

Он еще долго лежал без движения, как мертвый. В голове мелькнула мысль, что, может быть, это уже случилось. Что, может, не будет знать ни кто он, ни откуда здесь появился, ни что должен делать, и от этой мысли его охватил такой страх, что он резко сел. Вдруг ему захотелось смеяться. Ведь если он мог так думать, значит уцелел. Значит, она ему ничего не сделала, он ее обманул. Он старался сдержать этот, поднимающийся в горле, щекочущий идиотский смех, который начинал его трясти. «Это только истерика», — подумал Рохан, поднимаясь с колен. Он был уже почти спокоен, по крайней мере ему так казалось. Он поправил кислородную маску и осмотрелся. Человека, которого он заметил сверху, не было. Но Рохан услышал его шаги. Тот уже исчез за перегородившей половину ущелья скалой. Рохан побежал за ним. Топот приближался и казался удивительно громким. Как будто человек шел в железных ботинках. Рохан бежал, чувствуя, как иголочки боли пронзают ногу, от щиколотки до колена. «Наверное, подвернул...» — подумал он, отчаянно загребая руками; снова не хватало воздуха, Рохан почти задыхался, когда увидел того.

Человек шел прямо, большими механическими шагами, ступая с камня на камень. Близкие скалы щелкающим эхом повторяли его шаги. И вдруг все замерло в Рохане. Это был робот, а не человек. Один из арктанов. Рохан совсем не думал об их судьбе, о том, что стало с ними после катастрофы; во время нападения тучи они находились в среднем вездеходе. До робота оставалось

всего несколько десятков шагов. Рохан заметил, что левая рука робота бессильно повисла, она была переломана, а его когда-то блестящий выпуклый панцирь исцарапан и покрыт вмятинами. Разочарование было велико, но через мгновение Рохан приободрился при мысли, что будет иметь в дальнейших поисках хоть такого товарища. Он хотел окликнуть робота, но что-то удержало его. Он прибавил шагу, обогнал арктана и, встав на его дороге, ждал, но двухсполовинойметровый гигант словно не замечал его. Вблизи Рохан увидел, что, похожая на тарелкообразное ухо, радарная антенна разбита, а там, где находился раньше объектив левого глаза, зияет дыра с неровными краями. Но шел робот уверенно, ступая своими огромными ногами, немного прихрамывая на левую. Рохан позвал его, когда расстояние между ними сократилось до нескольких шагов, но машина шла прямо на него, как слепая, и в последний момент ему пришлось уступить дорогу. Он подскочил к арктану и хотел схватить его за металлическую лапу, но тот безразличным и плавным движением вырвался и продолжал шагать дальше. Рохан понял, что арктан тоже стал жертвой атаки и рассчитывать на него нельзя. Но ему тяжело было оставить беспомощную машину одну, и, кроме того, он заинтересовался, куда робот направляется. Тот шел, выбирая возможно ровную дорогу, будто имел определенную цель.

После короткого размышления, во время которого робот ушел вперед, Рохан решился и побежал за ним. Арктан дошел до основания осыпи и начал карабкаться на нее, не обращая ни малейшего внимания на потоки камней, вылетающих из-под его больших ступней. Он взобрался примерно до половины осыпи, но свалился вниз, все еще перебирая в воздухе ногами. В другое время Рохан бы, пожалуй, расхохотался. Потом арктан поднялся и снова начал восхождение. Рохан повернулся и ушел, но до него еще долго доносился грохот камней и повторяющиеся тяжелые металлические щелчки, которые многократным эхом отражались от стен ущелья.

Теперь он двигался быстро, дорога по плоским камням, выстилающим ложе потока, была довольно ровной и слегка спускалась вниз. Никаких следов тучи не было, только временами слабое дрожание воздуха над скло-

нами свидетельствовало о деятельности, бурлящей в черных зарослях. Так он дошел до самой широкой части ущелья, переходящего здесь в долину, окруженную отлогими возвышенностями. Каменные ворота находились в каких-нибудь двух километрах отсюда. Только теперь Рохан понял, как ему будет не хватать олфактометрического индикатора, который помог бы в поисках человеческих следов, но для пешехода это был слишком тяжелый прибор. Рохан задержался и начал осматривать скалы. О том, чтобы кто-нибудь мог спрятаться в самой металлической чаще, не было и речи. Оставались только гроты, пещеры и котловины, которых отсюда он насчитал четыре; их загораживали от него высокие уступы с вертикальными стенами, обещающие, что восхождение будет нелегким. Поэтому он решил сначала осмотреть гроты. Уже до этого на корабле он вместе с врачами и психологами решил, где нужно искать беглецов, где они могли бы спрятаться. Но по сути дела это совещание дало ему немного, так как поведение человека, пораженного амнезией, предвидеть было практически невозможно. То, что эти четверо ушли от остальных людей Реньяра, говорило об их активности: то, что следы этих четверых на всем прослеженном пути не разошлись, позволяло рассчитывать, что их удастся найти всех вместе. Естественно, если они вообще были живы и если выше каменных ворот не разошлись в разные стороны.

Рохан по очереди осмотрел два маленьких и четыре больших грота, входы которых были легко доступны и требовали только нескольких минут безопасного восхождения по большим каменным плитам, стоящим наклонно. В последнем из гротов он наткнулся на частично залитые водой металлические обломки, которые сначала показались ему скелетом второго арктана, но они были страшно старые и не напоминали ни одну из знакомых ему конструкций. В неглубокой луже, видной благодаря тому что немного дневного света отражалось от гладкого, словно полированного потолка, покоился странный, удлиненный предмет, отдаленно напоминающий крест пятиметровой длины. Его наружные пластины давно распались и образовали на дне рыжий от ржавчины ил.

Рохан не мог себе позволить долго рассматривать

необычную находку, вероятно являющуюся обломками одного из макроавтоматов, уничтоженных победившей в мертвой эволюции тучей. Он лишь запомнил его форму, размазанные контуры каких-то ячеек и стержней, которые служили скорее для полетов, чем для ходьбы. Но часы торопили, и он, не оттягивая, начал осматривать следующие пещеры. Их было так много, что в высоких стенах скал они казались залитыми тьмой окнами зданий; а коридоры и подземные галереи, часто затопленные водой, то и дело обрывающиеся вертикальными колодцами и водопадами, с журчащими ледяными потоками, шли так круто, что он не решался очень в них углубляться. Впрочем, у него был только небольшой фонарик, дававший сравнительно мало света, бессильный разогнать тьму, особенно в обширных многоэтажных пещерах с высокими потолками, — он и в такие попал несколько раз.

Наконец, просто падая от усталости, он уселся на огромном, нагретом солнечными лучами, плоском камне у выхода из только что обследованной пещеры и начал жевать плитку концентрата, запивая сухие куски водой из ручья. Раза два ему показалось, что он слышит шум приближающейся тучи, но это были только отголоски сизифовых усилий арктана. Перекусив, он почувствовал себя значительно бодрее. Самым удивительным для него самого было то, что он все меньше внимания обращал на грозное соседство,—черные заросли облепили склоны целиком.

Он спустился с возвышения перед пещерой, где отдыхал, и сразу заметил что-то вроде тонкой ржавой ленты на сухих камнях по другую сторону долины. Добравшись туда, он узнал следы крови. Кровь уже совершенно засохла, изменила свой цвет, и, если бы не удивительная белизна скалы, похожей на известняк, он наверно бы ничего не заметил. Он попробовал определить, в каком направлении шел раненый, но из этого ничего не вышло. Тогда он наугад пошел вверх по ущелью, рассуждая, что человек, возможно раненный во время схватки циклопа с тучей, удалялся от ее центра. Следы петляли, в нескольких местах пропадали и, наконец, привели его к пещере, которую он осмотрел одной из первых. Тем больше было его удивление, когда он обнаружил рядом с входом в нее узкую расщелину,

похожую на колодец, которую раньше не заметил. Кровавый след вел туда.

Рохан опустился на колени и наклонился над полутемным отверстием и, хотя он подготовился к самому худшему, ему не удалось сдержать глухого восклицания. Прямо на него пустыми светлыми глазами смотрело окровавленное лицо Бенигсена. Он узнал его сразу по золотой оправе очков, стекла которых по слепой иронии случая уцелели и чисто поблескивали в отраженном наклонившейся над каменной могилой известняковой плитой свете. Геолог висел, застряв между двумя камнями. Рохан не хотел оставлять его так, но когда он попробовал вытащить труп, почувствовал сквозь толстый материал комбинезона, как тело расползается под руками. Ускоренное действием солнца, которое заглядывало сюда, разложение сделало свое дело. Рохан только расстегнул молнию нагрудного кармана комбинезона и вынул из него личный знак ученого. Прежде чем уйти, он, напрягая все силы, придвинул одну из ближних каменных плит и накрыл ею могилу.

Это был первый. Уже отдалившись от этого места, Рохан подумал, что надо было определить радиоактивность останков. Ее уровень в какой-то мере мог бросить свет на судьбу самого Бенигсена и других. Высокий уровень радиоактивности доказывал бы, что умерший находился близко от атомной битвы. Но он забыл это сделать, а сейчас ничто не заставило бы его снова поднять могильный камень. Одновременно Рохан понял, какую большую роль в его поисках играет случай, ведь ему казалось, что это место он осмотрел очень внимательно.

Новая мысль заставила его поспешно вернуться по кровавому следу в поисках его начала. След шел почти по прямой линии вниз, словно направляясь к месту побоища. Геолог потерял огромное количество крови, и было непонятно, каким образом он мог уйти так далеко. Камни, на которые с момента катастрофы не упало ни капли дождя, были обильно залиты кровью. Рохан вскарабкался по шатким большим камням и очутился в обширной неглубокой впадине под обнаженным каменным выступом. Первое, что он увидел, была неестественно большая подошва металлической стопы робота. Он лежал боком почти разрубленный, очевидно очередью из

вейра. Немного дальше, опершись о камень, полусидел, сложившись почти пополам, человек в черном от копоти шлеме. Он был мертв. Излучатель еще держался в его обвисшей руке, касаясь блестящим стволом земли. Рохан не решился сразу притронуться к мертвецу, он пытался, присев, заглянуть ему в лицо, но оно было так же обезображено разложением, как и у Бенигсена. Наконец, он узнал широкую плоскую геологическую сумку, висевшую у человека через плечо. Это был сам Реньяр, руководитель экспедиции, атакованной в кратере. Измерение радиоактивности показало, что арктан разбит выстрелами из вейра, индикатор регистрировал характерное присутствие редкоземельных элементов. Рохан хотел взять личный знак ученого, но на это у него не хватило духа. Он только отстегнул сумку, — при этом не нужно было прикасаться к телу. В сумке лежали образцы минералов.

Подумав, Рохан отодрал ножом прикрепленную к сумке монограмму геолога, спрятал ее в карман и, глядя сверху на застывшую картину, попытался понять, что же здесь произошло. По всей вероятности, Реньяр стрелял в робота. Возможно, тот напал на него или Бенигсена. Впрочем, мог ли человек, пораженный амнезией, защищаться от нападения? Он видел, что не разгадает загадки, а в перспективе у него были дальнейшие поиски. Он снова взглянул на часы: было около пяти. Если он рассчитывал на собственный запас кислорода, ему пора было подумать о возвращении. Рохану пришло в голову, что он может вывернуть кислородные баллоны из аппарата Реньяра. Он снял аппарат с трупа, убедился, что один баллон еще полон и, оставив свой пустой, начал наваливать камни вокруг останков. Это заняло у него целый час, но мертвый уже щедро с ним расплатился, отдав свой запас кислорода. Когда невысокий курган был готов, Рохан подумал, что хорошо было бы вооружиться, наверно, еще заряженным излучателем. Но идея возникла слишком поздно, ему пришлось уйти ни с чем.

Было уже почти шесть. Он так устал, что едва двигал ногами. У него оставалось еще четыре тонизирующих таблетки, он принял одну и через минуту встал, чувствуя прилив сил. Он не имел ни малейшего понятия, откуда начать дальнейшие поиски, и пошел прямо к ка-

менным воротам. До них оставалось около километра, когда индикатор показал возрастающий уровень радиоактивности. Пока он был довольно низким, и Рохан шел дальше, внимательно оглядываясь по сторонам. Поскольку ущелье поднималось круто, лишь некоторые скалы носили следы плавления. По мере того как он приближался к месту схватки, этой характерной потрескавшейся глазури становилось все больше. Потом он увидел огромные камни, целиком покрытые застывшими пузырями, их поверхность варилась в атомном котле. Здесь ему уже нечего было делать, но он шел вперед; индикатор щелкал все быстрее, стрелка металась, как сумасшедшая, танцуя по шкале. Наконец, он издали заметил остатки каменных ворот. Когда-то черный мех металлических зарослей превратился в испепеленные лохмотья; в глубине, в скалистых стенах, виднелись огромные светлые проломы. Рохан поспешно вернулся.

И снова ему на помощь пришел случай. Когда он уже поднимался к следующим за полем боя, значительно более широким каменным воротам, вблизи от места, которое он уже проходил, он заметил блеск какого-то металлического предмета. Это был алюминиевый редуктор кислородного прибора. В неглубокой расщелине между скалой и ложем высохшего потока темнела спина в обгоревшем комбинезоне. Труп был без головы. Страшная сила взрывной волны перебросила человека через груду камней и раздробила его о скалу. Поодаль лежала совершенно целая кобура, из нее торчал сверкающий, словно только что почищенный вейр. Рохан взял его себе. Он пытался опознать убитого, но ему не удалось этого сделать. Он снова пошел вверх по ущелью. Свет на его восточном склоне становился уже красным и, словно пылающий занавес, подымался все выше, по мере того как солнце опускалось за горный хребет. Было без четверти семь. Рохан не знал, что делать. До сих пор ему везло, во всяком случае в том смысле, что он выполнил задание и мог возвращаться. В смерти четвертого человека он был совершенно уверен. Но в конце концов он почти наверняка знал это еще на «Непобедимом». Он пришел сюда, чтобы убедиться. Имел ли он право возвращаться? Запаса кислорода, которым он был обязан Реньяру, хватало еще на шесть часов. Но наступала

ночь, во время которой он ничего не мог делать, если не из-за тучи, то хотя бы потому, что силы его были на исходе. Рохан принял очередную тонизирующую таблетку и, ожидая, когда она подействует, попытался составить какой-нибудь разумный план дальнейших действий.

Высоко над ним у края скал черные заросли заливало багровое зарево захода, в котором острия отдельных кустов искрились и переливались глубоким фиолетовым светом.

Рохан все еще не мог ничего решить. Сидя под большим изломом, он услышал надвигающееся издали тяжелое гудение тучи. Странно — он совсем не испугался. Его отношение к ней в течение одного этого дня удивительно переменилось. Он знал, во всяком случае думал, что знает, что́ именно он может себе позволить, как альпинист, которого не пугает смерть, подстерегающая его на леднике. По правде говоря, Рохан сам еще не очень хорошо разобрался в происшедшей перемене, его память не отметила, в какой момент он заметил мрачную красоту черных зарослей, переливавшихся всеми оттенками фиолетового цвета. Но теперь, уже рассмотрев черные тучи — а их было две, они выползли из обоих склонов ущелья, — он даже не шевельнулся, не пытался спрятаться, прижимая лицо к камням. В конце концов, положение, которое он занимал, не имело значения, если только маленький аппаратик еще работал. Сквозь материал комбинезона он коснулся кончиками пальцев его круглого, как монета, донышка, и почувствовал легкие толчки. Он не хотел испытывать судьбу и уселся поудобнее, чтобы лишний раз не менять положения.

Тучи занимали сейчас обе стороны ущелья. В их черных клубах происходило какое-то упорядоченное движение, они сгущались по краям, образуя почти вертикальные колонны, а их внутренние части вытягивались и сближались все больше. Казалось, какой-то гигантский скульптор с необыкновенной быстротой формировал их невидимыми движениями. Несколько коротких разрядов пронзили воздух между ближайшими точками туч, казалось рвавшихся друг к другу, но каждая осталась на своей стороне, вибрируя своими центральными клубами во все убыстряющемся темпе. Блеск этих молний был удивительно темным, он на мгновение освещал

обе тучи — застывшие в полете миллиарды серебристо-черных кристалликов. Потом, когда скалы повторили несколько раз эхо ударов, слабое и приглушенное, словно их покрыл поглощающий звук материал, обе черные тучи, дрожа, напрягаясь до предела, соединились и перемешались. Сразу потемнело, как будто зашло солнце, и одновременно в воздухе появились неясные изгибающиеся линии, и Рохан только через некоторое время понял, что это гротескно изуродованное отражение дна ущелья.

Воздушные зеркала волновались и таяли под покровом тучи; вдруг он увидел гигантскую, уходящую головой во тьму человеческую фигуру, которая неподвижно смотрела на него, хотя само изображение непрерывно дрожало и колебалось, гаснущее и вновь вспыхивающее в таинственном ритме. И снова ушли секунды, прежде чем он узнал собственное отражение, висящее в пустоте между боковыми полотнищами тучи. Он был так удивлен, до такой степени поражен непонятными действиями тучи, что забыл об всем. У него блеснула мысль, что, возможно, туча знает о нем, о микроскопическом присутствии последнего живого человека среди камней, заполняющих ущелье.

Но и этой мысли он не испугался. Не потому, что она была слишком неправдоподобна — он уже ничто не считал невозможным, — просто он жаждал участвовать в этой мрачной мистерии, значения которой — в этом он был уверен — не поймет никогда. Его гигантское отражение, сквозь которое слабо просвечивали далекие склоны верхней части ущелья, куда не достигала тень тучи, таяло. Одновременно из тучи высунулись бесконечные щупальца, если какое-нибудь втягивалось обратно, его место занимали другие. Из них пошел черный дождь, становившийся все более густым. Мелкие кристаллики падали и на Рохана, легко ударяли его в голову, осыпались по комбинезону, собирались в складках. Черный дождь все еще шел, а голос тучи, это всеобъемлющее, охватившее не только долину, но, казалось, всю атмосферу планеты, гудение усиливалось.

В туче образовывались локальные вихри, окна, сквозь которые просвечивало небо, черный покров разорвался посредине и двумя валами, тяжело, как бы неохотно, попятился к зарослям, заполз в неподвижную

чащу и растворился в ней. Рохан по-прежнему сидел без движения. Он не знал, можно ли стряхнуть кристаллики, которыми был обсыпан. Очень много их лежало на камнях, всё, до сих пор белевшее как кость, ложе ручья было словно забрызгано черной краской. Он осторожно взял один из треугольных кристалликов, и тот будто ожил, деликатно дунул на руки теплой струей и, когда Рохан инстинктивно разжал руку, взлетел в воздух.

Тогда, будто по сигналу, все вокруг зароилось. Это движение только в первый момент представлялось хаотичным. Черные точки образовали над самой землей слой дыма, сконцентрировались, объединились и столбами пошли наверх. Казалось, скалы задымились какими-то жертвенными факелами несветящегося пламени. Потом произошло что-то еще более непонятное. Когда взлетающий рой повис, как огромный пушистый черный шар, над серединой ущелья, на фоне медленно темнеющего неба, тучи снова вынырнули из зарослей и стремительно бросились на него. Рохану показалось, что он слышит скрежещущий звук воздушного удара, но это была иллюзия. Он уже решил, что наблюдает схватку, что тучи извергли из себя и сбросили на дно ущелья этих мертвых «насекомых», от которых хотели избавиться, но понял, что ошибается. Тучи разошлись, и от пушистого шара не осталось и следа. Они поглотили его. Мгновение, и снова только вершины скал кровоточили под последними лучами солнца, а раскинувшаяся долина снова стала пустынной.

Рохан поднялся на ослабевшие ноги. Он вдруг показался себе смешным с этим поспешно взятым у мертвеца излучателем, больше того, он чувствовал себя ненужным в этой стране абсолютной смерти, где могли победить только мертвые формы, чтобы совершать таинственные действия, которых не должны были видеть ничьи чужие глаза. Не с ужасом, но с полным ошеломления удивлением участвовал он мгновение назад в том, что произошло. Он знал, что никто из ученых не в состоянии разделить его чувств, но хотел вернуться теперь уже не только как вестник гибели товарищей, но и как человек, который будет добиваться, чтобы планету оставили нетронутой. «Не всё и не везде существует для нас», — подумал он, медленно спускаясь вниз. Светлые сумерки позволили ему быстро дойти до поля битвы.

Там ему пришлось ускорить шаги, так как излучение остекленевших скал, кошмарными силуэтами встающих в густеющих сумерках, становилось все сильнее. Наконец он побежал. Отзвук его шагов от одних каменных стен передавался другим, и в этом непрерывном эхе, в этом гуле, усиливавшем его торопливость, он прыгал с камня на камень. Он миновал неузнаваемые, расплавившиеся обломки машин, выскочил на крутой склон, но и здесь индикатор пылал ярким рубиновым огнем.

Задерживаться было нельзя. Он задыхался, но не снизил темпа, только до предела открыл вентиль редуктора. Если даже кислород кончится у выхода из ущелья, если придется дышать воздухом планеты, все равно это наверняка лучше, чем оставаться лишние минуты здесь, где каждый сантиметр скалы выбрасывал смертоносное излучение. Кислород бил ему в горло холодной волной. Бежать было легко, поверхность застывшего потока лавы, который оставил на пути своего поражения отступающий циклоп, была гладкой, местами почти как стекло. К счастью, на нем были горные ботинки с шипами, и он не скользил. Теперь совсем стемнело, только кое-где выглядывающие из-под остекленевшей оболочки светлые камни показывали дорогу вниз, только вниз. Он знал, что впереди по крайней мере еще три километра такого пути. Делать какие-либо вычисления при этой сумасшедшей гонке было не совсем удобно, но он время от времени посматривал на пульсирующий огонек индикатора. Он мог здесь быть еще около часа, тогда доза не превысит двухсот рентген. Ну пусть час с четвертью, но если и после этого он не доберется до начала пустыни, спешить будет уже некуда.

Где-то на двадцатой минуте наступил кризис. Сердце он чувствовал как мучительное, непреодолимое существо, которое раздирало и сжимало ему грудь, кислород жег горло пылающим огнем, в глазах мелькали искры, но самым плохим было то, что он начал спотыкаться. Правда, излучение стало немного слабее, индикатор тлел в темноте, как гаснущий уголек, но он знал, что должен бежать, бежать дальше, а ноги уже отказывались слушаться. Все его мышцы работали на пределе, все в нем кричало, требовало остановиться, стоять, а то и рухнуть на кажущиеся такими холодными, такими безопасными глыбы потрескавшегося стекла. Он хотел

посмотреть вверх, на звезды, споткнулся и полетел вперед, едва успев выставить руки. Всхлипывая, он глотал воздух. С трудом приподнялся, встал, несколько шагов пробежал, качаясь из стороны в сторону, потом нужный ритм вернулся и понес его. Он уже потерял ощущение времени. Как он вообще ориентировался в этой глухой тьме? Он забыл о мертвых, которых нашел, о костяной улыбке Бенигсена, о Реньяре, лежащем под камнями рядом с разбитым арктаном, о безголовом, которого ему не удалось опознать, забыл даже о туче. Он был сдавлен этой тьмой, налившей кровью его глаза, напрасно высматривающие большое звездное небо равнины, песчаная пустота которой казалась ему избавлением. Он бежал вслепую, с залитым пóтом глазами. Этот бег, эта ночь, казалось, не имели конца.

Рохан уже ничего не видел, когда вдруг ему стало гораздо тяжелее передвигать ноги, он несколько раз провалился, почувствовал последний приступ отчаяния, поднял голову и вдруг понял, что он в пустыне. Он еще заметил звезды над горизонтом, потом, когда ноги его подогнулись, поискал шкалу индикатора, но не увидел ее, она была темной, молчала, — он оставил смерть за спиной, в глубине застывшего корыта лавы, — это была последняя его мысль. Он почувствовал лицом шершавый холод песка, провалился не в сон, а в оцепенение. Все тело еще отчаянно работало, ребра ходили ходуном, сердце разрывалось, но сквозь этот мрак полного изнурения он проваливался в другой, более глубокий, и наконец потерял сознание.

...Рохан очнулся сразу, не понимая, где находится. Пошевелил руками, почувствовал холод песка, высыпавшегося из пальцев, сел и невольно застонал. Ему было душно. Светящаяся стрелка манометра на кислородном приборе показывала нуль. В другом баллоне давление было восемнадцать атмосфер. Он переключил вентиль и встал. Был час ночи. Звезды резко сверкали в черном небе. Он определил по компасу нужное направление и пошел прямо вперед. В три он принял последнюю таблетку. Незадолго до четырех у него кончился кислород. Он отшвырнул кислородный прибор, сделал неуверенный вдох, но когда холодный предрассветный воздух наполнил его легкие, пошел быстрее, стараясь не думать ни о чем, кроме этого похода через барханы, в ко-

торые он то и дело проваливался по колено. Он шел как пьяный, и не знал, действие ли это газов атмосферы или просто усталость. Он подсчитал, что если будет делать четыре километра в час, то доберется до корабля в одиннадцать утра. Рохан попробовал определить скорость шагомером, но ничего не получилось.

Гигантская белая полоса Млечного Пути делила небо на две неравные части. Он уже привык к призрачному свету звезд, который позволял ему обходить самые большие барханы. Он шел и шел, пока не заметил на фоне горизонта какой-то угловатый силуэт, казавшийся странным правильным пространством без звезд. Еще не понимая, что это, он повернул в ту сторону, побежал, проваливаясь все глубже, и наконец вытянутыми руками, словно слепец, ударился о твердый металл. Это был вездеход, пустой, возможно один из тех, которые накануне утром выслал Хорпах, а может какой-нибудь другой, например брошенный группой Реньяра. Рохан не думал об этом, просто стоял, задыхаясь, обнимая плоский лоб машины обеими руками. Усталость тянула к земле. Упасть около машины, заснуть рядом с ней, чтобы утром, с солнцем, отправиться в путь...

Рохан медленно вскарабкался на панцирную крышу, на ощупь нашел рукоять люка и открыл его. Зажегся свет. Он сполз на сиденье. Да, теперь он уже знал, что немного опьянел, наверняка отравленный метаном, он никак не мог отыскать стартер, не помнил, не знал ничего... Наконец, рука сама нашла потертую ручку, толкнула ее, двигатель негромко мяукнул и заработал. Он откинул крышку гирокомпасов, теперь он знал наверняка только одну цифру — курс возвращения. Некоторое время вездеход шел в темноте. Рохан забыл о существовании фар...

В пять было еще темно. Он увидел прямо перед собой, далеко, среди белых и голубоватых звезд, одну, висящую над самым горизонтом, рубиновую. Он тупо уставился на нее. Красная звезда?.. Таких не было... Ему казалось, что рядом с ним кто-то сидит, наверное, Ярг. Рохан хотел спросить его, что это может быть за звезда, и вдруг — будто его ударили — понял. Это был носовой огонь крейсера. Он направил вездеход прямо на эту рубиновую капельку. Она постепенно поднималась, пока не стала ярко горящим шариком, в отсвете которо-

го переливался панцирь звездолета. Между приборами замигал красный огонек и раздался звонок, сигнализируя о близости силового поля. Рохан выключил двигатель. Машина сползла по склону бархана и остановилась. Он не был уверен, что сумеет забраться в вездеход, если вылезет из него. Поэтому он залез в ящик и достал ракетницу. Она прыгала у него в руке. Рохан оперся локтем о руль, сжал запястье другой рукой и потянул спусковой крючок. Оранжевая черта пронзила темноту. Черта кончилась взрывом, выбросившим яркие звездочки, — ракета ударилась в стену силовой защиты. Он стрелял раз за разом, пока не услышал сухие щелчки ударника. Кончились патроны. Но его уже заметили. Почти сразу же на вершине корабля вспыхнули два больших прожектора и, лизнув песок белыми языками, скрестились на вездеходе. Одновременно осветился пандус и, как холодный огненный столб, вспыхнула шахта пассажирского подъемника. Трап мгновенно заполнился бегущими людьми, под кормой на барханах заметались огоньки. Голубые светлячки показали проход внутрь поля.

Ракетница выпала из рук Рохана. Он не помнил, как сполз по холодному боку машины, и, пошатываясь, преувеличенно большими шагами, неестественно выпрямившись, стиснув кулаки, чтобы подавить неприятную дрожь в пальцах, пошел прямо к кораблю, который стоял в половодье огней, на фоне бледного неба такой величественной неподвижной громадой, как будто и в самом деле был непобедим.

Закопане
Июнь 1962 — июнь 1963

Авторизованный перевод
с польского Дм. Брускина

ВАЛЕНТИНА ЖУРАВЛЕВА

ЛЕОНАРДО

Я разговорился с ним, когда в проигрывателе — шестой раз за вечер! — крутилась пластинка Канделаки. До этого мне как-то неудобно было подойти к нему — нас познакомили мельком. Но в шестой раз услышав песенку о Егорке, который никак не мог научиться ходить на лыжах, я не выдержал.

Видимо, он тоже скучал. Когда я предложил ему папиросу, он охотно вышел со мной на балкон.

Нужно было начать разговор, и я спросил первое, что пришло в голову:

— Если не ошибаюсь, именинница — ваша сестра?

Он ответил:

— Да.

Потом добавил:

— Если не ошибаюсь, она — подруга вашей жены?

Мы посмотрели друг на друга и рассмеялись.

— Мероприятие, — сказал он. — Торжественное мероприятие. И мы с вами попали в почетный президиум...

Он оказался интересным собеседником — образованным, остроумным. Высокий, полный, пожалуй, излишне полный для своих тридцати трех — тридцати пяти лет, с маленькой аккуратно подстриженной русой бородкой, голубыми чуть-чуть раскосыми глазами, он чем-то напоминал актера. Может быть, такое впечатление возникало из-за его манеры говорить. Он очень ясно (я бы сказал — выпукло) произносил слова.

Да простится мне профессиональное сравнение, но этот человек не был сделан по типовому проекту. На все, что он знал (а знал он, кажется, немало), у него была своя, иногда удивительно верная, иногда довольно странная, но обязательно с в о я точка зрения. Сначала меня раздражали его категорические суждения. Впрочем, он не стремился навязывать свою точку зрения. Просто она не вызывала у него сомнений, казалась ему естественной — отсюда и убежденность. С такой же убежденностью ребенок может, показав на трамвай, сказать: «Дом». И попробуйте убедить его в том, что это не дом, а трамвай!

Когда разговор коснулся архитектуры, Воронов (Кирилл Владимирович Воронов — так звали моего нового знакомого) спросил, какие здания строились по моим проектам. Я назвал несколько домов в пригороде Москвы. Он прищурился, вспоминая. Усмехнулся:

— Если архитектура — это застывшая музыка, то сыграли вы нечто вроде марша. Очень размашисто и... очень прямолинейно.

Обидеться я не успел. Воронов высказал несколько конкретных замечаний, и с ними нельзя было не согласиться. В архитектуре он разбирался свободно — слишком свободно для неспециалиста. Мне захотелось узнать его профессию.

— Скульптор, — сказал он. И сейчас же поправился: — Бывший скульптор.

— Бывший? — переспросил я.

Он ответил не сразу. По-видимому, ему не очень хотелось говорить на эту тему.

— Да, бывший... Теперь работаю в институте этнографии. Есть там лаборатория пластической реконструкции. Ну вот в ней и работаю.

Заметив мое недоумение, он пояснил:

— Пластическая реконструкция — это восстановление лица по черепу. Вы не могли не слышать. Метод Михаила Михайловича Герасимова: реконструкция внешнего облика давно умерших людей. По методу Герасимова разный народ работает — медики, биологи, антропологи... и скульпторы.

— Так почему же — бывший скульптор?

Воронов ответил нехотя:

— Кое-кто из нашей братии считает, что искусство несовместимо с документальной достоверностью. Пластическая реконструкция, дескать, ремесло. Ну, они и назвали меня... бывшим.

Он погасил папиросу, достал новую, размял и закурил — все это очень аккуратными и экономными движениями.

— Восстанавливая лицо по черепу, — сказал я, — вы действительно должны сделать его таким, каким оно было. Нужно создать достоверную копию, не так ли? Начиная работать, вы даже не знаете, какое именно лицо у вас получится. Решение — вполне определенное решение — подсказывает наука. Что же остается скульптору? Конечно, пластическая реконструкция не ремесло, но...

Он перебил:

— Вы так думаете?

После трех бокалов шампанского у меня было миролюбивое настроение.

— Послушайте, — сказал я Воронову, — восстановление лица по черепу используется и в криминалистике. Расскажите что-нибудь... такое...

— Детективное? — усмехнулся он.

— Грешен...

— Увы, ничего не знаю. На моей памяти лаборатория для криминалистов не работала. Но если хотите, я вам кое-что покажу.

— Покажете или расскажете?

— Покажу. Я здесь живу — двумя этажами выше.

Черепа и все с ними связанное — не самая приятная тема для разговора. Но перспектива в седьмой, восьмой, а может быть, и в девятый раз услышать песенку о злоключениях Егорки привлекала меня еще меньше.

Я согласился.

Лестница едва освещалась тусклым, мерцающим светом.

— Свет-то каков, а? — сказал Воронов. — Мечта режиссера. Именно при таком освещении надлежит появляться призраку отца Гамлета...

Призрака датского короля мы не обнаружили. Но на лестничной площадке оказались молодой человек и девушка, которые, насколько я мог судить, не обращали внимания на плохое освещение. Увидев нас, они начали довольно громко говорить о задаче по начертательной геометрии. Воронов пробормотал что-то вроде приветствия, и мы прошли в коридор.

О квартире Воронова мне трудно что-либо сказать. Сославшись на беспорядок, он зажег свет только в третьей комнате. Это была мастерская или рабочий кабинет — скорее всего то и другое вместе. Два очень больших окна, прикрытых шторами, днем, наверное, давали много света. Напротив окон, на подставках, стояли бронзовые и гипсовые скульптуры. Красноармеец в буденовке. Двое дерущихся мальчишек. Человек, протянувший руку к пульту с кнопкой. Это было очень здорово сделано — лицо человека, подготовившегося к какому-то важному опыту, и рука, застывшая над кнопкой... Красивый антикварный столик, заваленный книгами, мало гармонировал с прибитыми к стене грубыми деревянными полками. В углу, небрежно прикрытое материей, стояло мраморное изваяние — скульптурный портрет девушки, той самой девушки, которую мы встретили на лестнице.

— Не закончили? — спросил я Воронова.

— Пустяки, — сухо сказал он и задернул материю. Потом, словно извиняясь, добавил: — Соседка. Начал как-то, да все недосуг.

Больше я не расспрашивал.

— Это неинтересно. Самые обычные скульптуры, —

продолжал он. — А пластическая реконструкция у меня одна.

Только сейчас, присмотревшись, я заметил в дальнем углу комнаты бронзовый бюст. Он стоял на невысокой тумбочке, и под него были подложены три толстые книги.

Мы подошли ближе. Это была голова старика: высокий — очень высокий лоб, поредевшие, но длинные, почти до плеч, волосы, тщательно расчесанная волнистая борода. Лицо — вытянутое, с близко посаженными глазами, большим ртом и узким, с горбинкой носом — сразу же показалось мне знакомым.

— Леонардо? — спросил я Воронова.

Он молча кивнул.

Признаться, я был взволнован. Взволнован и разочарован. Тончайшая, прямо филигранная, отделка деталей создавала впечатление реальности, граничащее с иллюзией. Но стоило только отвлечься от деталей — и иллюзия разрушалась.

Я не раз видел в репродукциях автопортрет Леонардо. Это лишь беглый набросок, но он передает то, что я привык считать главным в Леонардо, — мудрость человека, возвысившегося над поколениями. Облик Леонардо да Винчи, человека фантастической судьбы, всегда представлялся мне каким-то особенным, если так можно выразиться — надчеловеческим. И вот этого особенного, надчеловеческого, я не увидел в скульптуре Воронова. Сходство с автопортретом, конечно, не вызывало сомнений. Но Леонардо Воронова казался обыкновенным человеком. Более того — человеком уставшим, старым, почти несчастным.

— Садитесь. — Воронов придвинул мне кресло.

Я, кажется, забыл сказать, что комната освещалась лампами дневного света. Узкие трубки, подвешенные к потолку, излучали не то чтобы белый, а какой-то сиреневатый свет. В этом свете бронза теряла свой красивый, но несколько искусственный золотистый оттенок. Освещение усиливало иллюзию реальности, придавая бронзе цвет и фактуру загоревшей кожи.

Усадив меня в кресло, Воронов включил две лампы, расположенные на стене, по обе стороны от скульптуры. От яркого света я зажмурился, а когда открыл глаза...

В первый момент мне показалось, что бюст подменили. Он был тот и не тот. Сильный поток света стер детали. Раньше они подавляли целое, отвлекая внимание. Теперь изумительная отделка деталей не бросалась в глаза, она только угадывалась, ощущалась. Очень ясно, с удивившей меня отчетливостью, проступило главное — выражение лица.

Трудно, пожалуй невозможно, передать словами это выражение. У скульптуры свой язык, и он не всегда поддается переводу. Радость и горе, нет, величайшая радость и величайшее горе, торжество и страдание, знание и недоумение — все смешалось в этом выражении. Впрочем, смешалось — не то слово. Не смешалось, а чередовалось. По отношению к скульптуре такое определение может показаться надуманным. Но я не преувеличиваю. Выражения лица именно чередовались. Может быть, это объяснялось тем, что, рассматривая бюст, я не сохранял одного и того же положения. Может быть, зрение мое, останавливаясь то на одной, то на другой части лица, поочередно выхватывало из общего что-то отдельное...

Выражение лица Леонардо менялось. Я говорю это, не боясь показаться смешным. Повторяю, все объяснялось, по-видимому, простыми физическими явлениями. Однако эти явления стали возможными потому, что скульптору удалось перешагнуть границу, отделяющую искусство от того, что только похоже на искусство. Может быть, эта фраза слишком выспренна. Но, черт возьми, есть же в искусстве нечто, не раскладываемое на элементы, не поддающееся логическому анализу.

И еще одно — теперь Леонардо уже не казался мне обычным человеком, уставшим и старым. Все это осталось — и возраст, и усталость. Но усталость была не житейской, а какой-то иной, словно человек заглянул далеко вперед, и столетия, трудные, наполненные горем и радостью, легли ему на плечи. А возраст... Именно таким и представлялся мне Леонардо — не моложе и не старше.

Должен оговориться, что я передаю лишь основное, наиболее ясное в скульптуре Леонардо. Многое ощущалось смутно. В частности, сила. Не было того мощного разворота плеч, которым скульпторы любят снабжать

свои произведения. Но в чем-то неуловимом — может быть, в посадке головы, может быть в изгибе губ — угадывалась сила.

Голос Воронова донесся откуда-то со стороны:

— В январе тысяча пятьсот шестнадцатого года Леонардо выехал во Францию. Король Франциск Первый предоставил Леонардо замок Клу, близ города Амбуаза. Он был умен и образован, этот король. Всю жизнь Леонардо искал просвещенного покровителя. И нашел его слишком поздно...

Бронза была красноречивее слов. Но Воронов продолжал, и я понял, что ход его мыслей как-то связан с прервавшимся разговором об искусстве.

— Второго мая тысяча пятьсот девятнадцатого года Леонардо скончался. Его похоронили в маленькой амбуазской церкви... Через четыре с половиной столетия череп Леонардо передали нашей лаборатории. Впрочем, не было особой уверенности, что этот череп действительно принадлежал Леонардо. Да и сам череп... Левая скуловая и верхнечелюстная кости были выломлены, зубы выкрошились, от носовых костей остались обломки... Вы, кажется, сказали — ремесло? Нет, это сплав знания и интуиции, расчета и догадки...

Сломанные кости воспроизводились по уцелевшим, симметричным. Носо-лобные отростки помогли восстановить форму носовых костей. По гнездам на челюстях воспроизвели зубы. И только после этого началась реконструкция мягких тканей лица. В какой-то части это действительно техника. На череп наносятся вылепленные из воска жевательная и височная мышцы. Потом — восковые гребни, соответствующие толщине мягких тканей. Воском же заполняются промежутки между гребнями. И на этом техника кончается. Например, форма рта, рисунок и форма губ зависят от многих, еще не вполне ясных факторов. А о форме ушей можно только догадываться. Прическа, усы, борода вообще не определяются по черепу. Как видите, научная достоверность не исключает творчества. Не исключает!

Но главное не в этом. Лицо, воссозданное по черепу, лишено выражения. Это, так сказать, среднеарифметический облик человека. Если хотите — облик человека

спящего. Попробуйте-ка заставить его проснуться... Метод Герасимова дает скульптору исторически достоверную заготовку — и только. В эту заготовку — не разрушая ее и не ломая ни одной детали — нужно вдохнуть жизнь. Здесь уже искусство.

Леонардо прожил шестьдесят семь лет. Он был художником, скульптором, служил инженер-генералом в войсках герцога Борджиа, строил каналы и крепости. Он родился во Флоренции, жил в Милане, Венеции, Риме, наверное, путешествовал по Востоку. Умер он, как я говорил, во Франции... Из этой жизни нужно было выбрать что-то одно. Но что? Показать художника, написавшего «Тайную вечерю»? Скульптора, изваявшего «Великий Колосс» — конную статую Франческо Сфорца? Ученого, на столетия опередившего свое время, знавшего, что пространство бесконечно, что движение — основа жизни? А может быть, честолюбивого придворного, приближенного Людовика Моро, Цезаря Борджиа, Франциска Первого?.. Но Леонардо оставлял картины незаконченными. Он не завершил работу над «Колоссом». Он неожиданно прерывал оптические исследования и писал монографии по ботанике. Он менял покровителей, переезжал из государства в государство... Что он искал? Кем он был?.. Скажите, что выражает лицо Леонардо?

Я — как мог — передал свои впечатления. По-видимому, они были не такими, как хотелось бы Воронову, потому что, слушая меня, он хмурился, а потом долго молчал.

— Что ж, может быть и так, — сказал он, доставая папиросу. Он вообще много курил в этот вечер. — Пожалуй, даже именно так. У меня к этой вещи слишком личное отношение, чтобы судить объективно. Год поисков, сомнений и разочарований, десяток неудачных вариантов и, наконец, этот, последний, сделанный за одну ночь... Я искал ключ к жизни Леонардо, одно мгновение, в котором, как в фокусе, пересекались бы все линии его жизни, судьбы, характера... В ту ночь я был уверен, что нашел этот ключ. А теперь... Не знаю. Кажется, что-то осталось в глине и не перешло в бронзу.

Он негромко, с хрипотой рассмеялся.

— Вжиться в образ — так ведь говорят артисты?

Раньше мне казалось, что это претенциозный термин — не больше. Но той ночью... Вы понимаете, это трудно объяснить... Мне казалось, что я окончательно запутался. Хаос мыслей, впечатлений... И знаете, что я сделал? Взял лист бумаги и попытался описать Леонардо. Ну какой из меня писатель... Я вымучивал первые фразы. А потом — это получилось как-то незаметно — я уже едва успевал записывать. Вы понимаете, я слышал голос Леонардо... Вместе с Леонардо я видел крепость: дряхлые форты, полуразвалившиеся башни, заросшие мхом бойницы. Где-то сзади ковылял хромой старик, смотритель крепости. Стучала палка о камень выщербленных временем и непогодой ступеней... Писал я, наверное, плохо, но сам процесс писания упорядочил, прояснил мысли. Получилось что-то вроде трамплина. Последняя фраза осталась незаконченной — я принялся за глину...

Воронов с силой вдавил окурок в пепельницу.

— У вас сохранилось написанное? — спросил я.

Он молча подошел к полке, достал лист бумаги, протянул мне.

Почерк был странный: мелкий, довольно ясный и — в то же время — летящий, с глубоким наклоном вправо.

«...Почтительно склоняется смотритель перед инженер-генералом. Шаг назад. Неловкий шаг на хромой, негнущейся ноге, и еще один поклон. Это — перед титулом «наш превосходнейший и избраннейший приближенный». Так назван Леонардо в патенте, скрепленном печатью герцога Борджиа. Еще шаг назад, и снова поклон. Это, пожалуй, в благодарность за то, что герцогский инженер, приехавший инспектировать укрепления Пьомбино, оказался снисходительным, очень снисходительным... *(Зачеркнуто.)*

Глупо считать поклоны. Леонардо резко оборачивается. Жадно глотают губы морской, насквозь просоленный ветер.

С башни видно далеко. Но он смотрит вниз, туда, где кончается камень и начинаются волны. Волны упрямы. Нагнув крутые лбы, как горные бараны, прыгают они на камни. Прыгают в бешенстве и отскакивают, роняя серые клочья пены.

Он никогда не изображал моря. Бессильна мертвая сангина или грубоватая темпера перед живой игрой света и тени на гребнях волн. Бессильна кисть перед прозрачной глубиной, вмещающей тысячи тысяч оттенков. Бессилен перед морем живописец Леонардо...

Узкие пальцы скользят по шершавым зубцам башни. Время к вечеру. Прохладно. Только камень еще хранит тепло, скупую ласку весеннего дня. Камень стар. Солнце и ветер, как скарпель терпеливого скульптора, вырезали в нем глубокие морщины — незаживающие шрамы времени.

Боясь упустить последний свет дня, Леонардо торопливо вытаскивает из потайного кармана плотный лист картона. Придирчивый взгляд вновь и вновь возвращается к четким линиям рисунка. Да, все правильно... Нужно открыть кран, и человек сможет дышать под водой легко и свободно. В сосуде достаточно alito, дыхания, чтобы пробыть на дне моря так долго, как только можно оставаться без пищи... *(Зачеркнуто.)*

Простой рисунок — но это власть над морем.

«Над морем?» — глухо спрашивают волны.

«Над морем?» — чуть слышно повторяет ветер.

Леонардо всматривается в чернеющую воду. Неужели он вслух произнес эти слова?

Тихо. Волны, утомившись, ласково гладят камень. Море изменчиво... как правители. Через два дня он увидит Цезаря. Дрогнет цепкая рука герцога, принимая маленький листок картона. Миром правит тот, кто владеет морем...

Инженер-генерал смотрит на косой парус, белым мазком брошенный в черную бездну моря. Гордый, похожий на коршуна, бусс разворачивается, и ветер несет его к гавани. Призрачное могущество! Человек может пройти по дну моря, и снаряд, посланный невидимой рукой, взломает дно корабля. Хлынет в пробоину вода, закричат в безумном ужасе люди...

Что ему за дело до чужого горя? Зло, которое ему не вредит, стоит ровно столько же, сколько добро, для него бесполезное. Столько же?.. В пятьдесят лет трудно обманывать себя. В пятьдесят лет человек умеет думать. Но о чем думать? Этот листок картона придется отдать. Великое творение не может, не должно остаться

неизвестным. Придется отдать, чтобы открыть дверь в мир рыже-зеленых водорослей, мир, вход в который наглухо закрыт для человека. И не его вина, если в открытую дверь хлынет чужое горе. Да, будут идти ко дну корабли. Будут гибнуть люди. Разве мало горя на земле? Одним горем будет больше...

Он переходит на другую сторону башни. Здесь нет моря. Здесь все просто, привычно. Знакомые звуки гасят неясную тревогу.

Переругиваются у окна трое солдат. Сталкиваясь, стучат игральные кости. И у другого окна тени. Хохочет, повизгивая от притворного возмущения, толстая служанка смотрителя.

Снова щелкают плиты под ногами инженер-генерала. Снова перед ним черный провал моря. А за спиной — Италия... *(Зачеркнуто.)* Что ж, он отдаст свое открытие Италии. Впрочем, в пятьдесят лет трудно обманывать себя.

«Италия? — он усмехнулся. — Ее нет. Милан против Рима, Рим против Флоренции, Флоренция против Милана... Все против всех. И не Италии — Цезарю нужен маленький лист картона...»

Трижды поднимался по сбитым ступеням смотритель. И трижды возвращался, не смея подойти к сгорбленному человеку в плаще инженер-генерала.

А утром «превосходнейший и избранный приближенный» сошел вниз. В глазах его — безразличных и холодных — не было сомнения. Он решил...»

— Решил?..

Воронов, ходивший по комнате, остановился. Сказал, глядя в бронзовые глаза Леонардо:

— Нет, в ту ночь он ничего не решил. Прошло еще восемь лет, прежде чем он решил.

— Что?

Скомкав, Воронов отбросил пустую папиросную коробку. Голос его прозвучал как-то странно, словно он сам прислушивался к своим словам:

— «Как и почему не пишу я о своем способе оставаться под водой столько времени, сколько можно оставаться без пищи.

Этого не обнародую и не оглашаю я из-за злых

людей, которые этот способ использовали бы для убийств на дне моря, проламывая дно кораблей и топя их вместе с находящимися в них людьми...»

Я протянул ему портсигар. Он отрицательно покачал головой, улыбнулся:

— Ради бога, не посчитайте все это абсолютно достоверным. Мысли не восстановить по черепу... Хромого смотрителя и ночь на башне я вообще выдумал. Точнее — так мне представлялось в ту ночь. А вот остальное — правда. В мае тысяча пятьсот второго года Леонардо по поручению Борджиа инспектировал укрепления Пьомбино. Рубен Абгарович Орбели считает, что именно там Леонардо и изобрел водолазный скафандр.

— А эти слова? «Как и почему...»

— Запись сохранилась до наших дней. Это так называемый Лейчейстерский манускрипт. Удивительный документ, не правда ли? Всю жизнь Леонардо стремился покорить море; работами Орбели это доказано абсолютно точно. Всю жизнь! И, наконец, создал скафандр. Кстати, alito — это, скорее всего, сжатый воздух. Не случайно, среди изобретений Леонардо есть прибор для определения плотности воздуха. В современных аквалангах можно пробыть под водой минут сорок. А Леонардо писал: «...столько, сколько можно оставаться без пищи». Представляете? Это была трагедия — отказаться от такого изобретения. И Леонардо отказался! Из-за людей, для людей... Изобретение не попало тем, кто в своих интересах вел кровопролитные войны. Год спустя Леонардо писал: «Война — сумасброднейшее из безумств человеческих»... Художники считают Леонардо художником, ученые — ученым, инженеры — инженером. А он ни тот, ни другой, ни третий. Точнее — и тот, и другой, и третий, но сверх того, выше того — еще кто-то... Это я и хотел передать... Да вот... Давайте все-таки закурим...

Мы закурили. Попыхивая папиросой, Воронов ходил по комнате.

Я смотрел на Леонардо. Сейчас я уже не думал о том, как скульптору удалось передать сложнейшую гамму чувств. Я не думал и о том, что́ именно преобладало в этой гамме. Не все ли равно — радость или горе? Не все ли равно — вдохновение, понимание или

воля? Как семь цветов спектра, смешавшись, дают белый свет, так и человеческие чувства, слившись, образовали нечто особое, согревшее бронзу своим мягким светом.

Художник, ученый, инженер? Да, конечно. Но сверх того и выше того — Человек.

РОМАН КИМ

КТО УКРАЛ ПУННАКАНА?

Повесть-памфлет

1. ФИЛИП К., ЛИТЕРАТУРНЫЙ АГЕНТ

Я посмотрел на часы — пора кончать работу. Но как только стал складывать папки и листки с записями, задребезжал дверной звонок. В передней послышался ласковый грудной голос Ады Ч., писательницы-фантастки. Пользуясь привилегией давнишней клиентки, она прошла прямо ко мне, минуя каморку моего секретаря Евы. У писательницы массивная фигура. В моем кабинете, заставленном книжными полками, сразу же стало тесно.

Ада Ч. всегда приезжала в наш город неожиданно, без телефонного звонка и требовала, чтобы я в течение двух-трех дней пристраивал ее очередной опус в каком-

нибудь журнале или издательстве. Платила она всегда щедро: не десять процентов гонорара, как все другие клиенты, а двенадцать. Когда вещь не удавалась ей и мне приходилось уламывать редакторов или издателей, Ада Ч. платила еще больше.

Она приехала в машине и должна была без промедления направиться дальше — в Атланту, к своей замужней дочери. Я предложил ей отдохнуть и выпить чаю. В это время за Евой зашли ее тетки — старые девы: толстая, экспансивная Эмма и худощавая, степенная Мона. Я пригласил всех к чайному столу.

Ада Ч. вынула из сумки виниловую папку с рукописью и объявила, что о космических путешествиях больше писать не будет. Эта тема теперь отошла к писателям-реалистам и сочинителям репортажей. Отныне она будет писать о загадочных явлениях в нашей повседневной жизни, которые не поддаются научному объяснению.

— О привидениях? — вежливо спросила Ева.

Фантастка закурила сигарету и, откинувшись на спинку кресла, стала рассказывать. Люди уже ворвались в космос и хозяйничают в нем, начинают раскрывать секреты нуклеиновой кислоты и белка, разложили по полочкам «элементарные» частицы, с помощью электронносчетных машин ставят такие потрясающие проблемы, что дух захватывает; они уже практически изучают световые лучи, которые вызовут коренной переворот в науке и технике. Люди овладевают великими тайнами вселенной, уже подбираются к головоломной загадке антимира, но по-прежнему беспомощны, как котята, перед тайнами, с которыми сталкиваются на каждом шагу в своей повседневной жизни.

Люди, например, часто видят сны, которые сбываются самым непостижимым образом: нередко предчувствуют несчастья; видят во сне или наяву своих родных или знакомых, которые, находясь в это время за тридевять земель, взывают к ним о помощи; а потом выясняется, что они погибли как раз в тот момент, когда являлись своим родичам или друзьям.

— Сказки, — громко произнесла тетя Эмма.

А тетя Мона тихо добавила:

— Чушь.

Ева взглянула на теток с укоризной.

— Я где-то читал, — сказал я, — что знаменитый

русский ученый восемнадцатого века Ломоносов, живший в Петербурге, увидел во сне своего отца — тот умирал на берегу необитаемого островка. А через некоторое время стало известно, что отец ученого действительно погиб на пустынном островке в Северном Ледовитом океане после кораблекрушения. Это удостоверил академик Штолин в предисловии к собранию сочинений Ломоносова.

Ада Ч. кивнула головой.

— О таких случаях писали известный астроном Фламмарион и писатели Марк Твен и Эптон Синклер. Все они подтверждали факты передачи мыслей на расстояние. Знаменитый русский изобретатель Циолковский тоже верил в телепатию.

— Говорят, звери убегают из обжитых мест накануне лесного пожара, — заметил я. — А один дипломат рассказывал мне...

— Дипломаты всегда врут, — решительно заявила тетя Эмма.

Тетя Мона уточнила:

— Они склонны интерпретировать факты в нужном им смысле.

— Тише! — прошипела Ева.

Я продолжал:

— Он рассказывал мне, что во время войны собаки и кошки прятались в бомбоубежища задолго до объявления воздушной тревоги. А летучие мыши...

Ада Ч. перебила меня:

— Я имею в виду не механизмы или животных, а людей, угадывающих будущее. Например, в 1912 году один английский коммерсант предсказал гибель «Титаника»; тогда утонуло полторы тысячи человек. Американский врач Торнтон точно предугадал большое наводнение в Иллинойсе, а прорицатель Зенер предрек кончину государственного секретаря Даллеса еще в то время, когда Даллес был здоров и разъезжал по всем странам мира.

— Как страшно! — прошептала Ева и поежилась. — И... интересно.

Тетки фыркнули и уткнулись в спортивные журналы. Такие темы они считали недостойными внимания.

— Странные дела происходят чаще, чем мы думаем, — продолжала зловещим тоном писательница. — Я готова держать пари на что угодно, что в любом доме

вашего города говорят о таинственных явлениях и каждый третий человек либо сам испытал, либо знает людей, с которыми случилось что-нибудь такое, чего не может объяснить современная наука. Да вот пример: в вашем городе недавно произошло весьма загадочное событие... Этот таиландец или камбоджиец, журналист по профессии...

Мы знали об этом деле. Около месяца назад бесследно исчез таиландец Пуннакан — он появился неизвестно откуда в прошлом году и сотрудничал в местных периодических изданиях. Как говорили, у себя на родине Пуннакан занимал видный придворный пост, имел звание гофмаршала, но, когда вошли японские войска, стал коллаборационистом и после войны вынужден был бежать из Таиланда. Соблюдая строжайшее инкогнито, он долго скитался по разным странам и в конце концов приехал в Америку и поселился в нашем городе.

В журнале местных оккультистов «Высшее Бытие» появлялись очерки Пуннакана о метампсихозе и контактах с духами мертвых, но в последнее время он стал помещать статьи о Советском Союзе в бюллетене института политико-психологических исследований. И вдруг исчез, не сказав никому ни слова, не оставив никакой записки. В пансионе, где жил, он бросил все свои вещи. И это породило множество разных предположений и слухов.

— Мне передавали такую версию, — сказала Ада Ч. — Пуннакан будто бы давно умер, его подстрелили где-то не то на Памире, не то на берегах Янцзы, и был вызван из загробного мира...

— Какая ерунда! — в один голос возмутились тетки.

— Согласно этой версии,— продолжала фантастка, — Пуннакан снова вернулся в сверхчувственный мир. Но я не верю в это. Я думаю, что гофмаршала просто украли.

— Украли? — переспросила Ева. — Кто украл?

Обе тетки положили журналы на стол и уставились на писательницу — почуяли запах криминала. Ада Ч. выпустила изо рта струйку дыма.

— Пока не знаю. Мне хочется написать повесть о сверхъестественных явлениях. И в центре повести я думаю поставить фигуру... вроде этого гофмаршала Пуннакана. Но мне нужно собрать как можно больше мате-

риалов: о его прошлом, о том, как он появился здесь, что он делал и как его выкрали — словом, все сведения, какие только удастся собрать. — Она посмотрела на Еву, потом на меня. — Не возьмете ли вы на себя эту работу? О вознаграждении договоримся.

Она бросила взгляд на мой секретер: несколько тощих папок, лежавших на нем, красноречиво говорили о том, что я сейчас далеко не обременен работой. Я почувствовал на себе гипнотизирующий взгляд Евы: соглашайтесь! Обе тетки переглянулись и дружно закивали: соглашайтесь!

Я выдержал паузу, достаточную для поддержания своего достоинства, потом пожал плечами.

— Мы только что продали «Галактике» восемнадцать тысяч слов Шекли и десять тысяч слов Фреда Брауна и сплавили роман Хайнлайна в издательство «Авалон». Сейчас у нас небольшой антракт. Пожалуй, я смогу принять ваше поручение.

Ада Ч. сказала, что могла бы обратиться в частную сыскную контору, но я хорошо знаком с ее творчеством и поэтому лучше справлюсь с поручением.

— С чего же мы начнем? — деловым тоном спросила Ева и взяла блокнот.

Тетки стали нашептывать ей что-то, но она отмахнулась. Писательница сказала, что сведения о Пуннакане надо прежде всего собирать там, где он работал, — в редакции журнала оккультистов и в институте политико-психологических исследований при местном университете. Но, насколько ей известно, редактор-издатель оккультного журнала Рубироса и директор института профессор Фортон враждуют не хуже главарей двух шаек из фильма «Вестсайдская история». Поэтому надо действовать очень осторожно: обе стороны в каждом новом человеке видят шпиона, подосланного противником.

— Гофмаршала Пуннакана убили, — решительно заявила тетя Эмма. А тетя Мона сказала уверенно:

— Его исчезновение, безусловно, связано с преступлением.

Ева вздохнула:

— Полиция, наверно, уже занимается этим делом. Ищет таиландца.

Обе тетки презрительно рассмеялись. Дополняя друг друга, они выложили свое мнение. Этот брюхатый на-

чальник розыскного отдела не способен поймать преступника даже в том случае, если тот украдет из-под него кровать. Нечего опасаться конкуренции со стороны старого болвана, которому давно пора в отставку. Единственное, что он умеет, — это под хмельком играть в кегли.

Итак, поручение Ады Ч. было принято. Мы обещали выполнить работу как можно скорей. На прощание писательница поделилась новостями о своих коллегах. В Англии решили снимать фильм по роману Бредбери «Летопись Марса». Автора экстренно вызывали в Лондон для консультации, но он отказался, потому что никогда не летал на самолете: боится. Гонорар он запросил довольно солидный, но все-таки не идущий в сравнение с гонораром Агаты Кристи, которая за экранизацию пьесы «Свидетель обвинения» получила 116 тысяч фунтов стерлингов. Это рекордный гонорар: со времен Лукреции Борджиа ни одна женщина так не наживалась на убийствах.

— Когда вы напишете фантастическую повесть о таиландском гофмаршале, — сказала Ева, — ее можно будет экранизировать, и вы построите роскошную виллу на Лазурном берегу.

Ада Ч. погладила Еву по голове.

— А для этого, девочка, надо собрать материалы. Полагаюсь на вас.

2. У., ПОЛИЦЕЙСКИЙ ИНСПЕКТОР

Записи о деле Вибула Пуннакана, уроженца Таиланда, 52 лет, литератора, бывшего гофмаршала.

*** Обстоятельства исчезновения.**

Пуннакан проживал в пансионе «Альфа Хауз», в комнатке, имевшей отдельный вход. Вел исключительно замкнутый образ жизни. Хозяйка пансиона (немка), прислуга и жильцы видели его очень редко. Хозяйка полагает, что он почти не бывал дома, ночевал где-то на стороне. И совершенно неизвестно, кто к нему приходил.

Но 4 июня, в день исчезновения, хозяйка видела его. Он вышел около 8 часов утра с удочкой из черного бамбука, с красной сумкой и направился в сторону речки, протекающей примерно в 130 шагах от пансиона. И по

данным, которыми мы располагаем сейчас, с тех пор никто его не видел.

*** Проверка на местах, куда обычно ходил Пуннакан.** Редакция журнала «Высшее Бытие», местное Общество тайноведения, институт политико-психологических исследований (редакция бюллетеня), греческий ресторан и кегельбан Паскинелли.

В тот день ни в одно из этих мест он не заходил.

Опрошено девять знакомых Пуннакана, никто его не видел. Установлено, что Пуннакан звонил по телефону в мастерскую Педерсена — спрашивал, когда будет закончен ремонт пишущей машинки «Гермес».

*** Осмотр комнаты** ничего не дал. Одежда, обувь и прочие вещи (включая туалетные принадлежности) оказались на месте. Ни писем, ни записных книжек не найдено.

В тумбочке письменного стола обнаружен черновик рукописи (неоконченной) «Мое секретное пребывание в Красной России». В ящике стола незаконченная рукопись статьи «О случаях буйства духов (paltergeist) в Благовещенске и в Красной Пахре (под Москвой)».

В корзинке для бумаг найдены обрывки черновиков, газетные вырезки, окурки (сигареты с фильтром «Вайсрой») и прочий мусор, не представляющий интереса.

*** Предположения.**

Сбежал. Какие причины? Влез в долги? Об этом сведений нет. Замешана женщина? Сведений нет. Боялся кого-нибудь? Сведений нет.

Запрошены соседние города, аэропорты, проведена проверка по дорогам, заправочным пунктам и мотелям — никаких результатов. Разосланы фото, приметы: рост — примерно 5 футов 6 дюймов, брюнет, густая шевелюра, волосы прямые, подстриженные усики, эспаньолка, носит очки с коричневыми стеклами.

Нигде его не видели. Труп тоже не обнаружен.

Спрятался. Какие причины? Те же предположения (задолжал, женщина, боится) ничем не подтверждаются.

Похищен. Кем? Бандитами — с целью выкупа? (Отпадает: какой дурак даст деньги за таиландца, не представляющего особой ценности.) Красными?

*** Вендетта** (предположение Каплуна)? Надо проверить у кого-нибудь, знающего Таиланд, существует ли там кровная месть. В отделе иностранной информации

вечерней газеты сказали, что существует. Однако преподаватель географии женского колледжа Пембертона опроверг это, утверждая, что в Таиланде вендетты никогда не было, таиландцы — буддисты, им запрещено убивать кошек, ящериц, людей и собак. В редакции вечерней газеты решили, что нас интересуют все виды кровной мести, поэтому они сообщили дополнительно: исчерпывающие сведения о вендетте можно найти в повести Коломбы «Мериме» (вероятно, итальянской писательницы).

*** Начальник розыскного отдела** получил письмо. В нем говорится, что Пуннакан — астральное существо, принявшее вид экзотического мужчины, и по истечении срока пребывания в плоскости материи (то есть в нашем мире) снова перешел в плоскость эфирной субстанции и стал невидимым. Письмо напечатано на машинке и подписано: Манас (в Обществе тайноведения дали справку: Манас — термин йогов, означает высший ум). В письме четыре орфографических ошибки, отправитель, очевидно, женщина.

На имя начальника отдела вообще приходит много писем (все анонимные, оскорбительного характера). Именуют его «Каплуном» (в городе все знают его кличку), обвиняют в бездействии и неспособности, предлагают подать в отставку, уступить место тому, кто оправдает надежды налогоплательщиков.

Кроме этого, часто звонят по телефону, не называя себя, и тоже оскорбляют. В большинстве женские голоса.

*** Дело Пуннакана** поручено моей группе, и из-за этого стоит дело «Школьники — героин». Потребители наркотиков среди школьников-подростков обнаружены уже в пяти школах. За последние три месяца задержаны девять мальчиков и две девочки — дети состоятельных родителей. Героин стоит очень дорого, каждая порция в тридцать раз дороже билета в кино. Никто не признался, где достают героин. Очевидно, боятся сказать.

Внешние признаки потребителей героина: шмыгают носом, часто пьют воду или едят водянистые фрукты — пересыхает глотка, зрачки расширены, рот полуоткрыт, дыхание учащенное.

Надо как можно скорей поймать поставщиков. Но мне приказали это дело отставить и искать проклятого таиландца. Вряд ли мы его найдем.

Вчера с женой были в кино. Показывали картину

о неуловимом грабителе-убийце Красавчике Флойде, он существовал на самом деле и в течение ряда лет промышлял в четырех штатах.

Сзади сидели два мальчугана и беспрерывно тараторили, перебивая друг друга, о напарнике Красавчика Флойда — Кровавом Биле, затем о Джоне Диллинджере, Але Паризоле, Джонни Торио, Эле Анастасио, Джиме Коросимо и других знаменитых бандитах 20-х и 30-х годов. В прошлом году в девяти школах на уроках истории устроили проверку: большинство мальчиков могло назвать не больше четырех президентов, зато они знали почти всех гангстерских вожаков в Чикаго.

Мальчуганы заинтересовали меня: часто шмыгали носом и все время сосали сливы. Как только дали свет, я обернулся, но они нырнули в толпу. Успел только заметить, что один курчавый, темноволосый, другой светловолосый. Каждому не больше 13—14 лет. Жена сказала, что у одного из них были золотые часы.

3. ЕВА, СЕКРЕТАРЬ ЛИТЕРАТУРНОГО АГЕНТА

Я предложила Филу:

— Разделим работу на участки, а то будем мешать друг другу. Вы возьмите этот институт патолого-социологических или как их там...

— Политико-психологических исследований.

— А я возьму оккультистов с их дурацким журналом.

Фил мотнул головой:

— Вам будет трудно с оккультистами.

— Они не тигры. Справлюсь.

— Они будут крутить и морочить вас и ничего не скажут о таиландце.

Я рассердилась:

— Тогда действуйте сами. У меня есть срочная работа, которой надо будет заняться. Вчера из Бостона от Айзака Асимова пришла рукопись в 65 тысяч слов. Тема — изобретение киноаппарата, снимающего сновидения. Просит возможно скорей продать роман. Я займусь Асимовым, а вы один ищите своего Куппанана или как его там...

Фил подумал немного, вздохнул и согласился со мной. Лучше разделиться, чтобы не мешать друг другу.

Я тут же отправилась в редакцию «Высшего Бытия». Редакция находилась в обществе тайноведения, в доме рядом с церковью конгрегационалистов, на третьем этаже.

Меня принял секретарь редакции — худощавый молодой человек с ярко-красными губами, в рубашке, разрисованной, как картина Дюбюффе, назвал себя: Тайрон П. Довольно красив, но лоб низковат и торчат уши.

Я спросила, нужны ли журналу произведения научно-фантастического жанра. Если нужны, то какие условия, какой размер и темы?

Зазвонил телефон. Тайрон взял трубку и, закрыв глаза, произнес:

— Лекция «Учение Патанджали о пяти ступенях ума» переносится на субботу. Вместо нее будет беседа на тему «Гипотеза об антимире и учение теософов о духовной Триаде».

Он хотел что-то сказать мне, но снова зазвонил телефон.

— Редактора-издателя сегодня не будет, — ответил Тайрон.

То же самое он сказал молодой усатой даме, заглянувшей в комнату. Затем открыл глаза, печальные, с мохнатыми ресницами.

— Нам нужны рассказы, но не больше десяти тысяч слов. На следующие темы. Гремлины. Палтергейсты. «Феномен пси». Уфология. Психометрия...

Я вытащила из сумки блокнот:

— Ой, не так быстро! Я круглая невежда по этой части.

Тайрон перевел взгляд на телефон, потом на дверь, потом на стенные часы.

— Здесь нас будут все время прерывать. И сейчас время завтрака.

Я кивнула головой и поднялась.

Опять зазвонил телефон. Тайрон закрыл глаза и, не прикасаясь к трубке, сказал:

— Не приходите больше. У вас нечистое сердце. И не звоните больше.

Мы вышли на улицу, свернули в переулок за памятником героям войны и вошли в кафетерий рядом с магазином церковной утвари.

За завтраком он стал объяснять мне непонятные термины. Я решила записывать все. Надо собрать как можно больше сведений.

Кончив записывать, я поблагодарила:

— Столько любопытного узнала, прямо голова кружится. Обычно считают, что такие вещи трудно уживаются со здравым смыслом.

Тайрон закрыл глаза.

— Французский поэт Поль Валери сказал: «Здравый смысл долго отрицал движение Земли вокруг Солнца». Люди так называемого трезвого ума всегда, во все века отказывались признавать новые истины.

Я закурила сигарету и спросила:

— Вы можете говорить по телефону, не поднимая трубки?

Тайрон усмехнулся:

— Я могу делать и более трудные вещи.

— Спасибо, что просветили меня.— Я допила кофе.— Говорят, в вашем журнале печатался один таиландец... фамилия его...

Тайрон перебил меня:

— В наши дни здравый смысл в полном смятении. Электронный микроскоп, циклотрон, радиотелескоп и прочие приборы и устройства открыли перед человеком такие тайны, о которых он раньше не смел и подумать...

Я посмотрела на ручные часы, потом, встряхнув их, поднесла к уху. Но намек не достиг цели. Пришлось снова открыть блокнот. У стеклянной стойки с закусками появился человек в темно-сером костюме, длинный, худой. Я почувствовала: украдкой он разглядывает меня.

Разделавшись с вульгарным «трезвым умом», Тайрон перешел к оккультным наукам. Невежественные люди думают, что так называемые точные науки и оккультизм несовместимы. Чушь! Физика и математика все больше сближаются с основами оккультного знания. В квантовых числах, например, мы находим магические числа Каббалы, а электронная теория материи подкрепляет одну из опорных истин оккультизма — принцип двойственности активного и пассивного начал.

Тайрон закрыл глаза и сделал паузу. Я кивнула головой, хотя ничего не поняла. Человек в темно-сером по-прежнему смотрел в мою сторону.

Тайрон продолжал. Одновременно с проникновением

в тайны космоса и мира «элементарных» частиц наука наших дней занялась разгадкой сокровеннейших тайн внутреннего мира человека.

Ученые стали изучать различные свойства человека, связанные с внечувственным восприятием, например, «феномен пси» — передачу мыслей на расстояние, способность влиять на людей и на неодушевленные предметы, способность видеть вещие сны, предчувствовать, предвидеть.

Но эти таинственные свойства человека нельзя изучать с помощью обычных научных методов, опирающихся на объективный чувственный опыт. Наиболее достоверно интуитивное познание, вытекающее из мистического прозрения. А как достичь этого прозрения?

Тайрон еще крепче зажмурил глаза.

— Путь к нему лежит через герметическую философию, изложенную в древнейшем манускрипте «Табула Смарагдина Герметис». Эта философия учит, как стимулировать развитие в себе астральных способностей вроде ясновидения.

— Как стать ясновидящим? — спросила я.

— Да.

— Я читала где-то о голландском ясновидце ван Фулькосе...

Человек в темно-сером перешел к ближнему концу стойки. Я успела разглядеть его широкий лоб, впалые щеки, острый подбородок, треугольное болезненное лицо. Он был высокий, около шести футов ростом.

— Не ван Фулькос, а ван Хуркос.

— Говорят, что он мог находить утерянные вещи. Например, нашел тронный камень, исчезнувший из Вестминстерского аббатства во время корейской войны...

— Да. Сыщики Скотланд-Ярда нашли этот камень в Шотландии с помощью ван Хуркоса. Похитителями оказались шотландские националистически настроенные битники.

— Значит, ясновидящий может найти и исчезнувших людей? Скажем, вашего бывшего сотрудника?

Тайрон пропустил мой вопрос мимо ушей.

— В своде герметических знаний «Кибалион» говорится о том, что существуют четыре плоскости человеческого сознания: физическая, астральная, деваханическая, или ментальная, и будхическая, от слова «будхи» —

духовное начало человека. И этим плоскостям сознания соответствуют четыре состояния сознания, пройдя которые можно дойти до высшей фазы просветления — вайрагьи.

— Каждый может дойти?

Тайрон приоткрыл один глаз.

— Наш журнал, редактором-издателем которого является глубочайший знаток тайноведения, великий мастер герметизма Хесус Рубироса, учит тому, каким путем можно дойти до фазы вайрагья и соприкоснуться со сверхчувственным, то есть потусторонним, миром.

— Вы учите тому, как связаться с потусторонним миром?

Он оглянулся и прошептал:

— Если вас это интересует, приходите к нам в четверг на той неделе. В восемь вечера. У входа приложите мизинец левой руки к правой брови — вас пропустят.

— Это не опасно?

Он открыл глаза.

— Мы не заговорщики и не гангстеры. Мы враги материализма. — Он медленно оглядел меня снизу вверх. Я покраснела. — Вы не шпионка?

— Вы с ума сошли!

Человек в темно-сером сел за столик неподалеку от нас и закрылся газетой. Теперь Тайрон оглядел меня сверху вниз.

— Мне показалось, что вы марксистская шпионка. Но внешние впечатления обманчивы. Вы окончили здешний университет?

— Нет, в Огайо.

— А я Стенфордский. Имею две медали за победы в состязаниях по боксу. А какой у вас интеллектуальный показатель?

— В университете был 180. А у вас?

— Около этого. Значит, придете?

Я быстро вышла из кафетерия и свернула в переулок. Дойдя до автобусной остановки, оглянулась. Кто-то высунулся из-за дома и тотчас же спрятался. Очевидно, это был человек в темно-сером.

Дома меня ждали тети. Они умирали от любопытства. Но я разочаровала их: Тайрон упорно молчит о Пуннакане.

Тетя Эмма заявила:

— Скрывают, значит, убили.

Тетя Мона осторожно заметила:

— Во всяком случае с ним что-то случилось.

Я рассказала тетям о человеке в темно-сером, с треугольным лицом. Тетя Мона наклонила голову набок:

— Может быть, сыщик?

Тетя Эмма дернула головой:

— Это злоумышленник.

— Во всяком случае, его надо опасаться, — сказала тетя Мона.

Тетя Эмма погрозила мне пальцем:

— Запомни его приметы и будь настороже. Называй условно: Треугольный.

— Ничего не говорите Филу, — сказала я. — Он будет тревожиться за меня.

Остальную часть моего сообщения тетки выслушали без всякого интереса. Герметизм, оккультизм и все прочее они считали ерундой, не заслуживающей внимания. В середине моего рассказа появился Фил и сел в углу за стереофоном.

В заключение я сказала:

— У Тайрона красивые глаза и губы.

Фил сердито буркнул:

— Ходить к оккультистам — пустая трата времени.

— А я буду ходить.

Фил хотел что-то возразить, но, взглянув на меня, промолчал.

Некоторые записи, которые я сделала со слов Тайрона П. (в сокращенном виде).

а) „Феномен пси".

Выходя из метро на Стейт-стрит в Чикаго, одна дама вдруг подумала: «Интересно, что стало с тем красивым филиппинцем?» Этого филиппинца она видела семь лет назад в Австралии и с тех пор ни разу не вспоминала о нем. Именно в этот самый момент у филиппинца, играющего в гольф в окрестностях Йокогамы, вдруг всплыл в памяти образ богатой старухи американки, с которой он однажды флиртовал в мельбурнском аэропорту. Почему дама и джентльмен вспомнили друг о друге в одно и то же мгновение? А это потому, что один из них передал свою мысль другому; как говорят ученые, он пере-

дал телепатическую информацию — телепатему. Вот эта функция и называется «феноменом пси».

Ученые разных стран ломают голову над тайной «феномена пси». Одни говорят, что происходит излучение радиоактивных атомов; другие утверждают, что мозговая деятельность вызывает колебания в метаэфирной среде; третьи приплетают сюда частицы нейтрино и гравитационное поле.

А герметисты уже много тысяч лет тому назад знали, что телепатическая способность появляется у человека, когда он, идя по пути герметического посвящения, достигает плоскости сознания, находящейся под знаком действия астральных энергий макрокосма.

б) Психометрия.

Вы достаете из кармана зажигалку и передаете даме, которую видите впервые. И она вас тоже. Закрыв глаза, дама говорит: «В прошлую субботу, будучи в гостях у старшей сестры, вы уронили эту вещь на ковер, и любимец хозяйки, серый пушистый кот с белыми лапками и черным носиком, закатил золотую игрушку под диван. И вы очень обрадовались, когда после долгих поисков нашли эту зажигалку. Ее вам подарила в прошлом году, в день Валентина, ваша знакомая, супруга директора банка, в котором вы работаете. Она обожает детективные романы Картера Брауна, и вы встречаетесь с ней по вторникам в загородном доме ее тетки».

Вы потрясены: все правильно. И насчет визита к сестре, и насчет ковра и кота, и насчет Картера Брауна. Эта способность узнавать по предмету мельчайшие подробности биографии обладателя предмета называется психометрической телепатией или просто психометрией.

Психометрия иногда сочетается с ясновидением. Шведский ученый XVIII века Сведенборг, находясь в Гетеборге, прикоснулся к табакерке и увидел пожар в Стокгольме, а Стокгольм по прямой находится в двухстах с лишним милях от Гетеборга.

в) Уфология.

Первым увидел круглые светящиеся предметы в небе американец Кенес Арнольд. Это произошло 24 июня 1947 года. Затем обнаружились другие очевидцы. Начались споры. Одни категорически заявляли, что летающие предметы — плод фантазии, другие стояли на точке зрения Арнольда и остальных очевидцев.

В Америке и Европе появилась литература о неизвестных летающих предметах — unknown flying objects, сокращенно, по первым буквам — UFO. И возникло слово «уфология» — учение о таинственных летающих предметах.

Уфологи появились в Америке, Западной Германии, Японии и других странах. В 1952 году уфология вступила в новый этап своего развития. Американец Джордж Адамский, житель Калифорнии, обнаружил посланцев с Венеры, прилетевших на Землю в круглом сосуде. Адамский сумел объясниться с космическими визитерами и упросил их взять его на Венеру. Сперва они отказывались, но потом согласились, и американцу удалось побывать на этой планете. Примеру Адамского последовали другие уфологи; впоследствии они сделали сообщения о своих полетах на Марс, Юпитер и Уран. Один из них даже привез собаку с Венеры, очень похожую на жесткошерстую таксу, другой опубликовал цветной фотоснимок девушек Плутона с ярко-зеленой кожей.

Затем стали поступать сведения об инопланетных астронавтах. На международном конгрессе уфологов, состоявшемся в Висбадене в 1961 году, было объявлено о прилетах на Землю венерианца Кумара и космитянина Аштора. И стало известно, что осенью 1954 года в разных странах — во Франции, Италии, Швеции и Венесуэле — приземлялись «уфо», и из них вылезали маленькие существа свинцового цвета, напоминающие людей, но желеобразные.

Японская «Ассоциация космических путешествий» опубликовала в газетах сообщение о том, что японец Киётака Ясуи, житель города Окаяма, 30 апреля 1960 года видел приземление космитянина в фосфоресцирующем костюме. Ясуи беседовал с ним в течение двадцати минут, гость свободно говорит по-японски, только иногда путает мужские и женские местоимения первого лица.

Видный американский уфолог Рейнгольд Шмидт сообщил на конгрессе о своем полете на Сатурн и о том, что на обратном пути, погрузившись на дно моря, видел советскую ракетную базу специального назначения.

Один из уфологов уже попал на скамью подсудимых. В конце 1961 года в Австрии состоялся суд над неким Карлом Мекисом, который вместе с Вебером-Рихтером, побывавшим на Венере, организовал в Чили бюро по

подготовке вторжения венерианцев на Землю; эти уфологи стали собирать деньги среди тех, кто заранее решил сотрудничать с венерианскими оккупантами. В австрийских газетах сообщалось, что Вебер-Рихтер объявил себя внебрачным сыном Адольфа Гитлера.

В красных странах уфологов нет, но в Советском Союзе один популярный писатель-фантаст выдвинул такую гипотезу: в далеком прошлом на Землю, возможно, спускались на космопланах инопланетные туристы. Намеки на это содержатся в библейских, индийских, греческих, шуммерийских, южноамериканских и восточноазиатских мифах, в частности в японских. В последних говорится о тенсонах — небесных потомках, спустившихся с неба на Японские острова.

Уфологов очень заинтересовала эта гипотеза, но, к их сожалению, ее автор не желает примкнуть к Всемирной ассоциации уфологов.

г) Палтергейст (paltergeist).

Иногда без всякой причины в доме буйствуют вещи: мебель, посуда, предметы домашнего обихода начинают летать, падать, опрокидываться, ломаться и грохотать. Это явление называется палтергейстом.

О палтергейстах существует довольно солидная научная литература. И в особенности этот вопрос интересует спиритов.

Первый официально зарегистрированный случай палтергейста произошел в 1817 году в штате Теннеси на ферме Джона Бэла. По ночам стали раздаваться стуки в дверь и окна, кто-то грыз кровать, скреб пол, дергал детей за волосы. Палтергейсты продолжались целых три года, и дело кончилось тем, что Джон Бэл в состоянии психического расстройства отравился мышьяком.

В начале 1960 года в Америке всеобщее внимание привлекли два случая палтергейста. В Балтиморе, в доме Эдгара Джонса, начали происходить непонятные вещи: кадка с цветами влетела из сада в дом, разбив стекла в окне, картины падали со стен, фарфоровые статуэтки сбрасывались на пол, бутылки лопались, а банки с овощами летали по воздуху. Как только прибыли газетные репортеры, фотографы и операторы, вещи успокоились.

Такой же инцидент произошел в Гаттенберге (Айова), в доме Уильяма Мейера. Там палтергейст прекратился в связи с появлением обследователей из Айовского уни-

верситета, вооруженных счетчиками Гейгера, осциллографами, магнитофонами и прочими приборами.

Ученые еще не пришли к согласованному выводу относительно природы этого явления. В том, что палтергейст существует, удивительного, пожалуй, не так много. Более удивительно то, что он проявляется только в Америке. Вот это и следовало бы выяснить ученым в первую очередь.

д) Гремлины.

О гремлинах впервые заговорили во время второй мировой войны английские летчики.

Во время полетов вдруг без всякой причины начинали капризничать моторы и пулеметы, портились прицельные и другие приборы. Возникновение неполадок было трудно объяснить, так как самолеты, как правило, весьма тщательно проверялись перед каждым вылетом. Командование военно-воздушных сил Соединенного королевства неоднократно проводило расследования, но ничего не могло выяснить.

Офицеры Эм-Ай 5 (контрразведки) сбились с ног в поисках нацистских диверсантов. Но то, что не удалось многочисленным комиссиям и контрразведчикам, сделали рядовые летчики — они нашли виновников. Ими оказались крохотные злые духи. Они гнездились в самолетах — в пазах и под обшивкой — и проказничали. Их окрестили гремлинами. Через некоторое время появились сообщения о них в американских газетах и журналах. Это привело к тому, что гремлины обнаружились и в Америке. Но в отличие от английских гремлинов, которые обитали только в военных самолетах, американские жили и размножались в двигателях автомобилей и мотоциклов.

Наряду с людьми, относящимися к гремлинам вполне серьезно, как, например, видный ученый Кимбол Янг, давший в своем труде «The Handbook of Social Psychology» научное освещение проблемы гремлинов, появились и скептики. Отказываясь верить в злых духов середины XX века, они всячески высмеивали это, по их выражению, модное суеверие. К числу скептиков принадлежал и Уолт Дисней, пустивший в ход карикатурное изображение гремлинов. Из зловещих существ, они превратились в забавных, милых бесенят. Смех убил веру, и после окончания войны о гремлинах перестали говорить.

Снова они появились в конце 1950 года — в танковых и артиллерийских частях американцев на корейском фронте. Они причинили большой вред 1-й дивизии морской пехоты во время ее поспешного отступления в районе Хамхына. Очевидно, эти гремлины были неамериканского происхождения.

4. ФИЛИП К., ЛИТЕРАТУРНЫЙ АГЕНТ

Как и следовало ожидать, Еве ничего не удалось выведать у оккультистов о таиландце. Ей заговорили зубы всякой чепухой о потустороннем мире.

Судя по тому, что секретарь редакции «Высшего Бытия» уклонился от разговора о Пуннакане, видно, что это дело не такое простое, как мы думали вначале. Поэтому я решил действовать осмотрительно, тщательно продумывая каждый свой ход.

Перед тем как нанести визит директору института политико-психологических исследований профессору Фортону, я попросил доцента Клеменса Ф., астрофизика, позвонить Фортону и отрекомендовать меня. Доцент охотно выполнил мою просьбу: я пристраиваю его статейки и рецензии (под псевдонимом) в «Имажинейшн», «Эмезинг» и других журналах фантастики, — ему приходится подрабатывать.

Фортон прислал письмо: он примет меня в субботу от 2.25 до 2.40.

Я приобрел в книжном магазине около здания факультета искусств и наук последние номера бюллетеня института политико-психологических исследований. Один из номеров был посвящен сегодняшней русской литературе. Здесь были статьи о всех жанрах, кроме фантастики.

Итак, тема для разговора есть. Я предложу Фортону автора, знающего русский и компетентного по части советской фантастики, моего университетского товарища, который сейчас сидит на мели.

В день визита к Фортону я решил прослушать публичную лекцию одного из сотрудников его института на тему «Экспериментальное изучение политических эксцессов азиатских экстремистов». Но я перепутал часы, и, когда вошел в малый зал музея этнографии и антропологии, лекция уже близилась к концу.

Лектор — коренастый, коротко остриженный, с быстрыми, энергичными движениями, похожий на игрока университетской бейсбольной команды — подводил итоги. Слушателей было немного: в первом ряду восседали упитанные дамы в золотых очках и пожилые джентльмены с военной выправкой, а задние ряды были заняты студентами-иностранцами, по-видимому, бирманцами или малайцами.

— Позвольте приступить к резюмированию. — Лектор стал писать на доске латинские и греческие буквы и математические знаки. — Вот схема того, как фрустрация, то есть душевная депрессия, возникающая в результате подавления инстинкта агрессивности, приводит к эксплозии деструктивных тенденций, принимающих вид открытого бандитизма или политических эксцессов, вроде операций партизан в Южном Вьетнаме.

Я тихонько выскользнул из аудитории.

Профессор Фортон живет за университетским парком, на берегу озера. Оставив машину у главных ворот, я решил пройти к озеру кратчайшим путем — по тропинке между рощей и решетчатой оградой бейсбольного стадиона.

Идти надо было осторожно: на тропинке валялись разбитые бутылки, жестяные банки и прочий мусор — публика после матчей приходила в рощу и пьянствовала на лоне природы. В дни, свободные от игр, здесь было безлюдно.

Я пошел по краю кювета возле самой ограды, спотыкаясь об обломки транспарантов и сплющенных рупоров — их побросали болельщики после недавнего матча с гавайцами.

Сзади раздался протяжный свист. Что-то прошуршало за решетчатой оградой, и в дерево передо мной ударился камень, очевидно пущенный из рогатки. Я оглянулся. За оградой, прильнув лицом к решетке, стоял мальчуган в зеленом джемпере, лицо его было вымазано сажей. Он просунул сквозь решетку водяное ружье и направил его на меня.

— Стоп! — крикнул кто-то сзади.

Я увидел другого мальчика, в комбинезоне. Он был в бумажной маске; выглядывая из-за дерева, он нацелился в меня таким же водяным ружьем.

— Не двигайся! — приказали мне с той стороны решетки.

— Во что игра? — спросил я, улыбаясь.

— Никакая не игра, — сказал мальчик за решеткой. — Клади пятидолларовую на дорожку, или пустим на твой новый костюм несмываемую вонючую жидкость. Никакая чистка не берет. И сам будешь вонять целый месяц.

— Быстро! — заорал тонким голосом мальчик из-за дерева и приложил ружье к плечу. — Считаем до трех. Ра-аз...

Я оглянулся:

— Вот я сейчас позову...

Мальчик за решеткой блеснул зубами:

— Пока будешь орать, костюм твой погибнет. Ну?

— Два-а! — взвизгнул мальчишка за деревом.

Дурацкое положение! Кругом ни души. За стадионом курсировали только грузовые машины, да и то по утрам. Юные бандиты действовали наверняка. Я пожал плечами и, достав пять долларов, бросил их на тропинку.

— Катись быстро! — приказал мне мальчик за решеткой.

Я заметил, что у него светлые волосы, — на них, по-видимому, не хватило сажи. В спину мне ударился камешек — из-за дерева выстрелили из рогатки.

— Не смей оглядываться! — заорал белобрысый. — Проваливай, падаль!

Я быстро зашагал вперед. Дойдя до конца рощи, обогнул ограду стадиона, проследовал мимо университетской лютеранской церкви и пошел по берегу озера, где среди прямых пиний и причудливо изогнутых японских сосен стояли особняки из стекла и дюралюминия.

Профессор Фортон ждал меня у входа на веранду — стройный, подтянутый, в белой матерчатой шляпе и в черном вязаном костюме для гольфа.

— Вы опоздали на пять минут, сожалею, — сказал он с приветливой улыбкой.

Он провел меня на веранду и, подойдя к бару-серванту, приготовил две порции коктейля, взял щипчиками лед из серебряной вазы и положил в бокалы. Двигался он легко и быстро, будто танцуя. На вид не больше тридцати пяти, с головы до ног выдержан в стиле «Айви

лиг» — золотой молодежи из университетов восточных штатов.

Я решил умолчать о посещении лекции на тему об эксплозии, обусловленной фрустрацией, и о том, что по дороге сюда испытал на себе один из ее вариантов. Поговорив немного о наших общих знакомых, университетских профессорах и доцентах, я перешел к делу: предложил своего автора Хилари Т., который систематически следит за новинками советской фантастики.

Фортон сдвинул шляпу на затылок и попросил дать биографические сведения о моем друге. Я сказал, что Хилари Т., сын торгового моряка, учился в Англии, по окончании университета работал в издательствах и рекламных агентствах. Русский язык изучил по самоучителю.

Фортон поинтересовался, был ли Хилари в России. Я ответил, что не был.

— Ладно, — сказал Фортон. — Пусть шлет обзор советской фантастики за последний год.

— Я читал ваш бюллетень, посвященный разным жанрам советской литературы. Ваш институт серьезно занимается ее изучением?

Фортон объяснил. Возглавляемый им институт занимается советоведением в широком смысле этого слова — изучением советской политической и общественной жизни, быта и культуры. В сравнении с другими советоведческими исследовательскими центрами институт политико-психологических исследований еще очень молод, но в нем собраны молодые, талантливые ученые, которые смело применяют новейшие методы.

— Если не ошибаюсь, центром изучения Советского Союза у нас является Колумбийский университет?

— Вы отстали, дорогой друг. В Америке сейчас действуют сто пятьдесят советоведческих исследовательских центров. Сто пятьдесят! Самые крупные — это Русский исследовательский центр при Гарвардском университете и Русский институт при Колумбийском университете. Большую работу проводят такие центры, как Национальное бюро экономических исследований, библиотека Гувера и Объединенный комитет по славянским исследованиям. В ста семидесяти учебных заведениях функционируют кафедры по советской литературе. И еще есть очень много специальных советоведческих учреждений

при различных организациях — правительственных, общественных, военных и полувоенных. В нацистской Германии и довоенной Японии тоже изучали Россию, но в крайне ограниченных масштабах и весьма примитивно...

— А вы применяете новейшие методы изучения?

На веранде появился тот самый доктор, коренастый, похожий на бейсболиста. Фортон представил его — профессор Крейгер.

— Один из первоклассных асов нашего института! — Фортон хлопнул Крейгера по плечу. — Блестящий представитель социально-психологического метода — беспо-добно анализирует красных, но при этом, — Фортон прищурил глаз, — профессор не замыкается в рамках своего метода и временами довольно изобретательно пользуется отмычками других методов, в частности антропологического и этнографического. Тебе что предложить, Отто?

Крейгер вынул из кармана платок, вытер стриженую голову и облизал губы.

— Все внутри пересохло. Я сам себе состряпаю. Водка выборо́ва есть?

Фортон подошел к бару и осмотрел бутылки:

— Есть только датская водка. Для твоего «Поцелуя ангела» подойдет.

— Нет, я хочу попробовать новую штуку. Последнее изобретение бармена отеля «Сандерберд» в Лос-Анжелосе. Называется «Стронций-девяносто».

Фортон одобрительно промычал:

— Роскошное название. Какой состав?

— На базе пятидесятиградусной русской водки. Затем шведский аквавит, шестидесятивосьмипроцентный перно, мексиканский кофейный ликер и японский самогон сьотю — гремучая смесь.

Фортон щелкнул языком:

— Пожалуй, немного смахивает на «Хиросиму».

Я сказал почтительным тоном:

— Вижу, что вы успешно исследуете новейшие коктейли.

Фортон и Крейгер громко расхохотались. Я сделал глоток из своего бокала. «Гибсон» мне понравился, хотя был довольно крепкий.

— Профессор Отто Крейгер недавно вернулся из Европы. — Говоря это, Фортон подтянул стул и поставил на него ногу. — Он был командирован мной сперва в Лон-

дон, потом в Германию и работал в институте Восточной Европы в Тюбингене. Автор фундаментального труда о психологии советских людей.

Крейгер коротко поклонился, блеснув зубами. У него было открытое, простодушное лицо с веселыми глазами.

Фортон продолжал:

— Мы поддерживаем научные контакты со многими зарубежными центрами по изучению коммунизма. Обмениваемся литературой, устраиваем семинары, симпозиумы.

Крейгер добавил:

— С нами связаны не только исследовательские учреждения, но и отдельные советоведы в других странах.

— В Западной Германии и в Англии? — спросил я.

— Не только, — сказал Фортон. — Изучением Советов сейчас занимаются во всех странах Европы. И не только Европы. Мы держим тесную связь с рядом видных советоведов Аргентины и других стран Латинской Америки, затем Израиля, Турции.

— И с азиатскими советоведами, — добавил Крейгер, — например, с японскими, филиппинскими, южнокорейскими и таиландскими...

Разговор принял благоприятный оборот, нельзя было упустить момента.

— Кстати, насчет таиландских советоведов, — сказал я. — В ваших бюллетенях печатался некий Пуннакан, кажется, бывший гофмаршал. Писал довольно любопытные вещи. Где он сейчас?

Мне показалось, что Фортон и Крейгер быстро переглянулись. Прежде чем ответить, Фортон закурил сигарету и сделал несколько затяжек.

— Он уехал.

— Куда?

Фортон уставился на меня и улыбнулся уголком рта.

— Почему вас интересует Пуннакан?

— Кто-то мне сказал, что Пуннакан написал несколько фантастических рассказов на русском материале. Я литературный агент как раз по этому жанру, мог бы пристроить его вещи в журналах и заработать на этом. Поэтому и спросил. Он что, персона секретная?

Крейгер взглянул на Фортона и засмеялся.

— Я думаю, что оккультисты знают лучше о гофмаршале. Это они его выкопали откуда-то.

— Он, кажется, работал в их журнале, — заметил я. — А потом вы его отбили...

— Гофмаршал перемахнул к нам потому, что я лучше плачу. — Фортон покачал ногой. — А куда он подевался, меня мало волнует. Дерьмо порядочное.

— Вероятно, он перешел к вам потому, что побывал в Советском Союзе, и ему захотелось написать статьи о коммунизме. А оккультисты этим не интересуются.

— Теперь они тоже стали интересоваться. — Крейгер взял из коробки сигару и срезал ее кончик на приборе, напоминающем гильотину. — Почуяли жулики добычу.

Фортон посмотрел на ручные часы и вытянул нижнюю губу — намек на то, что я отнял у него слишком много времени. Подчеркнуто изысканные манеры сочетались у него с подчеркнутой бесцеремонностью. Я тоже решил не стесняться, подошел к бару, налил в рюмку джин и вермут, удобно расположился в бамбуковом кресле и обратился к Крейгеру:

— Значит, оккультисты тоже занялись советоведением? Интересно.

— Заказ вам сделан. — Фортон снова посмотрел на часы и еле заметно поклонился. — Жду вас со статьей вашего автора. Очень рад знакомству с вами. Должен ехать... мне надо переодеться.

— Пожалуйста, не беспокойтесь. — Я откинулся на спинку кресла. — Я подожду, мы выйдем вместе.

— Хотите, чтобы я вас отвез? — спросил он ледяным тоном.

— Нет, у меня машина, я оставил ее у главных университетских ворот.

Фортон еле заметно пожал плечами и вошел внутрь дома. Крейгер смешал в шейкере еще одну порцию коктейля и, сев рядом со мной, доверительно сообщил: глава местных оккультистов некий Рубироса, узнав, что администрация Фонда Киллорана собирается финансировать лучшие советоведческие учреждения, решил подставить руки под золотой дождь. Но у них ничего не выйдет. Изучать Россию с точки зрения потустороннего мира — это чистое шарлатанство. Коммунистическую Россию надо изучать на основе строго научных методов, используя данные новейшей социологии и психологии и широко применяя математико-измерительные приемы.

Профессор Фортон и его помощники в ходе исследо-

вания тех или иных социальных явлений составляют соответствующие индексы, определяют категории и характеристики и на их основе выводят формулы, по точности не уступающие математическим. С помощью таких методов американские социологи уже добились больших успехов.

Крейгер заговорил о формулах Додда, определяющих социальную революцию и войну, о шкалах, с помощью которых можно измерять социально-экономические статусы людских контингентов. Такие шкалы предложили: американский ученый Чэпин, англичане Бэрч и Кемпбел, аргентинец Эстевес, японец Сакаки и один таиландский социолог, фамилию его Крейгер забыл.

— Пуннакан? — сказал я.

Крейгер отмахнулся:

— При чем тут Пуннакан? Постойте... вспомнил: его фамилия — Тхамабут, он окончил нащ университет. На основе изучения среднего дохода населения города Одессы в штате Техас он вывел формулу неравенства между биосоциологическими параметрами. Эту формулу мы сейчас применяем в наших работах о России.

Со стороны гаража донеслись отчаянные протяжные вопли и пронзительный свист. Я вскочил, опрокинул бокал. Но Крейгер успокоил меня:

— Не обращайте внимания. Очередные трюки.

— Чьи?

— Арчибальда Второго.

Среди деревьев раздался детский плач, затем протяжный свист. Я спросил:

— Кто это?

— Имя тринадцатилетнего наследника Фортона — Арчибальд. Фортон-младший обычно развлекается в стиле японского фильма «Семь самураев». Не придавайте значения. Так вот... Мы составляем индексы — показатели культурного состояния советских республик. Но индексы по Советскому Союзу составлять очень трудно, потому что интересующие нас цифры не публикуются в советских изданиях. Приходится пользоваться цифрами из доверительных источников.

— И на основании этих цифр будете выводить формулы?

— Мы проводим сейчас очень интересную работу по поручению трех весьма солидных клиентов. Например,

для того чтобы успешно сбыть товары, надо не только повышать их качество, не только хорошо организовать торговлю и рекламу, но и... что?

Я подумал и ответил:

— Надо позаботиться о том, чтобы люди могли покупать... повысить их покупательную способность. Улучшить их материальное...

Крейгер сделал энергичный жест:

— Чушь! Надо изучить среднего покупателя. Его привычки, повадки, слабости, все бессознательные влечения, которые управляют его душой и плотью. Сделать это надо для того, чтобы заставить покупателя пойти на приманку, поймать его на крючок. Мы должны знать покупателя так же хорошо, как органы пропаганды знают тех, против кого направлена пропаганда. Английский антрополог Джерри Горер накануне тихоокеанской войны тщательно изучал культуру и психологию японцев. На основании этого изучения он составил образ среднего японца, который стал объектом англо-американской пропаганды во время войны. И мы сейчас на основе политико-психологических изысканий должны составить образ гипотетического среднего русского. Мы должны отчетливо представлять себе того, кого держит на мушке наша пропаганда всех видов.

— Пуннакан писал на эту тему?

— Не на эту, но на связанную с этой. Он предложил нам очень интересную вещь. — Крейгер улыбнулся. — Вот представьте себе: перед вами весьма почтенный, образованный человек, скромный, сдержанный. Во всех отношениях респектабельная личность. Попробуйте в течение продолжительного времени следить за ним, регистрируя все его жесты, поступки, слова, восклицания — все подряд; автоматически, безо всяких исключений. Если потом вы просмотрите зафиксированное, то увидите бессознательную психическую деятельность, иррациональную сущность человека, которая определяет его характер, мышление и поведение. И тогда может выясниться, что этот благообразный, воспитанный, высокоинтеллектуальный человек на самом деле мелкий подлец, тупица, любит истязать кошек, говорить гадости о чужих женах и всю жизнь ненавидит своего отца. Так вот, Пуннакан предложил в одной из статей применять статистико-математический метод при изучении произве-

дений советских поэтов. Он рекомендовал подсчитывать все эпитеты, обороты, рифмы, ассонансы, образы, политические сентенции, личные выпады, эвфемизмы, эзоповские выражения, вульгаризмы и все прочее. И на основании этих подсчетов выяснять скрытую сущность того или иного автора, его бессознательную глубинную психологию. Пуннакан прислал нам несколько таких статистико-математических портретов советских стихотворцев.

— В каком номере бюллетеня они напечатаны?

— Фортон решил эти подсчеты использовать в своем докладе на конференции советоведов, поэтому не опубликовал в бюллетене. Эти подсчеты являются как бы рентгеновскими снимками, вернее энцефалограммами, отражающими систему бессознательного у изучаемых авторов. А бессознательное, как мы знаем, является первоосновой всех психических процессов.

Я вскользь спросил:

— Куда же девался Пуннакан?

— Черт его знает. Может быть, его переход к нам возмутил оккультистов, и они что-нибудь сделали с ним. Возможно, они кое-что знали о нем. Или...

— Или он знал о них?

— Весьма возможно. Все они профессиональные аферисты. Одно из двух: либо гофмаршал удрал, либо его украли.

— Кто же мог украсть его?

— Откуда я знаю? Фортон как-то сказал мне, что, может быть, никакого Пуннакана и не было. Прохвост Рубироса мог нанять безвестного бродягу и от имени Пуннакана, присылать нам статьи. А потом убрал этого бродягу.

— Пуннакан приходил к вам в институт?

— Приходил несколько раз, но я его не видел. Гонорары высылались ему на абонементный ящик почтамта.

На веранду вышел Фортон в темном костюме и черном галстуке. К лацкану пиджака была прикреплена большая карточка с крупными печатными буквами: имя и фамилия профессора и занимаемая им должность. Очевидно, он направлялся на прием с участием иностранных гостей.

Фортон вынул из вазочки тюльпан и вдел его в петлицу. Потом бросил на меня взгляд и усмехнулся:

— Вы, я вижу, основательно вцепились в профессора

Крейгера. Это хорошо, что он ввел вас в курс институтской работы. Надо использовать ваши связи в литературном мире и завербовать авторов для бюллетеня.

— Я узнал массу интересных вещей, — сказал я. — Спасибо профессору Крейгеру, он просветил меня.

Крейгер слегка поклонился.

— Это наша обязанность. Sine doctrina vita est quasi mortis [1].

Я спустился с веранды вслед за Фортоном. Он пошел к своей спортивной машине, а я — к озеру. За купальней, около которой валялись поломанные водяные велосипеды, стоял мальчик. Я узнал его сразу. На нем был тот же зеленый джемпер, но сажу он уже смыл с лица.

Фортон крикнул ему:

— Марш домой! Кому я сказал?

Мальчик топнул ногой, высунул язык и, подняв с земли клюшку для гольфа, размахнулся и швырнул ее в окно дома. Послышался звон разбитого стекла, взвизгнула и залаяла собака. Я успел заметить: мальчик бросил клюшку левой рукой. На веранде показалось смеющееся лицо Крейгера. Фортон-старший погрозил кулаком Фортону-младшему и выехал на дорогу.

Я заехал к Еве и стал излагать данные о гофмаршале Пуннакане, которые мне удалось выудить у профессоров. Ева вызвала обеих теток из столовой, и, как только я закончил рассказ, тетя Мона поднесла палец к носу и спокойно произнесла:

— Итак, установлено, что Пуннакан ушел от оккультистов к советоведам против воли первых. Предположение Крейгера: уход Пуннакана возмутил оккультистов, и они пригрозили ему.

Тетя Эмма перебила ее:

— Оккультисты знали о гофмаршале что-то компрометирующее. И он тоже что-то знал о них. Мотив преступления налицо!

Тетя Мона продолжала:

— Теперь предположение Фортона: главарь оккультистов Рубироса нанял бродягу, назвал его Пуннаканом и от его имени сочинял статейки для института. Затем Рубироса отделался от бродяги.

---

[1] Без науки жизнь подобна смерти *(латинское изречение).*

Тетя Эмма шевельнула указательным пальцем, нажимая воображаемый курок револьвера.

— Убил его!

— Допустим. — Тетя Мона медленно обвела всех взглядом. — Но для того чтобы решиться на убийство, надо иметь очень серьезный повод.

Тетя Эмма принялась жестикулировать, стул под ней отчаянно заскрипел.

— Оккультисты узнали, что администрация Фонда Киллорана, прежде чем выдать субсидию, решила провести обследование местных советоведов. И тогда обнаружится, что Пуннакан — подставная фигура. Поэтому Рубироса убрал бродягу.

Тетя Мона наклонила голову набок.

— Точных данных о том, что гофмаршал и бродяга — одно и то же лицо, у нас нет. Не будем спешить с выводами. Прежде всего надо выяснить: что случилось с Пуннаканом? Три варианта: убежал, убили, украли.

Тетки заспорили. Ева попросила их успокоиться и подвела итоги:

— По существу, Фил ничего не узнал. О том, что Пуннакан сперва работал у Рубиросы, а потом перешел к Фортону, мы знали раньше. А все остальное — голые предположения. В общем, Фил съездил впустую. Завтра я пойду к оккультистам и постараюсь выяснить что-нибудь.

Я возразил. Нечего ходить к Тайрону, он просто шарлатан и кретин. Тайну таиландца можно выяснить через Фортона и Крейгера, и я займусь этим самолично.

Спор кончился тем, что я уступил. Тетки поддержали Еву — пусть попробует выведать что-нибудь у Тайрона. Когда тетки ушли к себе, Ева спросила меня с улыбкой:

— Вижу, что советоведы вас заинтересовали.

Я подтвердил это:

— У них свой мирок, которого я совсем не знал. Они очень забавны, и надо узнать их поближе. А потом можно передать все материалы Аде или Финни. Или Шекли. Пусть используют для какой-нибудь фантастической юморески в духе «Арендаторов» Уильяма Тена. Во всяком случае, советоведы гораздо интереснее ваших мистиков. И во много раз занимательнее дурацкого гофмаршала.

Я рассказал об эпизоде с двумя юными вымогателями и о том, что один из них оказался сыном профессора Фортона. Кончив смеяться, Ева сказала деловым тоном:

— Эти пять долларов поставим в счет Аде.

Вечером я написал Хилари о встрече с Фортоном и Крейгером. Я постарался изобразить все в смешном виде, особенно изыскания фрейдистов-советоведов по части подсознательных эротических комплексов. Фортона и Крейгера я охарактеризовал как веселых молодчиков, играющих в науку. Их советоведение — это тот же университетский бейсбол, только слегка усложненный и прилично оплачиваемый. Затем я рассказал о визитах Евы к оккультистам. Пусть Хилари посмеется.

В заключение я попросил его поскорее прислать обзор: Фортон хорошо платит. Надо выкачать у этого чудака побольше денег. В постскриптуме вкратце рассказал об исчезновении таиландского гофмаршала.

Когда я ложился спать, позвонила Ева. По радио только что передали сообщение местной полиции: на окраине города, около пустыря для поломанных машин, найден труп молодой женщины с колотыми ранами. Эту женщину на днях видели в баре «Голубой ангел» вместе с мужчиной, у которого была черная повязка на левом глазу. Переданы его приметы: рост — примерно 5 футов 7 дюймов, шатен. Это уже второе убийство за две недели, и обе жертвы раньше появлялись с мужчиной, у которого один глаз закрыт черной повязкой.

— Не надо больше ходить к оккультистам, — сказал я Еве. — Они не внушают мне доверия. И этот таинственный субъект с треугольной физиономией тоже.

— Он не имеет никакого отношения к нашему делу. Сегодня он неотступно следовал за мной, когда я ходила по магазинам.

— Надо заявить в полицию.

— Ерунда. Он не похож на того убийцу. Спокойной ночи, Фил.

Ночь я провел плохо — часто просыпался, курил. Кто этот Треугольный? А если он действительно убийца-маньяк? У меня возникло смутное предчувствие: что-то случится, надвигается какая-то опасность.

Под утро приснился Треугольный — лицо его было

вымазано сажей, он крепко обнимал и целовал Еву, она улыбалась. Я ударил его ножом в затылок, потом три раза выстрелил ему в ухо.

5. ЕВА, СЕКРЕТАРЬ ЛИТЕРАТУРНОГО АГЕНТА

Я знала: все это чепуха, суеверие. Смешно верить в такие вещи нормальному человеку. Человеку, знакомому с периодической таблицей элементов, законом Бойля — Мариотта, учением об условных рефлексах и достижениями новейшей химии.

Мой трезвый ум говорил: абсурд. Но мое неразумное начало нашептывало: а что, если?.. Было страшновато, и в то же время мучило любопытство. Никогда мне не приходилось иметь дело с потусторонним миром.

У входа в общество тайноведения меня встретил Тайрон. Я приложила мизинец левой руки к правой брови и высунула кончик языка — последнее добавила от себя. Тайрон подвел меня к двери, выкрашенной в черный цвет, и слегка толкнул в спину.

Сперва было как в кинотеатре — войдешь с улицы и ничего не видишь. Потом понемногу стала различать людей, сидевших на стульях и диванах. Тайрон сел рядом со мной у двери.

Из-за ширмы вышла густо напудренная, костлявая женщина в черном кружевном платье. Волоча ноги, она подошла к креслу и тяжело плюхнулась на сиденье. Появился ассистент с седыми усами, весь в черном, поставил стакан воды на столик. Тайрон провел рукой по моему локтю и прошептал:

— Это женщина-медиум. А сейчас будет говорить наш ученый магистр Хесус Рубироса.

Я открыла сумочку и, нащупав портативный магнитофончик, нажала кнопку, потом клавиш — включила на запись. Тайрон ничего не заметил.

Из-за ширмы заговорил тихий приятный голос с мексиканским акцентом:

— Сейчас через посредство нашей уважаемой гостьи из Нью-Орлеана, доктора эзотерических наук Лоретты Дегранштан-Бхагаван-Дас, мы вступим в соприкосновение с внечувственным планом бытия. Люди с непросве-

щенным сознанием, отрицая возможность подобных контактов, ссылаются на так называемые точные науки. Но эти так называемые точные науки сейчас переживают острейший кризис, ибо не могут справиться с нахлынувшими новыми загадками. Открываются все новые и новые микрополя, не выходящие за пределы атома, и новые элементарные частицы внутри атома. Квантовая теория и теория относительности уже трещат по швам. Надо как-то объяснить поведение множества короткоживущих изменчивых ядер, попытаться обобщить теорию полей. Ученые тычутся, как слепые щенки. И те из них, которые имеют мужество говорить правду, признают, что мы не сможем понять важнейших явлений в мире, пока не откажемся от представлений, ограниченных трехмерным пространством и временем. Мы похожи на детей, которые находятся на первом этаже дома, огороженного забором. Мы слышим звуки и голоса, доносящиеся извне, ощущаем запахи, видим верхушки каких-то растений, мелькание каких-то предметов, но ничего не можем понять, потому что окно, через которое мы познаем внешний мир, упирается в забор. Нам необходимо подняться на второй, затем на третий этаж и еще выше, чтобы все увидеть и понять. Лестница, которая ведет на верхние этажи, — это путь постижения герметической мудрости. И овладеть ею можно только через так называемую фазу вайрагья, когда благодаря взлету духа вверх человек вступает в соприкосновение с существами из потустороннего мира, которые начинают говорить его устами. Сейчас доктор эзотерики Лоретта Дегранша-Бхагаван-Дас погрузится в фазу вайрагья...

Голос замолк. Я выключила магнитофон, защелкнула сумочку и оттолкнула локтем Тайрона: он придвинулся ко мне слишком близко.

Женщина-медиум стала слегка покачиваться. Потом задышала глубоко-глубоко, двигая плечами. Но постепенно стала успокаиваться, сопение прекратилось, плечи опустились. Седоусый ассистент приподнял столик со стаканом воды и перенес его в угол комнаты. Потом подошел к медиуму.

Тайрон прикоснулся к моему колену, я вздрогнула и чуть не выронила сумку. Хорошо, что она не упала на пол. Вайрагья была бы прервана, и меня вышвырнули бы вон. Я успела заметить, что Тайрон смотрит на меня

в упор — очевидно, не может совладать с неоккультной стороной своей натуры.

Женщина-медиум вздохнула, дернула головой и произнесла с немецким акцентом:

— Я Карл-Адольф Эйхман, оберштурмбаннфюрер, умерший в результате механической асфиксии в ночь на первое июня тысяча девятьсот шестьдесят второго года в израильской тюрьме Рамлех. Готов ответить на ваши вопросы...

Я шлепнула Тайрона по руке. Присутствующие зашептались. Дама, сидевшая на диване впереди нас, спросила:

— Я хочу спросить вас, мистер Эйхман, как вас укра... схватили в Буэнос-Айресе? В газетах и по радио рассказывали по-разному, не знаешь, чему верить. Хотелось бы узнать правду непосредственно от вас.

Женщина-медиум энергично кивнула головой, шаркнула ногой и очень толково рассказала о том, как 11 мая 1960 года, в половине шестого вечера, на углу улицы Кориентес произошло это похищение, и о том, как спустя несколько дней похищенного усыпили, запихнули в длинную корзину для ананасов и, погрузив на самолет израильской авиационной компании «Эль-Ал», доставили в Израиль.

Я записала на магнитофон слова оберштурмбаннфюрера.

Другая дама, сидевшая в первом ряду, сказала:

— Может быть, вам не совсем приятно вспоминать об этом... хотя теперь вам уже все равно. Расскажите, как вас... то есть как произошла эта самая процедура...

Женщина-медиум вскинула голову:

— Как меня повесили?

— Да... хотелось бы узнать, простите.

Тайрон шепнул мне:

— Это супруга ректора университета. Любит общаться с духами.

Дух Эйхмана удовлетворил любопытство дамы.

Ассистент подошел к женщине-медиуму со стаканом воды. Она сделала несколько глотков и спустя несколько минут, судя по сопению, снова погрузилась в транс. Как только сопение прекратилось, женщина-медиум медленно произнесла — на этот раз без всякого акцента и слегка в нос:

— Я Эрнест Хемингуэй, умерший от огнестрельной раны второго июля тысяча девятьсот шестьдесят первого года в Кэчаме, штат Айдахо. Можете задавать мне вопросы.

Сзади меня зашушукались:

— Киносценарист?

— Да, фильм «Убийцы». Помните, там охотятся за шведом, бывшим боксером...

— Дрянной фильм.

Толстая дама в очках, сидевшая рядом с супругой ректора, обратилась к Хемингуэю с вопросом:

— Скажите, это правда, что в романе «Прощай, оружие» вы вывели сестру милосердия, в которую были влюблены?

Ассистент покачал головой и наклонился к женщине-медиуму. Та вздрогнула и опустила плечи. Ассистент снова покачал головой и объявил:

— Соприкосновение кончилось, сожалею. Прошу дам и господ проследовать в библиотечную комнату. После краткого антракта там начнется сеанс автоматического писания.

Мы вышли вслед за всеми в коридор и сели на диван.

Тайрон сказал:

— В прошлый раз на Лоретту Дегранщан сошел дух Гитлера и очень подробно рассказал о том, как он покончил с собой тридцатого апреля тысяча девятьсот сорок пятого года и как трупы его и жены были по приказу Мартина Бормана подожжены оберштурмбанфюрером Гюнше. После того как чета Гитлеров обуглилась, начальник личной охраны фюрера группенфюрер Ратшенхубер собрал пепел и кости в жестяную коробку от собачьих бисквитов «Уиналот-мил» и взорвал эту коробку связкой гранат в северном углу сада рейхсканцелярии. Но Ратшенхубер не заметил, как обронил зубной протез фюрера. На следующее утро часовой Хоффбек нашел этот протез и передал Ратшенхуберу.

— И этот протез потом нашли у Ратшенхубера?

Тайрон сказал, что Ратшенхубера до сих пор не нашли. Его часто вызывают на спиритических сеансах в Америке и Европе, но он не появляется. Очевидно, жив.

— Кого еще вызывали у вас на сеансах?

— Недавно вызывали Чарлза Диккенса и спросили

о развязке его незаконченного романа «Тайна Эдвина Друда». Что случилось с Друдом? Жив или убит? Если убит, то кто убийца?

— Мои тетки считают, что Эдвин Друд был убит своим дядей Джаспером.

Тайрон закрыл глаза.

— Диккенс сообщил, что Эдвин Друд жив. Он исчез с определенной целью и в конце романа должен был снова появиться...

— Очень интересно. — Я притронулась к руке Тайрона. — У вас в журнале работал таиландец Пуннакан. И он исчез, как Эдвин Друд. Хорошо бы в следующий раз вызвать этого Пуннакана...

Тайрон не обратил внимания на мои слова.

— В прошлый раз, — сказал он, — получилась очень удачная вайрагья. Из тела Лоретты Дегранша вышла эктоплазма, а это бывает редко.

— А что это такое?

Тайрон, не открывая глаз, объяснил. Иногда из тела медиума выходит материальное вещество — твердое, мягкое или газообразное. Были случаи, когда это материальное вещество, именуемое эктоплазмой, принимало форму, например, ножки стола или куска материи. Удалось сделать фотоснимки, на которых можно видеть эктоплазму.

— А это не фокус? Один мой знакомый писатель умеет вынимать из уха часы и бананы.

— Вовсе не фокус. Существование этого вещества подтвердил знаменитый французский физиолог Рише, лауреат Нобелевской премии, он и придумал название: «эктоплазма». А химический анализ эктоплазмы показал, что она состоит из хлористого натрия, кальциевого фосфата и еще одного элемента, который не поддается анализу.

Пришлось снова ударить Тайрона по руке. Он подул на нее и предложил пойти посмотреть на автоматическое писание.

Я сказала, что если писание происходит в темной комнате, то я не пойду. Тайрон пожал плечами, сказал, что автоматическое писание проводится в полумраке. Сейчас будет выступать мужчина-медиум. Он сядет за стол, положит руку на планшетку с карандашом, погрузится в фазу вайрагья, и дух, сошедший на него, начнет

водить его рукой. Можно вызвать кого угодно — фараона Тутанхамона, Жанну д'Арк, Мата Хари, Трухильо...

— Какая ерунда! — прошептала я.

Посмотрев на меня печальными глазами, Тайрон заявил, что в Америке получили широкую известность факты, связанные с автоматическим писанием. Знаменитый немецкий ядерный физик Паскуал Йордан...

— Это тот, которого наши разведчики украли в конце войны?

— Тот самый. Он сказал, что для понимания некоторых явлений надо выйти за пределы наших представлений о пространстве и времени. Вы не верите в эктоплазму и в автоматическое писание? А знаете ли вы, что на спиритических сеансах происходят еще более странные явления? Из сверхчувственного мира появляется не только эктоплазма, то есть неодушевленное материальное вещество, но и живые существа.

— Живые?!

— Происходит материализация духов. Дух принимает видимую оболочку человека.

Тайрон рассказал историю призрака Кети Кинг. В течение трех лет призрак принимал вид человека и позволял себя фотографировать.

— Правда, что гофмаршал Пуннакан тоже явился оттуда?

Тайрон с удивлением уставился на меня:

— Откуда вы знаете?

Я сделала загадочное лицо:

— У меня тоже была вайрагья... и внутренний голос сообщил мне об этом.

Тайрон оглянулся и зашептал мне в ухо — пришлось стерпеть прикосновение его губ к моей щеке:

— Насчет вашей вайрагьи врете. Но у нас действительно был медиум, который неоднократно вызывал гофмаршала. Потом гофмаршал материализовался, как Кети Кинг, и поселился в нашем городе.

— Как звали медиума?

— Карафотиас. По национальности грек.

— Где он сейчас?

— Уехал куда-то.

— А Пуннакан?

— Не знаю. Может быть, Карафотиас отправил гофмаршала обратно в тот мир.

Тайрон попытался обнять меня, но я отвела его руку и ласково погладила по плечу: мне еще надо было кое-что узнать.

— А почему Пуннакан перешел от вас к профессору Фортону?

Тайрон прищурил глаза:

— А почему эта девочка интересуется Пуннаканом? Подозрительно...

Я кокетливо улыбнулась:

— Разве любопытство — грех? Пуннакана переманили?

— Эти фрейдисты — брехуны и мистификаторы... — Тайрон обнял меня.— Они соблазнили гофмаршала деньгами. Им был нужен автор, побывавший в России.

Я освободилась от объятий Тайрона и встала.

— В прошлый раз мы говорили о ясновидящем ван Хуркосе. Он мог бы отыскать вашего Пуннакана?

— Конечно. Ясновидящие, или, по-научному, психометристы, могут обнаруживать людей на большом расстоянии. Во время войны немецкие психометристы по приказу Гитлера обнаружили местонахождение Муссолини сперва на островке западнее Неаполя, а потом на горе Сан-Сассо, в отеле. Туда послали Скорцени, и он выкрал дуче.

Я поднесла руки к вискам:

— От всех ваших чудес у меня раскалывается голова. Я начинаю сходить с ума.

В коридоре бесшумно появился человек в черном элегантном костюме и с усами, закрученными вверх, — голова седая, усы черные. Он посмотрел на меня выпуклыми глазами. Тайрон вскочил и представил меня:

— Это писательница... мисс Ева. Интересуется оккультизмом.

Человек с закрученными усами улыбнулся, но глаза его остались серьезными. Мне стало страшно от его взгляда.

— Судя по вашему облику, — тихо произнес он с акцентом, — душа ваша окутана туманом. Вы должны приобщиться к истине, чтобы не скатиться в пропасть.

Кивнув головой, он скрылся за клеенчатой портьерой.

— Это великий магистр Хесус Рубироса, — прошептал Тайрон.

— Я догадалась. Довольно импозантен.

— Очень храбрый. Сражался на корейском фронте, привез два десятка скальпов желтокожих. У великого магистра много поклонниц. Таких же молодых и соблазнительных, как вы.

— Значит, великий магистр предпочитает земных женщин потусторонним?

Тайрон вдруг скривил рот и сощурился. Лицо его стало злым:

— Вы сегодня выпытали у меня много эзотерических тайн. Для чего вам это нужно? Вы шпионка.

— Я хочу написать о духах, ясновидящих, герметизме. Или передам эти материалы писателям-фантастам. Обо всем будет написано достоверно и без всякой насмешки.

Я посмотрела ему в глаза и улыбнулась.

— Ладно, я вам верю, хотя вы похожи на шпионку из кинофильмов. Приходите в следующую субботу на лекцию о метампсихозе. А после лекции одна женщина, погруженная в самадхи, будет вспоминать о своих предыдущих жизнях. А потом мы поедем куда-нибудь, и я расскажу вам о наших будущих предприятиях. Мы начинаем борьбу с шайкой псевдоученых жуликов «Фортон и компания». Сорвем с них маску. Это борьба с тлетворным материализмом, породившим марксизм. А Фортон и его подручные — те же материалисты, их тоже надо истребить. Я хочу, чтобы вы были с нами. Будем вместе искоренять материализм, источник всех смут в мире.

Я обещала Тайрону прийти в субботу, простилась с ним и пошла к остановке автобуса. Приходится ездить в автобусе: тетя Эмма вчера опять наскочила на каменную ограду и разбила фары машины. Я почувствовала на себе чей-то взгляд и обернулась. Треугольный стоял у почтовой тумбы и смотрел на меня — передавал телепатему.

Подошел автобус. Треугольный, изогнув свое длинное, как у борзой, тело, подскочил к машине.

Я быстро отошла и, увидев такси, подняла руку. Садясь в машину, оглянулась. Треугольный не сел в автобус. Стоял и глядел в мою сторону. В руке у него была записная книжка. Вероятно, записал номер таксомотора.

Сегодняшний визит к оккультистам дал кое-что. Удалось узнать о медиуме Карафотиасе, который якобы материализовал Пуннакана.

Судя по всему, Тайрон и еще что-то знает. Надо у него выведать. А может быть, подобраться к Рубиросе?

Оккультисты собираются бороться с профессором Фортоном. А что если вражда между Фортоном и Рубиросой связана с исчезновением гофмаршала? Не здесь ли ключ к тайне? Может быть, я напала на след?

Почему Тайрон спрашивает, не шпионка ли я? Шутит или подозревает всерьез? Может быть, нанял сыщика для слежки за мной, и этот сыщик — Треугольный? Или Треугольный — маньяк-убийца? Я где-то читала, что рост убийц редко превышает шесть футов. Треугольный, пожалуй, на несколько дюймов выше шести футов.

Итак, вывод: надо продолжать ходить к оккультистам. Верю, мне удастся поймать тайну за хвост.

6. У., ПОЛИЦЕЙСКИЙ ИНСПЕКТОР

* Весь город взбудоражен убийствами двух женщин. Каплун сказал: «Если не найдем, меня вышвырнут без пенсии». Приказал всему отделу заниматься поисками убийцы. Один я должен заниматься этим чертовым таиландцем.

* Хозяйка пансиона показала: в день исчезновения Пуннакан вышел утром с черной удочкой и с красной сумочкой. А шофер молочного фургончика негр Ф. показал: в то утро он видел около табачной лавки у моста грека Карафотиаса тоже с черной удочкой и с красной сумочкой. Кто же пошел удить: таиландец или грек? Или оба?

* О Карафотиасе. Служил в Обществе тайноведения. Жил в домике бармена из кегельбана Паскинели, неподалеку от пансиона «Альфа хауз», на берегу реки, рядом с ботелем — гостиницей для плавающих на лодках — «Хамильтон-ботель».

Бармен сказал, что Карафотиас дома бывал редко. Никто к нему не ходил. Уехал в первых числах июня, ничего не сказав, но оплатил комнату на месяц вперед. Оставил вещи, одежду, рыболовные принадлежности, несколько книг на греческом языке — судя по иллюстрациям, учебники по химии — и одну книгу на английском: «Правила игры в карты».

Бармен вспомнил: грек сказал в начале года, что, может быть, уедет летом в Грецию.

* Редактор-издатель журнала «Высшее Бытие» Хесус Рубироса сказал:

— Грек Карафотиас состоял медиумом в спиритическом кабинете Общества тайноведения. Дружил с таиландцем Пуннаканом. После исчезновения Пуннакана грек уехал куда-то без предупреждения. Но такие случаи неожиданных отъездов бывали и раньше. По всей вероятности, он скоро вернется. Тем более, что должен получить гонорар за недавние гастрольные поездки в другие города.

* Я доложил Каплуну: никаких данных о таиландце больше собрать нельзя. Трупа не нашли. Версия об убийстве не подтверждается. Данных о том, что Пуннакана украли, тоже нет.

Судя по словам Рубиросы, грек и таиландец дружили. После исчезновения Пуннакана Карафотиас тоже исчез. Похоже на то, что они уехали вместе. И, вероятно, через некоторое время грек вернется.

Предложил Каплуну прекратить дело.

Каплун вынул из тумбочки стола бутылку джина, отпил немного, подумал и приказал выяснить, не оставили ли Пуннакан и Карафотиас деньги дома или в банке. Если не оставили, значит, уехали.

* Проверкой установлено: у Карафотиаса был абонементный ящик на почтамте. На этот ящик поступали деньги, причитающиеся Карафотиасу. Этим же ящиком пользовался и Пуннакан. Но в ящике не оказалось никакой корреспонденции, никаких извещений о переводах или чеков. Дома у Пуннакана и Карафотиаса не было обнаружено денег.

* Доложил Каплуну, снова предложил прекратить дело. Каплун посоветовался с бутылкой, потом позвонил уполномоченному Федерального бюро расследований Макманаману. Тот сказал: «Гофмаршал Пуннакан писал о России и, может быть, собирался выступить с разоблачениями тайн красных. Поэтому вполне законно допущение: красные украли гофмаршала и прикончили. А Карафотиас, узнав об этом, испугался и удрал. Возможно также, что Карафотиас был завербован красными, помог им украсть гофмаршала и потом бежал. Во всяком случае, расследование надо продолжать».

Каплун осушил бутылку до дна и сказал: «Мне надоело это дурацкое дело. Продолжай, но чисто формально. Все равно никакого толку не будет».

* Ко мне явился владелец табачной лавки у моста и заявил, что в то утро к мосту прошел мальчуган с удочкой. Спустя некоторое время прошел другой, примет не запомнил — кажется, у одного были часы, у другого вьющиеся волосы. Наверно, они видели Карафотиаса, или Пуннакана, или обоих вместе. Где я буду искать этих мальчуганов? И для чего?

(А что касается уполномоченного Макманамана, то ему везде мерещатся красные агенты. Начитался детективных романов Иана Флеминга, того самого, о котором газеты писали, что он любимый писатель президента.)

7. ЕВА, СЕКРЕТАРЬ ЛИТЕРАТУРНОГО АГЕНТА

На мое имя пришло письмо. В конверте — моя фотокарточка и больше ничего.

Неизвестный отправитель снял меня, когда я выходила из кооперативной холодильни. Это было позавчера. Я завезла в холодильню десять фунтов мяса и, закрывая наш абонементный шкаф, сломала ключ. Он был уже погнут: недавно тетя Эмма по ошибке открывала им соседний шкаф адвоката С.

Чезаре, приказчик холодильни, дал мне новый ключ и пригласил в кино на новую картину Хитчкока. Я представила себе выражение лица Фила и отказалась. На карточке я, опуская ключ в сумку, умильно улыбаюсь Чезаре.

Кто прислал эту карточку? Тайрон? Вряд ли. Треугольный? Не исключено. Значит, он иногда следит за мной незримо, как дух.

Вчера вечером полиция по радио передала сообщение: снова появился человек с повязкой на глазу. Его видели около кинотеатра «Плэйхауз».

Я позвонила Тайрону. Он сказал, что подъедет к соседнему переулку и мы отправимся в загородный ресторан. Фила с утра не было дома: пошел к дантисту. Я оставила ему записку: если срочно понадоблюсь, пусть позвонит в ресторан. Я скажу метрдотелю свое имя. Воз-

можно, придет рукопись от Фредерика Брауна — он написал повесть о стремительном размножении растений-людоедов. Надо срочно снестись с издательствами.

Тайрон ждал меня в переулке. Сначала мы поехали к парку.

— Ну как? — спросил он. — Понравился вам сеанс?

— По-моему, все рассчитано на то, чтобы пощекотать дамам нервы. На всех брильянты, и все дамы толстые.

— Вы ошибаетесь, если думаете, что мы развлекаем богатых дам. Наша задача гораздо серьезнее. Фонд Килларана заинтересовался нами. Читали в газетах?

— Нет, пропустила,

— Оккультизм участвует в общей борьбе против материализма и коммунизма. Я вам сейчас объясню.

Я прощупала сумку — там был магнитофончик. Интересно бы записать слова Тайрона, но он увидит. Он и так считает меня шпионкой.

Ведя машину, Тайрон время от времени по привычке закрывал глаза или, наоборот, во все глаза смотрел на меня. А навстречу неслись машины. Я не выдержала и попросила передать мне руль. Тайрон согласился. Он откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза и стал рассказывать.

Медиумы, как я, вероятно, удостоверилась в прошлый раз, вступают в контакты с потусторонним миром. Но можно пойти дальше и достичь состояния высшего транса — самадхи асамprайната: тогда перед человеком открывается будущее. Он получает возможность предвидеть. И каждый человек может стимулировать заложенные в нем астральные способности.

— Каждый? Я тоже?

— Да. Можно, например, развить в себе способность видеть железо́й в мозгу, называемой эпифизом. Она вот тут, на затылке. В этом месте у человека был когда-то глаз, он постепенно исчез, но глазная впадина осталась. Пощупайте. В России недавно появилась девушка, которая видит пальцами. Одни страны славятся космонавтами, другие — футболистами, а наша Америка — предсказателями. Тут мы вне конкуренции. Возьмите врача Спенсера Торнтона...

— Знаю, — сказала я, — он предсказал наводнение в Иллинойсе.

Тайрон начал рассказ о прорицателях. Я открыла сумочку и, сделав вид, что ищу платочек, включила магнитофон.

От прорицателей Тайрон перешел к опытам двух английских ученых — Соула и Каррингтона. Выяснилось, что человек может угадать не только ту карту, которую ему предлагают отгадать, но и предугадать карту, которую человек, проводящий опыт, лишь через некоторое время отберет для угадывания. В 3 789 опытах лондонский фотограф Шекльтон предугадал карту 1 101 раз. И оккультисты серьезно занялись проблемой предсказания, они изучают способности человека узнавать заранее то, что произойдет позже.

Он покосился на меня и спросил:

— Интересно?

— Очень. Но не все понятно.

— Могу рассказать о более интересных вещах, вы будете потрясены. — Тайрон приблизил губу к моему уху. — Поедем ко мне и... вы все поймете.

— Ускоренный курс герметизма?

— Не смейтесь. В оккультизме общение духовных субстанций имеет огромное значение. Когда будхическая сфера деваханической арупы...

Я резко повернула, и Тайрон отлетел к борту.

— Поеду только в ресторан, — сказала я. — И то ненадолго. Обойдемся без деваханических аруп.

Тайрон пожал плечами и замолчал. Но спустя несколько минут снова заговорил — на этот раз о пользе предвидения. Оккультизм имеет не только философско-научное, но и сугубо практическое значение. Поэтому-то оккультные знания и расцвели так пышно в Америке — стране прагматиков, людей практического склада. Ведь деловые люди всегда стремятся правильно предвидеть события, обстановку, конъюнктуру. Гадание в древние века процветало именно потому, что отвечало жизненным потребностям. У китайцев искусство гадания «чжоуи» возникло три тысячи лет назад: им необходимо было заранее узнавать о предстоящих наводнениях, тайфунах и набегах кочевников. По советам и указаниям чжоуистов китайцы строили плотины, дамбы и укрепления, вроде Великой стены, то есть проводили превентивные акции. А в наше время герметисты-прорицатели могут давать правильные советы политикам, военным,

промышленникам, торговцам, биржевикам, спортсменам.

— И Си-Ай-Эй, — сказала я.

— Разумеется. Работники разведки всегда должны быть в курсе грядущих событий.

Мы подъезжали к отлогим холмам, за которыми были расположены участки для гольфа. Справа большой загон с огромным экраном — кинотеатр для тех, кто смотрит картины, не выходя из машин. На воротах красовалась надпись: «Продается».

— Когда Пуннакан прибыл с того света, он, наверно, доставил интересные сведения? — спросила я.

Тайрон промолчал.

— А куда уехал медиум Карафотиас?

Тайрон молча пожал плечами. Мы подъехали к ресторанчику, окруженному высокой бамбуковой оградой. Она была увита плющом.

Мы проследовали в дальний угол садика, поднялись в бунгало и, пройдя через него, оказались во втором, совсем крошечном садике. Там стояла беседка — домик в японском стиле. Тайрон отодвинул решетчатую дверь, оклеенную шелковистой бумагой, и вошел в беседку. Я — за ним.

На циновочном полу среди разбросанных подушек стоял низенький лакированный стол. А в углу, в нише, — тахта, накрытая парчовым покрывалом. У изголовья тахты на маленьком столике — песочные часы и ваза с цветами.

Мы сели на подушки. Тайрон заказал официанту, широкоплечему рыжему человеку с крохотными остатками ушей, омара с водяными каштанами, китайское жаркое — чапсуй и бутылку португальского белого. Я попросила маслин. Официант принес маслины, большие, как сливы, и сказал, что они из Афин.

Я незаметно навела разговор на грека-медиума. Тайрон сказал, что впервые Карафотиас вызвал духа Пуннакана в прошлом году и несколько раз в начале года. А потом Рубироса приказал материализовать дух гофмаршала. После того как Пуннакан принял земной облик, все заботы о нем грек взял на себя.

— А вы не думаете, что Пуннакан уехал куда-нибудь вместе с Карафотиасом?

Тайрон подсел ко мне и перешел на шепот:

— Пуннакана украли и убили. И сделать это мог только профессор Фортон. Потому что гофмаршалу стало известно...

Я отодвинулась от него.

— Вы привыкли мистифицировать людей. Наняли кого-нибудь на роль гофмаршала, потом приказали ему скрыться и пустили слух, что его украли.

Открыв сумочку, я стала вытаскивать платок. На циновку вывалился магнитофончик. Я быстро подняла его, но было уже поздно. Тайрон приподнялся и прошипел:

— Я так и думал! Шпионка марксистская!

Он бросился на меня и повалил на циновку, я задела рукой за стол, загремела посуда, я изо всех сил оттолкнула Тайрона ногой, он попятился назад, опрокинул песочные часы и громко вскрикнул. В беседку ворвался рыжий официант, схватил меня за руки, я закричала во весь голос и ударила его ногой в живот. Рыжий не ожидал этого удара и, охнув, присел. Тайрон налетел на меня сбоку и отбросил к тахте, я упала на нее, схватила вазу со столика и швырнула Тайрону в лицо. Все это время я беспрерывно кричала. Сзади на меня набросили покрывало, стянутое с тахты, я почувствовала, что меня обняли и подняли в воздух.

— Сдерем с нее все и свяжем, — быстро проговорил Тайрон.

Чья-то рука спустила «молнию» на моей спине. Я бешено завертелась. И в этот момент услышала какой-то треск, сдавленный вопль, грохот посуды, кряхтенье. Меня бросили на пол. Я сейчас же высвободила голову и увидела: рыжий сидел на полу среди осколков посуды, как-то странно раскинув ноги, а в углу беседки боролись Тайрон и Фил. Тайрон вдруг отпрянул и снова бросился вперед, толкнув Фила прямо на рыжего. Фил перевалился через сидящего на полу рыжего и упал на спину. Тайрон и рыжий накинулись на Фила. Я выскочила из беседки — позвать кого-нибудь на помощь. Но в садике, в бунгало и в большом саду не было ни души. Я вбежала в бар, там за стойкой стоял сгорбленный старичок и вытирал шейкер.

— Бегите туда, в беседку! — крикнула я. — Там убивают...

— Я не полиция, — прошамкал бармен, не поворачивая головы.

Я стала искать глазами телефон и вдруг увидела: из бунгало выскочил Фил с оторванным рукавом пиджака, лицо его было залито кровью. Он махнул мне́ рукой, в которой держал нож: «Беги к выходу!»

Мы выбежали на площадку перед ресторанчиком. Я ринулась к машине Фила — белому «плимуту» и, подбежав к ней, оглянулась. Фил стоял перед машиной Тайрона — прокалывал покрышку. Затем швырнул нож на землю и вскочил в машину — мы помчались.

Сзади хлопнул выстрел, второй, третий... Целились в колеса. Я обернулась. Тайрон бегал вокруг своей машины, размахивая руками, рыжего не было видно.

Фил вытащил платок и стал вытирать разбитый нос.

— Я позвонил в ресторан, подошел кто-то и прошепелявил: «Скорей приезжайте, девочка погибнет!..» — и повесил трубку. Я сейчас же полетел. Хорошо, что успел. — Он засунул руку в рот. — Дантист вставил мне зуб, а ваш Тайрон выбил его.

— Он вовсе не мой. А вы, Фил, ужасно храбрый. Но какое это отвратительное зрелище — мужская драка...

— Почему отвратительное? — удивился Фил. — Техника, точный расчет, сноровка. Тайрон работает левой и вполне грамотно. Я нырком ушел от его левого прямого, тут же дал боковой в корпус, он ответил мне апперо́м в подбородок, но промазал и открылся, и я вкатил правый прямой в адамово яблоко, затем хук и послал в чистый нокаут. А рыжему, который напал сбоку, врезал после финта односторонний двойной в голову и закрепил своим коронным ударом — суингом...

Я взглянула на его рассеченную губу:

— Вам тоже врезали.

— Мне дали два отличных панча в лицо и спину и один суинг.

— Что это такое?

— Размашистый удар сбоку.

— Моя сумка! Я оставила ее там...

Фил сказал, что съездит к хозяину ресторана и возьмет сумку. Хозяину тоже влепит на всякий случай — за то, что превратил свое заведение в бандитское логово.

Когда мы подъезжали к городу, под левым глазом Фила уже разлился большущий синяк. Но этот синяк был окружен ореолом славы. Выходит, не всякая мужская драка — гадость. Настоящая драка состоит из

левых прямых, двойных и боковых, затем из хуков и апперкэтов. И требует почти такой же отточенной техники, как классический балет.

Фил усмехнулся:

— Сожалею, но придется поставить крест над вашими разведывательными рейдами к оккультистам.

— Они профессиональные жулики и прохвосты, — сказала я.

Фил довез меня до кооперативной холодильни и, увидев машину моих теток, решил меня не ждать. Поехал домой. У входа я столкнулась с тетей Моной. Она удивленно оглядела меня:

— Что за вид? Волосы растрепаны, на щеке царапина, лицо чем-то перепачкано. Ты играла в регби?

— Фил такой молодец! Он покорил меня на всю жизнь.

— Объяснились?

— Нет, после расскажу.

Наконец я заметила: у тети Моны, всегда такой чинной и хладнокровной, сейчас какой-то странный вид — глаза испуганные, руки нервно перебирают ручку сумки.

— Произошла страшная вещь, — с трудом выговорила она.

— Что случилось? — Я схватила ее за руку. — Что-нибудь с тетей Эммой?

— Нет, слава богу, она ничего не знает. А то уже был бы шум на весь город.

И тетя Мона начала рассказывать. Слушая ее, я чувствовала, что внутри у меня все холодеет.

Слева нашим соседом по шкафу является адвокат С., а справа шкаф уже давно не абонирован. Кто-то неизвестный, подобрав ключ, запихнул в этот пустой шкаф большие куски мяса. Как думает Чезаре, неизвестный, конечно, был пьян и, протрезвившись, забыл о своей ошибке. Чезаре опрашивал многих абонентов, но никто не признается. Тетя Мона спросила Чезаре: когда это мясо было положено в шкаф? Чезаре, посмотрев в книгу абонентов, ответил: 5 июня.

5 июня... То есть на следующий день после бесследного исчезновения гофмаршала Пуннакана! А что если... если человек, убивший Пуннакана, воспользовался ключом, который подходит ко всем шкафам холодильни, за-

пихнул части трупа в соседний с нами шкаф и затем удрал из города?

От этой догадки я вздрогнула и стиснула зубы. Тетя добавила еле слышным голосом:

— Вот почему нигде не могут найти труп гофмаршала и решили, что его украли. А его... по частям рассовали по шкафам. И в наш сунули тоже...

— Тетя! — взмолилась я. — Не надо...

Я напрягла все свои силы и волю и стала успокаивать тетю. Ведь это еще только предположения. Просто-напросто кто-то перепутал и положил мясо в чужой шкаф, а потом забыл, куда положил. Убийца не рискнул бы тащить куски трупа в холодильню через весь город. Это невероятно.

Тетя Мона оглянулась на коридор, уставленный шкафами.

— Не буду есть мясо из нашего шкафа, — прошептала она.

— Тетя, возьмите себя в руки. Как не стыдно! Вы всегда были так рассудительны...

А про себя подумала: «Ни за какие деньги не притронусь к мясу из нашего шкафа».

Вечером к нам приехал Фил. Синяк он носил с такой важностью, как английские фельдмаршалы носят орден Подвязки. У него было прекрасное настроение: очевидно, радовался тому, что с моими вылазками к Тайрону покончено навсегда.

Он протянул мне сумку; хозяин ресторана извинялся и умолял не поднимать шума. За разбитую посуду и попорченную мебель обязан заплатить Тайрон.

Я проверила магнитофон и обнаружила, что с ленты стерты все записи.

— Ну ничего, я запомнила все, что Тайрон говорил. Между прочим, он сказал, что Рубироса приказал Карафотиасу материализовать дух Пуннакана, а потом опекать его.

— Я думаю, что профессор Фортон ближе к истине. — Садясь в кресло, Фил скривился от боли и потер колено. — Он считает, что Рубироса нанял бродягу и заставил его играть роль Пуннакана. А потом тот же Рубироса убрал этого бродягу. С помощью грека.

— Тайрон говорит, что Пуннакан узнал кое-что о Фортоне, и тот украл гофмаршала.

— И убил. — Тетя Эмма хлопнула ладонью по столу и сказала решительно: — И куда-нибудь спрятал труп. Надежно спрятал.

Я переглянулась с тетей Моной. Она шевельнула бровью: «ни слова». Мне вспомнилось, что на прошлой неделе тетя Эмма принесла из холодильни баранину и сделала рагу. Сама же она заметила, что мясо кисловатое, какого-то странного вкуса, и Фил поддержал ее. Но я не согласилась с ними и демонстративно съела больше всех. Вспомнив это, я закусила губу и почувствовала тошноту.

— Надо выяснить, какие вещи узнал Пуннакан о профессоре Фортоне, — сказала тетя Эмма. — И тогда мы найдем разгадку тайны.

— Мне надоела эта дурацкая детективная история.— Фил прикрыл рот рукой, подавляя зевок. — Пора кончать с ней, мы совсем запустили наши дела. Вчера поздно вечером пришли рукописи, я их засунул в свой стол.

— От кого? — спросила я сквозь зубы.

— От Артура Кларка и Эдмунда Хамильтона. И еще повесть Хайнлайна — о том, как Кремль засылает зараженных гремлинов в Америку.

Я поморщилась.

— С такой вульгарной повестью не стоит связываться. Надо отослать обратно.

Фил подмигнул мне подбитым глазом:

— Уже отослал.

— Значит, больше не будем заниматься Пуннаканом? — спросила я.

— Нет, будем. Ведь мы обещали Аде. Но отныне буду заниматься я один и доведу дело до конца.

Я открыла рот, чтобы возразить, но, взглянув на большое фиолетово-желто-багровое пятно на лице Фила, ничего не сказала.

Тетя Эмма спросила его, не хочет ли он закусить. У нее есть рыба. Фил ответил: несмотря на то что сегодня пятница, ему хочется мяса. У него хищное настроение. Тетя сказала, что может предложить ему роскошную телятину: вчера Чезаре отрезал очень большой кусок, его хватит до конца следующей недели. Я подала Филу знак: «Выйдем в переднюю». Там я посвятила его в страшную историю с мясом в холодильне. Реакция Фила была совсем неожиданной. Он затрясся от смеха,

ударил себя по колену, скривился от боли, потом прыснул и произнес:

— Раньше мы спрашивали: кто украл гофмаршала? Теперь будем говорить: кто съел гофмаршала?

И опять затрясся от смеха. Он просто ненормальный.

8. ФИЛИП К., ЛИТЕРАТУРНЫЙ АГЕНТ

Рано утром по междугородному позвонил Хилари, он встает всегда очень рано и звонит без стеснения. У нас произошел такой разговор.

Хилари. Обзор готов, высылаю. На три тысячи слов. И никаких поправок без моей санкции! Это мое категорическое условие.

Я. Они отвергнут это условие, и ты не получишь ни цента.

Хилари. Ну и пусть.

Я. Ты слишком серьезно смотришь на Фортона и его лавочку. Чего только не найдешь в Америке! Существует, например, клуб «Иррегулярники Бейкер-стрита», в который входят видные политические деятели, артисты, ученые, адмиралы, послы и писатели. Все они почитатели Шерлока Холмса. На заседаниях этого клуба с самым серьезным видом читаются доклады на такие темы: «Ватсон был женщиной» или «Кто был тайной возлюбленной Холмса?» Тезисы этих докладов обильно подкрепляются цитатами из произведений о великом сыщике. Разве не похож этот клуб на институт Фортона, где занимаются теориями всяких ситуаций и фрустраций, биосоциологическими параметрами и психическими комплексами? Та же игра в науку.

Хилари. Ты уже писал об этом в своем письме. Сравниваешь с бейсболом и так далее. А Ева, как ты пишешь, считает, что оккультисты — просто наглые мистификаторы и жулики, дурачащие скучающих богатых дам. Вы оба ошибаетесь. Ты и Ева — страусы, засунувшие головы в фантастику и не видящие того, что делается в мире. По телефону долго объяснять, напишу вам письмо.

Хилари повесил трубку. Спустя неделю от него пришло письмо примерно в полторы тысячи слов. Суть сводилась к следующему.

Во время последней войны американцы начали изучать боевые операции с помощью математико-измерительных методов. Путем статистических подсчетов, например, удалось выяснить наиболее удобное положение кораблей в момент нападения вражеских пикировщиков. Таким же путем были разработаны защитные меры против неприятельских подлодок. Возникла новая наука — исследование операций, сокращенно «О-Ар».

Наряду с военными операциями не менее интенсивно проводились операции психологической войны против немцев и японцев. Разбрасывались листовки и велись передачи по радио и с помощью громкоговорительных установок. Цель — подорвать боевой дух неприятельских войск и деморализовать население. Подрывная пропаганда американцев была очень эффективной. В этом деле отличились психологи, которые сочиняли тексты для листовок. В течение войны было разбросано восемь миллиардов экземпляров листовок.

После войны демобилизованные математики и психологи поступили на службу в торговые и промышленные предприятия и рекламные конторы. Они занялись изучением покупателя. Как заставить людей покупать вещи? Как приводить в действие их побудительные мотивы? Как вести торговлю, чтобы удовлетворить сознательные и бессознательные желания покупателей?

Было подсчитано: войдя в магазин, человек в среднем мигает 32 раза в минуту; подойдя к прилавку и разглядывая заманчивые товары, он начинает мигать реже — 14 раз в минуту; когда же он уплачивает деньги за товар, мигание учащается до 45 раз; выйдя на улицу, человек снова мигает 32 раза в минуту.

С помощью специального фотоаппарата снимали движения глаз человека, разглядывающего афишу или плакат, чтобы зафиксировать, как он реагирует на изображение и текст рекламы.

Путем опросов, экспериментов и подсчетов удалось сделать соответствующие выводы. Например, было установлено, какого цвета упаковка, какие рисунки и какой формы этикетки больше всего привлекают покупателей; при этом учитывался пол, возраст и социальная принадлежность.

Выяснилось: если в здании универмага покупатель может выпить освежающий напиток, он покупает на

2,44 процента больше, чем в универмаге, где нет кока-колы или содовой. В среднем семьдесят процентов покупателей делают покупки не по велению рассудка, а в безотчетном порыве, повинуясь бессознательному влечению, ибо бессознательное является основой всей психической деятельности человека.

Так возникла новая научная дисциплина — исследование побудительных мотивов, сокращенно «ЭМ-Ар».

Специалисты по «Эм-Ар» вскоре оказались полезными и в других областях, где, как в торговле и в рекламном деле, возникает необходимость массовой обработки людей путем воздействия на их сознание и сферу бессознательного.

Глава института по изучению побудительных мотивов, психолог-фрейдист Эрнст Дихтер обратился к государственному департаменту с предложением: «Америку надо рекламировать так же, как виски, помаду для волос и автомобили». Другими словами, он предложил использовать методы «Эм-Ар» в психологической войне и пропаганде.

Чтобы успешно проводить психологическую войну, надо изучать и совершенствовать ее стратегию и тактику, надо придумывать все новые идеологические и пропагандистские операции.

И появилась потребность в специалистах по психологической войне против Советского Союза. Возникли всякого рода институты изучения России, научно-исследовательские центры, координационные бюро исследований и прочие советоведческие учреждения, субсидируемые теми, кто стоит за непримиримую политику против коммунизма вне зависимости от могущих быть изменений внешнеполитического курса Белого дома, кто поклялся не успокаиваться до тех пор, пока красный Карфаген не будет сокрушен.

Исследования, которыми занимается институт профессора Фортона на основе психоаналитических, математико-статистических, биосоциологических, социопатологических и прочих методов, ставят главной задачей показать агрессивную, экспансионистскую природу «врага номер один».

Этот институт — вовсе не мирная группка ученых, играющих в науку, как полагают некоторые наивные болваны. И сравнивать этот институт надо не с бейс-

больной командой, а с отрядом коммандосов-диверсантов специального назначения.

То же самое надо сказать и о всякого рода оккультистах, вроде банды Рубиросы. В психологической войне, как и в торговле, осуществляется воздействие не только на сознание, но и на бессознательное, иррациональное начало людей. Оккультисты своей практикой отвечают потребностям людей, которые верят в сверхъестественные явления. Таким образом, оккультисты выполняют особые задания в войне против материализма и марксизма. Между прочим, оккультисты пытаются напустить мистический туман на явления телепатии, которые сейчас серьезно изучаются неврологами и физиологами во многих странах.

И Фортон и Рубироса служат с начала до конца делу холодной психологической войны.

Руководители Фонда Киллорана сейчас раздумывают, кого взять на содержание — институт Фортона или Общество тайноведения Рубиросы.

Письмо свое Хилари заканчивал так:

«Я думаю, что между Фортоном и Рубиросой, уже идет ожесточенная закулисная борьба, в которой дозволены все средства. Она так же беспощадна, как война между гангстерскими шайками времен Торио и Капоне. И, наверно, произойдут события, которые приведут в восторг тетю Мону и тетю Эмму. А что касается истории с Пуннаканом, то смешно тратить на нее время. Этот мошенник просто уехал куда-то. Никакой тайны тут нет».

Вслед за письмом Хилари прислал статью о советской фантастике. Синяки у меня исчезли, и я поехал к Фортону. У него в гостиной я застал нескольких сотрудников института — все молодежь и тоже в стиле «Айви лиг». Телевизор показывал матч между чикагскими «Волчатами» и бруклинскими «Увертливыми».

«Волчата» после удачного отбива взяли сразу два очка. Фортон и его помощники засвистели и затопали ногами. Особенно громко выражал радость высокий блондин с прической «кру кат» — щеголь в стиле Мэдисон-авеню. Он опрокинул бокал, крепко выругался и пошел к бару составлять новый коктейль.

— Вы за кого? — спросил Фортон, показав мне на стул между ним и Крейгером.

— Этот матч меня не волнует, — ответил я. Я поклонник «Красных носков».

— Дохлых бостонцев? — Фортон скривил рот. — Команда слепых старух.

Взяв у меня папку с рукописью, он перебросил ее Крейгеру. Тот поймал папку на лету жестом заправского бейсболиста.

— Посмотри и дай заключение. Статья о советской фантастике.

Крейгер стал небрежно перелистывать рукопись:

— Насколько мне известно, советские фантасты все сдувают у американцев.

— У вас неточные сведения, — возразил я. — У советских фантастов много собственных тем и сюжетов. Уровень советской фантастики не ниже...

Фортон перебил меня:

— Они пишут о захвате других планет?

— Судя по этому обзору, они пишут о космических путешествиях, а не о военных операциях.

Крейгер бросил папку на сервант.

— Я слушал в Мюнхене интересный, очень содержательный доклад некоего Мартыненко из лондонской группы кремлеведов. Он утверждал, что романы советских фантастов о завоевании Америки, Африки и Азии издаются секретным тиражом — только для ракетных войск и экипажей атомных подлодок.

Я повернулся к Крейгеру:

— Вы только что сказали, что советские авторы сдувают у наших. Значит, и сюжеты этих романов взяты у наших...

— Стоп! — Крейгер погрозил мне пальцем. — Не передергивайте. Я говорил о несекретной фантастике. А секретные фантастические произведения они пишут самостоятельно, не прибегая к плагиату. И в них дают полную волю своей свирепой фантазии.

— У нас имеются сведения, — сказал Фортон, — что в Москве функционируют особые писательские группы. По заданиям соответствующих учреждений они коллективно изготовляют секретные военно-фантастические романы и новеллы.

— Это вам сообщил Пуннакан? — спросил я.

Фортон мягко улыбнулся:

— Спрашивать об источниках информации считается дурным тоном.

Передача матча закончилась. Стали передавать объявления. Девушка, блистая улыбкой, расхваливала зубовыпрямитель, благодаря которому ей в течение короткого времени удалось выровнять зубы. Но эту передачу прервали на полуслове. Диктор стал читать экстренное сообщение полиции:

«Вчера ночью в университетскую больницу была доставлена в бессознательном состоянии молодая женщина. Она только что пришла в себя. Женщина заявила, что вчера, около одиннадцати часов ночи, сойдя с автобуса у больницы для наркоманов, она пошла вперед, но спустя несколько минут была сбита с ног ударом по голове. Больше она ничего не помнит. Свою фамилию и домашний адрес тоже забыла. В автобусе с ней ехали две старухи и мужчина с черной повязкой на глазу. Рост его — примерно 5 футов 8 дюймов. Возможно, это тот самый человек, который подозревается в убийстве двух женщин. Расследование продолжается. Всех, кто узнает что-нибудь о разыскиваемом человеке, просим незамедлительно звонить в полицию».

— Опять этот таинственный Джек-Потрошитель! — Высокий блондин подул на свой кулак. — Дали бы мне его минут на пять!

Сидевший рядом с ним молодой человек с обритой, как у Юла Бриннера,[1] головой засмеялся:

— Бедный Стив, он все время хочет убить кого-нибудь, да все не удается. Не теряй надежды.

Судя по комплекции, бедный Стив весил не меньше 200 фунтов. Кулаки его напоминали кожаные груши для тренировки боксеров.

Крейгер хлопнул меня по плечу и шепнул:

— А что если этот убийца с повязкой на глазу — исчезнувший Пуннакан? Вполне закономерная гипотеза. Подумайте.

Он засмеялся и, помахав мне папкой с рукописью, вышел вместе с другими. В гостиной остались Фортон и я. Фортон предложил мне кофе с мятным ликером.

— У меня к вам просьба, — сказал он. — Составьте

---

[1] Известный американский киноактер.

мне список произведений наших фантастов на тему о третьей мировой войне. С кратким изложением содержания. Много книг вышло на эту тему?

— Кое-что есть. Например, романы Корнблата и Хайнлайна. Но значительно интереснее произведения на тему о борьбе с жителями других планет. Возьмите, например, Фредерика...

— Чепуха! — бесцеремонно прервал Фортон и пододвинул ко мне бутылку ликера. — Попробуйте, пожалуйста. Мне нужна библиография на тему американо-советской войны. Я готовлю выступление на предстоящем симпозиуме. За библиографический список могу выплатить максимальный гонорар.

Я хотел отказаться, но потом решил принять заказ: он давал возможность выведать еще что-нибудь у Фортона и Крейгера о гофмаршале. Список поручу Еве, она сделает в течение часа.

Я спросил Фортона: как будет проходить симпозиум? Приедут ли гости из других стран? Фортон ответил, что приедут такие светила советоведения, как Кренкшоу, Зорза и Дейтчер из Англии, Юрцевер и Джабари из Турции, Флориди из Италии, а из американских — Солсбери, Гарри Шварц, Юджин Лайонз и Глеб Струве. Будет обсуждаться вопрос о создании Международного института антикоммунизма, который разработает новые методы советоведческих исследований. На него возложат функции объединенного генерального штаба идеологической войны против международного коммунизма.

Фортон вынул из бокового кармана пиджака маленький револьвер и засунул в задний карман брюк.

— Пугач? — спросил я.

— Нет, настоящий. «Беретта», калибр двадцать пять. — Он усмехнулся. — Красные имеют основания не питать ко мне нежных чувств. Приходится быть настороже.

— У вас хороший телохранитель, этот тяжеловес Стив.

Фортон улыбнулся.

— У него другие функции. Мы перетянули его из Русского исследовательского института при Гарвардском университете. Я уверен, что Стив будет крупнейшим специалистом по социопатологии. Сейчас он изучает пятидесятников, прыгунов и трясунов — это религиозные

секты в России. Его вдохновила статья Пуннакана в нашем бюллетене.

— Пуннакан мог бы принять участие в симпозиуме?

— Да. — Фортон вздохнул. — Его исчезновение — большая потеря для нас. Все-таки я думаю, что это дело рук Рубиросы. Он ведь самый настоящий бандит, хотя и кончил Принстон. До приезда в Америку Рубироса работал в секретариате Батисты и выполнял его доверительные поручения. Вот тогда-то он и привык к делам деликатного свойства.

— Секретарь редакции журнала оккультистов сказал одному моему знакомому, что Пуннакана отправили обратно в загробный мир. И сделал это медиум-грек Карафотиас.

Фортон кивнул головой:

— Я слышал о нем. Рубироса подобрал его где-то и сделал своим фактотумом. Очевидно, они вдвоем ухлопали гофмаршала. Но Крейгер не согласен со мной. Он думает, что Карафотиас связался с оккультистами какого-нибудь другого города, подговорил Пуннакана, и они вместе удрали туда. Ничего, через некоторое время объявятся.

Я покачал головой:

— У профессора Крейгера кипучая фантазия, он выстреливает одну гипотезу за другой. Только что он поделился со мной самой последней: таинственный мужчина с повязкой, подозреваемый в убийстве женщин, — это Пуннакан.

Мы оба рассмеялись. Фортон посмотрел на ручные часы и деликатно вздохнул. Я простился с ним, обещав составить библиографический список.

Вечером я поехал к Еве. Она сообщила, что тетя Мона уже рассказала обо всем тете Эмме, и на семейном совете было решено впредь до выяснения истории ничего не брать из нашего шкафа в холодильне и не покупать мяса в городе. Теперь я понял, почему все эти дни у Евы меня угощали только яичницей и макаронами с сыром.

9. ОТТО КРЕЙГЕР, ПРОФЕССОР

Я принес Арчибальду письмо из Москвы, от поэтессы Эн-Эн. На этот раз она сообщала о собрании в секции поэтов Московской организации, посвященном обсуж-

дению заявления нескольких молодых поэтов четвертого поколения. Поэты декларировали программу новой группы «Антипоэзия», которая противопоставила свою новаторскую поэтику традиционной поэтике и провозгласила своими предшественниками Маринетти, Гертруду Стайн и московских ничевоков 20-х годов. Однако Арчибальд отказался поместить в бюллетене письмо поэтессы, сославшись на то, что оно неправдоподобно. Недавняя тайная корреспонденция из Москвы (от литературоведа Икса) тоже вызвала у многих подозрение в фальсификации. Было обнаружено текстуальное совпадение нескольких абзацев этой корреспонденции с абзацами статьи мексиканского критика, опубликованной до войны. Арчибальд сказал, что сейчас нельзя рисковать престижем института. Преднамеренная литературная фальсификация никак не может быть оправдана тем, что фальсификаторы руководствовались благими целями.

Этот разговор оставил у меня неприятный осадок. За ужином я выпил лишнюю порцию «Кингс рансома» и заснул, не раздеваясь. Около двух часов ночи я был разбужен телефонным звонком. Пленительный женский голос воскресил в моей памяти далекое прошлое. Соблюдая правила, мы сначала провели положенный парольный диалог; окончательно удостоверившись, что говорю с «Гекатой», я согласился на встречу. Она состоялась у меня на квартире спустя четверть часа и носила сугубо деловой характер.

Моя гостья очень мало изменилась с марта 1945 года, когда я встретился с ней у итало-швейцарской границы, пробираясь из Милана в Лозанну. В ходе беседы я узнал следующее: после того, как организация Хёттля «Спайдер» влилась в систему Си-Ай-Эй, он стал отчитываться в своей работе перед АУДом, то есть Даллесом, согласовывая отчеты с Геленом. Но АУДа сменил Маккоун, который стал действовать более брутально, и в руки боннской разведывательной службы поступили сведения о том, что Хёттль ведет двойную игру, выдавая американцам почти все немецкие секреты.

В связи с этим «Геката» предупредила меня, что ко мне может явиться доктор Норберт Кальтенбах, который в свое время работал в органе «Зюйд» в Вене, но затем был перевербован американцами. Поэтому мне при встрече с ним надлежит делать вид, что я теперь

никакого отношения к зарубежному аппарату Гелена не имею и никаких связей со своими бывшими сослуживцами по имперскому управлению безопасности не поддерживаю. В ознаменование нашего свидания мы с «Гекатой» распили три бутылки полусухого либфраумильха и, предавшись воспоминаниям, прослезились.

10. АРЧИБАЛЬД ФОРТОН, ПРОФЕССОР

1. Звонок от литературного агента.

Литературный агент сообщил: библиография по фантастическим романам о третьей мировой войне готова. Ответил ему: пусть позвонит недельки через две, сейчас некогда. Сейчас не до докладов и не до симпозиумов. Решается вопрос: кого предпочтет Фонд? Он выступает в роли Париса, перед которым две грации — я и Рубироса.

2. Ночная встреча с секретарем редакции журнала оккультистов. Позвонил Тайрон П., секретарь редакции журнала «Высшее Бытие», и предложил немедленно встретиться вне города по сугубо конфиденциальному делу. Намекнул: речь идет о Фонде. Я согласился. Условились: в 0.30 у виадука на шоссе № 3. На всякий случай, кроме карманной пушки, взял с собой Отто и Стива. Совсем как в детективном романе Чандлера или Макдональда. Съехались почти одновременно. Тайрон П. явился один, но все время держал правую руку за пазухой — очевидно, револьвер у него подвешен к плечу, как у профессионалов.

Тайрон П. сообщил:

а) Фонд Киллорана прислал телеграмму Рубиросе: представить докладную записку о работе его оккультной организации. Рубироса возликовал: богиня Нике склоняется на его сторону.

б) Рубиросе стало известно: мы добыли компрометирующие его сведения. Если мы предадим их гласности, то Рубироса тоже опубликует данные о нас, полученные от Карафотиаса накануне внезапного отъезда последнего. А Карафотиас получил их от Пуннакана, который в процессе сотрудничества в «Бюллетене» узнал, как фабрикуются в институте материалы о России и, в частности, какими подлогами занимается профессор Крейгер.

Я спросил Тайрона П.: какие сведения имеются у них о Крейгере? И получил ответ: Рубироса знает что-то, но что именно, неизвестно.

Надо будет предупредить Крейгера. История с мифическими корреспондентами в Москве может сильно повредить репутации института. В случае необходимости я дезавуирую Крейгера и порву с ним.

в) Рубироса сказал Тайрону П: «Фортон заподозрил Пуннакана в том, что тот через своего друга Карафотиаса передает нам сведения об институте. Фортон принял меры — Пуннакан исчез. Карафотиас испугался и удрал».

Тайрон П. потребовал гонорар за эти сведения. Я дал и попросил держать меня в курсе взаимоотношений Фонда с Рубиросой, а также выведать, что́ Рубироса знает по делу таиландца. (Какие сведения о нас Пуннакан передал Рубиросе?)

Тайрон сообщил: в редакцию к нему приходила девица, кокетливая и довольно хорошенькая, похожая на киноактрису Дорис Дей. Назвалась секретарем литературного агента. Старалась вынюхать что-нибудь о Пуннакане. Рубироса полагает: эта шпионка подослана мной.

Но лично Тайрон думает, что эта девица — агент красных.

3. Оценка информации Тайрона П.

Секретарь журнала Рубиросы, судя по его низкому лбу и оттопыренным ушам — типичный ломброзовский преступник — l'homo delinquente[1], но его информация относительно Фонда, по-видимому, имеет фактические основания.

Девица, упомянутая Тайроном, является секретарем литературного агента, который посещает меня. Агент тоже старается узнать о судьбе Пуннакана.

Что за личность этот литературный агент? Довольно бесцеремонный тип, часто отпускает шпильки. Может быть, он агент Рубиросы?

Если предположение Тайрона П. правильно и девица — агент красных, то и ее шеф, нахально пролезший

---

[1] «Человек-преступник» — термин итальянского психиатра Ч. Ломброзо, считавшего, что у врожденных преступников имеются определенные внешние признаки.

ко мне, тоже может оказаться красным. Это вполне возможно. Она пролезла к оккультистам, а он ко мне — оба хотят получить данные для разоблачений или для шантажа.

Судя по всему, оккультисты не знают, что я послал Фонду записку о работе нашего института, а также о махинациях Рубиросы и о том, что все фактические данные об оккультистах я купил у медиума Карафотиаса.

4. Три встречи с О. — представителем Фонда Киллорана.

В наш город неожиданно прибыл О. — из администрации Фонда.

Через брата Стива, работающего в справочном отделе газеты, я узнал: О. во время второй мировой войны работал в штабе Макартура, в секторе психологической войны. После войны служил в отделениях Информационной службы в странах Юго-Восточной Азии и Африки. Во время корейской войны работал в штабе 8-й армии, затем в особом исследовательском отделе корпорации «Рэнд». Оттуда перешел в администрацию Фонда. Имеет звание бригадного генерала. Происходит из богатой балтиморской семьи, окончил Принстон, состоял в университетской баскетбольной команде, женат на дочери аргентинского мультимиллионера, владеет большой коллекцией картин испанских мастеров и ламаистской эротической скульптуры.

На вид ему лет пятьдесят, рыжеватые волосы, серые гипнотизирующие глаза, густые, подстриженные усы, мурлыкающий голос, высок, худощав, ходит вкрадчиво, бесшумно, как пума.

Состоялись три встречи. О. слушал меня и Рубиросу очень внимательно, делал пометки в блокноте, временами включал на запись магнитофон-бэби, прерывал нас только в тех случаях, когда начиналась перебранка.

а) Первая встреча (воскресенье).

Продолжалась 1 час 18 минут, включая завтрак. Вызвал нас к 8 часам утра и попросил сперва Рубиросу в предельно краткой форме изложить свои соображения. Рубироса в течение 11 минут говорил примерно о следующем.

Сейчас самое важное — это борьба с материализмом. (О. закивал головой.) Надо всеми силами отвлекать людей во всем мире от материалистического мировоззрения.

И в этой борьбе за души людей огромную роль должны сыграть науки, разрабатывающие проблемы, иррационального и сверхчувственного, — герметизм, теософия, антропософия, спиритизм и другие эзотерические системы знаний.

Эти отрасли тайноведения призывают к мистическому постижению космической души — Махатмы, к пониманию того, что все политические события, смена властей, борьба партий и классов, демонстрации на улицах, конференции, конфликты между нациями — лишь игра теней, иллюзорная вибрация фантомов.

Огромное принципиальное значение имеют эксперименты американских парапсихологов по телекинезу — воздействию на предметы силой духа. Эти опыты должны подтвердить, что не материя влияет на дух, а, наоборот, дух влияет на материю, управляет ею. Об этом сказано в «Энеиде» Вергилия: «Mens agitat molem»[1]. И такое же значение имеет оккультная практика контактов с потусторонним миром для узнавания будущего, для упреждения событий.

О. прервал Рубиросу жестом и предложил мне высказаться на тему о предвидении. Моя реплика свелась к следующему.

Руководимый мной институт систематически изучает прошлое и настоящее России и других социалистических стран, ибо для предвидения необходимо изучать развитие явлений в прошлом и настоящем, с тем чтобы, констатировав те или иные устойчивые тенденции развития, экстраполировать на будущее те закономерности, справедливость которых удалось установить для настоящего времени.

Одним из важнейших факторов, обусловливающих точность предвидения, является знание характера народа изучаемой страны. Мы составляем большое количество всевозможных индексов, охватывающих все стороны жизни изучаемого народа, и конструируем модели различных политико-экономических и культурно-исторических типов развития. Мы используем вычислительное устройство, обеспечивая его достаточным количеством материалов для того, чтобы достигать высокого коэффициента правильности предсказаний. Уже имеется блестящий

[1] Дух двигает материю.

пример — машина «Энивак» правильно предсказала в 1952 году исход президентских выборов.

О. поблагодарил меня и предоставил слово Рубиросе.

Исход этих президентских выборов, сказал Рубироса, мог предсказать любой дурак — без всякой электронно-вычислительной машины. Все попытки кибернетиков по части предугадывания событий являются бессмыслицей. Это доказал западногерманский философ Васмут. Ведь поведение машины, являющейся неодушевленным предметом, в каждый момент определяется ее предшествующим состоянием. И, таким образом, можно сказать, что машина получает сигналы из прошлого. Машина действует в одномерном времени.

Но в отличие от машины человек получает сигналы не из прошлого, а из будущего. Предчувствия, вещие сны, предзнаменования, внушение свыше — все это сигналы, идущие из будущего. Таким образом, у человека время двухмерное и второе измерение времени связано с понятием информации, которая является свойством духовной, нематериальной субстанции. Отсюда следует, что никакой передачи информации у машин не может быть. Институт Фортона, занимающийся подготовкой материалов для вычислительных машин, прикрывается наукообразной терминологией, а по существу является шарлатанским учреждением.

О. улыбнулся, щелкнул пальцами и остановил Рубиросу. Потом сделал мне знак глазами: говорите.

Я сказал, что вместо разглагольствований о космической душе, как это делают оккультисты всех видов, мы проводим исследования, подкрепленные статистико-математическими подсчетами, уделяя особое внимание всем видам сублимации сексуальной энергии, в частности литературе и искусству. Нам удалось, например, проанализировать амбивалентность отношения русских к Западу, характеризуемого, с одной стороны, интуитивным пиететом, а с другой — ненавистью, проистекающей из комплекса неполноценности и подавленности сексуальной энергии.

В своих научных исследованиях институт преследует две основные цели: 1) вывести на основе изучения характера русских различные формулы, начиная с формулы роста экспансивности и агрессивности, и 2) составить образ гипотетического советского человека — объекта на-

ших идеологических акций. Наш институт старается приносить реальную пользу правительству и обществу в происходящей ныне войне идей, а не заниматься околпачиванием суеверных дур с помощью эктоплазм и материализованных духов.

Рубироса прервал меня грубыми ругательствами на испанском языке и заявил, что мы переманили к себе Пуннакана, а затем, очевидно, разделались с ним из опасения, что он может рассказать администрации Фонда о том, как мы подделываем материалы о России. Я ответил Рубиросе, что у меня имеются неопровержимые данные об его темных делах: судя по всему, он поручил своему подручному Карафотиасу отправить Пуннакана на тот свет, а затем сплавил грека в Европу.

О. предложил прервать разговор, чтобы остудить страсти. Затем сказал, что нам следовало бы позавтракать — пусть это заменит трубку мира. Рубироса принял приглашение, но с таким видом, будто ему приказали сесть за стол с жабой. Я сделал непроницаемое лицо, как при игре в покер, и поблагодарил О.

Завтрак вначале протекал в мирной обстановке. О. сказал, что он недавно обедал с бразильским адмиралом, и тот показал ему фотоснимки неизвестного летающего предмета — «уфо», который пролетел над бразильским военным кораблем «Альмиранте Сардана», когда тот был недалеко от Тринидадских островов. Полагают, что этот «уфо» был космическим кораблем инопланетного происхождения.

Рубироса заговорил о гипотезе американского философа-математика Дана. Она сводится к тому, что прошлое, настоящее и будущее существуют в виде своеобразного фильма, но люди из-за предельно ограниченной способности воспринимать время могут видеть только настоящее. Однако возможность перемещаться во времени вовсе не является досужей фантазией романистов, и вполне возможно, что «уфо» являются «машинами времени».

Я в шутливом тоне сказал, что в древности было много всяких мистификаторов: колдунов, магов. Наверно, они стараются пролезть и в нашу легковерную эпоху.

Мою шутку Рубироса принял на свой счет и обругал меня. Мы стали обмениваться неэтикетными выражениями. Завтрак был испорчен. О. выразил сожаление и

заявил, что придется отложить встречу до второй половины дня. Он предложил нам обоим принять успокаивающие таблетки, чтобы восстановить душевное равновесие.

б) Вторая встреча.

На этот раз О. говорил один — 1 час 9 минут. Он сказал следующее.

Вся надежда на фронт идей. Довольно нам играть в утонченный, изнеженный, упадочный Рим, который, ничего не предпринимая, ждал своей неминуемой гибели от северных варваров. Если мы будем бездействовать, нас постигнет та же участь.

Мы не должны полагаться на наше правительство, которое все время проводит зигзагообразную, половинчатую политику в зависимости от международнополитической конъюнктуры и внутриполитической обстановки. Мы, идейные дирижеры нации, организаторы ее мнений и желаний, должны проводить до конца последовательную, непоколебимую, бескомпромиссную политику борьбы с коммунизмом.

На фронте политики и экономики мы не в состоянии одолеть противника. Вся надежда теперь на фронт идей. Мы должны победить в войне за умы и души людей. Победить во что бы то ни стало.

На этом фронте из-за бездарной политики нашего правительства мы только оборонялись. Враг неуклонно усиливал свое влияние во всем мире. Мы теряли одну позицию за другой. Но теперь мы должны перейти в контрнаступление.

Мобилизация. Контрнаступление. Мы начали небывалую до сих пор мобилизацию всех наших идеологических средств, как правительственных, так и общественных.

Фонд Киллорана, так же, как и другие крупнейшие фонды, решил дополнительно ассигновать большие суммы на расширение деятельности советоведческих исследовательских органов.

До сих пор наши советоведы занимались в основном сбором и обработкой информационного сырья для официальных сфер и общественности.

Но этот этап уже пройден. Мы начинаем новый этап — этап контрнаступления.

Распределение сил и задач. Что надо сделать, чтобы победить? Ведущие фонды распределили между собой

исследовательские учреждения для финансирования их и руководства ими.

До сих пор идеологические акции против коммунизма были преимущественно негативными. Мы критиковали врага, высмеивали, обличали, ругали, проклинали и ниспровергали, но все наши инвективы были малодейственны.

Чтобы операции в идеологической войне были успешны, надо пользоваться позитивными концепциями и лозунгами.

Поэтому ряду исследовательских органов поручено разрабатывать доктрины, концепции и идеи, действующие, например, в пользу перемирия между двумя системами в области идей. Или другой пример: организация нового всемирного движения под лозунгом идейного перемирия между двумя лагерями. Это новое движение за мир надо противопоставить ныне существующему, чтобы расколоть его, как это нам уже удалось сделать в Японии с комитетом борьбы против ядерного оружия.

Один из исследовательских институтов уже работает над программой мероприятий по созданию Всемирной лиги религиозных организаций. Она охватит не только католиков, протестантов, православных, магометан, буддистов, ламаистов, но и африканских политеистов и фетишистов, то есть всех язычников, кроме тех, кто допускает каннибализм. И эта Организация объединенных религий в тесном содружестве с обществом «Моральное перевооружение» и такими азиатскими религиозными ассоциациями, как тайванская «Красная свастика» и японская «Сока-гаккай», будет в глобальном масштабе проводить пропаганду идей самоусовершенствования личности и всеобщей любви. Необходимо покончить со всеми проявлениями мизантропии в нашем мире, вроде классовой борьбы и национальных движений.

Деятельность Фонда Киллорана. Фонд Киллорана решил взять попечительство над одиннадцатью организациями в пяти городах, в том числе и над редакцией оккультного ежемесячника «Высшее Бытие» и институтом политико-психологических исследований.

Деятельность этих организаций должна иметь в виду: 1) нейтральные страны Азии и Африки и 2) объект № 1.

В этом месте Рубироса прервал О. вопросом: «А Ближний Восток? — и получил ответ: «Им будет

заниматься организация, подопечная другому фонду». Тут же О. пояснил, что объект № 1 является общим объектом для всех фондов с их подопечными организациями. Затем О. стал говорить о наших задачах по нейтральным странам Азии и Африки.

Задачи института политико-психологических исследований. Надо продвигать в эти страны печатные издания института с психоаналитическими исследованиями, посвященными объекту № 1. Особенно важно заинтересовать афро-азиатских интеллектуалов фрейдистским акцентированием внимания на сфере бессознательного, психоаналитической интерпретацией проблем социальной борьбы, теорией фрустаций и системой доказательств биологической основы войны.

Вы, Фортон, как видно из представленной вами записки, делали крен в сторону излишне детализированных наблюдений, над глубинной психикой и экскурсов по части циркулирующей психологии, морального мазохизма и прочих явлений, изучение которых отнюдь не способствует успешному анализу характера русских коммунистов.

Надо сосредоточить усилия на актуальных вопросах. Ваша задача, Фортон, — путем конструирования метамоделей и формул — давать убедительное доказательство тому, что положение в странах красного блока вовсе не является стабильным. Наоборот, оно характеризуется обостряющимся антагонизмом между поколениями и усилением настроений скепсиса, аполитичности, ипохондрии, нигилизма и тяги к мистицизму, являющейся естественной реакцией на культ техницизма.

Но самое главное — ваш институт, Фортон, должен подкрепить кардинальный тезис: экспансионизм русских, вытекающий из их национального характера и культурно-исторического развития, несет прогрессивно нарастающую угрозу странам Азии и Африки и требует с их стороны соответствующего политико-стратегического реагирования.

Вы будете обмениваться материалами с институтом современных русских исследований при Фордхэмском университете и с институтом славянских исследований при Калифорнийском университете.

Задачи оккультистов. Такие же важные задачи стоят и перед вами, Рубироса. В своей работе вы должны ис-

ходить из того, что народы Азии и Африки в силу культурно-исторических условий не имеют склонности к материалистическому мышлению. Иррационализм, мистические тенденции, вера в сверхъестественное широко распространены среди населения афро-азиатских стран.

Вы должны приложить усилия к установлению живых контактов с азиатскими и африканскими мистиками, в частности, с сиккимскими ламами, культивирующими технику телепатии — линги-шарила; с колдунами восточного побережья Африки и Занзибара, разрабатывающими систему магии «бодо», связанную с индийской «джадо»; с японцами, приверженцами культа барсучьих и змеиных «цукимоно», то есть оборотней; с индийскими йогами и китайскими даосами. И на основе этих связей вы должны объединять всех, кто исповедует веру в экстрасенсорный мир, в общение с духами и в прорицания. Вы правильно сделали упор на предвидение. Но оно должно в основном касаться политики и быть направлено против объекта № 1, тогда ваши предсказания будут производить требуемое впечатление на африканцев и азиатов.

Особенно важно заинтересовать вожаков азиатских и африканских мистических общин доктринами герметизма, теософии, антропософии, натурфилософии, модернизованной астрологии и некоторыми разделами парапсихологии, направленными против материализма. Впереди перед нами вырисовываются величавые очертания единого всемирного мистического фронта, который должен сыграть огромную роль в мировой войне идей.

Из всего этого видно, что на вашу долю, Рубироса, выпадают весьма ответственные задачи.

Рубироса кашлянул в руку и, прищурившись, взглянул на меня. Он чувствовал себя победителем. Я решил подлить в его бокал шампанского ложечку керосина. Вынув из кармана конверт, я протянул его О. В конверте находилось письмо, купленное мной у одного репортера. О. прочитал письмо, покачал головой и после короткой паузы продолжал.

Компрометация врага. В войне идей крайне важно создавать предубеждение против врага среди нейтралов. Это надо делать путем распространения сведений, дискредитирующих врага. Ценность этих сведений будет определяться тем, насколько их будут признавать досто-

верными и насколько они будут действовать на психику официальных кругов и населения нейтральных стран.

Вовремя и умело пущенные в оборот слухи, версии, разоблачения и документы могут дать нужные результаты, несмотря на отсутствие фактической основы. Блестящим примером служит проведенная во время войны акция Геббельса в связи с катынской историей: она попала в цель и испортила отношения между Кремлем и Даунинг-стритом.

Принято говорить, что частое появление в нашей прессе ложных сведений о событиях за «железным занавесом» подрывает веру читателей в газеты. Это не совсем верно. Путем неоднократных опросов установлено, что только 19 процентов читателей обращает внимание на последующие опровержения. В памяти сохраняются кричащие, волнующие заголовки, которые затем откладываются в сфере бессознательного. Чем чаще мы будем обстреливать читателей нейтральных стран сенсациями о Советском Союзе, тем скорее приучим их к мысли о том, что у русских действительно все время происходит что-то неладное, — нет дыма без огня.

Люди верят сведениям, имеющим документальную основу. Поэтому представляется целесообразным создавать эту основу. Большой эффект могут иметь фотокопии чрезвычайно секретных советских документов, скажем, плана тайных мероприятий советских корреспондентов в Северной Бирме или донесения советского посла о конфиденциальных встречах с деятелями политического подполья. Аналогичный эффект могут вызвать такие книги, как «Я была советской шпионкой», с хорошо смонтированными фотоиллюстрациями, которые всегда повышают доверие читателей к данной книге или документу.

Но подобные материалы должны составляться компетентными лицами, чтобы не допускать никаких неточностей: названия советских учреждений, имена руководящих лиц, географические и хронологические сведения и прочие данные должны соответствовать действительности. В распоряжении Фонда будет консультационная группа, состоящая из советоведов соответствующей квалификации. Она будет обеспечивать внешнее правдоподобие публикуемых документов.

Слушая О., я с трудом подавил улыбку. Мы с Крей-

гером боялись, что история с выдуманными информаторами может скомпрометировать нас, но наши опасения оказались напрасными: сам О. предлагал заняться фабрикацией материалов.

Я не буду перечислять всех мероприятий, продолжал О., которые уже проводятся и будут проводиться в отношении нейтральных стран Азии и Африки. Обо всем этом будет сказано в секретной брошюре, которую вы скоро получите. В ней будет рассказано о работе исследовательских организаций, находящихся в ведении фондов Рокфеллера, Карнеги, Форда, Грю и других, о деятельности специальных учебных заведений за границей, вроде Академии Ваттая в Бангкоке и американских университетов в Каире и Бейруте.

Вот в общих чертах программа вашей работы в Азии и Африке на ближайшие месяцы. Вам поручается выполнение задач первостепенной важности, чтобы предотвратить распространение коммунистического влияния на нейтральные страны Азии и Африки. И в этой работе вы должны действовать вместе, локоть к локтю, а не драться, как уличные коты.

О. предложил нам пообедать. Я и Рубироса приняли приглашение. За обедом О. развлекал нас рассказом о недавней поездке в Советский Союз в качестве астрофизика, хотя, между нами, он не может отличить Малую Медведицу от Южного Креста.

Обед прошел вполне благополучно. Но когда подали сыр, О. вдруг рассмеялся и спросил Рубиросу: действительно ли старуха — владелица всех городских закусочных-автоматов — умерла от разрыва сердца после страшного предсказания, а ее наследник выплатил приличный гонорар Рубиросе? При этом О. дал понять, что он узнал об этой истории из письма, которое я передал ему. Рубироса вспыхнул и снова обрушился на меня, но я не остался в долгу.

О. несколько раз нажимал клавиши магнитофончика—записывал отдельные места нашей перепалки. Улыбка не сходила с его губ. Когда Рубироса, не выдержав моих саркастических замечаний, схватил нож для сыра, похожий на мачете, О. стал успокаивать его и попросил нас обоих явиться в отель на следующее утро, в восемь часов. Я заметил, что история с гофмаршалом каждый раз приводит его в веселое настроение.

в) Третья встреча.

Мы собрались к 8.00. На этот раз я получил у О. разрешение записать на магнитофоне нашу беседу.

О. Как я уже говорил, до сих пор Запад был в обороне. Из-за этого инициатива все время находилась в руках противника. Отныне мы будем наступать — только наступать. Наступать до тех пор, пока не добьемся полной победы.

Мы должны беспрерывно обстреливать территорию объекта № 1 нашими идеологическими снарядами и ракетами.

Против объекта № 1 будут действовать все наши силы и средства войны идей. Сейчас будем говорить только о некоторых ваших задачах. Подробную программу получите через некоторое время.

Я. Когда пришлете?

О. В течение ближайших двух недель. Итак, бегло о некоторых задачах. Главная ваша задача, Фортон, — форсированное изучение советской молодежи.

Я. Четвертую генерацию мы уже достаточно изучили по литературе, собрано много материалов.

О. Надо изучать пятую и шестую генерации. Вы должны как можно скорей завершить исследовательскую программу по составлению образа гипотетического советского молодого человека — объекта наших идеологических акций. Затем вы должны придумывать различные пропагандистские комбинации. Придумыванием этих комбинаций будут заниматься и другие организации. Время от времени будут созываться специальные совещания, на которых вы будете обмениваться опытом.

Для примера приведу макет одной комбинации. Назовем ее условно: «Троянский конь».

Выходит роман. Тема — «сладкая жизнь» небольшой группы сынков и дочек нью-йоркских денежных магнатов. Изысканные, экстравагантные оргии, соединенные с сеансами «действенной музыки» и «действенной живописи» и чтением стихов неодадаистов. Иногда — спиритические сеансы и прочие мистические эксперименты.

Юные шалопаи имеют свою философскую систему: плевать на политические и социальные идеалы, на политику, на отцов и вообще старших, пусть они скорее сдохнут; плевать на будущее, окутанное радиоактивными тучами, на всякую мораль, и пусть восторжествует бессо-

знательное над сознанием и да здравствует безграничная эмансипация эротизма и либидозного эгоизма, и да провалится все остальное в тартарары, аминь, ча-ча-ча!

Пресса обрушивается на роман: это клевета на Америку, на американский образ жизни, воинствующий цинизм, подрывная литература; автор — московский диверсант. Автора вызывают в комиссию по антиамериканской деятельности, он бежит в Мексику, его домик около Лос-Анжелоса сжигают бэрчисты...

Рубироса. Все это инсценировка.

Я. Не прикидывайтесь наивным. Вы же специалист по инсценировкам...

О. Тем временем роман переводится на другие языки, вокруг крамольной книги шум, в Италии приступают к экранизации, в Москве появляются статьи о романе. Наконец книгу переводят и издают. И советские молодые люди внимательно читают разоблачения тайн Уолл-стрита и ку-клукс-клана, описания ультраэротических сцен с участием несовершеннолетних нимф, заодно знакомятся с фрейдистско-ницшеанской философией наших эпикурейцев-битников. И цель будет достигнута. Отрава войдет в сознание советских молодых читателей.

Рубироса (смеется). Есть такой прием: девушке подносят букет роз, обсыпанный кокаином. Девушка вдыхает аромат и через минуту одурманивается.

О. Можно придумать различные варианты «Троянского коня», и не только в области литературы. И этим должны заниматься вы оба, каждый в своей области или вместе. Кроме того, вы должны иметь в виду следующие комбинации. Глеб Струве и другие американские советоведы распространили слухи о том, что в Америку по некоторым тайным каналам просачивается из Советского Союза подпольная литература: стихи, беллетристика, мемуары московских и ленинградских писателей, рукописные журналы и стенограммы речей, произнесенных на некоторых собраниях и не опубликованных в советской печати. Надо документально подтверждать эти слухи о существовании советского литературного подполья.

Я. То есть самим создавать документальные материалы?

Рубироса. Не прикидывайтесь наивным. Вы же мастер по этой части.

О. Эти документальные материалы должны составляться предельно тщательно, чтобы не возникало никаких сомнений в их подлинности.

Я. Очень кропотливая работа.

О. Изготовлением этих материалов будут заниматься специальные советоведческие организации. Но некоторые документы будете составлять и вы. И после выхода у нас «переводов с русского» они в виде портативных книжек должны «репатриироваться» — завозиться тем или иным способом в Советский Союз.

Я. Будут ли проводиться комбинации «Троянского коня» в области изобразительного искусства и музыки?

О. Комбинации по линии различных искусств и наук будут разрабатываться другими организациями, не находящимися в ведении фонда Киллорана.

Рубироса. Мы тоже можем проводить такого рода мероприятия?

О. Вы, Рубироса, устанавливайте всеми доступными вам способами связи с сектами в Советском Союзе. В первую очередь с иеговистами, которые ушли в глубокое подполье, затем с пятидесятниками и особенно с трясунами и прыгунами. Две последние секты нас особенно интересуют: судя по данным советской прессы, они охотятся за душами подростков.

Рубироса. Мне нужны материалы по русским сектам.

О. Вы будете получать ориентировочные материалы от секции сравнительных исследований Русского центра при Гарвардском университете, а вы, Фортон, — от справочного отдела библиотеки конгресса и от Института общественных отношений и региональных исследований Нью-Йоркского университета. На основе полученных материалов и систематического наблюдения за деятельностью легальных и нелегальных религиозных организаций в советских республиках вы обязуетесь составлять прогнозы. Вы, Рубироса, собирайте и обрабатывайте материалы о теософах, антропософах и других эзотерических группах в Москве, Ленинграде и Киеве. В двадцатых годах в Москве существовала группа штейнерианцев, они собирались у известного поэта Белого-Бугаева. Имеются также данные о существовании масонских лож в Советской России в годы нэпа, причем в Москве к масонам примыкали некоторые работники музеев, собиравшиеся у поэта-ассириолога Шилейко. Возможно, со-

хранились остатки этих эзотерических групп. Надо также проверить, может быть, еще существуют подпольные группы теософов — последователей Блаватской и Дмитрия Странден.

Рубироса. Взял ли Фонд Киллорана на финансирование иностранные оккультные организации и советоведческие институты?

О. Да.

Рубироса. Какие? Если не секрет...

О. Это секрет. Вы, Фортон, изучайте по материалам советской периодики и художественной литературы всякого рода суеверия, сохранившиеся в быту советских людей. Нас особенно интересуют профессиональные суеверия и приметы. К суевериям мы относим и веру в числа и талисманы. Следует учесть, что в ряде стран наиболее подвержены суевериям во время войны — летчики и танкисты, перед новыми спектаклями — актеры, в период экзаменов — учащиеся. Установлено также, что спортсмены перед важнейшими состязаниями тоже восприимчивы к суевериям. Необходимо тщательно проверить наличие бытовых суеверий в Советском Союзе.

В заключение скажу, что наше наступление будет проводиться на очень широком фронте. На одном из ближайших совещаний руководителей организаций, подчиненных Фонду, вы заслушаете доклады о намечаемых акциях в разных областях против объекта № 1. Для вас, Рубироса, будут представлять особый интерес мероприятия, идущие под кодовыми названиями «Гойя» и «Тинторетто», а для вас, Фортон, мероприятия «Вишневый сад» и «Фиеста».

Но следует еще иметь в виду, что наряду с открытыми мероприятиями будут проводиться операции «sub rosa», то есть не подлежащие оглашению. Наша пропаганда, как вам известно, делится на белую, серую и черную. Наши идеологические акции тоже будут трех цветов. Белые — проводимые по официальным каналам, серые — по замаскированным и черные — по тайным.

Особенно разнообразными будут мероприятия, нацеленные на молодежь. Нам, между прочим, благоприятствует то обстоятельство, что после войны Америка задает тон в области мужских молодежных мод. Расписные рубашки «ароха», куртки с «молнией», джинсы, галстуки «манбо» и «твист», прически, красные носки,

манера «но тай» — носить рубашки без галстука, и так далее — вплоть до новых танцев и манеры таскать мужские сумки через плечо или манеры носить рубашки навыпуск. Надо всячески сохранять этот приоритет, это очень важно. Нам нужно, чтобы юные модники во всех частях света старались походить на дэнди с Мэдисон-авеню, равнялись бы на них. А затем мы должны добиться и того, чтобы молодые люди объекта № 1 стали равняться на наших юношей не только по внешнему виду.

Итак, наступать, наступать, действовать на мозги, нервы, сердца, на глубинную психику, на сферу бессознательного, сокрушать души путем настойчивого, беспрерывного, планомерного травмирующего воздействия!

Надо максимально использовать весь богатый опыт нашей психологической войны против Германии и Японии, все достижения практического фрейдизма, рекламного искусства, науки о побудительных мотивах.

Нацисты говорили: «Две песчинки в часовом механизме разрушают самые хорошие часы». А древнекитайский полководец Суньцзы изрек: «Лучшее из лучшего — покорить чужую армию, не сражаясь».

Идеи сильнее межконтинентальных ракет. Мы должны во что бы то ни стало выиграть войну за умы и души. Иначе погибнем.

На этом беседа закончилась. Я и Рубироса поблагодарили О. Он приказал кельнеру подать бутылку американского шампанского «Пол Роджер» и, повернувшись к нам, подмигнул и спросил:

— А все-таки кто же из вас двоих кокнул гофмаршала?

Рубироса молча кивнул в мою сторону. Я ответил:

— Принц Гамлет говорит: «Убийство выдает себя без слов, хоть и молчит». Великому мастеру тайн не подобает скромничать.

О. остановил жестом вскочившего Рубиросу и сказал:

— В общем, кто-то из вас. Но я не детектив, выяснять эту историю не собираюсь. Прошу вас обоих прекратить взаимные обличения, чтобы история не получила огласку. Она скомпрометирует вас обоих. Швырните в Лету все обиды и протяните друг другу руку.

Скоро приедет к вам мой секретарь и уточнит технические детали. Представьте ему ваши сметы и пожелания.

О. приказал кельнеру разлить шампанское и поднял бокал за наше общее дело. Он заставил меня и Рубиросу чокнуться и улыбнуться друг другу в знак примирения. Мы обменялись свирепыми полуулыбками.

11. У., ПОЛИЦЕЙСКИЙ ИНСПЕКТОР

* Наконец-то поймали убийцу женщин. Он оказался сумасшедшим. Недавно вернулся из Южного Вьетнама, где был военным инструктором. Участвовал в карательных операциях в течение четырех месяцев, не выдержал и свихнулся. Выяснилось, что в соседнем городе задушил девочку. Помещен в больницу. Газеты заняты исключительно его делом и совсем забыли о моем таиландце.

* В результате осмотра стола, которым пользовался Карафотиас в помещении общества тайноведения, удалось найти листочек с номером телефона конторы путешествий. Проверка выяснила, что Карафотиас заходил в контору и интересовался воздушными рейсами между Америкой и Элладой.

* По словам Каплуна, Макманаман упорно стоит на том, что Пуннакана выкрали и убили красные. И, возможно, им помогал Карафотиас — выманил гофмаршала на рыбную ловлю, на берегу его схватили, бросили в моторную лодку и увезли куда-нибудь. Выполнив свое дело, грек удрал. Следовательно, он был связан с красными.

Макманаман строит догадки, но никакими данными эти догадки не подкрепляет.

* Снова предложил Каплуну прекратить дело. Он приложился к бутылке и сказал, что еще надо проверить: были ли в то утро на берегу реки Пуннакан и Карафотиас? Может быть, кто-нибудь видел их вместе?

А как это проверить?

Хорошо бы разыскать двух мальчуганов, о которых сообщил владелец табачной лавки у моста. Один мальчик курчавый, другой — с часами. Интересно, сколько в нашем городе и окрестностях таких мальчуганов?

* Количество школьников обоего пола, потребляющих героин, все время растет. И до сих пор не поймали

ни одного продавца наркотиков. Их никто и не ищет, а я занят этим дурацким расследованием.

* У тринадцатилетней дочки моей сестры нашли под матрацем пакетик с кокаином. Теперь ясно, почему у нее в последнее время ярко-красные губы и увеличенные зрачки. Она все время твердит, что нашла пакетик на улице, — не признается. Сестра против применения форсированных методов.

Соседка говорит, что видела в аптеке мою племянницу с белокурым мальчиком: они, сцепив мизинцы, ели мороженое.

12. ЕВА, СЕКРЕТАРЬ ЛИТЕРАТУРНОГО АГЕНТА

Рано утром приехал из Нью-Йорка Хилари Т. — его вызвал Фил. Звонил профессор Фортон — хочет поговорить с автором лично.

Фил и Хилари поехали к профессору, обещав вернуться к обеду. Но явились с большим опозданием. Я открыла им дверь и сразу же увидела: случилось что-то из ряда вон выходящее.

Сутулый, нескладный Хилари держал себя воинственно: узкие плечи приподняты, волосы взъерошены, как у попугая. Без очков лицо его казалось наивным и глуповатым, он щурил глаза, но иронического выражения не получалось.

Хилари слегка прихрамывал, Фил — сильнее. На щеке Хилари красовался пластырь, у Фила — опять синяк на скуле. Я решила, что задавать прямые вопросы невежливо. Поэтому задала наводящий вопрос:

— Где ваши очки, Хилари?

Вот что произошло. Фортон принял их в гостиной вместе со своим помощником Крейгером. Хилари наотрез отказался делать исправления в своем обзоре, Фил пытался найти компромисс, но Хилари был неумолим. В разгаре спора появился оккультист Тайрон, приветливо улыбнулся Филу и сел рядом с ним.

Спор вскоре принял характер перебранки. Фортон повысил тон, Хилари стал язвительно вежлив. Фортон не выдержал, обозвал Хилари ублюдком и красным, сбросил папку с рукописью на пол. Крейгер снял пиджак и свистнул. Появились двое в кожаных куртках, один с об-

ритой головой, другой белокурый. И по знаку Фортона начали.

Силы неравные — четверо против двух. Фила сбили с ног, на Хилари посыпались удары, но он, отбиваясь, задел рукой за картину на стене, она полетела вниз, он подхватил и стал размахивать ею. И это спасло Хилари и Фила. Картина была очень дорогая, — в комнату ворвалась супруга Фортона и заорала так, будто ее резали.

Хилари не выпускал картину из рук, пока они с Филом не сели в машину. Только тогда он запустил ею прямо в Фортона — судя по воплю, угодил в цель. Картина действительно была фамильной ценностью — Фил в прошлый раз успел ее разглядеть. Это портрет миссис Фортон в образе мадонны с нимбом и с теннисной ракеткой вместо младенца — творение великого Сальватора Дали.

— А разбитые очки я оставил на полу в гостиной, — произнес Хилари небрежным тоном. — Мне они больше не нужны. И рукопись тоже. У меня осталась копия.

Фил погладил друга по плечу.

— Нам пришлось бы совсем плохо, если б Хил случайно не сорвал картину.

— Не случайно, — сердито поправил его Хилари, — а умышленно.

Я похвалила его за находчивость, не скупясь на восторженные эпитеты. Хилари зажмурился и стал похож на кота, которого чешут за ушами. Даже самые умные мужчины, с тонким вкусом, любят грубую лесть.

За обедом мужчины должны были повторить рассказ о сражении тете Моне. Я заметила, что в повторном изложении появились новые детали — и все в пользу рассказчиков.

Тетки не ударили перед героями лицом в грязь. Тетя Эмма блеснула индюшкой со спаржей и форелью, соус тартар, а тетя Мона приготовила изумительный кофе; Хилари почмокал языком и восхищенно произнес:

— Общепризнано, что самый вкусный в мире кофе подают в «Уолдорф-Астории». Но ваш в сто раз лучше, клянусь Бруклинским мостом!

Когда тетя Эмма, закончив дела на кухне, села за стол, Хилари и Фил в третий раз рассказали о ходе сражения. На этот раз с ног был сбит не Фил, а Крейгер,

Фил только пошатнулся. Я представила себе, какими вариантами обрастет тридцатый по счету рассказ, и поняла, почему Гомера никогда не будут считать достоверным историком.

— Вот уж не думал, что фрейдисты такие боевые! — Фил покрутил головой. — Если б не Сальватор Дали, мы лежали бы сейчас в морге.

Хилари фыркнул:

— Еще две-три таких схватки, и прекраснодушный Фил совсем поумнеет. Давно пора было понять, что Фортон и его приспешники — те же солдаты специальной войны, которых сейчас натаскивают в Форт-Брагге. Цель у них одна, только методы разные. Фрейдисты вреднее.

Роль хозяйки и прислуги выполняла я. Мне поминутно приходилось бегать на кухню, поэтому разговоры я слушала только урывками.

В начале обеда Хилари стал спорить с Филом о мистицизме в Америке. Посмеиваясь, Фил говорил, что Хилари, как всегда, преувеличивает.

— Нисколько! — рассердился Хилари. — В Нью-Йорке сейчас действуют пятьсот астрологических кабинетов, все они в руках цыган. А если взять всю Америку, у нас практикуют свыше двадцати пяти тысяч дипломированных звездочетов. А сколько хиромантов, френологов, натуропатов, кристаллоскопистов, физиономистов и прочих! У нас привыкли верить во все, о чем кричат газеты и радио, — в метампсихоз, спиритизм, витософию, ксеноскопию...

— И в палтергейст, — сказала я.

— А что это такое? — спросил Фил.

— Спроси у Евы, — ответил Хилари, — она теперь авторитет по этой части. О палтергейсте уже существует большая литература. У нас верят всякой чертовщине, потому что запуганы, сбиты с толку, заморочены, боятся будущего, ждут катастрофы... — Хилари поднес руку к глазам — поправил несуществующие очки. — Группа психиатров в течение восьми лет изучала жителей Нью-Йорка и пришла к выводу, что пятьдесят восемь процентов опрошенных являются невротиками. И я в том числе. Могу привести и другие цифры, но не хочу портить вам аппетита.

Когда я подавала жаркое, Хилари говорил о фрейдистах:

— Во время мирных переговоров с корейцами и китайцами в Паньмыньчжоне настольной книгой американских делегатов была монография известного американского фрейдиста, профессора Лейца о сексуальных факторах психики красных.

Я зажала уши и пошла на кухню. Когда я вернулась в столовую, Хилари говорил с жаром:

— Фрейдисты оправдывают войну, заявляя, что она обусловлена биологически, что она неизбежна по причине врожденных разрушительных устремлений людей. Ее нужно считать даже полезной, так как она является психологической разрядкой. Фрейдисты стараются доказать, что классовая борьба, национально-освободительные движения, революции, перевороты — это массовые истерии, коллективные неврозы.

— Очевидно, фрейдисты оправдывают и преступления, — заметила тетя Мона.

— Разумеется. Кражи, мошенничество, подделка документов, бандитизм, убийства — все это, по их мнению, сублимация эротической энергии и разрушительных агрессивных инстинктов, присущих всем людям.

— Фрейдистов надо посадить в сумасшедший дом, — сказала тетя Эмма. — А самых рьяных... усыпить.

Хилари развел руками:

— К сожалению, вам не дадут сделать этого. Потому что им отводится важная роль в антикоммунистической идеологической войне. Такие фрейдисты-советоведы, как Фортон, утверждают, что русские провозгласили принцип мирного сосуществования только потому, что у них не завершена программа изготовления новых видов сверхмощного секретного оружия. Нельзя, мол, попадаться на их удочку. Необходимо нанести упреждающий удар.

В последнем номере бюллетеня фортоновского института помещена статья Крейгера. Он говорит, что после развенчания Сталина в сознании советских молодых людей образовался вакуум, который надо во что бы то ни стало заполнить западными идеями. И чтобы создать у советской молодежи предрасположение к западному образу мышления и мироощущению, необходимо проводить такие идеологические акции, которые стимулировали бы политический индифферентизм у советских молодых людей, обостряли бы конфликт поколений в Со-

ветском Союзе и ускоряли процесс умственного и психологического разброда.

За кофе я спросила Хилари:

— А из-за чего у вас произошла стычка с Фортоном? Что он хотел изменить в вашей статье?

Хилари отпил кофе из чашки, поперхнулся и закашлялся, размахивая руками. Я похлопала его по спине. Он встал и поцеловал мне руку — у него старомодная, подчеркнуто церемонная манера обращения с женщинами. Мне это нравится.

— Фортон хотел вставить в мою статью фразу о том, что советским фантастам поручена психологическая подготовка советских читателей к тотальной войне на Земле, а под далекими планетами, фигурирующими в советских фантастических романах, следует подразумевать страны НАТО.

Я осторожно заметила:

— А вы уверены, что советские фантасты не прибегают к аллегориям и...

— Во-первых, — перебил меня Хилари, — советские фантасты никогда не затрагивают темы третьей мировой войны. А во-вторых, Ева, вы прросто дура.

В спорах Хилари не церемонится даже с женщинами. Мне это тоже нравится.

После обеда я включила телевизор в комнатке тети Эммы. Передавали телепьесу по роману Флеминга — обольстительная советская разведчица Таня Романова прокрадывается ночью в номер отеля, где спит работник английской контрразведки Бонд. Таня решила соблазнить англичанина.

Тети сейчас же сели у телевизора и впились глазами в экран. Мужчины и я перешли в мою комнату, я поставила на столик бутылку вишневого бренди. Спустя несколько минут из комнаты тети Эммы донеслись отчаянные крики, хохот, похожий на плач, и выстрелы.

— Таня Романова действует. — Фил усмехнулся. — Наверно, обольстила или прикончила Бонда. Ничего, в следующей книге он опять оживет.

— Так же, как и герой романов Ааронза — Сэм Дюрел, агент Си-Ай-Эй, тоже неистребим, — заметил Хилари.

— У фантастов что-то не получается со шпионами, — сказала я. — Трудно заниматься шпионажем в космосе.

Хилари налил в рюмку бренди, сделал несколько глотков.

— Я думаю о продукции писак типа Флеминга и Ааронза, — сказал он. — Их описания злодеяний красных шпионов организованно проталкиваются на книжные рынки Европы, Латинской Америки, Азии, Ближнего и Среднего Востока, Африки. И миллионы читателей всех возрастов зачитываются этими книжками. Они написаны так, что от них трудно оторваться. В сознании читателей постепенно закрепляются образы разведчиков из стран «железного занавеса», растет уверенность, что все, описанное в этих увлекательных книжках, — правда, а страны коммунистического лагеря в самом деле засылают во все части света убийц. Таких, как доктор Но, Грант, полковник Васильев...

— Коля Микельников, — подсказала я, — персонаж Ааронза.

— И читатели многих стран исподволь начинают верить в мифическую экспансию красных правительств. Шпионский детектив — очень действенное оружие в психологической войне, сфера его влияния и сила воздействия поистине огромны. Мне не понятно одно: почему советские детективные писатели не отвечают Флемингу и его коллегам? Почему уступают без боя книжные рынки зарубежных стран? Ведь советским авторам не надо придумывать похождений вымышленных шпионов. Они могут рассказывать о реальных «подвигах» американских и английских разведчиков — о «полосатом заговоре» в Сирии, о махинациях Кохрена, Камминга и Аллисона в Индонезии, Доновена в Таиланде, Бэйрда на Цейлоне, Кеннона в Японии, Тимберлейка в Конго, Пьюрифоя в Гватемале и так далее. Советским авторам не надо высасывать факты из пальца, как это приходится делать авторам англо-американских шпионских боевиков.

— На такие фильмы, как «Доктор Но» и «Маньчжурский кандидат», — заметила я, — тоже не последовало ответа со стороны русских.

— И остаются без ответа такие книги, как «Когда кончается поцелуй» Фицгибона, — сказал Фил. — Роман о том, как русские захватывают Англию. Содержание нелепое, литературная техника на самом низком уровне. Я и за пятьдесят процентов комиссионных не взялся бы устраивать такую дрянь. Но книга стала бестселле-

ром, вызвала большой шум, ее перевели на многие языки. Это был весьма солидный выстрел со стороны Запада. Восток не ответил ни одной книгой.

Телеспектакль закончился. В дверях показалась тетя Мона.

— Такая чепуха... — она терла виски и лоб, — даже голова заболела. Примитивный сюжет, никакой выдумки, никаких неожиданных поворотов. А вот из дела Пуннакана могла бы получиться настоящая детективная повесть в духе Крофтса.

Из-за ее спины раздался громкий голос тети Эммы:

— Но для этого надо довести до конца расследование. А вы, Ева и Фил, выбыли из игры. Теперь уже никто не раскроет тайну.

— В деле Пуннакана нет никакой тайны, — сказал Хилари. — Ручаюсь своей головой и Таймс-сквером.

— Мы все выяснили. Бродяга, игравший роль Пуннакана, действовал в компании с Карафотиасом, — вмешалась я. — Эти два жулика узнали, что Фортон и Рубироса стараются заручиться поддержкой Фонда Киллорана и будут бороться между собой. И эти жулики стали продавать Фортону секреты Рубиросы, а Рубиросе — секреты Фортона. Заработав с двух сторон, они скрылись.

Фил согласился со мной.

— На вопрос: кто украл Пуннакана? — мы отвечаем: его не крали и не убивали. И для романа Ады Ч. нет никакого материала.

— И мы не можем потребовать у Ады гонорара, — добавила я. — Напрасно потратили столько времени и усилий.

— Никакой тайны! — повторил Фил и хлопнул в ладоши. — Вот и все. Конец венчает дело.

Тети красноречиво переглянулись. Они остались при своем мнении: есть и тайна и преступление.

Я подняла руку:

— Простите, леди и джентльмены! Действительно, одна тайна еще не раскрыта. Она имеет прямое отношение ко мне. Это тайна Треугольного.

— И тайна письма с фотографией, — сказала тетя Мона.

— Да, две тайны.

Хилари махнул рукой:

— Оставьте их неразгаданными. Интереснее жить, когда остается хоть какая-нибудь тайна.

После обеда Фил и Хилари поехали к товарищу по университету, филологу-арабисту. А я решила прогуляться. На углу улицы в газетном киоске купила леденцы против курения. И коробку сигарет — на случай, если опять не смогу выдержать.

Я хотела перейти улицу, повернулась и буквально уткнулась в грудь Треугольного.

У него было морщинистое лицо, светло-серые глаза под высоко поднятыми бровями, потрескавшиеся губы. Он отскочил от меня и невольно поклонился. Я улыбнулась. Он тоже попытался улыбнуться, но у него ничего не получилось — только подергал щекой.

Смотря на Треугольного в упор, я тихо спросила:

— Почему вы все время ходите за мной? Вы сыщик?

Он сделал отрицательный жест.

— Хотите убить меня?

Он замотал головой. Я шепнула:

— Может быть, я вам нравлюсь?

Он опустил глаза. Потом заговорил глухим голосом:

— Я иммигрант... моя жена похожа... на вас. Тоже красивая, поэтому мне приятно на вас смотреть. Завтра я уезжаю далеко... и никогда больше вас не увижу. Простите.

— Это вы мне прислали фотокарточку? Там не было ни строчки.

Он посмотрел в сторону и печально улыбнулся:

— Боялся: я напишу, а вы рассердитесь...

Я протянула ему руку. Он низко поклонился и поцеловал ее. Еще раз прошептал «простите» и пошел от меня прочь большими шагами. Я крикнула:

— А где ваша жена?

Он поднес руку к горлу и сморщился.

— Ее убили тогда... нацисты.

Отвесив низкий поклон, он скрылся за углом дома. Итак, обе мои тайны раскрылись сразу. Все очень просто. Как всегда, когда тайны раскрываются, я почувствовала легкое разочарование.

Обратно я возвращалась пустынным переулком за школой. У ограды парка дрались два мальчика. Белокурый, в ярко-красном джемпере, прижал к турникету смуглого, курчавого, по-видимому мексиканца, и бил его

по голове. Курчавый молча отбивался, из носа у него шла кровь. У белокурого в руке сверкал кастет.

— Не смей бить! — крикнула я. — Перестань!

Мальчик с кастетом повернулся ко мне. Смуглый сейчас же перепрыгнул через ограду и исчез в кустах. Белокурый вытер кастет о штаны и посмотрел на меня сбоку. Кастет он держал в левой руке.

— Не лезь, — сказал он хрипловатым голосом,— а то получишь.

— Отдеру за уши! — прикрикнула я. — Ведешь себя как бандит.

Он засунул кастет в левый карман и спокойно произнес:

— Скажешь еще слово, — он опустил левую руку в задний карман, — пырну в брюхо. Проваливай, падаль.

Я быстро оглянулась — в переулке ни души. Мне стало страшно. Я молча двинулась дальше. Мальчик прошел через турникет в парк. Спустя минуту в кустах раздался пронзительный свист.

Вечером я позвонила Филу, рассказала о встрече с Треугольным и спросила, как они с Хилари провели вечер. Фил сказал, что у доцента сыграли партию в бридж, потом немного выпили. Фил уехал, а Хилари остался, но скоро приедет ночевать.

Доложив обо всем этом, Фил рассмеялся. Я спросила, над чем он смеется.

— Вспомнил, как Хилари крикнул Фортону на прощание: «Вы еще поплачете! У меня имеются все данные о ваших грязных делах!»

— А какие у него данные?

— Никаких. Просто припугнул.

Посмеявшись, мы пожелали друг другу спокойной ночи. Спустя минут двадцать раздался звонок. В трубке я услышала насмешливый голос Хилари:

— Фил мне рассказал о вашей встрече с Треугольным. Вы, Ева, сентиментальная, доверчивая глупышка. Треугольный вам все наврал, он сыщик, которого наняли для слежки за вами. Но кто нанял этого сыщика? Займитесь-ка этой загадкой взамен Пуннакана.

Я ответила:

— Треугольный вовсе не сыщик. Вы всех подозреваете и боитесь. Это оттого, что вы невротик.

Фил взял у Хилари трубку и сказал:

— Хилари ошибается. Не надо беспокоиться.

Я вздохнула:

— По правде говоря, у меня на сердце неспокойно. А что, если Фортон и Рубироса затеют что-нибудь против нас?.. Мне страшно.

После недолгой паузы Фил сказал:

— Такая опасность, конечно, есть... но не надо волноваться. Посмотрим.

Мы помолчали, потом снова пожелали друг другу спокойной ночи.

13. У., ПОЛИЦЕЙСКИЙ ИНСПЕКТОР

* Подозрение у меня появилось с самого начала, однако я глушил свою догадку: она казалась мне слишком дикой. Но в дальнейшем я все больше и больше убеждался в ее истинности.

а) Одежда и обувь, найденные у Пуннакана и Карафотиаса на дому, имеют одинаковые размеры (одежда № $15^1/_2$, обувь — 7,5).

б) Окурки, обнаруженные у них на дому, тоже одинаковы (сигареты с фильтром «Вайсрой»).

в) у Пуннакана усики, эспаньолка, шевелюра и темные очки, а у Карафотиаса растительности на лице нет, голова лысая, очков не носит. Но рост (примерно 5 футов 6 дюймов) и телосложение у обоих сходные.

г) Ни разу их не видели вместе.

Мое подозрение окончательно подтвердилось результатами графологической экспертизы.

В институте политико-психологических исследований мне дали фотокопию машинописной рукописи — рукой Пуннакана была вписана одна строка. Почерк таиландца сличили с почерком грека (записная книжка, найденная у Карафотиаса дома) и установили полное совпадение. Писало одно и то же лицо.

* Доложил обо всем Каплуну. Обозвал меня сумасшедшим, не хотел слушать, потом приложился к бутылке, немного подумал, и приказал повторить. Потом снова прервал и выгнал меня из кабинета. Однако спустя два дня, ночью, вызвал к себе домой. Был пьян, говорил бессвязно, но я понял все, что он хотел сказать.

Каплун вызвал Рубиросу, стал допрашивать о Пун-

накане и Карафотиасе. Рубироса сперва крутил, но в конце концов сознался. Именно грек-медиум Карафотиас придумал трюк с вызыванием с того света духа таиландца. Сочинив его биографию, Карафотиас стал играть роль Пуннакана (надевал парик и очки, приклеивал усики и эспаньолку), снял для него комнату в пансионе, стал писать от его имени. Затем Карафотиас потребовал деньги у Рубиросы и у Фортона. Ему дали, он требовал еще и еще. Наконец Рубироса пригрозил, что примет крайние меры, и спустя несколько дней грек скрылся. (Очевидно, уехал на родину.)

* Каплун приказал прекратить расследование за отсутствием разыскиваемого и заняться наркоманами-подростками. Получены агентурные сведения о том, что поставщики героина наняли агентов-мальчиков, которые распространяют наркотики среди своих товарищей.

* Итак, дело гофмаршала Пуннакана выяснилось полностью: ни похищения, ни убийства не было, а действовал ловкий аферист, который бежал неизвестно куда. Все хорошо, что хорошо кончается.

* Каплун сказал, что на основании сведений, поступивших от профессора Фортона и Рубиросы, Макманаман решил взять под наблюдение трех красных (один из них приезжий). Боюсь, как бы меня снова не оторвали от наркоманов.

14. АРЧИ, СЫН ПРОФЕССОРА ФОРТОНА

Эта падаль Пако драл с меня за героин, а сам получал даром от Синей Бороды и еще отсыпáл из пакетика и уменьшал порции, и получалось, что на три ложки воды — полторы лопаточки для чистки ушей, а надо было две с половиной лопаточки, вот поэтому у меня укол действовал только три часа, а у других ребят дольше. И когда перестает действовать, хочется еще, зверски хочется, кусаешь пальцы до крови, как в то утро, а денег ни цента, и он каждое утро приходил удить, и у него было кольцо с черным камнем, и так мне зверски хотелось, что я подкрался сзади, а он никак не ожидал этого, и все сошло удачно. Но Пако сказал, что это вовсе не черный бриллиант, а стекляшка, и дал только полпорции. А когда я узнал, как он надувал меня, я из-

бил его, как собаку, а он тогда сказал, что видел все из кустов, все скажет полиции: и про кастет и про мешок с камнями, — и стал требовать деньги и вещи. Я дал ему золотые часы, потом карманный фотоаппарат «Минокс», потом японский транзисторный магнитофон, а он еще требует, все грозится, и придется сказать ему, что так и быть, дам кинокамеру «Болекс» с двумя линзами, пусть придет рано утром. И мы сядем на берегу, и он начнет разглядывать аппарат, а я буду объяснять, где нажимать, — и вдруг жахну по затылку, и эта коричневая падаль Пако навсегда затихнет и ляжет на дне рядышком с тем лысым греком.

А. СТРУГАЦКИЙ, Б. СТРУГАЦКИЙ

ПУТЬ НА АМАЛЬТЕЮ

Пролог

АМАЛЬТЕЯ, „ДЖЕЙ-СТАНЦИЯ"

Амальтея, пятый и ближайший спутник Юпитера, делает полный оборот вокруг своей оси примерно за тридцать пять часов. Кроме того, за двенадцать часов она делает полный оборот вокруг Юпитера. Поэтому Юпитер выползает из-за близкого горизонта через каждые тринадцать с половиной часов.

Восход Юпитера — это очень красиво. Только нужно заранее подняться в лифте до самого верхнего этажа под прозрачный спектролитовый колпак.

Когда глаза привыкнут к темноте, видна обледене-

лая равнина, уходящая горбом к скалистому хребту на горизонте. Небо черное, и на нем множество ярких немигающих звезд. От звездного блеска на равнине лежат неясные отсветы, а скалистый хребет кажется глубокой черной тенью на звездном небе. Если присмотреться, можно различить даже очертания отдельных зазубренных пиков.

Бывает, что низко над хребтом висит пятнистый серп Ганимеда, или серебряный диск Каллисто, или они оба, хотя это бывает довольно редко. Тогда от пиков по мерцающему льду через всю равнину тянутся ровные серые тени. А когда над горизонтом Солнце — круглое пятнышко слепящего пламени, равнина голубеет, тени становятся черными и на льду видна каждая трещина. Угольные кляксы на поле ракетодрома похожи на огромные, затянутые льдом лужи. Это вызывает теплые полузабытые ассоциации, и хочется сбегать на поле и пройтись по тонкой ледяной корочке, чтобы посмотреть, как она хрустнет под магнитным башмаком и по ней побегут морщинки, похожие на пенки в горячем молоке, только темные.

Но все это можно увидеть не только на Амальтее.

По-настоящему красиво становится тогда, когда восходит Юпитер. И восход Юпитера по-настоящему красив только на Амальтее. И он особенно красив, когда Юпитер встает, догоняя Солнце. Сначала за пиками хребта разгорается зеленое зарево — экзосфера гигантской планеты. Оно разгорается все ярче, медленно подбираясь к Солнцу, и одну за другой гасит звезды на черном небе. И вдруг оно наползает на Солнце. Очень важно не пропустить этот момент. Зеленое зарево экзосферы мгновенно, словно по волшебству, становится кроваво-красным. Всегда ждешь этого момента, и всегда он наступает внезапно. Солнце становится красным, и ледяная равнина становится красной, и на круглой башенке пеленгатора на краю равнины вспыхивают кровавые блики. Даже тени пиков становятся розовыми. Затем красное постепенно темнеет, становится бурым, и, наконец, из-за скалистого хребта на близком горизонте вылезает огромный коричневый горб Юпитера. Солнце все еще видно, и оно все еще красное, как раскаленное железо, — ровный вишневый диск на буром фоне.

Почему-то считается, что бурый цвет — это некрасиво. Так считает тот, кто никогда не видел бурого зарева на полнеба и четкого красного диска на нем. Потом диск исчезает. Остается только Юпитер, огромный, бурый, косматый, он долго выбирается из-за горизонта, словно распухая, и занимает четверть неба. Его пересекают наискось черные и зеленые полосы аммиачных облаков, и иногда на нем появляются и сейчас же исчезают крошечные белые точки, — так выглядят с Амальтеи экзосферные протуберанцы.

К сожалению, досмотреть восход до конца удается редко. Слишком долго выползает Юпитер, и надо идти работать. Во время наблюдений, конечно, можно проследить полный восход, но во время наблюдений думаешь не о красоте...

Директор «Джей-станции» поглядел на часы. Сегодня красивый восход, и скоро он будет еще красивее, но пора спускаться вниз и думать, что делать дальше.

В тени скал шевельнулся и начал медленно разворачиваться решетчатый скелет Большой Антенны. Радиооптики приступили к наблюдениям. Голодные радиооптики...

Директор в последний раз взглянул на бурый размытый купол Юпитера и подумал, что хорошо бы поймать момент, когда над горизонтом висят все четыре больших спутника — красноватая Ио, Европа, Ганимед и Каллисто, а сам Юпитер в первой четверти наполовину оранжевый, наполовину бурый. Потом он подумал, что никогда не видел захода. Это тоже должно быть красиво: медленно гаснет зарево экзосферы, и одна за другой вспыхивают звезды в чернеющем небе, как алмазные иглы на бархате. Но обычно время захода — это разгар рабочего дня.

Директор вошел в лифт и спустился в самый нижний этаж. Планетологическая станция на Амальтее представляла собой научный городок в несколько горизонтов, вырубленный в толще льда и залитый металлопластом. Здесь жили, и работали, и учились, и строили около шестидесяти человек. Пятьдесят шесть молодых мужчин и женщин, отличных ребят и девушек с отличным аппетитом.

Директор заглянул в спортивные залы, но там уже никого не было, только кто-то плескался в шаровом

бассейне и звенело эхо под потолком. Директор пошел дальше, неторопливо переставляя ноги в тяжелых магнитных башмаках. На Амальтее почти не было тяжести, и это было крайне неудобно. В конце концов, конечно, привыкаешь, но первое время кажется, будто тело надуто водородом и так и норовит выскочить из магнитных башмаков. И особенно трудно привыкнуть спать.

Прошли двое астрофизиков с мокрыми после душа волосами, поздоровались и торопливо прошли дальше, к лифтам. У одного астрофизика было, по-видимому, что-то не в порядке с магнитными подковами — он неловко подпрыгивал и раскачивался на ходу. Директор свернул в столовую. Человек пятнадцать завтракали.

Повар дядя Валнога, он же инженер-гастроном станции, развозил на тележке завтраки. Он был мрачен. Он вообще человек довольно сумрачный, но в последние дни он был мрачен. Он мрачен с того самого неприятного дня, когда с Каллисто, четвертого спутника, радировали о катастрофе с продовольствием. Продовольственный склад на Каллисто погиб от грибка. Это случалось и раньше, но теперь продовольствие погибло целиком, до последней галеты, и хлорелловые плантации погибли тоже.

На Каллисто очень трудно работать. В отличие от Амальтеи на Каллисто существует биосфера, и там до сих пор не найдены средства предотвратить проникновение грибка в жилые отсеки. Это очень интересный грибок. Он проникает через любые стены и пожирает все съедобное — хлеб, консервы, сахар. Хлореллу он пожирает с особой жадностью. Иногда он поражает человека, но это совсем не опасно. Сначала этого очень боялись, и самые смелые менялись в лице, обнаружив на коже характерный, немного скользкий налет. Но грибки не причиняли живому организму ни боли, ни вреда. Говорили даже, что они действуют как тонизирующее. Зато продовольствие они уничтожают в два счета.

— Дядя Валнога, — окликнул кто-то. — На обед тоже будут галеты?

Директор не успел заметить, кто окликнул, потому что все завтракавшие повернули лица к дяде Валноге и перестали жевать. Славные молодые лица, почти все

загорелые до черноты. И уже немного осунувшиеся. Или это так кажется?

— В обед вы получите суп, — сказал дядя Валнога.

— Здóрово! — сказал кто-то, и опять директор не заметил кто.

Он подошел к ближайшему столику и сел. Валнога подкатил к нему тележку, и директор взял свой завтрак — тарелку с двумя галетами, полплитки шоколада и стеклянную грушу с чаем. Он сделал это очень ловко, но все-таки толстые белые галеты подпрыгнули и повисли в воздухе. Груша с чаем осталась стоять — она имела магнитный ободок вокруг донышка. Директор поймал одну из галет, откусил и взялся за грушу. Чай остыл.

— Суп, — сказал Валнога. Он говорил негромко, обращаясь только к директору. — Вы можете себе представить, что это за суп. А они небось думают, что я им подам куриный бульон. — Он оттолкнул тележку и сел за столик. Он смотрел, как тележка катится в проходе все медленнее и медленнее. — А куриный суп, между прочим, кушают на Каллисто.

— Вряд ли, — сказал директор рассеянно.

— Ну как же вряд ли, — сказал Валнога. — Я им отдал сто семьдесят банок. Больше половины нашего резерва.

— Остаток резерва мы уже съели?

— Конечно, съели, — сказал Валнога.

— Значит, и они уже съели, — сказал директор, разгрызая галету. — У них народу вдвое больше, чем у нас.

«Врешь ты, дядя Валнога, — подумал он. — Я тебя хорошо знаю, инженер-гастроном. Банок двадцать ты еще припрятал для больных и прочего».

Валнога вздохнул и спросил:

— Чай у вас не остыл?

— Нет, спасибо.

— А хлорелла на Каллисто не прививается, — сказал Валнога и опять вздохнул. — Опять они радировали, просили еще килограммов десять закваски. Сообщили, что выслали планетолет.

— Что ж, надо дать.

— Дать! — сказал дядя Валнога. — Конечно, надо дать. Только хлореллы у меня не сто тонн, и ей тоже надо дать подрасти... Я вам, наверное, аппетит порчу, а?

— Ничего, — сказал директор. У него вообще не было аппетита.

— Довольно! — сказал кто-то.

Директор поднял голову и сразу увидел растерянное лицо Зойки Ивановой. Рядом с ней сидел ядерник Козлов. Они всегда сидели рядом.

— Довольно, слышишь? — сказал Козлов со злостью.

Зойка покраснела и наклонила голову. Ей было очень неловко, потому что все смотрели на них.

— Ты мне подсунула свою галету вчера, — сказал Козлов. — Сегодня ты опять подсовываешь мне свою несчастную галету.

Зойка молчала. Она чуть не плакала от смущения.

— Не ори на нее, козел! — гаркнул с другого конца столовой атмосферный физик Потапов. — Зоенька, ну что ты его подкармливаешь, этого зверя, дай лучше галету мне, я съем. Я даже не буду на тебя орать.

— Нет, правда, — сказал Козлов уже спокойнее. — Я и так здоровый, а ей надо есть больше моего.

— Неправда, Валя, — сказала Зойка, не поднимая головы.

Кто-то сказал:

— Чайку еще можно, дядя Валнога?

Валнога поднялся. Потапов позвал через всю столовую:

— Эй, Грегор, после работы сыграем?

— Сыграем, — сказал Грегор.

— Снова будешь бит, Вадимчик, — сказал кто-то.

— На моей стороне закон больших чисел! — заявил Потапов.

Все засмеялись.

В столовую просунулась сердитая физиономия:

— Потапов здесь? Вадька, буря на Джупе!

— Ну! — сказал Потапов и вскочил. И другие атмосферники поспешно поднялись из-за стола. Физиономия исчезла и вдруг появилась снова:

— Галеты мне захвати, слышишь?

— Если Валнога даст, — сказал Потапов вдогонку. Он поглядел на Валногу.

— Почему не дать? — сказал дядя Валнога. — Стеценко Константин, двести граммов галет и пятьдесят граммов шоколада...

Директор встал, вытирая рот бумажной салфеткой. Козлов спросил:

— Товарищ директор, как там с «Тахмасибом»?

Все замолчали и повернули лица к директору. Молодые загорелые лица, уже немного осунувшиеся. Директор ответил:

— Пока никак.

Он медленно прошел по проходу между столиками и направился к себе в кабинет. Вся беда в том, что на Каллисто не вовремя началась «консервная эпидемия». Пока это еще не настоящий голод. Амальтея еще может делиться с Каллисто хлореллой и галетами. Но если Быков не придет с продовольствием... Быков уже где-то близко. Его уже запеленговали, но затем он замолчал и молчит вот уже шестьдесят часов. Нужно будет снова сократить рационы, подумал директор. Здесь всякое может случиться, а до базы на Марсе не близко. Здесь всякое бывает. Бывает, что планетолеты с Земли и с Марса пропадают. Это случается редко, не чаще грибковых эпидемий. Но очень плохо, что это все-таки случается. За миллиард километров от Земли это хуже десяти эпидемий. Это голод.

Глава первая

ФОТОННЫЙ ГРУЗОВИК „ТАХМАСИБ"

Планетолет подходит к Юпитеру, а капитан ссорится со штурманом и принимает спорамин

Алексей Петрович Быков, капитан фотонного грузовика «Тахмасиб», вышел из каюты и аккуратно притворил за собой дверь. Волосы у него были мокрые. Капитан только что принял душ. Он принял даже два душа — водяной и ионный, но его еще покачивало после короткого сна. Спать все-таки хотелось так, что глаза никак не открывались. За последние трое суток он проспал в общей сложности не более пяти часов. Перелет выдался нелегкий.

В коридоре было пусто и светло. Быков направился в рубку, стараясь не шаркать ногами. В рубку нужно было идти через кают-компанию. Дверь в кают-компа-

нию оказалась открытой, оттуда доносились голоса. Голоса принадлежали планетологам Дауге и Юрковскому и звучали, как показалось Быкову, необыкновенно раздраженно и как-то странно глухо.

«Опять они что-то затеяли, — подумал Быков. — И нет от них никакого спасения. И выругать их как следует невозможно, потому что они все-таки мои друзья и страшно рады, что в этом рейсе мы вместе. Не так часто бывает, чтобы мы собирались вместе».

Быков шагнул в кают-компанию и остановился, поставив ногу на комингс. Книжный шкаф был раскрыт, книги были вывалены на пол и лежали неаккуратной кучей. Скатерть со стола сползла. Из-под дивана торчали длинные, обтянутые узкими серыми брюками ноги Юрковского. Ноги азартно шевелились.

— Я тебе говорю, ее здесь нет, — сказал Дауге.

Самого Дауге видно не было.

— Ты ищи, — сказал задушенный голос Юрковского. — Взялся, так ищи.

— Что здесь происходит? — сердито осведомился Быков.

— Ага, вот он, — сказал Дауге и вылез из-под стола.

Лицо у него было веселое, куртка и воротник сорочки расстегнуты. Юрковский, пятясь, выбрался из-под дивана.

— В чем дело? — сказал Быков.

— Где моя Варечка? — спросил Юрковский, поднимаясь на ноги. Он был очень сердит.

— Изверг! — воскликнул Дауге.

— Без-здельники, — сказал Быков.

— Это он, — сказал Дауге трагическим голосом. — Посмотри на его лицо, Владимир! Палач!

— Я говорю совершенно серьезно, Алексей, — сказал Юрковский. — Где моя Варечка?

— Знаете что, планетологи, — сказал Быков. — Подите вы к черту!

Он выпятил челюсть и прошел в рубку. Дауге сказал вслед:

— Он спалил Варечку в реакторе.

Быков с гулом захлопнул за собой люк.

В рубке было тихо. На обычном месте за столом у вычислителя сидел штурман Михаил Антонович Крутиков, подперев пухлым кулачком двойной подбородок.

Вычислитель негромко шелестел, моргая неоновыми огоньками контрольных ламп. Михаил Антонович посмотрел на капитана добрыми глазками и сказал:

— Хорошо поспал, Лешенька?

— Хорошо, — сказал Быков.

— Я принял пеленги с Амальтеи, — сказал Михаил Антонович. — Они там уж так ждут, так ждут... — он покачал головой. — Представляешь, Лешенька, у них норма: двести граммов галет и пятьдесят граммов шоколада. И хлорелловая похлебка. Триста граммов хлорелловой похлебки. Это же так невкусно.

«Тебя бы туда, — подумал Быков. — То-то похудел бы, толстяк». Он сердито посмотрел на штурмана и не удержался — улыбнулся. Михаил Антонович, озабоченно выпятив толстые губы, рассматривал разграфленный лист голубой бумаги.

— Вот, Лешенька, — сказал он. — Я составил финиш-программу. Проверь, пожалуйста.

Обычно проверять курсовые программы, составленные Михаилом Антоновичем, не стоило. Михаил Антонович по-прежнему оставался самым толстым и самым опытным штурманом межпланетного флота.

— Потом проверю, — сказал Быков. Он сладко зевнул, прикрывая рот ладонью. — Вводи программу в кибершturман.

— Я, Лешенька, уже ввел, — виновато сказал Михаил Антонович.

— Ага, — сказал Быков. — Ну что ж, хорошо. Где мы сейчас?

— Через час выходим на финиш, — ответил Михаил Антонович. — Пойдем над северным полюсом Юпитера, — слово «Юпитер» он произнес с видным удовольствием, — на расстоянии двух диаметров, двести девяносто мегаметров. А потом — последний виток. Можно считать, мы уже прибыли, Алешенька...

— Расстояние считаешь от центра Юпитера?

— Да, от центра.

— Когда выйдем на финиш, будешь каждые четверть часа давать расстояние от экзосферы.

— Слушаюсь, Лешенька, — сказал Михаил Антонович.

Быков еще раз зевнул, с досадой протер кулаками слипающиеся глаза и пошел вдоль пульта аварийной

сигнализации. Здесь все было в порядке. Двигатель работал без перебоев, плазма поступала в рабочем ритме, настройка магнитных ловушек держалась безукоризненно. За магнитные ловушки отвечал бортинженер Жилин. «Молодчина Жилин, — подумал Быков. — Отлично отрегулировал, малёк».

В Школе мальками называли первокурсников и вообще младших.

Быков остановился и попробовал, чуть меняя курс, сбить настройку ловушек. Настройка не сбивалась. Белый зайчик за прозрачной пластмассовой пластинкой даже не шевельнулся. «Молодчина малёк», — снова подумал Быков. Он обогнул выпуклую стену — кожух фотореактора. У комбайна контроля отражателя стоял Жилин с карандашом в зубах. Он упирался обеими руками в края пульта и едва заметно отплясывал чечетку, шевеля могучими лопатками на согнутой спине.

— Здравствуй, Иван, — сказал Быков.

— Здравствуйте, Алексей Петрович, — сказал Жилин, быстро обернувшись. Карандаш выпал у него из зубов, и он ловко поймал его на лету.

— Как отражатель? — спросил Быков.

— Отражатель в порядке, — сказал Жилин, но Быков все-таки нагнулся над пультом и потянул плотную синюю ленту записи контрольной системы.

Отражатель — самый главный и самый хрупкий элемент фотонного привода, гигантское параболическое зеркало, покрытое пятью слоями сверхстойкого мезовещества. В зарубежной литературе отражатель часто называют «сэйл» — парус. В фокусе параболоида ежесекундно взрываются, превращаясь в излучение, миллионы порций дейтериево-тритиевой плазмы. Поток бледного лилового пламени бьет в поверхность отражателя и создает силу тяги. При этом в слое мезовещества возникают исполинские перепады температур, и мезовещество постепенно — слой за слоем — выгорает. Кроме того, отражатель непрерывно разъедается метеоритной коррозией. И если при включенном двигателе отражатель разрушится у основания, там, где к нему примыкает толстая труба фотореактора, корабль превратится в мгновенную бесшумную вспышку. Поэтому отражатели фотонных кораблей меняют через каждые сто астрономических единиц полета. Поэтому контролирую-

щая система непрерывно замеряет состояние рабочего слоя по всей поверхности отражателя.

— Так, — сказал Быков, вертя в пальцах ленту. — Первый слой выгорел.

Жилин промолчал.

— Михаил! — окликнул Быков. — Ты знаешь, что первый слой выгорел?

— Знаю, Лешенька, — отозвался штурман. — А что ты хочешь? Оверсан, Лешенька...

«Оверсан», или «прыжок через Солнце», производится редко и только в исключительных случаях — как сейчас, когда на «Джей-станциях» голод. При оверсане между старт-планетой и финиш-планетой находится Солнце — расположение очень невыгодное с точки зрения «прямой космогации». При оверсане фотонный двигатель работает на предельных режимах, скорость корабля доходит до шести-семи тысяч километров в секунду и на приборах начинают сказываться эффекты неклассической механики, изученные пока еще очень мало. Экипаж почти не спит, расход горючего и отражателя громаден, и в довершение всего корабль, как правило, подходит к финиш-планете с полюса, что неудобно и осложняет посадку.

— Да, — сказал Быков. — Оверсан. Вот тебе и оверсан.

Он вернулся к штурману и поглядел на расходомер горючего.

— Дай-ка мне копию финиш-программы, Миша, — сказал он.

— Одну минутку, Лешенька, — сказал штурман.

Он был очень занят. По столу были разбросаны голубые листки бумаги, негромко гудела полуавтоматическая приставка к электронному вычислителю. Быков опустился в кресло и прикрыл веки. Он смутно видел, как Михаил Антонович, не отрывая глаз от записей, протянул руку к пульту и, быстро переставляя пальцы, пробежал по клавишам. Рука его стала похожа на большого белого паука. Вычислитель загудел громче и остановился, сверкнув стоп-лампочкой.

— Что тебе, Лешенька? — спросил штурман, глядя в свои записи.

— Финиш-программу, — сказал Алексей Петрович, еле разлепляя веки.

Из выводного устройства выползла табулограмма, и Михаил Антонович вцепился в нее обеими руками.

— Сейчас, — сказал он торопливо. — Сейчас.

У Быкова сладко зашумело в ушах, под веками поплыли желтые огоньки. Он уронил голову на грудь.

— Лешенька, — сказал штурман. Он потянулся через стол и похлопал Быкова по плечу. — Лешенька, вот программа...

Быков вздрогнул, дернул головой и посмотрел по сторонам. Он взял исписанные листки.

— Кхе-кхм... — откашлялся он и пошевелил кожей на лбу. — Так. Опять тэта-алгоритм... — он сонно уставился в записи.

— Принял бы ты, Лешенька, спорамин, — посоветовал штурман.

— Подожди, — сказал Быков. — Подожди. Это что еще такое? Ты что, с ума сошел, штурман?

Михаил Антонович вскочил, обежал вокруг стола и нагнулся над плечом Быкова.

— Где, где? — спросил он.

— Ты куда летишь? — ядовито спросил Быков. — Может быть, ты думаешь, что летишь на Седьмой полигон?

— Да в чем дело, Леша?

— Или, может быть, ты воображаешь, что на Амальтее построили для тебя тритиевый генератор?

— Если ты про горючее, — сказал Михаил Антонович, — то горючего хватит на три такие программы...

Быков проснулся окончательно.

— Мне нужно сесть на Амальтею, — сказал он. — Потом я должен сходить с планетологами в экзосферу и снова сесть на Амальтею. И потом я должен буду вернуться на Землю. И это снова будет оверсан!

— Подожди, — сказал Михаил Антонович. — Минуточку...

— Ты мне рассчитываешь сумасшедшую программу, как будто нас ждут склады горючего!

Люк в рубку приоткрылся, Быков обернулся. В образовавшуюся щель втиснулась голова Дауге. Голова повела по рубке глазами, сказала просительно:

— Послушайте, ребята, здесь нет Варечки?

— Вон! — рявкнул Быков.

Голова мгновенно скрылась. Люк тихо закрылся.

— Л-лоботрясы, — сказал Быков. — И вот что, штурман! Если у меня не хватит горючего для обратного оверсана, плохо тебе будет.

— Не ори, пожалуйста, — возмущенно ответил Михаил Антонович. Он подумал и добавил, заливаясь краской: — Крикун какой...

Наступило молчание. Михаил Антонович вернулся на свое место, и они смотрели друг на друга надувшись. Михаил Антонович сказал:

— Бросок в экзосферу я рассчитал. Обратный оверсан я тоже почти рассчитал. — Он положил ладошку на кучу листков на столе. — А если ты опасаешься, мы прекрасно можем дозаправиться на Антимарсе...

Антимарсом космогаторы называли искусственную планету, движущуюся почти по орбите Марса по другую сторону от Солнца. По сути дела, это был громадный склад горючего, полностью автоматизированная заправочная станция.

— И вовсе незачем так на меня... орать, — сказал Михаил Антонович. Слово «орать» он произнес шепотом. Михаил Антонович остывал. Быков тоже остывал.

— Ну хорошо. — сказал он. — Извини, Миша.

Михаил Антонович сразу заулыбался.

— Я был неправ, — добавил Быков.

— Ах, Лешенька, — сказал Михаил Антонович торопливо. — Пустяки. Совершенные пустяки... А вот ты посмотри, какой получается удивительный виток. Из вертикали, — он стал показывать руками, — в плоскость Амальтеи и над самой экзосферой по инерционному эллипсу в точку встречи. И в точке встречи относительная скорость всего четыре метра в секунду. Максимальная перегрузка всего двадцать два процента, а время невесомости всего минут тридцать—сорок. И очень малы расчетные ошибки.

— Ошибки малы, потому что тэта-алгоритм, — сказал Быков. Он хотел сказать штурману приятное: тэта-алгоритм был разработан и впервые применен Михаилом Антоновичем.

Михаил Антонович издал неопределенный звук. Он был приятно смущен. Быков просмотрел программу до конца, несколько раз подряд кивнул и, положив листки, принялся тереть глаза огромными веснушчатыми кулаками.

— Откровенно говоря, — сказал он, — совсем я не выспался.

— Прими спорамин, Леша, — убеждающе повторил Михаил Антонович. — Вот я принимаю по таблетке через каждые два часа и совсем не хочу спать. И Ваня тоже. Ну зачем так мучиться?

— Не люблю я этой химии, — сказал Быков. Он вскочил и прошелся по рубке. — Слушай, Миша, а что это происходит у меня на корабле?

— А в чем дело, Лешенька? — спросил штурман.

— Опять планетологи, — сказал Быков.

Жилин из-за кожуха фотореактора объяснил.

— Куда-то пропала Варечка.

— Ну? — сказал Быков. — Наконец-то. — Он опять прошелся по рубке. — Дети, престарелые дети.

— Ты уж на них не сердись, Лешенька, — сказал штурман.

— Знаете, товарищи, — Быков опустился в кресло, — самое скверное в рейсе — это пассажиры. А самые скверные пассажиры — это старые друзья. Дай-ка мне, пожалуй, спорамину, Миша.

Михаил Антонович торопливо вытащил из кармана коробочку. Быков следил за ним сонными глазами.

— Дай сразу две таблетки, — попросил он.

Планетологи ищут Варечку, а радиооптик узнает, что таков бегемот

— Он меня выгнал вон, — сказал Дауге, вернувшись в каюту Юрковского.

Юрковский стоял на стуле посередине каюты и ощупывал ладонями мягкий матовый потолок. По полу было рассыпано раздавленное сахарное печенье.

— Значит, она там, — сказал Юрковский.

Он спрыгнул со стула, отряхнул с колен белые крошки и позвал жалобно:

— Варечка, жизнь моя, где ты?

— А ты пробовал неожиданно садиться в кресла? — спросил Дауге.

Он подошел к дивану и столбом повалился на него, вытянув руки по швам.

— Ты убьешь ее! — закричал Юрковский.

— Ее здесь нет, — сообщил Дауге и устроился поудобнее, задрав ноги на спинку дивана. — Такую вот операцию следует произвести над всеми диванами и креслами. Варечка любит устраиваться на мягком.

Юрковский перетащил стул ближе к стене.

— Нет, — сказал он. — В рейсах она любит забираться на стены и потолки. Надо пройти по кораблю и прощупать потолки.

— Господи! — Дауге вздохнул. — Чем мы занимаемся! — Он сел, покосился на Юрковского и прошептал зловеще: — Я уверен, это Алексей. Он всегда ненавидел ее.

Юрковский пристально поглядел на Дауге.

— Да, — продолжал Дауге. — Всегда. Ты это знаешь. А за что? Она была такая тихая... такая милая...

— Дурак ты, Григорий, — сказал Юрковский. — Ты паясничаешь, а мне действительно будет очень жалко, если она пропадет.

Он уселся на стул, уперся локтями в колени и положил подбородок на сжатые кулаки. Высокий залысый лоб его собрался в морщины, черные брови трагически надломились.

— Ну-ну, — сказал Дауге. — Куда она пропадет с корабля? Она еще найдется.

— Найдется, — сказал Юрковский. — Ей сейчас есть пора. А сама она никогда не попросит, так и умрет с голоду.

— Так уж и умрет, — усомнился Дауге.

— Она уже двенадцать дней ничего не ела. С самого старта. А ей это страшно вредно.

— Лопать захочет — придет, — уверенно сказал Дауге. — Это свойственно всем формам жизни.

Юрковский покачал головой:

— Нет. Не придет она, Гриша.

Он залез на стул и снова стал сантиметр за сантиметром ощупывать потолок. В дверь постучали. Затем дверь мягко отъехала в сторону, и на пороге остановился маленький черноволосый Шарль Моллар, радиооптик.

— Войдите? — спросил Моллар.

— Вот именно, — сказал Дауге.

Моллар всплеснул руками.

— Mais non! — воскликнул он, радостно улыбаясь.

Он всегда радостно улыбался. — Non «войдите». Я хотел познать: войтить?

— Конечно, — сказал Юрковский со стула. — Конечно, войтить, Шарль. Чего уж тут.

Моллар вошел, задвинул дверь и с любопытством задрал голову.

— Вольдемар, — сказал он, великолепно картавя. — Ви учится ходить по потолку?

— Уи, мадам, — сказал Дауге с ужасным акцентом. — В смысле месье, конечно. Собственно, иль шерш ля Варечка.

— Нет-нет! — вскричал Моллар. Он даже замахал руками. — Только не так. Только по-русску. Я же говорю только по-русску!

Юрковский слез со стула и спросил:

— Шарль, вы не видели мою Варечку?

Моллар погрозил ему пальцем.

— Ви мне все шутите, — сказал он, делая произвольные ударения. — Ви мне двенадцать дней шутите. — Он сел на диван рядом с Дауге. — Что есть Варечка? Я много раз слышалль «Варечка», сегодня ви ее ищите, но я ее не виделль ни один раз. А? — Он поглядел на Дауге. — Это птичька? Или это кошька? Или... э...

— Бегемот? — сказал Дауге.

— Что есть бегемот? — осведомился Моллар.

— Сэ такая лирондэй, — ответил Дауге. — Ласточка.

— О, l'hirondelle! — воскликнул Моллар. — Бегемот?

— Йес, — сказал Дауге. — Натюрлихь.

— Non, non! Только по-русску! — он повернулся к Юрковскому. — Грегуар говорит верно?

— Ерунду порет Грегуар, — сердито проговорил Юрковский. — Чепуху.

Моллар внимательно посмотрел на него.

— Ви расстроены, Володья, — сказал он. — Я могу помочь?

— Да нет, наверное, Шарль. Надо просто искать. Ощупывать все руками, как я...

— Зачем щупать? — удивился Моллар. — Ви скажите, вид у нее какой есть. Я буду искать.

— Ха, — сказал Юрковский, — хотел бы я знать, какой у нее сейчас вид.

Моллар откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза ладонью.

— Je ne comprand pas, — жалобно сказал он. — Я не понимаю. У нее нет вид? Или я не понимаю по-русску?

— Нет, все правильно, Шарль, — сказал Юрковский. — Вид у нее, конечно, есть. Только разный, понимаете? Когда она на потолке, она как потолок. Когда на диване — как диван...

— А когда на Грегуар, она как Грегуар, — сказал Моллар. — Ви все шутите.

— Он говорит правду, — вступился Дауге. — Варечка все время меняет окраску. Мимикрия. Она замечательно маскируется, понимаете? Мимикрия.

— Мимикрия у ласточка? — горько спросил Моллар.

В дверь опять постучали.

— Войтить! — радостно закричал Моллар.

— Войдите, — перевел Юрковский.

Вошел Жилин, громадный, румяный и немного застенчивый.

— Извините, Владимир Сергеевич, — сказал он, несколько наклоняясь вперед. — Меня...

— О! — вскричал Моллар, сверкая улыбкой. Он очень благоволил к бортинженеру. — Le petit ingénieur! [1] Как жизнь, хорошё-о?

— Хорошо, — сказал Жилин.

— Как девýшки, хорошё-о?

— Хорошо, — сказал Жилин. Он уже привык. — Бон.

— Прекрасный прононс, — сказал Дауге с завистью. — Кстати, Шарль, почему вы всегда спрашиваете Ваню, как девýшки?

— Я очень люблю девýшки, — серьезно сказал Моллар. — И всегда интересуюсь как.

— Бон, — сказал Дауге. — Же ву компран.

Жилин повернулся к Юрковскому:

— Владимир Сергеевич, меня послал капитан. Через сорок минут мы пройдем через перииовий, почти в экзосфере.

Юрковский вскочил:

— Наконец-то!

— Если вы будете наблюдать, я в вашем распоряжении.

---

[1] Le petit ingénieur — маленький инженер *(фр.)*.

— Спасибо, Ваня, — сказал Юрковский. Он повернулся к Дауге. — Ну, Иоганыч, вперед!

— Держись, бурый Джуп, — сказал Дауге.

— Les hirondelles, les hirondelles, — запел Моллар. — А я пойду готовить обед. Сегодня я дежурный, и на обед будет суп. Вы любите суп, Ванья?

Жилин не успел ответить, потому что планетолет сильно качнуло и он вывалился в дверь, едва успев ухватиться за косяк. Юрковский споткнулся о вытянутые ноги Моллара, развалившегося на диване, и упал на Дауге, Дауге охнул.

— Ого, — сказал Юрковский. — Это метеорит.

— Встань с меня, — сказал Дауге.

Бортинженер восхищается героями, а штурман обнаруживает Варечку

Тесный обсерваторный отсек был до отказа забит аппаратурой планетологов. Дауге сидел на корточках перед большим блестящим аппаратом, похожим на телевизионную камеру. Аппарат назывался экзосферным спектрографом. Планетологи возлагали на него большие надежды. Он был совсем новый — прямо с завода — и работал синхронно с бомбосбрасывателем. Матово-черный казенник бомбосбрасывателя занимал половину отсека. Возле него, в легких металлических стеллажах, тускло светились вороненными боками плоские обоймы бомбозондов. Каждая обойма содержала двадцать бомбозондов и весила сорок килограммов. По идее обоймы должны были подаваться в бомбосбрасыватель автоматически. Но фотонный грузовик «Тахмасиб» был неважно приспособлен для развернутых научных исследований, и для автоподатчика не хватило места. Бомбосбрасыватель обслуживал Жилин.

Юрковский скомандовал:

— Заряжай.

Жилин откатил крышку казенника, взялся за края первой обоймы, с натугой поднял ее и вставил в прямоугольную щель зарядной камеры. Обойма бесшумно скользнула на место. Жилин накатил крышку, щелкнул замком и сказал:

— Готов.

— Я тоже готов, — сказал Дауге.

— Михаил, — сказал Юрковский в микрофон. — Скоро?

— Еще полчасика, — послышался сиплый голосок штурмана.

Планетолет снова качнуло. Пол ушел из-под ног.

— Опять метеорит, — сказал Юрковский. — Это уже третий.

— Густо что-то, — сказал Дауге.

Юрковский спросил в микрофон:

— Михаил, микрометеоритов много?

— Много, Володенька, — ответил Михаил Антонович. Голос у него был озабоченный. — Уже на тридцать процентов выше средней плотности, и все растет и растет...

— Миша, голубчик, — попросил Юрковский. — Замеряй почаще, а?

— Замеры идут три раза в минуту, — отозвался штурман. Он сказал что-то в сторону от микрофона. В ответ послышался бас Быкова: «Можно». — Володенька, — позвал штурман. — Я переключаю на десять раз в минуту.

— Спасибо, Миша, — сказал Юрковский.

Корабль опять качнуло.

— Слушай, Володя, — позвал негромко Дауге. — А ведь это нетривиально.

Жилин тоже подумал, что это нетривиально. Нигде, ни в каких учебниках и лоциях не говорилось о повышении метеоритной плотности в непосредственной близости к Юпитеру. Впрочем, мало кто бывал в непосредственной близости к Юпитеру.

Жилин присел на станину казенника и поглядел на часы. До перииовия оставалось минут двадцать, не больше. Через двадцать минут Дауге даст первую очередь. Он говорит, что это необычайное зрелище, когда взрывается очередь бомбозондов. В позапрошлом году он исследовал такими бомбозондами атмосферу Урана. Жилин оглянулся на Дауге. Дауге сидел на корточках перед спектрографом, держась за ручки поворота, — сухой, черный, остроносый, со шрамом на левой щеке. Он то и дело вытягивал длинную шею и заглядывал то левым, то правым глазом в окуляр видоискателя, и каждый раз по его лицу пробегал оранжевый зайчик. Жилин посмотрел на Юрковского. Юрковский стоял,

прижавшись лицом к нарамнику перископа, и нетерпеливо переступал с ноги на ногу. На шее у него болталось на темной ленте рубчатое яйцо микрофона. Известные планетологи Дауге и Юрковский...

Месяц назад заместитель начальника Высшей Школы Космогации Тодор Кан вызвал к себе выпускника Школы Ивана Жилина. Межпланетники звали Кана «Железный Кан». Ему было за пятьдесят, но он казался совсем молодым в синей куртке с отложным воротником. Он был бы красив, если бы не мертвые серо-розовые пятна на лбу и на подбородке — следы давнего лучевого удара. Кан сказал, что Третий отдел ГКМПС срочно затребовал в свое распоряжение хорошего сменного бортинженера и что Совет Школы остановил свой выбор на выпускнике Жилине (выпускник Жилин похолодел от волнения: все пять лет он боялся, что его пошлют стажером на лунные трассы). Кан сказал, что это большая честь для выпускника Жилина, потому что первое свое назначение он получает на корабль, который идет оверсаном к Юпитеру (выпускник Жилин чуть не подпрыгнул от радости) с продовольствием для «Джей-станции» на Пятом спутнике Юпитера — Амальтее. Амальтее грозит голод, сказал Кан.

— Вашим командиром будет известный межпланетник, тоже выпускник нашей Школы, Алексей Петрович Быков. Вашим старшим штурманом будет весьма опытный космогатор Михаил Антонович Крутиков. У них вы пройдете первоклассную практическую школу, и я чрезвычайно рад за вас.

О том, что в рейсе принимают участие Григорий Иоганнович Дауге и Владимир Сергеевич Юрковский, Жилин узнал позже, уже на ракетодроме Мирза-Чарле. Какие имена! Юрковский и Дауге, Быков и Крутиков. Богдан Спицын и Анатолий Ермаков. Страшная и прекрасная, с детства знакомая полулегенда о людях, которые бросили к ногам человечества грозную планету. О людях, которые на допотопном «Хиусе» — фотонной черепахе с одним-единственным слоем мезовещества на отражателе — прорвались сквозь бешеную атмосферу Венеры. О людях, которые нашли в черных первобытных песках Урановую Голконду — след удара чудовищного метеорита из антивещества.

Конечно, Жилин знал и других замечательных

людей. Например, межпланетника-испытателя Василия Ляхова. На третьем и четвертом курсах Ляхов читал в Школе теорию фотонного привода. Он организовал для выпускников трехмесячную практику на Спу-20. Межпланетники называли Спу-20 «Звездочкой». Там было очень интересно. Там испытывались первые прямоточные фотонные двигатели. Оттуда в зону абсолютно свободного полета запускали автоматические лоты-разведчики. Там строился первый межзвездный корабль «Хиус-Молния». Однажды Ляхов привел курсантов в ангар. В ангаре висел только что прибывший фотонный танкер-автомат, который полгода назад забросили в зону абсолютно свободного полета. Танкер, огромное неуклюжее сооружение; удалялся от Солнца на расстояние светового месяца. Всех поразил его цвет. Обшивка сделалась бирюзово-зеленой и отваливалась кусками, стоило прикоснуться к ней ладонью. Она просто крошилась, как хлеб. Но устройства управления оказались в порядке, иначе разведчик, конечно, не вернулся бы, как не вернулись три разведчика из девятнадцати, запущенных в зону АСП. Курсанты спросили Ляхова, что произошло, и Ляхов ответил, что не знает. «На больших расстояниях от Солнца есть что-то, чего мы пока не знаем», — сказал Ляхов. И Жилин подумал тогда о пилотах, которые через несколько лет поведут «Хиус-Молнию» туда, где есть что-то, чего мы пока не знаем.

«Забавно, — подумал Жилин, — мне уже есть о чем вспоминать. Как на четвертом курсе во время зачетного подъема на геодезической ракете отказал двигатель и я вместе с ракетой свалился на совхозное поле под Новоенисейском. Я несколько часов бродил среди автоматических высокочастотных плугов, пока к вечеру не наткнулся на человека. Это был оператор-телемеханик. Мы всю ночь пролежали в палатке, следя за огоньками плугов, двигающихся в темном поле, и один плуг прошел совсем близко, гудя и оставляя за собой запах озона. Оператор угощал меня местным вином, и мне, кажется, так и не удалось убедить этого веселого дядьку, что межпланетники не пьют ни капли. Утром за ракетой пришел транспортер. «Железный Кан» устроил мне страшный разнос за то, что я не катапультировал...

Или дипломный перелет Спу-16 Земля — Цифэй Луна, когда член экзаменационной комиссии старался сбить нас с толку и, давая вводные, кричал ужасным голосом: «Астероид третьей величины справа по курсу! Скорость сближения двадцать два!» Нас было шестеро дипломантов, и он надоел нам невыносимо, — только Ян, староста, все старался нас убедить, что людям следует прощать их маленькие слабости. Мы в принципе не возражали, но слабости прощать не хотелось. Мы все считали, что перелет ерундовый, и никто не испугался, когда корабль вдруг лег в страшный вираж на четырехкратной перегрузке. Мы вскарабкались в рубку, где член комиссии делал вид, что убит перегрузкой, и вывели корабль из виража. Тогда член комиссии открыл один глаз и сказал: «Молодцы, межпланетники», и мы сразу простили ему его слабости, потому что до тех пор никто еще не называл нас серьезно межпланетниками, кроме мам и знакомых девушек. Но мамы и девушки всегда говорили: «Мой милый межпланетник», и вид у них был при этом такой, словно у них холодеет внутри».

«Тахмасиб» вдруг тряхнуло так сильно, что Жилин опрокинулся на спину и стукнулся затылком о стеллаж.

— Нда! — сказал Юрковский. — Все это, конечно, нетривиально, но, если корабль будет так рыскать, мы не сможем работать.

— Да уж, — сказал Дауге. Он прижимал ладонь к правому глазу. — Какая уж тут работа...

По-видимому, по курсу корабля появлялось все больше крупных метеоритов, и суматошные команды противометеоритных локаторов на киберштурман все чаще бросали корабль из стороны в сторону.

— Неужели рой? — сказал Юрковский, цепляясь за нарамник перископа. — Бедная Варечка, она плохо переносит тряску.

— Ну и сидела бы дома, — злобно сказал Дауге. Правый глаз у него быстро заплывал, он ощупывал его пальцами и издавал невнятные восклицания по-латышски. Он уже не сидел на корточках, он полулежал на полу, раздвинув для устойчивости ноги.

Жилин держался, упираясь руками в казенник и стеллаж. Пол вдруг провалился, затем подпрыгнул и больно ударил по пяткам. Дауге охнул, у Жилина

подломились ноги. Хриплый бас Быкова проревел в микрофон:

— Бортинженер Жилин, в рубку! Пассажирам укрыться в амортизаторах!

Жилин шатающейся рысцой побежал к двери. За его спиной Дауге сказал:

— Как так в амортизаторы?

— Черта с два! — отозвался Юрковский.

Что-то покатилось по полу с металлическим дребезгом. Жилин выскочил в коридор. Начиналось приключение.

Корабль непрерывно мотало, словно щепку на волнах. Жилин бежал по коридору и думал: этот мимо. И этот мимо. И вот этот тоже мимо, и все они мимо... За спиной раздалось пронзительное «поук-пш-ш-ш-ш...» Он бросился спиной к стене и обернулся. В пустом коридоре, шагах в десяти от него, стояло плотное облако белого пара, совершенно такое, какое бывает, когда лопается баллон с жидким гелием. Шипение быстро смолкло. По коридору потянуло ледяным холодом.

— Попал, гад, — сказал Жилин и оторвался от стены. Белое облако ползло за ним, медленно оседая.

В рубке было очень холодно. Жилин увидел блестящую радугой изморось на стенах и на полу. Михаил Антонович с багровым затылком сидел за вычислителем и тянул на себя ленту записи. Быкова видно не было. Он был за кожухом реактора.

— Опять попало? — тоненьким голосом крикнул штурман.

— Где бортинженер?—прогудел Быков из-за кожуха.

— Я, — отозвался Жилин.

Он побежал через рубку, скользя по инею. Быков выскочил ему навстречу, рыжие волосы его стояли дыбом.

— На контроль отражателя, — сказал он.

— Есть, — сказал Жилин.

— Штурман, есть просвет?

— Нет, Лешенька. Кругом одинаковая плотность. Вот ведь угораздило нас...

— Отключай отражатель. Буду выбираться на аварийных.

Михаил Антонович на вращающемся кресле торопп-

ливо повернулся к пульту управления позади себя. Он положил руку на клавиши и сказал:

— Можно было бы...

Он остановился. Лицо его перекосилось ужасом. Панель с клавишами управления изогнулась, снова выпрямилась и бесшумно соскользнула на пол. Жилин услышал вопль Михаила Антоновича и в смятении выскочил из-за кожуха. На стене рубки, вцепившись в мягкую обивку, сидела полутораметровая марсианская ящерица Варечка, любимица Юрковского. Точный рисунок клавиш управления на ее боках уже начал бледнеть, но на страшной треугольной морде все еще медленно мигало красное изображение стоп-лампочки. Михаил Антонович глядел на разлинованную Варечку, всхлипывал и держался за сердце.

— Пшла! — заорал Жилин.

Варечка метнулась куда-то и пропала.

— Убью! — прорычал Быков. — Жилин, на место!

Жилин повернулся, и в этот момент в «Тахмасиб» попало по-настоящему.

АМАЛЬТЕЯ, „ДЖЕЙ-СТАНЦИЯ"

Водовозы беседуют о голоде, а инженер-гастроном стыдится своей кухни.

После ужина дядя Валнога пришел в зал отдыха и сказал, ни на кого не глядя:

— Мне нужна вода. Добровольцы есть?

— Есть, — сказал Козлов.

Потапов поднял голову от шахматной доски и тоже сказал:

— Есть.

— Конечно, есть, — сказал Костя Стеценко.

— А мне можно? — спросила Зойка Иванова тонким голосом.

— Можно, — сказал Валнога, уставясь в потолок. — Так вы приходите.

— Сколько нужно воды? — спросил Козлов.

— Немного, — ответил дядя Валнога.. — Тонн десять.

— Ладно, — сказал Козлов. — Мы сейчас.

Дядя Валнога вышел.

— Я тоже с вами, — сказал Грегор.

— Ты лучше сиди и думай над своим ходом, — посоветовал Потапов. — Ход твой. Ты всегда думаешь по полчаса над каждым ходом.

— Ничего, — сказал Грегор.—Я еще успею подумать.

— Галя, пойдем с нами, — позвал Стеценко.

Галя лежала в кресле перед магнитовидеофоном. Она лениво отозвалась:

— Пожалуй.

Она встала и сладко потянулась. Ей было двадцать восемь лет, она была высокая и смуглая, самая красивая женщина на станции. Половина астрофизиков была влюблена в нее.

— Пошли, — сказал Козлов. Он застегнул пряжки на магнитных башмаках и пошел к двери.

Они отправились на склад и взяли там меховые куртки, электропилы и самоходную платформу.

«Айсгротте» — так называлось место, где станция брала воду для технических, гигиенических и продовольственных нужд. Амальтея, сплюснутый шар диаметром в сто тридцать километров, состоит из сплошного льда. Это обыкновенный водяной лед, совершенно такой же, как на Земле. И только на поверхности лед немного присыпан метеоритной пылью и каменными и железными обломками. О происхождении ледяной планетки никто не мог сказать ничего определенного. Одни—мало осведомленные в космогонии — считали, что Юпитер в оные времена содрал водяную оболочку с какой-нибудь неосторожно приблизившейся планеты. Другие были склонны относить образование Пятого спутника за счет конденсации водяных кристаллов. Третьи уверяли, что Амальтея вовсе не принадлежала к Солнечной системе, что она вышла из межзвездного пространства и была захвачена Юпитером. Но как бы то ни было, неограниченные запасы водяного льда под ногами — это большое удобство для «Джей-станции» на Амальтее.

Платформа проехала по коридору нижнего горизонта и остановилась перед широкими воротами «айсгротте». Грегор соскочил с платформы, подошел к воротам и, близоруко вглядываясь, стал искать кнопку замка.

— Ниже, ниже, — сказал Потапов. — Филин слепой.

Грегор нашел кнопку, и ворота раздвинулись. Платформа въехала в «айсгротте». «Айсгротте» был именно «айсгротте» — ледяной пещерой, тоннелем, вырубленным в сплошном льду. Три газосветные трубки освещали тоннель, но свет отражался от ледяных стен и потолка, дробился и искрился на неровностях, поэтому казалось, что «айсгротте» освещен многими люстрами...

Здесь не было магнитного пола, и ходить надо было осторожно. И здесь было необычайно холодно.

— Лед, — сказала Галя, оглядываясь. — Совсем как на Земле.

Зойка зябко поежилась, кутаясь в меховую куртку.

— Как в Антарктике, — пробормотала она.

— Я был в Антарктике, — объявил Грегор.

— И где только ты не был! — сказал Потапов. — Везде ты был!

— Взяли, ребята, — скомандовал Козлов.

Ребята взяли электропилы, подошли к дальней стене и стали выпиливать брусья льда. Пилы шли в лед, как горячие ножи в масло. В воздухе засверкали ледяные опилки. Зойка и Галя подошли ближе.

— Дай мне, — попросила Зойка, глядя в согнутую спину Козлова.

— Не дам, — сказал Козлов, не оборачиваясь. — Глаза повредишь.

— Совсем как снег на Земле, — заметила Галя, подставляя ладонь под струю льдинок.

— Ну, этого добра везде много, — сказал Потапов. — Например, на Ганимеде сколько хочешь снегу.

— Я был на Ганимеде, — объявил Грегор.

— С ума сойти можно, — сказал Потапов. Он выключил свою пилу и отвалил от стены огромный ледяной куб. — Вот так.

— Разрежь на части, — посоветовал Стеценко.

— Не режь, — сказал Козлов. Он тоже выключил пилу и отвалил от стены глыбу льда. — Наоборот... — Он с усилием пихнул глыбу, и она медленно поплыла к выходу из тоннеля. — Наоборот, Валноге удобнее, когда брусья крупные.

— Лед, — сказала Галя. — Совсем как на Земле. Я теперь буду всегда ходить сюда после работы.

— Вы очень скучаете по Земле? — робко спросила Зойка. Зойка была на десять лет моложе Гали, рабо-

тала лаборанткой на астрометрической обсерватории и робела перед своей заведующей.

— Очень, — ответила Галя. — Мне, Зоенька, хочется посидеть на траве, походить вечером по парку, потанцевать... Не наши воздушные танцы, а обыкновенный вальс. И пить из нормальных бокалов, а не из дурацких груш. И носить платье, а не брюки. Я ужасно соскучилась по обыкновенной юбке.

— Я тоже, — сказал Потапов.

— Юбка — это да, — сказал Козлов.

— Трепачи, — сказала Галя. — Мальчишки.

Она подобрала осколок льда и кинула в Потапова. Потапов подпрыгнул, ударился спиной в потолок и отлетел на Стеценко.

— Тише ты, — сердито сказал Стеценко. — Под пилу угодишь.

— Ну, довольно, наверное, — сказал Козлов. Он отвалил от стены еще один брус. — Грузи, ребята.

Они погрузили лед на платформу, затем Потапов неожиданно схватил одной рукой Галю, другой рукой Зойку и забросил обеих на штабель ледяных брусьев. Зойка испуганно взвизгнула и ухватилась за Галю. Галя засмеялась.

— Поехали! — заорал Потапов. — Сейчас Валнога даст вам премию — по миске хлорелловой похлебки на нос.

— Я бы не отказался, — проворчал Козлов.

— Ты и раньше не отказывался, — заметил Стеценко. — А уж теперь, когда голод...

Платформа выехала из «айсгротте», и Грегор задвинул ворота.

— Разве это голод? — сказала Зойка с вершины ледяной кучи. — Вот я недавно читала книгу о войне — вот там был действительно голод. В Ленинграде, во время блокады.

— Я был в Ленинграде, — объявил Грегор.

— Мы едим шоколад, — продолжала Зойка, — а там выдавали по полтораста граммов хлеба на день. И хлеб был наполовину из опилок.

— Так уж и из опилок, — усомнился Стеценко.

— Представь себе, именно из опилок.

— Шоколад шоколадом, — сказал Козлов, — а если не прибудет «Тахмасиб»...

Он нес электропилу на плече, как ружье.

— Прибудет, — уверенно сказала Галя. Она спрыгнула с платформы, и Стеценко торопливо подхватил ее. — Спасибо, Костя. Обязательно прибудет, мальчики.

— Все-таки я думаю, надо предложить начальнику уменьшить суточные порции, — сказал Козлов. — Хотя бы только для мужчин.

— Чепуха какая, — сказала Зойка. — Я читала, что женщины гораздо лучше переносят голод, чем мужчины.

Они шли по коридору вслед за медленно движущейся платформой.

— Так то женщины, — сказал Потапов. — А то дети.

— Железное остроумие, — сказала Зойка. — Прямо чугунное.

— Нет, правда, ребята, — сказал Козлов. — Если Быков не прибудет завтра, надо собрать всех и спросить согласия на сокращение порций.

— Что ж, — согласился Стеценко. — Я полагаю, никто не будет возражать.

— Я не буду возражать, — объявил Грегор.

— Вот и хорошо, — сказал Потапов. — А я уж думал, как быть, если ты вдруг будешь возражать.

Остаток пути до камбуза прошли молча. В камбузе дядя Валнога сидел понурившись возле огромной ионообменной установки для очистки воды. Платформа остановилась у входа в камбуз.

— Сгружайте, — сказал дядя Валнога, глядя в пол. В камбузе было непривычно тихо, прохладно и ничем не пахло. Дядя Валнога мучительно переживал это запустение.

В молчании ледяные брусья были отгружены с платформы и заложены в отверстую пасть водоочистителя.

— Спасибо, — сказал дядя Валнога, не поднимая головы.

— Пожалуйста, дядя Валнога, — сказал Козлов. — Пошли, ребята.

Они молча отправились на склад, затем молча вернулись в зал отдыха. Галя взяла книжку и улеглась в кресло перед магнитовидеофоном. Стеценко нерешительно потоптался возле нее, поглядел на Козлова и Зойку, которые снова уселись за стол для занятий (Зойка училась заочно в энергетическом институте, и Козлов помо-

гал ей), вздохнул и побрел в свою комнату. Потапов сказал Грегору:

— Ходи. Твой ход.

Глава вторая

ЛЮДИ НАД БЕЗДНОЙ

Капитан сообщает неприятную новость, а бортинженер не боится

Видимо, крупный метеорит угодил в отражатель, симметрия распределения силы тяги по поверхности параболоида мгновенно нарушилась, и «Тахмасиб» закрутило колесом. В рубке один только капитан Быков не потерял сознания. Правда, он больно ударился обо что-то головой, потом боком и некоторое время совсем не мог дышать, но ему удалось вцепиться руками и ногами в кресло, на которое его бросил первый толчок, и он цеплялся, тянулся, карабкался до тех пор, пока в конце концов не дотянулся до панели управления. Все крутилось вокруг него с необыкновенной быстротой. Откуда-то сверху вывалился Жилин и пролетел мимо, растопырив руки и ноги. Быкову показалось, что в Жилине не осталось ничего живого. Он пригнул голову к панели управления и, старательно прицелившись, ткнул пальцем в нужную клавишу.

Киберштурман включил аварийные водородные двигатели, и Быков ощутил толчок, словно поезд остановился на полном ходу, только гораздо сильнее. Быков ожидал этого и изо всех сил упирался ногами в стойку пульта, поэтому из кресла не вылетел. У него только потемнело в глазах, и рот наполнился крошкой отбитой с зубов эмали. «Тахмасиб» выровнялся. Тогда Быков повел корабль напролом сквозь облако каменного и железного щебня. На экране следящей системы бились голубые всплески. Их было много, очень много, но корабль больше не рыскал — противометеоритное устройство было отключено и не влияло на киберштурман. Сквозь шум в ушах Быков несколько раз услышал пронзительное «поук-пш-ш-ш», и каждый раз его обдавало ледяным паром, и он втягивал голову в плечи и

пригибался к самому пульту. Один раз что-то лопнуло, разлетаясь, за его спиной. Потом сигналов на экране стало меньше, потом еще меньше и, наконец, не стало совсем. Метеоритная атака окончилась.

Тогда Быков поглядел на курсограф. «Тахмасиб» падал. «Тахмасиб» шел через экзосферу Юпитера, и скорость его была намного меньше круговой, и он падал по суживающейся спирали. Он потерял скорость во время метеоритной атаки. В метеоритной атаке корабль, уклоняясь от курса, всегда теряет скорость. Так бывает в поясе астероидов во время обыденных рейсов Юпитер—Марс или Юпитер—Земля. Но там это не опасно. Здесь, над Джупом, потеря скорости означала верную смерть. Корабль сгорит, врезавшись в плотные слои атмосферы чудовищной планеты, — так было десять лет назад с Полем Данже. А если не сгорит, то провалится в водородную бездну, откуда нет возврата, — так случилось, вероятно, с Сергеем Петрушевским в начале этого года.

Вырваться можно было бы только на фотонном двигателе. Совершенно машинально Быков нажал рифленую клавишу стартера, но ни одна лампочка не зажглась на панели управления. Отражатель был поврежден, и аварийный автомат блокировал неразумный приказ. «Это конец», — подумал Быков. Он аккуратно развернул корабль и включил на полную мощность аварийные двигатели. Пятикратная перегрузка вдавила его в кресло. Это было единственное, что он мог сейчас сделать, — сократить скорость падения корабля до минимума, чтобы не дать ему сгореть в атмосфере. Тридцать секунд он сидел неподвижно, уставясь на свои руки, быстро отекавшие от перегрузки. Потом он уменьшил подачу горючего, и перегрузка пропала. Аварийные двигатели будут понемногу тормозить падение — пока хватит горючего. А горючего немного. Еще никого и никогда аварийные ракеты не спасали над Юпитером. Над Марсом, над Меркурием, над Землей — может быть, но не над планетой-гигантом.

Быков тяжело поднялся и заглянул через пульт. На полу, среди пластмассовых осколков, лежал животом вверх штурман Михаил Антонович Крутиков.

— Миша, — позвал Быков почему-то шепотом. — Ты жив, Миша?

Послышался скребущий звук, и из-за кожуха реактора выполз на четвереньках Жилин. Жилин тоже плохо выглядел. Он задумчиво поглядел на капитана, на штурмана, на потолок и сел, поджав ноги.

Быков выбрался из-за пульта и опустился рядом со штурманом на корточки, с трудом согнув ноги в коленях. Он потрогал штурмана за плечо и снова позвал:

— Ты жив, Миша?

Лицо Михаила Антоновича сморщилось, и он, не открывая глаз, облизнул губы.

— Лешенька, — сказал он слабым голосом.

— У тебя болит что-нибудь? — спросил Быков и принялся ощупывать штурмана.

— О! — сказал штурман и широко раскрыл глаза.

— А здесь?

— У! — сказал штурман болезненным голосом.

— А здесь?

— Ой, не надо! — сказал штурман и сел, упираясь руками в пол. Голова его склонилась к плечу. — А где Ванюша? — спросил он.

Быков оглянулся. Жилина не было.

— Иван, — негромко окликнул Быков.

— Здесь, — отозвался Жилин из-за кожуха. Было слышно, как он уронил что-то и шепотом чертыхается.

— Иван жив, — сообщил Быков штурману.

— Ну и слава богу, — сказал Михаил Антонович и, ухватившись за плечо капитана, поднялся на ноги.

— Ты как, Миша? — спросил Быков. — В состоянии?

— В состоянии, — неуверенно сказал штурман, держась за него. — Кажется, в состоянии.

Он посмотрел на Быкова удивленными глазами и сказал:

— До чего же живуч человек, Лешенька... Ох до чего живуч!

— Нда... — сказал Быков неопределенно. — Живуч. Слушай, Михаил... — Он помолчал. — Дела наши нехороши. Мы, брат, падаем. Если ты в состоянии, садись и посчитай, как и что. Вычислитель, по-моему, уцелел. — Он посмотрел на вычислитель. — Впрочем, посмотри сам.

Глаза Михаила Антоновича стали совсем круглые.

— Падаем? — сказал он. — Ах вот как! Падаем. На Юпитер падаем?

Быков молча кивнул.

— Ай-яй-яй! — сказал Михаил Антонович. — Надо же! Хорошо. Сейчас. Я сейчас.

Он постоял немного, морщась и ворочая шеей, потом отпустил капитана и, ухватившись за край пульта, заковылял к своему месту.

— Сейчас посчитаю, — бормотал он. — Сейчас.

Быков смотрел, как он, держась за бок, усаживается в кресло и устраивается поудобнее. Кресло было заметно перекошено. Устроившись, Михаил Антонович вдруг испуганно посмотрел на Быкова и спросил:

— Но ведь ты притормозил, Алеша? Ты затормозил?

Быков кивнул и пошел к Жилину, хрустя осколками на полу. На потолке он увидел небольшое черное пятно и еще одно у самой стены. Это были метеоритные пробоины, затянутые смолопластом. Вокруг пятен дрожали крупные капли осевшей влаги.

Жилин сидел по-турецки перед комбайном контроля отражателя. Кожух комбайна был расколот пополам. Внутренности комбайна выглядели неутешительно.

— Что у тебя? — спросил Быков. Он видел что.

Жилин поднял опухшее лицо.

— Подробностей я еще не знаю, — ответил он. — Но ясно, что вдребезги.

Быков присел рядом.

— Одно метеоритное попадание, — сказал Жилин. — И два раза я въехал сюда сам, — он показал пальцем, куда он въехал, но это было и так видно. — Один раз в самом начале ногами и потом в самом конце головой.

— Да, — сказал Быков. — Этого никакой механизм не выдержит. Ставь запасной комплект. И вот что: мы падаем.

— Я слышал, Алексей Петрович, — сказал Жилин.

— Собственно, — произнес Быков задумчиво, — что толку в контрольном комбайне, если разбит отражатель?

— А может быть, не разбит? — сказал Жилин.

Быков поглядел на него, усмехаясь.

— Такая карусель, — сказал он, — может объясниться только двумя причинами. Или — или. Или почему-то выскочила из фокуса точка сгорания плазмы, или откололся большой кусок отражателя. Я думаю, что разбит отражатель, потому что бога нет и точку сгорания перемещать некому. Но ты все-таки валяй. Ставь запасной комплект.

Он поднялся и, задрав голову, осмотрел потолок:

— Надо еще хорошенько закрепить пробоины. Там внизу большое давление. Смолопласт выдавит. Ну, это я сам.

Он повернулся, чтобы идти, но остановился и спросил негромко:

— Не боишься, малёк?

— Нет, — сказал Жилин.

— Хорошо. Работай, — сказал Быков. — Пойду осмотрю корабль. Надо еще пассажиров из амортизаторов вынуть.

Жилин промолчал. Он проводил взглядом широкую сутулую спину капитана и вдруг совсем рядом увидел Варечку. Варечка стояла столбиком и медленно мигала выпуклыми глазами. Она была вся синяя в белую крапинку, и шипы у нее на морде страшно щетинились. Это означало, что Варечка очень раздражена и чувствует себя нехорошо. Жилин уже видел ее однажды в таком состоянии. Это было на ракетодроме Мирза-Чарле месяц назад, когда Юрковский много говорил об удивительной приспособляемости марсианских ящериц и в доказательство окунал Варечку в ванну с кипятком.

Варечка судорожно разинула и снова закрыла огромную серую пасть.

— Ну что? — негромко спросил Жилин. С потолка сорвалась крупная капля и — тик! — упала на расколотый кожух комбайна. Жилин посмотрел на потолок. Там внизу большое давление. «Да, — подумал он, — там давление в десятки и сотни тысяч атмосфер. Смолопластовые пробки, конечно, выдавит».

Варечка шевельнулась и снова разинула пасть. Жилин пошарил в кармане, нашел галету и бросил ее в разинутую пасть. Варечка медленно глотнула и уставилась на него стеклянными глазами. Жилин вздохнул.

— Эх ты, бедолага, — сказал он тихо.

Планетологи виновато молчат, а радиооптик поет песенку про ласточек

Когда «Тахмасиб» перестал кувыркаться, Дауге отцепился от казенника и выволок бесчувственное тело Юрковского из-под обломков аппаратуры. Он не успел заметить, что разбито и что уцелело, заметил только, что

разбито многое, стеллаж с обоймами перекосило и обоймы вывалились на приборную панель радиотелескопа. В обсерваторном отсеке было жарко и сильно пахло горелым.

Дауге отделался сравнительно легко. Он сразу же мертвой хваткой ухватился за казенник, и у него только кровь выступила под ногтями и сильно болела голова. Юрковский был бледен, и веки у него были сиреневые. Дауге подул ему в лицо, потряс за плечи, похлопал по щекам. Голова Юрковского бессильно болталась, и в себя он не приходил. Тогда Дауге поволок его в медицинский отсек. В коридоре оказалось страшно холодно, на стенах искрился иней. Дауге положил голову Юрковского к себе на колени, наскреб со стены немного инея и приложил холодные мокрые пальцы к его вискам. В этот момент его застала перегрузка, — Быков начал тормозить «Тахмасиб». Тогда Дауге лег на спину, но ему стало так плохо, что он перевернулся на живот и стал водить лицом по заиндевевшему полу. Когда перегрузка кончилась, Дауге полежал еще немного, затем поднялся и, взяв Юрковского под мышки, пятясь, поволок дальше. Но он сразу понял, что до медотсека ему не добраться, поэтому затащил Юрковского в кают-компанию, взвалил его на диван и сел рядом, сопя и отдуваясь. Юрковский страшно хрипел.

Отдохнув, Дауге поднялся и подошел к буфету. Он взял графин с водой и стал пить прямо из горлышка. Вода побежала по подбородку, по горлу, потекла за воротник, и это было очень приятно. Он вернулся к Юрковскому и побрызгал из графина ему на лицо. Потом он поставил графин на пол и расстегнул на Юрковском куртку. Он увидел странный ветвистый рисунок на коже, бегущий через грудь от плеча до плеча. Рисунок был похож на силуэт каких-то диковинных водорослей—темно-багровый на смуглой коже. Некоторое время Дауге тупо разглядывал странный рисунок, а затем вдруг сообразил, что это след сильного электрического удара. Видимо, Юрковский упал на обнаженные контакты под высоким напряжением. Вся измерительная аппаратура планетологов работала под высоким напряжением. Дауге побежал в медицинский отсек.

Он сделал четыре инъекции, и только тогда Юрковский открыл, наконец, глаза. Глаза были тусклые и

смотрели довольно бессмысленно, но Дауге очень обрадовался.

— Фу ты, Владимир, — сказал он с облегчением, — я уж думал, что дело совсем плохо. Ну как ты, встать можешь?

Юрковский пошевелил губами, открыл рот и захрипел. Глаза его приобрели осмысленное выражение, брови сдвинулись.

— Ладно, ладно, лежи, — сказал Дауге. — Тебе надо немного полежать.

Он оглянулся и увидел в дверях Шарля Моллара. Моллар стоял, держась за косяк, и слегка покачивался. Лицо у него было красное, распухшее, и он был весь мокрый и обвешан какими-то белыми сосульками. Дауге даже показалось, что от него идет пар. Несколько минут Моллар молчал, переводя печальный взгляд с Дауге на Юрковского, а планетологи озадаченно глядели на него. Юрковский перестал хрипеть. Потом Моллар сильно качнулся вперед, перешагнул через комингс и, быстро семеня ногами, подобрался к ближайшему креслу. У него был мокрый и несчастный вид, и, когда он сел, по каюте прошла волна вкусного запаха вареного мяса. Дауге пошевелил носом.

— Это суп? — осведомился он.

— Oui, monsieur, — печально сказал Моллар. — Вьермишель.

— И как суп? — спросил Дауге. — Хорошё-о?

— Хорошё-о, — сказал Моллар и стал собирать с себя вермишель.

— Я очень люблю суп, — пояснил Дауге. — И всегда интересуюсь как.

Моллар вздохнул и улыбнулся.

— Больше нет суп, — сказал он. — Это биль очень горячий суп. Но это биль уже не кипьяток.

— Боже мой! — сказал Дауге и все-таки захохотал. Моллар тоже засмеялся.

— Да! — закричал он. — Это биль очень забавно, но очень неудобно, и суп пропал весь.

Юрковский захрипел. Лицо его перекосилось и налилось кровью. Дауге встревоженно повернулся к нему.

— Вольдемар сильно ушибся? — спросил Моллар. Вытянув шею, он с опасливым любопытством глядел на Юрковского.

— Вольдемара ударило током, — сказал Дауге. Он больше не улыбался.

— Но что произошло? — сказал Моллар. — Било так неудобно...

Юрковский перестал хрипеть, сел и, страшно оскалясь, стал копаться в нагрудном кармане куртки.

— Что с тобой, Володька? — растерянно спросил Дауге.

— Вольдемар не может говорить, — тихо сказал Моллар.

Юрковский торопливо закивал, вытащил авторучку и блокнот и стал писать, дергая головой.

— Ты успокойся, Володя, — пробормотал Дауге. — Это немедленно пройдет.

— Это пройдет, — подтвердил Моллар. — Со мною тоже было так. Биль очень большой ток, и потом все прошло.

Юрковский отдал блокнот Дауге, снова лег и прикрыл глаза.

— «Говорить не могу»,—с трудом разобрал Дауге.— Ты не волнуйся, Володя, это пройдет. — Юрковский нетерпеливо дернулся. — Так. Сейчас. «Как Алексей и пилоты? Как корабль?» Не знаю, — растерянно сказал Дауге и поглядел на люк в рубку. — Я обо всем забыл.

Юрковский мотнул головой и тоже посмотрел на люк в рубку.

— Я узнаю, — сказал Моллар. — Я все сейчас буду познать.

Он встал с кресла, но люк распахнулся, и в кают-компанию шагнул капитан Быков, огромный, взъерошенный, с ненормально лиловым носом и иссиня-черным синяком над правой бровью. Он оглядел всех свирепыми глазками, подошел к столу, уперся в стол кулаками и сказал:

— Почему пассажиры не в амортизаторах?

Это было сказано негромко, но так, что Шарль Моллар сразу перестал радостно улыбаться. Наступила короткая тяжелая тишина, и Дауге неловко, кривовато усмехнулся и стал глядеть в сторону, а Юрковский снова прикрыл глаза. «А дела-то неважные», — подумал Юрковский. Он хорошо знал Быкова.

— Когда на этом корабле будет дисциплина? — сказал Быков.

Пассажиры молчали.

— Мальчишки, — сказал Быков с отвращением и сел. — Бедлам. Что с вами, мсье Моллар? — спросил он устало.

— Это суп, — с готовностью сказал Моллар. — Я немедленно пойду почиститься.

— Подождите, мсье Моллар, — сказал Быков.

— Кх.. де мы? — прохрипел Юрковский.

— Падаем, — коротко сказал Быков.

Юрковский вздрогнул и поднялся.

— Кх... уда? — спросил он. Он ждал этого, но все-таки вздрогнул.

— В Юпитер, — сказал Быков. Он не смотрел на планетологов. Он смотрел на Моллара. Ему было очень жалко Моллара. Моллар был в первом своем настоящем космическом рейсе, и его очень ждали на Амальтее. Моллар был замечательным радиооптиком.

— О, — сказал Моллар, — в Юпитер?

— Да. — Быков помолчал, ощупывая синяк на лбу. — Отражатель разбит. Контроль отражателя разбит. В корабле восемнадцать пробоин.

— Гореть будем? — быстро спросил Дауге.

— Пока не знаю. Михаил считает. Может быть, не сгорим.

Он замолчал. Моллар сказал:

— Пойду почиститься.

— Погодите, Шарль, — сказал Быков. — Товарищи, вы хорошо поняли, что я сказал? Мы падаем в Юпитер.

— Поняли, — сказал Дауге.

— Теперь мы будем падать в Юпитер всю нашу жизнь, — сказал Моллар. Быков искоса глядел на него, не отрываясь.

— Х-хорошо ска-азано, — сказал Юрковский.

— C'est le mot [1], — сказал Моллар. Он улыбался. — Можно... Можно, я все-таки пойду чистить себя?

— Да, идите, — медленно сказал Быков.

Моллар повернулся и пошел из кают-компании. Все глядели ему вслед. Они услышали, как в коридоре он запел слабым, но приятным голосом.

— Что он поет? — спросил Быков. Моллар никогда не пел раньше.

---

[1] C'est le mot — хорошо сказано *(фр.)*.

Дауге прислушался и стал переводить:

— «Две ласточки целуются за окном моего звездолета. В пустоте-те-те-те. И как их туда занесло? Они очень любили друг друга и сиганули туда полюбоваться на звезды. Тра-ля-ля. И какое вам дело до них». Что-то в этом роде.

— Тра-ля-ля, — задумчиво сказал Быков. — Здорово.

— Т-ты п-пе-ереводишь, к-как ЛИАНТО, — сказал Юрковский. — «С-сиганули» — ш-шедевр.

Быков поглядел на него с изумлением.

— Ты что это, Владимир? — спросил он. — Что с тобой?

— З-заика н-на-а всю жизнь, — ответил Юрковский, усмехаясь.

— Его ударило током, — сказал тихо Дауге.

Быков пожевал губами.

— Ничего, — сказал он. — Не мы первые. И бывало похуже.

Он знал, что хуже еще никогда не бывало. Ни с ним, ни с планетологами. Из полуоткрытого люка раздался голос Михаила Антоновича:

— Алешенька, готово!

— Поди сюда, — сказал Быков.

Михаил Антонович, толстый и исцарапанный, ввалился в кают-компанию. Он был без рубашки и лоснился от пота.

— Ух, как тут у вас холодно! — сказал он, обхватывая толстую грудь короткими пухлыми ручками. — А в рубке ужасно жарко.

— Давай, Михаил, — нетерпеливо сказал Быков.

— А что с Володенькой? — испуганно спросил штурман.

— Давай, давай, — повторил Быков. — Током его ударило.

— А где Шарль? — спросил штурман, усаживаясь.

— Шарль жив и здоров, — ответил Быков, сдерживаясь. — Все живы и здоровы. Начинай.

— Ну и слава богу, — сказал штурман. — Так вот, мальчики. Я здесь немножко посчитал, и получается вот какая картина. «Тахмасиб» падает, и горючего, чтобы вырваться, нам не хватит.

— Ясно даже и ежу, — сказал Юрковский, почти не заикаясь.

— Не хватит. Вырваться можно только на фотореакторе, но у нас, кажется, разбит отражатель. А вот на торможение горючего хватит. Вот я рассчитал программу. Если общепринятая теория строения Юпитера верна, мы не сгорим.

Дауге хотел сказать, что общепринятой теории строения Юпитера не существует и никогда не существовало, но промолчал.

— Мы уже сейчас хорошо тормозимся, — продолжал Михаил Антонович. — Так что, по-моему, провалимся мы благополучно. А больше сделать ничего нельзя, мальчики. — Михаил Антонович виновато улыбнулся. — Если, конечно, мы не исправим отражатель.

— На Юпитере нет ремонтных станций. Это следует из всех теорий Юпитера. — Быкову хотелось, чтобы они все-таки поняли. До конца поняли. Ему все еще казалось, что они не понимают.

— Какую теорию строения ты считаешь общепринятой? — спросил Дауге.

Михаил Антонович пожал плечиком.

— Теорию Кангрена, — сказал он.

Быков выжидающе уставился на планетологов.

— Ну что ж, — сказал Дауге. — Можно и Кангрена.

Юрковский молчал, глядя в потолок.

— Слушайте, планетологи, — не выдержал Быков, — специалисты. Что будет там, внизу? Вы можете нам это сказать?

— Да, конечно, — сказал Дауге. — Это мы тебе скоро скажем.

— Когда? — Быков оживился.

— Когда будем там, внизу, — сказал Дауге. Он засмеялся.

— Планетологи, — сказал Быков. — Спе-ци-а-лис-ты.

— Н-надо рассчитать, — сказал Юрковский, глядя в потолок. Он говорил медленно и почти не заикался. — Пусть М-михаил рассчитает, на какой глубине к-корабль перестанет проваливаться и по-повиснет.

— Интересно, — сказал Михаил Антонович.

— П-по Кангрену давление в Юпитере р-растет быстро. П-подсчитай, Михаил, и выясни г-глубину погружения, д-давление на этой глубине и силу т-тяжести.

— Да, — сказал Дауге. — Какое будет давление? Может быть, нас просто раздавит.

— Ну, не так это просто, — проворчал Быков. — Двести тысяч атмосфер мы выдержим. А фотонный реактор и корпуса ракет и того больше.

Юрковский сел, согнув ноги.

— Т-теория Кангрена не хуже других, — сказал он. — Она даст порядок величин. — Он посмотрел на штурмана. — М-мы могли бы п-подсчитать сами, но у тебя в-вычислитель.

— Ну конечно, — сказал Михаил Антонович. — Ну о чем говорить? Конечно, мальчики.

Быков попросил:

— Михаил, давай сюда программу, я прогляжу, и вводи ее в киберштурман.

— Я уже ввел, Лешенька, — виновато ответил штурман.

— Ага, — сказал Быков. — Ну что ж, хорошо. — Он поднялся. — Так. Теперь все ясно. Нас, конечно, не раздавит, но назад мы уже не вернемся — давайте говорить прямо. Ну, не мы первые. Честно жили, честно и умрем. Мы с Жилиным попробуем что-нибудь сделать с отражателем, но это... так... — Он сморщился и покрутил распухшим носом. — Что намерены делать вы?

— Н-наблюдать, — жестко сказал Юрковский.

Дауге кивнул.

— Очень хорошо. — Быков поглядел на них исподлобья. — У меня к вам просьба. Присмотрите за Молларом.

— Да-да, — подтвердил Михаил Антонович.

— Он человек новый, и... бывают нехорошие вещи... вы знаете.

— Ладно, Леша, — сказал Дауге, бодро улыбаясь. — Будь спокоен.

— Вот так, — сказал Быков. — Ты, Миша, поди в рубку и сделай все расчеты, а я схожу в медчасть, помассирую бок. Что-то я здорово расшибся.

Выходя, он услышал, как Дауге говорил Юрковскому:

— В известном смысле нам повезло, Володька. Мы кое-что увидим, чего никто не видел. Пойдем чиниться.

— П-пойдем, — сказал Юрковский.

«Ну, меня вы не обманете, — подумал Быков. — Вы все-таки еще не поняли. Вы все-таки еще верите. Вы

думаете: Алексей вытащил нас из Черных Песков Голконды, Алексей вытащил нас из гнилых болот, он вытащит нас из водородной могилы. Дауге — тот наверняка так думает. А Алексей вытащит? А может быть, Алексей все-таки вытащит?»

В медицинском отсеке Моллар, дыша носом от боли, мазался жирной таниновой мазью. У него было красное лоснящееся лицо и красные лоснящиеся руки. Увидев Быкова, он приветливо улыбнулся и громко запел про ласточек: он почти успокоился. Если бы он не запел про ласточек, Быков мог бы считать, что он успокоился по-настоящему. Но Моллар пел громко и старательно, время от времени шипя от боли.

Бортинженер предается воспоминаниям, а штурман советует не вспоминать

Жилин ремонтировал комбайн контроля отражателя. В рубке было очень жарко и душно, по-видимому, система кондиционирования по кораблю была совершенно расстроена, но заниматься ею не было ни времени, ни, главное, желания. Сначала Жилин сбросил куртку, затем комбинезон и остался в трусах и сорочке. Варечка тут же устроилась в складках сброшенного комбинезона и вскоре исчезла — осталась только ее тень да иногда появлялись и сразу же исчезали большие выпуклые глаза.

Жилин одну за другой вытаскивал из исковерканного корпуса комбайна пластметалловые пластины печатных схем, прозванивал уцелевшие, откладывал в сторону расколотые и заменял их запасными. Работал он методически, неторопливо, как на зачетной сборке, потому что спешить было некуда и потому что все это было, по-видимому, ни к чему. Он старался ни о чем не думать и только радовался, что очень хорошо помнит общую схему, что ему почти не приходится заглядывать в руководство, что расшибся он не так уж сильно и ссадины на голове подсохли и совсем не болят. За кожухом фотореактора жужжал вычислитель. Михаил Антонович шуршал бумагой и мурлыкал себе под нос что-то немузыкальное. Михаил Антонович всегда мурлыкал себе под нос, когда работал.

«Интересно, над чем он работает сейчас? — подумал Жилин. — Может быть, просто старается отвлечься. Это очень хорошо — уметь отвлечься в такие минуты. Планетологи, наверное, тоже работают, сбрасывают бомбозонды. Так мне и не удалось увидеть, как взрывается очередь бомбозондов. И еще многого мне не удалось увидеть. Например, говорят, что очень хорош Юпитер с Амальтеи. И мне очень хотелось участвовать в межзвездной экспедиции или в какой-нибудь экспедиции следопытов — ученых, которые ищут на других планетах следы пришельцев из других миров... Потом говорят, что на «Джей-станциях» есть славные девушки, и хорошо было бы с ними познакомиться, а потом рассказать об этом Пере Хунту, который получил распределение на лунные трассы и был этому рад, чудак. Забавно, Михаил Антонович фальшивит, словно нарочно. У него жена и двое детей, нет, трое, и старшей дочке уже шестнадцать лет, — он все обещал нас познакомить и каждый раз этак залихватски подмигивал, но познакомиться теперь уже не придется. Многое теперь уже не придется. Отец будет очень расстроен, — ах, как нехорошо! Как это все нескладно получилось — в первом же самостоятельном рейсе! Хорошо, что я тогда поссорился с ней, — подумал вдруг Жилин. — Теперь все проще, а могло бы быть очень сложно. Вот Михаилу Антоновичу гораздо хуже, чем мне. И капитану хуже, чем мне. У капитана жена — очень славная женщина, веселая и, кажется, умница. Она провожала его и ни о чем таком не думала, а может быть, и думала, но это было незаметно, но скорее всего не думала, потому что уже привыкла. Человек ко всему может привыкнуть. Я, например, привык к перегрузкам, хотя сначала было очень плохо, и я думал даже, что меня переведут на факультет дистанционного управления. В Школе это называлось «отправиться к девочкам»: на факультете было много девушек, обыкновенных хороших девушек, с ними всегда было весело и интересно, но все-таки «отправиться к девочкам» считалось зазорным. Совершенно непонятно почему. Девушки шли работать на разные Спу и на станции и базы на других планетах и работали не хуже ребят. Иногда даже лучше. Все равно, — подумал Жилин, — очень хорошо, что мы тогда поссорились. Каково бы ей сейчас было». — Он вдруг

бессмысленно уставился на треснувшую пластину печатной схемы, которую держал в руках.

«...Мы целовались в Большом парке и потом на набережной под белыми статуями, и я провожал ее домой, и мы долго еще целовались в парадном, и по лестнице все время почему-то ходили люди, хотя было уже поздно. И она очень боялась, что вдруг пройдет мимо ее мама и спросит: «А что ты здесь делаешь, Валя, и кто этот молодой человек?» Это было летом, в белые ночи. И потом я приехал на зимние каникулы, и мы снова встретились, и все было как раньше, только в парке лежал снег и голые сучья шевелились на низком сером небе. Поднимался ветер, нас заносило порошей, мы совершенно закоченели и побежали греться в кафе на улице Межпланетников. Мы очень обрадовались, что там совсем нет народу, сели у окна и смотрели, как по улице проносятся автомобили. Я поспорил, что знаю все марки автомобилей, и проспорил: подошла великолепная приземистая машина, и я не знал, что это такое. Я вышел узнать, и мне сказали, что это «Влтава», новый чешский атомокар. Мы спорили на три желания. Тогда казалось, что это самое главное, что это будет всегда — и зимой, и летом, и на набережной под белыми статуями, и в Большом парке, и в театре, где она была очень красивая в черном платье с белым воротником и все время толкала меня в бок, чтобы я не хохотал слишком громко. Но однажды она не пришла, как мы договорились, и я по видеофону условился снова, и она опять не пришла и перестала писать мне письма, когда я вернулся в Школу. Я все не верил и писал длинные письма, очень глупые, но тогда я еще не знал, что они глупые. А через год я увидел ее в нашем клубе. Она была с какой-то девчонкой и не узнала меня. Мне показалось тогда, что все пропало, но это прошло к концу пятого курса, и непонятно даже, почему это мне сейчас все вспомнилось. Наверное, потому, что теперь все равно. Я мог бы и не думать об этом, но раз уж все равно...»

Гулко хлопнул люк. Голос Быкова сказал:

— Ну что, Михаил?

— Заканчиваем первый виток, Алешенька. Упали на пятьсот километров.

— Так... — Было слышно, как по рубке пнули пласт-

массовыми осколками. — Так, значит. Связи с Амальтеей, конечно, нет.

— Приемник молчит, — вздохнув, сказал Михаил Антонович. — Передатчик работает, но ведь здесь такие радиобури...

— Что твои расчеты?

— Я уже почти кончил, Алешенька. Получается так, что мы провалимся на шесть-семь мегаметров и там повиснем. Будем плавать, как говорит Володя. Давление огромное, но нас не раздавит, это ясно. Только будет очень тяжело — там сила тяжести два—два с половиной «же».

— Угу, — сказал Быков. Он некоторое время молчал, затем сказал: — У тебя какая-нибудь идея есть?

— Что?

— Я говорю, у тебя какая-нибудь идея есть? Как отсюда выбраться?

— Что ты, Алешенька, — штурман говорил ласково, почти заискивающе. — Какие уж тут идеи! Это же Юпитер. Я как-то даже и не слыхал, чтобы отсюда... выбирались.

Наступило долгое молчание. Жилин снова принялся работать, быстро и бесшумно. Потом Михаил Антонович вдруг сказал:

— Ты не вспоминай о ней, Алешенька. Тут уж лучше не вспоминать, а то так гадко становится, право...

— А я и не вспоминаю, — сказал Быков неприятным голосом. — И тебе, штурман, не советую. Иван! — заорал он.

— Да? — откликнулся Жилин, заторопившись.

— Ты все возишься?

— Сейчас кончаю.

Было слышно, как капитан идет к нему, пиная пластмассовые осколки.

— Мусор, — бормотал он. — Кабак. Бедлам.

Он вышел из-за кожуха и опустился рядом с Жилиным на корточки.

— Сейчас кончаю, — повторил Жилин.

— А ты не торопишься, бортинженер, — сказал Быков сердито.

Он засопел и принялся вытаскивать из футляра запасные блоки. Жилин подвинулся немного, чтобы освободить ему место. Они оба были широкие и гро-

мадные, и им было немного тесно перед комбайном. Работали молча и быстро, и было слышно, как Михаил Антонович снова запустил вычислитель и замурлыкал.

Когда сборка окончилась, Быков позвал:

— Михаил, иди сюда.

Он выпрямился и вытер пот со лба. Потом отодвинул ногой груду битых пластин и включил общий контроль. На экране комбайна вспыхнула трехмерная схема отражателя. Изображение медленно поворачивалось.

— Ой-ёй-ёй, — сказал Михаил Антонович.

«Тик-тик-тик», — поползла из вывода голубая лента записи.

— А микропробоин мало, — негромко сказал Жилин.

— Что микропробоины, — сказал Быков и нагнулся к самому экрану. — Вот где главная-то сволочь.

Схема отражателя была окрашена в синий цвет. На синем белели рваные пятна. Это были места, где либо пробило слои мезовещества, либо разрушило систему контрольных ячеек. Белых пятен было много, а на краю отражателя они сливались в неровную белую кляксу, занимавшую не менее восьмой части поверхности параболоида.

Михаил Антонович махнул рукой и вернулся к вычислителю.

— Петарды пускать таким отражателем, — пробормотал Жилин.

Он потянулся за комбинезоном, вытряхнул из него Варечку и принялся одеваться: в рубке снова стало холодно. Быков все еще стоял, глядел на экран и грыз ноготь. Потом он подобрал ленту записи и бегло просмотрел ее.

— Жилин, — сказал вдруг он. — Бери два сигматестера, проверь питание и ступай в кессон. Я буду тебя там ждать. Михаил, бросай все и займись креплением пробоин. Все бросай, я сказал.

— Куда ты собрался, Лешенька? — спросил Михаил Антонович с удивлением.

— Наружу, — коротко ответил Быков и вышел.

— Зачем? — спросил Михаил Антонович, повернувшись к Жилину.

Жилин пожал плечами. Он не знал зачем. Починить зеркало в Пространстве, в рейсе, без специалистов-мезохимиков, без огромных кристаллизаторов, без реактор-

ных печей просто немыслимо, как, например, притянуть Луну к Земле голыми руками. А в таком виде, в таком состоянии, как сейчас, с отбитым краем, отражатель мог придать «Тахмасибу» только вращательное движение. Такое же, как в момент катастрофы.

— Чепуха какая-то, — сказал Жилин нерешительно.

Он посмотрел на Михаила Антоновича, а Михаил Антонович посмотрел на него. Они молчали, и вдруг оба страшно заторопились. Михаил Антонович суетливо собрал свои листки и поспешно сказал:

— Ну, иди. Иди, Ванюша, ступай скорее.

В кессоне Быков и Жилин влезли в пустолазные скафандры и с некоторым трудом втиснулись в лифт. Коробка лифта стремительно понеслась вниз вдоль гигантской трубы фотореактора, на которую нанизывались все узлы корабля — от жилой гондолы до параболического отражателя.

— Хорошо, — сказал Быков.

— Что хорошо? — спросил Жилин.

Лифт остановился.

— Хорошо, что лифт работает, — ответил Быков.

— А, — разочарованно вздохнул Жилин.

— Мог бы и не работать, — строго сказал Быков. — Лез бы ты тогда двести метров туда и обратно.

Они вышли из шахты лифта и остановились на верхней площадке параболоида. Вниз покато уходил черный рубчатый купол отражателя. Отражатель был огромен—семьсот пятьдесят метров в длину и полкилометра в растворе. Края его не было видно отсюда. Над головой нависал громадный серебристый диск грузового отсека. По сторонам его, далеко вынесенные на кронштейнах, полыхали бесшумным голубым пламенем жерла водородных ракет. А вокруг странно мерцал необычайный и грозный мир.

Слева тянулась стена рыжего тумана. Далеко внизу, невообразимо глубоко под ногами, туман расслаивался на жирные тугие ряды облаков с темными прогалинами между ними. Еще дальше и еще глубже эти облака сливались в плотную коричневатую гладь. Справа стояло сплошное розовое марево, и Жилин вдруг увидел Солнце — ослепительный ярко-розовый маленький диск.

— Начали, — сказал Быков. Он сунул Жилину моток тонкого троса. — Закрепи в шахте, — сказал он.

На другом конце троса он сделал петлю и затянул ее вокруг пояса. Затем он повесил себе на шею оба тестера и перекинул ногу через перила.

— Вытравливай понемногу, — сказал он. — Я пошел.

Жилин стоял возле самых перил, вцепившись в трос обеими руками, и смотрел, как толстая неуклюжая фигура в блестящем панцире медленно сползает за выпуклость купола. Панцирь отсвечивал розовым, и на черном рубчатом куполе тоже лежали неподвижные розовые блики.

— Живее вытравливай, — сказал в шлемофоне сердитый голос Быкова.

Фигура в панцире скрылась, и на рубчатой поверхности осталась только блестящая тугая нитка троса. Жилин стал смотреть на Солнце. Иногда розовый диск затягивала мгла, тогда он становился еще более резким и совсем красным. Жилин поглядел под ноги и увидел на площадке свою смутную розоватую тень.

— Гляди, Иван, — сказал голос Быкова. — Вниз гляди, вниз!

Жилин поглядел. Глубоко внизу из коричневой глади странным призраком выплыл исполинский белесый бугор, похожий на чудовищную поганку. Он медленно раздавался вширь, и можно было различить на его поверхности шевелящийся, словно клубок змей, струйчатый узор.

— Экзосферный протуберанец, — сказал Быков. — Большая редкость, кажется. Жалко, надо бы ребятам показать.

Он имел в виду планетологов. Бугор вдруг засветился изнутри дрожащим сиреневым светом.

— Ух ты... — невольно сказал Жилин.

— Вытравливай, — сказал Быков.

Жилин вытравил еще немного троса, не спуская глаз с протуберанца. Сначала ему показалось, что «Тахмасиб» летит прямо на протуберанец, но через минуту он понял, что корабль пройдет гораздо левее. Протуберанец оторвался от коричневой глади и поплыл в розовое марево, волоча за собой клейкий хвост желтых прозрачных нитей. В нитях опять вспыхнуло сиреневое зарево и быстро погасло. Протуберанец растаял в розовом свете.

Быков работал долго. Несколько раз он поднимался

на площадку, немного отдыхал и снова спускался, каждый раз выбирая новое направление. Когда он поднялся в третий раз, у него был только один тестер. «Уронил»,— коротко сказал он. Жилин терпеливо вытравливал трос, упираясь ногой в перила. В таком положении он чувствовал себя очень устойчиво и мог озираться по сторонам. Но по сторонам ничего не менялось. Только когда капитан поднялся в шестой раз и буркнул: «Довольно. Пошли», — Жилин вдруг подумал, что рыжая туманная стена слева — облачная поверхность Юпитера — стала заметно ближе.

В рубке было чисто, Михаил Антонович вымел осколки и теперь сидел на своем обычном месте, нахохлившись, в меховой куртке поверх комбинезона. Изо рта у него шел пар, — в рубке было холодно. Быков сел в кресло, упер руки в колени и пристально поглядел сначала на штурмана, потом на Жилина. Штурман и Жилин ждали.

— Ты закрепил пробоины? — спросил Быков штурмана.

Михаил Антонович несколько раз кивнул.

— Есть шанс, — сказал Быков. Михаил Антонович выпрямился и шумно перевел дух. Жилин глотнул от волнения. — Есть шанс, — повторил Быков. — Но он очень маленький. И совершенно фантастический.

— Говори, Алешенька, — тихо попросил штурман.

— Сейчас скажу, — сказал Быков и прокашлялся. — Шестнадцать процентов отражателя вышли из строя. Вопрос такой: можем ли мы заставить работать остальные восемьдесят четыре? Даже меньше, чем восемьдесят четыре, потому что процентов десять еще не контролируется — разрушена система контрольных ячеек.

Штурман и Жилин молчали, вытянув шеи.

— Можем, — сказал Быков. — Во всяком случае, можем попробовать. Надо сместить точку сгорания плазмы так, чтобы скомпенсировать асимметрию поврежденного отражателя.

— Ясно, — сказал Жилин дрожащим голосом.

Быков поглядел на него.

— Это наш единственный шанс. Мы с Иваном займемся переориентацией магнитных ловушек. Иван вполне может работать. Ты, Миша, рассчитаешь нам новое положение точки сгорания в соответствии со схемой

повреждения. Схему ты сейчас получишь. Это сумасшедшая работа, но это наш единственный шанс.

Он смотрел на штурмана, и Михаил Антонович поднял голову и встретился с ним глазами. Они отлично и сразу поняли друг друга. Что можно не успеть. Что там, внизу, в условиях чудовищного давления коррозия начнет разъедать корпус корабля и корабль может растаять, как рафинад в кипятке, раньше, чем они закончат работу. Что нечего и думать скомпенсировать асимметрию полностью. Что никто и никогда не пытался водить корабли с такой компенсацией, на двигателе, ослабленном по меньшей мере в полтора раза...

— Это наш единственный шанс, — громко сказал Быков.

— Я сделаю, Лешенька, — сказал Михаил Антонович. — Это нетрудно—рассчитать новую точку. Я сделаю.

— Схему мертвых участков я тебе сейчас дам, — повторил Быков. — И нам надо страшно спешить. Скоро начнется перегрузка, и будет очень трудно работать. А если мы провалимся очень глубоко, станет опасно включать двигатель, потому что возможна цепная реакция в сжатом водороде. — Он подумал и добавил: — И мы превратимся в газ.

— Ясно, — сказал Жилин. Ему хотелось начать сию же минуту, немедленно.

Михаил Антонович протянул руку с коротенькими пальцами и сказал тонким голосом:

— Схему, Лешенька, схему.

На панели аварийного пульта замигали три красных огонька.

— Ну вот, — сказал Михаил Антонович. — В аварийных ракетах кончается горючее.

— Наплевать, — сказал Быков и встал.

Глава третья
ЛЮДИ В БЕЗДНЕ

Планетологи забавляются, а штурман уличен в контрабанде

— З-заряжай, — сказал Юрковский.

Он висел у перископа, втиснув лицо в замшевый нарамник. Он висел горизонтально, животом вниз, расто-

пырив ноги и локти, и рядом плавали в воздухе толстый дневник наблюдений и авторучка. Моллар тихо откатил крышку казенника, вытянул из стеллажа обойму бомбозондов и, подталкивая ее сверху и снизу, с трудом загнал в прямоугольную щель зарядной камеры. Обойма медленно и бесшумно скользнула на место. Моллар накатил крышку, щелкнул замком и сказал:

— Готов, Вольдемар.

Моллар прекрасно держался в условиях невесомости. Правда, иногда он делал резкие, неосторожные движения и повисал под потолком, и тогда приходилось стаскивать его обратно, и его иногда подташнивало, но для новичка, впервые попавшего в невесомость, он держался очень хорошо.

— Готов, — сказал Дауге от экзосферного спектрографа.

— З-залп, — скомандовал Юрковский.

Дауге нажал на спуск. «Ду-ду-ду-ду», — глухо заурчало в казеннике. И сейчас же — «тик-тик-тик» — затрещал затвор спектрографа. Юрковский увидел в перископ, как в оранжевом тумане, сквозь который теперь проваливался «Тахмасиб», один за другим вспыхивали и стремительно уносились вверх белые клубки пламени. Двадцать вспышек, двадцать лопнувших бомбозондов, несущих мезонные излучатели.

— С-славно, — сказал Юрковский негромко.

За бортом росло давление. Бомбозонды рвались все ближе. Они слишком быстро тормозились.

Дауге громко говорил в диктофон, заглядывая в отсчетное устройство спектроанализатора:

— Молекулярный водород — восемьдесят один и тридцать пять, гелий — семь и одиннадцать, метан — четыре и шестнадцать, аммиак — один ноль один... Усиливается неотождествленная линия... Говорил я им: поставьте считывающий автомат, неудобно же так...

— П-падаем, — сказал Юрковский. — Как мы п-падаем... М-метана уже только ч-четыре...

Дауге, ловко поворачиваясь, снимал отсчеты с приборов.

— Пока Кангрен прав, — сказал он. — Ну вот, батиметр уже отказал. Давление триста атмосфер. Больше нам давление не мерять.

— Ладно, — сказал Юрковский. — З-заряжай.

— Стоит ли? — сказал Дауге. — Батиметр отказал. Синхронизация будет нарушена.

— Д-давай попробуем, — сказал Юрковский. — З-заряжай.

Он оглянулся на Моллара. Моллар тихонько раскачивался под потолком, грустно улыбаясь.

— Стащи его, Григорий, — сказал Юрковский.

Дауге привстал, схватил Моллара за ногу и стащил вниз.

— Шарль, — сказал он терпеливо. — Не делайте порывистых движений. Зацепитесь носками вот здесь и держитесь.

Моллар тяжко вздохнул и откатил крышку казенника. Пустая обойма выплыла из зарядной камеры, стукнула его в грудь и медленно полетела к Юрковскому. Юрковский увернулся.

— О, опьять! — сказал Моллар виновато. — Простите, Володья. О, этот невесомость!

— З-заряжай, заряжай, — сказал Юрковский.

— Солнце, — сказал вдруг Дауге.

Юрковский припал к перископу. В оранжевом тумане на несколько секунд появился смутный красноватый диск.

— Это последний раз, — сказал Дауге, кашлянув.

— Ви уже три раза говорили последний раз, — сказал Моллар, накатывая крышку. Он нагнулся, проверяя замок. — Прощай, Солнце, как говорилль капитан Немо. Но получилось, что не последний раз. Я готов, Вольдемар.

— И я готов, — сказал Дауге. — Может быть, все-таки кончим?

В обсерваторный отсек, лязгая по полу магнитными подковами, вошел Быков.

— Кончайте работу, — сказал он угрюмо.

— П-поч-чему? — спросил Юрковский, обернувшись.

— Большое давление за бортом. Еще полчаса, и ваши бомбы будут рваться в этом отсеке.

— З-залп, — торопливо сказал Юрковский. Дауге поколебался немного, но все-таки нажал на спуск. Быков дослушал «ду-ду-ду» в казеннике и сказал:

— И хватит. Задраить все тестерные пазы. Эту штуку, — он показал на казенник, — заклинить. И как следует.

— А п-перископ-пические н-наблюдения в-вести нам еще разрешается? — спросил Юрковский.

— Перископические разрешается, — сказал Быков. — Забавляйтесь.

Он повернулся и вышел. Дауге сказал:

— Ну вот, так и знал. Ничего не получилось. Синхронизации нет.

Он выключил приборы и стал вытаскивать катушку из диктофона.

— Иог-ганыч, — сказал Юрковский. — П-по-мое-му, Алексей что-то з-задумал, к-как ты думаешь?

— Не знаю, — сказал Дауге и посмотрел на него. — С чего ты взял?

— У н-него т-такая особенная морда, — сказал Юрковский. Я его з-знаю.

Некоторое время все молчали, только глубоко вздыхал Моллар, которого подташнивало. Потом Дауге сказал:

— Я хочу есть. Где суп, Шарль? Вы разлили суп, мы голодны. А кто сегодня дежурный, Шарль?

— Я, — сказал Шарль. При мысли о еде его затошнило сильнее. Но он сказал: — Я пойду и приготовлю новый суп.

— Солнце! — сказал Юрковский.

Дауге прижался подбитым глазом к окуляру видоискателя.

— Вот видите, — сказал Моллар. — Опьять Солнце.

— Это не Солнце, — сказал Дауге.

— Д-да, — сказал Юрковский.—Это, п-пожалуй, н-не Солнце.

Далекий клубок света в светло-коричневой мгле бледнел, разбухая, расплылся серыми пятнами и исчез. Юрковский смотрел, стиснув зубы так, что трещало в висках. «Прощай, Солнце, — подумал он. — Прощай, Солнце».

— Я есть хочу, — сердито сказал Дауге. — Пойдемте на камбуз, Шарль.

Он ловко оттолкнулся от стены, подплыл к двери и раскрыл ее. Моллар тоже оттолкнулся и ударился головой о карниз. Дауге поймал его за руку с растопыренными пальцами и вытащил в коридор. Юрковский слышал, как Иоганыч спросил: «Ну, как жизнь, хорошё-о?» Моллар ответил: «Хорошё-о, но очень неудобно». — «Ни-

чего, — сказал Дауге бодрым голосом. — Скоро привыкнете».

Ничего, подумал Юрковский, скоро все кончится. Он заглянул в перископ. Было видно, как вверху, откуда падал планетолет, сгущается коричневый туман, но снизу, из непостижимых глубин, из бездонных глубин водородной пропасти, брезжил странный розовый свет. Тогда Юрковский закрыл глаза. Жить, подумал он. Жить долго. Жить вечно. Он вцепился обеими руками в волосы и зажмурился. Оглохнуть, ослепнуть, онеметь, только жить. Только чувствовать на коже солнце и ветер, а рядом — друга. Боль, бессилие, жалость. Как сейчас. Он с силой рванул себя за волосы. Пусть как сейчас, но всегда. Вдруг он услышал, что громко сопит, и очнулся. Ощущение непереносимого, сумасшедшего ужаса и отчаяния исчезло. Так уже бывало с ним — двенадцать лет назад на Марсе, и десять лет назад на Голконде, и в позапрошлом году тоже на Марсе. Приступ сумасшедшего желания просто жить, желания темного и древнего, как сама протоплазма. Словно короткий обморок. Но это проходит. Это надо перетерпеть, как боль. И сразу о чем-нибудь позаботиться. Лешка приказал задраить тестерные пазы. Он отнял руки от лица, раскрыл глаза и увидел, что сидит на полу. Падение «Тахмасиба» тормозилось, вещи обретали вес.

Юрковский потянулся к маленькому пульту и задраил тестерные пазы — амбразуры в прочной оболочке жилой гондолы, в которые вставляются рецепторы приборов. Затем он тщательно заклинил казенник бомбосбрасывателя, собрал разбросанные обоймы от бомбозондов и аккуратно сложил их в стеллаж. Он заглянул в перископ, и ему показалось — да так оно, наверное, и было на самом деле, — что тьма вверху стала гуще, а розовое сияние внизу сильнее. Он подумал, что на такую глубину в Юпитер не проникал еще ни один человек, разве что Сережа Петрушевский, светлая ему память, но и он скорее всего взорвался раньше. У него тоже был расколот отражатель.

Он вышел в коридор и направился в кают-компанию, заглядывая по пути во все каюты. «Тахмасиб» еще падал, хотя с каждой минутой все медленнее, и Юрковский шел на цыпочках, словно под водой, балансируя

руками и время от времени делая непроизвольные прыжки.

В пустынном коридоре вдруг разнесся приглушенный вопль Моллара, похожий на воинственный клич: «Как жизнь, Грегуар, хорошё-о?» Видимо, Дауге удалось привести радиооптика в обычное настроение. Ответа Грегуара Юрковский не расслышал. «Хорошё-о», — пробормотал он и не заметил, что не заикается. Все-таки хорошо.

Он заглянул в каюту Михаила Антоновича. В каюте было темно и стоял странный пряный запах. Юрковский вошел и включил свет. Посреди каюты валялся развороченный чемодан. Никогда еще Юрковский не видел чемодана в таком состоянии. Так чемодан мог бы выглядеть, если бы в нем лопнул бомбозонд. Матовый потолок и стены каюты были заляпаны коричневыми, скользкими на вид кляксами. От клякс исходил вкусный пряный аромат. Мидии со специями, сразу определил Юрковский. Он очень любил мидии со специями, но они, к сожалению, были безусловно исключены из рациона межпланетников. Он оглянулся и увидел над самой дверью блестящее черное пятно — метеоритная пробоина. Все отсеки жилой гондолы были герметическими. При попадании метеорита подача воздуха в них автоматически перекрывалась до тех пор, пока смолопласт — вязкая и прочная прокладка корпуса — не затягивал пробоину. На это требуется всего одна, максимум две секунды, но за это время давление в отсеке может сильно упасть. Это не очень опасно для человека, но смертельно для контрабандных консервов. Консервы просто взрываются. Особенно пряные консервы. «Контрабанда, — подумал Юрковский. — Старый чревоугодник. Ну, будет тебе от капитана. Быков не выносит контрабанды».

Юрковский осмотрел каюту еще раз и заметил, что черное пятно пробоины слабо серебрится. «Ага, — подумал он. — Кто-то уже прометаллизировал пробоины. Правильно, иначе под таким давлением смолопластовые пробки просто вдавило бы внутрь». Он выключил свет и вернулся в коридор. И тогда он ощутил усталость и свинцовую тяжесть во всем теле. «О черт, как я раскис!» — подумал он и вдруг почувствовал, что лента, на которой висел микрофон, режет шею. Он понял, в чем дело. Перелет заканчивается. Через несколько минут тяжесть

станет двойной, и над головой будет десять тысяч километров сжатого водорода, а под ногами шестьдесят тысяч километров очень сжатого, жидкого, твердого водорода. Каждый килограмм тела будет весить два килограмма, а то и больше. «Бедный Шарль, — подумал Юрковский. — Бедный Миша».

— Вольдемар, — позвал сзади Моллар. — Вольдемар, помогите нам везти суп. Очень тяжелый суп.

Юрковский оглянулся. Дауге и Моллар, красные и потные, тащили из дверей камбуза грузно вихляющийся столик на колесах. На столике слабо дымились три кастрюльки. Юрковский пошел навстречу и вдруг почувствовал, как стало тяжело. Моллар слабо ахнул и сел на пол. «Тахмасиб» остановился. «Тахмасиб» с экипажем, с пассажирами и с грузом прибыл на последнюю станцию.

Планетологи пытают штурмана, а радиооптик пытает планетологов

— Кто готовил этот обед? — спросил Быков.

Он оглядел всех и снова уставился на кастрюльки. Михаил Антонович тяжело, со свистом дышал, навалившись грудью на стол. Лицо у него было багровое, отекшее.

— Я, — несмело сказал Моллар.

— А в чем дело? — спросил Дауге.

Голоса у всех были сиплые. Все говорили с трудом, едва выталкивая из себя слова. Моллар криво улыбнулся и лег на диван лицом вверх. Ему было плохо. «Тахмасиб» больше не падал, и тяжесть становилась непереносимой. Быков посмотрел на Моллара.

— Этот обед вас убьет, — сказал он. — Съедите этот обед и больше не встанете. Он вас раздавит, вы понимаете?

— О черт, — сказал Дауге с досадой. — Я забыл о тяжести.

Моллар лежал с закрытыми глазами и тяжело дышал. Челюсть у него отвисла.

— Съедим бульону, — сказал Быков. — И все. Больше ни кусочка. — Он поглядел на Михаила Антоновича

и оскалил зубы в нерадостной усмешке. — Ни кусочка,— повторил он.

Юрковский взял половник и стал разливать бульон по тарелкам.

— Тяжелый обед, — сказал он.

— Вкусно пахнет, — сказал Михаил Антонович. — Может быть, дольешь мне еще чуть-чуть, Володенька?

— Хватит, — жестко сказал Быков. Он медленно хлебал бульон, по-детски зажав ложку в кулаке, измазанном графитовой смазкой.

Все молча стали есть. Моллар с трудом приподнялся и снова лег.

— Не могу, — сказал он. — Простите меня, не могу.

Быков положил ложку и встал.

— Рекомендую всем пассажирам лечь в амортизаторы, — сказал он. Дауге отрицательно покачал головой. — Как угодно. Но Моллара уложите в амортизатор непременно.

— Хорошо, — сказал Юрковский.

Дауге взял тарелку, сел на диван рядом с Молларом и принялся кормить его с ложки, как больного. Моллар громко глотал, не открывая глаз.

— А где Иван? — спросил Юрковский.

— На вахте, — ответил Быков. Он взял кастрюлю с остатками супа и пошел к люку, тяжело ступая на прямых ногах. Юрковский, поджав губы, глядел в его согнутую спину.

— Всё, мальчики, — сказал Михаил Антонович жалким голосом. — Начинаю худеть. Так все-таки нельзя. Я сейчас вешу двести с лишним кило, подумать страшно. И будет еще хуже. Мы всё еще падаем немножко.

Он откинулся на спинку кресла и сложил на животе отекающие руки. Затем поворочался немного, положил руки на подлокотник и почти мгновенно заснул.

— Спит, толстяк, — сказал Дауге, оглянувшись на него. — Корабль затонул, а штурман заснул. Ну, еще ложечку, Шарль. За папу. Вот так. А теперь за маму.

— Нье могу, простите, — пролепетал Моллар. — Нье могу. Я льягу. — Он лег и начал неразборчиво бормотать по-французски.

Дауге поставил тарелку на стол.

— Михаил, — позвал он негромко. — Миша.

Михаил Антонович раскатисто храпел.

— С-сейчас я его ра-азбужу, — сказал Юрковский. — Михаил, — сказал он вкрадчивым голосом. — М-мидии. М-мидии со с-специями.

Михаил Антонович вздрогнул и проснулся.

— Что? — пробормотал он. — Что?

— Нечистая с-совесть, — сказал Юрковский.

Дауге поглядел на штурмана в упор.

— Что вы там делаете в рубке? — спросил он.

Михаил Антонович поморгал красными веками, потом заерзал на кресле, едва слышно сказал: «Ах, я совсем забыл...» — и попытался подняться.

— Сиди, — сказал Дауге.

— Т-так что вы там д-делаете?

— Ничего особенного, — сказал Михаил Антонович и оглянулся на люк в рубку. — Право, ничего, мальчики. Так только...

— М-миша, — сказал Юрковский. — М-мы же видим, что он что-то з-задумал.

— Говори, толстяк, — сказал Дауге свирепо.

Штурман снова попытался подняться.

— С-сиди, — сказал Юрковский безжалостно. — Мидии. Со специями. Говори.

Михаил Антонович стал красен как мак.

— Мы не дети, — сказал Дауге. — Нам уже приходилось умирать. Какого беса вы там секретничаете?

— Есть шанс, — едва слышно пробормотал штурман.

— Шанс всегда есть, — возразил Дауге. — Конкретнее.

— Ничтожный шанс, — сказал Михаил Антонович. — Право, мне пора, мальчики.

— Что они делают? — спросил Дауге. — Чем они заняты, Лешка и Иван?

Михаил Антонович с тоской поглядел на люк в рубку.

— Он не хочет вам говорить, — прошептал он. — Он не хочет вас зря обнадеживать. Алексей надеется выбраться. Они там перестраивают систему магнитных ловушек... И отстаньте от меня, пожалуйста! — закричал он тонким пронзительным голосом, кое-как встал и заковылял в рубку.

— Mon dieu, — тихо сказал Моллар и снова лег навзничь.

— А, все это ерунда, барахтанье, — сказал Дауге. — Конечно, Быков не способен сидеть спокойно, когда

костлявая берет нас за горло. Пошли. Пойдемте, Шарль, мы уложим вас в амортизатор. Приказ капитана.

Они взяли Моллара под руки с двух сторон, подняли и повели в коридор. Голова Моллара болталась.

— Mon dieu, — бормотал он.—Простите. Я есть весьма плёхой межпланетникь. Я есть только всего радиооптикь.

Это было очень трудно — идти самим и тащить Моллара, но они все-таки добрались до его каюты и уложили радиооптика в амортизатор. Он лежал в длинном, не по росту, ящике, маленький, жалкий, задыхающийся, с посиневшим лицом.

— Сейчас вам станет хорошо, Шарль, — сказал Дауге.

Юрковский молча кивнул и сейчас же сморщился от боли в позвоночнике.

— П-полежите, отдо-охните, — сказал он.

— Хорошоё-о, — сказал Моллар. — Спасибо, товарищи.

Дауге задвинул крышку и постучал. Моллар постучал в ответ.

— Ну, хорошо, — сказал Дауге. — Теперь бы нам костюмы для перегрузок...

Юрковский пошел к выходу. На корабле было только три костюма для перегрузок — костюмы экипажа. Пассажирам при перегрузках полагалось лежать в амортизаторах.

Они обошли все каюты и собрали все одеяла и подушки. В обсерваторном отсеке они долго устраивались у перископов, обкладывали себя мягким со всех сторон, а потом легли и некоторое время молчали, отдыхая. Дышать было трудно. Казалось, на грудь давит многопудовая гиря.

— П-помню, на курсах нам давали с-сильные перегрузки, — сказал Юрковский. — П-пришлось сбрасывать в-вес.

— Да, — сказал Дауге. — Я совсем забыл. Что это за чепуха про мидии со специями?

— В-вкусная вещь, правда? — сказал Юрковский. — Наш штурман в-вез тайком от к-капитана н-несколько банок, и они взорвались у него в ч-чемодане.

— Ну? — сказал Дауге. — Опять? Ну и лакомка. Ну

и контрабандист! Его счастье, что Быкову сейчас не до этого.

— Б-быков, наверное, еще н-не знает, — сказал Юрковский.

«И никогда не узнает», — подумал он. Они помолчали, потом Дауге взял дневники наблюдений и стал их просматривать. Они немного посчитали, потом поспорили относительно метеоритной атаки. Дауге сказал, что это был случайный рой. Юрковский объявил, что это кольцо. «Кольцо у Юпитера?» — презрительно сказал Дауге. «Да, — сказал Юрковский. — Я давно это подозревал. И теперь вот убедился». — «Нет, — сказал Дауге. — Все-таки это не кольцо. Это полукольцо». — «Ну и пусть полукольцо», — согласился Юрковский. «Кангрен большой молодец, — сказал Дауге. — Его расчеты просто замечательно точны». — «Не совсем», — сказал Юрковский. «Это почему же?» — осведомился Дауге. «Потому что температура растет заметно медленнее», — объяснил Юрковский. «Это внутреннее свечение неклассического типа», — возразил Дауге. «Да, неклассического», — сказал Юрковский. «Кангрен не мог этого учесть», — сказал Дауге. «Надо было учесть, — сказал Юрковский. — Об этом уже сто лет спорят, надо было учесть». — «Просто тебе стыдно, — сказал Дауге. — Ты так бранился с Кангреном в Дублине, и теперь тебе стыдно». — «Балда ты, — сказал Юрковский. — Я учитывал неклассические эффекты». — «Знаю», — сказал Дауге. «А если знаешь, — сказал Юрковский, — то не болтай глупостей». — «Не ори на меня, — сказал Дауге. — Это не глупости. Неклассические эффекты ты учел, а цена этому, сам видишь, какая». — «Это тебе такая цена, — рассердился Юрковский. — До сих пор не читал моей последней статьи». — «Ладно, — сказал Дауге, — не сердись. У меня спина затекла». — «У меня тоже», — сказал Юрковский. Он перевернулся на живот и встал на четвереньки. Это было нелегко. Он дотянулся до перископа и заглянул.

— П-посмотри-ка, — сказал он.

Они стали смотреть в перископы. «Тахмасиб» плавал в пустоте, заполненной розовым светом. Не видно было ни одного предмета, никакого движения, на котором мог бы задержаться взгляд. Только ровный розовый свет. Казалось, что смотришь в упор на фосфоресцирую-

щий экран. После долгого молчания Юрковский сказал:

— Скучно.

Он поправил подушки и снова лег на спину.

— Этого еще никто не видел, — сказал Дауге. — Это свечение металлического водорода.

— Т-таким н-наблюдениям, — сказал Юрковский, — грош цена. Может, пристроим к п-перископу с-спектрограф?

— Глупости, — сказал Дауге, еле шевеля губами. Он сполз на подушки и тоже лег на спину. — Жалко, — сказал он. — Ведь этого еще никто никогда не видел.

— Д-до чего м-мерзко ничего не делать, — сказал Юрковский с тоской. Дауге вдруг приподнялся на локте и нагнул голову, прислушиваясь. — Что ты? — спросил Юрковский.

— Тише, — сказл Дауге. — Послушай.

Юрковский прислушался. Низкий, едва слышный гул доносился откуда-то, волнообразно нарастая и снова затихая, словно гудение гигантского шмеля. Гул перешел в жужжание, стал выше и смолк.

— Что это? — спросил Дауге.

— Не знаю, — отозвался Юрковский вполголоса. Он сел. — Может быть, это двигатель.

— Нет, это оттуда. — Дауге махнул рукой в сторону перископов. — Ну-ка... — он опять прислушался, и снова послышалось нарастающее гудение.

— Надо поглядеть, — сказал Дауге. Гигантский шмель смолк, но через секунду загудел снова. Дауге поднялся на колени и уткнулся лицом в нарамник перископа. — Смотри! — закричал он.

Юрковский тоже подполз к перископу.

— Смотри, как здорово! — крикнул Дауге.

Из желто-розовой бездны поднимались огромные радужные шары. Они были похожи на мыльные пузыри и переливались зеленым, синим, красным. Это было очень красиво и совершенно непонятно. Шары поднимались из пропасти с низким нарастающим гулом, быстро проносились и исчезали из поля зрения. Они все были разных размеров, и Дауге судорожно вцепился в рубчатый барабан дальномера. Один шар, особенно громадный и колыхающийся, прошел совсем близко. На несколько мгновений обсерваторный отсек заполнился нестерпимо низким, зудящим гулом, и планетолет слегка качнуло.

— Эй, в обсерватории, — раздался в репродукторе голос Быкова. — Что это за бортом?

— Ф-феномены, — сказал Юрковский, пригнув голову к микрофону.

— Что? — спросил Быков.

— П-пузыри какие-то, — пояснил Юрковский.

— Это я и сам вижу, — проворчал Быков и замолчал.

— Это уже не металлический водород, — сказал Юрковский, почти не заикаясь.

Пузыри исчезли.

— Вот, — сказал Дауге. — Диаметры: пятьсот, девятьсот и три тысячи триста метров. Если, конечно, здесь не искажается перспектива. Больше я не успел. Что это может быть?

В розовой пустоте пронеслись еще два пузыря. Вырос и сейчас же смолк густой басовый звук.

— М-машина п-планеты р-работает, — сказал Юрковский. — И мы никогда не узнаем, что там происходит...

— Пузыри в газе, — сказал Дауге. — А впрочем, какой это газ — плотность как у бензина...

Он обернулся. На пороге открытой двери сидел Моллар, прислонившись виском к косяку. От тяжести вся кожа на его лице сползла к подбородку. У него был белый лоб и темно-вишневая шея.

— Это есть я, — сказал Моллар.

Он перевалился на живот и пополз к своему месту у казенника. Планетологи молча смотрели на него, затем Дауге встал, взял две подушки — у себя и у Юрковского — и помог Моллару устроиться поудобнее. Все *молчали*.

— Очень тоскливо, — сказал наконец Моллар. — Не могу один. Хочется говорить. — Он делал самые невообразимые ударения.

— Мы очень рады вам, Шарль, — сказал Дауге совершенно искренне. — Нам тоже тоскливо, и мы все время говорим.

Моллар попытался сесть, но раздумал и остался лежать, тяжело дыша и глядя в потолок.

— А к-как жизнь, Шарль? — спросил Юрковский с интересом.

— Жизнь хорошё-о, — сказал Моллар, бледно улыбаясь. — Только мало.

Дауге лег и тоже уставился в потолок. «Мало, — подумал он, — гораздо меньше, чем хочется». Он выругался вполголоса по-латышски.

— Что? — спросил Моллар.

— Он ругается, — объяснил Юрковский.

Моллар вдруг сказал высоким голосом:

— Друзья мои! — И планетологи разом повернулись к нему.

— Друзья мои! — сказал Моллар. — Что мне дьелатть? Ви есть опытные межпланьетники! Ви есть большие льюди и геройи. Да, геройи! Mon dieu! Ви смотрели в глаза смерти больше, чем я смотрелль в глаза девушки. — Он горестно помотал головой. — И я совсем не есть опытный. Мне страшно, и я хочу много говорить сейчас, но сейчас уже близок конец, и я не знаю как. Да, да, как надо сейчас говорить?

Он смотрел на Дауге и Юрковского блестящими глазами. Дауге неловко пробормотал: «О черт», — и оглянулся на Юрковского. Юрковский лежал, заложив руки за голову, и искоса глядел на Моллара.

— О черт, — сказал Дауге. — Я уже и забыл.

— М-могу рассказать, к-как мне однажды х-хотели ам-ампутировать н-ногу, — предложил Юрковский.

— Верно! — радостно сказал Дауге. — А потом вы, Шарль, тоже расскажете что-нибудь веселенькое...

— Ах, вы все шутите, — сказал Моллар.

— А еще можно спеть, — сказал Дауге. — Я про это читал. Вы нам споете, Шарль?

— Ах, — сказал Моллар. — Я совсем прокис.

— Отнюдь, — сказал Дауге. — Вы замечательно держитесь, Шарль. А это же самое главное. Правда, Шарль замечательно держится, а, Володя?

— К-конечно, — сказал Юрковский. — З-замечательно.

— А капитан не спит, — бодро продолжал Дауге. — Вы заметили, Шарль? Он что-то задумал, наш капитан.

— Да, — сказал Моллар. — Да! Наш капитан — это есть большая надежда.

— Еще бы, — сказал Дауге. — Вы даже не знаете, какая это большая надежда.

— М-метр девяносто пять, — сказал Юрковский.

Моллар засмеялся.

— Вы все шутите, — сказал он.

— А мы пока будем болтать и наблюдать, — сказал Дауге. — Хотите посмотреть в перископ, Шарль? Это красиво. Этого никто никогда не видел. — Он поднялся и приник к перископу. Юрковский увидел, как у него вдруг выгнулась спина. Дауге обеими руками взялся за нарамник. — Бог мой, — сказал он. — Планетолет!

В розовой пустоте висел планетолет. Он был виден совершенно отчетливо и во всех подробностях и находился, по-видимому, километрах в трех от «Тахмасиба». Это был фотонный грузовик первого класса с параболическим отражателем, похожим на растопыренную юбку, с круглой жилой гондолой и дисковидным грузовым отсеком, с тремя сигарами аварийных ракет на далеко вынесенных кронштейнах. Он висел вертикально и совершенно неподвижно. И он был серый, как на экране черно-белого кино.

— Кто же это? — пробормотал Дауге. — Неужели Петрушевский?

— П-погляди на отражатель, — сказал Юрковский.

Отражатель серого планетолета был обломан с края.

— Тоже не повезло ребятам, — сказал Дауге.

— О, — сказал Моллар. — А вон еще один.

Второй планетолет — точно такой же — висел дальше и глубже первого.

— И у этого обломан отражатель, — сказал Дауге.

— Я з-знаю, — сказал неожиданно Юрковский. — Это наш «Тахмасиб». М-мираж.

Это был двойной мираж. Несколько радужных пузырей стремительно поднялись из глубины, и призраки «Тахмасиба» исказились, задрожали и растаяли. А правее и выше появились еще три призрака.

— Какие красивые пузыри, — сказал Моллар. — Они поют.

Он снова лег на спину. У него пошла носом кровь, и он сморкался и морщился, и все поглядывал на планетологов, не видят ли они. Они, конечно, не видели.

— Вот, — сказал Дауге. — Ты говоришь, что здесь скучно.

— Я н-не говорю, — сказал Юрковский.

— Нет, говоришь, — сказал Дауге. — Ты брюзжишь, что скучно.

Оба старались не глядеть на Моллара. Кровь остановить было нельзя. Она свернется сама. Радиооптика

нужно было бы отнести в амортизатор, но... Ничего, она свернется. Моллар тихо сморкался.

— А вон еще мираж, — сказал Дауге. — Но это не корабль.

Юрковский заглянул в перископ. Не может быть, подумал он. Этого не может быть. Не тут, не в Юпитере. Под «Тахмасибом» медленно проплывала вершина громадной серой скалы. Основание ее тонуло в розовой дымке. Рядом поднималась другая скала — голая, отвесная, изрезанная глубокими прямыми трещинами. А еще дальше вырастала целая вереница таких же острых крутых вершин. И тишина в обсерваторном отсеке сменилась скрипами, шорохами, едва слышным гулом, похожим на эхо далеких-далеких горных обвалов.

— Эт-то н-не мираж, — проговорил Юрковский. — Эт-то п-похоже на ядро.

— Вздор, — сказал Дауге.

— В-возможно, все-таки у Юпитера есть я-ядро.

— Вздор, вздор, — нетерпеливо сказал Дауге.

Горная цепь тянулась под «Тахмасибом», и не было ей конца.

— Вон еще, — сказал Дауге.

Выше скалистых зубьев выступил темный бесформенный силуэт, вырос, превратился в изъеденный обломок черного камня и снова скрылся. Сейчас же за ним вслед появился другой, третий, а вдали, едва различимая, бледным пятном светилась округлая серая масса. Горный хребет внизу постепенно опускался и исчез из виду. Юрковский, не отрываясь от перископа, поднес к губам микрофон. Было слышно, как у него хрустнули суставы.

— Быков, — позвал он. — Алексей.

— Алеши нет, Володенька, — отозвался голос штурмана. Голос был сиплый и задыхающийся. — Он в машине.

— М-михаил, мы идем н-над с-скалами, — сказал Юрковский.

— Над какими скалами? — испуганно спросил Михаил Антонович.

Вдали прошла поразительно ровная, словно отполированная поверхность — огромная равнина, окаймленная невысокой грядой круглых холмов. Прошла и утонула в розовом.

— М-мы еще не все п-понимаем, — сказал Юрковский.

— Я сейчас посмотрю, Володенька, — сказал Михаил Антонович.

За перископом проплывала еще одна горная страна. Она плыла высоко вверху, и вершины гор были обращены вниз. Это было дикое, фантастическое зрелище, и Юрковский подумал сначала, что это опять мираж, но это был не мираж. Тогда он понял и сказал: «Это не ядро, Иоганыч. Это кладбище». Дауге не понял. «Это кладбище миров, — сказал Юрковский. — Джуп проглотил их».

Дауге долго молчал, а затем пробормотал:

— Какие открытия... Кольцо, розовое излучение, кладбище миров... Жаль. Очень жаль.

Он оглянулся и окликнул Моллара. Моллар не ответил. Он лежал ничком.

Они стащили Моллара в амортизатор, привели его в чувство, и он, измотанный, отекший, сразу заснул, словно упал в обморок. Потом они вернулись в обсерваторный отсек и снова повисли на перископах. Под «Тахмасибом», и рядом с «Тахмасибом», и временами над «Тахмасибом» медленно проплывали в потоках сжатого водорода обломки несозданных миров — горы, скалы, чудовищные потрескавшиеся глыбы, прозрачные серые облака пыли. Потом «Тахмасиб» отнесло в сторону, а в перископах остался только пустой, ровный розовый свет.

«Устал как собака, — сказал Дауге. Он перевернулся на бок, и у него затрещали кости. — Слышишь?» — «Слышу, — сказал Юрковский. — Давай смотреть». — «Давай», — сказал Дауге. «Я думал, это ядро»,—сказал Юрковский. «Этого не могло быть», — сказал Дауге. Юрковский стал тереть лицо ладонями. «Это ты так говоришь, — сказал он. — Давай смотреть».

Они еще многое увидели и услышали, или им казалось, что они увидели и услышали, потому что оба они страшно устали, и в глазах иногда темнело, и тогда исчезали стены обсерваторного отсека — оставался только ровный розовый свет. Они видели широкие неподвижные зигзаги молний, упиравшиеся в тьму наверху и в розовую бездну внизу, и слышали, как с железным громом пульсируют в них лиловые разряды. Они видели какие-

то колышущиеся пленки, проплывавшие с тонким свистом совсем рядом. Они разглядывали причудливые тени во мгле, которые двигались и шевелились, и Дауге спорил, что это объемные тени, а Юрковский доказывал, что Дауге бредит. И они слышали вой, и писк, и грохот, и странные звуки, похожие на голоса, и Дауге предложил зафиксировать эти звуки на диктофоне, но тут заметил, что Юрковский спит, лежа на животе. Тогда он повернул Юрковского на спину и снова вернулся к перископу.

В открытую дверь отсека вползла, волоча брюхо по полу, Варечка, синяя в крапинку, подобралась к Юрковскому и взгромоздилась к нему на колени. Дауге хотел прогнать ее, но у него уже совсем не было сил. Он даже не мог поднять голову. А Варечка тяжело вздымала бока и медленно мигала. Шипы на ее морде стояли ежом, и полумертвый хвост судорожно подергивался в такт дыханию.

Надо прощаться, а радиооптик не знает как

Это было трудно, невообразимо трудно работать в таких условиях. Жилин несколько раз терял сознание. Останавливалось сердце, и все заволакивалось красной мутью. И во рту все время чувствовался привкус крови. Жилину было очень стыдно, потому что Быков продолжал работать неутомимо, размеренно и точно, как машина. Быков был весь мокрый от пота, ему тоже было невообразимо трудно, но он, по-видимому, умел заставить себя не терять сознание. Уже через два часа у Жилина пропало всякое представление о цели работы, у него больше не осталось ни надежды, ни любви к жизни, но каждый раз, очнувшись, он продолжал прерванную работу, потому что рядом был Быков. Однажды он очнулся и не нашел Быкова. Тогда он заплакал. Но Быков скоро вернулся, поставил рядом с ним кастрюльку с супом и сказал: «Ешь». Он поел и снова взялся за работу. У Быкова было белое лицо и багровая отвисшая шея. Он тяжело и часто дышал. И он молчал. Жилин думал: «Если мы выберемся, я не пойду в межзвездную экспедицию, я не пойду в экспедицию на Плутон, я

никуда не пойду, пока не стану таким, как Быков. Таким обыкновенным и даже скучным в обычное время. Таким хмурым и немножко даже смешным. Таким, что трудно было поверить, глядя на него, в легенду о Голконде, в легенду о Каллисто и в другие легенды». Жилин помнил, как молодые межпланетники потихоньку посмеивались над «Рыжим Пустынником» — кстати, откуда взялось такое странное прозвище? — но он никогда не слышал, чтобы о Быкове отозвался пренебрежительно хоть один пилот или ученый старшего поколения. «Если я выберусь, я должен стать таким, как Быков. Если я не выберусь, я должен умереть, как Быков». Когда Жилин терял сознание, Быков молча заканчивал его работу. Когда Жилин приходил в себя, Быков так же молча возвращался на свое место.

Потом Быков сказал: «Пошли», — и они выбрались из камеры магнитной системы. У Жилина все плыло перед глазами, хотелось лечь, уткнуться носом во что-нибудь помягче и так лежать, пока не поднимут. Он выбирался вторым и застрял, и все-таки лег носом в холодный пол, но быстро пришел в себя и тогда увидел у самого лица ботинок Быкова. Ботинок нетерпеливо притопывал. Жилин напрягся и вылез из люка. Он сел на корточки, чтобы как следует задраить крышку. Замок не слушался, и Жилин стал рвать его исцарапанными пальцами. Быков возвышался рядом, как радиомачта, и смотрел не мигая сверху вниз.

— Сейчас, — торопливо сказал Жилин. — Сейчас...

Замок, наконец, встал на место.

— Готово, — сказал Жилин и выпрямился. Ноги тряслись в коленях.

— Пошли, — сказал Быков.

Они вернулись в рубку. Михаил Антонович спал в своем кресле у вычислителя. Он громко всхрапывал. Вычислитель был включен. Быков перегнулся через штурмана, взял микрофон селектора и сказал:

— Пассажирам собраться в кают-компании.

— Что? — спросил Михаил Антонович, встрепенувшись. — Что, уже?

— Уже, — сказал Быков. — Пойдем в кают-компанию.

Но он пошел не сразу — стоял и задумчиво наблюдал, как Михаил Антонович, болезненно морщась и

постанывая, выбирается из кресла. Затем он словно очнулся и сказал:

— Пойдем.

Они пошли в кают-компанию. Михаил Антонович сразу пробрался к дивану и сел, сложив руки на животе. Жилин тоже сел, чтобы не тряслись ноги, и стал смотреть в стол. На столе еще стояли стопкой грязные тарелки. Потом дверь в коридор открылась, и ввалились пассажиры. Планетологи тащили на себе Моллара. Моллар висел, волоча ноги и обхватив планетологов за плечи. В руке у него был зажат носовой платок весь в темных пятнах.

Дауге и Юрковский молча усадили Моллара на диван и сели по обе стороны от него. Жилин оглядел их. «Вот это да, — подумал он. — Неужели и у меня такая морда?» Он украдкой ощупал лицо. Ему показалось, что щеки у него очень тощие, а подбородок очень толстый, как у Михаила Антоновича. Под кожей бегали мурашки, как в отсиженной ноге. «Отсидел физиономию», — подумал Жилин.

— Так, — сказал Быков. Он сидел на стуле в углу и теперь встал, подошел к столу и тяжело оперся о него. Моллар неожиданно подмигнул Жилину и закрыл лицо пятнистым платком. Быков холодно посмотрел на него. Затем он стал смотреть в стену.

— Так, — повторил он. — Мы были заняты пере-о-бо-ру-до-ва-нием «Тахмасиба». Мы закончили пере-о-бо-ру-до-ва-ние. — Это слово никак не давалось ему, но он упрямо дважды повторил его, выговаривая по слогам. — Мы теперь можем использовать фотонный двигатель, и я решил его использовать. Но сначала я хочу поставить вас в известность о возможных последствиях. Предупреждаю, решение принято, и я не собираюсь с вами советоваться и спрашивать вашего мнения...

— Короче, Алексей, — сказал Дауге.

— Решение принято, — сказал Быков. — Но я считаю, что вы вправе знать, чем это все может кончиться. Во-первых, включение фотореактора. может вызвать взрыв в сжатом водороде вокруг нас. Тогда «Тахмасиб» будет разрушен полностью. Во-вторых, первая вспышка плазмы может уничтожить отражатель, — возможно, внешняя поверхность зеркала уже истончена коррозией. Тогда мы останемся здесь и... В общем, понятно. В-тре-

тьих, наконец, «Тахмасиб» может благополучно выбраться из Юпитера и...

— Понятно, — сказал Дауге.

— И продовольствие будет доставлено на Амальтею, — сказал Быков.

— П-продовольствие б-будет век б-благодарить Б-быкова, — сказал Юрковский. Михаил Антонович робко улыбнулся. Ему было не смешно.

Быков смотрел в стену.

— Я намерен стартовать сейчас же, — сказал он. — Предлагаю пассажирам занять места в амортизаторах. Всем занять места в амортизаторах. И давайте без этих ваших штучек. — Он посмотрел на планетологов. — Перегрузка будет восьмикратная, как минимум. Прошу выполнять. Бортинженер Жилин, проследите за выполнением и доложите.

Он оглядел всех исподлобья, повернулся и ушел в рубку на прямых ногах.

— Mon dieu, — сказал Моллар. — Ну и жизнь.

У него опять пошла кровь из носа, и он принялся слабо сморкаться. Дауге повертел головой и сказал:

— Нам нужен счастливчик. Кто-нибудь здесь есть везучий? Нам совершенно необходим счастливчик.

Жилин встал.

— Пора, товарищи,—сказал он. Ему хотелось, чтобы все скорее кончилось. Ему очень хотелось, чтобы все уже было позади. Все остались сидеть. — Пора, товарищи, — растерянно повторил он.

— В-вероятность б-благоп-риятного и-исхода — п-процентов д-десять, — задумчиво сказал Юрковский и принялся растирать щеки. Михаил Антонович, кряхтя, выбрался из дивана.

— Мальчики, — сказал он. — Надо, кажется, прощаться. На всякий случай, знаете... Всякое может быть. — Он жалостно улыбнулся.

— Прощаться так прощаться, — сказал Дауге. — Давайте прощаться.

— И я опьять не знаю как, — сказал Моллар.

Юрковский поднялся.

— В-вот что, — сказал он. — П-пошли по ам-мортизаторам. С-сейчас выйдет Б-быков, и т-тогда... Лучше мне сгореть. Р-рука у него тяжелая, д-до сих п-пор помню. Д-десять лет.

— Да-да, — заторопился Михаил Антонович. — Пошли, мальчики, пошли... Давайте я вас поцелую.

Он поцеловал Дауге, потом Юрковского, потом повернулся к Моллару. Моллара он поцеловал в лоб.

— А ты где будешь, Миша? — спросил Дауге.

Михаил Антонович поцеловал Жилина, всхлипнул и сказал:

— В амортизаторе, как все.

— А ты, Ваня?

— Тоже,—сказал Жилин. Он придерживал Моллара за плечи.

— А капитан?

Они вышли в коридор, и снова все остановились. Оставалось несколько шагов.

— Алексей Петрович говорит, что не верит автоматике в Джупе, — сказал Жилин. — Он сам поведет корабль.

— Б-быков есть Быков, — сказал Юрковский, криво усмехаясь. — В-всех н-немощных на своих п-плечах.

Михаил Антонович, всхлипывая, пошел в свою каюту.

— Я вам помогу, мсье Моллар, — сказал Жилин.

— Да, — согласился Моллар и послушно обхватил Жилина за плечи.

— Удачи и спокойной плазмы, — сказал Юрковский.

Дауге кивнул, и они разошлись по своим каютам. Жилин ввел Моллара в его каюту и уложил в амортизатор.

— Как жизнь, Ваньюшя-а? — сказал печально Моллар. — Хорошё-о?

— Хорошо, мсье Моллар, — сказал Жилин.

— А как девýшки?

— Очень хорошо, — сказал Жилин. — На Амальтее чудесные девýшки.

Он вежливо улыбнулся, задвинул крышку и сразу перестал улыбаться. «Хоть бы скорее все это кончилось», — подумал он.

Он пошел по коридору, и коридор показался ему очень пустым. Он постучал по крышке каждого амортизатора и прослушал ответный стук. Потом он вернулся в рубку.

Быков сидел на месте старшего пилота. Он был в костюме для перегрузок. Костюм был похож на кокон шелкопряда, из него торчала рыжая растрепанная голо-

ва. Быков был совершенно обыкновенный, только очень сердитый и усталый.

— Все готово, Алексей Петрович, — сказал Жилин.

— Хорошо, — сказал Быков. Он косо поглядел на Жилина. — Не боишься, малёк?

— Нет, — сказал Жилин.

Он не боялся. Он только хотел, чтобы все скорее кончилось. И еще ему вдруг очень захотелось увидеть отца, как он вылезает из стратоплана, грузный, усатый, со шляпой в руке. И познакомить отца с Быковым.

— Ступай, Иван, — сказал Быков. — Десять минут в твоем распоряжении.

— Спокойной плазмы, Алексей Петрович, — сказал Жилин.

— Спасибо, — сказал Быков. — Ступай.

«Это надо выдержать, — подумал Жилин. — Неужели я не выдержу?» Он подошел к двери своей каюты и вдруг увидел Варечку. Варечка тяжело ползла, прижимаясь к стене, волоча за собой сплющенный с боков хвост. Увидев Жилина, она подняла треугольную морду и медленно мигнула.

— Эх ты, бедолага, — сказал Жилин. Он взял Варечку за отставшую на шее кожу, приволок ее в каюту, сдвинул крышку с амортизатора и поглядел на часы. Потом он бросил Варечку в амортизатор — она была очень тяжелая и грузно трепыхалась в руках — и залез сам. Он лежал в полной темноте, слушал, как шумит амортизирующая смесь, а тело становилось легче и легче. Это было очень приятно, только Варечка все время дергалась под боком и колола руку шипами. «Надо выдержать, — подумал Жилин. — Как он выдерживает».

В рубке Алексей Петрович нажал большим пальцем рифленую клавишу стартера.

Эпилог

АМАЛЬТЕЯ, „ДЖЕЙ-СТАНЦИЯ“

Директор „Джей-станции“ не глядит на заход Юпитера, а Варечку дергают за хвост

Заход Юпитера — это тоже очень красиво. Медленно гаснет желто-зеленое зарево экзосферы, и одна за другой загораются звезды, как алмазные иглы на черном бархате.

Но директор «Джей-станции» не видел ни звезд, ни желто-зеленого сияния над близкими скалами. Он смотрел на ледяное поле ракетодрома. На поле медленно, едва заметно для глаза падала исполинская башня «Тахмасиба». «Тахмасиб» был громаден — фотонный грузовик первого класса. Он был так громаден, что его не с чем было сравнить здесь, на голубовато-зеленой равнине, покрытой круглыми черными пятнами. Из спектролитового колпака казалось, что «Тахмасиб» падает сам собой. На самом деле его укладывали. В тени скал и по другую сторону равнины мощные лебедки тянули тросы, и блестящие нити иногда ярко вспыхивали в лучах солнца. Солнце ярко озаряло корабль, и он был виден весь, от огромной чаши отражателя до шаровидной жилой гондолы.

Никогда еще на Амальтею не опускался такой изуродованный планетолет. Край отражателя был расколот, и в огромной чаше лежала густая изломанная тень. Двухсотметровая труба фотореактора казалась пятнистой и была словно изъедена коростой. Аварийные ракеты на скрученных кронштейнах нелепо торчали во все стороны, грузовой отсек перекосило, и один сектор его был раздавлен. Диск грузового отсека напоминал плоскую круглую консервную банку, на которую наступили свинцовым башмаком. «Часть продовольствия, конечно, погибла, — подумал начальник. — «Какая чушь лезет в голову. Не все ли равно. Да, «Тахмасибу» теперь не скоро уйти отсюда».

— Дорого нам обошелся куриный суп, — сказал дядя Валнога.

— Да, — пробормотал директор. — Куриный суп. Бросьте, Валнога. Вы же этого не думаете. При чем здесь куриный суп?

— Отчего же, — сказал Валнога. — Ребятам нужна настоящая еда.

Планетолет опустился на равнину и погрузился в тень. Теперь было видно только слабое зеленоватое мерцание на титановых боках, потом там сверкнули огни и мелькнули маленькие черные фигурки. Косматый горб Юпитера ушел за скалы, и скалы почернели и стали выше, и на мгновение ярко загорелась какая-то расщелина, и стали видны решетчатые конструкции антенны.

В кармане директора тоненько запел радиофон. Директор вытащил гладкую коробку и нажал кнопку приема.

— Слушаю, — сказал он.

Тенорок дежурного диспетчера, очень веселый и без всякой почтительности, сказал скороговоркой:

— Товарищ директор, капитан Быков с экипажем и пассажирами прибыл на станцию и ждет вас в вашем кабинете.

— Иду, — сказал начальник.

Вместе с дядей Валногой он спустился в лифте и направился в свой кабинет. Дверь была раскрыта настежь. В кабинете было полно народу, и все громко говорили и смеялись. Еще в коридоре директор услыхал радостный вопль:

— Как жизнь — хорошё-о? Как мальчу́шки — хорошё-о?

Директор не сразу вошел, а некоторое время стоял на пороге, разыскивая глазами прибывших. Валнога громко дышал у него над ухом, и чувствовалось, что он улыбается до ушей. Они увидели Моллара. Моллар отчаянно жестикулировал и хохотал. Вокруг него стояли девушки — Зойка, Галина, Наденька, Джейн, Юрико, — все девушки Амальтеи, — и тоже хохотали. Моллар всегда ухитрялся собрать вокруг себя всех девушек. Потом директор увидел Юрковского, вернее его затылок, торчащий над головами, и кошмарное чудище у него на плече. Чудище вертело мордой и время от времени страшно зевало. Варечку дергали за хвост. Дауге видно не было, но зато было слышно не хуже, чем Моллара. Дауге вопил: «Не наваливайтесь! Пустите, ребятушки! Ой-ой!» В сторонке стоял огромный незнакомый парень, очень красивый, но слишком бледный среди загорелых. С парнем оживленно разговаривали несколько местных планетолетчиков. Михаил Антонович Крутиков сидел в кресле у стола директора. Он рассказывал, всплескивал короткими ручками и временами подносил к глазам смятый платочек.

Быкова директор узнал последним. Быков был бледен до синевы, и волосы его казались совсем медными, под глазами висели синие мешки, какие бывают от сильных и длительных перегрузок. Глаза его были красными. Он говорил так тихо, что директор ничего не мог разо-

брать и видел только, что говорит он медленно, с трудом шевеля губами. Возле Быкова стояли руководители отделов и начальник ракетодрома. Это была самая тихая группа в кабинете. Потом Быков поднял глаза и увидел директора; он встал, и по кабинету прошел шепоток, и все сразу замолчали.

Они пошли навстречу друг другу, гремя магнитными подковами по металлическому полу, и сошлись на середине комнаты. Они пожали друг другу руки и некоторое время стояли молча и неподвижно. Потом Быков отнял руку и сказал:

— Товарищ Кангрен, планетолет «Тахмасиб» с грузом прибыл.

Г. ГУРЕВИЧ

ПЛЕННИКИ АСТЕРОИДА

ПРОЛОГ

Этому астероиду была предназначена особая судьба. Его выбрали за форму, за размеры, а может, и за имя. Астероид Надежда! Светило по имени Надежда! Освещенные Солнцем Надежды!..

Наш отряд высадился сразу же после рассвета — местного, астероидного. Сутки продолжались тут четыре часа, солнце выскакивало из-под горизонта, словно подброшенное пружиной, словно мяч из-за сетки. Тьма исчезала мгновенно, черные тени, съежившись, сбегали в пропасти, глазу открывался блестящий черно-лаковый мир, тонко прорисованный сетью трещин-морщинок.

Вблизи астероиды подавляюще грандиозны. На больших планетах тяжесть нивелирует горы, вдавливает

их в кору. Планеты — это шары, отполированные тяжестью. И только на астероидах — космических огрызках — встречаешь уступ в десять километров высотой, тридцатикилометровую пропасть, стокилометровый пик. Рассудком знаешь, что это просто трещины, так оно треснуло, так откололось. Рассудком понимаешь... но стоишь, подавленный буйной фантазией камня, размахом природы.

И вдруг на голом камне, на отвесной стене — буквы. Попорченные временем, разъеденные метеоритами, но подчеркнутые черной тенью, выделяющей каждую вмятину:

24 НОЯБРЯ 19.. ГОДА
ЗДЕСЬ ПОГИБ ЭКИПАЖ
КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ
„ДЖОРДАНО БРУНО"...

— Что за надпись? — спросил меня командир отряда. — Имеет историческую ценность? Нужно ее сохранить?

Я попытался вспомнить. В поясе астероидов — две тысячи летающих островов, сто тысяч летающих гор, несчетное множество скал. Исследования идут уже пять веков. Какая это экспедиция? Надпись буквенная, алфавит славянский, дата из самых ранних...

— Кажется, здесь нашли сокровищницу,—сказал я.— Но та сокровищница давно в музее.

— Подберите материалы, — попросил командир.

Машина-память была на нашей базе — на Юноне. Я набрал вопрос: «Космолет „Джордано Бруно"». Получил ответ: «Третья четверть двадцатого века. Командир Умберто Риччиоли. Экспедиция на спутники Юпитера. Картирование Ио, Ганимеда, Каллисто. Авария на обратном пути в поясе астероидов. Литература научная: отчет, протоколы конференции... (перечислять не буду). Литература художественная: рассказ «Пленники астероида».

Я дал заказ на почту радиокопировки и на следующий день держал в руках и материалы, и протоколы, и журнал с рассказом.

Старинные неозвученные книги. Книги, которые перелистывают. Желтая от времени, ломкая, шуршащая

бумага. Наши книги звенят, старинные шуршат, пришептывают. Шуршание — это голос истории. Кажется, будто древний, дряхлый, беззубый старик, шепелявя, рассказывает страшную сказку.

Третья четверть двадцатого века. Трудное героическое время. Человечество все еще теснится на планете-матери и все еще расколото. Только половина поняла истину, только половина пользуется плодами общего труда. Другая все еще отстаивает приманку неравного богатства, уверяет, что в погоне за денежным призом одинокий бегун обойдет самую дружную команду. Но успехи коммунизма все нагляднее — и на Земле и в космосе. Первый человек в космосе — коммунист. Первые люди на Марсе, на спутниках Юпитера — из лагеря коммунизма. Лагерь защитников наживы тщится соревноваться, раздает обещания улучшить жизнь, посылает людей и корабли в космос...

И вот один из примеров: «Джордано Бруно». Командир итальянец. В команде немцы, американцы, французы. Впрочем, есть и советские люди: опытный штурман Вадим Нечаев, его жена — врач. Их только двое, корабль считается западным. Экспедиция посещает спутники Юпитера, — в то время это предел достижений человечества. Но советские планетолеты уже побывали там. Экспедиция составляет карты. Однако хребты и равнины уже были открыты и названы советскими астронавтами. Западные ученые продолжают работы, начатые коммунистами. Экспедиция делает полезное дело... но возвращается без сенсационной приманки, которой можно бы похвастаться, показать как достижение Запада. Риччиоли и все участники знают: их послали в космос не только ради науки, но и для рекламы. Рекламу они не обеспечили, значит, следующий раз пошлют других.

И вдруг на пути астероид. Неожиданность. Ведь трасса была подлетной, в обход опасного пояса малых планет. Скорость относительно невелика, запас горючего есть, есть возможность высадиться. Правда, не без риска. Радиосвязь на пределе, с Землей говорят два раза в месяц, Земля ничего не знает о высадке. Но люди еще никогда не бывали на астероидах. Соблазн велик... и Риччиоли отдает приказ: уравнивать скорости и причаливать.

Надежда Петровна Нечаева находилась в это время на кухне.

В экспедиции она выполняла обязанности врача и одновременно повара. Здоровяки межпланетчики — отборный экипаж корабля — болели редко, зато ели с отменным аппетитом. В распоряжении Надежды Петровны были концентраты, соусы, полуфабрикаты, консервы, кубики, но все же обед на двадцать пять ртов оставался трудоемким делом. Поэтому она не стала смотреть, как ракета подруливает к астероиду. Насмотреться на астероид она еще успеет, не один день впереди. А обедом кормить надо сейчас же, потому что нетерпеливые геологи захотят высадиться немедленно и не вернутся, пока не иссякнет воздух в скафандрах.

Надо было сидеть на кухне. Надежда всегда делала то, что надо.

Во всяком деле есть пламенные энтузиасты и просто добросовестные работники. И далеко не всегда первые полезнее. Надежда Петровна пошла в космос без особого пыла, даже с некоторой опаской. Она любила цветущую красочную Землю, в космосе же было черно и безлюдно. Но ей не хотелось расставаться с мужем на шесть лет. Она обожала Вадима и преклонялась перед ним. Ради мужа она оставила на Земле семилетнего Вадика, оставила в интернате, на земных врачей и земных учителей. Конечно, это было разумнее, чем брать ребенка в космос, подвергать неведомым опасностям.

А все-таки совесть ее мучила все эти годы. И сердце болело, когда по радио она слышала ломкий мальчишеский голос:

«Здравствуй, мама! Я совсем здоров. Учусь только на хорошо и отлично. По небесному глобусу слежу за рейсом. Поцелуй папу, мама. До свидания».

Надежде чудилась торопливость в голосе сына. Вырос, повзрослел, в небесных картах уже разбирается. Свои дела завелись, интересы, товарищи. Наверное, тяготится этой ежемесячной повинностью — летать к радиотелескопу, говорить забытой матери теплые слова.

Бросила, сама виновата. Как-то сложатся отношения теперь! Ох, скорее бы Земля. Больше года еще!

Вот о чем думала Надежда, ловко орудуя кастрюль-

ками и инфрапереключателями. И почти не слушала рассуждений своего помощника, дежурного по кухне, математика лет сорока пяти, седого, но стройного, подтянутого, со вкусом одетого европейца. Назовем его Эрнестом Ренисом, это немного напоминает его настоящую фамилию.

— Лично я почитаю красоту в ее чистом виде, — говорил Ренис, — красоту, как таковую, вне зависимости от содержания. Математике в высшей степени присуща эта красота — упоительная логика, властная неопровержимость мысли. И архитектуру я люблю — самое математическое из искусств. Борьба линий, соотношение площадей, столкновение вертикалей и горизонталей. А литература, извините, не искусство. Это назойливая мораль, загримированная под любовь. Ненавижу писателей за то, что все они меня воспитывают. Я уже вышел из гимназического возраста, меня поздно воспитывать.

А у Надежды Петровны начали подгорать котлеты. Их нужно было срочно спасать.

— Мудрите вы, Эрнест. Сами знаете, что неправы, но вам нравится оригинальничать.

— Многоуважаемая Надежда Петровна, не осуждайте меня. Впрочем, я знаю, что вы осуждаете меня умом, а не душой. Ибо хотя вы и медик, безжалостный препаратор красоты по профессии, но, кроме того, вы еще и женщина — красивая и понимающая красоту. Наши девушки украшают себя крикливо, их прически похожи на восклицательный знак, платья сшиты так, чтобы прохожий обернулся с испугом. Вы же человек, спокойно уверенный в своей красоте, вам не нужны ошеломляющие украшения. Точный овал лица, прямой пробор, прямые ресницы. Вы строги и безукоризненны, как кривая второго порядка.

— Эрнест, вы мешаете мне. Идите в рубку, посмотрите, как мы причаливаем.

Она не хотела продолжать этот разговор. Ее раздражали неуместные комплименты Ре́ниса. В ракете, где люди жили тесной семьей не один год, требовался особый такт, чтобы не вызвать ссор и обид.

— Идите, вам надо быть в рубке, — повторила она.

— Я всегда удивлялся, — продолжал Ренис, не трогаясь с места, — откуда вы знаете, что именно «надо» и

что «не надо». Мне вовсе не надо идти в рубку. Я люблю смотреть на астероиды в телескоп. Там они выглядят совершенством: сияющее ничто, математическая точка на математической линии. Вблизи это куча уродливых черных камней.

— Я не понимаю, Эрнест, разыгрываете вы меня, что ли? Постоянно стараетесь казаться хуже, чем вы есть. Вас считают опытным и выносливым, вы сами рветесь во все походы. И Вадим, и Умберто первым выбирают вас в спутники. Значит, вы любите космос, а не телескоп. У телескопа можно сидеть и на Земле. Где же ваша математическая логика?

— Уважаемая Надежда Петровна, вы ошибаетесь, я логичен как однозначная функция. Но я родился в Европе, вырос в мире сомнений и колебаний, в мире, где истинны и доказательны только цифры. Поэтому я математик и спортсмен. Я твердо стою на якоре цифр. Десять в квадрате — сто. Это всеобщая истина. Сто метров за десять секунд — хорошее время. Это тоже всеобщая истина. Если Ренис нашел алгоритм, значит он нашел алгоритм. Если Ренис пересек пустыню Ганимеда, значит он пересек пустыню Ганимеда. Я коплю заслуги, которые измеряются километрами.

— Дядя, скорее, мы причаливаем!

На пороге стоял четырнадцатилетний подросток, счастливый мальчик, предмет зависти всех мальчиков Земного шара, единственный, побывавший на спутниках Юпитера.

Роберт стал счастливчиком из-за болезни позвоночника. На Земле ему пришлось бы годы лежать в гипсе. Врачи рекомендовали длительную невесомость, и Ренису разрешили взять племянника в полет.

Невесомость в самом деле помогла. Через год Роб отлично плавал по ракете, через два — ходил и прыгал по лунам Юпитера. Он побывал на Ио, Европе, Ганимеде, Каллисто, а теперь готовился еще вступить на почву астероида.

— Дядя, скорее, мы причаливаем.

Тут и произошло...

Позже Надежда вспомнила, что ее встревожили непривычные звуки. Хриплый рев двигателей сменился каким-то свистом и кашлем. Послышались взволнованные возгласы... потом грохот... и тьма.

2

Шевельнувшись, она почувствовала боль в спине, в затылке, в колене. Подавила невольный стон. Но стоны не прекратились. Кто-то другой стонал, не она. Приоткрыла глаза. В зеленоватом аварийном свете кухня показалась незнакомой. Серое без кровинки лицо Ренис приблизилось к ней.

— Врачу, исцелися сам, — выговорил он с вымученной улыбкой. — Помогите мальчику, если можете встать, Надя.

— А Вадим?

Стонал Роберт. Он лежал с запрокинутой головой, нелепо вывернутой ступней. Надежда ощупала ногу. Вывих. Резко дернула. Мальчик вскрикнул и приоткрыл глаза.

— Теперь посмотрите мои ожоги.

Только сейчас Надежда уловила запах горелого мяса. Видимо, Ренис упал на плиту и тоже не сразу пришел в сознание. У него был прожжен костюм, обуглилось плечо, кожа на груди...

— А Вадим? А Вадим?

— Вы не хотите помочь мне? — повторил Ренис настойчиво.

Почему он не смотрит в глаза? Почему бормочет что-то невнятное? «Мужайтесь. Возьмите себя в руки...»

Она кинулась к двери, забарабанила кулаками...

— Вадим, Вадим, Вадим!

Никто не отзывался. И дверь не открывалась, не поддавалась никаким кнопкам. Это означало, что в соседнем отсеке авария, пробит борт, воздух вышел.

Потом Надежда вспомнила, что за плитой есть шлюз. Быстро надела шлем, бросилась туда.

— Надя, подождите. Послушайте, я скажу...

Ох, как медленно тянется время в шлюзе. Воздух высасывается, нагнетается в баллоны. Кому нужна эта скрупулезная экономия? Выключить. Дверь заклинило. Ну вот...

В глаза ударил свет — вспыхивающий, мятущийся. Где-то в стороне за полкилометра догорал отброшенный взрывом двигатель. Бурые скалы, словно каменные зубы, впились в тело ракеты. Где же пассажирские каюты,

управление, рубка? Где люди — двадцать два человека?.. Где Вадим?..

Ничего! Ничего! Закопченная воронка, осколки стекла, оплавленный металл, крошево стали и пластмассы...

Ой, Вадим, ой, милый!

Все стало зелено, все поползло. Закрыв глаза, женщина вслух причитала, раскачиваясь. Потом почувствовала, что ее подняли и несут. Вспомнила: у Рениса ожоги, мальчик без сознания. Два человека нуждаются в помощи врача. Некогда горевать, надо оказать помощь.

Надо!

3

У Рениса-дяди сильные ожоги на груди, на правом боку, ушибы головы, сотрясение мозга и бред.

У Рениса-племянника сломана ключица, вывих ноги, боли в позвоночнике, высокая температура и бред.

У племянника бред космический. Он прыгает по скалам Ио, нога застревает в расщелинах. Он твердит названия астероидов: Церера, Юнона, Паллада, Веста, Астрея. И с гордостью утверждает: «Я знаю наизусть двести номеров, дядя Вадим. Спрашивайте по порядку и в разбивку».

Никогда не спросит тебя Вадим, никогда!

А у дяди бред земной. Каждый час, каждые полчаса он возвращается на Землю. Он говорит речь на аэродроме: «Господа, я счастлив доложить вам, дорогим землякам...» Он рассказывает журналистам: «Да, приключения были у нас, особенно на Ганимеде и на безымянном астероиде тоже...» Он гуляет по аллеям с какой-то женщиной (иногда она Нора, иногда Арабелла, иногда Лили) и говорит: «Представь себе наше одиночество, моя милая. Блестящая точка в океане черной тьмы...»

Врачебный кабинет взорвался вместе с рубкой. Операционного стола не было, не было рентгена, лекарств, инструментов, даже бинтов. Надежда вспоминала прадедовские рецепты, делала холодные компрессы, примочки из крепкого чая, кипятила в кастрюлях столовые ножи. И тем не менее она ухитрилась сделать Ренису пересадку кожи, своей собственной. Площадь ожогов была слишком велика, с оставшейся кожей он не выжил бы.

Бредил один, бредил другой, просил пить один, про-

сил пить другой. Одному компресс, другому примочка, одного успокаивать, другого кормить с ложечки. Нечаева металась между двумя постелями. В сутки ей удавалось поспать не больше чем два часа.

Она сумела спасти обоих. И, пожалуй, больные спасли ее. Ей некогда было думать о своей потере, мешала работа, мешала отупляющая усталость. Надежда привыкла к своему горю прежде, чем выплакала его, смирилась с ужасным положением раньше, чем почувствовала весь его ужас.

Ренис-старший очнулся раньше, чем она предполагала, как будто усилием воли вырвался из бреда. Уже на третий день Нечаева увидела, что он сидит на постели, силится непослушными руками натянуть скафандр.

— Воды... — прохрипел он.

Надежда не поняла, поднесла к губам мягкую фляжку.

Он покачал головой отрицательно.

— Воды? Еды? Сколько? На сколько хватит припасов? — спрашивал он.

— Не беспокойтесь, надолго, ведь наш отсек автономный, — сказала Надежда.

Для безопасности все космические ракеты разбивались на герметические отсеки. В каждом имелись баллоны с кислородом, запас пищи, аккумуляторные батареи. Каждый отсек был окружен кроме того баками с водой. Вода служила топливом и одновременно — противометеоритной броней.

— Оранжереи смотреть... помогите...

— Лежите, я сама схожу.

— Сейчас...

Только чтобы успокоить больного, Нечаева надела скафандр и вышла наружу.

Обычное межпланетное небо: блёстки, искры, огоньки, такие многочисленные, что даже созвездий не узнаешь. Рисунок ярких звезд теряется в гуще неярких.

Небольшое солнышко, — все-таки оно греет немножко, катится по черному небу, проворно набирает высоту и, словно на санках, скользит к горизонту.

И всюду камень, камень, камень, оплавленный, спекшийся камень. Даже нет мягкого одеяла пыли, как на Луне. Это различие зависит от силы тяжести. И там и тут метеориты превращают камни в пыль, но на Луне

пыль оседает, а здесь — из-за малой силы тяжести — улетучивается.

Конечно, обо всем этом рассуждали позже. А тогда Надежда смотрела на голые камни и думала с тоской: «Куда занесло? Камни, камни, каменная могила! Вадим еще счастлив, он даже не почувствовал... А я похоронена заживо. Мне тут жить и мучиться надо.

Надо!»

4

И вдруг она увидела ручеек. Вода на каменной глыбе? Не может быть! Но ручеек струился перед ней, обмывал черно-зеленые камни. Над водой стоял густой пар, как в зимний день над прорубью: в безвоздушном пространстве вода испарялась очень быстро.

К сожалению, все это объяснилось слишком просто: метеорит пробил один из баков, вода вытекала, только и всего. Потеряны три кубометра воды — значительная доля запаса. Еще три-четыре таких попадания, и все люди умрут от жажды.

Надо срочно принимать меры! Срочно!

Она вернулась к Ренису. Сказала ему правду, не пощадила больного. Вопрос стоял о их жизни, надо было решать.

— Укрепляющего, — попросил Ренис.

Аптечки не было, пришлось дать из кухонных запасов коньяка. Малиновое от температуры лицо Рениса покраснело еще больше, усилился лихорадочный блеск в глазах. Но сил прибавилось. Ренис сумел натянуть скафандр, с помощью врача выбрался наружу. К счастью, ходьба на астероиде не требовала больших усилий. Как будто невидимый парашют держал под мышки, медленно и осторожно опускал на камни. Минуты три длился каждый шаг — гигантский шаг в триста метров длиной. На пятом шаге Надежда пролетела над пропастью и заметила глубокую нишу — настоящую пещеру. Именно это им было нужно.

— Перетаскивать будем, — сказал Ренис.

Сил у него было немного, работать пришлось Надежде. Она разъединила автономный отсек на части: помещение отдельно, баки отдельно. На Земле каждая часть

весила бы три тонны, а на астероиде — тридцать килограммов. Не так много. Но для женщины и тяжелобольного — груз немалый.

Вес уменьшился, однако сохранилась масса, у каждого бака осталась трехтонная инерция. С удивительным упрямством грузы хотели двигаться только по прямой и с равномерной скоростью. Баки легко было приподнять, но повернуть на ходу — невозможно. Легче было сталкивать их по склону, но на каждом бугре приходилось менять направление, подкладывать камни, рычаги. За короткий двухчасовой день не удалось пройти и половины пути до пропасти.

Потом наступила смоляная тьма — двухчасовая астероидная ночь, два часа вынужденного отдыха. Ренис заснул, обессиленный, но как только вспыхнул день, — проснулся, как будто в мозгу его дежурил часовой. И новый день пришел — два часа толчков, прыжков и усилий. И новая ночь. На третий день (астероидный) они начали опускать первый бак в нишу.

Троса не было, на кухне оказалась только бечева. Но тридцатикилограммовый груз она должна выдержать. Обвязав бак, Надежда спустила его в пропасть. Ренис сидел на баке верхом — незаметный добавочный груз. Поравнявшись с нишей, он осторожно, учитывая ничтожное притяжение, спрыгнул в нее, ухватился за бечеву и втащил бак за собой. Такие акробатические номера можно было выполнять только в мире малой тяжести.

За баками, таким же образом, в нишу проследовала и кухня — единственное жилое помещение. Места хватило на все.

Теперь можно было не бояться метеоритов. В нише было темновато, лучи проникали туда только рикошетом, отразившись от стен пропасти, зато и метеориты могли попасть только рикошетом, потеряв разрушительную силу.

От шагов людей кабина покачивалась, как корабль у пристани. Надежда обложила ее камнями, легкими словно пробка, и привязала к скалам бечевой. Бечева была надежнее камней. Теперь, наконец, можно было войти в комнату, снять скафандр и перевести дух.

«Господа, с превеликой радостью возвращаемся мы...» — это опять бредил Ренис. Болезнь снова вернулась к нему.

5

Чтобы сохранить жизнь на Земле, человеку нужно есть, пить, одеваться, ему нужен кров над головой и тепло. Вся история материальной культуры — это повесть о том, как люди совершенствовали способы добычи еды, питья, одежды, крова и тепла.

Чтобы сохранить жизнь в космосе, человеку нужен кров, еда, питье, одежда, тепло и... воздух. На Земле о воздухе не приходится заботиться.

Кров нашли — укрылись в пещере, как люди каменного века. Сохранили запасы воды — двенадцать тонн. Воды в ракете было сравнительно много, поскольку она использовалась в качестве топлива. При экономном расходовании ее могло бы хватить на несколько лет.

Достаточно было и еды. Уцелела кладовая при кухне, в ней хранился запас концентратов, витаминов, кофе, какао, вина. Были даже лакомства — консервированные фрукты, кремы, торты. Запас был рассчитан на двадцать пять человек, троим должно было хватить на год. Но не было растительной пищи — разбилась оранжерея.

Трудно было с одеждой. Все платья, костюмы и белье хранились в спальнях и погибли при катастрофе. На кухне оказались только скатерти, салфетки и полотенца. Надежда решила сшить рубашки из скатертей. Сохранились их собственные скафандры из самозарастающей пластмассы. Пластмасса эта могла служить годами, как человеку служат кожа и мышцы, но при большой поломке заменить скафандр было нечем.

Тепло земным жителям доставляют дрова, уголь или электричество. В космосе электричество нужно как хлеб, как вода. Оно нужно для отопления единственной комнаты, для согревания воздуха в скафандрах, для работы аппаратов очистки воздуха, для плиты, для насосов в шлюзе. Без электричества нельзя дышать, нельзя выйти из своего убежища хотя бы на час.

В пути ракета получала электричество от солнца — с помощью солнечных батарей. Вся внешняя обшивка состояла из полупроводниковых щитов. Там, где уцелела обшивка, уцелели и щиты. Кроме того, можно было собрать и обломки, подключить их в цепь. Тут сама природа помогала им: ни воды, ни воздуха, идеальная изоляция, никакого окисления. Ренис просто скручивал провода, обматывал их тряпками вместо изоляционной лен-

ты. Пока светило солнце, об электричестве нечего было беспокоиться.

Самой трудной оказалась проблема воздуха.

Пока дядя и племянник лежали в забытьи, Надежда щедро расходовала кислород из баллонов. Баллоны были исчерпаны уже наполовину. Правда, в помещении дышалось легко, но только потому, что действовали аппараты очистки воздуха. Они охлаждали воздух, замораживали углекислый газ.

На ракете из мутноватых ледяных кубиков углекислого газа можно было снова извлечь кислород с помощью растений. Там имелась громадная оранжерея с ванночками, населенными батиэллой — глубоководной красной водорослью, живущей в полутьме и умеющей поэтому, в отличие от зеленых растений суши, использовать до девяноста процентов падающего света.

Микроскопические комочки красной слизи добросовестно трудились на всем пути до Юпитера и обратно — до 24 ноября, — снабжали путешественников кислородом и пищей — невкусной, но питательной. Оранжерея тоже взорвалась при катастрофе, уцелела только одна секция, всего сорок шесть ванночек.

Надежда принесла одну из них на кухню, вскрыла ножом. Густой тошнотворный смрад ударил ей в лицо. Вскрыла другую. То же самое. Предоставленная самой себе батиэлла погибла, сгнила, может быть, задохнулась в кислороде.

Третья, четвертая, пятая, шестая... Всюду гниль, вонь, противная слизистая плесень. Надежду тошнило.

— Терпите, — сказал Ренис. — Терпите, если хотите дышать на следующей неделе.

Надо было терпеть. Жизнь зависела от батиэллы. Если бы она уцелела хотя бы в одной ванночке!

Двадцать вторая, двадцать третья, двадцать четвертая... Сорок третья, сорок четвертая...

Батиэлла погибла во всех.

Усталая, опустошенная, Надежда включила вентилятор, щедро наполнив комнату кислородом. Незачем было экономить. Все равно: днем раньше, днем позже. Примерно через неделю они задохнутся.

— Что же будем делать, тетя Надя? — спросил Роб, еще не осознавший опасности.

Что делать? Надежда не знала и сама. Будь она

одна, может быть, она легла бы на пол и так лежала бы, перебирая воспоминания о муже, о родной Земле, о Москве, о маленьком сыне... Но она не одна. У нее на руках чужой мальчик и больной.

Что же делать?

Осталось одно: пробовать, может быть, батиэлла оживет. Вылить затхлую воду, добавить свежую, положить кубики с углекислым газом, соли, ферменты. Возможно, не все клетки сгнили, остались еще жизнеспособные.

Надежда набралась терпения, заткнула нос ватой, тщательно вымыла десяток ванночек, налила свежей воды. Воды жалеть не приходилось. Если батиэлла не оживет, воду пить будет некому.

День и два стояли ванночки на солнце. И на третий день вода не замутилась. Живых клеток не было.

Итак, два дня прошло. До смерти оставалось пять.

Тогда Ренису пришло в голову, что жизнеспособные клетки следует искать не в целых, а в треснувших ванночках. Вода оттуда вытекла, клетки замерзли. Но может быть, замерзшие, высохшие в безвоздушном пространстве клетки скорее оживут, чем сгнившие?

— Поставим опыт щедро, — сказал Ренис. — Воды не жалейте. Тут экономить не приходится. Пан или пропал...

Они наполнили водой все ванночки, в каждую насыпали щепотку промерзшей пыли. И оставалось только ждать, надеяться, писать прощальные письма. Все трое лежали в кухне, стараясь спокойно дышать, так воздуха уходило меньше. Но каждые полчаса Роберт просил жалобно: «Сходите, тетя Надя, посмотрите, пожалуйста».

Кислорода осталось на три дня, потом на два. В конце предпоследнего дня вода в одной из ванночек порозовела. Надежда Петровна перенесла культуру во все сорок шесть ванночек. Через два дня можно было дышать полной грудью, всласть.

6

Есть пища и вода, воздуха хватает, есть помещение, где тепло, светло и безопасно. А на душе у Надежды так скверно, как в самые первые дни после катастрофы.

Пока шла борьба за жизнь, свою и чужую, некогда было поддаваться унынию. А сейчас руки опустились, все противно, и в голову лезет упорно одна мысль: «К чему барахтаться? Только отсрочили гибель. Мучиться будет дольше». И тут же: «Нет, нет, нельзя поддаваться. Ради мальчика. Нельзя...»

Роберт был очень слаб еще. Первые шесть суток вообще не приходил в сознание. Очнувшись, спросил, почему он лежит на кухне. Надежда рассказала всю правду.

В тот вечер Роберт лежал, отвернувшись к стене, тяжело вздыхал, удерживая слезы. Но на другой день уже спрашивал, как выглядит астероид, есть ли тут вода, как они будут жить. Здоровая мальчишеская натура брала свое. В душе он был даже немножко доволен приключением. Крушение в космосе, трое спасшихся, необитаемый астероид! С какой завистью смотрели бы на него мальчишки на Земле!

Надежда не позволяла ему встать, опасалась, что ушибы разбередили больной позвоночник. Роберт лежал послушно, но ему скучно было лежать, не терпелось выйти, осмотреть астероид, попрыгать в мире малого веса. А Надежда думала, что мальчик тоскует о Земле, как взрослые, подавлен безнадежным будущим. «Надо отвлечь его, занять чем-нибудь», — решила она,

Первое, что предложила Надежда: организовать школу для Роберта.

Мальчик занимался и раньше, в пути. Ракета была его домом и его школой. Еще не бывало на свете школьника, которого обучали бы столько профессоров...

Но, к сожалению, профессоров не стало. Осталось два учителя и никаких пособий. Библиотека погибла при крушении, уцелела только кухня. Случайно на кухне оказались две книги: «Воспоминания народовольца Морозова», которые перечитывала Надежда Петровна, и второй том Энциклопедии «Анды—Аяччо». Ренис взял этот том, чтобы посмотреть, что там написано об астероидах.

Случайность эта определила характер знаний Роба. На долгие годы он остался знатоком буквы А. Он знал довольно много об атоме и меньше — о молекулах, имел связное представление об архитектуре и смутное о живописи, мог наизусть нарисовать карту Африки и гораздо хуже представлял себе очертания Европы.

Все остальные тома энциклопедии, все прочие учебники должны были заменить его дядя и Надежда Петровна.

Надежда взяла на себя химию, биологию, медицину и русский язык. Родной язык Роберта, физику и математику пришлось преподавать Ренису. Историю и литературу они решили вести сообща, оба знали эти предметы не блестяще.

В сущности, взрослым самим было интересно. Пришлось систематизировать собственные знания, мысленно составлять учебники. Когда обнаруживались пробелы, «учителя» старательно листали энциклопедию, стараясь сообразить, в каком слове на букву «А» может быть упоминание, наводящий намек.

История вызывала яростные споры. Первый урок Надежда начала такими словами:

— Все прошлое человечества мы делим на предысторию и сознательную историю. Предыстория тянулась много веков. Все эти века люди боролись за лучшую жизнь, но плоды их труда доставались немногим — самым сильным и жадным.

Ренис вскипел:

— Надежда Петровна, мы ведь, кажется, учим ребенка, а не занимаемся пропагандой. Прошу вас не забывать, что мальчик — будущий гражданин свободного мира. Роб, дружок, тетя Надя ошибается, не надо запоминать то, что она сказала. История — это рассказ о великих людях, за которыми шли массы. Среди великих были умные, были сильные и жестокие. И они творили историю, укладывали рельсы, по которым катится мир.

Тут уже возмущалась Надежда:

— Ерунда какая! Заплесневелая эсеровщина! Неужели вы всерьез думаете, что Французскую революцию вызвал Руссо и Америку не открыли бы, если бы Колумб умер в младенчестве?

— Я прошу вас рассказать только факты, голые факты. А факты гласят, что Колумб открыл Америку, а Германскую империю создал Бисмарк...

— И Прометей принес огонь людям, и Афина-Паллада научила их врачевать болезни, — добавляла Надежда.

В результате благоразумный Роберт решил, что историю можно не учить. Каждому учителю он говорил:

— А мне объясняли иначе.

Лучше всего обстояло дело с астрономией. Астрономия была родной стихией для Роберта. Звезды он знал, как сын рыбака — волны и ветры. И планетарий под рукой. Выноси постель из пещеры, наблюдай движение звезд. Роберт без труда находил планеты: вот Сатурн в созвездии Льва, Юпитер не виден, он на ночном небе, Марс в созвездии Волосы Вероники. Рядом с Солнцем — Меркурий, Венера, Земля.

Земля! Тяжко вздыхая, взрослые смотрели на голубую точку, такую яркую, такую недостижимую. А Роберта волновало совсем другое:

— Тетя Надя, вы меня всё в постели держите. Вроде я жил на астероиде и не жил. А вдруг за нами прилетят завтра, послезавтра.

«Хорошо, что я не успела снять скафандр, — подумала Надежда. — Мальчик не видит слезы у меня на глазах».

— Роб, милый, — сказала она. — Ты уже не маленький, учись смотреть правде в глаза. За нами не прилетят завтра и послезавтра. От Земли почти год пути сюда, и нужно еще месяца два, чтобы снарядить ракету, и отыщут нас не в один день. Года полтора мы проживем тут наверняка.

Роберт воспринял все это спокойно. Он вырос в космосе, жизнь в космосе казалась ему естественной, а земная — не очень понятной. Пять лет он провел в космосе, пусть будет еще полтора. Чего бояться? Взрослые рядом.

С тех пор каждый вечер (времени хватало) начинались расчеты: какого числа вылетела спасательная экспедиция, где она сейчас... какова скорость ракеты? Не летают ли новейшие ракеты скорее «Джордано Бруно»? Что получится, если прибавить один километр в секунду (такие прибавки в космосе резко меняют сроки). Дядя, помоги сосчитать, пожалуйста.

Ренис подсказывал формулы с явной неохотой. А однажды, поздно вечером, когда племянник уже спал, он сказал Надежде:

— Для чего вы поощряете мальчика, распаляете его воображение? Подсчеты, надежды, а потом отчаяние. Сами-то вы понимаете, что за нами не прилетят никогда?

— Наоборот, я уверена, что нас уже ищут. Конечно, найдут не сразу.

— Не сразу, не сразу! До чего же вы, женщины, любите обманывать себя! Я вынужден напомнить вам, что на Земле вообще ничего не известно о нашей высадке на астероид. Забеспокоятся, когда мы не выйдем на связь. Но от Земли сюда год пути, за год исчезнувшая ракета может улететь куда угодно, в любое место Солнечной системы. Найти ее невозможно, труднее, чем каплю воды в океане. Значит, искать не будут. Поставят памятник... и всё.

— Вы исходите из вчерашнего дня науки, Эрнест. Наука идет вперед. Давно ли экспедиция к Юпитеру считалась фантастикой? Я уверена, что в пояс астероидов тоже пойдут экспедиции. Не обязательно ради нас, ради науки...

— Уважаемая Надежда Петровна, я математик, человек точный, и верю только в цифры. В поясе астероидов две тысячи крупных осколков. Наш — рядовой, ничем не примечательный. По закону вероятности, когда дойдет очередь до нас? Лет через двести.

— У нас радио в шлемах. Может быть, на Земле услышат...

— Ненавижу женское упрямство! — кричал Ренис. — И это говорите вы, человек, проведший пять лет в космосе. Наши радиопередатчики слышны на сто километров. Чтобы ваш голос дошел до Земли, нужно увеличить их мощность в миллион раз. В миллион раз, понимаете? Помните, сколько энергии уходило на каждую передачу? Где у нас энергия? Десяток полуразбитых щитов?

— Нет, вы недооцениваете возможности человечества. На Земле придумают что-нибудь. Может быть, мы сами придумаем.

— Не знаю, что придумаете вы, а я подумываю, не отравиться ли мне! Покончить с собой, пока мы не одичали, еще на людей похожи. Может быть, это мужественнее, чем ждать, опускаться и обманывать себя.

— Стыдитесь, вы взрослый человек, у вас племянник на руках.

— К сожалению я не умею обманывать себя. Я математик и знаю, что дважды два — четыре.

Разве Надежда не знала сама, что дважды два — четыре? Но еще тверже она знала, что надо надеяться. Надо надеяться, иначе опустишься, раскиснешь, пропа-

дешь с тоски. И прежде всего надежда нужна больному, она помогает выздоровлению, без надежды даже кость не срастется.

Надо надеяться, заниматься чем-нибудь, выдумать занятия, если их нет. Надо!

7

Одно дело, другое, третье. Скоро оказалось, что и дня мало.

Хозяйство и то отнимало сколько времени! Приготовить обед, убрать, почистить посуду, постирать, починить. Правда, большая часть этой работы выпадала на долю женщины, а Ренис почти не принимал в ней участия.

Водоросли требовали ухода — подкормка, процеживание, отжимание, смена воды, очистка...

Аппараты надо было проверять, чинить. Безупречные космические машины были только машинами. И они портились время от времени.

У Роберта было шесть уроков в день, как у всякого земного школьника. И так как класс и спальня находились в одной и той же кухне, оба учителя слушали, как парень готовит уроки.

Однажды Надежда предложила написать отчет об экспедиции. Она не хотела, чтобы дела ее мужа пропали для истории.

Вспоминать о приключениях на Ио было и сладко и больно. Лицо Вадима вставало так ярко на фоне полосатого Юпитера. Надежде хотелось плакать, а не подбирать слова. Но она сдерживала себя. Отчет надо было написать, надо было составить рукописный памятник деяниям Вадима.

И не только рукописный, но и рукотворный памятник решила она воздвигнуть. Она решила высечь на отвесной скале трехметровые буквы:

24 НОЯБРЯ 19.. ГОДА.
ЗДЕСЬ ПОГИБ ЭКИПАЖ
КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ
„ДЖОРДАНО БРУНО"

КОМАНДИР КОРАБЛЯ УМБЕРТО РИЧЧИОЛИ
СТАРШИЙ ШТУРМАН ВАДИМ НЕЧАЕВ

Камни на астероиде весили в сто пятьдесят раз меньше, чем на Земле, но были не менее тверды. За день удавалось выбить ломом одну букву, не больше.

Еще астрономические наблюдения. Здешнее небо было подвижнее земного: и вращалось быстрее, и новые звездочки появлялись то и дело, нарушая привычный узор созвездий. Это были другие астероиды, и многие — из тех, что помельче, — неизвестные науке. Роберт всегда торопился на урок астрономии, просил вытащить его поскорее, чтобы первым, раньше дяди, открыть новый астероид. Потом Ренис-старший делал вычисления, определяя путь нового светила.

По движению Солнца на небе он вычислил путь и их собственного астероида. Проверил еще раз по движению планет и объявил:

— Итак, программа нашей жизни такова: здешний год продолжается пять лет земных. Наклон орбиты 23 градуса. Через год с небольшим мы пересечем основную плоскость астероидов, метеорные ливни будут страшные. Потом — два с половиной года к северу от эклиптики, и опять — метеорная бомбардировка.

Сложнее было со сменой дня и ночи. Оказалось, что сутки на астероиде неустойчивы: иногда больше четырех часов, иногда меньше, а ось вращения вычерчивает сложную кривую на небе. Видимо, такие фокусы были связаны с неправильной формой астероида. Ренис даже пытался решить нелегкую задачу: по неправильностям в сутках вычислить форму планетки.

— Я был бы королем математиков, если бы нашел общее решение, — говорил он.

И Надежда радовалась, хотя и понимала, что такое решение никому не нужно.

«Главное, чтобы он был занят делом,— думала она.— Надо придумать еще дела. Надо!»

Она предложила обследовать весь астероид, составить подробную карту. И Роберт принял участие в походах. Сломанная нога еще не зажила как следует, но мальчик приспособился прыгать на одной ноге. Малая тяжесть позволяла это делать: ведь каждый шаг длился минуты три. Толкнувшись здоровой правой ногой, Роберт приземлялся на правую же ногу. При известной сноровке даже безногий мог бы путешествовать по

астероиду, отталкиваясь от камней шестом. Роберт из интереса проделывал и такие упражнения.

Начали с экскурсии на 20—30 километров. Потом перешли к дальним походам с двухчасовыми ночевками в темные периоды.

Выяснилось, что астероид похож на грушу, своеобразную, ребристую. Длина этой груши была около ста километров. Ракета разбилась на широкой части, где притяжение было наибольшим. А в вытянутой части оно еще уменьшалось, там можно было прыгать с любой горы, не рискуя разбиться.

Все трое неотступно думали о Земле, поэтому горным хребтам были присвоены земные названия: Урал, Кавказ, Гарц, Альпы.

А всю планетку Ренис галантно предложил назвать Надеждой. («В честь нашей прекрасной исцелительницы», — сказал он.) Название соответствовало традиции, малым планетам обычно давались женские имена. И злополучный астероид был окрещен Надеждой двумя голосами против одного.

8

Горы, утесы, скалы, камни. Камни черные, черно-зеленые, зеленовато-бурые, красновато-бурые, темно-серые, светло-серые...

Биологу тут нечего было делать, гидролог умер бы с тоски, зато для геологов — непочатый край работы. И Надежда предложила составить геологическую карту астероида.

Геологию они знали плоховато, но все-таки знали. Ведь и на спутниках Юпитера исследования были в основном геологические.

— Женщины обладают удивительным талантом выдумывать бесполезные занятия, — ворчал Ренис. — А мужчины рады стараться. Бросаются в воду вниз головой, бьют друг друга перчатками по носу, составляют никому не нужные карты никому не нужного астероида.

— Еще ни один астероид не был обследован геологически, — возражала Надежда.

— И мы не обследуем, только наделаем ошибок...

Ренис ворчал все чаще. Ему не хотелось работать

ежедневно. И споры кончились взрывом. Поводом была книга. Те самые записки народовольца Морозова, которые оказались в числе двух случайно сохранившихся на кухне книг. «Дедушкой Морозовым» его называли школьники в первые годы Советской власти. Он был почетным пионером, приходил на школьные собрания с красным галстуком на шее. Красный галстук празднично сиял рядом с седой бородой.

В свое время, после казни Александра II народовольцами, Морозов был посажен в крепость и провел в одиночной камере двадцать четыре года. Многие из его товарищей умерли, кончили самоубийством, сошли с ума. Морозов уцелел, потому что — так объяснял он сам — голова его была занята наукой. В тюрьме он писал труды по химии, физике, математике...

Книга эта охотно читалась в ракете. Двухгодичное путешествие людям деятельным и общительным тоже казалось томительным заключением. И повествование Морозова подбадривало их: «Человеку хуже было, а мужества не потерял».

Ренис читал по-русски с трудом, но других книг не было. Однажды вечером, отложив Энциклопедию, он попросил «Воспоминания».

— Вот наша судьба, — сказал он, осилив двадцать страниц. — Один умрет, другой сойдет с ума, третий будет уговаривать сумасшедшего.

— Почему же вы видите в книге только страдания? — возразила Надежда. — Почему не замечаете мужества и стойкости? Человек двадцать четыре года провел в каменном мешке, но сохранил бодрость, написал научные труды, сумел дожить до своей мечты — до пролетарской революции.

Но Ренис упорно твердил:

— Нам еще хуже. Они хоть надеялись: «Когда-нибудь товарищи выручат, когда-нибудь тюремщики смягчатся». Хоть письма к ним приходили два раза в год. А мы в сущности похоронены уже...

Так весь вечер Ренис говорил жалкие слова, а на другой день он не вышел на «полевые» работы. Он сказал, правда, что у него плечо разболелось, но Надежда видела: ему просто хочется полежать с книгой.

У Надежды и у самой было прескверное настроение. Ей приснилось, что они вернулись на Землю. Вадик

должен встречать ее, а она забыла лицо сына. Мечется в толпе, хватает всех мальчиков за рукава.

Она проснулась в слезах и с головной болью. Так хотелось поплакать у кого-нибудь на плече, выслушать слова утешения. Но надо было сдержаться... ради Роберта, ради того же раскисшего Рениса.

— По крайней мере, поглядите за батиэллой, — сказала она, уходя.

Та вылазка была неудачна. Надежда и Роберт не нашли следов своей работы, все пришлось начать заново. Вдобавок в шлеме у Надежды испортилось радио, она не слышала Роба, с трудом объясняясь с ним знаками. И когда мальчик провалился в трещину, не могла найти его. Тут как раз наступила ночь, два часа она сидела во тьме и думала: неужели Роберт погиб!

А потом, когда они вернулись домой усталые, измученные, их встретил раздраженный вопрос:

— Где вы пропадали? Я тут без обеда по вашей милости.

Надежда отправилась отжимать водоросли, и, конечно, оказалось, что батиэлла опять зацвела, стала гнить. Пришлось выливать драгоценную влагу, снова чистить вонючие ящики.

— Хороший пример подаете вы племяннику, — сказала Надежда.

Ренис чувствовал свою вину, поэтому расшумелся.

— Все равно! — кричал он. — Все равно, все мы тут сдохнем, он и я, и вы. Не хочу мучить себя в последние дни. Я уже не школьник, надоели мне ваши поучения!

Это было так грубо, даже Роб вступился:

— Не кричи на тетю Надю! Ты же сам говорил, что мы ей жизнью обязаны, что она спасла нас, выходила.

— Ну и что? — кричал Ренис. — Она же врач, ее обязанность лечить. Врач лечит, учитель учит, портной шьет мне костюм и за это получает деньги. Не буду же я рабом каждого аптекаря, продавшего мне лекарство.

Тут уж у Надежды лопнуло терпение.

— Хорошо, — сказала она. — Я обязана вас лечить, но не обязана обслуживать. Будьте добры, варите себе обед сами. И сами выращивайте батиэллу. Разделим ванночки. Пусть ваши будут с первого номера до восемнадцатого.

— И не подумаю... — отрезал Ренис.

Он в самом деле не стал чистить ящики, пошел в кладовую, взял банку консервов повкуснее. Так же поступил и на следующий день. Так что воспитательные меры Надежды ни к чему не привели. Они с Робом трудились и жевали пресные водоросли, а Ренис барствовал, смакуя деликатесы из неприкосновенного запаса.

Тогда Нечаева перестала разговаривать с ним, официально объявила бойкот.

— Ведь драться с вами я не могу, — сказала она.

Ей самой нелегко было выдерживать характер, и она нарочно увела Роба в далекую многодневную экскурсию на оконечность астероида, на вершину Груш-горы. Они уже раз ходили, не дошли, Роберт тогда просил отложить поход, пока у него не заживет нога.

Поход оказался удачным, на редкость интересным. Было о чем рассказать. Но возвратившись домой — домом стало для них черное ущелье с обломком ракеты, — Надежда прежде всего заглянула в оранжерею. Восемнадцать ванночек обросли гнилью — Ренис не прикасался к ним. Делать нечего, надо было продолжать ссору.

Она ничего не сказала Ренису. И Ренис не поздоровался. Только час спустя, отложив зачитанную Энциклопедию, он спросил племянника:

— Ну как там — на кончике Груши — меньше устаешь?

И Роб ответил напряженным голосом:

— Тетя Надя не велела рассказывать. Она сказала, что ты не интересуешься.

Еще день прошел в атмосфере сгущенного недружелюбия. И Надежда Петровна все спрашивала себя: хорошо ли она поступает? Ну пусть себе бездельничает. Все лучше, чем ссориться.

Уже к вечеру (по земным часам), когда Роб вышел подкормить водоросли и взрослые остались наедине, Ренис сказал, глядя на потолок:

— А это хорошо — восстанавливать племянника против дяди? Сами-то вы безгрешны? Я же не требую, чтобы вы при мальчике перечисляли все свои недостатки, все, что вы забыли и перепутали на уроках.

Надежда сдержала улыбку. Она поняла, что Ренис капитулирует, признает свою вину, только не хочет каяться публично, мужское самолюбие не позволяет.

И, щадя это самолюбие, она сказала, дождавшись возвращения Роба:

— Эрнест, завтра мы опять пойдем на Грушу. Инструменты громоздкие и неудобные. Вы не могли бы проводить нас хотя бы до подножья?

— Я не слабее вас, дойду и до верху, — буркнул Ренис.

Почему он так быстро сдался? Надежда сама задавала себе этот вопрос. Может быть, потому сдался, что воевать ему было не за что. Что он отстаивал, собственно говоря? Свое право валяться на полу, перечитывать одну и ту же книгу, думать и думать о своей несчастной судьбе? Уж лучше отвлечься, сходить в горы.

А Роб ничего не понял, с горечью сказал:

— Все-таки нетвердый вы человек, тетя Надя. Уж если объявили бойкот, надо было выдержать характер.

Надя погладила его по голове, как маленького.

— На этот раз не надо было, милый.

9

Всякий рассказ об астероидах начинается с ряда чисел, с геометрической прогрессии:

$2^0, 2^1, 2^2, 2^3, 2^4, 2^5, 2^6$...

или 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64...

Числа эти почему-то пропорциональны расстояниям от орбиты Меркурия до других планет — до Венеры, Земли, Марса и т. д.

Почему возникла такая закономерность, неизвестно. Вероятнее всего, она связана с процессом образования планет. Но этот числовой ряд астрономы знают с восемнадцатого века. И тогда же было отмечено, что одного члена не хватает. Марс соответствует расстоянию 2^2, Юпитер — 2^4, а планеты для расстояния 2^3 — нет. И как же довольны были ученые, когда такая планета нашлась 1 января 1801 года! Ее назвали Церерой.

Но затем начались разочарования и путаница.

Церера оказалась миниатюрной, куда меньше Луны. А кроме того, год спустя на таком же расстоянии от Солнца нашлась еще одна планетка — Паллада.

А там пошло и пошло. К концу двадцатого века были известны уже тысячи малых планет, одна другой мень-

ше. И предполагалось, что в том же районе имеются сотни тысяч неоткрытых летающих гор и скал.

Почему же вместо одной планеты оказались сотни тысяч? Первые же открыватели предположили, что виновата космическая катастрофа. Была раньше одна большая планета (по мнению других — комета), а в дальнейшем она распалась.

Почему распалась планета? Нет нужды перечислять все предположения. Удержалось в науке такое.

Некогда существовавшая планета — ей даже дали имя — Фаэтон — была разрушена быстрым вращением. Наша Земля тоже раскололась бы, если бы вращалась в семнадцать раз быстрее. Фаэтон был меньше, для него и катастрофическая скорость была меньше. Сначала отслоилась твердая кора на экваторе, планета сделалась легче, — стало быть, уменьшилась и сила тяготения, разрушение пошло быстрее. Так постепенно весь Фаэтон распался на куски. Куски, сталкиваясь, продолжали дробиться, острова раскалывались на отдельные горы, горы на скалы, скалы на камни. Некоторые от удара отскакивали в сторону, устремлялись к Солнцу. Со временем Фаэтон запылил всю Солнечную систему. Возможно, что все метеориты, падающие на Землю, — осколки погибшей планеты.

Трое потерпевших крушение были единственными людьми, способными пролить свет на тайну происхождения астероидов. Их наблюдениям цены не было бы... если бы они вернулись на Землю, когда-нибудь.

Метеориты по своему составу делятся на железные, железокаменные и каменные. Железные состоят из чистого железа с никелем, каменные, в основном, из минералов оливина и пироксенов, которые на Земле возникают на больших глубинах, под твердой корой. Ученые предполагали, что железные метеориты — уроженцы ядра Фаэтона, каменные же родились ближе к поверхности.

Для каменных метеоритов характерны небольшие горошинки и зернышки — хондры — как бы капельки застывшего расплава. Астероид Надежда весь состоял из хондритовых пород, видимо, он происходил из верхних слоев Фаэтона. А ближе к Грушевым горам даже хондры исчезли, породы были похожи на земной базальт.

— Здесь была твердая кора, — сказал Ренис при

первой экскурсии. — А вершина Груши просто находилась на поверхности.

Вот почему такой интерес представляло нелегкое восхождение на эту тридцатикилометровую гору.

Два часа прыжков, два часа сидения в темноте. Астероидные сутки требовались, чтобы добраться до подножья. Потом начался подъем, прыжки с утеса на утес над извилистыми расселинами, прыжки нарочито укороченные, или нарочито удлиненные, когда вот-вот угодишь в трещину и надо поджимать ноги, убирать их, изгибаясь всем корпусом, чтобы инерция донесла тебя до ближайшего края.

— На вулкан ужасно похоже, — сказала Нечаева на полпути. — Помнишь, Роб, на Ганимеде мы видели такие же бугры застывшей лавы?

Они очень устали и даже рады были, когда Солнце скрылось. Здесь через Грушевые горы проходил экватор, так что Солнце падало камнем под горизонт. Ночь наступила внезапно, путники примостились в первой попавшейся расселине и заснули на два часа. У них уже начал вырабатываться астероидный ритм жизни.

Так они «ночевали» на подъеме дважды и опять устремлялись вверх. Гора становилась все круче, подъем все труднее, но об отступлении не думалось. Каждый альпинист, каждый турист поймет Надежду и Роба. У горных вершин есть свой магнетизм. Человек рожден властелином природы и любит взирать на нее сверху вниз, попирать ногами бессмысленные камни.

И вот вершина близка, совсем рядом. Последнее усилие, последний прыжок, и люди на самой верхушке.

Весь астероид под их ногами. Гигантский каменный корабль плывет по звездному океану. Звезды, как песок, сыплются из-под горизонта. Так и кажется, что круглым носом астероид режет искрящуюся воду. И Роберт в упоении кричит:

— Эй, планета, слушай мою команду: «Держать от Солнца вправо! Полный вперед!»

Дневная, освещенная Солнцем половина, блестела, как Луна на земном небосводе. Темная ночная половина мрачным силуэтом надвигалась на звезды. Интересно было смотреть на терминатор, границу между светом и тенью. Как и на Луне, освещенная сторона казалась очень плоской, а тень подчеркивала каждый бугорок,

превращала холмы в зубцы, утесы, остроконечные пики. Они виднелись минуту-другую, а потом исчезали, тень зализывала их черным языком.

Женщина и подросток сидели на полукруглом гребне, свесив ноги над тысячеметровой пропастью. Высоты они уже привыкли не бояться. Внизу была равнина, тоже полукруглая. Она была похожа на кратер вулкана, только громадный. На Земле таких вулканов нет сейчас, но некогда были. Их называют кальдерами. Петропавловск-Камчатский стоит, например, на краю такой кальдеры. Сейчас она залита океаном, превратилась в круглую бухту, великолепную стоянку для кораблей.

Надежда бывала на Камчатке, и это сравнение сразу пришло ей в голову. «Вот уже тень заползла в бухту, словно прилив, черная вода поднимается,—думала она.— Странная форма у этой бухты, на сердце похожа. Сердце заполнила черная кровь. Черной крови не бывает, не кровь — тоска. Сердце, заполненное тоской. А форма не меняется, высокий этот мыс. На нем город я бы поставила».

И вдруг с болезненной ясностью Надежда увидела город; треугольные кварталы, площади, улицы радиальные и кольцевые, дороги, серпантинами уходящие в горы.

Минуту смотрела она на это видение, не веря глазам. Потом тень поднялась и закрасила город.

10

Город Черного Сердца так и остался сказочным миражем, заколдованным городом-призраком. Он появлялся на минуту перед закатом и на минуту после восхода, когда низко стоящее Солнце рисовало особенно длинные тени. Только минуту! А затем недолговечный город исчезал, становился невидимкой, прятался от любопытных глаз.

Когда люди спустились в кальдеру, им не удалось с первого раза даже найти мыс у сердцеобразного залива. Пришлось одному из них — Робу поручили это — вернуться на гребень и оттуда указывать направление.

Такой же парадокс бывал в земных пустынях: с воздуха отлично видны очертания крепости — валы, кварталы, улицы. А приземлишься — невозможно найти. Ли-

нии улиц исчезли, их маскируют холмы, барханы, глина разной расцветки, заросли саксаула. И за деревьями не видно леса.

С помощью Роба взрослые нашли город, но это тоже ничего не дало...

Пологие повышения, продолговатые понижения, еле заметные канавы — вот и все, что удалось обнаружить. Вулканический пепел лежал на кварталах, вулканический пепел — на проезжих дорогах. Никаких развалин, ни намека на подвалы, фундаменты, водостоки. И раскопки не дали результата — пепел и туфы, туфы и пепел, никаких остатков жизни, мусора хотя бы...

— Может быть, город кажущийся? — предположила Надежда. — Может быть, все эти линии и бугры — игра природы?

А Ренис сказал: «метеоритное выветривание». Он сам придумал такой термин. Земные геологи называют выветриванием разрушение пород под влиянием ветра, воды, холода и жары, растений, животных. На астероиде не было ветра, воды и жизни, но его беспрерывно клевали метеоритики. На Луне каждый метеорит крошит камни, превращает их в пыль. Облачко медленно оседает на поверхность. Чтобы убежать с Луны в пространство, нужно развить скорость 2,4 километра в секунду. Редкой пылинке удается это. На астероиде же скорость убегания была всего лишь 60 метров в секунду. Здесь редкая пылинка оставалась после удара, большинство улетало. Таким образом, мелкие метеоритики постепенно разъедали поверхность астероида. Они давным-давно съели руины города, всю почву и подпочвенный слой, даже подземные сооружения. Но так как разрушение шло равномерно, на месте кварталов остались бугры. Метеоры соскоблили дома вместе с подвалами, город исчез, но отпечаток сохранился.

— Не верю я, что это город, — говорила Надежда. — Даже странно. Может ли быть такое совпадение: возникла цивилизация, люди построили города и именно в этот момент центробежная сила разорвала планету?

— А может быть, совпадение не случайное? — возражал Ренис. — И жители Фаэтона сами разорвали свою планету, когда сумели это сделать.

Надежда возмущалась:

— Зачем? Глупость какая! При такой высокой тех-

нике люди должны быть умнее. И уж во всяком случае, если началось такое, они могли переселиться на Марс, на Землю...

Ренис загадочно усмехался:

— Дорогая Надя, вы судите о вселенной с прямолинейностью дикарки. Может быть, они — на Фаэтоне — не считали, что им надо спасаться? Может быть, они уже изведали вселенную, разгадали все тайны, осуществили все желания и пришли к выводу, что жизнь не имеет смысла, нет ничего, кроме пресыщения и скуки. Не понимаете? Вам никогда не бывает скучно, никогда не хочется заснуть и не проснуться?

Нечаева пожимала плечами. «Позирует!» — думала она про себя. А вслух говорила:

— Таким настроениям не надо поддаваться. Не надо!

11

Это был лучший период в их жизни на астероиде: дружная работа, дружный отдых, дружные споры. А потом пришло то, чего и следовало ожидать.

Однажды, оставшись наедине с Надеждой, Ренис сказал:

— Мне давно хочется поговорить с вами, Надя. Вероятно, вы догадываетесь, о чем...

— Не надо! — воскликнула Надежда.

— В сущности, дело обстоит очень просто, — продолжал Ренис. — Вы единственная женщина на острове, я — единственный мужчина. Но я знаю, что женщины не любят простоты. Кроме того, вы мне действительно нравитесь, нравились еще в полете. И жив-то я остался потому, что вы нравились мне. Я предпочел поболтать с вами, а не глазеть на этот проклятый астероид. Конечно, я человек потрепанный, не первой молодости, пылкой юношеской любви не могу подарить вам, зато могу обещать верность до гроба. И если бог приведет нас на Землю, мы, как полагается, пойдем с вами в церковь... или в ратушу, если предпочитаете, освятим наш брак круглой лиловой печатью...

— Замолчите! — прервала его Надежда. — Какая пошлость!

— Да будьте же разумным человеком, — продолжал

Ренис с раздражением. — Вы единственная женщина, я единственный мужчина...

— Роберт, иди скорей! — позвала Надежда. Ей послышался шум в шлюзе.

— При чем тут Роберт? Речь идет о нас с вами.

Ренис протянул руки, хотел обнять «единственную женщину». Она отскочила в сторону, ударилась о плиту. У обоих были такие неуклюжие движения в этом мире малой тяжести.

И вдруг Ренис оказался под потолком, он смешно болтал ногами, тянулся к полу и не мог его достать. Это племянник подбросил его. Схватил сзади и кинул к потолку.

«Силач какой! Повзрослел за этот год! — подумала Надежда. — А впрочем, ему пятнадцать лет уже».

Ругаясь и грозя, Ренис медленно планировал с потолка. Здесь, на астероиде, даже карандаш падал со стола на пол шесть секунд. Ренис успел отвести душу руганью, успел даже понять, насколько он смешон — висит и ругается. А безжалостный племянник снова толкнул его к потолку. Он не раз забавлялся такой игрой на прогулках: бросал вверх камни и не давал упасть, подхватывал на лету.

— Не трогай меня, не смей! — кричал Ренис. — Я уйду. Не нужны вы мне, смотреть на вас не хочу.

— Отойди, — сказала Надежда Робу.

Оказавшись на полу, Ренис опрометью бросился в шлюз. Из-за двери послышался лязг свинцовых подошв скафандра.

— Он обидел вас? — спросил Роб с горящими глазами. — Сделал больно?

— Нет, нет, мальчик, не обидел. Просто он вел себя несдержанно. Это пройдет. Но ты помоги мне, старайся не отходить далеко.

Роб сел на кровать, закрыл лицо руками.

— Я все сделаю для вас, тетя Надя. А вы не передумаете, как тогда — с бойкотом?

Такая боль была в его голосе, такая смешная мальчишеская ревность!

— Обещаю, Роб. Я совсем не люблю твоего дядю.

— Да, сейчас вы думаете так, а потом передумаете, — говорил Роб мрачно. — Но вы хоть предупредите, когда передумаете.

12

Все это произошло накануне метеоритной бомбардировки.

Началась она с сильного удара. Потом послышалась мелкая дробь и опять удары. Раньше не бывало таких.

Кольцо малых планет узкое, и расположено оно примерно в той же плоскости, что и орбита Земли. Астероид Надежда, однако, двигался с большим наклоном к этой плоскости и пересекал ее дважды. Как раз предстояло первое пересечение.

До сих пор астероид странствовал по пространству, сравнительно свободному от метеоритов. Но сейчас должен был вонзиться в самую гущу.

Люди прожили на астероиде год с небольшим. За это время случайные метеориты только три раза попадали в полупроводниковые щиты, испортили только одну ванночку с водорослями. А тут за одну ночь четыре ванночки вышли из строя, и когда Надежда поутру поднялась за батиэллой, пятая ванночка была пробита у нее на глазах. Два часа спустя Ренис вернулся бледный, зажимая дыру на скафандре. Он выглянул из пропасти и увидел, что на равнине там и сям поднимаются пылевые дымки. Хорошо, что скафандр был самозарастающий, дыра вскоре затянулась.

Метеоритный обстрел загнал людей в подземелье. От дальних походов пришлось отказаться. Все трое покидали помещение только при крайней необходимости, соблюдая предосторожности, которые Ренис назвал «статистическими».

Астероид пересекал кольцо малых планет с юга на север, и большинство метеоритов падало на северную половину. Двигалась Надежда медленнее других астероидов, поэтому метеориты чаще догоняли ее, падали с запада. Это означало, что более опасны часы заката, так как все планеты движутся вокруг Солнца с запада на восток.

Некогда, во времена ленинградской блокады, на улицах были надписи: «Эта сторона при артобстреле наиболее опасна». Так и жители астероида отметили опасные направления. Они выбирались наверх только на восходе, ползли вдоль северо-западной стенки, прикрывались

тяжелым щитом — обломком ракеты — с северо-запада. Но все это были «статистические» предосторожности. Шальной метеорит мог прилететь на восходе с юго-востока, ударить под щит снизу. И, провожая дежурного, двое никогда не знали, увидят ли третьего живым.

Выходили по очереди. Ренис, пожалуй, чаще других. При всех своих недостатках, трусом он не был. Правда, вернувшись, он никогда не забывал сказать Надежде: «Вот, мол, жизнью рискую для вас, а вы тянете время, кокетничаете».

Конечно, объяснение повторялось много раз, и становилось все более пылким. Оговорки исчезли, теперь Ренис говорил о подлинной любви — страстной, нетерпеливой, неудержимой. И Надежда удивлялась про себя: «Неужели так просто вызвать настоящую любовь? Только проявляй неуступчивость?»

Ренис любил и вместе с тем злился. И на Надежду, и еще больше — на племянника. Даже отказался заниматься с ним математикой и физикой. Но не стеснялся вмешиваться, поправлять.

— Вы его не пропагандируйте, — твердил он. — Ему в свободном мире жить. С такими воззрениями парень попадет за решетку.

— Ничего себе свободный мир! — посмеивалась Надежда.

Ренис отворачивался. Но поговорить ему хотелось. Он начинал рассказывать... чаще о каникулах — о путешествиях в Италию, в Швейцарию, о дорожных знакомствах. Он рассказывал подробно, красочно, не без юмора, но, к сожалению... не в первый раз. Как ни странно, у него не так много накопилось примечательного — десятка два случаев от всей жизни. Рассказы устоялись, даже шутки были одинаковые. Он успел изложить свои любимые истории еще по дороге к Юпитеру, повторял на обратном пути, повторял и сейчас.

...— Глаза у нее были черные, как агат, — вспоминал он мечтательно.

— Прошлый раз ты говорил «как аквамарин», — перебивал племянник.

— И она сказала: «Я не верю в любовь с первого взгляда», — напоминала Надежда.

— Не хотите слушать, не слушайте, — обижался Ренис. — Сами-то вы молчите. Прожили жизнь и забыли,

словно пустой сон. Только два слова запомнили: «надо» и «не надо».

Рассказывают, что в средние века некий король-самодур придумал такое наказание непослушной дочери: привязал ее к возлюбленному крепкими веревками, так что двое смотрели друг другу в лицо много дней, с утра до ночи. Даже нежная любовь не выдержала такого испытания, превратилась в лютую ненависть...

Наступил день, когда Ренис объявил Надежде Петровне:

— Вы могли дать мне счастье, но поскупились... потому что у вас пустая душа, и вместо сердца — принципы. С удовольствием сообщаю вам, дорогая, что я не люблю вас больше... даже презираю... даже ненавижу.

А Надежда думала с тоской:

«Двадцать два человека погибли в рубке — такие хорошие товарищи. Почему только этот уцелел?»

13

Пять месяцев продолжалось вынужденное безделье. Потом обстрел переместился в южное полушарие, начал затихать, совсем затих. И снова можно было, надеясь на авось, выходить наружу.

Возобновились астрономические наблюдения, сооружение памятника погибшим, составление карты. Ренис, ворча, тоже присоединился к работе. Надо же было заниматься чем-нибудь и ему.

И вновь, после полугодичного перерыва, все трое отправились в город Черного Сердца.

Бывшему вулкану особенно досталось от метеоритов. Склоны его были изъедены воронками, словно после бомбежки. Воронки оказались и в кальдере, на дне бывшего залива, и в центре заколдованного города.

С особенным интересом осматривали люди воронки. Ведь тут получились разрезы грунта, метеориты как бы произвели раскопки за них.

Но и в глубине виднелся все тот же вулканический пепел. Слои пепла, пепла до самого дна, где чернильной лужей лежала недвижная тень.

— А там дверь, — воскликнул Роберт, присматриваясь к одной из теней.

Тут и старшие, менее зоркие, тоже заметили, что эта тень имеет слишком правильную форму. Пожалуй, действительно, похоже на арку. Неужели на арку? Едва ли! Но если это арка...

Все трое через мгновение оказались в воронке. Мелкий пепел сползал из-под ног в дыру. Перед ними открывался таинственный коридор, совершенно черный вдали.

Пришлось зажечь фонарики на шлемах. Неяркие желтоватые лучи вырвали из черноты подземную галерею. Искусственную или природную? Не проплавлен ли этот ход? Чем? Лавой? Едва ли лава текла так прямолинейно.

Нет сомнения, нет сомнения, разумные существа поработали здесь.

Сердце Надежды билось неровно. Какая-то важная тайна откроется сейчас. Что они увидят? Комнату жителей Фаэтона? Книгохранилище с учебниками всех наук, даже неведомых на Земле. Может быть, высеченную на мраморных досках летопись, подробную историю катастрофы, каменное письмо или кинописьмо к ним — далеким пришельцам. Может быть, какие-нибудь могучие машины, лучше всего — радиопередатчик, способный послать сигнал на родную Землю.

Гадать пришлось недолго. Коридор закончился лестницей, за лестницей оказался дверной проем. Дверь, сорванная с петель, валялась на дороге. Три луча направились в темное помещение, скользнули по низким каменным же полкам, на которых пачками лежали металлические листы...

Что за листы, зачем? Какие-то клеточки выдавлены на них. Металл желтый. Латунь, что ли?

— Да ведь это золото! — вскричал Ренис. — Черт возьми, сколько золота! — Он поворачивал голову во все стороны, луч фонарика скользил по листам, листам, листам... — Черт возьми, наверное, они хранили тут золотой запас. Теперь мы богачи, миллионеры, миллиардеры, самые богатые люди на свете. Слышите, Надежда Петровна, самые богатейшие!

А у Надежды слезы стояли в глазах. Она всхлипывала, кусала губы, но ничего не могла поделать с собой. Слишком велико было разочарование. Огромные бес-

смысленные деньги, — вероятно, на Фаэтоне золото тоже было деньгами, — на которые не купишь ни одного глотка воздуха, даже кусочка хлеба, даже секунды жизни...

14

— Деньги — всюду деньги, — твердил Ренис в упоении. — Золото — это цифра в чистом виде, овеществленная цифра, мечта, имеющая вес. Чего же стоят все ваши речи, Надя? Вы уверяли, что капитализм обречен на гибель, и вот пожалуйста: что мы видим в космосе? Капитал. Золотой запас. Деньги.

— Пример Фаэтона ничего не доказывает, — возражала Нечаева. — Капитализм — обычная стадия в истории, на многих планетах можно будет встретить эту стадию. И золото ничего не доказывает еще. Золото будет нужно и при коммунизме. Это могли быть листы, приготовленные для лабораторных приборов. А еще вероятнее, здешнее общество было похоже на Древний Египет или на Перу. Ведь до железного, до бронзового века народы пережили золотой век. И тогда золото было не деньгами, а просто металлом. Я думаю, мы застали золотой век на Фаэтоне.

И даже у Роберта возникла своя теория — самая научно-фантастическая. Роберт думал, что на Фаэтоне побывали путешественники с далеких звезд, устроили тут ремонтную космическую станцию, добывали металлы, среди них и золото: нержавеющий, красивый, гигиенический материал для мебели, для посуды, для приборов, для перегородок, для умывальников и канализационных труб.

— Космические путешественники не тесали бы камень, они выжгли или высверлили бы подземелье, — говорил Ренис-дядя.

Роберт смущенно замолкал. Нечаева подсказывала ответ:

— Они могли использовать старую пещеру.

И сама же возражала себе:

— А город? Город с кварталами у залива. Зачем космическим путешественникам кварталы?

— Египтяне ставили свои города у рек. Это был речной период истории, — напоминал Ренис.

— А жители древнего Крита?

Спорили. Рассматривали золото. Ощупывали плиты, искали инструменты, опять спорили. Сошлись только на одном: поиски надо продолжать. Должны быть другие камеры. Простукали стены, переложили золотые листы, простукали пол. В одном углу отзвук был гулким. Начали долбить там стену. Наконец, открылась щель, Роберт первый втиснулся в коридор. Опять тьма, завалы камней, повороты. И тупик. Что там, за глухой стеной?

Ренису виделись новые пачки листов, груда самородков, сундуки с драгоценными камнями — ценности, ценности, деньги, деньги, деньги.

Надежде представлялась гробница фаэтонского царя, подобие тайной гробницы Тутанхаммона. Короны, браслеты, золотые щиты и латы, груды узорной посуды, тяжеловесный саркофаг и портрет фаэтонца (похожи ли они на людей?). И букетик цветов, положенный молодой женой (полевые цветы положила Тутанхаммону его подруга). А главное — рисунки, рисунки, рисунки. Быт фаэтонцев, фаэтонцы пашут, сеют, добывают и плавят золото, отливают шлемы и латы...

А Роберту мнилось самое заманчивое: склад-мастерская космолетчиков. Книги — целая библиотека — свод знаний, неизвестных на Земле, приборы, аппараты—тоже неведомые на Земле. И в самом углу небольшой трехместный планетолет с необыкновенным термоядерным двигателем. Они садятся втроем, Роберт нажимает кнопку... и курс на Землю, полный вперед!

Ренис долбил камни с остервенением, только сбив ладони до крови, согласился уступить лом племяннику. Когда они спали оба, долбила камень Надежда. Но вот стена начала подаваться. Ничего не было видно. Темно впереди. Еще удар. Камни шатаются. Толкнули все втроем. Скала отодвинулась, медленно, плавно ушла в темное ничто. И стало видно... звездное небо. Малая Медведица выливала тьму из своего ковшика в объемистый ковш Большой Медведицы. Переливала, как тысячи лет назад. Пустоту в пустоту. Из пустого в порожнее.

Когда планета разваливалась, трещина прошла, видимо, здесь — поперек хода. Второе помещение унес другой астероид... Неведомо какой. Любой из двух тысяч. Что именно унес он?

Золотой запас, по мнению Рениса.

Или гробницу фаэтонского фараона, как думала Надежда.

Или стоянку межзвездных кочевников?

Три жителя астероида предвосхитили три теории, по сей день бытующие в науке. И если вы возьмете протоколы конференций по Фаэтону, вы найдете там и межзвездную теорию, и теорию золотого века, и теорию денежного капитализма. Читатель может выбрать любую из них по вкусу.

Впрочем, мы забежали вперед. Все это было гораздо позже. Жители астероида вторично испытали разочарование, но не такое уж горькое, потому что в это время забрезжила надежда.

15

Человек, потерявший руки, может увлекаться математикой или литературой, может даже научиться рисовать ногами. Он забудется... но никогда не забудет о своей беде. И житейские мелочи напомнят ему ежечасно: «Были руки у тебя, теперь нет. Плохо тебе, хуже чем другим».

Запертый в крепость — об этом рассказывал Морозов в своей книге — может придумать себе занятия, примется сочинять стихи или ученые трактаты, лепить шахматы из хлеба, кормить крошками мышей. Иногда он забудется... но стоит поднять голову, тюрьма напомнит о себе. Никогда узник не перестанет думать о воле, мечтать о воле, надеяться, что тюремщики смягчатся, испугаются, что его освободят товарищи или случай... никогда не устанет изобретать и перебирать самые невероятные способы побега.

Узники астероида могли придумывать себе занятия, углубляться в них, забыться... но забыть о том, что они узники, они не могли ни на час. Им часто снилась Земля, даже Роберту, который плохо помнил Землю. Еще чаще снилось избавление: вот они выходят из ущелья, глядь — над горизонтом пламя ракеты. Человек беспомощный склонен к суеверию. После таких снов Нечаева несколько дней ждала избавления, все посматривала на небо, вскакивала при каждом шуме, ждала счастливого возгласа: «Ракета!»

О побеге мечтать не приходилось. Пространство держало их крепче, чем каменные стены и стража. Чтобы построить межпланетный корабль, требовались земные заводы. Межпланетные плоты и шлюпки еще никто не изобрел. Как бы сообщить о себе на Землю? — вот о чем они думали неустанно.

Но радиопередатчики в их шлемах действовали километров на сто, в лучшем случае. Усилить звук? На это нужна энергия... а энергии было в обрез — несколько уцелевших солнечных батарей. Добыть еще полупроводники? На это требуется энергия, их надо выплавлять из горных пород, восстанавливать. Соорудить небывалую антенну? Нет проволоки, нет металла, нет энергии, чтобы его выплавить, нет кислорода, нет угля, нет знаний... Все трудности десятки раз были обсуждены еще в первые недели после катастрофы.

Неожиданное открытие Нечаева восприняла как сигнал надежды. Она шла по коридору и мечтала: «Ах, если бы тут был радиопередатчик!» А вместо спасительного радио — груды бесполезного золота. Много можно было купить на это золото на Земле в странах капитала. Но дотянись до них, попробуй! И на Фаэтоне, вероятно, многое можно было купить, но Фаэтон рассыпался в куски.

А Ренис, казалось, совсем забыл, что Земля недоступна. Он с удовольствием измерял листы, считал вслух:

— Два метра в длину, один в ширину, цена каждого листа — тысяч двадцать долларов. Я уверен, что и тут из листов готовились монеты. Недаром на них выдавлены клеточки, так удобнее резать. Каждая клеточка — монета, цена получается около доллара. За пол-листа мы с тобой, Роб, купим превосходную машину, за десяток листов — приличный домик, за сотню — яхту, отправимся путешествовать по всему миру. Еще купим виллу на Средиземном море или поместье. Знаешь, сколько тут листов? Двадцать четыре тысячи с лишком. Улыбнитесь, Надежда Петровна! Вы сейчас богатейшая невеста на Земле...

— К чему мне золото? — горько усмехалась Нечаева. — Вернуться оно не поможет.

Ренис пожимал плечами:

— Несчастный человек вы, дама с принципами. Не-

ужели у вас нет воображения? Поглядите на эти листы хорошенько. Вот шуба из натуральной норки, вот серьги и колье, вот стильная мебель, вот блузка из перламутровой вискозы. Вы же любите приодеться?

— Любила, — вздыхала Надежда.— Когда мы познакомились с Вадимом, на мне был шарфик из перламутровой вискозы. И в волосах — цветы. Тогда в моде были живые цветы. Но что растравлять себя?.. Ракеты не построишь из этого золота.

И все-таки оказалось, что золото может быть полезным. И не Ренис догадался об этом, не Надежда, а Роб — вчерашний мальчик. Может быть, ему легче было догадаться, — ведь он знал меньше, чем взрослые, не так четко представлял трудности.

В тот вечер они читали Энциклопедию вслух. Было и такое развлечение на астероиде. Читали подряд, о городе Антверпене — главном порте Бельгии; об Антее — мифическом гиганте, сыне Земли, который был непобедим, пока стоял на Земле; о рыбках-антенариях из отряда ногоперых, а затем об антеннах. Статья об антеннах читалась не в первый раз — она была основным источником сведений по радиотехнике. Ведь тома на букву «Р» не сохранились при катастрофе.

И вот, когда Надежда читала о том, что антенной может быть всякое тело, проводящее ток, Роберт задал вопрос:

— Тетя Надя, а можно сделать антенну из золота? Ведь золото хороший проводник, верно?

— Сделать можно, но толку не будет, — ответил за Надежду Ренис. — Никакая антенна не поможет нам связаться с Землей. Считано-пересчитано.

Но десять минут спустя в той же статье они прочли, что параболические антенны радиотелескопов обладают коэффициентом направленности в десятки тысяч. Такие антенны превращают радиоволны в узкие лучи. Луч получается концентрированнее, мощнее или дальнобойнее, чем волна, в десятки тысяч раз.

— Ты слышишь, дядя, — в десятки тысяч раз! — воскликнул Роб. — Неужели не дойдет до Земли?

— Исключено, — сказал Ренис, посчитав в уме. — В лучшем случае мы услышим какую-нибудь мощную радиостанцию.

— Услышим Землю? — Нечаева даже вскочила. —

Услышим Землю? И вы говорите об этом так равнодушно?

Глядя на потолок, Ренис шевелил губами, считая в уме.

— Все равно толку не будет, — повторил он. — Следящий, подвижный радиотелескоп вы не сумеете сделать. Придется сооружать неподвижный, смотрящий в зенит. Вам придется ждать, пока Земля окажется в зените, чтобы слышать какие-то отрывки три-четыре минуты в сутки. Надо принять во внимание еще наклон оси астероида. Из-за наклона Земля не круглый год поднимается в зенит. Год у нас продолжается пять земных лет, из них четыре года телескоп ваш вообще будет бездействовать.

— Эрнест, Эрнест! Как можно быть таким бесчувственным? Неужели вы сами не мечтаете услышать Землю? Пусть по три минуты, пусть один год! Мы сделаем пять телескопов для всех наклонов.

— А я не согласен швырять золото на эту глупую затею, — с раздражением оборвал Ренис. — Придет ракета, а у нас оно разбросано, разрезано, придется оставить его тут...

— Ах вот как, вам золота жалко? — в голосе Нечаевой было и удивление и презрение. — Но там есть и моя доля.

— Вашу берите, пожалуйста.

— И мою, — добавил Роб.

— А долю мальчика не трогайте. Он несовершеннолетний. И я его опекун.

— Надеюсь, вы не откажетесь сделать расчет телескопа, — холодно сказала Нечаева. — И составьте таблицы движения Земли. Я заплачу вам... по ставке профессора.

16

Обычный оптический телескоп служит для того, чтобы собрать с большой площади лучи света и направить их в одну точку — в фокус. В фокусе лучи складываются, свет звезд становится ярче.

Радиотелескоп служит для того, чтобы собрать радиоволны с большой площади и направить их в одну точку — в фокус. В фокусе волны складываются, радиозвук становится громче.

Телескоп собирает свет с помощью параболического зеркала (или линзы). Радиотелескоп собирает радиоволны с помощью параболической антенны.

Узникам астероида трудно было построить точную параболу, но им помогла сила тяжести. Обыкновенная веревка, провисая от собственной тяжести, образует цепную линию. Если прогиб невелик, цепная линия сходна с параболой.

Для телескопа и радиотелескопа правило единое — отклонения от параболы должны быть не больше одной восьмой длины волны. Оптический телескоп имеет дело со световыми волнами, длина их меньше микрона. Сделать зеркало для телескопа — невообразимый труд, такие зеркала шлифуются годами. Радиотелескоп принимает метровые волны, тут допускаются отклонения свыше десяти сантиметров. Шлифовать ничего не нужно, можно сделать телескоп из проволочной сетки, лишь бы расстояния между проволоками были не меньше десяти сантиметров.

И даже проволоку изготовлять не обязательно. Ренис предложил делать телескоп из золотых лент, натягивая их через каждые десять сантиметров.

Из двух кухонных ножей Роб соорудил громадные ножницы, чтобы резать на ленты золотые листы. Труд утомительный. Золото весило тут меньше, чем на Земле, но было ничуть не мягче. Ленты наращивались достаточно просто — концы загибались и расплющивались с помощью обыкновенного молотка. Затем длиннющая лента складывалась и доставлялась на место. Ее прикрепляли, натягивали... и шли за следующей.

Радиотелескоп сооружался в шести километрах от города Черного Сердца. Там нашлась подходящая круглая воронка, вероятно, один из побочных кратеров бывшего вулкана. Конечно, закреплять и подгонять ленты можно было только днем. Четыре ленты за короткий день — такая установилась норма. На ночь все трое уходили в подвал древнего банка, при свете фонариков резали и наращивали ленты. Но нельзя же было месяцами жить в скафандре. Надо было помыться, отдохнуть, приготовить пищу, перезарядить батареи... и возвращаться для этого домой, за девяносто километров, задерживать и без того медлительную работу.

Поэтому решено было предпринять грандиозное

дело — переселиться в подвал золотого запаса, перетащить в город Черного Сердца герметическую кабину, баки с водой, гелиостанцию и оранжерею.

Даже на астероиде это было очень трудно. Трехтонные баки с водой весили здесь двадцать кило, но масса их оставалась прежней — три тонны. Представьте себе, что вам нужно тащить по воде плот с груженой автомашиной. Космические робинзоны превратились в бурлаков. Они обвязали бак золотыми лентами, надели на шею лямки из золота («И вы в золотых цепях, Надежда Петровна», — торжествовал Ренис.). О прыжках пришлось забыть. Груз укорачивал прыжки, превращал их в обыкновенные шаги. Приходилось идти с нормальной земной скоростью, плавно, мерно, не останавливаясь. Трехтонная инерция не позволяла менять темп. Девяносто километров с баком, девяносто со вторым, девяносто с жилым помещением... Можно представить себе, сколько времени продолжалось переселение. Впрочем, времени жалеть не приходилось. Узники теряют свет, свободу, работу, но времени у них в избытке. Можно затевать самые неторопливые дела. Товарищи Морозова могли сочинять длиннейшие стихи и передавать их перестукиванием, могли расковыривать камни гвоздем и пилить решетку пилочкой для ногтей. А узники астероида могли таскать баки с водой вокруг своей планеты. Времени хватало.

Примерно три месяца (земных) прошло прежде, чем они сплели золотую сеть для ловли радиоволн.

Но вот телескоп готов. Изрезаны на ленты 250 золотых листов, сооружена антенна ценою в шесть миллионов долларов, по расчетам Рениса, — самая дорогая в истории человечества. И Солнце, забираясь в зенит, отражается в лентах. Блестит золотое плетение, вспыхивают слепящие блики...

При земных радиотелескопах строятся специальные башни, чтобы приемник оказался в фокусе. На астероиде обошлись без башни, отчасти потому, что не было уверенности, что телескоп точен и фокус будет там, где ему надлежит быть. Поэтому с соседней скалы спустили еще одну золотую ленту. Роберт на руках прошел по ней и повис над телескопом.

Солнце между тем, миновав зенит, уже катилось под гору. Зато уверенно взбирались вверх самые яркие светила небосвода — белая Венера и голубоватая Земля.

Роберт раскачивался на своей золотой плети, словно паук на паутинке. Старшие, задрав голову, смотрели на него. Их приемники были настроены на волну Роба. Они тоже слушали... как бы из вторых рук, ретрансляцию. Шорохи, треск, гул доносились до них... какие-то электрические происшествия в пространстве, то ли свист летящих электронов, то ли грохот сталкивающихся галактик.

Неужели ничего не выйдет? Неужели зря трудились? Впрочем, не трудов жалко. Жалко разбитых надежд.

Нечаева смотрит на Рениса. Если он съязвит, она не выдержит... ударит его... или разревется... или расхохочется истерически.

«Не надо распускаться, не надо...» — уговаривает она себя.

И вдруг Роберт кричит во все горло:

— Слышу... слышу... Волна восемьдесят два сантиметра. Подстраивайтесь!

Теперь и Надежда слышит. Сквозь свист, гул и скрежет прорывается простенький мотив, веселая детская песенка:

Начинаем, начинаем
Передачу для ребят...

У Надежды щиплет в носу «Московское... — шепчет она... — Вадик смотрит сейчас». Она все забывает, что Вадик ее давно вырос, думает о нем как о ребенке.

«Московское!.. Наше!»

Она плачет, всхлипывая, шмыгая носом, глотая счастливые слезы. Ведь семь лет не была дома, два года не слышала родного языка...

Начинаем, начинаем
Передачу для ребят...

17

Москва была слышна три минуты: песенка, звон часов, урок лепки для самых маленьких... Потом Земля вышла из зенита, голос ее замер.

Отрывки из пьес, кусочки музыкальных произведений. (По поводу каждого взрослые спорили — кто композитор?) Фрагменты статей без начала и без конца —

о сельском хозяйстве, об искусстве, о международном положении, о воспитании вежливости... Все было дорого отшельникам, все записывалось в журнал, обсуждалось много раз. Земля заговорила, повеяло воздухом Родины. Жизнь тесного мирка стала содержательнее, богаче, даже легче. Не приходилось насильственно вовлекать себя в придуманные дела.

К сожалению, ничего им не удалось услышать о космических исследованиях, ни слова о том, что их ищут, надеются найти.

Конечно, сразу же они вспомнили о принципе обратимости. Принцип этот можно изложить так: если маленькая станция слышит мощную, стало быть и мощная может услышать передачу с маленькой. Иначе говоря — московская телевизионная станция могла бы услышать их, если бы прислушивалась.

Но для этого требовалось, чтобы земные радиостанции были направлены на астероид именно в тот момент, когда Земля находится в зените над золотым телескопом, и чтобы Роберт в это время висел в фокусе и кричал бы «Спасите!», и чтобы земные станции настроились именно на эту волну.

Впрочем, не требовалось висеть над телескопом и кричать караул пять минут подряд. Удобнее и разумнее было подвести к фокусу ток, поместить там разрядник с прерывателем, посылать всемирные, всекосмические сигналы: три коротеньких, три длинных, три коротеньких:

SOS! SOS! SOS!

Они не жалели тока. Пока работал разрядник, выключались все лампочки, все аккумуляторы, даже приборы отопления и очистки воздуха. И золота не пожалели. Ведь провод тоже пришлось делать из золота, тянуть целых шесть километров от солнечной станции до телескопа.

Потом они построили второй телескоп в двадцати километрах от вулкана, чтобы посылать сигналы бедствия в другие часы. Туда тоже сделали проводку.

Жизнь приобрела смысл и краски, на горизонте забрезжил свет. В свободные минуты все трое подсчитывали шансы на возвращение. Конечно, они увидят людей еще не скоро: от Земли сюда почти год пути, месяца

два надо положить на снаряжение экспедиции. Важно, чтобы их услышали. С удовольствием вспоминали они, сколько радиотелескопов на Земле: в Советском Союзе, в Англии, в Америке, в Чехословакии, в Италии. На Луне тоже есть радиотелескоп. А на Марсе? Когда они покидали Землю семь лет назад, обсерваторию на Марсе уже проектировали. Прошло столько лет, может быть, она уже вступила в строй? Может быть, имеет смысл посылать SOS и на Марс? Это лишний шанс на удачу. А Марс как раз в зените в другие часы, не одновременно с Землей.

Про Марс вспомнил Ренис. Он принимал горячее участие во всех работах, даже взял на себя посылку сигналов. Только золота из своей доли не выдавал.

— А зачем вам золото? — говорил он Надежде. — Для вас это просто металл. Вы сдадите его в фонд внешней торговли или для нужд электротехнических лабораторий. А я из каждого листа выжму тончайшие наслаждения, вам недоступные.

— Недоступные или ненужные?

— Я построю себе дворец, — вслух мечтал Ренис.— Одна комната будет янтарная, другая — из слоновой кости, в третьей — мои золотые листы на стенах вместо обоев. Устрою картинную галерею для себя, для одного себя. Были когда-то на свете премудрый Леонардо, жизнелюбивый Рубенс, сентиментальный Грез, томный Гоген, писали, вкладывали души в полотна, страдали... А я куплю их души и на стенки повешу, пусть щекочут мои нервы... Потом придут ученые, расскажут про самые лучшие открытия, будут упрашивать помочь. И я скажу: «Вот вам миллион на теорему Ферма, все равно ее никто решить не может. А на борьбу с раком не просите, людей и так слишком много».

— Варварство какое! Замоскворецкое самодурство!— возмущалась Надежда.

Ренис пожимал плечами:

— Называйте как хотите, вам этого не понять. Вы женщина среднего уровня, а я из породы избранных. Бог знал, кому вручать богатство, уж я-то сумею им воспользоваться. Позову знаменитейших певиц, пусть рассеивают мою скуку. Корреспонденты прибегут спрашивать мое мнение о Земле и космосе. Я скажу им: «По моим наблюдениям, космос обширнее». И во всех

газетах перепечатают, в учебниках цитировать будут: «Космос обширнее, как метко сказал наш знаменитый господин Ренис, в чьих словах звон золота».

— Ошибаетесь, не все люди продаются, — заметила Надежды.

Она имела в виду советских людей, а Ренис понял по-своему:

— Знаю-знаю, вы скажете, что любовь не продается. А ваш Вадим («Не трогайте Вадима!» — воскликнула Нечаева) не ухаживал за вами, не дарил духи и цветы? Думаете, за дешевые подарки разрешается полюбить, а за дорогие нельзя? Думаете, со знаменитым путешественником приятно пройтись под ручку, а со знаменитым богачом неприятно? У вас просто воображения не хватает. Уверяю вас, меня будут любить молодые, красивые, изящные, будут любить за шубу из натурального меха, за машину под цвет шубы, за фарфоровую комнату в моем дворце. На таких, как вы, я и смотреть не стану.

Нечаева удивлялась: зачем Ренис говорит все это вслух? Дразнит ее, что ли? Или каждому человеку нужно высказаться, открыть свою душу, хотя бы даже врагу.

— Вы делите шкуру неубитого медведя, — говорила она, чтобы прекратить это неприятное саморазоблачение. — Никто не знает, когда за нами придет ракета. Может быть, вы будете древним старичком тогда.

И вслед за тем Надежда услышала самое сокровенное признание:

— Вам этого не понять. Вы реалистка, человек близорукий, видите вещи, а связи не улавливаете. Такая цепь случайностей: гибнет двадцать два человека, в живых остается трое, я — единственный мужчина. Есть сотни тысяч астероидов, мы попадаем на тот, где хранится золотой запас Фаэтона. Город стерт до основания, на десять метров ниже основания, а золото сохранилось. И шальной метеорит как раз при нас вскрывает подвал. Значит, все это не случайно. Это воля провидения. Золото предназначено мне для каких-то великих целей. Я еще не знаю их, я узнаю на Земле. И, конечно, провидение приведет нас на Землю... в самом ближайшем времени.

18

Но прошел год... и еще год. А провидение медлило. Люди старались помочь ему как могли. Каждые четыре часа посылали SOS на Землю, каждые четыре часа — на Марс. Ренис взял на себя эту работу, выполнял ее охотно и аккуратно. А Надежда и Роберт (он уже стал взрослым юношей) заканчивали описание и съемку астероида. Они тоже ждали ракеты с Земли, хотели встретить ее не с пустыми руками.

Между тем астероид описал полукруг, вновь вошел в пояс малых планет, пересек его с севера на юг. И на этот раз люди пересидели бомбардировку в своем подвале... К сожалению, нельзя было спрятать в подвал оранжерею и электростанцию. Урон получился немалый.

Метеориты разбили почти все ванночки с водорослями, уничтожили две трети полупроводниковых щитов. И не было никакой возможности восстановить их.

Робинзон на своем тропическом острове охотился, разводил коз, сеял хлеб. Природа щедро кормила его. Он вел свое натуральное хозяйство двадцать восемь лет, мог бы вести и дольше.

Робинзоны бесплодного, лишенного воздуха астероида жили за счет старых запасов, проживали привезенное с Земли имущество, а имущества становилось все меньше и меньше. Перегорали электрические лампочки, нечем было их заменить. Роберт вырос из своего скафандра, приходилось выходить из кабины по очереди. Кончились мясные консервы, кончился запас витаминов, испортился автомат, регулирующий температуру, и Ренис не сумел его починить.

Метеориты разбили и раскрошили большую часть щитов гелиостанции. Увы, кристаллический кремний нельзя было приготовить на астероиде. Все меньше оставалось воды, заметно уменьшились запасы воздуха. Правда, водоросли восстанавливали их, выделяя кислород из углекислого газа, но этот процесс шел не без потерь. Каждая разбитая ванночка, каждая заплесневевшая культура приближали гибель.

И Надежда, самый спокойный человек из троих, произвела подсчет. У нее получилось, что воздуха хватит только на сорок дней.

Всего сорок дней? Неужели конец? И напрасно они

тянули время, мучились, приноравливались, изобретали, ждали четыре года! Видимо, помощь опоздает.

Никогда еще так не хотелось увидеть родину. С закрытыми глазами Надежда вспоминала Кремль, кирпичную стену и башни. Вот она идет по набережной, ведет за ручку Вадика. В первый раз они зашли так далеко от дома. Вадик устал, с трудом переступает косолапыми ножонками, но не перестает задавать вопросы: «А почему на стене зубы? А почему мост такой скрюченный? А почему на мосту грибки? (Так он называет заклепки). А почему за рекой трубы? А почему река заворачивает?»

И так славно рокочет раскатистое «р» в слове «заворачивает». Вадик только недавно научился произносить «р».

Конечно, все это не повторится. Сейчас Вадик ходит по набережной не с мамой, а с незнакомой девушкой в коричневом платье с белым передником, говорит не о «грибках» на мосту, а о жизненном призвании, о Лермонтове и Циолковском. Пусть так. Мама смирится. Все поколения мам смиряются с девушкой в белом передничке. Маме немного нужно. Только бы разок взглянуть на сына... только бы разок.

И еще хочется побыть среди своих. Она так устала от Рениса с его саморазоблачениями и насмешками, устала от этой четырехлетней дискуссии, которую она ведет, чтобы спасти Роберта от душевной гнили. Так хочется ей поговорить с людьми правильными и здоровыми, которые не сомневаются, что труд — источник счастья и бодрости, что картины великих художников должны висеть в музее для всех людей, а золото следует сдать в лаборатории для общей пользы, что полюбить за меховое пальто — подло и уважать надо не богатого, а трудолюбивого. «Один бы денек среди своих, — думает она. — Трудно мне. Ведь я только женщина, обыкновенная...»

День прошел. Осталось тридцать девять, потом тридцать восемь, потом тридцать семь дней жизни...

Не поспевает помощь!

Карты перечерчены начисто, собрана коллекция минералов, тщательно переписан отчет об экспедиции на спутники Юпитера, упомянуты заслуги каждого. Земля не должна забыть погибших знаменосцев. Написаны

письма Советскому правительству, а также и Вадику — о его отце. Помощь запаздывает, но когда-нибудь люди придут сюда. Человек пытлив, он не любит оставлять местечки, где не ступала его нога. Конечно, прибывшие заметят золотой телескоп. Но найдут ли они подвал? Надо указать им дорогу.

И последние дни Надежда Петровна работает с лопаткой. Она копает в вулканическом пепле окопчики в форме стрелок. Окопчики глубокие и узкие, и тени тотчас же заливают их черной тушью. Черные стрелки ведут от телескопа к подвалу золотого запаса — к их жилищу и будущей гробнице.

Роберт копает вместе с ней. По радио слышно его тяжелое дыхание. Роберт отдувается, потом спрашивает: «Тетя Надя, расскажи мне, как ты любила». Бедняга, ему предстоит умереть, не испытав любви, он знает это, потому и допытывается:

— Что такое настоящая любовь, тетя Надя?

— Это нельзя рассказать словами, — говорит Надежда. — Слов таких нет.

Сил у нее совсем мало. Накопавшись до изнеможения, она возвращается в кабину одна. В душном помещении Ренис встречает ее попреками.

— Это несправедливо, — жалуется он. — Вы слишком глубоко дышите, копая. Вы дышите чаще меня. Давайте разделим кислород поровну. Я согласен делить поровну, хотя у меня объем легких больше.

Тридцать шесть дней жизни осталось!

Нечаева смотрит на него скорее с жалостью, чем с осуждением. Как он постарел, опустился! Седая щетина на щеках, слезящиеся веки, бегающие глазки. Куда девался красивый мужчина, который говорил ей нежные слова, «сгорая от страсти». Перепуганный Ренис умоляет ее:

— Не дышите так глубоко, прошу вас.

— Эрнест, — говорит она. — Когда-то вы были человеком. Будьте человеком в последний раз. Я уже все обдумала, другого выхода нет. Одному воздуха хватит втрое дольше, чем троим.

— Жребий? — переспрашивает Ренис. Глаза его загораются. Он так верит в провидение.

— Воздух надо отдать Роберту. Ведь он не жил совсем!

— Нет, — кричит Ренис, — не уговаривайте. Я не хочу быть благородным трупом. Мне плевать на вас и на племянника. Я буду жить, я жить хочу!

Воздуха не хватает для крика. Ренис переводит дух и грозит пальцем, понимающе подмигивая:

— Вы хотите завладеть золотом, многоуважаемая. Не получится.

Как быть? Спорить с Ренисом бесполезно и противно Пожертвовать собой? Не хочется продлевать жизнь и этому полубезумцу. Разделить воздух, а потом отдать свою долю Роберту? Как это сделать?

Ночью она просыпается, заслышав шаги. Ренис стоит возле нее, тяжко вздыхает, затем тормошит:

— Надя, не спите, у меня гадкие мысли. Мне хочется убить вас, чтобы надышаться.

И Нечаева отвечает недовольным голосом:

— Идите спать, Эрнест, не мешайте мне. Все равно вы не убьете, решимости не хватит. Роберта побоитесь, он вам не простит.

Остается тридцать пять дней жизни.

Потом тридцать четыре дня...

Тридцать три...

Что же ты медлишь, родная Земля? Неужели ты не слышала наш призыв?

Они экономят кислород, в кабине нестерпимо душно. Надежда просыпается с головной болью, морщится, трет виски. Когда голова болит, трудно рассуждать. Но, кажется, пора. Нельзя откладывать больше. Сегодня она разделит кислород, и свою долю отдаст Робу. Месяц жизни. Не слишком щедрый подарок.

Зачем она выходит из кабины? Кажется, для того, чтобы обдумать все как следует. Она стоит в воронке у выхода, жадно смотрит на черно-желтые скалы астероида. Даже с ними жалко расставаться, столько прожито здесь, столько пережито. Жить, очень хочется жить! Потом она переводит взгляд на небо, ищет яркую голубоватую звезду. Где ты, Земля? Прощай, родная!

И тут на звезды наплывает остроносая тень. Удлиненный черный силуэт прорезает созвездие Льва, вспыхивает алое зарево, освещает звезду на вороненом корпусе корабля.

— Наши! — кричит Нечаева. — Наши!!!

В скафандре слышны голоса.

— Она с ума сошла! — хрипит Ренис. Роберт просит:

— Дядя, дай скафандр, я посмотрю, что с ней.

А Надежда ничего не может объяснить им, она забыла все человеческие слова, только повторяет, рыдая:

— Наши! Наши! Наши!

Кричит и машет руками, словно ее могут увидеть. Впрочем, может быть, видят. Слышат во всяком случае и настраиваются на их волну. В ушах грохочет чужой, необычно явственный голос:

— Привет, товарищи! Ваши испытания кончились. Кто вы такие? Не команда ли «Джордано Бруно»?

— Наши, наши! — шепчет Надежда и глотает сладкие слезы.

Ренис — он уже оказался рядом — отвечает за нее:

— Да, мы из команды «Джордано Бруно». Нас трое осталось в живых: Ренис Эрнест, Нечаева Надежда, Ренис Роберт.

— Поздравляем вас, товарищ Ренис, — говорит другой голос, уже не по-русски, на родном языке дяди и племянника.

— О, тут мои соотечественники! — радуется Ренис. — Опять смешанная экспедиция.

— Тут все наши соотечественники,— отвечают ему. — Наша родина уже три года назад вошла в Союз Коммунистических Стран. Уже три года у коммунистов большинство в парламенте. Мы тоже ввели бесплатный транспорт и бесплатное питание. Скоро отменим деньги...

Надежда улыбается сквозь слезы. Едва ли это приятное известие для Рениса. Впрочем, не хочется даже думать о нем. Пришли свои, родные, правильные люди, понимающие, что лучшая мечта — это коммунизм, а золото — только металл, тяжеловесный, желтого цвета, электропроводный и химически инертный, не окисляющийся на воздухе.

С каким-то непостижимым спокойствием следила она, как маневрирует планетолет, приноравливаясь к скорости астероида, как открывается черный люк и оттуда выбрасываются люди в скафандрах... как они плывут над котловиной, гася скорость ракетными пистолетами. Следила без нетерпения, радость ее была безмерна, нечего было прибавить к ней.

Потом что-то звонкое упало на шлем. Она оглянулась и увидела смешную картину. Ренис рвал золотые ленты-

проводники и бросал их в небо, видимо, хотел выкинуть в пространство. Пусть пропадает золото, если оно не нужно на Земле! Но сил у него не хватало. Обрывки лент, покружившись, плавно возвращались на астероид. Ренис ловил их, отталкивал, размахиваясь, бросал снова. Все пространство над котловиной наполнилось золотым серпантином...

19

В Средней Европе есть старинный городок с остроконечными готическими башнями, островерхими черепичными крышами, каменными мостами, руинами и водопадами в парке. Жить в старых домах не слишком удобно, но городок сохраняется только для туристов, для любителей старины. И каждому приезжему среди прочих достопримечательностей показывают рослого старика, который ровно в полдень ежедневно гуляет по главной улице, постукивая резной тростью.

— Знаменитый космонавт, золотая ракета в петлице, — шепчут гиды почтительно. — Здешний уроженец, потерял здоровье на Юпитере. Сейчас на отдыхе, пенсионер.

Старик величественно кивает незнакомым туристам, его глаза скользят поверх голов, по домам, по зеркальным окнам витрин. Если бы был прибор, читающий чужие мысли, то туристы услышали бы странные рассуждения.

«Всю эту витрину я купил бы за один золотой лист,— думает старик. — За десять листов купил бы тот живописный холм, на нем поставил бы виллу. За двадцать листов купил бы этот нелепый мост с каменными балясинами, снес бы его, другой построил. И купил бы весь городок и не пускал бы сюда развязных ухмыляющихся парней. А ту хорошенькую девушку я купил бы за лимузин — всего один золотой лист».

Он шагает, прямой, суровый, неприступный, горько улыбаясь.

Не продается! Ничего не продается за золото! Обмануло его провидение.

Старик совсем одинок, племянник никогда не навещает его... Он даже переменил фамилию. Да, вы догада-

лись, он — Роберт Нечаев, один из прославленных братьев Нечаевых, исследователей Плутона. Недаром астронавты величают Плутон «Нечаевским огородом», так много интересного нашли там Вадим и Роберт.

Возвращаясь на Землю, оба Нечаева первым долгом спешат в Саратовскую область. Там на Волге, повыше Вольска, есть интернат, обыкновенный интернат номер 44. А в интернате названые братья ищут строгую женщину в белом халате — детского врача, распорядительницу уколов, прививок и таблеток, хозяйку солнечных и воздушных ванн.

У нее тоже есть золотая ракета, — однако докторша не носит ее в петлице, предпочитает хранить в шкатулке. Но разве скроешь что-нибудь от ребят? Все видят, что к доктору приезжают сыновья-космонавты, все знают, что Надежда Петровна сама провела в космосе десять лет.

И всякий раз перед праздником во врачебный кабинет является делегация старшеклассников:

— Тетя Надя, у нас торжественный вечер, мы просим вас выступить. Расскажите что-нибудь про планеты.

Но Надежда Петровна отказывается наотрез:

— Не буду в праздник вспоминать такое мрачное. Космос, дети, труден, опасен, иногда жесток к людям. Лучше живите на доброй милой Земле.

Однако юных энтузиастов не испугаешь опасностями.

— Тетя Надя, ваши сыновья летают же...

— Летают, потому что надо. Если надо, значит надо.

«Надо», как прежде, ее любимое слово. Надежда Петровна произносит его со вкусом. Звучит оно так же твердо и убедительно, как на астероиде. И старая докторша не знает, что многие ребята зовут ее за глаза «тетей Надой». Даже вожатые командуют:

— Выходи строиться, ребята! Тетя Нада велела идти на укол.

— Ой, не могу, у меня под лопаткой болит!

— Тетя Нада велела. Если надо, значит надо.

20

Все эти подробности я прочел только в рассказе. В газетах ничего такого не было. Возможно, Надежда Петровна щадила Рениса, не жаловалась на его поведение.

А в десятитомной «Истории покорения космоса» краткое изложение событий заканчивалось так:

«Четырехлетнее пребывание людей на астероиде сыграло большую роль в деле изучения пояса малых планет. На осколки Фаэтона были направлены многочисленные экспедиции, собравшие ценные памятники материальной культуры. Благодаря этому в настоящее время мы знаем о Фаэтоне не меньше, чем о Древнем Египте и Ассиро-Вавилонии. К сожалению, так и не удалось выяснить, от какой причины погибла эта планета.

Вместе с тем крушение планетолета «Джордано Бруно» выявило недостатки в организации межпланетной службы. Международная комиссия, расследовавшая обстоятельства катастрофы, вынесла рекомендации:

Усилить исследовательскую работу в области дальних радиопередач, дабы обеспечить надежную радиосвязь, хотя бы в пределах орбиты Сатурна.

Составить подробные карты пояса астероидов, для чего форсировать расширение радиообсерватории на Марсе. Отметить, что именно эта обсерватория приняла первые сигналы SOS с астероида Надежда.

Ускорить работу по созданию надежных катализаторов, способных на любом небесном теле извлекать кислород и питательные вещества из горных пород.

Категорически запретить полеты одиночных ракет в областях пространства, не обеспеченных надежной радиосвязью. В дальние рейсы направлять только эскадрильи ракет, способных оказать взаимную помощь».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

И вот пять веков спустя на астероид Надежда высадился наш летучий отряд.

Отряд мусорщиков вселенной.

Мусорщиками называют нас грубовато и дружелюбно. Да, мы подметаем пространство и гордимся нашей «грязной» работой. Ведь и Маяковский, поэт революции, живший в том же веке, что и Надежда Нечаева, с гордостью называл себя ассенизатором. Мы — ассенизаторы космоса.

Космос консервативен, космос инертен, даже неподвижен по масштабам человеческой жизни. Перемены

редки здесь... и новые события не стирают память о предыдущих. В десятом веке взорвалась звезда в созвездии Тельца, сейчас — в двадцать пятом — мы разглядываем дым от взрыва. Сто миллионов лет назад в нашей Солнечной системе развалилась неустойчивая планета, рассыпалась и запылила пространство, загромоздила все обломками, летучими рифами, космической шрапнелью, метеоритами, метеорами, кометами... Прошло сто миллионов лет. Обломки остались в Солнечной системе.

Пять веков космической эры люди мирятся с метеорным обстрелом. Можно было мириться, пока в космосе мы были гостями, пока для каждого рейса штурман мог выбрать сравнительно безопасную трассу. Можно было мириться, пока все люди жили на планете-колыбели, а в опасное пространство выходили только исследователи-одиночки. Но мы уже не живем в колыбели. Сорок четыре населенных планеты ходят вокруг Солнца: Венера, Марс, Меркурий, Ганимед, Каллисто, Титан, Тритон — из старых. И сколько еще искусственных — Поэзия, Драма, Музыка, Биология, История, Философия, Химия... Корабли идут ежечасно, бороздят пространство во всех направлениях. Уже нельзя терпеть зоны рифов на межпланетных путях, нельзя мириться с тем, что катастрофа давностью в сто миллионов лет по сей день снабжает черными рамками заметки в отделе «Космические происшествия».

Пришло время обезопасить пространство... И были созданы отряды космических мусорщиков.

С чего мы начали? Конечно, с основы — с гнезда, где рождаются метеорные потоки, откуда вылетают снаряды, — с пояса астероидов. Тут надо было разобраться — что следует сжечь, а что может пригодиться.

И вот мы начали разбираться в космической мусорной куче.

Начали извлекать сначала осколки покрупнее. Всякие мусорщики поступают так.

Среди летающих гор были горы из чистого железа с никелем, первосортного, неокисленного железа, которое на Земле прячется на глубине трех тысяч километров. Бесполезный клад. Насколько же удобнее, нужнее, полезнее железная гора на поверхности! Металлурги Земли сделали заявку на двадцать две горы, выбрав для них места в Тихом и Атлантическом океане...

Спутниками планет должны были стать астероиды покрупнее. У Меркурия и Венеры нет лун, у искусственных планет луны в дефиците. А межпланетный вокзал нужен каждой, луны для радиосвязи, для наблюдений, для освещения нужны каждой. И каждой нужна луна-лаборатория для небезопасных исследований. Даже старушка Земля затребовала четыре луны. Ведь на первой луне сейчас санатории, атмосфера, сады. Там нет места для внутриэлектронных опытов.

Церера, Паллада, Юнона, Пальма, Ниоба и прочие наиболее крупные астероиды так и остались малыми планетами, но на новых орбитах — в пустых и холодных пространствах за Юпитером и Сатурном, они сделались планетами-маяками, заправочными пунктами, форпостами человека вдали от Солнца. А Веста, Икар и Немезида стали форпостами поблизости от Солнца, ближе Меркурия, на самом краю короны.

В дальний путь проводили мы Атлантиду, провожаем сейчас Сирену и Олимпию. Миллиард тонн вещества, способного превратиться в энергию, только с таким запасом можно приблизиться к скорости света. Укоротить секунды в десять и сто раз, пролететь сто и тысячу световых лет в течение одной человеческой жизни. Межзвездными кораблями стали эти астероиды, их камни — броней и топливом. В толще их высверлены города. Мы проводили наших товарищей в будущее. Тысячу лет спустя, когда они вернутся, они сами расскажут о дальних звездах.

И особая судьба была предназначена астероиду Надежда. За форму его выбрали, сравнительно округлую, за размер — достаточный, а может быть, и за имя. Потому что это хорошо звучит: сияние Надежды, солнце Надежды.

Искусственным солнцем Плутона должна была стать Надежда.

Масса пятнадцатого порядка — около трех квадриллионов тонн, в каждом грамме — двадцать пять миллионов киловатт-часов эйнштейновской энергии. Земля получает от Солнца два килограмма энергии в секунду, надо еще учесть потери. Надежда сумеет светить Плутону миллионы лет.

Наш летучий отряд и должен был обследовать Надежду, уточнить размеры, наметить точки для бурения,

заложить атомный котел... а затем и сопровождать Надежду к Плутону.

И вдруг надпись: «Здесь погиб экипаж космического корабля „Джордано Бруно"»...

Думали вы, погибшие на «Джордано», догадывались вы, робинзоны астероида, что вы открыли новое солнце для людей?

Думала ли Надежда Нечаева?..

Мы — люди двадцать пятого века — живем долго — столетия, мы мыслим в темпе нашей жизни, успеваем увидеть плоды наших трудов. Мы сроднились с будущим, думаем о нем, видим зримо, сначала в мечтах, потом в действительности.

А с нашими предками было иначе. Человек жил лет семьдесят и видел меньше событий, чем мы за семь. Завтрашнее столетие казалось чужим, выпадало из мыслей. Люди клали фундамент и не всегда думали о крыше.

А хотелось бы показать им готовый дворец. Хотелось бы пригласить такую Нечаеву, сказать ей: «Глядите, Надежда Петровна, вот что выросло из ваших трудов. Вот астероид, где вы страдали и надеялись. А вот солнце — Надежда — сияет над ледяной планетой, свет проник в сумрачные ущелья, заговорили ручейки, реки выбирают русло... и вот уже дети загорают на пляжах, и матери той планеты рассказывают им легенду о сказочной женщине, которая жила на солнце, когда оно еще не сверкало.

«Если надо, значит надо», — любили вы повторять.

Надо было, Надежда Петровна!

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие *Е. Брандиса и В. Дмитревского* 5

В. НЕВИНСКИЙ. Под одним солнцем. *Научно-фантастический роман* 19

ИЛЬЯ ВАРШАВСКИЙ. Тревожных симптомов нет. *Рассказ* . 228

ГЕННАДИЙ ГОР. Электронный Мельмот. *Фантастическая повесть* 243

А. ШАЛИМОВ. Все началось с „Евы"... *Фантазия кибернетической эпохи* 297

О. ЛАРИОНОВА. Киска. *Рассказ* 316

СТАНИСЛАВ ЛЕМ. Непобедимый. *Фантастическая повесть* Авторизованный перевод с польского Дм. Брускина . . . 320

ВАЛЕНТИНА ЖУРАВЛЕВА. Леонардо. *Рассказ* 478

РОМАН КИМ. Кто украл Пуннакана? *Повесть-памфлет* . . . 491

А. СТРУГАЦКИЙ, Б. СТРУГАЦКИЙ. Путь на Амальтею. *Повесть* 580

Г. ГУРЕВИЧ. Пленники астероида. *Рассказ* 654

„В мире фантастики и приключений"
Составитель В. И. Дмитревский

Редактор Н. А. Чечулина
Художник-редактор О. И. Маслаков
Технический редактор И. М. Тихонова
Корректор И. Е. Блиндер

Сдано в набор 25/VIII 1964 г. Подписано к печати 12/XII 1964 г.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 22,25. Усл. печ. л. 36,5.
Уч.-изд. л. 38,88. Тираж 300 000 экз. (1—100 000) М-31 431. Заказ № 1237

Лениздат, Ленинград, Фонтанка, 59
Типография им. Володарского Лениздата, Фонтанка, 57
Цена 1 р. 70 к.

1 р. 70 к.

ЛЕНИЗДАТ